

Московский Данилов монастырь

Г. Девепащ.

Святитель Феофан Затворник

ПРАВОСЛАВИЕ И НАУКА

Руководственная книга
изречений и поучений

Составитель
игумен Феофан (Крюков)

Даниловский благовестник
Москва
2005

ББК 86-372

Ф 42

*По благословению
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси Алексия II*

Ф 42 **Святитель Феофан Затворник**

ПРАВОСЛАВИЕ И НАУКА. Руководственная книга
изречений и поучений / Сост. игумен Феофан (Крюков). —
М.: Даниловский благовестник, 2005. — 680 с.: ил.

Это книга (из серии трудов святителя Феофана Затворника) составлена в систематизированной форме и для облегчения чтения и восприятия снабжена подробными рубриками, многими примечаниями и комментариями, в основном современных ученых, философов и духовных писателей. Книга адресована широкому кругу православных читателей, а также сочувствующим Православию работникам науки и культуры, но может быть использована в качестве учебного пособия для духовных школ и научно-религиозных семинаров.

На обложке: икона «Уверение Фомы».

На форзаце: *Рафаэль. Афинская школа.*

Питер Брейгель. Хозяйство алхимика.

ISBN 5-89101-163-8

© Даниловский благовестник, 2005

Содержание

Предисловие от автора	9
Предисловие от составителя	11
Глава первая	
ИСТИНА И СОМНЕНИЕ	13
1. Истина одна — Богооткровенная	14
2. Сомнения в истинах веры	26
3. Недоумения о мытарствах, Страшном Суде и вечных муках	40
4. Разъяснение отдельных истин	52
5. Как бороться с сомнениями и хульными помыслами	64
Глава вторая	
ВЕРА И ЗНАНИЕ	77
1. Что есть вера истинная	78
2. Первая ступень веры — познание ее.....	84
3. Вторая ступень веры — восприятие ее сердцем	92
4. Третья ступень веры — введение ее в жизнь	97
5. Поновление знания — слава науки, поновление в вере — нечестие	108
6. Как соотносятся вера и разум?	118
Глава третья	
НЕВЕРИЕ И ЛЖЕУЧЕНИЯ	133
1. Разум всегда ученик: либо Божий, либо сатанин	134
2. Классификация основных уклонений от истинной веры	143

3. Четыре степени ниспадения в неверие и идолопоклонство	153
4. Неверие и ложная ученость	160
5. Нравственное состояние неверующих	173
6. Как православным относиться к другим вероисповеданиям	180

Глава четвертая

ХРИСТИАНСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ	207
1. Рассудок и его роль в научном познании	208
2. Разум и его роль в научном и духовном познании	222
3. Отличие духовного познания от рассудочного	235
4. Богопознание в естественном состоянии	252
5. Богопознание в состоянии под благодатью	260
6. Богопознание в состоянии под грехом	272

Глава пятая

ПРАВОСЛАВНАЯ МЕТАФИЗИКА	279
1. Что есть православная метафизика	280
2. Несостоятельность ультраматериализма	291
3. Проблема соединения души и тела	306
4. Проблема формы души и Ангелов	313
5. Три характеристические черты духовного света	318
6. Проблема развития мира	321
7. Тайна творения и промысления	338

Глава шестая

ХРИСТИАНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ	345
1. Творение, грехопадение и восстановление человека	346
2. Состав естества человеческого: тело, душа и дух	354
3. Господство духовности — норма	374

4. Образ и подобие Божие 387
5. «Поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши» 391

Глава седьмая

- ХРИСТИАНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ** 403
1. Христианская психология возможна 404
 2. Общий обзор частей и сил человеческого существа 408
 3. Состояние низших познавательных способностей 415
 4. Состояние деятельных сил 424
 5. Состояние сил чувствующих, или сердца 432
 6. Изменение сил человеческих по слову Божию 439
 7. Учение о лице человека по естеству и по слову Божию 448

Глава восьмая

- ХРИСТИАНСКАЯ ПЕДАГОГИКА** 485
1. Цель и программа христианского воспитания 486
 2. Младенчество 494
 3. Детство 502
 4. Отрочество 518
 5. Юношество 528
 6. Плоды воспитания 542

Глава девятая

- ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ АНАЛОГИИ
ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ** 551
1. Физико-математические аналогии 552
 2. Физико-химические аналогии 563
 3. Гидродинамические аналогии 573
 4. Оптические аналогии 574
 5. Электрические аналогии 579
 6. Биологические аналогии 583
 7. Психологические аналогии 593
 8. Сумрак пограничной области 598

Глава десятая

ПРАВОСЛАВНОЕ ОТНОШЕНИЕ К НАУКЕ	617
1. Наука и вера совместимы	618
2. Отношение Православия к мирской мудрости	623
3. Кто наш и кто не наш	634
4. Делай веру господственной, а науку подчиненной	636
Библиография	651
Именной указатель	653
Практический указатель	659

Предисловие от автора

Ваши ученые занятия, говорите, и отвлекают от молитвы, и охлаждают ее. — Это в порядке вещей. Все душевные занятия такого рода: и предприятия деловые всех родов, и научная кропотня, и художественные работы — все такого же свойства... Не исключается из сего даже и богословская наука, хотя тут предмет, холодея образом трактования предмета, самим предметом может иной раз и невзначай падать на сердце (2. С. 135—136, 130).¹ Но и книги с человеческими мудростями могут питать дух. Это те, которые в природе и в истории указывают нам следы премудрости, благодати, правды и многопопечительного о нас промышления Божия. Бог открывает Себя в природе и истории так же, как и в слове Своем. И они суть книги Божии для тех, кто умеет в них читать... Ныне более выходит книг по предметам естествознания. Но почти все они с дурным направлением, — именно, покушаются объяснить происхождение мира без Бога и все нравственно-религиозные и другие проявления духовной в нас жизни — без духа и души. И в руки их не берите. Есть книги по предметам естествознания без таких мудрований. Те можно читать. Хорошо уяснить себе строение растений, животных, особенно человека, и законы жизни, в них проявляющейся. Великая во всем этом премудрость Божия! Неисследимая! (11. С. 251—252)

У нас самое опасное заблуждение то, что преподают науки без всякого внимания к истинной вере, позволяя себе вольность и даже ложь, в том предположении, что вера и наука — две области, решительно разъединенные. Дух у нас один. Он же принимает и науки и напитьсявается их началами, как принимает веру и проникается ею. Как же можно, чтобы они не приходили в благоприятное или неблагоприятное соприкосновение здесь? Притом же и область истины одна. Зачем и набивать в

¹ Номер источника и страницы (см. Библиографию на с. 651).

голову то, что не из этой области, или с чем нельзя показаться во дворе ее светлом. (10. С. 45)

Я пришел к мысли, что было бы очень полезно составить сборник из разбросанных изречений и сказаний, куда бы все вошло [о вере и науке]. Сборник сей должен быть руководственною книгою. Почему надо расположить изречение и сказание по ходу жизни (7. С. 23). Хорошо бы в этих обозрениях указывать рубриками особые предметы, о коих речь. Это придает великую светлость писанию (7. С. 145). Изречения все преназидательны; но когда они расставлены, то представляются грудюю песку. Сплотить их или сочетать, как цементом, планом каким, хорошо будет. Все станет на свое место (7. С. 98). Мудрость в них невелика. Но сведено под один обзор и поставлено на своем месте, что не худо действует на душу. Я сначала думал, что по пустякам болтал, а теперь надумалось, что не по пустякам. Кому-либо пригодится. (7. С. 148)

Есть люди, которые просиживают дни и ночи над изучением какой-нибудь науки: математики, физики, астрономии, истории и тому подобного, думая, что питают душу истинною, а душа их чахнет и томится, — отчего? Оттого, что нет истины там, где хотят найти ее. Не потому я так говорю, чтобы наука не могла вмещать истины, но потому, что ныне она оттуда изгнана и заменена то мечтаниями, то предположениями, нередко даже противными истине (19. С. 403). Теории — личное дело учащихся; факты — общее достояние. Истинною настоящею теориею может быть только та, которая согласна с христианскими истинами. (6. С. 47)

Сопровождаем наш сборник искренним желанием, чтобы любители духовного чтения находили в нем то, что желал вложить в него для них составитель. (7. С. 97—99)

*Ваш богомолец
Епископ Феофан.
22 ноября 1876 г.*

Предисловие от составителя

Составитель желал вложить в сборник все доступные ему изречения о науке святителя Феофана с учетом его совета «сплотить их или сочетать, как цементом, планом», «указав при этом рубриками [и схемами] особые предметы, о которых идет речь». Затем, наиболее важные или часто цитируемые его изречения мы, по предложению редакции «Даниловского благовестника», пожелали сопроводить комментариями и примечаниями, но без высоконаучного аппарата, ограничиваясь только выдержками из трудов современных нам богословов и ученых, дополненных в самых необходимых случаях собственными замечаниями. Наконец, учитывая небольшой опыт иллюстрирования трудов Святителя произведениями западноевропейских художников в книге «Страсти и борьба с ними»*, мы пожелали и в новой книге дать читателю иногда небольшую передышку при чтении очень насыщенного содержанием текста. Сами по себе тексты Святителя, написанные ясным, точным и образным языком, не нуждаются в пояснительных иллюстрациях. Но, следуя совету самого Святителя — свободно вводить религиозный элемент в науку, — мы распространили этот совет и на искусство, снабдив иллюстрации подписями из трудов Святителя, не забывая при этом, что это искусство, как и наука, пришло к нам из западного христианства, давно уклонившегося от православных начал.

Эта книга обращена прежде всего к верным чадам Святой Православной Церкви, в особенности ищущим святоотеческих основ взаимодействия с наукой, но может быть очень полезной всем, ищущим Христа, но еще недостаточно уяснившим себе основы Православия. Для первых она послужит подлинным руководством к православному отношению к мирской мудрости,

* *Святитель Феофан Затворник. Страсти и борьба с ними.* Составитель игумен Феофан (Крюков). М., 2003.

для вторых — путеводной нитью в лабиринтах ума к Православному Храму.

Составитель выражает благодарность всем, способствовавшим и помогавшим ему в работе над этой книгой, и прежде всего наместнику Данилова монастыря архимандриту Алексию (Поликарпову), эконому монастыря иеромонаху Иннокентию (Ольховому), консультанту, доктору богословия профессору А.И. Сидорову, рецензенту, доктору философских наук профессору В.Н. Катасонову, священнику Андрею Лоргусу, моим друзьям Я.Б. Казановичу, Ирине Казанович, И.Б. Рогачевой, Ирине Скубенко, советы которых были учтены при составлении книги, а также всем участникам семинара «Православие и психология» при Даниловом монастыре, из вопросов которых в значительной мере возник замысел этой книги.

*Игумен Феофан (Крюков)
Данилов ставропигиальный
мужской монастырь
г. Москва
17 декабря 2004 г.*

Глава первая

ИСТИНА
И
СОМНЕНИЕ

1. Истина одна — Богооткровенная

Вечные вопросы и их решение

Что значит просветить ум? Значит напечатлеть в нем здравые понятия о всем сущем и бывающем, именно, понятия о том, что есть Бог, какие Его свойства, в какое отношение благоволил Он поставить Себя к миру и к нам? Что такое мир сей, откуда он, чем держится и куда ведется? Что мы сами, зачем мы здесь — на сей земле, что значит это полусветлое и полумрачное наше состояние, что ожидает нас в будущем и проч.? Совокупность таких понятий и составляет мудрость, которой всегда так деятельно искал и ищет человек. И кто знает все сие истинно, не несправедливо именуется просвещенным, как видящий все в ясном свете. Надобно заметить, что сии понятия суть ответы на беспокоящие наш ум вопросы. Нет человека, которого бы не тревожили сии вопросы, и нет такого, который бы не решал их тем или другим образом. Но настоящее их решение — самое успокоительное и самое верное — содержится в Откровении Иисус Христе и преподается Святой Церковью. Здесь Бог есть Дух всесовершенный, единый по существу и троичный в Лицах, Творец мира и Промыслитель всяческих; мир — творение Божие, единым словом Всемогущего возванное к бытию и глаголом силы Его содержимое, во всем скрепленное законами неизменными, по благоволению воли Божией во всякое мгновение готовыми покориться и покоряющимися; человек — разумная тварь, полная совершенств в начале, потом падшая и расстроившаяся, ныне восстанавливаемая Господом Иисусом Христом во Святой Церкви благодатью Духа и, наконец, имеющая явиться в новой славе — в будущий век, за веру и труд добродетеля, и проч.

Какие светлые, возвышенные и плодотворные понятия! После сего напрасно ум берется решать их еще и сам собою. Опыты его решений, до Пришествия Христа Спасителя, и теперь на Западе, в тех, кои свергли благое иго покорности слову неложного Бога, осязательно убеждают, как слаб он в сем отношении

и как ему сроднее здесь, как и во многом другом, оставаться навсегда учеником и не дерзать восходить на учительскую кафедру. (14. С. 202—203)

***Богооткровенные истины —
исходное начало всякого познания***

Исходное начало всему добру, или благоплодному устроению путей наших, есть упорядочение нашего ума, или утверждение его в верных и здоровых началах. Разумею под сим истинные понятия о Верховном Существе и Его отношении к нам и ко всему тварному, о нас самих и всем окружающем, о мире с его началом, продолжением и концом, о нашем настоящем и ожидающем нас будущем. Совокупность здоровых о всем этом понятий, как свет, будет освещать все пути наши, — и ходяй в нем не поткнется.

Спрашивается теперь, где взять эти понятия? Не ждите их от ума. И собственный каждого опыт, и опыты окружающих нас, а паче история ума, не позволяют нам верить ему. Если возможны для нас верные о всем понятия, то это только тогда, когда будем научены Богом. Бог источник бытия; в Нем же и источник всякого ведения. И не утаил Он от нас сей сокровенной премудрости Своей. Дух Божий вводил умы Апостолов и Пророков в сокровищницу премудрости Божией; они черпали оттуда и возвестили нам — возвестили премудрость, которой никто из князей века сего — гениев — не ведал и ведать не мог².

Что теперь остается нам? Остается взять все возвещенные от лица Божия истины и напечатлеть их в уме. Есть у нас естественные начала познания и познавания, составляющие природу

²«Истина, — а это понятие прежде всего нравственного порядка, — открывающаяся человеку до всякой науки и, зачастую, не внушаемая и многими годами научной работы, — в кротости. Мы знаем по опыту, что эта простая истина вполне ясна и “в руках” для мальчика-подростка и для мужика и совершенно закрыта для студента и “интеллигента”». Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. Рыбинск, 1997. С. 77.

ума. Как только ум начинает действовать, он непременно действует по сим началам. Теперь нам надо и Богооткровенные истины так глубоко провести в ум, чтобы они сорастворились с ним и вместе с естественными его началами стали составлять природу его, так — чтобы, по какому бы случаю ни стал действовать ум наш, — он действовал бы не по естественным только, но и по Богооткровенным началам. (14. С. 80—81)

Свет истины

Я свет в мир пришел, говорит Господь. Свет сей есть свет истины, принесенный Им на землю, — свет ведения Божественного. Померк ум наш и стал тьма. Приходит Господь и просвещает его. Когда вместо истины входит в ум ложь, он омрачается, а когда истина вновь возвращается в него, он просветляется и входит в славу свою. Слава ума — ведение истины. Чем более усвоит он истину, тем более восходит от славы в славу. Хотите ли потому возвесть ум свой в славу преображения? Исполните его истинною, которую принес Господь на землю. Вы знаете, в чем состоит сия истина. Ее объясняет нам Символ веры и истолковывает катехизис. Она исповедует, что:

<i>Бог-Троица</i>	Бог есть — и есть троичен в Лицах; Отец, Сын и Святой Дух — Троица единосущная и нераздельная;
<i>Творение и промышление</i>	Бог сотворил мир словом Своим, промышляет о нем и о каждой твари в нем, а паче — о человеке;
<i>Другой мир</i>	Кроме сего видимого мира, есть другой, невидимый мир духов безтелесных, из коих часть пала и богоборствует в ожесточении;
<i>Грехопадение</i>	Мы сотворены для блаженства, но преступив заповедь, по внушению духа злобы, пали в прародителях и бедствуем по праведному суду Божию;

- Домостроитель-ство спасения** Бог явил к нам безпредельное милосердие, благоволив Богу Сыну снизойти на землю, воплотиться и пострадать за нас;
- Оправдание** Сей Господь, крестною смертью оправдав нас, открыл к нам вход обильным дарам Святого Духа;
- Церковь** Сей Дух, по Вознесении Господа на небо и излиясь на святых Апостолов, а чрез них и на все человечество, учредил на земле Святую Церковь — нашу врачевательницу, просветительницу и освячительницу;
- Рай и ад** Кто, сочетавшись с Церковью, как член с телом, ходит в духе ее, тот только ходит в истине и готовит себе блаженную вечность;
- Смерть и суд** Смерть разлучает душу с телом, которые по воскресении снова соединяются и будут вместе или блаженствовать, или страдать вечно, судя по тому, как действовал кто на земле.

Вот истины! Кто усвоит себе их одну за другую, тот прогоняет ложь за ложью, тьму за тьмою и — все более и более вступает в область света. А чей ум исполнится всей истины и так сочетается с нею и проникнется ею, что не только не допускает никакого помышления противного, а напротив, всякое помышление свое и всю умовую работу подчиняет ей и ею проверяет, тот прогоняет из себя всю тьму и становится всецело светлым и светоносным. У того ум есть *ум Христов*, по Апостолу (см.: 1 Кор. 2, 16). Он преобразуется из человеческого в Божественный и — из мрачности облакаясь в свет, и в себе светит, и всех вокруг просвещает. Это единственный способ обновления духом ума нашего (см.: Еф. 4, 23). Сим убо обновлением ума преобразуйтесь (см.: Рим. 12, 2), ведая, что всякие другие учения суть, по Апостолу, беседы злых суесловцев, растленных

умом, прельщенных и прельщающих (см.: 1 Тим. 6, 5; 2 Тим. 3, 8; Тит. 1, 10). (14. С. 207–209)

Сокращенное содержание Божественного Откровения

Все строение духовного, невидимого, мысленного, но тем не менее действительного мира кратко может быть выражено так: Бог единый, в Троице поклоняемый, вся сотворивший и вся содержащий, восставляет, или, по Апостолу, возглавляет (см.: Еф. 1, 10) всяческая в Господе нашем Иисусе Христе, чрез Духа Святого, во Святой Церкви действующего, Который, по усовершеннии верующих, переводит их в другой мир, что и будет продолжаться до времени исполнения всех, или кончины века, когда, по воскресении и суде, воздастся комуждо по делом: одни ниспадут в ад, другие вселятся в рай, и *Бог будет всяческая во всех* (см.: 1 Кор. 15, 28).

Это — всеобъемлющая рама всего истинно-сущего, бывающего и имеющего быть. Здесь сокращенно все содержание Божественного Откровения. Все возможное и действительное входит сюда и есть здесь. Это также содержание Символа веры. Главнейшие предметы здесь: вседержительство Божие, Домостроительство спасения и четыре *последних* — смерть, суд, рай и ад. Эти именно предметы святитель Христов Тихон [Задонский] заповедует всем христианам непрестанно помнить, от младенчества до гроба. (10. С. 211)

Мы обладаем истиной, человеческие учения — ищут ее

Человеческие учения все стремятся к новому, растут, развиваются, — и естественно; ибо они не имеют истины, а только ищут ее. И пусть ищут, если только найдут что прочное. Для нас и истины, и пути к истине определены однажды навсегда. Мы обладаем истиною, и весь труд у нас обращается на усвоение, а не на открытие ее. Там стало законом: вперед, вперед! А относительно нашего учения свыше изречено: *стойте... неподвижно пребывайте* (см.: 1 Кор. 11, 2; 16, 13; 2 Сол. 2, 15). Если что

остается нам, то только *утверждаться* и утверждать других. В этом отношении и нашему учению свойственно движение — расширение; но не в области истины, а в области обладаемых истиною и покорных ей. Наш долг всякому новому поколению среди нас сообщать и внушать истину Божию, народы, неведущие ее, просвещать проповедью о ней, паче же всего хранить неприкосновенную истину Божию в сердцах всех, находящихся в ограде Церкви Божией. (20. С. 5)

Языческий дух западной науки

К концу пятого и началу шестого века язычество сошло со сцены известного тогда мира. Во всем водворился *господствен-но* новый порядок. Человечество находило в нем разрешение всех недоумений, удовлетворение всех потребностей — и упокоилось в нем.

Что оставалось делать? Развиваться и расти, под влиянием Божественных восстановительных сил, или более и более внедрять их в массу, обращая свои, собственно человеческие, усилия только на то, чтобы давать им более простора, или углаживать, так сказать, путь шествию их.

На Востоке так это и было и остается так доселе, несмотря на внешние неурядица, беды и угнетения. — Под непривлекательною наружностью он верно хранит драгоценный дар Божий, которым красуется его внутренняя жизнь. От него здоровые и неповрежденные начала новой жизни приняты и нами, воздействовали благотворно и действуют доселе свойственным им образом.

Так было вначале и на Западе, но потом он уклонился от своего призвания. Дух преобладания и гордыни, — источник начала ветхой языческой жизни, — овладевший владыками Рима, мало-помалу привлек к себе — по роду своему — и другие стихии язычества, истлевавшего в прах, и оно начало снова оживать. Сначала в школах, в видах только изучения языков, знакомили юношество с остатками письменности Греции и Рима; но

Альбрехт Дюрер. Меланхолия

Вот что есть, к чему стремится и чем оканчивается самодельное тамошнее [западное] возрождение! Не говорим, чтобы там не было ничего хорошего, — ибо иначе как бы и стоял тамошний мир, — но что общий дух его именно таков. Осязательно в этом уверяет то, что всякий, коснувшийся сего образования хотя краем уст, тотчас начинает восставать на Господа и святые Его учреждения. (С. 22)

вместе с тем незаметно вливали в сердца их яд суемудрия, сво-
волия и растленной чувственности. Воспитанное таким обра-
зом поколение в лета зрелости и жизни требовало такой же и
водворяло ее. Из Италии этот яд разлился по всей Германии,
Франции, Англии. Образовалось общество *гуманистов*, которое
через письменность и школы стало водворять начала древней
языческой образованности повсюду и во всем — в науках, ис-
кусствах, жизни частной, семейной и общественной, — со всем
его растлением, гордынею и своенравием и неразлучною с ни-
ми неприязнью к христианству и Христу Спасителю. Учение и
жизнь, льстящие поврежденной природе, понравились и были
приняты. Действовавшие прежде Божественные истины и пра-
вила жизни иными оставлены совсем, другими удержаны толь-
ко во внешних формах. Более смелые подавали голос с требова-
нием нового порядка, и он начал водворяться господственно...

И вот это-то называется там пышным именем возрождения!
В существе оно есть отвержение образа восстановления, учреж-
денного Господом Иисусом Христом, с враждебным вооружени-
ем против него и покушение самодельно восстанавливать и совер-
шенствовать себя, чрез развитие растленных стихий падшей
природы человека, по образцу и духу язычества, в котором они
действовали во всей силе. Это не преувеличение и не нарекание!
От плодов его познаете его. — Смотрите, как *мятутся языки и
люди замышляют тщетное на Господа и на Христа Его* (см.:
Пс. 2, 1—2).

По усвоении новых (языческих) начал умом и сердцем пре-
жние (христианские) формы жизни показались стеснительными.
Надлежало стряхнуть сии узы. — Реформация сделала первый
шаг (преимущественно касательно внешности), по благовидно-
му, может быть, поводу, как возмездие Риму, который первый
дал толчок движению к новизнам. Раздраженная ею свобода
мышления разрушила и внутреннее ограждение, которое со-
ставлялось исповеданием. Ее дочь — вольномыслие перенесло
в тамошний мир и общество, — после нравов и обычаев, после

порядка жизни и утех, — и весь образ мыслей, действовавший в мире языческом до Пришествия Христа Спасителя. Тут повторились все заблуждения языческие — только в другой форме и других словах (явились дуалисты, пантеисты, материалисты, сенсуалисты, скептики, атеисты) и вытеснили истину Божию из области ведения человеческого. И чем кончилось это движение? Тем, что обожили разум и свободу и, под видом языческих богов и богинь, внесли в храмы идолов их для всенародного чествования. **Вот что есть, к чему стремиться и чем оканчивается самодельное тамошнее возрождение! Не говорим, чтобы там не было ничего хорошего, — ибо иначе как бы и стоял тамошний мир, — но что общий дух его именно таков. Осязательно в этом уверяет то, что всякий, коснувшийся сего образования хотя краем уст, тотчас начинает восставать на Господа и святые Его учреждения*...**

Опять повторю, что у них есть добро, но общий дух там именно есть дух охлаждения к Богоучрежденному порядку, противления ему, восстания против него... **И если мы без осмотрительности пойдем всем путем их широким, то и у нас неизбежно повторится то же самое, что было у них. Да предохранит нас Господь от зла сего! Не за тем Господь благоволил идти нам позади других, чтоб подобно им падать во рвы, ископанные их недоразумением. Бдите**, однако ж, *да не внидете в напасть*, заповедует Господь и присовокупляет: *а еже глаголю, всем глаголю: бдите* (Мф. 26, 41; Мк. 13, 37). **Явно и тайно, чрез письменность и прямое сношение переходят уже к нам учения и порядки жизни чуждой**; слышатся иногда воззвания оставить старое и водворить новое, есть, может быть, и покушения на то. Если безпечно станем поблажать таковым, то, конечно, они скоро уклонят нашу жизнь от того течения, по

* Здесь и далее выделенный полужирным шрифтом текст используется в подписях к иллюстрациям, где указывается страница настоящего издания. Подобное выделение применяется также для текста, который цитируется в примечаниях. (Прим. составителя)

Питер Брейгель Старший. Слепые (фрагмент)

Явно и тайно, чрез письменность и прямое сношение переходят уже к нам учения и порядки жизни чуждой... И если мы без осмотрительности пойдем всем путем их широким, то и у нас неизбежно повторится то же самое, что было у них. Да предохранит нас Господь от зла сего! Не за тем Господь благоволил идти нам позади других, чтоб подобно им падать во рвы, ископанные их недоразумением. (С. 22)

какому она направлялась доселе, и сдвинут с тех оснований, которые положены в начале³. (14. С. 157—165)

***Что будет, если развивать
необузданную свободу мышления***

Чего другого и ожидать, если и у нас, подобно тому как это делается в других странах, начнут деятельно развивать необузданную свободу мышления и дадут разработке и преподаванию наук направление, противоположное Откровенному учению, — когда, например, свободно начнут учить, что мир образовался сам собою, по вечным законам сочетания стихий, — что в сем образовании, продолжающемся еще, каждое тело мировое, в том числе и наша земля, проходили и проходят огромные периоды развития, в продолжение которых сами собою появляются на нем разнообразные виды существ, — как у нас: растения, животные и человек, — что нет поэтому Творца и Промыслителя, а все течет по законам и силам природы, данным не знать кем; когда для сильнейшего впечатления в умах сих новых откровений станут публично представлять все это в картинах, с нужными

³«Гуманизм не только предоставляет человеческому разуму полную свободу в области веры, но с корнем уничтожает ее, ибо по своему существу — есть неверие в бытие Высшего Божественного Существа, каковым гуманизм считает самого человека, проповедуя человекобожие, что то же — богоборчество. Гуманизм не признает для человека никаких авторитетов, кроме его собственного разума. Поэтому русское общество, увлекаясь гуманизмом, вместо Церкви и ее святоотеческого учения поставило науку в качестве высшего для себя авторитета.

Критерием истины для большинства русских интеллигентных людей была не церковность, осеняемая Духом Святым, Духом Истины, а научность с богоборным духом князя мира сего, который незримо чрез общественное мнение стал властно управлять русским народом, заставляя его преклоняться перед либеральной научностью, отрицающей и ниспровергающей авторитет Церкви. Глубокое влияние гуманизма на русское общество даже среди богословски просвещенных людей хорошо отмечено было епископом Феофаном Затворником в его письмах (Собрание писем святителя Феофана, вып. VII, письмо 1140)». *Серафим (Соболев), архиепископ*. Русская идеология. СПб., 1992. С. 25.

пояснениями и толкованиями, когда начнут учить, что не только телесные отправления, но и все разнообразные действия души суть не более как следствие химического сочетания частиц материи; что души — особой силы — нет; что вера и требования совести суть плод воспитания; бессмертие, Страшный Суд и воздаяние — мечты, и проч.; когда в истории станут представлять не действия попечительного Промысла о нас, а самораскрытие какого-то сокровенного духа, из которого возникают и в который снова возвращаются нужные деятели на попроще развития человечества? Чего ожидать, если вместе с тем попустят войти роскоши во все слои общества и водвориться такому порядку жизни и отношений, при котором не только бывать в Церкви и исполнять ее врачевательные предписания, но и подумать о ней не будет времени, который разъединит таким образом с нею чад ее и поселит в них холодность и даже отвращение к ней? <...>

Ибо допустите действовать только всем сим могущественным средствам, и они скоро заглушат в нас семена жизни, положенной Божественными восстановительными учреждениями, и привьют жизнь иную, со всем мраком неведения и заблуждений, со всем буйством своенравия и разгаром страстей. (14. С. 165—167)

Здесь — свет великий, там — тьма безотрадная

В делах веры и спасения не философия требуется, а простое, покорное приятие преподанного. Пусть все молча принимает. Умишко надо под ноги стоптать, вот как на картине Михаил Архангел топчет сатану. Михаил Архангел — это ум, покорный истине Божией, а сатана — это ум возмутительный, суемудренный, от которого все революции и в семействах, и в Церкви... Пусть не думает, что в области веры нет философии... Нет, совокупность истин веры есть самая стройная, возвышенная, утешительная и воодушевительная философия, система настоящая, какой не представляет ни одна система философии. Только до созерцания сей системы нельзя взойти вдруг. Надо принимать истину за истину чисто, как преподается, без суемудрия, и слагать их

в сердце... Когда соберутся все истины, тогда сознание, молитвою изошренное, узрит строй их и будет ими наслаждаться. Эта премудрость — от века сокровенная! Какие-нибудь бредни, например, хоть гегелевские, ведь слушают же с терпением до конца, хотя ничего не понимают в них. Пусть так поступит в отношении к истинам Божиим. Разница будет та, что здесь всякая истина понятна, а в конце воссияет в душе свет великий, которому нет подобного. А там и в продолжении, и в конце — все тьма пребезотрадная. (16. С. 131)

2. Сомнения в истинах веры

Как неверующему и сомневающемуся начать верить в Бога

Все люди ищут Бога. Следовательно, быть с Богом есть норма жизни нашей души. Это так осязательно, что и спорить против сего нельзя. Неверы напрягались то отвергать общность чувства Божества, то кривотолком объяснять его, — но неудачно. Веровать в Бога и быть с Ним в общении — се человек. И кто отступает от сего, тот не по-человечески думает и настроен⁴.

⁴ «Вера — это непосредственное знание, — это, так сказать, ощущение бытия Божия. Так как в действительности Бог существует и человек наделен Им известными Божественными свойствами, — то, по самой природе, человеку свойственно “чувять” существование Божие и направляться к Нему. Но это естественно лишь в том случае, когда наши основные способности находятся в нормальном состоянии. Почивший епископ Феофан в своей книге “Что есть духовная жизнь” очень популярно и наглядно изъясняет, в каком соподчинении основные свойства человека действуют гармонично. Отсылаю к ней читателей. Вот когда есть эта гармония, то и вера является столь же естественно, как естественно верит в существование солнца всякий зрячий человек. Если же веки его срослись или роговица покрылась пленкой, — то вопрос сводится не к тому, чтобы убедить его в существовании солнца, но устранить препятствия для зрения. Снимите бельмо, — увидит и без доказательств. Да тогда и доказательства явятся... Устранение препятствий для веры — есть, таким образом, вопрос известного душевного устройства. Кто желает узнать, есть Бог или нет, тот должен испытать хотя бы в небольшой мере духовную жизнь, то есть

Установившись в этой мысли, вы найдете Бога в себе. А перейдя с этою истиною вне, вы увидите его и вовне. Твари Божии возвещают о Боге. Если есть разумность в устроении вещей, то есть и существо разумное, их устроившее. Это неотразимое заключение, силу которого все умы испытывают, не исключая и тех, которые надуваются не верить. Так у вас будет и внутри и вне — Бог. И потребность быть в общении с Богом вы уясните, ибо высшие ваши стремления выражают именно сию потребность. Останется вам уяснить, как вступить в общение с Богом и быть в Нем. Тут Христос Господь, Который сказал: *Я в Отце, вы во Мне и Я в вас* (см.: Ин. 14, 20). — Се цепь, связующая нас с Богом⁵. — Вот и вся система веры. (8. С. 211)

Во Христа я верю, но зачем Церковь и церковные обряды

Так благоволил устроить Сам Устроитель нашего спасения. Если помимо Его негде найти спасения, то те, которые мечтают

привести свои природные способности в такой порядок, когда они раскрывают наше внутреннее зрение. Это вопрос не теории, а жизни. Без сомнения, человек и сам может более или менее справиться с такой задачей, но она вообще, как учат все опытные люди, — очень не легка. Если же человек вовсе не верит в Бога, то есть, стало быть, не видит, не ощущает Его, то это само по себе служит доказательством большого беспорядка во взаимном отношении его познавательных способностей. В таком состоянии самому, очевидно, еще труднее справиться, а равно бесполезно обращаться к людям “неблагоустроенным”. Тут нужен опытный, компетентный взгляд и совет. Не теория тут требуется, а известный нравственный “режим”. Как и в случаях физической болезни, нужен медик, знающий и опытный, для установления “режима”, сообразованного с субъективностью больного». *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. М., 1999. С. 95.

⁵ «По выражению замечательного русского подвижника недавнего прошлого епископа Феофана Затворника, “в сознании христианина первое видится Лице Христа Господа, Сына Божия Воплощенного, а за завесою плоти Его созерцается Троиственный Бог”. В православном сознании Господь Иисус Христос прежде всего есть Сын Божий, Слово Воплощено, “Един сый от Святыя Троицы”, Агнец Божий, взявляй грехи мира... И вера православная совершенно неотделима от Лица Богочеловека, невозможна вне живого общения с Ним чрез Таинства церковные». *Флоровский Г.В.* Дом отчий // Избранные богословские статьи. М., 2000. С. 11.

достать себе спасение некако лишь мысленно — духовно, промечтают, а спасения не получают. Вообрази большую, широкую и глубокую реку. Через нее настроены мосты и устроены разные другие переправы — лодки, пароходы. Из тех, кому нужно переправиться на другую сторону, кто идет через мост, кто садится на лодку или пароход, и переправляются. Но вот явились мудрецы, которые, возмечтав, что им для переправы не нужны ни мосты, ни лодки, а что дух некий схватит их и перенесет, сели на берегу в сказанной уверенности и сидят не двигаясь, лишь с усмешкою посматривая на других, переправляющихся, как заведено, и обзывая их суетными. Попадут они когда-либо на другой берег? Конечно нет; так и просидят весь свой век. Точь-в-точь в таком находятся положении те, которые чуждаются Святой Церкви и всех ее спасительных учреждений, Самим Господом установленных во спасение наше. Не видать им того берега и не ступить на землю спасенных. (17. С. 255—256)

Укажу тебе теперь зараз все, что необходимо для спасения каждого. Кратко это можно выразить так: веруй и, приемля благодатные силы, яже к животу и благочестию, чрез Святыя Таинства, живи по заповедям Божиим, под руководством Богоучрежденных пастырей, состоя в живом союзе со Святой Церковью. Чтоб тебе яснее было, как все это необходимо, сравни шествие путем спасения с обыкновенным путешествием. Чтоб путнику удобно и безопасно было идти, надобно, чтоб был свет, чтоб была проложенная дорога, чтоб сам он был здоров и крепок, чтоб в случае нужды, например при поворотах и перекрещиваниях дорог, был кто-нибудь, кто бы указал ему, по какой дороге идти. Подобное сему необходимо и в шествии путем спасения: необходим свет — это вера; необходима проложенная дорога — это заповеди; необходимы здравие и крепость — это благодатные силы, чрез Таинства подаваемые; необходимы путеуказатели и руководители — это пастыри Церкви. Все сие видишь ты действующим во Святой Божией Церкви, с которою потому состоит в

живом союзе всякий, надлежащим образом содевающий свое спасение. Все спасиися сим путем шли, и все спасающиеся им идут... другого пути спасения нет. (17. С. 57)

Необходим ли тесный путь

Обычно узкий путь нам не нравится... Подавай нам широту и простор. Не слышит разве Господь воплей сих? Слышит, но переменить Домостроительства жизни нашей не хочет, потому что это было бы не к добру нам. Так устроилось положение наше, что только теснота держит нас в настоящем строе... Как только вступим в широту, расплываемся и гибнем. Вот и царит на земле теснота, как наилучшая для нас обстановка. Апостольский ум видит вообще в тесноте и в особых стеснительных случаях отеческую к нам любовь Божию, — и о тех, кои в тесноте, судит как о близких к Богу сынах. Нынешние умники не вмещают словесе сего — и тем погружают себя в непроглядный мрак, простертый будто над жизнью нашею землею. Отсюда туга, уныние, нечаяние, томление и самоубийство... Исходная точка их омрачения та, что наша последняя цель будто на земле... Но она не на земле. На земле начало жизни — приготовительный ее период, — а настоящая жизнь начнется по смерти... И особенный исключительный способ приготовления — благодушное терпение теснот, лишений и скорбей. — Кто взглянет или будет смотреть на земную жизнь такими глазами, тот не станет убиваться, не видя в своей жизни широты и простора... а возревнует об одном, как сделать, чтобы теснота принесла наилучший плод, вкушение которого отстрочивается до будущей жизни. (1. С. 214—215)

Есть ли иной мир, и какой он, духовный или материальный

[Апостол Павел] подтверждает, что был действительно восхищен, и ясно это сознавал, и знает, что это была действительность, а не мечтание какое призрачное. Не может только сказать того, в теле ли он был восхищен или кроме тела. Это, говорит, один Бог знает. Видно, для нас знание сего не нужно; верно, оно

к существу дела не относится. — Нечего и пытаться... Большая, впрочем, определенность в этих подробностях и не требуется, и ожидать нельзя, чтобы кто-либо сказал об этом что-либо решительно верное, когда молчит сам святой Павел... Жалеть ли, что не сказал, что слышал? Поелику Апостолы посланы были сказать людям всю волю Божию, все, что необходимо для их спасения, — а эти глаголы нельзя было сказать, то надо полагать, что они не относятся к предметам, необходимым для спасения. Если так, то и жалеть нечего, что их нельзя было сообщать нам⁶. (34. С. 401—404)

***Есть ли у человека будущая жизнь,
если душа его подобна душе животных***

Что у животных есть иное, похожее на действия нашей души, а у нас иное, похожее на действия животных, — тоже ничего нельзя выводить. У животных есть душа, но животная. А у человека душа человеческая, высшая, как и сам человек. Животным свой чин, а человеку — свой. Творения Божии так расположены,

⁶«И вот, все эти святые Православия — апостол [Павел], великий отец Церкви [святой Иоанн Златоуст], святой самой возвышенной жизни [святой Андрей Христа ради юродивый] — считают по крайней мере возможным говорить об опыте неба как происходящем “вне тела”; и из их слов, несомненно, ясно, что такие опыты, будь они “в теле” или “вне тела”, имеют в себе нечто телесное и внешнее, — а иначе вообще не было бы необходимости говорить о “теле” в связи с ними. В этой книге мы попытались описать такие опыты как можно проще языком самих православных источников, не пытаясь дать точного определения этого состояния. В своем толковании на слова апостола Павла (2 Кор. 12, 2) епископ Феофан Затворник говорит по этому вопросу так, что лучше, вероятно, и сказать нельзя: “Внутри и в глубине зримого мира сокрыт мир иной, столь же действительный, как и первый; духовный ли он, утонченно материальный, ведает Бог, но то несомненно, что обитают в нем Ангелы и святые. Он (апостол Павел) не возвещает, *в теле ли, вне ли тела* был он восхищен, а говорит: *Бог знает* (2 Кор. 12, 2). Значит, для нас нет необходимости в таком знании... В точных подробностях никакой не может быть нужды, и не следует ждать, чтобы, когда умолкает сам апостол Павел, сказано было нечто до конца явное”. *Серафим (Роуз), иеромонах*. Душа после смерти. М.: «Лепта-Пресс», 2003. С. 395—396.

что всякий высший класс совмещает в себе силы — низших классов, — и кроме их имеет свои силы, его классу присвоенные и его характеризующие...

Что же дивного, что в нас есть нечто схожее с животными. Есть схожее и с растениями, ибо питание и ращение тела есть растительное дело; но что же из этого вывести? Ничего нельзя, кроме — что всякому свой чин.

В человеке надо различать душу и дух. Дух содержит чувство Божества — совесть и ничем неудовлетворимость. Он есть та сила, которая вдохнута в лицо человека при сотворении. Душа — низшая сила, или часть той же силы, назначенная на ведение дел земной жизни. Она такого же чина, как и душа животных, но возвышена, ради сочетания с нею духа. Дух из Бога, сочетавшись с душою животных, возвел ее на степень души человеческой. И стал человек двояк. Одно тянет его горé, другое — долу. Когда человек в своем чине держится, то он живет духом, т. е. страхом Божиим водится, и совести слушает, и горнего ищет. А когда он поддается влечениям души дольней, то выходит из своего чина, — и то, чего хочет дух, думает достать среди тварей. Этого ему не удастся, и он томится и крушится. Дух тут как пленник в узах — находится в услужении у варваров, страстей похотных. — Сам он не удовлетворяется и страсти делает неудовлетворимыми, сообщая им безграничный разлив. Отчего животные потребности у животных все в своей мере, а у человека, когда он предается чувственности, чувственные потребности предела и меры не имеют? Эту безмерность сообщает им дух, попавшийся в плен к ним; а дух сею безмерностью чаёт затушить свою жажду безконечного, по образу Коего создан и в Коем едином благо его.

Так вот видите, что и животные у нас отправления есть, — и в самом их движении проявляется нечто совсем животным не свойственное.

О чем ни стать рассуждать, всегда придешь к тому заключению, что человек обладает духом, которого истинная жизнь есть

жизнь в Боге. Там только он находит покой, там его рай и обетованная земля⁷. (8. С. 212—213)

***Если у человека есть душа разумная и бессмертная,
то где она у пьяниц, идиотов и некрещеных***

Я предложил вам вопросы, — что душа, отчего все знают и ищут Бога и томятся от сомнения и неверия, — чтоб, обдумавши все как следует, вы пришли к такому заключению: душа, — существо духовное, — не есть проявление другой какой силы, как радуга, а есть самостоятельная, особная личность, свободно-разумная, нормальное состояние которой есть жизнь в общении с Богом, почтившим ее в сотворении образом Своим. Потому это желательно, что в этом положении основа веры и жизни. И потрудитесь прежде всего эту истину укоренить и укрепить в себе.

Относительно души вы не высказываете сомнений. Она у вас есть и обнаруживает высшие стремления, ничем земным не удовлетворяемые. Вот и добре! — Станьте на этом и развивайте далее свою мысль. Если не удовлетворяется душа земным, то следует удовлетворять ее неземным. — И осмотритесь, не было ли прежде, нет ли и теперь лиц, которые находят высшие свои стремления удовлетворяемыми. — Если увидите таких, разберитесь, чем удовлетворяется их ничем ненасытная душа. — Наперед вам сказываю, что вы найдете и удостоверитесь, что они удовлетворенно имеют душу свою потому, что веруют в Бога, ищут

⁷«Душа есть и у животных, однако это не делает их посредниками между видимым и невидимым мирами. Разницу души человека и души животных священный язык Библии фиксирует следующим образом. Души животных «производит земля» (Быт. 1, 24), в то время как душу человека «вдыхает» в человека Сам Бог (Быт. 2, 7). Поэтому души человека и животных имеют, так сказать, разный онтологический статус, и душа человека имеет одну природу с Ангелами. Это проявляется, в частности, в том, что человеческой душе присущи некоторые высшие силы, «чистейшая часть» — дух, или ум. По словам святителя Феофана Затворника, «ум, высшая сторона души, совмещает чувство Божества, требования совести и ожидание лучшего»». Новиков Д.В. Христианское учение о человеке // Человек. 2000. № 5. С. 119.

Его и имеют свидетельство, что Бог благоволил принять их искание и общится с ними...

Я не вижу, какое сомнение может прицепиться к тому, что иные бывают пьяны. — И кто объедается, похож на пьяного, — и тот, кто крепко рассерчает. — Это все ненормальные состояния. Из них ничего нельзя вывести против души...

Идиоты! — да они ведь только для нас идиоты, а не для себя и не для Бога. Дух их своим путем растет. Может статься, что мы, мудрые, окажемся хуже идиотов. А дети — все Ангелы Божии суть. Некрещеных, как и всех вне веры сущих, надо представлять Божию милосердию. Они не пасынки и не падчерицы Богу. Потому Он знает, что и как в отношении к ним учредить. Путей Божиих бездна! — Такие вопросы следовало бы нам решать, если бы на нас лежал долг всех призреть и пристроить. Как это не возложено на нас, то и оставим пещись о них Тому, Кто печется о всех. Свою душу спасти надо. Враг, губитель душ, — чрез ревность о спасении всех, — оставляет в пагубе души того, кому вручает такие мысли. Святой Антоний Великий задумался было однажды об участи людей. — Ангел Господень явился ему и сказал: Антоний! себе внимай! А то не твое дело. (8. С. 210—217)

Как совместить Божие предопределение и человеческую свободу

Вы атаковываете свободу, — будто все строится так, что хочешь не хочешь, а делай. — Стоит только повнимательнее посмотреть дела свои, хоть в один день или полдня, — и увидите, что всё мы сами делаем, и делаем потому, что так хотим... То, что вы называете понуждением, есть побуждение, без которого свободные дела не делаются. Но побуждение не есть необходимость делать, а предложение дела. Дело предлагается, душа обсуждает, сделать ли, и решает — делать или нет. Этого решения у души вынудить никто не может. Сама решает. Сюда и Божеская сила не заходит и никаким мановением свободы души не связывает.

Прародители пали. Почему? Нашли, что лучше будто не исполнять заповедь, и нарушили ее. Змий предлагал. Ева рассуждала и нашла, что он не худо предлагает, — и по этому своему смышлению решила — сорвать плод и вкусить. — Решения этого никто не вынуждал.

Тоже и духи пали, — конечно, вследствие рассуждения и своеличного решения, что лучше не слушать Бога, а жить по своему смышлению. Рассудили так и отпали от Бога. Решения этого никто не вынуждал.

Так и всякая душа действует. Побуждений может быть много, и самых сильных и понудительных, а решение всегда от воли души зависит. Она может решить и наперекор всем понудительным побуждениям. Возьмите мучеников! — Предлежат орудия мучений, обещается покойная жизнь, иногда сбоку стоят мать и отец и уговаривают бросить несколько ладану в жаровню пред идолом, — иногда же, кроме этого, — и жена молодая, любимая, и еще с ребенком. Сколько понуждений! А мученик решает совсем наперекор им. Не свободен ли он?! И тот, кто падает, — падает по свободному решению.

Сознавши, таким образом, что свободное решение всегда от нас, — вы должны положить, что всеведение Божие не имеет на него определяющего влияния. Да этот вопрос давно решен, и очень удовлетворительно. Именно — Бог предвидит, — потому что видит свободные решения воли. Эти решения составляют предмет всеведения, — и составляют его в том виде, в каком являются, — именно, как свободные решения.

Не все, что предвидит Бог, то и определяет. Богословы различают в Боге — определение и попущение. Что определяет Бог, то так и бывает, как Он определяет, а что попускает, то может и не быть так, как бывает, хотя Бог предвидит бывание того. Таково падение прародителей и духов. Они свободно пали, хотя Бог предвидел то. Со стороны Божией все сделано, чтоб не пали. Ясно сказал прародителям: *не ешьте* (см.: Быт. 2, 17). И последствие указал. Подобное сему надо предполагать и у духов падших.

Не послушали, кто виноват? Зачем попустил Бог? — Затем, что иначе надлежало отнять свободу, или уничтожить в мире свободную тварь. Но без этого мир был бы гораздо ниже, чем теперь есть. — И попустил Бог — пасть, — устроив образ возстания от падения. — Мы идем к возстанию путем борьбы с противностями. — Таков закон! — И все, которые следуют ему, — венчаются успехом...

Как ни будь сильны возбуждения, все решение дела принадлежит лицу действующему; и всякий сознает момент, когда он внутри произносит: так и так надо сделать. — В этом и есть существо свободы. И этого никакая сила исторгнуть у души не может. (8. С. 213—221)

Касаясь свободных тварей, оно не стесняет их свободы и не делает их невольными исполнителями своих определений. Свободные действия Бог предвидит как свободные, видит все течение свободного лица и общий итог всех его деяний. И, видя то, определяет, как бы то было уже совершившимся... Не действия свободных лиц суть следствие предопределения, а само предопределение — следствие свободных дел⁸. (32. С. 532)

Зачем благодать, разве сами не можем делать добро

Иным приходит на мысль: зачем это действие благодати? Неужели мы сами не можем делать добрых дел? Вот мы сделали то и то доброе дело. Поживем и еще что-либо сделаем. Редкий,

⁸«Сложность этого учения [о предопределении] (которая, между прочим, часто ощущается западными обращенными в Православие, пока они не получат некоторый опыт действительной жизни по православной вере) существует только для тех, кто пытается “объяснить” его интеллектуально. Православного учения о соработании Бога и человека, о необходимости аскетической борьбы и о неизменном желании Бога, чтобы все могли спастись (1 Тим. 2, 4) достаточно, чтобы разрушить ненужные сложности, которые человеческая логика привносит в этот вопрос». *Серафим (Роуз), иеромонах*. Место блаженного Августина в Православной Церкви // Приношение православного американца. Сборник трудов отца Серафима (Роуза). М., 1998. С. 646—647.

может быть, не останавливался на этом вопросе. Иные говорят, что мы не можем сами собою ничего доброго делать. Но здесь дело не об отдельных добрых делах, а о перерождении всей жизни, о жизни новой, о жизни в целом ее составе — такой, которая приводит ко спасению. При случае нетрудно что-нибудь сделать даже очень хорошее, как делали и язычники. Но пусть кто намеренно определит себя на неопустительное доброделание, определит порядок его по указанию слова Божия, — и это не на один месяц или год, но на всю жизнь, — и положит неуклонно пребывать в сем порядке, и потом, когда пребудет верен тому, — пусть хвалится своею силою; а без сего не лучше ли заградить уста свои. Мало ли бывало и бывает опытов самодельного начинания и устройства христианского жития? И все они оканчивались и оканчиваются ничем. Постоит немного человек в новоизбранном порядке — и бросает. И как иначе? Нет сил. Только вечной силе Божией свойственно поддерживать нас неизменными в расположении среди непрерывных приливов изменений временных. Потому надобно преисполниться сею силою, испросить ее и принять по чину, — и она приподнимет нас и извлечет из этого треволнения временного.

Обратитесь еще к опыту и посмотрите, когда приходят такие помышления самодовольства? Когда человек бывает в покойном состоянии, когда его ничто не смущает, ничто не прельщает и не влечет ко греху, тогда он готов на самое святое и чистое житие. Но чуть движение страсти или соблазн, — куда все обеты?! Не говорит ли себе часто человек, ведущий невоздержную жизнь: теперь не буду больше. Но насыщение страсти прошло, новый позыв восстает, и он опять является во грехах. Хорошо рассуждать о перенесении обид, когда все идет по нашей воле, не наперекор самолюбию. Тут, пожалуй, странным покажется чувство оскорбления или серчания, какому предаются другие. Но случись самим быть в подобном положении, тогда и один взгляд, не только слово, выведет из себя. Так можно в самонадеянности мечтать о возможности самому собою, без высшей помощи,

вести жизнь христианскую, когда покоен дух. Но когда зло, слепшееся на дне сердца, возмется, как прах ветром, тогда в собственном опыте найдет каждый осуждение своей заносчивости. Когда помысл за помыслом, желание за желанием — одно другого хуже — начинают тревожить душу, тогда забудет всякий про себя и невольно воззовет с Пророком: *воды внидоша до души моея: углебох в тимении глубины* (см.: Пс. 68, 2). *О Господи, спаси же! О Господи, поспеши же!* (Пс. 117, 25). (10. С. 14–16)

Необходима ли благодать настоящему ученому

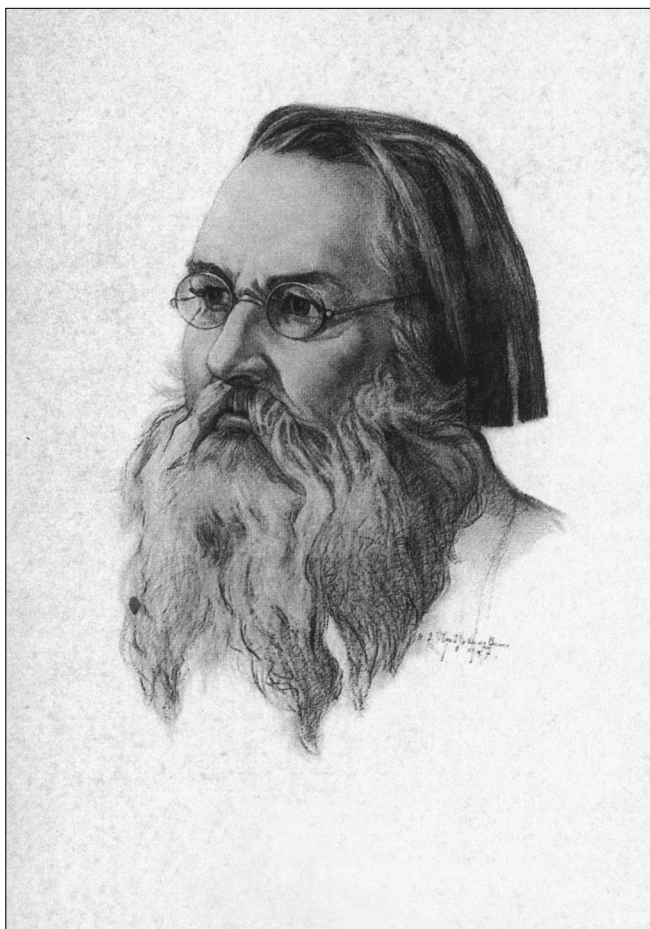
Благодать, пришедши, не приносит с собою много сведений, но научает человека вниманию и как бы обязывает к точному рассмотрению вещей; она не истолковывает ему законов мышления, но вливает любовь к истине, которая не позволяет уклоняться от путей правых и слишком полагаться на отвлеченности, следовательно поставляет его на истинную средину и утверждает в ней, чего он сам собою сделать никак не может. От сего нередко и не посвящавший себя наукам человек становится рассудительным и здравомыслящим и долгими опытами жизни наконец приобретает истинную, достаточную не на его одного долю мудрость. **У человека же научного образуется особый метод исследования, особое чутье к открытию истины и истинного пути к ней,** а это, при помощи добродетелей рассудочных, которые теперь вместе с другими возвращаются в сердце, как-то: при труде и умении трудиться, добросовестности, осмотрительности, смиренном доверии, особенно же **при Божиим благословении,** — **сообщает его умственным трудам особенные свойства: успешность, прочность, плодотворность**⁹. Такая здравость рассудочной деятельности

⁹ «А.А. Ухтомский (1875–1942) — явление в русской культуре уникальное. В истории науки найдется не много деятелей, которые могли бы сравниться с ним по широте кругозора, мощи ума, разносторонности интересов и поражающей активности в самых различных областях человеческой мысли. Ухтомского по праву можно считать подлинным энциклопедистом XX века... По стилю

для всякого очевидна и в обыкновенном его поведении, и в сношениях: в *понятиях*, отличающихся, кроме ясности, определенности и отчетливости, и некоторою сердечною глубиною; в *услаждениях*, отличающихся верностью, осмотрительностью, осязательностью, различительностью; в *умствованиях*, отличающихся прочностью, дальновидностью, единством и стройностью. Все же в совокупности такие свойства доставляют ему титул человека с здравым рассудком, или здравомыслящего. (13. С. 242—243)

мышления, по широте кругозора, по диапазону обобщений и остроте предвидения А.А. Ухтомский был гениальным теоретиком и в области гуманитарного знания, одним из крупнейших мыслителей XX века, предвосхитивших целый ряд идей современной науки о человеке, науки интегральной по своей сути. Созданное им учение о доминанте сегодня рассматривается как прочная методологическая платформа для понимания законов организации целенаправленного поведения животных и человека... В учении о доминанте биологическое понимание законов поведения человека и его бытия в целом неразрывно связано с религиозно-нравственным, которое не только не входит в противоречие с первым, но оба эти подхода органически увязываются в его представление о человеке как о существе биосоциальном по своей природе. Мысли Ухтомского о природе человека органично вписывались в его мировоззрение, опиравшееся на христианское святоотеческое предание, на достижения русской и европейской науки и глубоко соотносившееся с современной философской мыслью... А.А. Ухтомский делает поистине новаторский скачок в рассмотрении природы человека: он органически примиряет вещи, долгое время казавшиеся непримиримыми, — знание и веру, науку и религию. Концепция Ухтомского впервые раскрывает роль идей и идеалов как естественных законов бытия человека, как высших социальных и духовных ориентиров человеческого общежития, обеспечивающих его духовное здоровье...

На принципе «творческой идеализации» построены выработанные А.А. Ухтомским законы общения — Закон Двойника и Закон Заслуженного собеседника. Двойник — это суждение о мире с точки зрения своих доминант, видение мира сквозь призму индивидуальных потребностей и мотивов поведения... Заслуженный собеседник является идеалом нравственного совершенства — недостижимым, но искомым... Хочется надеяться и верить, что каждый, кто прикоснется к его творчеству, испытает чувство не только интеллектуального, но и духовного обретения. А.А. Ухтомский — это открытая система с мощнейшим интеллектуальным потенциалом, пробуждающим в человеке активное творческое, созидающее начало». Соколова Л. Предисловие к книге: *Алексей Ухтомский*. Доминанта. СПб., 2002. С. 7—14.

И.А. Протопопов. Портрет академика А.А. Ухтомского

Благодать, пришедши, не приносит с собою много сведений, но научает человека вниманию и как бы обязывает к точному рассмотрению вещей; она не истолковывает ему законов мышления, но вливает любовь к истине, которая не позволяет уклоняться от путей правых и слишком полагаться на отвлеченности... У человека же научного образуется особый метод исследования, особое чутье к открытию истины и истинного пути к ней... при Божием благословении, сообщает его умственным трудам особенные свойства: успешность, прочность, плодотворность. (С. 37)

3. Недоумения о мытарствах, Страшном Суде и вечных муках

Не дикая ли фантазия в откровениях о мытарствах

Как ни дикою кажется умникам мысль о мытарствах, но прохождения их не миновать. Чего ищут эти мытники в проходящих? Того, нет ли у них ихнего товара. Товар же их какой? Страсти. Стало быть, у кого сердце непорочно и чуждо страстей, у того они не могут найти ничего такого, к чему могли бы привязаться; напротив, противоположная им добротность будет поражать их самих, как стрелами молнийными. На это один из немногочуженых вот какую еще выразил мысль: мытарства представляются чем-то страшным; а ведь очень возможно, что бесы, вместо страшного, представляют нечто прелестное. Обольстительно прелестное, по всем видам страстей, представляют они проходящей душе одно за другим. Когда из сердца, в продолжение земной жизни, изгнаны страсти и насажены противоположные им добродетели, тогда что ни представляй прелестного, душа, не имеющая никакого сочувствия к тому, минует то, отвращаясь от того с омерзением. А когда сердце не очищено, тогда к какой страсти наиболее питает оно сочувствия, на то душа и бросается там. Бесы и берут ее, будто друзья, а потом уж знают, куда ее девать. Значит, очень сомнительно, чтобы душа, пока в ней остаются еще сочувствия к предметам каких-либо страстей, не постыдилась на мытарствах. Постыждение здесь в том, что душа сама бросается в ад.

Но окончательное непостыждение — на Страшном Суде, пред лицом всевидящего Судии, пред сонмом Ангелов и всех святых¹⁰. (28. С. 289—290)

¹⁰ «Епископ Игнатий (Брянчанинов) был в России XIX века защитником православного учения о воздушных мытарствах, когда неверующие и модернисты уже начали смеяться над ним; не менее твердым защитником этого учения был и епископ Феофан Затворник, который рассматривал его как составную часть всего православного учения о невидимой брани или духовной

Как возможен Страшный Суд над всем человечеством?

Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы (Лк. 8, 17). Стало быть, как бы мы ни прятались со своими худыми делами, им независимо от нас ведется запись, которая в свое время и предъявлена будет. Что же это за хартия, на которой пишется эта запись? Совесть наша. Заставляем мы ее иногда молчать — она и молчит. Но хоть и молчит, а свое дело делает, ведет самую точную летопись делам нашим. Как же быть, если там записано много худого? Надо изгладить написанное. Чем? — Слезами покаяния. Эти слезы все смоют, и следа никакого не останется от того худого, что было записано. Если же не смоем, то на суде придется самим перечитать все написанное. А так как тогда правда будет властною в сознании, то сами же и суд себе произнесем, а Господь утвердит его. Тогда будет решение безапел-

борьбе с бесами. Здесь мы приводим одно из его высказываний о мытарствах, взятое из толкования восьмидесятого стиха 118 псалма: *Да будет сердце мое непорочно в уставах Твоих, чтобы я не посрамился...*

“Как ни дикою кажется умникам мысль о мытарствах, но прохождения их не миновать. Чего ищут эти мытники в проходящих? Того, нет ли у них ихнего товара. Товар же их какой? Страсти. Стало быть, у кого сердце непорочно и чуждо страстей, у того они не могут найти ничего такого, к чему и могли бы привязаться; напротив, противоположная им добродетель будет поражать их самих, как стрелами молнийными. На это один из многоученых вот какую еще выразил мысль: мытарства представляются чем-то страшным; ведь очень возможно, что бесы, вместо страшного, представляют нечто прелестное. Обольстительно прелестное, по всем видам страстей, представляют они проходящей душе одно за другим. Когда из сердца, в продолжение земной жизни, изгнаны страсти и насажены противоположные им добродетели, тогда, что ни представляй прелестного, душа, не имеющая никакого сочувствия к тому, минует то, отвращаясь от того с омерзением. А когда сердце не очищено, тогда к какой страсти наиболее питает оно сочувствия, на то душа и бросается там. Бесы и берут ее, будто друзья, а потом уж знают, куда ее девать. Значит, очень сомнительно, чтобы душа, пока в ней остаются еще сочувствия к предметам каких-либо страстей, не посрамится на мытарствах. Посрамление здесь в том, что душа сама бросается в ад. Но окончательное посрамление — на Страшном Суде, пред лицом всевидящего Судии...”». *Серафим (Роуз), иеромонах.* Душа после смерти. С. 155—157.

ляционное, потому что всякий сам себя осудит, до других же и дела никому не будет. И все это совершится во мгновение ока: взглянешь и увидишь, что ты такое; и от Господа вездесущего тотчас же услышишь подтверждение суда; а затем — всему конец. (12. С. 153)

Читайте, что пишется в Евангелии. Придет Второе Пришествие, Господь и сотворит суд: праведных введет в вечное блаженство, а грешных выгонит в ад, на муку вечную. Добро восторжествует, но зло не превратится в добро и примет должное воздаяние. Как мы о будущем своим умишком познать ничего не можем, то нечего туда соваться с ним. Один Бог Владыка веков ведает то. Он говорит или скажет: идут сии в муку вечную, а праведницы в живот вечный (см.: Мф. 25, 46). Так Бог сказал; нечего потому и голову ломать. Вопрос решен авторитетно. Вопиют: как так, вечные муки для временно согрешивших? Они хотят быть филантропнее Самого Бога, пострадавшего и умершего на Кресте за грешников. Если б мы, люди, изобрели такое учение, уместно было бы возражать. Но когда так положил Сам Бог, умерший за грешников, надо покорно принять то и верить, как бы умишко наш тут ни ершился. (2. С. 117)

Как согласовать вечные муки с милосердием Божиим

«Недоумеваю, говорит, как согласить можно вечные муки с благодатью Божиею, с безпредельным Божиим милосердием. Ведь страсть какие муки указываются! Огонь неугасающий, червь неусыпающий, тьма кромешная, скрежет зубов! Господи мой батюшка! — Как благоутробный Господь будет смотреть на такие истязания?! Господь нам заповедал прощать, Сам ли не простит? Он молился на Кресте за согрешивших против Него страшнейшим согрешением — таким, больше которого нет уже и быть не может. Неужели нельзя Ему простить в будущей жизни?» — Что же скажем мы такому недоумению?! — Ты стоишь за благодать и милосердие Божие. Но речь твоя имела бы смысл, если

бы вечность мук определили люди, — безжалостные и неумолимые ригористы. Тогда резонно было бы возразить им: ваше положение не может быть принято, потому что оно противно благодати Божией. Но когда такое определение постановил Сам Господь, — всеблагий и всемилостивый, то уместно ли как бы в лице говорить Ему: быть не может, это противно Твоей благодати? — как будто бы Он говорил не зная что? Разве Он переставал быть благим, когда изрек сие? — Конечно нет. А если не переставал быть благим, то нет сомнения, что такое определение совершенно согласно с Его благодатию. Ибо Бог никогда ничего не делает и не говорит, что было бы противно Его свойствам. Для детской веры этого объяснения совершенно достаточно. И я на нем покоюсь более, нежели на каких-либо других разъяснениях, — что и вам советую. (17. С. 9—10)

Почему нельзя простить всех грешников

Вы опираетесь на милосердие прощения. Но прощение не безусловно: покайся, и прощение получишь. А нераскаянного как простить? Господь милосердый всех готов простить — только покайся и прибегни к Его милосердию. Если б и бесы покаялись, и те были бы помилованы. Но как они закалились в упорном противлении Богу, то и нет им помилования. То же и в отношении к людям. Невозможно помилование тех, которые упорно противятся Богу. Что такие есть, это, думаю, вы знаете. Что многие из таких и на тот свет отходят богоборцами и богоненавистниками, и этого, полагаю, отрицать не станете. Что же их там ожидает? Уж видно что! Как они Бога знать не хотели, то и Бог скажет им: не вем вас, — отойдите. — А когда такое решение от Бога изойдет, кто отменит его? — Вот и вечное отвержение — печать ада!

Остается строить надежду, нет ли покаяния за гробом? — О, когда бы возможно было это?! Какое бы облегчение нам, грешным! Господь столько милосерд, что только покайся, хоть бы то и за гробом, непременно простит. Но то наше горе, что надежды-

то такой не на чем основать.— Закон жизни таков, что коль скоро кто положит здесь семя покаяния, хоть бы то при последнем издыхании, то уж не погибнет. Семя сие возрастет и плод принесет — спасение вечное. А коль скоро кто здесь не положит семени покаяния и перейдет туда с духом нераскаянного упорства во грехах, то и там навеки останется с тем же духом и плод от него вовеки будет пожинать по роду его, Божие вечное отвержение. (17. С. 11—12)

Почему со временем нельзя перевести грешников из ада в рай

Прошу вас рассудить, пригоже ли это и гожи ли такие лица для рая? — Грех ведь не есть что-либо внешнее, а внутреннее и внутрь проходящее. Когда грешит кто, грех весь состав его извращает, оскверняет и омрачает. Если простить грешника внешним приговором, а внутри его все оставить как было, не вычистив, то он и после прощения такого останется весь скверен и мрачен. Таков будет и тот, кого бы Бог простил державною Своею властью, без внутреннего его очищения. Вообразите, что входит такой — нечистый и мрачный — в рай. Что это будет?..

Положим даже, что какими-либо судьбами грешник втянут в рай; что он там будет делать?! — Для него и рай в ад превратится. Вкусить сладостей райских у него нет органа; а чрез то, что там все противоположно его настроению, он будет тесним и гнетом так, что и места не будет находить. Введите вы в круг людей высшего тона человека простеца — для него пребывание среди них будет настоящей пыткой. То же должен испытывать и грешник, если неочищенным втянуть его в рай. (17. С. 12—13)

Почему нельзя очистить грешников на том свете

Скажете: ну так очистить его [грешника]. — Уж это опять не державною ли властью милосердного Бога?! Если б возможно было так, то и здесь, на земле, давно уже не было бы ни одного грешника. Сказал бы Бог: да будут все святы, и все стали бы святы. Но в том-то и дело, что очищение не может совершиться

без участия произволения, которого если на земле недоставало, то тем паче не достанет на том свете. Да хоть бы и появилось оно, не к чему ему рук приложить. Начало очищению — покаяние; а на том свете ему места нет; и если бы было, нет возможности завершenu и запечатлену ему быть таинственным разрешением: ибо это возможно только здесь. После покаяния очищение продолжается и до конца доводится подвигами самоумерщвления и благотворения, постами, милостынями, молитвами. Все это на том свете неприложимо. Нечего, стало быть, ожидать там и очищения.

Итак, хотите или не хотите, а должны согласиться, что неизбежно некой части людей остаться за дверьми рая. (17. С. 13—14)

Почему такие устрашающие термины?

Выражения — червь неусыпающий, огонь неугасающий и проч. — и означают только эту крайнюю меру мучений для всякого, а состоять они будут, может быть, и не в этом. Как о блаженстве праведных Апостол сказал, что уготовано для них то, что око не видало, ухо не слышало и на сердце человеку не всходило (см.: 1 Кор. 2, 9), так о муках грешников надо сказать, что хотя несомненно, что они будут в крайней мере для каждого, и будут как душевные, так и телесные, но в чем именно они будут состоять, определительно сказать нельзя. В слове Божиим для обозначения сего берется то, что бывает самым мучительным на земле, равно как и для обозначения блаженства берется то, что на земле считается самым великим и обрадывающим; но чтоб именно как в том, так и в другом было это самое, сего сказать нельзя. Там будет все ново, — ново небо и нова земля, — новы и радости и муки.

Конечно, все сие страхом поражает. Но затем это и открыто, чтоб, поражая страхом, вразумлять и остепенять грешников. Если б Бог радовался мукам грешников, Он и не открыл бы об аде, но как не хочет смерти грешника вечной, то и открыл, что ожидает грешника, чтоб, зная то, грешник не давал себе воли, а если

уж случится нагрешить, поскорее обращался опять к Господу и каялся... Как истина смерти неотразима, так и истина вечного ада стоит несокрушимо. Нет уж, лучше крылышки-то подвязать и как-нибудь потише себя держать. (17. С. 14–15)

Пусть муки, но зачем вечные?

Иным думается, что без наказания и мук грешников, конечно, нельзя оставить, но эти муки не будут вечны: помучатся-помучатся отверженники, а потом и в рай. — Страсть как хочется нам казаться милосердее Самого Господа! — Но и эта выдумка несостоятельна: ибо ад не есть место очищения, а место казни, мучащей не очищая. Сколько ни будет жечь кого ад, жегомый все будет такой же нечистый, достойный того же жжения, а не рая. Жжению потому и не будет конца.

Но пусть бы и так, — уступим нелепое. Нам-то с вами, о сем рассуждающим, если мы грешны, какая от этого выгода? — Никакой! Мука все же будет, а кто знает, какая она? — Может быть, так будет больно, что одна минута покажется во сто лет. (17. С. 16–17)

А если ад и муки выдумали попы и монахи?

Мудрование наше ничего доброго нам не дает, а только высокоумие распложает и руки и ноги расслабляет на делание добра и бегание зла. Бросим его! Наживешь с ним добра. Нашему мудрованию все представляется так гладко и широко. Живи себе как хочешь: природа! — Умрешь, — Бог милостив! Если и достанется немного, — так это ничего, пройдет. Его бы устами мед пить. А там, как умрешь, схватят сударики, бросят в теплое местечко и запрут крепкими запорами: кричи не кричи, — никому дела до нас не будет: эти уж определены к месту. Так там и останешься на вечные веки. Вот и намудрил. Прогоним это мудрование и покоримся вседушно простой вере. Если б не было Откровения, делать бы нечего — мудри. А при Откровении какая стать мудрить? Уж нам не придумать лучше того, что Господом поста-

новлено. Мудруем, стало быть, попусту, и не только попусту, но и без толку: ибо знаем, что не смудрить только надо, но и привести то в дело, а власти-то и силы, видимо, нет в наших руках.

Это все враг надувает в уши такие умничанья и особенно ныне располагает их. Ничто так не сильно остепенять, как страх адских мучений. И скольких избавляет от греха или ведет к покаянию память о сем?! Вот враг и покушается всячески отстранить эту острастку. Ведь какой хитрый! За Бога стоит, благость Божию защищает; а между тем против Бога вооружает и богоборцами делает. Ты у меня, говорит, умник или умница... живи как хочешь. А что там ад и муки, — этого ничего нет. Попы да монахи выдумали, криво толкуя слово Божие. — Каков! — Развели уши наши красавцы и красавицы, — и пустились во вся тяжкая. А враг стоит да зубы скалит и в ладоши бьет. Сколько добычи нахватал он сим способом в ад свой?! (17. С. 18—19)

***Как совместить наслаждение праведных
с их безучастием к страждущим в аду***

«Как праведные будут наслаждаться невозмутимым счастьем при сознании, что где-то страдают живые существа и будут непрестанно страдать? Если они возмогут быть счастливыми, то они перестанут быть праведными, и такая безучастность к ближним на небе ввергла бы их в ту же геенну, от которой они избавились, практикуя сострадание и любовь к страждущим на земле». — Это чисто адвокатский прием — пускать пыль в глаза софизмами. Если праведников за несострадание к отверженным осужденникам — в ад, то Бога-осудителя куда?! — Вы все забываете, что ад не человеческая выдумка, а Богом учрежден и по Божию же присуждению будет наполнен. Так открыл Он нам в слове Своем. Если так, то, стало быть, такое действие не противно Богу и не нарушает, скажем так, внутренней гармонии Божеских свойств, а напротив, требуется ею. Если в Боге так, то как это может расстроить блаженное благонастроение праведных, когда они един дух суть с Господом? Что Господь считает

правым и должным, то — и они. Сочтет Господь должным послать в ад нераскаянных, так будут сознавать сие и они. И состраданию тут места нет. Ибо отверженные Богом отвергнуты будут и ими, чувство сродности с ними пресечется. И на земле духовное родство бывает совсем иное, чем естественное, и коль скоро последнее несогласно с первым, то оно охлаждается и совсем исчезает: родные кровно делаются чуждыми друг друга. Это внушил Господь, когда сказал: кто мать Мне и брат? — И ответил: творящий волю Отца Моего. Если на земле так, то на небе это обнаружится в крайней силе, — и особенно после последнего суда. Отверженные будут иметься наравне с теми, в чье место они пойдут, кому уготован огонь вечный. (17. С. 19–20)

***Почему нельзя думать, что не так переведено,
не так истолковано***

Недоумение ваше таково: «Как можно, чтоб будущие мучения были вечны?! Никак нельзя. Это благодати Божией противно». — Прежде всего спросите у своей детской веры, знает ли она, что Бог именно так определил? — И если не знает, просветите ее, указав ей прямые Божеские о сем определения. Господь ясными словами, не допускающими никакого перетолкования, говорит: *идут сии в муку вечную* (Мф. 25, 46). — Это говорит Господь, нас ради человек и нашего ради спасения воплотившийся, пострадавший, умерший, воскресший, вознесшийся на небеса и седший одесную Отца, чтоб и там выну ходатайствовать тоже о спасении всех и каждого. Если говорит так Тот, Кому столько стоило спасение наше и Кто ничего так не желает, как чтобы все спаслись, верно, иначе сему быть нельзя. Кажется, такой вывод столь верен и непреложен, что и колебаний никаких допустить не может. А мы с вами что сделали? — Так увлеклись недоумением, что заподозрили и подлинность Писания, и верность толкования, говоря: или не так написано в подлиннике, или не так истолковано. Так понравилось нам наше недоумение, что мы готовы ради него все вверх дном повернуть. Но ведь

мы имеем подлинные новозаветные Писания. Там стоит: *идут сии в муку вечную*. Затем, сколько ни есть переводов Нового Завета, во всех стоит: *идут сии в муку вечную*. И никаким переводчикам никакого повода не представилось и в голову не пришло как-нибудь иначе перевести эти страшные слова: *в муку вечную*. Потому не может подлежать сомнению, что Господь именно так сказал. Истолковывать же тут нечего, — слова ясны без толкования¹¹. (17. С. 8—9)

Вы продолжаете: «Неужели я погибну за то, что призадумюсь над этой дилеммой и скажу себе: тут что-то не так; или не

¹¹«Церковь, основываясь на слове Божиим, признает геенские мучения вечными и нескончаемыми, и поэтому она осудила на Пятом Вселенском Соборе лжеучение оригенистов, будто демоны и нечестивые люди будут страдать в аду только до определенного времени, а потом будут восстановлены в первоначальном невинном состоянии, называемом “апокатастасис”... Стремление понять геенские мучения в относительном смысле: “вечности”, как некоего периода, может быть и длительного, но конечного, встречалось как в древности, так встречается и поныне. Некоторые же вовсе отрицают реальность адских мучений. Приводят соображения логического свойства, указывающие на несоответствие мучений с благодатью Божией; на кажущуюся нам несообразность между временным преступлением и вечностью наказаний за грех; на несоответствие мучений с конечной целью творения человека, которая есть блаженство в Боге. Но не нам определять границы между неизреченной милостью Божией и правдой — справедливостью Его. Знаем, что Господь *хочет, чтобы все спаслись и пришли к познанию истины*. Но человек способен собственной злой волей оттолкнуть милосердие Божие и все средства спасения... Мы не имеем права понимать слова Господа как угрозу или некий педагогический прием, применяемый Спасителем для исправления грешников. Епископ Феофан Затворник пишет: “Пойдут праведники в жизнь вечную, а осатаневшие грешники — в муку вечную, в сообществе с бесами. Кончатся ли эти муки? Если кончится сатанинство и осатанение, то и муки могут кончиться. А кончится ли сатанинство и осатанение? Посмотрим и увидим тогда... Чего не видел сатана после своего падения! Сколько явлено сил Божиих! Как сам он поражен силою Креста Господня! Как доселе поражается этою силой всякая его хитрость и злоба! И все ему нейдет, все идет против: и чем дальше идет, тем больше упорствует”». Александр (Милеант), епископ. Христианское учение о конце мира и будущей жизни // Миссионерские листки. См:

так переведено, или не так истолковали слова Спасителя?» — Погибнете ли вы из-за этого недоумения, не мне решать, а Испытующему сердца, Который видит все, видит, как и почему зарождаются мысли, и соответственно тому винит или обезвиняет. Но должен сказать вам, что небезопасно поперечить явному определению Божию в угоду своим мудрованиям, софистический строй которых так очевиден. Что приходят недоумения — в этом не всегда есть грех, но когда при появлении их тотчас становится кто на сторону их — то тут есть лукавство слабоверного и небоголюбивого сердца. Я уже поминал в начале, что недоумений не должно допускать до сердца, но как только появятся, отбивать их, а затем, дав покой вере сердца, спокойно искать разъяснения, не беспокоясь слишком, если и не придется тотчас найти его; ибо вера наша стоит на твердом камне: так Бог повелел верить.

Но это уже писано; я привел вашу речь, чтоб оговорить следующую фразу: «Или перевели не так, или не так истолковали». — Это значит, что вы полагаете возможным думать, будто у нас нет подлинного слова Божия и нет правильного истолкования его. — Где это вы захватили такую премудрую мысль?! Вот греческий подлинник Нового Завета; вот славянский перевод наш, совершенно с ним согласный, равно как и русский. Читайте там, читайте здесь, всюду вы будете читать истинное слово Господа Спасителя нашего. — А что слово сие истинно понимается и правильно толкуется, в этом поручительница вам Святая Церковь, которую Сам Господь поставил быть столпом и утверждением истины (см.: 1 Тим. 3, 15). Вот наша охрана! — И избави нас Господи допустить противные сему мысли! — Если допустим такие мысли (т. е. или подлинника нет, или толкование не право), то на чем остановимся и на чем оснуемся своими мыслями? Надо будет или совсем оставить слово Божие, как заподозренное в неподлинности, или, держа его в руках, доискиваться по догадкам, что можно почести подлинным; а это то же, что сочинять самим себе слово Божие. Се путь Штраусов и

Ренанов!¹² — Оба эти приема стоят один другого. Ибо действитель — там и тут — все тот же разум. А посмотрите-ка по истории, сколько напутал этот разум?! — И придется плутать. Боже избави. Вот у соседов наших (на Западе) ум орудует по делам веры. И чего-чего там не наплели?! Избави нас Господи от такой беды! Отобьемся от берега, — начнут бросать нас туда и сюда волны мудрований разума. — И пропадем. (17. С. 20—22)

Вообще можно ли рассуждать о делах веры

«Если ответите, что не мое дело рассуждать, — надо верить слепо, то придется просто замолчать, оставаясь, однако ж, к несчастью, при своем недоумении». — Нет, я не скажу, что не дело кому-либо рассуждать о делах веры. Куда же нам девать разум-то свой? Но скажу, что рассуждение рассуждению рознь, а иное хоть брось. Рассуждать рассуждайте, но покорности вере не ослабляйте и не расшатывайте, потому что это есть покорность Богу, против Коего спорить нельзя. По-вашему выходит: не рассудишь, — вера слепа. А на деле, как я уже писал, так есть, что вера не слепая, а видящая не та есть, которая рассуждает о предметах веры, но которая искренне и непоколебимо верит, основываясь на том убеждении, что так Бог повелел верить, как дитя без рассуждений верит слову отца и матери. Рассуждение приходит к вере, и пусть его рассуждает согласно с верою, не присвоая, однако ж, большого веса себе самому. Мы обычно, когда рассудим о чем, полагаем, что уж и не знать какое великое дело сделали, услугу вере оказали, подкрепили и поддержали ее. А в существе дела рассуждение ничего не придает силе и значению веры. Напротив, кто в деле веры начнет давать более веса

¹² *Штраус Давид Фридрих* (1808—1874) — немецкий теолог, философ, историк. Автор книги «Жизнь Иисуса» (т. 1—2, 1835—36).

Ренан Жозеф Эрнест (1823—1892) — французский писатель, автор трудов по истории раннего христианства. На русском языке известны его произведения «Жизнь Иисуса» (1863) и «История происхождения христианства» (1863—83).

своему соображению и рассуждению, тот тем самым умалит значение своей веры пред Богом, как умаляют силу вина, подливая в него воды. Кто своему рассуждению дает много веса, тот разуму своему верит, а не Богу. И собственно тут уже нет веры. — Так-то: рассуждать отчего не рассуждать, только в области веры всегда надо рассуждать по началам веры и с покорностью вере — вящшею, чем внимание к своему рассуждению. (17. С. 22—23)

4. Разъяснение отдельных истин

Что значит ходить в истине?

Что значит *ходить во истине* (см.: 3 Ин. 1, 3—4)? Значит, приняв истину в сердце, так держать себя в мыслях и чувствах, как требуется истиною. Таким образом, что Бог есть везде и все видит, — это есть истина: кто примет эту истину сердцем и станет держать себя и внутренне, и внешне так, как бы пред ним был Сам Бог и все в нем видел, тот будет и ходить в этой истине. Что Бог все содержит и что без Него мы ничего не можем успешно делать — это истина; кто примет ее сердцем и станет во всем, что бы ни делал, обращаться в молитве за помощью к Богу и принимать все, что с ним ни случилось бы, как от руки Господней, тот будет ходить в этой истине. Что смерть каждый час может нас похитить, а по смерти тотчас и суд — это истина; кто примет эту истину сердцем и станет так жить, как бы должен был сию же минуту умереть и предстать на суд Божий, тот будет ходить в этой истине. Так и относительно всякой другой истины. (12. С. 37)

Что значит исповедать Господа

Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным (Мф. 10, 32). Трудно ли исповедать Господа? — Никакого нет труда. Какой труд сказать, когда требуется, что Господь наш Иисус Христос есть Единородный Сын Божий и Бог, Который ради нас пришел на землю,

воплотился от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечился, был распят, пострадал, погребен, воскрес в третий день, восшел на небеса, и сидит одесную Бога Отца, и опять придет судить живых и мертвых; послал Духа Святого на святых Апостолов, силою Его устроивших на земле Святую Церковь, которая, научая истине и освящая Таинствами, незаблудным путем ведет всех верных чад своих в Царство Небесное? Все это мы повторяем всякий раз, когда слышим и читаем Символ веры. Так возьми эти истины, напечатлей их в сердце своем и будь готов, не боясь никакого лица человеческого, предъявить, что так, а не иначе должно веровать, чтоб быть спасену, готовясь вместе потерпеть и то, что за это в ином случае достанется тебе. Заграждай уста учителей лжи и хулителей христианства словом истины, — и получишь то, что обетовано Господом. Ты исповедуешь Его Богом и Спасителем пред человеками, а Он пред Богом Отцом исповедует, что ты верный Его последователь и исповедник. (12. С. 85)

Что такое искупление

Искупление — вот единственный способ оправдания! Искупают, когда уплачивают за кого деньги и высвобождают его из уз рабства. Род человеческий чрез падение прародителей попал в рабство греху и диаволу, обладавшим им по причине виновности его, привлекушей на него и державшей над ним клятву Божию. Для спасения его надлежало снять клятву, дав праведное основание к обезвинению его, и затем влить в него новую силу во истребление силы греха и чрез то отразить власть диавола. Все сие совершил Господь Иисус Христос, Сын Божий Единородный и Бог, приняв на Себя естество человеческое и им умерши на Кресте, воскресши, вознесшись на небеса, восседши одесную Отца и Духа Святого ниспославши на святых Апостолов, а чрез них и во все человечество.

Все сие в совокупности и есть Домостроительство спасения нашего, или искупление рода человеческого. Приступающие к

нему верою получают отпущение грехов, а потом и благодать Духа чрез Таинства и являются не только обезвиненными, но и праведными во внутреннем строе своем. Искуплением иногда означаетя и не все Домостроительство спасения, а одно то действие его, что Господь крестною смертию Своею избавил нас от лежавшего на нас осуждения и тяготившей нас клятвы Божией. В выкуп за нас — неоплатных должников — дал Он кровь Свою. Она и вопиет паче Авелевой, но призывает свыше не кару, а совершенное оправдание на всякого верующего¹³. (32. С. 227–228)

Что значит оправдание пред Богом

Что значит здесь *оправдание*? — По общему смыслу оправдаться значит представить уважительные причины, по которым законно с кого-либо снимается взводимая на него вина и он объявляется правым. В этом смысле оправдание пред Богом не

¹³ «Здесь, как и в толковании других мест Священного Писания, епископ Феофан Затворник строго держится святоотеческого учения. Для нас епископ Феофан есть благодатный толковник благодаря своей святой жизни и в силу того, что он был весь проникнут учением и духом святых отцов и в своем толковании Божественного Писания ничего не говорил от своего собственного разума, а говорил словами святоотеческого учения. Утверждать, что епископ Феофан держится схоластического толкования в указанном тексте Священного Писания, это значит давать повод думать, что и святые отцы Церкви, толкование коих здесь приводится епископом Феофаном, были схоластическими толковниками, и, таким образом, унижать святоотеческий авторитет. Мы с этим никогда не согласимся.

По нашему глубокому убеждению, мы только тогда будем правильно понимать Священное Писание и не погрешать против истины, когда будем держаться святых отцов Церкви. В этом-то и заключается величайшее значение для нас епископа Феофана Затворника. Он своими творениями, дивными по общепонятному, евангельскому изложению, неотразимо влечет нас к святым отцам, внедряя в наш ум благодатное святоотеческое понимание истин Божественного Откровения». *Серафим (Соболев), архиепископ*. По поводу статьи митрополита Антония (Храповицкого) «Догмат Искупления» // *Святитель Серафим Соболев*. Жизнеописание и сочинения. St. Herman of Alaska Brotherhood Press, 1992. С. 40–41.

может иметь места. Между людьми возможно, что на иного внесут вину, которой за ним нет, и ему стоит только объяснить дело, чтоб явиться невинным. Но пред Богом мы все виновны самым делом и ради греха прародительского, и ради собственных своих грехов. Никаких извинений не можем мы представить в свое оправдание и ничего не можем мы сделать, чем бы могли загладить вину свою. Как же быть? Так бы и оставаться нам всегда под судом правды Божией, если бы благодать Божия не устроила нам особого способа оправдания.

Чтобы лучше понять это, представим нашу виновность под видом долга пред правдою Божиею. Должник сам может не иметь способа уплатить свой долг, но за него может уплатить другой, и когда уплатит, заимодавец более не считает уже его ответным пред собою, очищает, делает его свободным от долга. Это самое и устроила нам благодать Божия в оправдание пред Богом. Долги наши неоплатны. Но за всех нас уплатил их правде Божией Господь наш Иисус Христос крестною Своею смертью, сила которой определяется так, что в ней Господь грехи наши Сам вознес на теле Своем на древо (см.: 1 Пет. 2, 24), рукописание грехов наших пригвоздил на Кресте (см.: Кол. 2, 14). Остается только сделать, чтобы правда Божия признала каждого из нас в отдельности, лично, подходящим под эту милость, или чтобы каждый из нас предъявил правде Божией, что в общей массе лиц, долги которых оплачены, уплата шла и за него.

Пусть в каком-либо городе много должников и какой-нибудь богач объявит заимодавцам, разным или одному, что какой должник представит расписку или свидетельство от меня, того долг считать оплаченным из моей кассы, а его свободным от долга. Вот эту расписку, или свидетельство от лица Господа, и должен каждый грешник представить правде Божией, чтобы стать пред нею свободным от долга грехов своих. Какая же это расписка, или свидетельство? Вера в Господа нашего Иисуса Христа. Уверовавший в Господа прав пред лицом Бога правды. (35. С. 185—186)

Зачем труды и подвиги телесные

Внешние труды и подвиги суть средства: они ценны только тогда, как приводят к цели и ею требуются. И мысли на них не останавливайте, как бы они что значили. Главное в чувствах и расположениях. На них и обратите все внимание, если уже установились во внешнем порядке жизни. (4. С. 169)

Главная цель всей жизни христиан... всех трудов и подвигов, и куда, потому, должно направлять сии подвиги — именно очищение сердца *от страстей*... У кого очистится сердце, того не задержат на мытарствах. (3. С. 131)

Телесные подвиги нужны потому, что тело служит седалищем страстей. Не смиришь плоти — не будешь иметь успеха в преодолении страстей. Надо потому преутрудить плоть лишениями пищи, сна, покоя и всякого услаждения чувств. (17. С. 242)

Зачем благодать покаяния

Бывает, что иной сам собою без благодати начнет напрягать себя к добру, сам собою отсекает пороки; но продолжает несколько сей труд и оставляет его опять или если и не оставляет, то успевает им образовать из себя человека, чистого только по внешности: это исправление естественное; в нем нет внутреннего духа жизни. (16. С. 208)

Никто к ветхой одежде не приставляет заплаты из небеленой ткани... не вливают также вина молодого в мехи ветхие (Мф. 9, 16—17). Что этим сравнением хочет показать Спаситель? Сими сравнениями Господь показал, что строгие подвиги без духа жизни истинной... не пользу приносят для нравственного строя, а расстройство и пагубу.

Кающемся и дается благодать, которая образует в нем решимость угождать Господу не щадя живота. У кого есть такая решимость, тому все подвиги впрок идут... А у кого нет, тот ког-

да иной раз возьмется, например, за строгий пост, потянет-потянет — и бросит... И жизнь у него после сего еще хуже бывает. (2. С. 227)

Порядок Божий требует, чтоб мы трудились до поту... а успеха трудов своих ожидали единственно от благословения Божия. Бог не станет нам помогать, если не станем трудиться, но и труд наш один не приведет к желаемому концу, если не низойдет к нему высшая помощь. (22. С. 9—10)

Покаяние и сокрушение о грехах с исповедью и обещанием не грешить более — изглаждают грехи отвсюду, где они печатляются — из существа нашего, из всего окружающего, и даже из памяти Божией, и делают кающегося грешника неповинным пред лицом Бога праведного, облакая его одеждою оправдания, заемлемою от ризы Господа, ради нас пострадавшего. Разрешение священническое раздирает рукописание грехов, а раздранное рукописание теряет всю свою силу, по воле Самого Судии, Который сказал: *елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех* (Мф. 18, 18). Уверенность в сем исполняет сердце грешника благонадежием, и хотя он знает, что грешил, но идет пред Судию без трепета, зная, что его приход туда предварило уже оправдание, или что там при Судии есть и Ходатай, готовый заступиться за него... *Ибо аще кто согрешит, Ходатая имамы ко Отцу Иисуса Христа Праведника* (1 Ин. 2, 1).

Если б какой преступник уверен был, что за него заступится наследник престола, глас коего силен у царя, то без боязни шел бы к царю, какое бы преступление ни сделал. Так без страха и смущения может являться пред Судию Бога и грешник, — покаявшийся; ибо там за него заступится Единородный Сын Божий, грехи наши взявший на Себя, и вознесший на древо, и сказавший: *приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии грехами, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28). Так кто хочет покойно умереть, покайся и впредь не грехи. (14. С. 214—215)

Что значит: Церковь — дом спасения и просвещения

Господь наш Иисус Христос, совершив наше спасение в Себе Самом, благоволил учредить на земле Святую Церковь для при-
ложения и усвоения сего спасения ко всем. Церковь Святая есть
единственный на земле дом спасения. Кто вне ее, тот погибает.
Господь говорит: *буди тебе, яко язычник и мытарь* тот, кто отде-
лился непокоривостью от Церкви (Мф. 18, 17). Все, кои не во-
шли в ковчег, погибли во время потопа: и все, кои не войдут в
Церковь, погибнут. Живой союз с Церковью есть единственное
условие спасения. Пребывать в сем союзе — существенная обя-
занность верующего...

Церковь есть дом спасения потому, что все существенные наши
нужды удовлетворяются только в ней. Так, нам нужно *просве-
щение* познанием истины: она есть *просветительница*; нужны
нам *силы* для укрепления слабых сил наших: она *подательница
благодати*; нужна нам *защита* от опасностей и врагов: она нам
ходатаица и покров. (15. С. 362)

Церковь просвещает посредством проповеди слова Божия. И
слово Божие, писанное и неписанное, и проповедание его постоян-
но пребывают в Церкви. И так надлежит нам содержать в мыс-
ли и *помнить, что есть у нас книга книг*, содержащая единую
безпримесную истину, т. е. Святая Библия, неоцененный дар
Божий; *благоговейно почитать* ее, любить и благодарить за нее
Господа; *поучаться* в ней день и ночь и образовать по ней жизнь
свою: для сего, приступая к слушанию и чтению ее, приступать
благоговейно, очистив ум от помышлений суетных, читая, вни-
мать и уразумевать, прилагать к тому сердце, полагать намере-
ние исполнить и, возблагодарив Бога, что напитал, помолиться
о силах осуществить узнанное...

Вообще же к просвещению ума познанием истины, сообщаему
Святой Церковью, надлежит питать следующие расположе-
ния: *веровать* и содержать сердцем, что одна *Церковь есть
столп и утверждение истины* (см.: 1 Тим. 3, 15), что ее просве-

щение есть единое истинное просвещение, Божественное, всякое же другое, внешнее, несравненно ниже его и, коль скоро не согласно с ним или противно ему, есть ложь и заблуждение, или мудрость бесовская. — Потому *здесь преимущественно искать просвещения*, не самочинно, но чрез учительство, Богом установленное, и под его руководством, хотя не без собственного труда; а после него и *по духу его* принимать и просвещение *светское*, но только нужное, и под тем условием, если оно согласно с несомненною истинною, ибо все прейдет, останется одна истина. (15. С. 364—365)

***Что значит: Церковь — ходатаица,
освятительница и врачевательница***

Главнейшее ходатайствование Церкви состоит в принесении Безкровной Жертвы за грехи всего христианского мира. Жертва сия непрерывно жрется [совершается] в Церкви. Как Господь на небе одесную Бога ходатайствует о нас, так она здесь. Крест как бы не сходит с лица земли со времени первого его водружения.

Грешим мы и прогневаем непрерывно Бога. Меч над главами... Стоит в Церкви непрерывная Жертва Тела и Крови Христовой, всех очищать сильная. Итак спешите участвовать в приношении сей Безкровной Жертвы, да очиститесь... т. е. бывайте на Литургии сколько можно чаще, подавайте на проскомидию, если можете, и потом, во время совершения ее, духом сокрушенным и слезным молением привейтесь к возносимой Жертве. Когда не бываете в церкви, то в тот час, как услышите звон к достойному¹⁴, молитесь о принятии Жертвы и ради себя. — Это сильнейшая защита Церкви, которой ничто заменить не может.

Есть потребности и нужды *душевные*: надобно *учиться*? благословись; учение не принимается? прими молитву; тягота,

¹⁴ Согласно богослужебной практике XIX века, во время самой важной части Литургии совершался звон в один колокол, называемый к «Достойно», то есть от слов: «Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу» до пения «Достойно есть, яко воистинну блажити Тя, Богородицу».

скорбь и тоска томят сердце? прибегни к положенному пению [псалмов]; враждуешь на кого, но себя одолеть не одолеешь? проси помолиться.

Есть потребности и нужды *телесные*: нужен сон, но сон бежит? прибегни к Церкви; спишь хорошо, но сатана издевается над сонным? прогони его силою церковной молитвы; нужен дом? и основание его, и его самого освяти; нужен колодезь? освяти; нужен сад и овощи? освяти; нужна соль? освяти; нужен огонь? освяти; *хлеб* нужен? и семя, и всход, и гумно освяти; плоды ли новые или новую пищу вкушать начинаешь, освяти. И вообще все, что только касается человека, что входит внутрь, должно быть освящено. Сына нет, некому быть наследником, некому поддержать в старости? прими его от Церкви чрез всыновление; в путь отправляешься? поди, Церковь помолится о благопоспешении пути твоего.

Есть беды *частные*: немощ какая в теле? врачуйся у Церкви; насилуется кто от бесов? употреби заклинания церковные*; дом стужается от них? изгони их ее же молитвами; нива, или сад, или огород вредится от гадов? прибегни к тому же оружию.

Есть беды *общие*: бездождие и безведрие, мор, злорастворение воздуха, трус, глад, буря, громы и молнии, нашествие врагов или другая какая беда. От всего сего ищи защиты чрез молитвы церковные...

Так со всех сорон обложен человек ограждением и защитою церковною. Лишь только выходит он на свет, сретається молитвою Церкви и, когда отходит, с ее же молитвою сопровождается за пределы гроба...

Кто лишает себя сих средств, тот и стал, как сад разгороженный, по которому рыщут звери и все в нем губят. Господь говорит о семени добра в душе, что входит диавол и крадет его. Так обгородить себя должно всякому. Ничего так не боится окаянный, как чего-нибудь церковного. (15. С. 371—374)

* Молитвы запрещения см. в Требнике.

Почему мы поминаем усопших?

Спрашиваете, почему мы поминаем усопших? — Потому, что так заповедано нам делать. А что заповедано, — видно из того, что в Церкви Божией не было времени, когда бы не творилось это поминовение. Значит, это идет от Апостолов и Самого Господа. — Но умишко наш всюду суется со своим носом, крича: почему и почему? Всего лучше дайте ему верую искреннею щелчок в нос, — и присядет.

Можете, после сего, сказать сему буяну... Слушай, дурень: отшедшие живы, и общение у нас с ними не пресекается. Как о живых молимся мы, не различая, идет ли кто путем праведным или другим, так молимся и об отшедших, не доискиваясь, причислены ли они к праведным или к грешным. Это долг любви братской. Пока последним судом не разделены верующие, все они, и живые и умершие, единую Церковь составляют. И все мы взаимно друг к другу должны относиться как члены одного тела, в духе доброхотства и любительного общения, и живые и умершие, — не разгораживаясь пополам умиранием. (6. С. 25)

**Не баснословны ли подвижники,
двигающие горами и приручающие львов**

Господь, Который есть *Истина* и Коего обетования суть: *ей и аминь* (см.: 2. Кор. 1, 19-20), обетовал: *веруйай в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит и больша сих сотворит* (Ин. 14, 12); и в другом месте: *аминь глаголю вам: аще имате веру, яко зерно горюшно, речете горе сей: прежди отсюда тамо: и прейдет: и ничтоже не возможно будет вам* (Мф. 17, 20). Еще более — Мк. 16, 17—18. Итак — обетование не ложно. Обетование дано вере. Следовательно, вера может производить дивные дела. До веры ли таковой, думают, нельзя возвыситься, что не хотят верить силе веры?! Но в таком случае зачем бы Господу и давать такое обетование вере, если бы такая вера не была для нас возможна? Господь не тратит слов понапрасну, и глагол Его не возвращается тощ. Если же так, то почему не верить, что из совершенно верующих

и всецело преданных Господу один словом обуздывает диких ослов, другой смиряет и подчиняет себе льва, третий другое что делает подобное и проч.? Труднее ли это, нежели переставить гору?!! — И однако ж это обещано истинной вере. (3. С. 140–141)

Первому человеку в раю повиновались животные потому, что видели сияющий в нем образ Владыки всякой твари. Образ Божий затмился, прекратилось и повиновение животных человеку; но оно тотчас естественно как бы возвращается, коль скоро восстановится в человеке образ Божий. А это и производит Божественная благодать ради веры и трудов по вере в людях, совершенно предавших себя Господу, каковы были пустынники, облекшиеся в нового человека, созданного по Богу в правде и преподобии истины (см.: Еф. 4, 24). Почему же не верить тем сказаниям, в коих они представляются повелителями животных?!! Верно, их внешнее уничтожение соблазняет гордый ум?! — Но не надобно забывать, что немощное Божие крепчае человек есть (см.: 1 Кор. 1, 25) и что обильнейшая благодать обычно носится в скудельных сосудах (см.: 2 Кор. 4, 7). (3. С. 141–142)

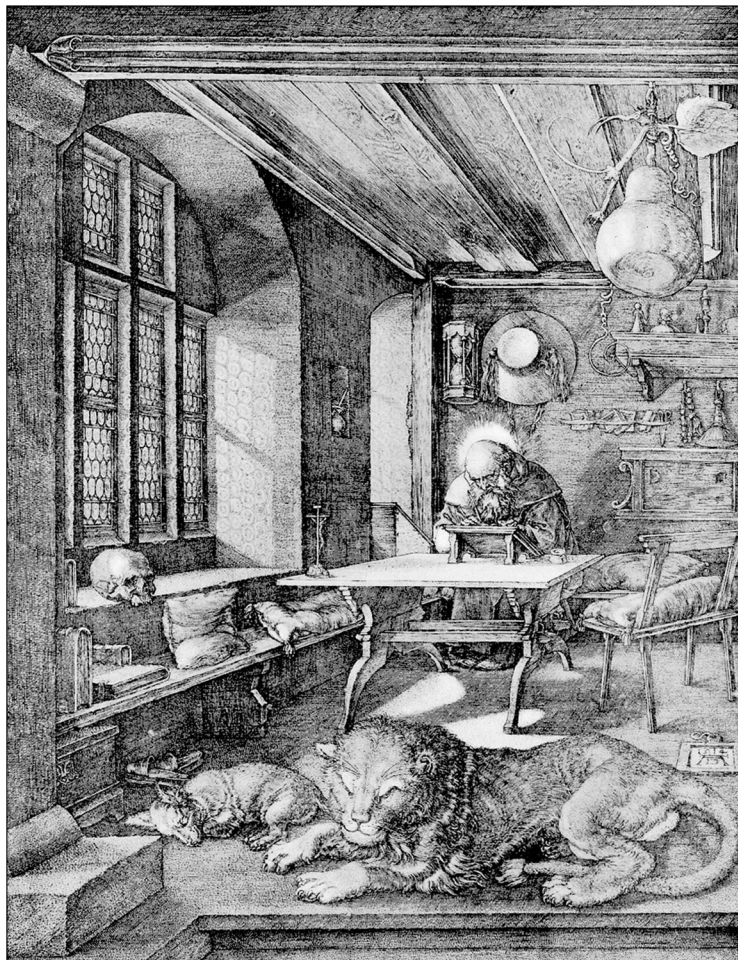
Такие сказания о чудных действиях святых Божиих пустынников на животных передали нам:

- 1) Палладий, епископ Еленопольский, в своем Лавсаике¹⁵.
- 2) Блаженный Феодорит, епископ Кирский, в своей Истории боголюбцев¹⁶.
- 3) Блаженный Иоанн Мосх со святым Софронием, который был потом патриархом Иерусалимским, в своем Луге духовном¹⁷.

¹⁵ См.: *Палладий, епископ Еленопольский*. Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов. М., 1992. Главы: 26, 44, 46, 47, 53, 96.

¹⁶ См.: *Блаженный Феодорит, епископ Кирский*. История боголюбцев, или Повествование о святых подвижниках. М., 1996. Главы 2, 6 и проч.

¹⁷ См.: *Луг духовный*. Творение блаженного Иоанна Мосха. М., 2002. Главы: 2, 84, 92, 101, 107, 125, 157, 158, 163, 167, 181.

Альбрехт Дюрер. Св. Иероним в келлии

Первому человеку в раю повиновались животные потому, что видели сияющий в нем образ Владыки всякой твари. Образ Божий затмился, прекратилось и повиновение животных человеку; но оно тотчас естественно как бы возвращается, коль скоро восстановится в человеке образ Божий. А это и производит Божественная благодать ради веры и трудов по вере в людях, совершенно предавших себя Господу, каковы были пустычники, облекшиеся в нового человека. (С. 62)

4) Скитские старцы — соборно — в своем Патерике или в Достопамятных сказаниях¹⁸.

Все сии сказания Святой Церковью признаются несомненно истинными, и не без оснований. Сказатели их, почти все суть высшего в Церкви епископского достоинства люди, самым самым своим внушающие доверие, лица, именно на то и поставленные в Церкви, чтобы право править слово истины, истинные пастыри, — чтимые за то всеми сынами Церкви... Сверх того, все, что они рассказывают, рассказывают как очевидцы или на основании свидетельства очевидцев. (З. С. 144–145)

Церкви, которая есть *столп и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15), нельзя не верить. Она предлагает в назидание своим сынам сказание о чудесных действиях святых подвижников над животными как несомненно истинные. Следовательно, им должно верить. — И мы верим. — Мать не станет обманывать своих детей и вместо хлеба не подаст им камень. (З. С. 140)

5. Как бороться с сомнениями и хульными помыслами

Почему недопустимы непрестанные сомнения в истинах веры

Как нельзя идти по тонкой, колеблющейся доске, потому что закружится голова и упадешь, так нельзя вести жизнь должную тому, у кого в голове непрестанно возникают предположения: «Да полно, не вот ли как надо? Не лучше ли вот этак? Да ведь и вот как можно!» А кто, совсем поколебавшись в некоторых истинах, думает по-своему устроить жизнь богоугодную, тот похож на человека, который, строя дом, кладет между здоровыми венцами и гнилые. Снаружи такой дом представляется и новым

¹⁸ См.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 1999. С. 21, 240–241, 444, 533 и проч.

и прочным, а на самом деле обречен уже падению; так точно и жизнь такая только с виду добра, но уже несет в себе свое осуждение. (28. С. 57)

***Почему нельзя оставить сомнения
без внимания и врачевания***

Противление истине начинается малыми сомнениями, возбужденными словом или писанием злым. Оставь их без внимания и врачевания, — они заведут к неверию и упорству в нем. До отчаяния тоже доходят незаметно: покаюсь, говорят, и грешат. Так несколько раз; потом, видя, что покаяние не приходит, говорят в себе: так тому и быть, не совладаешь с собою, — и предаются греху в полную власть. Собирается бездна грехов, а при этом допускается и бездна противлений явным влечениям Божией благодати. Когда в этом виде придет человек к мысли исправить-ся, — множество грехов подавляет его, а противление благодати отнимает смелость приступить к Господу, и решает: *взящая вина моя, еже оставитися мне* (Быт. 4, 13). Вот и отчаяние! Берегись начатков неверия и грехолюбия, и не попадешь в эту бездну. (12. С. 116)

Почему Бог попускает быть сомнениям

Сомнения ведь у всякого почти приходят, но приходят и отходят. Всегда также можно найти мысли, побеждающие сомнения и прогоняющие их. На дела Божии надо смотреть со всех сторон: у них есть светлая и пресветлая сторона, — и есть призрачная, прикровенная. На последней стороне все сомнения. Так Бог устроил для испытания искреннего искания Его и смирения, с каким приступают к сему делу.

Вам, кажется, думается, что как скоро где Бог и истина Его, там все должно быть блестяще, — ярко бить в глаза, — и всем внушать громко: вот что есть Божеское! Не замечаете ли вы, что, думая так, вы Богу предписываете, как Он должен вести дела Свои. А это, как сами согласитесь, не в порядке вещей. — Дела

Божии сами в себе точно таковы; но внешне прикрыты невзрачностью, выражусь так. — Зачем так?! На это нечего сказать, кроме: так Богу угодно. Но что точно так есть, что под невзрачностью скрыта красота и под примрачностью свет — в этом нет сомнения. Только свидетельство об этом надо искать не у неверов, а у верующих, и не у верующих только, но и живущих по вере. Раскуси орех, — найдешь ядро — вкусное и питательное. Бог не пометает бисера — как попало. Спаситель и к народу о Царстве Своем говорил прикровенно, в притчах. Имевшие в себе задаток духовного разума тотчас проникали внутрь и уразумевали истину. Так и во всем. Вот возьмите — как из семени растение выходит. Семя раскиснет, разложится и будто загниет; а между тем внутри раскрывается зародыш, понемножку, понемножку крепнет, дает росток, выходит из земли и т. д. И чем следует ему быть, становится уже, когда, когда?

Так мрачно все вокруг, если смотреть совне. На деле же есть — светлое водительство Божие, которым Он всех и каждого ведет к последнему концу. Никто не забыт. Всех отец есть Бог. Как несчастен род наш, когда для спасения его необходимо было, чтобы Сам Бог снизошел к нему, принял его естество, — и в этом естестве проложил ему путь восхождения туда, где Он Сам есть, — одесную Отца?.. А что бывают там и сям примрачности и невзрачности — на это что смотреть? Вот вас Господь зовет к вере. Он хочет вам спасения, — и спасетесь, если покоритесь гласу Его. Ради Господа, вас столь любящего, подавите сомнения. Этим принесете жертву Господу, за которую Он не останется в долгу. Сомнения на вас исходят от вашего ума. Подходит враг и всевает плевелы посреде пшеницы. Если это так есть, то какой смысл слушать врага, погибель нам устраивающего, и отдаляться от Господа, руку вам подающего во спасение? (1. С. 146—148)

Приемы обращения с сомнениями

Считайте себя таким лицом, как то, которое испытывает внушения на какое-либо греховное дело или похоть злую. И научай-

тес так же действовать в отношении к сомнениям, как тот действует в отношении к похотям. Первый прием для испытывающего злые влечения есть не считать внушения своим, а всеянным, положить разделение между собою и этим всеянным и, признав его чуждым, отнести к нему не как к своему детищу, а как к вражескому порождению. Отсюда тотчас в душе не ослабляется только, но совсем отходит от ней понуждение — делать по внушению испытываемому. Обычно полагают: своя природа требует, как не удовлетворить? Но кто сразу признал в родившемся пожелании чуждое детище, тому не это положение приходит на ум, а совсем другое. С вопросами обращается он к желанию и подвергает его анализу и критике. Этот самый простой прием рассеивает искушение: оно как дым от ветра исчезает. Вот это именно следует и вам делать при каждом сомнении.

При каждом его порождении не слагайтесь с ним в уме, как будто так уже и на деле есть, как оно внушает, а останавливайте его при самом входе, как непрошенного гостя, и подвергайте осмотру. Как в пожеланиях не слагаться с ними сердцем — есть первое, так в сомнениях не слагаться с ними умом — есть первое. — Скажете, что оно вдруг обнимает и охватывает весь ум. Это ничего. И в желаниях то же бывает, что они вдруг обнимают все сердце. Но это не значит, что они уж и одолели, а означает только безстыдность нападающего. Если кто бросится на вас невзначай и охватит руками, вы не отдаетесь в его власть, а отталкиваете: так и здесь. Пусть охватило сомнение весь ум, напрягитесь оттолкнуть его, чтоб оно стало вне и можно было вести с ним дело, как с другим чуждым лицом.

Если станете так действовать, многие сомнения тотчас будут исчезать, как только вы отторгнете их от ума и потребуете к суду. Если будут упорно оставаться, начинайте гнать их. В отношении к пожеланиям, — по сознанию вражеского в них к нам подступа, у всех святых, — полагается вторым приемом: вместо своей борьбы с ними обращаться к Господу Спасителю, и они исчезают. Думаю, что то же надо делать и в отношении к

сомнениям. Обращайтесь умно к Господу и молитесь Ему прогнать искушение и с искушающим. — И это будет.

Третий прием — восстановить доброе в себе в обычной его силе. — У вас и ум и сердце целы. Не клеветайте на них. Что бывает, бывает от врага. Стало, вам есть за что взяться в себе самих. И беритесь за то. Какие добрые мысли и чувства испытываете, те и спешите восставить. Мне думается, что вся беда у вас оттого, что вы порождающиеся сомнения принимаете как друзей, и впускаете их внутрь, и лелеете их, становясь на их сторону. Это значит и рук не поднимая отдаваться врагу в полную власть. А вы наперед держите убеждение, что сомнения ничего истинного не представляют, и когда родятся, гоните их, всячески напрягаясь пребыть на стороне добра и истины, какие испытывали.

Когда восставите свое доброе состояние, тогда можете анализировать сомнение. Тут оно будет уже очень слабо, — и победа всегда будет оставаться за вами. (8. С. 206—208)

Сомнения! — Да кто их не испытывает? — И я испытывал их. Но станешь разбирать его, и оно разлетится. Сомнение то же, что возражение. Возражение — вдруг — может смутить; но присмотревшись и обдумавши его, опровергают. То же и с сомнениями. Станешь обдумывать, — и дойдешь до решения: нет, это пустое; ничего твердого нет, все только кажущееся, призрачное, как и все вражеское. (8. С. 209)

Способ, чтобы не рождались сомнения

Но есть способ, как дойти до того, чтоб сомнения совсем не рождались. Мне рассказывал один, как его кто-то научил, как до сего достигнуть. Вообрази, говорит, истину и молись о ней или ее во время молитвы вращай в уме и молитвы составляй из нее же. Придет момент, когда истина сия войдет в сердце и обьет все существо души, питая ее и обвеселяя. Это есть сроднение души с истиною; и после сего сомнения уже не могут колебать ее. Они могут в памяти проходить, но бывают далеки от души,

как говор или шепот за стеною. — Так творить меня научил некто. Я стал так делать, и по милости Божией, хоть и грешен есмь, но ум мой плавает в области истины спокойно и утешается ею. (8. С. 209)

Надобно душу питать истинами, назначив каждый день свое время для молитвенного углубления в христианские Таинства. Хорошо это делать утром. Разверните Евангелие, прочитайте мало что, прямее дневное чтение, и углубляйтесь в то, пока прочитанное воспринято будет сердцем и исполнит — займет его. Читать можно и из Апостола, и из Псалтири, только всегда не много. Дело все в том, чтоб истина воспринята была сердцем, исполнила его и разогрела. Это значит, что душа вкусила истину; если вкусила, то и попиталась. (4. С. 178)

Как относиться к хульным помыслам

Относительно хульных помыслов надобно жалеть и каяться пред Господом; но не падать духом и не думать, что от этого пагуба. Как вы не хотите таких помыслов, отвращаетесь от них, то Бог и не гневается на вас. Помыслы не от вас, а враг всевает. И вина на нем. Читайте у святого Димитрия Ростовского об этом статью, в первом томе его творений. Богу молитесь на врага, чтоб отогнал. Почаще сказывайте духовнику. И враг отбежит. Он пристаёт с такими доуками, когда увидит, что душа робеет. А когда увидит, что душа мужественна и понимает его козни, тотчас отстает. (1. С. 46)

Остается мне сказать вам о духе хулы, иногда нападающем на вас. Это воистину дух хулы мутит вас. Не только мысли хульные бывают и поражают, но слышатся слова в ушах. Бес... производитель их. Делает он это для того, чтобы смущать вас и лишить вас дерзновения к молитве. И то имеет он в виду, не согласитесь ли вы на какую-либо хулу, чтоб ввергнуть вас в грех хулы, а потом — в отчаяние. Против сего беса — первое... не смущаться и

отнюдь не думать, что это ваши мысли, но прямо относить их к бесу. Затем — против мыслей и слов — мыслить и говорить противное. Он внушает худое о святом, а вы говорите: врешь, лукавец, он вот каков... Так против всего, — и все говорите, пока не отойдут. Заключите так: буди проклят, хульник, — и слова хулы да обратятся на главу твою... К Господу обратитесь с такою молитвою: душу мою открываю пред Тобою, Господи! Видишь, что я не хочу таких мыслей и не благоволю к ним. Все всевает враг. Отгони его от меня. (1. С. 212–213)

Так как он [сатана] сам преимущественно своеумник, то и между людьми больше любит тех, кто руководится своим умом, — на этом он преимущественно запутывает и губит. И можно сказать, что одно это и дает ему доступ до нас, или возможность свергать в пагубу... Он неотходно при том, кто верит одному себе или слагает свой разум и на него полагается. Такого, разными благовидностями напечатлеваемыми чрез воображение или силу мечтающую, он водит по разным распутиям, пока наконец погубит совершенно. (10. С. 196–197)

Дух хулы в вас есть вражий. — С какою неприязнью он относится к Господу Спасителю?! — Ему это натурально; ибо Господь разрушил власть их, так что одно имя Его страшно для них. А нам чего ради внимать этим насеяниям злых зелий вражеских! (1. С. 153)

Кто будет хулить Духа Святаго, тому не будет прощенья вовек (Мк. 3, 29). Долго ли попасть в этот страшный грех? Очень недолго; ибо вот какие этого рода грехи: «Многое и безмерное упование на благодать Божию; отчаяние или ненадеяние на Божие благоутробие; противоречие явной и утвержденной истине и отвержение православной христианской веры. Иные к этому присоединяют зависть к духовным дарам, которые получает от Бога ближний; упорство в грехе и состарение в злобе; нерадение

о покаянии до отшествия от жизни сей» (Православное исповедание, ч. 3, вопрос 38). Вот сколько путей! Зайди в который-нибудь из них, уж трудно будет воротиться, так и понесет тебя к пропасти поглощающей. (12. С. 116)

Что делать против духа хулы и сомнения

Дух хулы и сомнения притаился, но не думайте, что он так скоро оставит вас. Привыкши находить доступ к вам, он все будет подступать, не удастся ли как-нибудь посильнее смутить. Это все испытывают. Потому пишут, что в борьбе с врагом не надо никогда слагать оружия и всегда быть наготове противостоять ему. Пишут старцы, что когда нападёт искушение, надо отбивать его от сердца неприязненностью к нему, — и затем или вместе с тем обратиться к Господу с молитвою. Неприязненность то же, что — *подать врага в грудь*. — Это сильное и неприятное врагу средство. К нему надо готовиться в мирном состоянии. Надо настоящую возбудить в себе ненависть против врага и порождений его.

Что вы не понимаете в приеме, каким следует истину проводить в сердце, — поймете, когда испытаете. Вот как делать надо! Берите истину какую-либо и полнее уясните ее в сознании, как она исповедуется, — и затем молитесь Господу, да напишет Он ее в сердце, как она исповедуется. Это дело простое! Молитвы из истины же составлять тоже не мудрено. Молитвы наши все и исходят из догматов. Пришел Господь на землю ради нашего спасения. Исповедуя сию истину, молитесь: «Господи! Как тогда, ходя по земле, исцелял Ты всякие недуги, прокаженных очищал, слепым давал прозрение, прииди теперь и ко мне, и просвети очи ума моего, и проказу греховними с меня».

Так в отношении ко всякой истине. Когда все истины войдут в сердце, тогда всем сомнениям конец. Они сами будут отскакивать, как стрелы, от того, кто покрыт латами. Средство это, иными словами, есть: вкусить истину, радоваться ей, с утешением и сладостью воспоминать о ней и с теплотою сердечною вращать ее в уме. Помогите вам Господи достигнуть сего. (8. С. 220—221)

Составьте молитву из догматов

Положите законом — никогда не принимать никаких сомнений и недоумений, а с первого их появления гнать их прочь, без разговоров, как бы основательны и как бы впечатлительны они ни были. Этим положится конец всем подступам врага. Молитве же навейте так, чтоб молиться не в то только время, когда стоите на молитве, а сколько можно чаще, — возношением ума к Богу и святым Его. И молитва сия будет оградой, ограждающей вас от нападений врага. Составьте молитву из догматов наших и ее чаще повторяйте, хоть в таком виде:

Слава Тебе, Боже наш, в Троице поклоняемый, Отче, Сыне и Душе Святой.

Слава Тебе, создавшему все словом и о всем промыслившему.

Слава Тебе, почтившему нас образом Своим.

Слава Тебе, наставившему нас в падении нашем.

Слава Тебе, Сыне Божий, благоволившему воплотиться, пострадать, умереть, воскреснуть, воссесть одесную Отца и Духа Святого нам ниспославшему.

Слава Тебе, Боже Душе Святой, Церковь Божию чрез Апостолов устроившему, и все языки в нее собравшему, и небо святыми избранными населившему.

Слава Тебе, Боже, народ наш (русский) призвавшему в Царство Твое.

Слава Тебе, благоволившему мне родиться среди верующих.

Слава Тебе, многократно мне милости Своей являвшему...

Слава Тебе, путь покаяния и обращения мне устроившему.

Слава Тебе за всё...

С навыком молитве сей и самые догматы низойдут в сердце.
(8. С. 218—219)

Развернутое изложение истин веры православной

Выслушайте, что исповедую, чему учить и веры во что искать буду по долгу пастырства, и по сему судите, кто наш и кто чужд нам, с кем общаться и кого убегать должно, чему следовать

и чего удаляться надобно. Не новое что и не свое будет предложено, а то, что издревле предано нам, как святой закон веры и неизменное правило жизни.

Бог-Троица Так исповедую, что Бог, единый по существу, есть троичен в Лицах — Отец, Сын и Дух Святой и что сии Три не имена суть одного и того же лица и не названия разных действий того же лица, но три ипостаси единого Божества...

Творение Исповедую, что сей Триипостасный Бог всесовершенный, по свободной воле Своей, без всякой внутренней или внешней какой-нибудь необходимости, в шесть дней единым словом Своим сотворил мир сей, не изливаясь в мир и не сливаясь с ним, а пребывая в Себе целым и неизменным, хотя вездесущ есть и все исполняет...

Промышление Исповедую, что всеблагий Бог, сотворив мир, не оставил его на произвол судьбы и не оковал узами неумолимой какой-то необходимости, как учит неверие и суемудрие; а с тою же свободою и властью, с какой сотворил его, с тою же и правит им и благостынно печется о всякой твари, паче же разумной, все свободно направляя к благим целям Своим, не стесняясь законами естества, которые сами суть не что иное, как выражение Его же воли, потому всецело подлежат Его свободному распоряжению и изменению там, где сего требует Его безпредельная премудрость...

Грехопадение Исповедую, что мы, будучи сотворены для всегдашнего общения с Богом и неизменного в Нем блаженства, в прародителях наших, нарушением Его заповеди, отпали от Него, навлекли на себя праведный гнев Его и подпали временному наказанию и вечному осуждению и что потому всякое видимое и испытываемое нами зло внутренне или

внешне не есть естественное наше состояние или следствие нашей ограниченности, а есть прямой плод греха — наказание, только милостью Божиею обращаемое в очистительное нам орудие, под условием веры, покаяния и смиренной покорности воле Божией...

Домостроитель-ство спасения — Исповедую, что движимый любовью Господь, не терпя, чтоб любимое Его творение — человек погибал в сем бедственном положении, благоволил низойти на землю, принять на Себя человеческое естество, страданием и смертью удовлетворить правде Божией и, по Воскресении, вознестись на небо и, седши одесную Бога и Отца, снова открыть человеку свободный доступ к живому богообщению.

Церковь — Исповедую, что все восстановительные Божественные силы, яже к животу и благочестию, положены Господом во Святой Его Церкви как единственной врачебнице нашей и действуют в ней Духом Святым, чрез Святые Таинства и другие освятительные учреждения, над всеми, с отверстым верою сердцем приступающими к ним... и что другого способа к принятию благодатных сил нет и быть не может, что бы ни замыслили и как бы иначе ни мечтали одуховляться некоторые мечтательные умы.

Благодать — Исповедую, что всякому ищущему спасения нужно первее всего покаяться с решимостью не грешить более, хотя бы это стоило жизни; затем приступить к Таинствам для получения благодати, в укрепление слабых на добро своих естественных сил, далее идти посильно путем заповедей Христовых, среди всех освятительных учреждений и молитвований Церкви, существенно необходимых для возгревания в нас духа благодати, под влиянием подвигов самоотвержения к умерщвлению страстей, пока наконец достигнем в светлую область безстрастия и чистоты...

Невидимый мир Исповедую, что начавшие сим путем, вступая в общение с Богом, вступают вместе с тем и в общение с невидимым миром — Ангелами и всеми святыми, прежде их Богу угодившими, и, прибегая к их заступлению, получают благовременную от них помощь, — паче же всех от Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии — всесильной нашей Заступницы и Ходатаицы.

Смерть и суд Исповедую, что за грех первородный душа разлучится с телом действием смерти и пребудет в сем разделении до будущего воскресения и суда, — или питаясь надеждою вечного блаженства, если следовала во всем воле Божией, или томясь страхом вечных мук, если противилась заповедям Господним...

Вот я намеренно очертил вам все наше исповедание, чтобы возобновить в мысли вашей светлый лик веры нашей, — указал путь, которым заповедано нам идти, и намекнул на те распутия, на которые уклоняются, иные по недостатку учения, другие по учености, худо направленной¹⁹. И да избавит вас Господь от сих

¹⁹ «Профессор Московского университета Гершензон трудился над каждой рифмованной строчкой А.С. Пушкина... тем делая нам все более близким гениального поэта. Тем более нам, вставшим на путь духовного обновления... нужно внимание обратить на каждую страницу не менее великого в своей области, столпа Церкви и духовного поэта, епископа Феофана Затворника. По печатным своим трудам он не имел себе равного в России. Заслуженную характеристику его творчества дал в своем дневнике один служитель Слова, укрывшийся под псевдонимом “Б., священник”: “В семинарии нас держали на другом учебнике, когда имеется такой гигант по истолкованию Писания, как епископ Феофан Затворник. Нам не позаботились даже сообщить о нем. Я всего неделю как натолкнулся не него случайно у соседа священника. И теперь все мои надежды на успех борьбы с сектантами покоятся на истолковательных трудах епископа Феофана. С ним нет основания пугаться всех трудностей полемики... Будь святитель Феофан не епископом, а литератором, он был бы великим писателем Земли Русской, а у нас он скрыт под кучами былия сухого...” Подлинно, он велик как писатель и в епископском сане. Если беспристрастно

уклонений! Все изображенное мною не ново! Держитесь сей старой веры, как держались ее отцы наши и за то оставили нам ясные следы своей богоугодности. (20. С. 8—10)

и внимательно изучать его многочисленные и спасительные труды, то реально убеждаешься в подлинности данного определения. На опыте подтверждается и его духовная сила и действительность, живущая во всех произведениях. Есть классический совет: “Если сердце холодно и молитва не идет, обратись к Евангелию. Если и это не поможет, раскрой творение любимого Отца. Такой “друг” должен быть у каждого...” И у нас он есть, такой друг, свой». *Николай Депутатов, протоиерей*. Простецкое богословие. М., 2000. С. 61—62.

Глава вторая

ВЕРА
И
ЗНАНИЕ

1. Что есть вера истинная

Вера — кровная, существенная нужда

Вера не есть что-нибудь маловажное, как бы избыток сверх нужды, а есть кровная и существенная нужда, как дыхание, пища, сон и прочее подобное. Знание ее есть дело самонужнейшее; потому и ревность о ней должна быть самая первая. (13. С. 345)

Вера — верное, спасительное знание

Вера — не всезнание, а лишь верное знание и обладание тем, что необходимо для спасения. Вера спасает и мудрецами делает лишь в деле спасения. Прочая мудрость бывает ли при ней или не бывает — дело безразличное. (7. С. 111)

Вера — сила на восстановление падшего

Что не все веруют, не умаляет значения веры. Надо смотреть на тех, которые искренне веруют, и на то, что им дается через веру. Вера христианская — не система учения, а образ восстановления падшего в силу смерти Богочеловека, благодатию Духа Святого. Возьмите кого-либо из шедших вслед Господа, и увидите, как он мало-помалу растет духом, — и становится великим при всей невзрачности внешней. Вот отец Серафим [Саровский]. Простой, неученый — до чего дошел? Неверам многоученым уста заграждал единым словом. Вот и сила. А жизнь его какова, а нрав? Так и всех переделывает благодать, которые предаются ей. (1. С. 148)

Без веры нельзя быть человеком

Первая и самая неизбежная обязанность всякого человека *иметь* веру, или религию, знать то есть определенным образом Бога и почитание Его, или свои к Нему отношения, или еще иначе — содержать исповедание. Обязанность эта не столько предписывается, сколько сама себя выказывает. Такова уж природа духа человеческого, что он естественно требует Бога, и

ищет Его, и ставит себя в такие отношения к Нему, какие считает законными. Вера есть семя и зародыш всех обязанностей, а равно и всей религиозно-нравственной жизни человека. Кто не имеет никакой веры, тот не человек. Нет у него образа там, где бы ему следовало быть, именно — во святилище духа, ибо религия есть святыня, освящающая все наше естество, равно как отсутствие ее искажает и извращает его.

Святой Исаак Сирианин замечает в человеке три состояния: одно естественное, в котором человек по природе духа своего знает Бога и боится Его. Из этого состояния он по известным условиям восходит в другое, вышеестественное, или благодатное. Состояние третье образуется из погружения человека в плоть, или чувственность, причем погасает у него свет духа, попираемый плотскими вожделениями. Человек нисходит тогда на степень животного, *прилагается скотом несмысленным и уподобляется им*. С таким человеком и жить нельзя: чем его остепенишь, когда он рассвирепееет? Потому-то, собственно, сюда и должно отнести общеупотребительные выражения: «Бога не знает, Бога не боится», дабы показать, что с таким человеком нельзя иметь и дела никакого. (19. С. 270—271)

Вера и ведение

Говорят, знание яснее, а вера примрачна. А на деле выходит не так: для веры все светло, для знания все тьма²⁰. О духовной жизни и говорить уж нечего: тут для знания все темно, от начала до конца. И в общем-то течение жизни только вера ясно все видит, а знание распложает лишь вопросы, не решая их.

«Ведение, — говорит святой Исаак Сирианин, — противно вере. Вера во всем, что к ней относится, разрывает узы законов ведения. Ведение не имеет сил делать что-либо без разъяснения

²⁰«Знание — осязание, вера — зрение. Одним осязанием, как оно ни достоверно, нельзя открыть и понять, что такое солнце. Сняв, ради метода, голову с ее высшими рецепторами, нельзя узнать ничего». *Ухтомский А.А.* Заслуженный собеседник. С. 258—259.

и исследования — возможно ли быть тому, о чем помышляешь и чего хочешь. А вера требует одного чистого и простого образа мыслей, далекого от всякого ухищрения и изыскания способов. Дом веры есть младенческое понимание и простое сердце. Ведение же ставит сети простоте сердца и понятий и противится ей. Ведение есть устав естества, сохраняющий его во всех стадиях, а вера совершает шествие свое выше естества. Ведение сопровождается страхом, вера — надеждою.

В какой мере человек водится способами ведения, в той же мере связуется страхом, от которого не может освободиться. А кто последует вере, тот вскоре делается свободен и самовластен и, как сын Божий, всем пользуется свободно и самовластно... Нет ведения, которое не было бы скудным, как бы много оно ни обогатилось, а сокровищ веры не вмещает ни земля, ни небо» (Слова подвижнические. Слово 25). (19. С. 71—73)

Вера — свет ведения, а язычество — тьма неведения

Верующие — свет, по светлости ведения их, обнимающего все сущее и бывающее, безначальное и безконечное, время и вечность и все с возможною ныне точностью и ясностью определяющего. Знают они, откуда они, зачем на земле, что ждет их за гробом и как сделать тамошнее пребывание блаженным. Ведают Бога, Творца и Промыслителя, Спасителя и Утешителя, знают, как вступить с Ним в общение и пребыть всегда в Нем, в чем последняя цель разумных тварей. Зная все сие, они живут, как во дни ходят. Язычники, напротив, ничего такого не знают, самые существенные вопросы для них остаются нерешенными, и живут они как живется, плетясь общею колеєю, не имея возможности дать себе отчета, куда идут и чем кончится путь их. Тьма густая неведения покрывает их. (34. С. 237—238)

Вера должна быть истинной, отвергающей все прочее

Но обязанность иметь веру еще не определяет самой веры. К этому следует прибавить, что человек обязан иметь не какую-

нибудь веру безразлично, а веру одну, определенную, истинную веру. Если Бог един и неизменен, если человеческая природа одна, или единосвойственна, то и истинное отношение между Богом и человеком может быть только одно, а потому и выражение сего отношения, или истинное исповедание, есть едино. Это-то единое и должно содержать человеку, иначе что ж он будет содержать? Ложь, призраки, мечтания. А в этом какое же достоинство? Это все равно как если бы бедняк, у которого нет ничего, видел себя во сне великим богачом. Ложная религия — это насмешка над людьми. Ложно исповедующий — то же, что сумасшедший, который бурлит, потому что ему представляется то и то. Но это еще полбеда: беда в том, что тут кроется обман не простой, не такой, который разрешается смехом, а обман терзающий, горестный, отчаянный.

В религии все чают найти окончательное свое успокоение и вечное блаженство, в этой уверенности всякий и держит свою веру, и дорожит ею. Но известно, что прикровенность лжи возможна только здесь, а по смерти тотчас откроется, как прочно то, на чем основывали мы свою надежду. Что ж за ужасающее, что за раздирающее будет состояние того, кто увидит тогда, что он был обманут!.. Потому-то, пока есть время, пока мы еще на пути к решительной и неизменной вечности, всякий должен испытать и несомненно увериться — истинна ли та вера, которой он держится, и если окажется не истинною — отыскать, где та единая, истинная, которая истинно ведет к Богу и дарует несомненно вечное спасение. Господь *не свидетельствована Себе остави* (Деян. 14, 17), а равно и единую истинную веру в Него. Но когда Он попустил, чтобы рядом с нею на земле существовали другие веры и как бы вступали с нею в соперничество, то тем самым на всех наложил обязательство не без смысла держаться веры в Него, а на несокрушимых основаниях, ради которых с полным убеждением отвергается все прочее. Испытанием этим воздается честь вере и удерживается истинное достоинство человека, существа разумного, сознающего, совестного. (19. С. 271—274)

***Два пути испытания истинности веры —
богословский и молитвенный***

Как же увериться и каким путем испытать, какая вера есть вера истинная? К этому есть два способа: один внешний, научный, а другой внутренний — путь веры. Первый предлагается обыкновенно в систематическом изложении богословия; он действителен и для ученых существенно необходим, но, очевидно, не всеобщ, потому что в основании своем содержит знания, доступные не для всех. Нельзя опять не видеть, что путь этот очень длителен и труден и, что особенно замечательно, помещаясь в голове, оставляет сердце самому себе, своему своенравию и свободе.

Путь веры — искреннее, внутреннее, живее, многоплоднее и общедоступнее. Это — молитва к единому истинному Богу о вразумлении. Есть Бог истинный, Он скажет волю Свою нам в наше спасение с желанием, чтоб она была понятна и выполнена. Теперь мудрованиями людскими она скрыта или запутана до того, что иной не имеет достаточно сил найти исход из этого лабиринта. Если же кто в чувстве такой кровной нужды с воплем, стенанием, сердечною болезнью обратится к Богу, истинному Отцу всех человеков, Богу, желающему, чтобы вера в Него была действительною, может ли быть, чтобы Он не дал такому искателю решительного указания к убеждению в ее истине? Такая молитва отнюдь не есть искушение Бога, хоть и может быть превращена в него, когда кто неискренне, из одного лишь любопытства желал бы таких знаков. Примеры убеждения в вере этим путем почти повсюдны: Корнилий сотник таким путем испросил себе веру (см.: Деян. 10, 1—6). Множество было таких, которые приходили к пустынным вопрошать о вере, а они вместо всех доводов заставляли их молиться, и Бог открывал им истину. В смутные времена ересей Бог воздвигал людей особенной святости, облакал их силою чудодейственною и ставил на виду всех, как свечи на свещнице, да светят всем. А так как они были сосудами веры и силы Божией, то и служили для всех сомневаю-

щихся решительными указателями истины. Все ожидали, или желали знать, как исповедует тот или другой святой муж, и держались его исповедания. Но зачем напрягаться в доказательствах? Господь сказал, что все можно получить от Бога, молясь Ему с верою, тем больше молясь о вере — начале и источнике всего. Он Сам, в последней молитве Своей, говорил к Отцу Своему: *Святи их во истину Твою* (Ин. 17, 17), относя слова Свои к Апостолам, а в лице их и ко всякому верующему. Даже несомненно то, что так как истинная вера по самому происхождению своему чудодейственна, то эти чудодейственные свидетельства должны непрерывно пребывать в ней. Они и пребывают. Один говорил о себе: «Когда я смотрю на эти нетленные останки, расточающие целебную Божественную силу, и помышляю, что дух, освящающий это тело, исповедовал именно ту веру, которую и я содержу, то у меня исчезает всякое сомнение, которое иногда навевает враг истины, и я не могу не радоваться тому, что Богу угодно было дать нам такой решительный и вместе такой доступный способ убеждения в истинности святой веры». И в самом деле так. Потому-то мощи современны христианству, непрерывны в нем и повсюдны. У нас, в России, есть они во всех пределах, и в каком еще количестве! На Западе они прекратились вместе с отделением от Востока и отпадением от истины, а о новых, образовавшихся из папства исповеданиях и говорить нечего. Так вот где успокоительная проповедь об истинной вере! Но блаженнее всех тот, кто вместе с Иеронимом (греческим) может сказать: «Истинна вера, исповедуемая мною, ибо ею сподобился я принять некую Божественную силу, ощутительно во мне действующую. И язычники имеют писания, и храмы, и жертвы, и учителей, и книги, и отчасти боговедение, и некоторые добрые дела, и праздники, и молитвы, и всенощные бдения, и священников, и многое другое, но сокровенной в сердце христианина благодати и действия Святого Духа никто во всем свете не получает, а получают верою только одни правильно крестившиеся во имя Отца, Сына и Святого Духа».

Так вот прямейший путь к открытию истинной веры! Именно — сама вера, молитва, непрерывность чудодейственности в Церкви и особенно внутренняя сила, доставляемая в вере. (19. С. 274–279)

2. Первая ступень веры — познание ее

Не знать свою веру — это есть оскорбление веры и себя

Когда такую покорностью положено прочное основание, надлежит назидать на нем все здание веры. Изречено решительное и молчаливое согласие на все, что содержит вера; теперь следует самым делом воспринять сие содержание, чтоб *знать свою веру*. Иначе что такое выйдет, иметь веру и не знать ее, не знать, во что веруешь! Это есть оскорбление и веры, и себя. Если вера истинна, почему не ревнуешь обогатиться истиною? Если в ней твое благо, зачем лишаешь себя его? Как не стыдно оставаться в таком усыплении? И что сказать вопрошающему о уповании? Да при этом и вера — не вера. Вера есть совокупность истин и здравых о всем понятий. Какая же вера у того, кто их не знает? (15. С. 304–305)

Богооткровенные истины веры

Правило веры слагается из следующих трех: из ведения содержания веры, из восприятия сего содержания сердцем и из введения жизни своей в порядок, указуемый верою. — Это и стороны и вместе степени веры, и ее характеристические черты, присутствие которых свидетельствует о присутствии веры, как отсутствие — об отступлении. Я укажу вам, что́ есть вера на всех сих степенях. А посему указанию вы потом сами уже рассудите, *еще есте в вере* (2 Кор. 13, 5), как советует святой апостол Павел.

Первая степень веры, или начало ее, есть ведение содержания святой веры. Если просмотреть все Божественное Откровение

от начала его до конца, то в уме нашем вообразится все Домостроительство нашего спасения, или все дивное Божие о нас смотрение, которым благоволил Он спасти нас, погибавших. И если б кто захотел представить его в кратких положениях, то он должен бы был, словами святителя Тихона [Задонского], исповедать следующее:

1) Бог наш — Творец и Промыслитель, в трех Лицах покланяемый, сотворив небо и землю и все украшение их, последи создал человека — Адама и помощницу ему — Еву, от которых потом произошел весь род человеческий.

2) Прародителей наших Препоблагий Бог создал не так, как прочие твари, но дивным неким и человеколюбивым советом. Прочие твари созидавая, Бог проглаголал: *да будет* (см.: Быт. 1, 20, 24). Приступая же к созданию человека, Он держит совет: *сотворим человека по образу Нашему и по подобию* (Быт. 1, 26). Так высоко превознес человека пред прочими тварями, что не только создал по особенному Своему совету, но и образом Своим Божиим почтил.

3) Первозданных прародителей наших Бог поместил в прекрасном месте — в раю сладостей и дал им заповедь: не вкушать от древа, еже разумети доброе и лукавое, под страхом смерти.

4) Сей заповеди Божией прародители наши не сохранили и от заповеданного древа вкусили, послушав злого совета змия и сатаны, позавидовавшего блаженству их. Не послушавши Бога, Создателя своего, и послушав врага своего и Божия, они тяжко согрешили пред Богом, — за что лишились милости Божией и благодати, которою их почтил Бог в создании, — потеряли образ Божий и из святых и праведных сделались нечистыми, скверными, грешными, — подпали праведному гневу Божию и всякому неблагополучию временному и вечному.

5) Сею прародителей наших язвою греховною заразились и мы, сыны их, и подвержены вместе с ними временному и вечному бедствию. Следовало не только временно, но и вечно с ними всем нам умирать, горькую гнева Божия чашу и вечного мучения

во аде пить и у диавола, которого злого совета послушали, во власти и поругании быть.

6) Но Бог, по великой Своей милости и непостижимой благодати, не по беззакониям нашим сотворил есть нам, ниже по грехом нашим воздал есть нам. — Еще прародителям нашим обещал послать избавление и спасение им и всему миру в словах, сказанных змию: *Той твою сотрет главу* (см.: Быт. 3, 15).

7) Сие отеческое Свое благоволение к роду человеческому и такое милостивое обещание многократно повторял и открывал Бог святым Патриархам — Аврааму, Исааку, Иакову и прочим, — открывал Пророкам и им повелевал возвещать и проповедовать грядущего в мир Спасителя, как о том в книгах Ветхого Завета написано.

8) Когда приблизилось время, в которое Бог определил прийти в мир Избавителю, — Единородный Сын Божий сшел с небес, воплотился от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечился. Явясь на земле, Он с человеки пожил, волю Божию открыл, истолковал и исполнил, — явил дивные знамения и чудеса, исцелял всякую болезнь, бесов изгонял, мертвых воскрешал. Услышали глас доброго Пастыря заблудшие овцы и познали Его. А фарисеи, книжники и старцы народные, завистью и злобою снедаемые, по предательству Иуды, схватили Его, оклеветали пред Пилатом и, после многих страшных истязаний и поруганий, довели до распятия и крестной смерти. Умерший за спасение наше и погребенный Сын Божий в третий день воскрес из мертвых, показывая тем, что Он есть Победитель смерти, ада и диавола — всех наших врагов. Воскресший Господь сорок дней являлся многим верующим и особенно Апостолам, открывал, что нужно для устройства Царства Его на земле — Святой Церкви. В 40-й день Он вознесся на небо и сел одесную Бога и Отца, восприяв всякую власть на небеси и на земли, яко Искупитель рода человеческого. С небеси ниспослал Он, как обетовал, Святого Духа на святых Своих учеников и Апостолов, силою Которого просвещаемые и укрепляемые святые Апостолы всюду проповедали

Сына Божия, плотию в мир пришедшего, веру в Него в сердцах человеческих насадили и из всех языков собрали единую Святую Церковь, которой вверили святые истины и силы благодатные, оградив ее законами о Святых Таинствах, священнодействиях и всяком чине церковном. После Апостолов преемниками их стали святители Христовы, пастыри и учителя, которые тем же учения их словом Церковь Христову пасут, наставляют, утверждают и предпосылают с помощью Божиею в небесную ограду и сами, веру сохранивши и течение скончавши, туда же переселяются: что и до конца века имеет быть. Ибо врата ада не одолеют созданной на камени веры Церкви. Когда же придет кончина мира, тогда будет Второе Пришествие Христово, в коем, по воскресении всех, всех Он призовет на суд и воздаст каждому по делам его: верных, пребывших в вере до конца, вселит в Царство Небесное на вечное блаженство, а неверных и не соблюдавших веры вечному предаст наказанию. — Так кончится все смотрение о нас Сына Божия! Тогда начнется преблаженная на небеси и пребедственная во аде вечность: одни будут царствовать и веселиться без конца, а другие бедствовать и страдать без конца же.

Таково все Домостроительство нашего спасения! Такова полная картина спасительного Божия о нас смотрения. О сем от начала мира проповедовалось до Пришествия Христова, от Пришествия Христова до нас проповедуется и от нас будет проповедоваться до конца мира. О сем все Писание Божественное возвещает и все отеческие писания учат, сим просвещались все великие мужи. И всякий ум, истины жаждущий, не иначе как приятием всего сего учения находит себе полное удовлетворение. Сие исповедание всякий предмет ставит на своем месте и все представляет в такой стройности, что ничего, даже малого, — отменить нельзя не расстроивши всего. Как в видимом мире над нами небо, под нами земля, на небе солнце, луна и звезды — все в своем чине, и на земле все вокруг нас в своем порядке: так вся картина Божия о нас смотрения составляет умственную нашу

атмосферу, в которой всему свое место и всему свое соотношение. Сие познать и умом содержать надлежит первее всякому верующему. Вера от слуха, слух же оглашается вещаемым учением, полагающим начала верованию. Иначе во что и веровать, если не будут знать сего учения. (25. С. 43—47)

Понять и принять истины веры — условие спасения

Господь говорит: *Се же есть живот вечный, да знают Тебе единого истинного Бога, и егоже послал еси Иисуса Христа* (Ин. 17, 3)... *И несть иного имене под небесем, даннаго в человецех, о немже подобает нам спастися,* — прибавляет Апостол (см.: Деян. 4, 12).

Из сего видно, что содержание веры не просто есть богатство благодати, а вместе и условие спасения. Не знающий его уже находится в опасности. Оно во всем своем составе и в частях есть врачевство, но больному надобно принять врачевство и уподобить его себе, чтоб сделаться причастным его врачевной силы. Так и все, исповедуемое верою, должно понять и принять, чтоб врачевать немощи духа. Афанасий Великий так говорит: иже хочет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическую веру, ея же аще кто целы и непорочны не соблюдет, кроме всякаго недоумения, во веки погибнет (см.: Символ [веры] Афанасия Великого в Псалтири). (15. С. 305)

Познать свою веру значит смиренно принять ее истины

Чтобы всё, сюда относящееся, было яснее для нас, предложу вам несколько вопросов с решениями. Что значит — *познать свою веру*? Значит довести себя до состояния ясно, точно и определенно созерцать и высказывать те истины, которые содержит святая православная вера; быть способным дать ответ всякому, как учит Апостол (см.: 1 Пет. 3, 15). *Вера есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых* (см.: Евр. 11, 1). Сделать надобно, чтоб сии невидимые вещи действительно получили в нас свойственный им облик, получили имя, были ведомы, как

принесенная весть. Не то это значит, что должно разгадывать тайны: нет, тайны навсегда останутся тайнами, сколько бы ни напрягался кто раскрыть их. Но хотя непонятно существо предмета и сокрыты основания, усвой и содержи его так, как учение о нем содержится, точными и определенными словами. Словом — «познавать» означает не мудрование, а смиренное и безпрекословное принятие уроков святой веры. (15. С. 305)

***Все предметы веры одинаково важны:
отвергни малое — сделаешь пролом в стене***

Что надо узнавать? Все, что содержит святая вера. Когда говорится: *все*, уничтожается различие и предметов, и способов познания, и источников учения. Все стороннее должно быть отнесено за пределы кругозора умственного и устранено из внимания; в мысли должен оставаться один образ исповедуемого, который и пусть наполняет ее во всем ее пространстве. Предметы веры размещаются в голове, как они размещены в исповедании, и созерцатель их прикасается вниманием к каждому из них, как наблюдатель богатого сада не пропустит ни одного цветка, чтоб не осмотреть его.

Никак не должно говорить, а тем более чувствовать: это маловажно, можно оставить или быть к тому равнодушным; так относительно возжжения свечи, воскурения фимиама и проч. Все содержимое верою в целом своем составе есть врачевство от нашего растления. Кто не принимает чего, тот умаляет силу врачевства, а иногда совсем уничтожает ее. Если из рецепта, прописанного лекарем, отнять один какой состав и потом принимать по своему уму составленное лекарство, а не как сказано, то вместо пользы можно получить вред. В вере нашей составлена нам ограда, или крепость, обезопасивающая и защищающая нас от врагов. Тут все нужно. Отвергни малое — сделаешь пролом в стене, и пойдут враги один за другим, разорят всю ограду и тебя погубят. *Блюдайте убо, како опасно ходите* (Еф. 5, 15). (15. С. 305—306)

***Силу спасти имеет вера и неясненная,
но нерадение опасно***

Всем ли это? Всем верующим, иначе зачем и вступать в ограду веры? Всем должно чувствовать себя обязанными узнавать во всей полноте свою веру и потом, на основании сего чувства, действительно узнавать... Кто иначе делает, тот морит дух голодом или лишает его нужнейших потребностей. Сначала обыкновенно знание бывает мало, как семя, но потом должно давать простор его возрастанию и не оставлять семенем. Пусть возрастет в древо. Здесь то же происходит, что в рисовании, где сначала делают один очерк всей картины, а потом начинают разрисовывать часть за частью. Апостолы, когда проповедовали, то в первом оглашении делали как бы очерк, а далее, при вторичных посещениях или в Посланиях, доканчивали всю картину веры или то совершал Божественный Дух.

То же и теперь. У многих, конечно, есть один очерк веры; у других отненены, может быть, и некоторые лики и части. Но на этом останавливаться не должно. Надобно и им доканчивать сию картину. Вообще никто не увольняется от обязательства узнавать все всевозможно, хотя на самом деле могут быть терпимы разные степени полноты сего знания. Потому и различают веру *уясненную* и *неуясненную*. Сия последняя говорит: *все содержу*, что содержит святая вера, хотя *не все еще успела* узнать, а первая: *все содержу и знаю ясно*. Силу спасти имеет и первая; но кто сознательно не доходит до последней по нерадению, тот в опасности, ибо сей сон — признак смерти. (15. С. 306—307)

***Разные способы познать свою веру, и особенно полезно
часто прочитывать сокращенное ее изложение***

Как узнавать? Нет нужды для сего возноситься на небо или переплывать моря. Истинная вера не сокрыта, а явлена всем и многими очень исповедуется. Она не затеряна, так чтоб следовало всякому самому отыскивать ее в источниках и приводить в ясность, а в яви пребывает и гласно исповедуется. Поди и спроси,

как исповедуется. Читай Исповедание Православное и катехизис; не умеешь — другого попроси; слушай проповеди, ибо на священнике лежит обязанность возобновлять толкование катехизиса; спроси пастыря, внимай чтению слова Божия и богослужению. У нас столько способов узнать свою веру, что удивиться надобно, как есть не знающие ее. Кажется, знание сие само, против воли, готово внедриться. Хорошо для облегчения или утверждения своего знания иметь сокращенное исповедание всего: извлечь из катехизисов, в кратких предложениях изобразить все и потом часто прочитывать. Это будет то же, что очищение воздуха в покоях или освежение себя прохладою утра или вечера. Есть и готовые такого рода сокращения: святого Геннадия, Патриарха Константинопольского, святого Димитрия Ростовского и преосвященного Тихона Воронежского. Это незнать как полезно и возбuditельно, потому что все подводит под один обзор, вводит как бы в великолепный храм и исполняет умиления и благоговения. (15. С. 307—308)

Необходимо постоянное изучение Писания и Предания

Вот с какой стороны надобно учредить стражбу над собою! Если сохраним себя так внутри, то никакое внешнее разномыслие не поколеблет нас. Когда укротим своенравие своего ума, чужое суетумудрие ничего не сделает нам. Надобно, однако ж, при этом не оставлять труда изучать то, что содержится Церковью. Беда наша в том, что, узнав истины святой веры... сколько придется в курсе своего учения в молодых годах, оставляем потом сие святое занятие, как бы уже окончательно знали всё. Между тем книги за книгами прочитываются или толки за толками выслушиваются. Голова набивается образами и мыслями многими, кои отодвигают истины веры далеко от сознания, заслоняют их собою или даже совсем заглушают; так что, когда придется наконец войти в эту область предметов веры, она оказывается землею почти совершенно нам неведомою... В таком состоянии, при всей готовности быть верными началам святой веры, очень легко

увлечься ветром ложных учений, заблудиться и пребывать в заблуждении, думая, что стоите в истине. Беда немалая! И сами видите, как отвратить ее. Надобно больше читать и слушать церковные святоотеческие писания, в коих излагается чистая истина Божия. (20. С. 30)

3. Вторая ступень веры — восприятие ее сердцем

Что значит восприятие веры сердцем

Но положим, что кто-либо все это знает и содержит; значит ли это, — что он уже и веру имеет настоящую? Нет, не значит. Это есть знание веры, но не вера еще. Вера начинается с того момента, когда содержание ее начинает входить в сердце и производить там соответственное себе чувство. Вера есть восприятие сердцем спасительных истин. И как сии истины имеют определенное содержание, она сопровождается в сердце обнаружением определенных чувств. Говорит исповедание веры, что мы, падшие, погибать должны и спасаемся только верою в Господа Спасителя. Пусть воспринято будет сие учение сердцем; тогда что будет испытывать человек? Будет смиряться, как не соблюдавший чина своего, Бога оскорбивший и повредивший образ Его в себе всяким злом. — Слыша далее, что грехи его гнев Божий привлекают, будет страшиться за себя и свою участь, яко готовая жертва праведного наказания. — Слыша же возвещаемое избавление в Господе, к Нему повлечется, — и всюю силою упования пожелает усвоить себе подаемое Им спасение. Таким образом, сердцем восприявший содержание веры будет в состоянии жаждущего, ищущего, ко Господу стремящегося. «Начинающий веровать не неприлично может уподобляться немощному, который, видя свою неисцельную болезнь, желает и ищет искусного врача, или плененному, который ищет избавителя, или убегающему от страха и ищущему безопасного места и защищения» (святитель Тихон Задонский). Обратись теперь всякий к себе и проверь, —

при знании веры, прошел ли ты это тревожное состояние опасения за себя, искания и чаяния избавления? (25. С. 47—48)

Если нет веры в сердце, то нет ее совсем

Итак, ревнуя о спасении, все внимание должно обращать на устройство сердца, или на впечатление в нем истинно христианских чувств и расположений, хотя при пособии всего того видимого устройства, которое необходимо входит в состав спасительного пути. Не должно, например, ограничиваться одним знанием Символа и даже всего катехизиса, а надо сердцем приять и сердцем возлюбить всякую изреченную там истину; не должно довольствоваться одним внешним участием в молитвованиях Церкви, а надо и умно — в сердце — возноситься к Богу; не должно останавливаться на одном доброделании, телом совершаемом, но надо воспитать в себе еще добрые чувства и расположения, и прочее.

Ибо чего нет в сердце, того и на деле нет. Если нет веры в сердце, то ее совсем нет, хотя бы кто писался православным. Если нет воздыханий в сердце, нет их и совсем, хотя бы кто воздух колебал или и бил себя в перси. Если нет страха Божия в сердце, нет его и совсем, хотя бы кто видом казался исполненным благоговения. Если нет чистоты и отрешенности в сердце, нет их и совсем, хотя бы кто чист был телом и ничего не имел из бламира. Если не бывает человек сердцем в храме, нет его здесь и совсем, хотя бы он тут стоял телом. Так, все надо совершать сердцем. Сердцем любить, сердцем смиряться, сердцем к Богу приближаться, сердцем прощать, сердцем сокрушаться, сердцем молиться, сердцем благословлять и прочее, и прочее... Ибо каков кто в сердце, таковым зрит его Бог с высоты Своего престола и соответственно тому принимает его. Каин и Авель приносили жертвы вместе, но Бог призре... на Авеля и на дары его: на Каина же и на жертвы его не внят (см.: Быт. 4, 4—5). Мытарь и фарисей молились вместе в церкви, но мытарь принят, а фарисей отвержен. Где причина таких отличий? В настроении сердца.

Почему Бог и требует словами премудрого: *даждь ми, сыне, твое сердце* (Притч. 23, 26). И пророк Давид влагает нам в уста такую молитву: *сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей* (Пс. 50, 12). Каково должно быть настроение сердца, свойственное христианину, идущему незаблудно путем спасения, это я по временам буду объяснять вам мало-помалу хотя в главных чертах. (26. С. 5—6)

Знание без любви более вредно, чем полезно

Пусть, говорит [Апостол], имеете разум — знание; но ведь одно знание ненадежный руководитель жизни. Оно возбуждает кичение, а от кичения — разделение. Только любовь созидает — *οἰκοδομεῖ** — устрояет из всех христиан одно цельное и стройное здание, — дом Богу живому. Потому если при знании нет любви, то оно бывает более вредно, чем полезно. (33. С. 295)

Вера в сердце, а не в голове

Вера в сердце, а не в голове; а когда в сердце, то согревает его и любится им, ибо иначе ему нельзя быть там. Истина, пока не вошла в сердце, есть то же, что пыль на полированной доске: повеет ветер и все снесет. Истина, принятая сердцем, что елей, прошедший в кости. Любящий истины веры ненавидит противоречащее им, и лицо и помысл, потому и безопасен от падения и есть сам столп веры. (13. С. 348)

Истинная вера — сорастворение богопознания и сердечного чувства

Когда в одном и том же духе встретятся и познание своего окаянства и бедности, и познание Господа Спасителя, то естественно они сочетаются между собою и растворяются, как вода с сухою землею или как две сродные стихии. Чувство безответности восходит к Господу пожершемуся, чувство расслабления

* *οἰκοδομεῖ* < *οἰκοδομῶ* (греч.) — созидать, строить.

и растления приемлет Господа — живот наш; страх смерти, ада и диавола исцеляется познанием Господа, Царя нашего и Победителя их. Каждое чувство скорбное находит себе соответственное врачевство в Господе. Из сего-то сочетания и рождается, как дочь их небесная, истинная вера в Господа Спасителя, которая потому и есть не одно познание Господа, не одно познание своего ничтожества, а то и другое совместно, и не одно подле другого, а одно в другом. Как в химическом сродстве один элемент входит в другой, так и они сорастворяются взаимно. Безответный прибегает к Распятому, как жертве, и приемлет оправдание, растленный к Господу-Животу и оживляется, плененный к Господу-Царю и Победителю и освобождается. Вера есть внутреннейшее благодатное в нас действие, коим на наше ничтожество и бедность переносится полнота Христова и усваивается нам. Это есть акт всемогущий, творческий, ибо им совершается новая тварь в нас, наш дух сочетается со Христом, и рождается из того в нас новый потаенный человек. Из сего видно, что в составе истинной веры сокрываются следующие, более чувствуемые, нежели выражаемые, слитно объединенные, а не разделенные расположения: *я — погибающий — погиб бы навеки; но Господь Иисус Христос, отнявший все зло, лежащее на роде человеческом, восприял меня, и Им я спасаюсь*. Вера зрит Господа единственным источником своего облаженствования, исчезает в Нем сердцем, объемлет Его любовью, живет Им одним и для Него одного; ибо чувствует, что если бы не Он, то все бы погибло. Так содержать и чувствовать есть постоянный долг христианина.

Понятно теперь, почему для поддержания и возгревания в нас такой веры считаются необходимыми, с одной стороны — возрастающее познание своего окаянства и бедности, а с другой стороны — познание Спасителя и дел Его. Ими греется дух веры, ими же рожденный и из них составленный. Но как капля воды составляется из частей кислорода и водорода переходом сквозь них искры электрической, — так и вера в первый раз

рождается таинственным некоторым прикосновением Господа к сердцу, подготовленному к вере чрез познание себя и Господа, как это Он дает разуметь словами: *толку, вниду и вечеряю* (см.: Откр. 3, 20). Познанием себя и Господа отверзается сердце; затем входит Господь Сам и вечеряет, то есть насыщает душу Своими благами, вследствие чего и изрекается в глубине духа человеческого, как Фомаю, по осязании Господа: *Господь мой и Бог мой* (Ин. 20, 28). — Это первый голос веры и верный ее символ. (13. С. 372–373)

**Основные чувства веры: благодарное славословие,
успокоение и любовь к вере**

Когда найдена и познана истинная вера, вера, ведущая к Богу, безконечно благому, и убажжающему, и доставляющему нескончаемое блаженство, когда все сие ясно сознано и принято убеждением сердечным: тогда быть не может, чтоб христианин оставался равнодушным, чтоб *сердце его не исполнилось соответственными тому чувствами*, подобно тому как нельзя оставаться равнодушным, когда вступают в обладание неисчислимыми сокровищами.

Чувства, впрочем, сии сколько естественны, столько и обязательны. Не принимать только их должно, когда они есть, но и возбуждать с напряжением, когда нет, жалея и скорбя об окаменении своего сердца. Чувства сии освящены примерами Матери Божией, святых Апостолов и всех святых. Они суть:

1) *Радостное и благодарное славословие*. Так Матерь Божия воспела первую христианскую песнь: *величит душа моя Господа... яко... восприят Израиля... помянути милости* (Лк. 1, 46–54); Елисавета в радости взывает: *благословена ты в женах... и откуду мне сие* (Лк. 1, 42–43). Захария славословит: *благословен Господь Бог... яко посети... яко же глагола... помянути завет* (Лк. 1, 68–72). Господь Сам исповедуется Богу Отцу ради веры Апостолов: *исповедаются, Отче, яко открыл еси та младенцем* (см.: Мф. 11, 25) и в другом месте убажжает Петра: *блажен еси*

Симоне (Мф. 16, 17). Апостолы часто, по изложению истин веры, прилагают: благословен Бог, что дал нам свет и разум, да познаем Его и Единородного Сына Его (см.: 1 Ин. 5, 20).

2) *Чувство успокоения или безопасности*. Мы погибаем: меч гнева над нами, а под нами ад отверст, готовый пожрать. Кто уверует, того все эти беды минуют, не коснутся. Сознавший это должен чувствовать, что он как бы с холода, дождя, сырого и безпокойного ветра вступил в теплый покой, или, как утомленный, стал на берег, или, как окруженный и терзаемый зверьми, исхищен из среды их с уверенностью, что они уже не дотронутся до него. Это чувство у апостола Павла изображено под видом субботства (см.: Евр. 4).

3) *Любовь как вообще ко всей вере, так и к каждому ее догмату, правилу и постановлению*. Надо все принять сердцем, все согреть в нем, вкусить, усвоить, лелеять. Что свято, истинно, божественно, спасительно, как того не любить? Давид святой поет, что ему и прах дома Божия любезен... Это урок нам с любовью лобызать всякую истину, содержимую святой верою. Это собственно и значит содержать веру. Вера в сердце, а не в голове; а когда в сердце, то согревает его и любитя им, ибо иначе ему нельзя быть там. Истина, пока не вошла в сердце, есть то же, что пыль на полированной доске: повеет ветер и все снесет. Истина, принятая сердцем, что елей, прошедший в кости. Любящий истины веры ненавидит противоречащее им, и лице и помысл, потому и безопасен от падения и есть сам столп веры. Посему это святейший и глубочайший долг: *люби веру и все правила ее*. (15. С. 308—309)

4. Третья ступень веры — введение ее в жизнь

Что дает введение правил веры в жизнь?

Но пусть даже есть такое состояние, — это еще не все, чего требует правило веры. Надобно самим делом вступить в порядок

жизни, указуемый верою, именно: говорит вера: худ ты, покайся, — и надо каяться; говорит вера: перестань грешить, — и надо перестать; говорит: предай себя Господу, — и надо предаться; говорит: прими в Таинствах благодать Христову, — и надо принять; говорит: борись со страстями, — и надо бороться; и вообще, — что ни указывает вера, во все то и надобно тотчас вводить жизнь свою. Плодом сего и свидетельством будет — самим делом ощущение и испытание спасительных действий святой веры нашей. — Такой будет чувствовать, что хотя он грешник, но не погибнет; ибо спасется Господом, в Коего уверовал и Которого спасительное устройство сердцем восприял и делом проходит; что хотя он слаб, но не поддается греху силою благодати, принятой в Таинствах; — что хотя он немогнее врагов, но не преодолен будет ими, состоя под защитою Господа, приявшего его под кров Свой; — что хоть он здесь еще живет и на земле бедствует, но Царство Небесное считает своим, ради общения с Господом, на небеси уже царствующим. — Так и во всем. — Характеристическая черта сей степени веры та, что верующий все, что Господом для рода человеческого сделано, присвоает себе так, как бы то все сделано именно для него. Истинную веру в сердце имеющий, подобно апостолу Павлу, исповедует: *верою живу Сына Божия, возлюбившаго мене и предавшаго Себе по мне* (Гал. 2, 20). Сын Божий весь мир возлюбил и за весь мир предал Себя, но святой Павел, а с ним и всякий верующий сию Его любовь и сие Его благодеяние себе присвоает. Такое исповедание есть венец веры, и оно не иначе возможно, как когда делом примет кто оправдание, освящение, возрождение и очищение!..

Таково полное правило веры нашей! Начинается она знанием, проходит через чувство и завершается жизнью, овладевая таким образом всеми силами существа нашего и укореняясь в основах его. *И елицы правилом сим жительствуют, мир на них и милость* (Гал. 6, 16). В них совершается то, что Господь сказал о доме, построенном на камени. Такого не пробуй никто сбить какими-либо умствованиями. Что удары песчинок о твердую

стену, то все эти недоумения и сомнения для души истинно верующей. На все их одно отражение: я знаю, что истина в вере нашей, ибо испытываю целительность ее. Больной, вылечившийся каким-либо лекарством, и слушать не станет тех, кои стали бы говорить ему что-либо против сего лекарства. Как может он считать его не целительным, когда от него получил облегчение! Так и здесь. — Станет ли слушать пусторечия модной учености, восстающей на Господа и на Христа, или колебаться от совопросничества: почему и для чего, — тот, кто испытал силу веры? — Тут истина, — будет твердить он на все попытки поколебать его, — тут истина: ибо я сим путем принял силу, которою и действую, не колеблясь ничем от сопротивных, — уврачевал все немощи мои и приведен ко Господу, общение с Коим во Иисусе Христе и составляет существо жизни моей духовной. — Пока еще только познает веру душа, можно ее колебать вопросами, даже иногда легко решаемыми. А когда она исцелится верою, тогда для нее ничто и нерешенные недоумения. Так не укоренившийся стебель вырывается и уносится легким ветром, а укоренившееся дерево не боится напора и сильной бури.

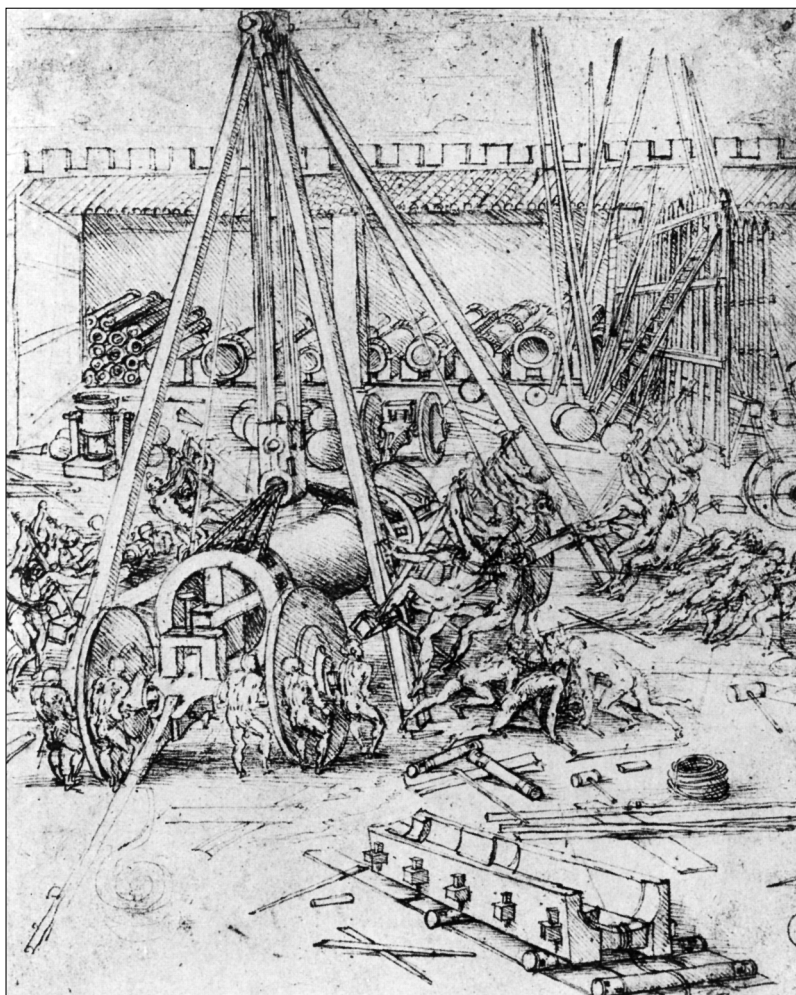
Сим толкованием я желал бы навестить мысль вашу на разумение, в чем заключается защитительная сила веры нашей, а чрез уразумение расположить к стяжанию сей силы. Она не в знании, но в чувстве, — и не в чувстве только, но и в жизни. Только на сей последней степени она тверда, как смерть, и безопасна от всяких возражений и нападений. И вот чего держитесь, когда станете исполнять заповедь Апостола: *себе искушайте, аще есте в вере* (2 Кор. 13, 5). (25. С. 48—50)

Делание — средство, цель — блаженная жизнь за гробом

Цель жизни точно надо определенно знать. Но мудро ли это? И не определена ли уже она? Общее положение такое, — что как есть загробная жизнь, то цель настоящей жизни всей, без изъятия, должна быть там, а не здесь. Это положение всем ведомо и толковать об нем нечего, хоть о нем меньше всего помнят

на деле. Но поставьте вы себе законом для жизни вашей — всеми силами преследовать эту цель, — сами увидите, какой свет разольется от того на временное ваше на земле пребывание и на дела ваши. Первое, что откроется, будет убеждение, что, следовательно, все здесь есть только средства для другой жизни. Относительно же средств один закон — употреблять их и пользоваться ими так, чтоб они вели к цели, а не отклоняли от нее и не поперечили ей. Вот вам и решение вашего недоумения: не знаю, что сделать со своею жизнью. Смотрите на небо и всякий шаг вашей жизни так соразмеряйте, чтоб он был ступанием туда. Мне кажется, что это так просто и вместе так всеобъемлюще.

Спрашиваете: надо же что-нибудь делать? Конечно, надобно. И делайте, что попадется под руки, в вашем кругу и в вашей обстановке, — и верьте, что это есть и будет настоящее ваше дело, больше которого от вас и не требуется. **Большое заблуждение в том, когда думают, будто для неба, или — по-прогрессистски — для того, чтоб сделать и свой вклад в недра человечества, — надо предпринять большие и громкие дела. Совсем нет.** Надобно только делать все по заповедям Господним. Что же именно? Ничего особенного, как только то, что всякому представляется по обстоятельствам его жизни, чего требуют частные случаи, с каждым из нас встречающиеся. Это вот как. Участь каждого Бог устроит, и все течение жизни каждого — тоже дело Его всеблагого промышления, следовательно, и каждый момент и каждая встреча. Возьмем пример: к вам приходит бедный — это Бог его привел. Что вам сделать надо? Помочь. Бог, приведший к вам бедного, конечно, с желанием, чтоб вы поступили в отношении к сему бедному, как Ему угодно, смотрит на вас, как вы в самом деле поступите. Ему угодно, чтоб вы помогли. Поможете? Угодное Богу сделаете, — и сделаете шаг к последней цели — наследию неба. Обобщите этот случай, — выйдет: во всяком случае и при всякой встрече надобно делать то, что хочет Бог, чтоб мы сделали. А чего Он хочет, это мы верно знаем из предписанных нам заповедей. Помощи кто ищет?

Леонардо да Винчи. Сборка пушки

Большое заблуждение в том, когда думают, будто для неба, или — по-прогрессистски — для того, чтоб сделать и свой вклад в недра человечества, — надо предпринять большие и громкие дела. Совсем нет... Надо выбросить из головы все планы о многополезной, многообъятной, общечеловеческой деятельности... и жизнь ваша будет созерцаться вложенною в покойные рамки и без шума ведущую к главной цели. (С. 100, 102)

Помоги. Обидел кто? Прости. Сами обидели кого? Спешите испросить прощения и помириться. Похвалил кто? Не гордитесь. Побранил? Не сердитесь. Пришло время молитвы? Молитесь. Работать? Работайте, — и прочее, и прочее, и прочее. Если, все это обсудивши, положите вы так во всех случаях действовать, чтоб дела ваши угодны были Богу, быв совершаемы неуклонно по заповедям, то все задачи относительно вашей жизни решатся этим полно и удовлетворительно. Цель — блаженная жизнь за гробом; средства — дела по заповедям, исполнения которых требуют все случаи жизни. Мне кажется, тут все ясно и просто; — и нечего вам томить себя мудренными задачами. **Надо выбросить из головы все планы о многополезной, многообъятной, общечеловеческой деятельности**, какую бредят прогрессистки, **и жизнь ваша будет созерцаться вложенною в покойные рамки и без шума ведущею к главной цели.** Помните, что Господь и стакана холодной воды, поданного томимому жаждою, не забывает. (11. С. 58—60)

Усвоение истины делом и жизнью

Другая беда у нас та, что думаем, будто христианство есть теория, как и все другие теории, есть нечто мысленное только, а не деятельное. Думая так, мы оставляем христианство в одной мысли, не слишком заботясь о том, чтоб воплотить его в себе и всесторонне ввести в жизнь свою. И выходит, что мысли, противные вере, приходя к нам, встречают и у нас против себя только мысли же. А мысль, даже истинная, не прикрепленная делами к существу нашему, а витающая в одной голове, легко уступает перевес мысли — неистинной, представляющейся интересною и ценною с какой-либо другой стороны. Истина, коей следует быть делом и которая не есть дело — в нас практическое, примет некую тень несостоятельности в нас и стоит слабою, беззащитною, безопорною — и мы легко изменяем ей.

Видите ли теперь, в чем беда, и разумеете ли, как избежать ее?! Надо делом и жизнью освоиться с христианством, и не как-

нибудь поверхностно, а в его существе и во всей его полноте. Ведь христианство все есть дело, — и в нас начинает зреть и достигает совершенства тоже все делом. — Чем более переходит оно в дело и жизнь, тем глубже и шире постигается, тем крепче и сердечнее исповедуется. Можно сказать — знает христианство только тот, кто самим делом христианин. И такого никакая уже ложь одолеть не может. При самом сильном наплыве ложных учений сердце, делом ощутившее истину, отразит их, какими бы софизмами они ни вооружались. Ибо тогда истина будет в существе нашем, а софизмы в мысли. — Ветер не поколеблет храмины, основанной на камне, как говорит Спаситель (см.: Мф. 7, 24). (20. С. 30—31)

Как не прожить всю жизнь без пользы

Эту жизнь Бог нам дал, чтоб мы имели время приготовиться к той. Эта — коротенькая, а та — конца не имеет. Но хоть она коротенькая, а в продолжение ее можно заготовить провианту на целую вечность. Всякое доброе дело туда отходит, как вклад небольшой; из всех таких вкладов составит общий капитал, проценты с которого и будут определять содержание вкладчика во всю вечность. Кто больше пошлет туда вкладов, того содержание будет богаче; кто меньше, того и содержание будет менее богато. Господь всякому воздает по делам его.

Вот об этом и должна быть теперь у нас вся забота, — чтоб побольше переслать туда вкладов. И забота эта не мудрена и не тяжела, как удостоверяет Сам Господь, — говоря: *иго Мое благо и бремя Мое легко есть* (Мф. 11, 30).

Я объяснял вам это применительно к смутившим вас мыслям, чтоб отвезть скорбь вашу, будто живете без пользы и проживете всю жизнь без пользы, если так будете жить, как живете. Весь же строй христианской жизни таков: веруй в Бога, в Троице поклоняемого, спасающего нас в Господе Иисусе Христе, благодатию Святого Духа, и, принимая благодатные силы чрез Божественные Таинства Святой Церкви, живи по заповедям

Евангелия, одушевляясь упованием, что Бог за малый посильный труд наш, ради веры в Господа Спасителя и послушания Ему, не лишит нас небесного...

Но все же главным образом внимание должно быть сосредоточено на исполнении заповедей. Уже веруем: что еще? Твори заповеди — ибо *вера без дел мертва* (см.: Иак. 2, 20, 26). И благодарение Господу, что Ему угодно было ценность дел наших определять не их широтою и величиною, а внутренним нашим расположением при делании их, окружив между тем нас множеством случаев к деланию дел по воле Его, так что, если внимаем себе, можем поминутно делать дела богоугодные... Потрудитесь и еще крепче установиться в такой мысли. Как только установитесь, начнет покой приливать к вашему сердцу от уверенности, что всякую минуту вы работаете Господу. Это начало все обнимает... Так всякий шаг, всякое слово, даже движение и взгляд, — все можно обратить в средство ходить в воле Божией и, следовательно, поминутно двигаться к последней цели. (11. С. 61—63)

***Твердая вера — от богопреданности,
нетвердая — от примеси самодельщины***

Степень твердости и силы веры каждого зависит от степени и силы его преданности Богу. Кто всецело себя предает Богу, в том Бог, не встречая препон со стороны свободы человека, скоро созидает веру и строй жизни по вере и устанавливает ее глубоко и прочно. Но кто не всецело предает себя Богу, а оставляет часть действования и для себя, независимо от Бога, тот в какой мере большую часть оставляет для себя, в такой же мере лишается содействия Божия, ибо Бог не вмешивается в область самодейтельности и свободы. Но в какой мере лишается он такого содействия, в такой же мере замедляется образование веры и в такой же мере она является слабою и непрочною. Иные из таких, опытами жизни убедившись, сколь ненадежна свободная самодейтельность в деле веры, предают себя и наконец всецело

Богу. — Тогда Бог скоро довершает в них, что недоставало, — и вера является в них во всей силе, яко вполне Богом основанная и водворенная. А другие на всю жизнь остаются с примесью к вере своей самодельщины. И такие всегда нетверды в вере, каждый в своей мере. Есть и такие, которые держатся веры внешне, как писания или программы, всю же жизнь свою по вере строят сами. В таких ничего нет Божеского: все самодельщина, и они не принадлежат к Божиим.

Апостол в настоящем месте (см.: 2 Тим. 2, 19) понимает твердо Богом основанную веру в сердце тех, кои всецело предают себя Ему. Такая вера твердо стоит и никогда не падает. К ней приложимо то же, что сказано святым Павлом о любви: *кто ны разлучит?* — Никто и ничто (см.: Рим. 8, 35—39). Она-то и есть тот камень, на коем Господь обещал создать Церковь Свою и создал (см.: Мф. 16, 18). (39. С. 562)

Знание веры входит в жизнь через молитву

Сделайте, чтобы знание стало делом и получаемые вновь сведения тоже тотчас входили в жизнь. Молитва — проба всего; молитва — и источник всего; молитва — и двигатель всего; молитва — и направитель всего. Коль скоро молитва исправна, все исправно. Ибо она не допустит быть чему-либо неисправным. (5. С. 81)

Неразрывная связь веры и дел

По слову Божию, вера и исполнение заповедей на одной линии стоят, — и ни той, ни сему предпочтения не дается. И вера без дел, и дела без веры — ничего не значат. Только в неразрывной связи содевают они спасение наше и сами при сем приемлют настоящую свою цену, силу и значение. (17. С. 61)

Спасение от добрых дел, но в добрых делах преуспеть как должно без веры нельзя. Вера подвигает на добрые дела, вера указывает их, вера приводит и к получению сил на

делание добрых дел. Почему вера — пособница к делам добрым. Главное — дела, а она — пособие²¹. (17. С. 215)

Вся возможна верующему (Мк. 9, 23)

Над всеми же, восприимие щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженныя угасити (Еф. 6, 16)...

Над всеми, — поверх всех этих трех надложите новый ряд орудий, поверх каждого особое. Во-первых, *восприимите щит веры*. «Под верою здесь разумеет Апостол не исповедание истин веры (познание догматов), но ту, которая несомненно верует в будущее, как в настоящее, может совершать знамения и горы преставлять» (блаженный Феофилакт). «Вместо щита да будет у вас вера; потому что она указывает вам всемогущего Бога, она открывает награды за брань, провозглашение победителями и венцы за доблести» (блаженный Феодорит). Можно ее и так определить: детская уверенность в Боге, столь тесно с Ним соединяющая, что не разделяет себя от Него и Его от себя. Оттого она

²¹«Чтобы поставить на вид именно этот жизненный (а не формальный) смысл спасения, и именно там, где приходится ограждать себя от протестантских измышлений, наша Церковь и выбирает из двух выработанных на Западе формул ту, которая приписывает спасение не одной вере, но веры с делами. “Веруем, — гласит 13-й член Послания восточных патриархов, — что человек оправдывается не просто одною верою (т. е., как дальше видно, не ее теоретическою, восприимательною стороною), но верою, споспешествуемою любовью (верою, как деятельною силою, тем, что она производит любовь), т. е. чрез веру и дела... Не призрак, поясняют еще определение отцы, только веры, но сущая в нас вера чрез дела оправдывает вас во Христе” (Христианское Чтение. 1838. Т. I. С. 81). Таким образом, оправдывает человека несомненно вера, но только настоящая, истинная вера, та, которая приводит человека к истинной жизни, заставляет его содевать свое спасение. Такой смысл имеет и учение преосвященного Феофана о том, что вера спасает делами. “Спасение, — говорит Святитель, — от добрых дел, но в добрых делах преуспеть как должно нельзя без веры. Вера подвигает на добрые дела, вера указывает их, вера приводит и к получению сил на делание добрых дел. Почему вера — пособница к делам добрым. Главное — дела, а она — пособие”. Спасение, значит, в том, что человек сам его содевает, но к этому содействию он приходит не иначе, как верою». *Сергий (Страгородский), архиепископ.* Православное учение о спасении. М., 1991. С. 248—249.

и всесильна; ибо в ней действующим является Сам Бог, Который и дает ее. Святой Златоуст говорит о такой вере: «Весьма справедливо Апостол называет веру щитом. Подобно тому как щит застывает собою все тело, делаясь как бы стеною, — и вера защищает нас таким же образом. Ибо все ей уступает. Ничто не в силах разорвать сего щита. Послушай, что говорит Христос Господь Своим ученикам: *аще имате веру, яко зерно горушно, речете горе сей: преиди отсюда тамо, и преидет* (Мф. 17, 20)».

Чтобы лучше уяснить себе, что это за вера, сделаем несколько выписок о ней из святого Исаака Сирианянина. «Под верою разумеем не основание общего всем исповедания, но оную мысленную силу, которая светом ума подкрепляет сердце и свидетельством совести возбуждает в душе великое упование на Бога, чтобы не заботилась она о себе самой, но попечение свое во всем беззаботно возвергла на Бога» (Слова подвижнические. Слово 44). «Душа, однажды с верою предавшая себя Богу и многократным опытом изведавшая Его содействие, не заботится уже о себе, но связуется изумлением и молчанием. Кто последует такой вере, тот вскоре делается свободен и самовластен и, как сын Божий, всем пользуется самовластно. Возлюбивший веру сию, как Бог, распоряжается всяким тварным естеством. Многие по вере входили в пламень, обуздывали сожигательную силу огня, и невредимо проходили посреди его, и по хребту моря шествовали, как по суше. Сокровищ веры не вмещает ни земля ни небо. Ничего никогда не утрачивает тот, у кого сердце подкрепляется верою. И когда ничего не имеет, все содержит он верою (см.: 2 Кор. 6, 10), как написано: *вся, елика воспросите в молитве верою, примете* (см.: Мф. 21, 22); и еще: *Господь близ. Ни о чемже нецытеться* (Флп. 4, 5—6). *Вся возможна верующему* (Мк. 9, 23), потому что для Бога ничего нет невозможного. Какое неизреченное богатство!» (Слова подвижнические. Слово 25). «Вера говорит: на всякое дело довлеет для меня Того, Кому единожды предал я душу свою. Меня нет здесь; Он это знает. Кто таков, за таковым последует благодать и открывает ему силу Свою в различных

вспоможениях, сперва в этом явном, касающемся тела, а потом и в рассуждении сокровенного открывает пред ним хитросплетение помыслов и прелесть их, — посрамляет пред очами его всю злокозненность демонов» (Слова подвижнические. Слово 49)...

Трудно нам вместить такие суждения о вере. Так она далека от нас или мы от нее. Можем, однако ж, догадываться, что такова она от сорастворения сознания с Господом, со Святою Церковью и со всеми святыми. Она чувствует в себе, что не одна, а что и Господь с нею, с нею Ангелы и святые Божии. Оттого чувствует себя столько сильною, сколько сильна Церковь и сколько могуществен Господь. *Богом моим, говорит, преиду стену. Аще пойду посреде сени смертных, не убоюся зла, яко Ты со мною еси. Аще Бог по нас, кто на ны?!*

И то не можем не понять, что такой веры нельзя себе набить самому думанием о ней или желанием ее. Она есть плод того, что Господь действительно принимает душу в десницу Свою, действительно исполняет ее Своею силою, действительно прививает ее живо к живым членам живого тела Своего. Сила Господа, Главы Церкви, и сила всего тела Его Церкви отражается в ней. Она и сильна. Вот истинный щит! (36. С. 476—479)

5. Поновление знания — слава науки, поновление в вере — нечестие

Общность верования и самостоятельность знания

Иных увлекает страсть к самостоятельным воззрениям, а сию самостоятельность меряют они независимостью от христианского учения, отчуждением от него, противлением ему. И это опять от незнания христианства, которое одно дает опору самостоятельности. Самостоятельность — хорошее дело. Но надо найти верную точку для стояния. Христианство основано на истине Божией. Где найти лучшее основание? Бог учит разумных тварей. Долг разумных тварей внимать этому учению, и всякий

внимающий несомненно будет знать истину; ибо Бог есть Сам Истина. *Бог издревле говорил в пророках своих, в последок дней говорил нам в Сыне Своем* (см.: Евр. 1, 1–2), Сын Божий и Господь передал истину святым Апостолам, Апостолы — Церкви. В Церкви же что признается истинным несомненно? — То, что всеми всегда и всюду было исповедуемо. Стань на сию точку сам, — и будешь самостоятелен — самостоятельностью самую верною и незаблудною, хотя она будет отрицанием самостоятельности, как ее обычно понимают. Обыкновенная самостоятельность есть особенность знания, а христианская есть общность верования. Христианин чужд того позыва, чтоб все по-своему понимать; а ищет одного, — как все всегда понимали вещи и судили о них. По его убеждению, отособиться — значит отпасть от истины, — и, следовательно, не к совершенству идти, а в пагубу. Но, подчиняясь общему верованию, он не думает, что теряет самостоятельность. — В этом общем он усваивает себе только начала, — начала верные, ибо они от Бога исходят, — и, на них основываясь, судит потом о всем и все решает, — и решает незаблудно, — ибо исходит от истинных положений, запечатленных Божественным авторитетом...

Когда рождается вопрос, христианин ищет разрешения ему не в себе, не в своем постижении, а в общем всех исповедании. Не то чтоб он сам не рассуждал и не построивал никаких соображений; они у него роиться могут быстрее, нежели у кого-либо. Но дело в том, что он цены им не даст никакой до тех пор, пока не проверит общим учением. Согласны они с сим учением — он оставляет их за собою, не согласны — отвергает. И в этом покой его. — Он стоит на сем общем, как на твердом камне. Ибо по нему восходит он к Богу, как источнику²². (20. С. 53–54)

²² «Для богословия принципиально допустимы и креационная, и эволюционная гипотеза, при условии, что в обоих случаях Законодателем и Устроителем всего миробытия является Бог, Который мог все существующие виды или творить по “дням” сразу в законченном виде, или постепенно, в течение “дней” “производить” их из воды и земли (см.: Быт. 1, 20, 24) от низших форм

Христианство должно пребыть вечно неизменным

В христианстве ничего не следует изменять, подчиняясь духу времени, но должно строго держаться всего, как изначала заповедано, не ища льготностей...

Христианство должно пребыть вечно неизменно, нисколько не состоя под зависимостью и управлением духа века, а, напротив, само будучи назначено управлять, или властвовать над ним во всех, покоряющихся его водительству...

Если б спасительность учения зависела от нашего воззрения на него и вашего на то согласия, — еще бы был смысл, когда бы кто из снисхождения к немощам или по каким притязаниям века вздумал перестраивать христианство и применять его к похотям сердца лукавого. А то спасительность христианского Домостроительства зависит совсем не от нас, а от воли Божией, от

к высшим силою заложенных им в природу законов». *Осотов А.И.* Основное богословие. М., 1994. С. 123.

«Представления об “эволюции” человека из низшего животного не могут быть согласованны с точкой зрения святых отцов и Священного Писания на сотворение человека, но требуют резкого разрыва с ней. Если человек “эволюционирует” единственно по законам природы, тогда его разумное естество, его душа, образ Божий, отличается от зверей не качественно, но лишь количественно; тогда он существо только лишь земное, и тут нет места для святоотеческого взгляда, что он частью от земли, а частью от небес, что он “смешение” двух миров, говоря словами святителя Григория Богослова. Однако если... христианин-эволюционист признает Божественное сотворение души человека — “когда тело его было для этого готово”, как говорят некоторые, — он не только расходится во мнениях с учеными мыслителями, не допускающими Божественные деяния в рамки своих умозрений, но и не являет последовательного христианского взгляда, смешивая научные рассуждения с откровенным знанием самым случайным образом. С точки зрения Священного Писания и святых отцов, весь Шестоднев есть серия Божественных деяний; с точки зрения ученых, стоящих за всеобщую эволюцию, первопричинами всего (насколько в глубь времен, как им кажется, они могут их проследить) являются одни лишь природные процессы.

Эти два взгляда так противны друг другу, как никакие другие, и любое смешение их необходимо будет начисто произвольным и нереальным». *Серафим (Роуз), иеромонах.* Бытие: Сотворение мира и первые ветхозаветные люди. М., 2004. С. 165–166.

того, что Сам Бог устроил сей именно путь спасения, и притом так, что другого пути нет и быть не может. Стало быть — учить как-либо иначе — значит уклоняться с пути правого и губить себя и вас. А в этом какой смысл? (20. С. 47—49)

Как неизменны Бог и наша природа, так и Символ веры

Учения человеческие по природе своей изменчивы. Это для них и необходимость и благо. Все вокруг нас течет, ничто не стоит, и вещи, и судьбы общественные, и предприятия людские. Странно было бы, если б кто-либо упорно стоял в одних и тех же понятиях, когда вокруг уже ничего нет, к чему бы можно приложить их. Но не то в деле веры, в сем внутреннейшем отношении духа нашего к Верховному Существо. Здесь как Бог неизменен и неизменна природа наша, так неизменен должен быть и Символ веры. Так это и есть. В раю еще — начертан, тотчас по падении, Моисеем потом облечен в подготавлительную форму, а Спасителем совершен и действуется ныне во всех совестях, искренне к Богу обращающихся. — Так есть и так будет до самого окончания века. (20. С. 32)

Нового Откровения не будет до скончания века

Многочастне и многообразне древле Бог глаголавый отцем во пророцех, в последок же дней сих глагола нам в Сыне Своем (см.: Евр. 1, 1—2). В Сыне Своем говорил к нам Бог в последний раз. — Значит, других изменений в Божественном устроении спасения не будет. — Что Моисеев закон будет отменен, как временный, а вместо него введен новый закон, о сем было предсказано, и все того ожидали. Сам Моисей говорил: Пророка вам воздвигнет Господь, якоже мене, Того послушайте (см.: Втор. 18, 15). Но Спаситель после того, как открыл нам волю Божию, не предуказал никакого изменения, а сказал: Я с вами до скончания века (см.: Мф. 28, 20). Он с нами тогда, когда мы мыслим Его умом, живем Его жизнью, освящаемся Его силою. Значит, — как мы теперь веруем, так должно быть до конца мира. Сего ради Он

Питер Брейгель Старший. Хозяйство алхимика (фрагмент)

Учения человеческие по природе своей изменчивы. Это для них и необходимость и благо. Все вокруг нас течет, ничто не стоит, и вещи, и судьбы общественные, и предприятия людские. Странно было бы, если б кто-либо упорно стоял в одних и тех же понятиях, когда вокруг уже ничего нет, к чему бы можно приложить их. Но не то в деле веры... В делах же веры и благочестия чем что старее, тем лучше, или даже — старое — то и есть самое верное. (С. 111, 116)

учредил Церковь, коей *врата адова не одолеют* (Мф. 16, 18), и узаконил, что кто Церковь преслушает, будет как язычник и мытарь, то есть погибший.

Итак, до самого скончания века мы не должны ожидать никакого нового Откровения. Что же потому должно думать о том, кто пришел бы и стал уверять нас, что он приносит нам от Бога новое Откровение? Мы должны почесть его лжецом и обманщиком. Если б даже он говорил, что Ангел или какой-либо дух говорит ему, — и тогда надо с твердостью отвергнуть его, не допуская в себе раскрыться духу пытливости или каким льстивым надеждам. *Един Господь, едина вера, едино крещение* (Еф. 4, 5), учит Апостол. Какой еще иности в вере и богоугождении ожидать, желать и принимать нам?! И какая нужда нам слушать всякого встречного, тем паче когда он иного Иисуса — иной образ спасения проповедует, его же не проповедали Апостолы, или иного духа предлагает принять, коего не принимали доселе, или к иному благовестию склоняется, коего не было слышно прежде (см.: 2 Кор. 11, 4)? Какого еще учения, когда то, которое мы содержим, так спасительно и так многообразно доказало свою спасительность?! К сему может располагать только праздное желание перемены. (20. С. 32—33)

***Неизменность Божественного учения,
как неизменен и вечен Сам Бог***

Ибо в учениях человеческих то и слава науке, когда она поновляется от времени до времени и в повторяющихся поновлениях представляет движение к лучшему, совершеннейшему, к своему образцовому размеру и развитию. Там такая изменчивость, может быть, добрый признак, по крайней мере неизбежный удел. Не то в учении, главным образом преподаваемом здесь и нас характеризующем. Как учение Божественное, оно должно всегда пребывать единым и неизменным, как неизменен и вечен Сам Бог. И для нас было бы страшным обличением, если бы в своем прошедшем мы могли указать какие-нибудь изменения в

учении, хотя бы то под пышным титлом совершенствования и развития; а то, что оно и теперь неизменно таково же, каково было за пятьдесят лет, не укора, а одобрения достойно. Ему и должно пребыть таким, каково было не только за эти пятьдесят лет, но и за десятки других пятидесятилетий, — и до самих Апостолов и Господа нашего Иисуса Христа.

Прибавлениями, изменениями, развитием могут хвалиться другие общества христианские, отпадшие от единения с истинною Церковью Божиею. Они и отпали по случаю изменений в учении, — и изменчивость стала существенною их чертою. — Они и пусть — не к чести своей — хвалятся новизнами! Пусть хвалятся паписты, вымыслившие центр единства и потерявшие истинную точку опоры, — пусть хвалятся и меряют тем свою жизненность, если можно хвалиться излишними наростами или струпями, безобразящими тело, как безобразят его, например, двуглавие, шестиперстие, горбатость! Пусть хвалятся протестанты, непостоянные, как ветер, и неустойчивые, как волны моря, — со своею ложною и никогда небывалою свободою совести и убеждений, в последних выводах своих дошедшие до всебожия и безбожия!

Так, — они пусть хвалятся; нам же да не будет хвалиться, разве ревностью — таковым же и хранить наше учение, каково оно было вначале, в похвалу Церкви Божией в день Христов, — страшась грозного суда, изреченного Апостолом: *аще мы, или Ангел с небесе благовестит вам паче* (не сказал: противное, но — паче, то есть что-нибудь еще, кроме благовествованного, что-нибудь более того) *еже благовестихом вам, анафема да будет* (Гал. 1, 8). (20. С. 4)

На земле Откровение Божие уже завершено

На земле же Откровение Божие уже завершено; нечего и мечтать о высшем; все имеем, что нужно; усвой и живи тем. Христианское Откровение впереди не обещает нового Откровения, но только то, что Евангелие будет узно во всем мире и что эта

повсюдность и всеобщность ведения Евангелия есть предел бытию настоящего порядка вещей. Тогда вера ослабевает, любовь иссякнет, жизнь станет тугою и благость Божия положит конец миру. (12. С. 177)

Отменой Моисеева закона не поновлена ли вера

Не составьте против нашей мысли возражения, что некоторое изменение представляется и в Божественном учении, — именно: Моисей дал одно устройство веры, а Спаситель отменил его и дал новое. Но кроме того, что сие изменение касалось только видимой формы, а не существа, то и другое устройство веры совершено Самим Богом. Ибо знаем, что *Моисеови глагола Бог* (Ин. 9, 29), а Спаситель Сам есть Бог; поэтому покорность тому и другому обязательна для нас, как покорность воле Божией. Так и по существу дела! Богу приближаться и Ему угождать иначе мы не можем, как так, как определил и разрешил Он Сам. Бог определил через Моисея образ богоугождения и спасения: так все до Пришествия Спасителя и спасались и угождали Богу. Пришел Спаситель и отменил Моисеев закон, исполнив, или заключив его в Себе, и дал новый закон. Теперь *древняя мимоидоша, и быша вся нова*, говорит Апостол (см.: 2 Кор. 5, 17). Теперь нет иного приступания к Богу, иного образа богоугождения и спасения, как тот, который Господом заповедан, Апостолами проповедан и содержим Святой Церковью²³. (20. С. 32)

²³ «Несомненно, что Библия дала миру концепцию исторического развития и восхождения, но не просто как четвертую координату, а именно как последовательность восхождения. У апостола Павла “эволюция” от закона к Евангелию — не слепая механическая направленность исторического фатализма, но естественное прекращение принципа законности, когда человек уже не имеет греха, умер греху, целиком живет Божиею жизнью милосердия. Но пока Дух Христов и жизнь в нем еще не усвоены, закон естественно жив и имеет для себя почву и дело по-прежнему. Закон “снимается”, когда приходит лучшее, исполняющее само собою не то, что он мог бы дать!» *Ухтомский А.А.* Заслуженный собеседник. С. 262.

В делах веры и благочестия чем что старее, тем лучше

Ныне многие увлекаются новизною... но не все новое хорошо, как и многое из старого отжило свой век. Надо разбирать. Старое, однако ж, как испытанное, всегда лучше нового, еще не испытанного. — В делах же веры и благочестия чем что старее, тем лучше, или даже — старое — то и есть самое верное. Конечно, неизменим должен оставаться только дух, но и во внешнем выражении сего духа очень многое так существенно и близко к духу, что коснуться его нельзя иначе, как с ущербом для самого духа. Дыхание, например, есть внешнее выражение жизни. Но дышит человек с самого сотворения все одним и тем же воздухом. Такого же рода все почти и во внешнем облачении нашей веры и Церкви. Здесь очень мало такого, что можно сравнить с покроем платья или образом шитья его. Да и какая нужда изменять, например, рисунок иконы или ноты в напевах? — особенно когда старое созидает, а новое разоряет. Европа нас сводит с ума; но Европа почти вся и во всем своем составе оязычилась. — Не лучше ли оставить ее себе самой. Истинный свет пришел к нам из Византии. И мы не маленькие, — не вчера вышли на свет. Скоро уже тысяча лет, как веруем в Господа и содержим Его святой закон. И в этом пусть другие у нас учатся, как и следует: ибо истина у нас. (20. С. 23)

***Совершенствовать надо себя,
а не христианство к себе принаравливать***

Есть люди, которые, не умея согласить неподвижность в христианстве с обязательным для христиан стремлением вперед, впадают в ошибку, пагубную для них и опасную для других. Вместо того, чтобы в стремлении вперед обновлять себя по образу христианства, они хотят поновлять христианство по своим прихотям, не себя ему подчиняя, а его к себе принаравливая. Оставаясь тем же, чем есть, они воображают, будто идут вперед, и других заманивают идти так же посредством разных отмен и изменений в христианских порядках и в законах Церкви

Божией. Порядок требует, чтоб устроение нас, заповедуемое христианством, оставалось неизменным, чтобы и мы подходили к нему, обновляясь и изменяясь в себе самих по образцу его, а они не себя хотят изменять, а христианство, — и тем портят все дело, подрывая всякую возможность к действительному нашему совершенствованию.

Христианство, предлагая нам образец великого совершенства, подает и все потребные к тому средства. Оно есть лествица, возводящая на небо, путь, ведущий в живот, врачевство, исцеляющее все немощи и несовершенства наши. Эта лествица уже утверждена и многих возвела на небо, не перестраивать ее нужно, а восходить по ней. Этот путь уже испытан; он прост, виден для всех и верен. Для какой же надобности тратить время и труды на проложение нового пути или на исправление по-своему уже проложенного? Пролагая новый путь, можно по близорукости направить его в пагубу, а переделывая, только испортить и наделать рытвин и перекопов. Идти надо по указанному пути, а не вопить без смысла: «Не лучше ли сюда пройти, не лучше ли туда», праздно вперив очи неведь куда или без толку бегая взад и вперед. Врачевство христианства перед целым светом доказало и доказывает свою целительность на всех, кто пользуется им без всякого суемудрого умничанья; было бы неппростительною ошибкою покушаться исключить из целительных его составов либо то, либо другое, либо третье. Рецепт этот составлен на небе и готовится из небесных веществ. Покушаясь поправить его, земнородные самонадеянно берут на себя дело, совершенно превышающее их силы и пагубное для них. Не исправлять лекарство, а пользоваться надо им в простоте веры, чтобы оздоровиться его целительною силою. Понятно, кажется, что значит в христианстве стоять и идти вперед. Содержите христианство все, как оно есть и как оно хранится в Церкви Христовой, и твердо стойте в нем, не покушаясь ни изменять, ни поправлять что-либо; совершенствуйте непрестанно самих себя по образцу его, всячески стараясь достигнуть той меры, какую оно всем

указывает, целясь его целительностью, стремясь, куда оно ведет, и неленостно восходя, куда оно возводит. (19. С. 159—162)

Новшество в вере есть нечестие

Новшества повреждают веру, привлекая же своею новизною внимание верующих, и их повреждают и ввергают в нечестие, поставляя их не в должное отношение к Богу, вместо благочестия, т. е. должного отношения к Богу, в каком содержит их вера. Самое новшество есть нечестие; потому что свое измышление ставит выше Божеского определения в Его слове. Оно есть повторение дела прародителей, которые, приплетши, со слов отца лжи, новое толкование к заповеди, впали в крайнее нечестие и ввергли в него весь род человеческий. Будучи же таково по природе новшество в вере, оно и плод всегда и всюду производит по роду своему, — то есть ввергает в нечестие и распространяет его, по мере своего распространения. (39. С. 554)

6. Как соотносятся вера и разум

Разум в вере надо на привязи держать

Разум! Разум! И клянут его, и хвалят. Но и те, кои клянут его, знают, что без разума ничего не поделаешь; и те, кои хвалят, видят, что он много городит никуда не годных вещей. И вере тоже без разума нельзя, но если пустить его сюда, как козла в огород, он тут много накуролесит; надо его в руки взять и в область веры его вводить надо, только всюду на привязи держать. (9. С. 159)

Вера должна быть разумной и убежденной

Вера наша в нашу веру, то есть убеждение в истине православно-христианского исповедания, должна быть разумною. Потому-то Господь, дабы расположить к вере в Себя и Свое учение, говорил: *испытайте Писаний* (Ин. 5, 39) и убеждал к тому проповедью Иоанна Крестителя и Своими чудесами. Апостолы

в проповеди своей тоже убеждали всех и только убеждением одним, а не насилием, приучали к вере. Самая твердость исповедания зависит от убеждения, а потом и вся жизнь в духе своей веры²⁴. Из бесчисленных опытов видно, как сильно возбуждаются иные к сообразной с верою деятельности с минуты сознания ее единственной истинности и, напротив, как многие спят в безопасности, оттого что не привели в ясность этого сознания²⁵. (19. С. 274)

²⁴ «Христианство, полагая в основу всего веру в Бога, со своей стороны само верит в человека, в его возвышенность, честность, в силу которых он придет к Нему, сам покорится Ему сознательно и свободно, по любви, за Его внутреннюю истинность и красоту. Чем сильнее вера, тем смелее исследование. Чем разумнее вера, тем лучше. Как в нравственно-деятельной области идеалом для нас является Сам Отец Небесный, так и в познании остается им Он же. Святая Церковь как бы говорит всякому: погляди и убедись, что во Мне истина, и не отвергает никаких способов убеждения в истине. Православие говорит: если хочешь быть моим, верь, чему я учу. Не требовать веры значило бы не требовать от человека быть человеком. Церковь верит в человека, признает, что где ослабевают наши естественные силы, там является всевосполняющая благодать. Православие не боится свободы исследования. Вера свободная, сознательная — идеал Православия. Христианство не боится света и свободы. Видит их развитие — стройное и верное развитие всех лучших задатков человеческой души. Свет и свобода по самой природе своей самый верный союзник христианства. Не мрак умственный, не рабство ставит своею целью христианство. Его цель свобода. Стройное, вполне гармоническое слияние в одной общей жизни Божества и человечества всегда есть и будет идеалом христианства». *Николай Депутатов, протоиерей*. Простецкое богословие. С. 265—266.

²⁵ «Кругом нас, в близкой нам окружающей действительности Бога не видно. Мы и все люди — ждем Его, разыскиваем, болеем тем, что в ближайшей действительности Его нет. Его пока все-таки нет. Он — предмет нашего желания и предчувствия, любви, ревности и пр., но Он не есть нечто нам уже данное. Это и значит, что мы веруем в Него, хотя Его еще и нет.

Бог — это центральная идея, с которой носится человек в истории. Вся история — ряды человеческих попыток осуществить Бога. Это стимулирующая, творящая идея истории. Если бегло пройти мыслью через историю Древнего Востока, Египта, Иудеи, Греции и Рима, развитие движения человечества будет сказываться в том, как там и тут осуществлял себе Бога человек, как понимал его, как «открывался» Он ему. «Каков Бог данного человека или данного момента истории, таков сам человек и момент истории». В истории человек

Возможна ли разумная вера

Рассудочный анализ неприложим в области веры. Он может иметь место только в преддверии ее. Как анатом все тело разлагает до подробности, а жизни не видит, так и рассудок, сколько ни рассуждает, силы веры не постигает. Вера сама дает созерцания, которые в целом представляют веру, всецело удовлетворяющую всем потребностям естества нашего, и обязуют сознание, совесть, сердце принять веру. Они и принимают и, приняв, не хотят уже отстать от нее. Тут происходит то же, что с вкусившим приятной и здоровой пищи. Вкусив однажды, он знает, что она пригодна, и принимает ее в ряд питающих его веществ. Химия, ни прежде ни после, не помощница ему в этом убеждении. Убеждение его основано на личном опыте, непосредственно. Так и верующий знает истинность веры непосредственно. Сама вера вселяет в нем непоколебимое убеждение, что она вера. Как же после того вера будет верою разумною? В том и разумность

постепенно открывает Бога, и, по словам апостола Павла, *вся тварь с нетерпением ожидает откровения сынов Божиих*.

Итак, Бог есть то, чего пока, в ближайшей действительности, еще нет, то, во что, однако, постоянно верует человек, чего ищет за всемирную историю свою, и что осуществляется в меру веры и разумения человеческого.

По идее церковной письменности, Бог будет постоянной и ближайшей действительностью тогда, когда *Царствие Божие придет в силу*; это значит, что тогда, хотим мы того или не хотим, Бог будет перед нами, — будет настоящим, судящим нас фактом. До тех пор Бог не стоит перед нами настоящим фактом, но осуществляется для нас настолько, насколько мы верим и хотим Его осуществления. “Егда Бог яве надстанете” [канон Недели Мясопустной, песнь 1-я] — это, по церковной идее, день Страшного Суда. До тех пор Бог не стоит над нами “Яве” (явно) и Божия жизнь плодится самим человеком в меру его веры, прозорливости, духовного возраста: “Словом ты проповедавшие пророцы, и делами почеташии, безконечную жизнь приплодиша”. Одним словом, принудительности никакой нет, когда человек начинает верить в Бога: вера и истина доселе зависят от воли и свободы человека, следовательно, от качеств самого человека, а не суть дело принуждения. Только потом и постепенно вера и истина осуществляются, оправдываются в силе, то есть уже в принуждении — хотим мы ее или нет. И очевидно, что пока мир течет так, как течет он до сих пор, никогда элемент человеческой воли и свободы — элемент

веры, чтоб непосредственно знать, что она вера. Рассудок только портит дело, охлаждая веру и ослабляя жизнь по вере; а главное, кичит и отгоняет благодать Божию: зло в христианстве первой важности. (12. С. 166–167)

Возможна ли вера, в которой все естественно понимается

Люди многоспособные, приобретши много познаний о вещах тварных, изучившие историю, физические науки, математику, медицину, правоведение, филологию, приходят нередко к ложному убеждению, что для них и предметы веры не непостижимы, и начинают толковать их так, чтоб это было разумно, чтоб вера их была разумная, то есть ничего неразумеемого не содержала и все в ней понимаемо было естественно. Но как вера, исходя от Бога преестественного и ведя верующих преестественным путем к преестественному общению с Богом преестественным, естественно понимаема и истолковываема быть не может, то умники,

веры — не будет совсем исключен из его истины. Это, в самом деле, будет страшным переломом и концом теперешнего течения мира, “егда Бог яве надстанете”, кончив свободу и осуществив веру человечества. Истина вполне откровенна — это нечто страшное для нас; люди мало над этим думают.

Что же из этого следует. Следует, что Бог и истина не есть только греза или “сон души человеческой”, созданный для того, чтобы как-нибудь удовлетвориться, как-нибудь забыться от действительности. О нет! В определение истины входит гораздо более то, что она судит, ограничивает, требует, чем то, что она удовлетворяет. Человек творит новое в мире, благовествуя на свой страх Бога миру; но это же новое и судит его. Это и значит, что человек не ограничивается возвращением лишь того, что получил (что было бы простым, пассивным и ленивым “применением к действительности”); но он, на основании действительности, на основании того, что получил, “творит другие пять талантов”, вносит их — свои плоды — в мир, и отныне они уже делаются фактом, судящим его и мир, хотят они того или нет. Одним словом, Бог — не субъективная греза души, но — по мере того как человек открывает и осуществляет Его — есть стоящая перед ним и судящая его сила.

Такова, по-моему, природа человеческой веры, истины и знания, такова природа жизни и развития. Это с Духовной Академии и есть моя философская вера, и развить ее — моя надежда». *Ухтомский А.А.* Интуиция совести. С. 26–27.

задумывающие так относиться к ней, неизбежно уклоняются от нее, криво толкуют ее положения и, выдавая такие толкования за истину, погрешают. Это было всегда и ныне есть, — что хвалящиеся знанием, — ἐπαγγελλόμενοι*, — по профессии знальщики, когда берутся уразуметь веру, погрешают в вере. Ἠτόχησαν**, говорит Апостол (см.: 1 Тим. 6, 21), — не попали на след веры, не туда направились, куда она указывала. (39. С. 469)

Когда будет вера разумная, а разум верный

Настоящее бы употребление разуму было такое: возьми здравые догматы веры и все их насади в разум, так чтобы они в нем были так же сорастворены с естеством его, как и его природные начала. Когда это сделается, тогда как хочешь говори: вера разумная или разум верный; все едино будет выходить. Такой разум в область веры ничего не пустит такого, что может портить ее тенор... например, суеверия и проч. Равным образом, когда наука станет строить, ничего в них не пустит такого, что было бы противно положениям веры. Напротив, в области науки — покажет всюду следы отражения веры²⁶. Если б эту норму помнили наши ученые в уме, при образовании умников, тогда бы и вопроса не было о вере разумной и о разуме верном.

* ἐπαγγελλόμενοι < ἐπαγγέλλω (греч.) — здесь: выдавать себя за кого-либо, хвалиться.

** Ἠτόχησαν < ἄστοχῶ (греч.) — ошибаться, не попадать на след.

²⁶ «У христиан вера принимается как орган предвосхищения истины. У внешних она принимается как самодовлеющая идеалистическая настроенность, как психологическое состояние, могущее быть рекомендовано по тем или иным основаниям. Внешние, — прежде всего христианские еретики, — сами себя и критикуют, когда критикуют “фидеизм” в качестве специальной установки действия. В наших глазах не всякая “вера” есть уже и истина, но есть вера истинная, когда она вера в истину, ибо истина бытия познается человеком не иначе как верою, проектированием на расстоянии, предвосхищением будущего, совестью. Внешние же — самое состояние веры, экстаза и энтузиазма превращают в суррогат истины. С нашей точки зрения, это и есть опасное порождение идеализма, мистическое извращение гордого человеческого сознания». Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. С. 257.

Вся беда не от одного разума, а оттого, что умничают, не заботясь о жизни. Жизнь хорошая вырабатывает и начала хорошие. Жизнь пустая если не прямо навязывает худые начала, то дает им свободу развиваться беспрепятственно... Тут уже ум, не стесняемый совестью и страхом Божиим, пойдет размахисто по пути своему научному. И наплетет столько, что и не разберешь, что делать. (9. С. 159)

Разум будет очищен и усмирён в другой жизни

Жизнь такая нынешняя. Смесь добра со злом, истины с ложью, красного с безобразным. Сколько всякий день поедаем за обедом и ужином? А что поступает из этого в экономию жизни? Малость такая, что почти и в счет нечего класть. Так и во всем мире и во всей жизни относительно духовного. Сколько хламу мыслей, предприятий, изделий?.. А сколько во всем истины, сколько добра и утешения?.. Малость. Вот, Бог даст — наступит другая жизнь: там все залито светом... Там и разум — здесь разбойник — подожмет свой хвостик и только будет охать... *Удивися разум Твой от мене: утвердися, не возмогу к нему* (Пс. 138, 6). (9. С. 159)

Простота веры сильнее умствований

Умничанье всегда кричит: «То не так, другое не этак; дай-ка я все устрою по-новому; старое негоже, наскучило». Но никогда еще нигде ничего доброго оно не устроило, а только все расстраивает. Уму следует слушаться того, что заповедано Господом. Правда, он называется царем в голове, но этому царю не дано законодательной власти, а только исполнительная. Как только примется он законодательствовать, то нагородит незнать что; расстроит и нравственные, и религиозные, и житейские, и политические порядки; все пойдет вверх дном. Великое несчастье для общества, когда в нем дают уму свободу парить, не удерживая его Божественною истиною! Это гнев Божий. О нем сказано: *укройтесь мало елико, дондеже мимоидет* (см.: Ис. 26, 20).

В этом разгаре умственного своеволия лучше всего укрываться в простоту веры. Как во время бури лучше сидеть дома и не выходить в самонадеянности на борьбу с нею, так и во время бурного своеумия лучше не выходить на борьбу с ним и не хвататься за оружие умствования, чтобы противостоять ему. Простота веры сильнее умствований: облекись в нее, как в броню, и устоишь. (12. С. 179)

Какая вера слепая, а какая видящая

Слепой вере противоположна вера видящая. Какая же это? Вера видящая есть та, которая ясно видит, во что верует и почему верует. Ясное видение, во что верует, обнимает все содержание веры, — что Бог есть един по существу и троичен в Лицах, что Он весь мир сотворил словом Своим и о нем промышляет, и в целом и в частности, что мы сотворены для лучшей жизни, но пали в прародителях и се томимся в изгнании, что беду сию мы сами на себя навели, но высвободиться из нее сами не имели возможности, почему воплотился Сын Божий и избавил нас от всего, чему подверглись мы вследствие падения, Своими страданиями, смертью, Воскресением, Вознесением на небеса и седением одесную Бога и Отца, что для того, чтобы каждый из нас мог стать причастным благ спасения, совершенного Господом, Дух Святой сошел на Апостолов и через них Церковь Святую основал на земле, в коей Церкви и пребывает, всех верующих через Святые Таинства возрождая к новой жизни, укрепляя на всякое добро, очищая от всякого зла и освящая и через все сие к вечной жизни приготавливая и Царства Небесного наследниками соделывая, и что все, верными сынами и дочерьми Церкви Божией до конца себя сохраняющие, несомненно Царство Божие наследят, а неверными ей оказывающиеся в ад попадут на вечные мучения. Все сие ясно зрит и ведаёт определенно видящая вера.

Видит она ясно и определенно и основание, почему так верует. Но оснований этих у ней не много, а одно — потому верует, что Сам Бог повелел так, а не иначе верить. Основание самое

разумное, разумнее и тверже которого ничего нет. Ибо что Бог сказал, то уже всеконечно есть совершеннейшая истина, против которой неуместны и возражения. В полном смысле настоящая вера и есть та, когда кто верует потому только, — что так Бог повелел, и когда для того, чтобы уверовать, ничего больше не ищет, как узнать, — как Бог повелел; и как только узнает, что Бог повелел так и так веровать, так и успокоивается на том полным успокоением, не допускающим никаких колебаний.

Се — детская вера, безпрекословно верящая Богу Отцу своему! Ее-то и требовал Господь, когда сказал: *если не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф. 18, 3). Из сего можете вы сами заключить, что кто иным каким-либо образом верует, о том нельзя не усомниться, войдет ли он в Царство Небесное.

Так детская вера не есть слепая, а видящая, и видящая все глазами чистыми, ничем не запорошенными. Она только в рассудочные исследования не пускается, а как узнает, что Бог так сказал, так и успокоивается. Это у нее самая верная, самая прочная и самая разумная основа на все верования. Слепая вера есть та, которая не знает, во что должно веровать, или если знает, то не полно, кое-как; равно не знает и того, почему должно веровать, и не заботится узнать ни того ни другого. Такова большей частью вера простого нашего народа, но не исключительно: ибо и между лицами высшего и образованного круга очень много таких, если не наибольшая часть. И в простом народе не редкость сильная детская вера видящая, за которой куда гнать нашей ученой вере?!

У нас вошло в обычай слепой вере противопоставлять разумную, а под разумною верою разуметь веру ученую, которая не довольствуется одним тем основанием, что Бог так повелел, — и верую. Но ко всему примешивает и соображения своего ума, и когда начнет говорить о предметах веры, то говорит о них так, как бы это было постижение его ума, стыдясь даже помянуть, что так Бог повелел, видя в этом унижение уму своему. У иных это доходит до того, что они и совсем верить не хотят ничему

такому, что не сумеют подвести под начала своего разума и согласовать с суммой добытых им понятий и с установившимися в голове воззрениями на сущее. — На сие скажу:

Никакого нет греха доискиваться некоторых умственных соображений в уяснение и полнейшее уразумение предметов веры. Это делали нередко и святые отцы. Но надо заметить, что к существу веры это ничего не прибавляет и есть совсем побочное или придаточное дело. Будь это или не будь, вера, верующая Богу, как сказано, нисколько от того не теряет. Кто набрал себе таких соображений, не имеет у Бога преимущества перед тем, кто не имеет их, а искренне и ясно верует во все веруемое по тому одному, что так Бог повелел. Это замечание надо крепко держать в уме, чтобы не породилось лукавое в сердце предпочтение своих соображений тому единственно прочному основанию: Бог так повелел, — и верую. Ибо в таком случае человек выходит из детскости и сам себя подвергает опасности, в коей находятся не имеющие детской веры: *если не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф. 18, 3). Как ни мудр будет ум, все ему окончательно надо стоять на том, что Бог так повелел, — и верую. Но само собой разумеется, что по мере того как дается предпочтение своим соображениям, вера слабеет и теряет свое значение; а где своим только соображениям верят, там и совсем веры нет, а есть умствования о предметах веры. (27. С. 50—54)

***Наше рассуждение должно быть без прекословия:
так повелел Спаситель***

А Спаситель что говорит? *Овцы Моя гласа Моего слушают* (Ин. 10, 27). Те только и Его, которые слушают Его повелений, без прекословия, без самовольного толкования. Он не принуждает, а предлагает: желающий идет и спасается. Ко Мне никто, говорит, не придет, если не привлечет его Отец. Видите, какая есть премудрая, невидимая, однако ж, тем не менее, решительная и ужасающая разборчивость у Спасителя, желающего, впрочем, всем спастися.

А всему причиною собственное наше рассуждение. Много полагаемся на свой разум и не хотим иначе жить, как он укажет, а того и не замечаем, как он сам управляется страстями и худо настроенною волею. В самообольщении думаем, будто живем по началам разума, во свете, а в самом деле по внушению страстей, во мраке. Когда Спаситель заповедал самоотвержение, то разумел под ним между прочим и отречение от своего разума; потому что он может быть обольщен сам и нас может обольстить. Потому как спасительно внушение: не испытай, а исполняй без размышления. Испытание — первый шаг к падению, и мало таких, которые после сего первого не делали и второго, далее третьего и так до бездны пагубы. Наши все рассуждения должны ограничиваться одним: так повелел Спаситель. Велел Спаситель отказывать себе во всех удовольствиях, и будем отказывать; и всякому, кто бы желал узнать от нас, почему мы так делаем, будем отвечать: так велел Спаситель. Но коль скоро станем испытывать, почему это, нельзя ли иначе, не другое ли что разумел Спаситель, когда говорил так: не избежать нам вначале некоторого расслабления воли внутреннего, а потом и самого падения. (21. С. 108—109)

Недоумения гони мечом веры

Недоумения против веры то же суть в области веры, что дурные помыслы и позывы, противные добронравию и заповедям в сфере жизни. Последние как мы встречаем? Отталкиваем, и конец. То же следует делать и с первыми! Пришли недоумения — отгони их мечом веры, и конец. И это будет самое разумное действие. Когда ясно ведомо, как Бог повелел веровать, разумно ли против того допускать возражения, а не только строить? Когда Бог говорит, тварь должна слушать и слушаться.

Это первый акт — отбить недоумение, оставаясь на стороне веры, без колебаний. Когда это сделано и покой веры возвращен сердцу, тогда можно против недоумений искать разъяснений, кто хочет. И это не мудрено. Их всегда можно найти в восста-

новлении точного учения о предмете веры, подвергшемся нападкам недоумения. Все недоумения исходят от того, что какой-нибудь предмет веры затемняется и ясное представление его не созерцается. Коль скоро этот недостаток будет восполнен, тотчас недоумение рассеется само собою. Грешат против сего много те, которые, лишь только родилось какое недоумение, тотчас переходят на сторону его и вражески готовы выступить против веры, мечтая в то же время, что они начинают действовать неким возвышенным образом, не то что иные невежды, слепцы и проч. Хорошо ли делает тот, кто, лишь только пришло дурное желание, тотчас переходит на сторону его и исполняет его? Конечно дурно. Дурно делает и тот, кто, как только родилось недоумение, тотчас вместе с ним начинает вооружаться против веры. Когда недоумение касается такого предмета, о котором известно Божие определение, то такого рода действие есть богоборство. Законный образ действия должен быть такой: пришли недоумения, — не допускать их до сердца и не возмущать ими покоя веры; — оттолкни их, стоя сердцем на стороне веры, а потом ищи разъяснение. Придет разъяснение — добре, не придет — беда невелика. Покой веры цел, не слепой, а той, которая видит и знает, как повелел Бог. (27. С. 54—56)

Необходимость покорной веры в непостижимое

Предопределения Божии, относительно ли отдельно каждого человека или относительно целых народов, суть сокровенные советы Божии, для нас до ясности непостижимые. В том же, что непостижимо, тотчас надо заставляя ум свой подклоняться под иго веры или прибегать под кров веры. Несомненно, что помышления Божии от мыслей человеческих отстоят как небо от земли. Если не можем достать до неба рукою, чтобы осязать тамошние Божеские вещи, нечего и умом своим пялиться туда, чтобы осязательно познать, как что есть. Довольно знать, что так Бог сказал: *Божия никтоже вестъ, точию Дух Божий живуций в Нем* (1 Кор. 2, 11). Нечего и братья за постижение того, что

возвещается непостижимым. Ныне удерживать нет от совопросничества. Все требуют доводить до ясного разумения. И слушать ничего не хотят... вынь да положь. Как Бог един и троичен? — Как Бог Сын воплотился, будучи безпределен? — Как Божия Матерь Приснодева? — Как хлеб и вино — Тело и Кровь Господа?.. да и все устройство нашей веры и Церкви таинственно... и все это подай и объясни... Умишко наш — комар, — а все пищит! Спаситель сказал: *никто не знает, что есть Сын, токмо Отец; и никто не знает, что есть Отец, токмо Сын* (см.: Мф. 11, 27). То же и о Святом Духе разуметь должно. Зачем же и добиваться, как Бог един есть — Отец, Сын и Святой Дух? Апостол говорит: *велия благочестия тайна — Бог явися во плоти* (1 Тим. 3, 16). — Зачем же сюда лезть со своим мудрованием? То же и о всем надо смиренно подчиняться определениям веры, исшедшим из уст Божиих, хотя то и непостижимо для ума. В чем поклонение ума Богу? В чем поклонение ума Богу? В покорном принятии глаголов Его, яко истиннейших. Если б вам кто сказал: упритесь-ка плечом в дом и сопхните его под гору. Стали бы вы это делать? Конечно нет, зная, что это невозможно. А если бы стали, не имели ль бы видящие сие права подумать, что у вас голова не в порядке... Вот этого приговора заслуживают все, кои пытаются разгадать тайны Божии, о которых Сам Бог сказал, что они непостижимы²⁷. Ныне мы верую ходим, а не видением. Стараться

²⁷ Научному разуму особенно трудно понять и принять рациональную непостижимость христианских догматов и тайн Божиих. И это несмотря на то, что в науке, даже самой строгой — в математике, много непонятого и рационально непостижимого. Так, согласно теореме Геделя о неполноте, уже сравнительно простые аксиоматические системы, включающие арифметику, могут содержать истинные логические утверждения, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть, оставаясь в рамках данной замкнутой системы.

«Теорема Геделя обозначила естественные границы применимости аксиоматического метода. В то же время она как бы указывала границы и научному разуму вообще. Грубо говоря, теорема о неполноте утверждает, что не все истинное можно доказать, не все истинное открывается дискурсивному разуму. Есть вещи, которые понятны для нас, но недоказуемы: доступ к ним недискурсивен,

приближать к нашему пониманию тайны Божии, с покорностью вере, нет греха; — но блаженнее те, кои не видя веруют²⁸. (6. С. 61—62)

Покорность вере, потому что так повелел Бог

Первая и основная здесь обязанность есть *всецелая покорность вере* истинной. Вера сия идет от Бога, есть Его царский указ к нам, подданным, открыта нам с желанием, чтоб мы приняли ее и спасались ею. Потому кто не покоряется ей, противится Богу, творит грех хулы на Духа Святого. *Жестоковейшии*, укоряет святой Стефан иудеев, *вы присно Духу Святому*

сверхнаучен». *Катасонов В.Н.* Апофатика и наука // Христианство и наука. Сборник докладов конференции. М., 2003. С. 266.

«Символическая интерпретация математики получила сильнейший удар в 1931 году. В этот год принстонский математик и логик Курт Гедель доказал сокрушительную теорему о том, что существуют математические утверждения, для которых нет систематических процедур для того, чтобы определить, являются ли они истинными или ложными. Это была No-Go теорема отмщения, потому что она давала неопровержимую демонстрацию того, что нечто в математике фактически невозможно даже в принципе. Факт, что в математике существуют неразрешимые проблемы, пришел как шоковый удар, потому что он подрывал все логические основания предмета математики... Джон Барроу иронически заметил, что “если религию определить как систему мысли, которая требует веры в недоказуемые истины, тогда математика есть единственная религия, которая может доказать, что она религия”». *Paul Davies.* The mind of God. Simon & Schuster, 1992. P. 101.

«Математики [до 1931 г.] поклонялись золотому тельцу — строгому, одинаково приемлемому для всех доказательству, истинному во всех возможных мирах, искренне веря, что это и есть бог. Теперь наступило прозрение, что их бог — ложный. Но истинный Бог так и не открылся, и теперь им не оставалось ничего другого, как гадать, существует ли Он вообще. Может ли тело продолжать жить, если разум и дух помutilись? Может! И это относится к человеку и к математике». *Клайн М.* Математика. Утрата определенности. М., 1984. С. 17.

²⁸ «В вере очень легко ошибиться, — поэтому лучше и благонадежнее отстраниться вообще от веры и жить только удостоверенным знанием. “Что говорить про веру, если люди верили даже в кошку!”

<...> Это та же логика, по которой следует отказаться от употребления колодцев, так как колодцы оказывались неоднократно отравленными! Следует

противитесь (Деян. 7, 51). Апостолы были посланы на проповедь в послушание веры во всех языцах (Рим. 1, 5) и всем говорили: вот вы были в заблуждении и ходили в нечестии; ныне Бог презирает сии времена неведения и чрез нас *повелевает всем всюду покаяться, веру подавая всем* (см.: Деян. 17, 30—31). Довольно уже жили в богомерзких идолослужениях; пора покориться Богу, по воле *Божией прочее во плоти жити время* (см.: 1 Пет. 4, 2).

Послушание вере требует связать разум и обязать его на все безпрекословно соглашаться, что ни проповедует вера. Но разум-то более всего и противится сей покорности. Жестока выяз у неверующего от упорства разума. Не вижу, говорит, не понимаю, как могу согласиться? *Еллини*, говорит апостол Павел, *премудрости ищут, мы же проповедуем Христа распята* (1 Кор. 1, 22—23). Так как *мир не разуме премудростию Бога*, то теперь *Бог спасает всех буйством проповеди* (см.: 1 Кор. 1, 21), хочет, чтобы все шли к своему назначению в примраке веры, чтоб исповедующий веру на всякий вопрос, почему он то и то исповедует, готовее был сказать, — потому что так Бог повелел, нежели как любомудрствовать, потому и потому. К непокоривым справедливо можно отнести угрозы Бога за отвержение премудрости:

отказаться от зрения и жить только осязанием, ибо ведь в последнем несравненно легче уследить всякую ошибку!

Вера — процесс человеческой жизни очень высокий, сложный и трудный для разумения; выяснить признаки здоровой веры, — своего рода нормы веры, — дело необыкновенно трудное. Вот это несомненная правда! Для западного мира вера стала опороченной и внушающей страх с тех пор, как под ее эгидою выступил принцип непогрешимости *ex cathedra* [авторитетно]. И многие более близорукие стали, обжегшись на молоке, дуть на водицу, провозглашая принципиальное отрицание самого *“methode foi”* [системы верований]. <...> Для здорового сознания ясно, что отвергать принципиально веру как реальный двигатель человеческой жизни — это все равно, что предлагать более не пользоваться слухом и зрением и знать лишь то, что доступно осязанию или, еще лучше, болевому ощущению. Ясно также, что если задача трудна, это значит не то, что задачу надо отбросить и заниматься легким делом, а то, что нужно приложить труд». *Ухтомский А.А.* Интуиция совести. С. 412—413.

понеже звах, и не послушасте, и простирах словеса, и не внимаете: убо и аз вашей погибели посмеюся (см.: Притч. 1, 24–26). Преосвященный Тихон [Задонский] говорит: «То и есть вера — безмолвная покорность глаголющему Богу».

Пытливость есть разорение веры. Кто с непокоривым и свое нравным умом входит в область веры, тот тать есть и разбойник... Сними оружие ума своего, как делают воины при входе в церковь. И Ангелы стоят пред престолом Божиим, закрываяще лица свои, а ты хочешь все зреть... Бог явил сокровеннейшую премудрость; благодарно и послушно прими, говоря: я молчаливый раб сей веры. (15. С. 303–304)

Глава третья

НЕВЕРИЕ
И
ЛЖЕУЧЕНИЯ

1. Разум всегда ученик: либо Божий, либо сатанин

Ум наш бывает или Михаил Архангел, или сатана-богоборец

Невидимый мир лучше видимого, и Ангелы совершеннее человека. Но как тварям, и им нужно было дать заповедь, чтобы испытать склонение их произволения и утвердить их свободу в добре. Заповедь, как полагать должно, дана им тотчас по сотворении их. Мы не можем определить, в чем она состояла; но была такого свойства, что послужила одним на падение, другим на возвышение... Первый из безплотных не покорился сему распоряжению Царя всяческих. Не видал ли он всяческих оснований к тому, чтобы покориться Богоучрежденному порядку, или ему казалось, что можно учредить иной порядок небожительства, по тому или другому, только он возмутился против Бога и Его воли и увлек за собою треть низших ангелов. — Напротив того, Михаил Архангел остался верным, а по его примеру всем существом предались Божественным распоряжениям и прочие Ангелы, за исключением падших. Правосудный Бог низверг сатану с неба со всеми его приверженцами, употребив орудием к тому Михаила Архангела с другими Ангелами, следовавшими его примеру. Михаил Архангел так и изображается — поражающим сатану, попираемого ногами. С тех пор Михаил Архангел есть страж славы Божией и Божественных учреждений, а сатана — богоборец и досадитель Божий.

Я не буду вам изображать, как отверженный и низверженный сатана увлек к преступлению заповеди Божией первозданных человеков и как чрез них влил яд зла.

Сойдите теперь с неба и войдите внутрь себя. И у нас есть равноангельская сила — ум, — царь в голове, как говорят... И сей царь бывает в нас и для нас — или Михаил Архангел — страж славы Божией и Божественных учреждений, или сатана — богоборец и возмутитель. Поясню вам коротко, как это и когда. (21. С. 47–48)

Ум способен узнавать, но не открывать истину

Ум наш законно называется — царь в голове, — только он есть царь не независимый. Ради него мы и разумную тварью именуемся; но не он источник нашей действительной разумности. Бог создал его способным узнавать истину, но не дал ему силы самому открывать и уразумевать всякую истину. Полнота всякой истины и всякого ведения в Боге. Наш разум должен учиться уже у Него... Так Бог его создал, так и действовал в отношении к нему... Прямо по созданию является ему, беседует с ним, жилище ему учреждает, заповедь дает и проч. Итак, назначение нашего разума, или воля Божия, на естество его наложенная, есть, чтоб он учился истине у Бога, принимал смиренно истины, свыше сообщаемые, или вседушно покорялся Богооткровенному учению и всей открытой нам воле Божией. Разум, покоряющийся сей напечатленной в существе его заповеди Божией, — хранящий ее и защищающий — есть Михаил Архангел, а разум кичливый и в кичении своем отвергающий Откровение Божие и проповедующий: не нужно мне Откровение Божие, сам все хочу знать, — и сам все узнаю, — есть разум богоборческий.

Бог действительно открыл нам волю Свою и даровал нам спасительные учреждения в Церкви в пособие и руководство нам, падшим на пути в Царство Небесное. Коротко все это можно изобразить так: Бог в Троице поклоняемый — Отец, Сын и Святой Дух, — все сотворивший словом и о всем по частям промышляющий, спасает нас, падших и погибающих, — в Господе Иисусе Христе благодатью Святого Духа, подаемая чрез Таинства, под руководством и охранением Святой Церкви, обещающая нескончаемо блаженную жизнь по смерти всем покоряющимся Его воле и грозя вечными муками непокоривым. Тут все Богооткровенное учение, или вся воля Божия о нас! Разум должен покориться всему сему учению, смиренно принять его все и напечатлеть в себе, чтоб оно составляло, так сказать, его самого, — стало в ряд его внутренних неизменных начал, — и это не только в такой общности, как здесь представлено, но и во всех

подробностях, или во всех частностях. Разум, действительно так поступающий, напитавший себя сими истинами, ими проникнутый, дорожащий ими и за них ратующий, не шадя сил, есть Михаил Архангел — страж славы Божией и блюститель Божественных учреждений. Напротив, разум, восстающий против сего Богоучрежденного порядка ведения и жизни, хранимого в Церкви Божией, и не только не покоряющийся ему, но и стремящийся совсем уничтожить его, есть сатана — богоборец и возмутитель. Предложу вам несколько образчиков сатанинства в уме. (21. С. 48—50)

Примеры сатанинства в уме

Бог говорит о Себе, что Он троичен в Лицах — Отец, Сын и Святой Дух. Так исповедует и разум богопокорный и защищает сию истину. Разум-богоборец же учит: или нет Бога, или, если есть, то Он ограничен и не троичен и живет Сам в Себе, не занимаясь миром. Так проповедует иной разум, — и хочет поставить на своем, — и за это он есть сатана.

Бог говорит, что мир сотворен словом Его из ничего в шесть дней. Так исповедует и разум богопокорный и защищает сию истину. А разум-богоборец противится сему: и мир, говорит, сам собою сотворился и устроился, хочет поставить на своем, — такой есть сатана.

Бог говорит, что Он о всем до малости промышляет и творит в мире что хочет. Так исповедует и разум богопокорный и защищает сию истину. А разум богоборный говорит, что нет промышления Божия и что все строится само собою по законам, положенным в естестве вещей, которых и Сам Бог преодолеть не может. Так говорит и хочет поставить на своем, — и за это он есть сатана.

Бог говорит, что человек пал и по падении спасается Господом Иисусом Христом во Святой Церкви и проч. Так исповедует и разум богопокорный и защищает сию истину. А разум богоборный ничего такого признавать не хочет, не верит ни падению, ни

воплощению, ни Богочеловечеству, ни искуплению, ни Святой Церкви, ни Святым Таинствам, ничему святому, ни даже будущей жизни и воздаянию; не верит, — и других хочет увлечь в неверие и богопротивление — и за это он есть сатана.

Не продолжаю более... Довольно и этих примеров, чтобы вы могли различить сатану от Ангела света... Сделал сие для того, чтоб вас не сбил кто с пути, прикрываясь светлым титулом разумности и вооружаясь мнимыми правами разума. Твердо уверьтесь, что разум всегда есть ученик: или ученик Божий, — и тогда приемлет искренне все Богооткровенное учение, содержаемое Церковью, или ученик сатанин, — и тогда он с яростью восстает против всего устройства нашего спасения. Напрасно разум кричит и кричит: я сам все знаю, я знаю иначе, по моим понятиям не так выходит и проч. Это сатана учит его так напыщаться, — и под сим напыщением прикрывает свою отвратительную личность. А разум и в самом деле думает, что он что-нибудь значит, и начинает шириться, против всего восставать и все разрушать, и не подозревая, что служит орудием сатаны. Ибо только и есть — Божий порядок и сатанин беспорядок... Где нет Божия, там сатанинское, так вот по этим признакам различайте духи — кто они, и всякого называйте своим именем, — не боясь ошибки или преувеличения. (21. С. 50—52)

Нельзя мудрить при Откровении

Мудрование наше ничего доброго нам не дает, а только высокоумие распложает и руки и ноги расслабляет на делание добра и бегание зла. Бросим его! Наживешь с ним добра. Нашему мудрованию все представляется так гладко и широко. **Живи себе как хочешь: природа! — Умрешь, — Бог милостив! Если и достанется немного, — так это ничего, пройдет. Его бы устами мед пить. А там, как умрешь, схватят сударики, бросят в теплое местечко и запрут крепкими запорами: кричи не кричи, — никому дела до нас не будет: эти уж определены к месту. Так там и останешься на вечные веки. Вот и намудрил.**

Прогоним это мудрование и покоримся вседушно простой вере. Если бы не было Откровения, делать бы нечего — мудри. А при Откровении какая стать мудрить? Уж нам не придумать лучше того, что Господом постановлено. Мудруем, стало быть, попусту, и не только попусту, но и без толку: ибо знаем, что не смудрить только надо, но и привести то в дело, а власти-то и силы, видимо, нет в наших руках. (17. С. 18—19)

Психология лжеучителей

Вы приняли истину, стоите в ней, идете путем ее. Но вот явились лжесловесники и расстроили дух ваш... Из некоторых черт, помеченных у вас, заключаю, что они непостоянны в мыслях, вольны в речах и движениях, неустроены в поведении и поступках, не знают чести лица ближнего, — сомнительно даже, есть ли у них что священное; посудите же сами, могут ли такие лица быть провозвестниками чистой истины?! — *Яже свыше премудрость, первее убо чиста есть, потом же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодов благих, несумненна и нелицемерна... Аще же зависть горьку имать кто, и рвение в сердце, да не хвалится и не лжет на истину. Несть сия премудрость свыше сходящая, но земная, душевная, бесовская* (см.: Иак. 3, 17, 14—15). В злохудожну душу не входит премудрость: можно ли ожидать, чтоб тот, кто не устроен в жизни вследствие каких-то начал своих, мог знать и возвещать истину? От плодов их узнаете их — этих лжеучителей, — говорит Господь. С другой стороны — знают ли они сами, что говорят? Отличающая их ветренность и непостоянство сильное наводит подозрение, что вольные речи их нахватаны ими там и здесь — безотчетно, без внимания и размышления. Их выходки более дерзость своеволия, нежели плод убеждения. Ваш один вопрос привел в замешательство словоохотника, и всякий вопрос: почему так? — есть для них бич. Если они говорят так, то говорят не потому, что имеют на то основание, а потому, что хотят так говорить. Истина стесняет их. Ища простора движениям сердца, они сияются разорвать узы

Рембрандт. Старик с разведенными в стороны руками

Живи себе как хочешь: природа! — Умрешь, — Бог милостив! Если и достанется немного, — так это ничего, пройдет. Его бы устами мед пить. А там, как умрешь, схватят сударики, бросят в теплое местечко и запрут крепкими запорами: кричи не кричи, — никому дела до нас не будет: эти уж определены к месту. Так там и останешься на вечные веки. Вот и намудрил. Прогоним это мудрование и покоримся вседушно простой вере. (С. 137—138)

истины. Как этого нельзя сделать разумно, то они покушаются достигнуть своей цели необузданным пустословием. Так — вы видели пред собою людей — без правил и убеждений!..

Этот мрак — это смятение, эта туга сердца, которые они оставили вам, не свидетельствуют ли, что в их речах сокрыт яд лжи. Истина, для которой живем, которую любим и к которой стремимся, сродни духу нашему. Будучи принята им, она услаждает его, умиротворяет и питает: а то, что вы слышали, терзает и мутит душу; может ли же быть истина в этом роде мыслей?! Отца лжи Господь назвал человекоубийцею. Не дает ли это нам руководство — все, убивающее душу, относить к нему, как к источнику? Да! мысли, омрачающие ум, суть сатанинские мысли, и речи, хульные, отнимающие покой души, суть внушаемые духом злобы. Они то же, что вредная роса, губящая нежный цвет, и заразительный воздух, повергающий в обморок. Сами вы не ощущали ль в ту пору, что на вас как бы пахнул тлетворный дух из бездны — этот человекоубийственный дух прелести и лжи?. С другой стороны, ложь не имеет опоры ни в нас, ни вне нас: оттого смятение и нестроение суть всегдашний удел ее. Истина тверда, как тверды основы бытия. Глубокий непоколебимый мир осеняет всюду ее и всех идущих путем ее. Плод правды в мире сеется творящим мир (см.: Иак. 3, 18). Но посмотрите, как мятутся ваши собеседники и все подобные им! И какое смятение распространяют они вокруг себя, смущая всех благонастроенных, которым как-нибудь приходится послушать речей их! И припомните при этом мудрое правило святых подвижников: помысл, приводящий в смятение мирное сердце, есть от лукавого... и следовать ему не должно. Приложите это к себе и согласитесь: речи, возмутившие ваш дух, суть от лукавого. Не слушайте их! (9. С. 464—467)

Как противостоять лжеучителям

Что должно делать, чтоб не терять мира душевного в подобных обстоятельствах, чтоб эти беседы злые не растлевали ваших

обычаев благих. Итак, если еще повторится с вами такой случай, то поспешите сами стать в крепкую позицию, то есть поспешите возгреть всю силу убеждения, что мы стоим в истине; что все, исповедуемое нами от мала до велика, есть непреложно верно и все скреплено печатью воли Божией. Мы веруем, потому что так веровать Бог повелел, а когда Бог говорит, тварь должна внимать в безмолвном повиновении. Безпрекословно приемлется царский указ: не Богу ли паче повинется душа наша? — Сию веру глубже возгрейте тогда в сердце вашем, и она сама отрест все противное ей; тогда пусть бьют в уши ветры злых речей, они не возмутят огражденного верою сердца... Приходят к вам и говорят: истинно ли то, верно ли другое? Как будто мы первые должны открывать истину? Как будто ее нет на земле? Будто она не явила себя победоносною и не было лиц, шедших путем ее? — Читаете жития святых, видите их нетленные мощи, слышите о помощи и заступлении их. Значит, идя тем путем, каким шли, они достигли того, чего искали. Но не тот же ли это путь, на котором стоим и мы? — Наше исповедание то же, наши правила те же, наши дела благочестия те же, какие были у них, — вообще все, что содержим мы, было содержимо и ими. — И вот нам облако свидетелей, что мы стоим в истине, что путь, которого держимся, верен и надежды наши не обманчивы. Не первые мы вступаем на него. Он уже пройден многими и привел к цели. Нам остается только идти им неуклонно со всем постоянством и терпением. Можно сказать всякому: только вступи на него — и тотчас удостоверись, что он верен... Вот перед вами огонь и вода: труден ли выбор?! Так, всякий раз при подобной встрече становитесь на стороне веры и сильнее возгревайте ее в сердце. Она защитит вас от смущения, и лик ее не омрачится в уме вашем никакою тенью недоумения или колебания.

Вы хотели бы говорить, хотели бы защитить истину и явить ее победоносною. — Хорошо и это, если достанет сил, только в кротости и смирении. — Не смущайтесь, однако ж, и тем, что не можете победить и посрамить восстающих на истину. Делайте

лучше так: когда кто расширяет уста свои против святых внушений веры нашей, вы со всею простотою и со всею силою теплого убеждения выскажите ему, как вы исповедуете, как исповедуется и исповедовалась терпящая нападение истина всеми христианами во все времена, — и довольно. Не распространяйтесь в доводах и не напрягайтесь опровергать лжеумствований. Ваше простое исповедание будет успокоительнее для вас и может оказаться более победоносным над глумящимися, нежели все доводы: ибо истина светла сама в себе и имеет защитника себе в духе тех самых, которые восстают на нее: одним явлением своим в сознании их она развеет все паутинные сплетения мудрований...

Найдутся люди, которые дадут сильный всем нападениям отпор и отчетливый ответ всякому вопрошающему; но для нас, простых исповедников веры, довольно одного исповедания. Итак, оставьте другим поле брани; сами же, вместо напряжения к словопрению, низойдите в ту пору вашим вниманием в сердце и пребывайте там со сладчайшим именем Господа, исповедуя Ему свою скорбь от слышания хульных речей и моля Его защитить Свою истину в сердце нашем, не допуская в нем сомнений и колебаний, и вместе отразить нападения на веру вне нас, воздвигнув поборников ее, когда и как это Ему угодно. Когда укротесь вы таким образом в сердце, слышимые хульные речи пронесутся как в пустом пространстве через слух ваш, не касаясь вашего сознания и не производя никакой тревоги и смущения. (9. С. 467—469)

Не будем смущаться успехами богоборцев

Вы живете в обществе... Нередко, может быть, видимое и слышимое прямо носит печать богоборства, и иногда кажется, что истина перестала быть истиною и верность Богу потеряла свою цену. — Нет. Это Бог дает вам случай показать свою Ему верность и засвидетельствовать твердость убеждения вашего в истине. Стойте и вслед за Михаилом Архангелом боритесь за порядок Божий, — и в себе, и в других. Не смущайтесь успехами

зла, — тем, что растет богоборство и расширяет свою область. Скорбите о погибели увлекшихся и увлекающихся, но не бойтесь за истину и целительность Божиих учреждений. Пусть мы сотнями будем считать верных Богу, а богоборцы своих — миллионами. И тогда богоспасительное несколько не умалится в силе, верности и непреложности, — как богоборное в пагубности. Мы и при этом так же верно спасемся, как те верно погибнут. Помните Лота, не погибшего в Содоме и Гоморре. Не говорите с огорчением: «Зачем так, — зачем истина покрывается безславием и подвергается нападению гласному?» Господь крепче нашего любит Свое добро, видит успех злобы, — и, однако ж, молчит. Покоримся Его изволению. А другое дело — одно мановение Его, — и все тучи рассеются, и воссияет во всем величии свет Солнца правды. Будет ли так? Единому Богу ведомо!.. Не наше дело указывать лучшее Всеведущему Промыслителю. Что могло бы быть, мы еще можем гадать; но что лучше из могущего быть, куда нам уразуметь?! Воинство небесное все наготове встать за Бога и Его порядки. Но если Бог не повелит им действовать, — пред их глазами свяжут саму истину, предадут суду и осудят, когда так нужно. Не скорбеть, конечно, нельзя; но омрачаться скорбью до колебания в истине — преступно. Помните мучеников. Их не одним голым словом хотели поколебать — и, однако же, не успели. Мужайтесь и запасайтесь мужеством на будущее, испрашивая у Архистратига небесных воинств и сил и умения стоять вседушно за Богоучрежденный порядок нашего спасения, хотя бы ради того надлежало потерять нам все. (21. С. 52—53)

2. Классификация основных уклонений от истинной веры

Безбожники, фаталисты, пантеисты

Против первой обязанности, *иметь веру*, грешат не имеющие веры, не знающие Бога и своего к Нему отношения — *безбожники*.

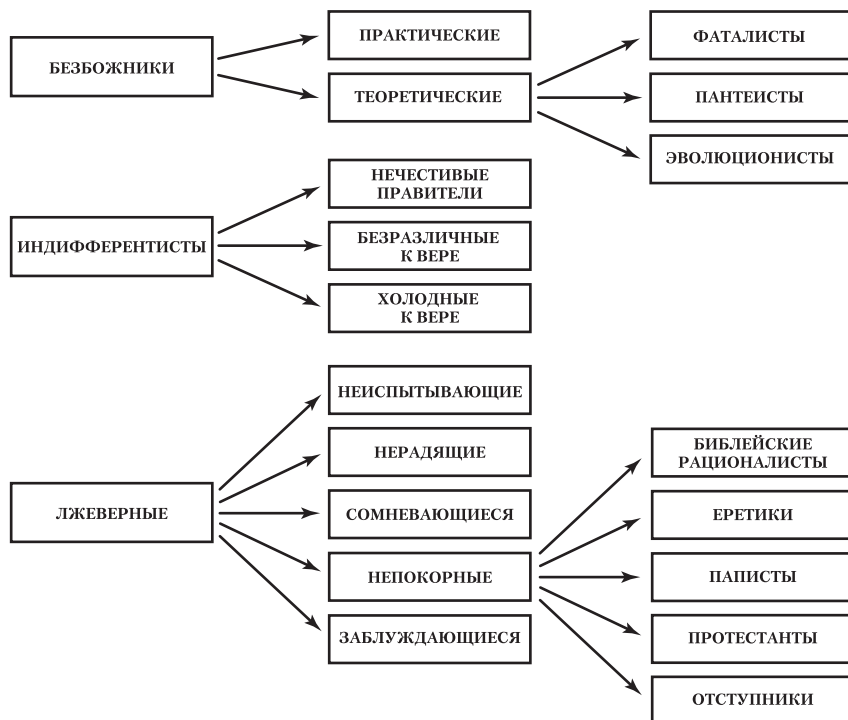
Не место здесь показывать существование безбожников; говорим только, что если они есть, то грешат, и грехом самым великим, которому и равного нет. Различать, впрочем, можно и должно безбожников *теоретических*, кои и по образу мыслей своих допускают небытие Бога, и *практических*, кои живут, не думая о Боге, или так живут, как бы не было Бога. К первым можно отнести *фаталистов*, кои говорят: *самослучайно рождены есмы*, как у Премудрого (Прем. 2, 2). Все, что ни есть и бывает, есть и бывает так. Грехом сим искушаются и мысленно грешат все те, кои, раздумавшись о начале и судьбе мира, о запутанном ходе происшествий рода человеческого и своих, в сердце своем помышляют: неужели есть Бог? не так ли все сие? Сюда же относятся *пантеисты*, для коих эта вселенная есть Бог, но не имеющий лица, связанный законом необходимости, неотдельное существо. Они родственны фаталистам. Особый вид их — *эволюционисты*, по коим мир есть развитый Бог. Это грех грубейший, хотя к нему принадлежат очень утонченные умствователи, как Фихтэ, Гегель и др.

Практические безбожники повсюднее. У них один характер — жизнь в богозабвении, в волях сердца, без сознания над собою какой-либо высшей власти, без чувства неизбежной необходимости отвечать за жизнь. О них говорит Пророк: *Рече безумен в сердце своем: несть Бог*. А что эта речь от них, — прилагается: *растлеша и омерзшася в начинаниях своих* (см.: Пс. 13, 1). Предавшись чувственности и страстям, они подавили лучшую часть своего существа и нить, связующую их с небом, прервали. Они уже, по Апостолу, *не приемлют яже Духа Божия* (см.: 1 Кор. 2, 14; о них же: Еф. 2, 1—2; Рим. 1, 18—32). Их можно встречать в большом количестве во всякое время и во всяком месте, и что особенно жалко, иногда не совсем развратных, а живущих в естественных чувствах сердца. Впрочем, в сей смрад, хотя на время, погружаются и ведущие Бога, но дни, месяцы, а иногда и годы проводящие в суете ума, как бы без Бога (см.: Еф. 2, 3). (13. С. 358—359)

Индифферентисты и нечестивые правители

Против второго долга, иметь *единую истинную веру*, грешат *индифферентисты*, кои содержат и проповедают, что все одно, какую ни имей веру, только имей. Всякая пригожа и приведет к своему назначению, христианская ли это или не христианская. Как груба погрешность здесь, видно из того, что говорено в подтверждение необходимости иметь единую истинную веру. Тут еще приложить должно, что после того, как Сам Бог научил людей приближаться к Нему, Сам приходил, воплотился, страдал и умер, ниспослал Духа и столько чудес делал для утверждения веры, подвиг небо и землю, после всего сего говорить, что все равно, сию ли веру держать или другую, означает не только безумие крайнее, в коем истину ставят наравне с ложью, но и нечестие, в коем наводится некоторый укор на человеколюбивого Бога, будто излишне расточал милости, и в коем лжа творят Бога истины, будто не единая та вера, которую Он объявляет единою. Индифферентизм есть сверх того язва рода человеческого. Если одна только вера ведет ко спасению, так что все иноверия не спасают, а влекут за собою пагубу, то кто удерживает в них, не губит ли всех, кого удерживает? Когда свирепствует мор и искусный врач изобретет единственное врачество, то всякий уверяющий: ничего, и то-то лекарство хорошо, губит всех, кои его послушают. Таков индифферентизм. Он расслабляет и убивает дух. Содержащий его почти то же, что безбожник, ибо явно, что для него вера есть стороннее дело, что он держит ее по обычаю, в подражание другим, или еще хуже, будто какое-либо средство политическое. Все сии укоры падают и на того, кто говорит: все равно, лишь бы была христианская вера, а то какая ни будь. Откуда эта мысль?! Апостолы с такою ревностью заботились о единомыслии, так деятельно старались восстановить его, когда оно как-нибудь нарушалось, так строго вооружались против разномыслящих, что определили им отлучение, а ныне вошло в обычай говорить: все равно, лишь бы христианская, хоть бы то была и ересь? Как же Господь говорил: *аще Церковь*

ТИПОЛОГИЯ УКЛОНЕНИЙ ОТ ИСТИННОЙ ВЕРЫ ПО ФЕОФАНУ ЗАТВОРНИКУ (13. С. 358–364)

Все указанные уклонения кому не приходилось встречать лицом к лицу? Да ведает теперь всяк, где им место. Если кто потрудится хорошо утвердить в мысли все показанные расположения и дела в отношении к вере, и притом так, как они вытекают одно из другого, то получит значительную крепость в уме и сердце, от которой, как от стены, будет отлетать всякое нападение на веру — внутреннее и внешнее. (С. 150)

преслушает, буди тебе яко язычник и мытарь (см.: Мф. 18, 17)? И потом как же Церковь во все свое продолжение так сильно ратовала и вооружалась против всех разномыслящих? Будто все сие так? И что Господь оправдывал знамениями и чудесами единую истинную веру и доселе оправдывает, будто и это все так?

Близко подходит к индифферентизму, или есть его вид, тот развратный образ мыслей, по коему проповедают, будто религия не что иное есть, как средство в руках правительства. И те, кои так думают о правительстве, и самое правительство, которое так поступает, крайне нечестивы и безбожны... Ну, если пригоже для правительства магометанство, или жидовство, или другое какое нечестие, будто его вводить и ему благоприятствовать должно? Цель общества — вести человека к цели; цель человека в Боге, к Богу же идти можно только так, как Он указывает во святой вере. Следовательно, духом общества должна быть единая истинная вера. Что за правительство, которое, мало чем успокоивая своих подданных во временном, за это губит их на целую вечность! Говорят: смущение будет в народе! Кто же позволяет насилие? Яви истину, чтоб всякий увидел ее. И кто к тому способен, как не правители? Потому они безответны пред Богом, если не хранят и не вселяют в народе истинной веры. (13. С. 359—361)

***Неиспытывающие, нерадящие, сомневающиеся,
заблуждающиеся, рационалисты***

Против третьего, — *испытай, где истина*, грешат: *неиспытывающие*, погруженные в сон безопасности, *нерадящие*, кои тем только отличаются от индифферентистов, что никакой мысли не имеют при своей безопасности или совсем и не думают о вере и суть потому веропрезиратели. *Сомневающиеся*, кои вообще остановились на нерешенном вопросе, есть ли Бог и нужно ли Ему поклонение? или подозревают, истинна ли святая вера православная, и, однако ж, остаются равнодушными, не ищут разрешения недоумений и в таком нерешительном, колеблющемся состоянии продолжают жить по принятому порядку. Это как бы

повисшие на воздухе, истощающие и мучающие дух свой. Сила их преступления в равнодушии к истине, к Богу и своему спасению, и особенно в том неестественном положении духа, что держат его в известном порядке против убеждения, идут против совести и убивают в себе жизнь. Остановившиеся на лжи, *все заблуждающиеся в вере*: язычники, магометане, иудеи, особенно натуралисты, те, кои думают, что для познания Бога и своего спасения достаточно естественных сил человека, своего ума и самодетельности. Это заблуждение иначе называется *рационализмом*. Он есть самая очевидная *глупость и безумие*. Видеть и свои ошибки, и ошибки других мыслителей, знать из истории, сколько заблуждений и пороков наводнили землю от разумного человека, и еще верить в свой разум! К тому же в соседстве рационалист видит откровенную Богом веру, чудодейственно утвержденную, представившую и представляющую опыты спасенных, и остается при своем упорстве! Непонятно. Не без основания потому некоторые подозревают, есть ли основательно убежденные в твердости своего рационализма рационалисты? Большая часть без твердого, ясного убеждения, с мутным сознанием верности своих мыслей заносчиво проповедает незнать что, чтоб только заставить говорить о себе: вот всеобъемлющий гений! (13. С. 361—362)

***Библейские рационалисты, еретики, паписты,
протестанты, отступники***

Против того, что узнанной святой православной вере должно поклониться смиренно, молча, всецело, грешат: тоже *рационалисты*, только *библейские*, кои признают Откровение, но принимают из него только то, что сообразно с их образом мыслей. Это гордые умы, возносящиеся на ум Божий, не покоряющиеся Ему, не хотящие послушать веры, потому суть то же, что *неверы*. Ибо неверие собственно и есть непризнание истинным того, что святая вера признает истинным. По своему духу это разбойники в ограде Божией, прелазящие отинуде, кои, вошедши

туда, вместо смиренного пребывания своевольно рвут, разбрасывают и искажают все Божии сокровища. *Все еретики, паписты, протестанты* всех родов и другие — естественный плод неверия и своемыслия, или своенравия ума в деле веры. Вера вселенская есть правило ведения и жизни, обязательное для всех. Кто мудрствует не так, как она, в каком-нибудь члене, зная, что сей род мудрствования не одобряется ею и противен ей, и потом далее не покоряется никаким убеждениям, а упорно стоит в своем мудровании, тот есть хульник Духа Святого, Духа истины. Он раздирает целость веры и в этом тем преступнее, чем яснее сознает порядок верования, чем больше чувствует колебания в совести и сердце против своих мыслей, чем больше за себя, а не за истину стоит в своем упорстве ради земных и самостных каких-либо целей. *Отступники* — те, кои или из страха преследования, или по надеждам земным, или по человекоугодничеству, иногда по легковерию и внутренней причудливости, оставляют истинную веру и переходят к заблуждающимся. Из них не извиняются и те, кои воображают, что делают сие по убеждению в истине. Истина явна. Если страсть не омрачит ума, истина не может быть не замечена. Следовательно, отступление и в таких невозможно иначе, как по страсти и греху... Что отступники — народ погибший, учит Апостол: *волею согрешающим по приятию разума истины, о гресех не обретается жертва, а страшное чаяние суда, и огня ревность* (см.: Евр. 10, 26—27). Сему суду очевидно не подлежат те, кои от иноверия переходят к истинной вере. Их хвалить и за них благодарить Господа должно, что приводит братьев наших из тьмы в чудный Свой свет. (13. С. 362—364)

Чуждающиеся деятельности в духе веры

Вера не есть только образ познания Бога и наших к Нему отношений: она совмещает в себе и все спасительные учреждения, данные Богом. Спасительные учреждения составляют веру действующую. Наши умники и не прочь бы, может быть, от учения

христианского, но их более всего отталкивают христианские учреждения. А так как эти учреждения суть не что иное, как вера в действие и движение, то главный их грех тот, что им не хочется действовать в духе веры. Удивляться надобно, каким образом эти люди так настойчиво толкуют о делах и трудах, а в области святой веры более всего чуждаются деятельности! Что-нибудь тут не так. Ведь они знают законы, как правильно вести течение мыслей. Если такая кривость допускается здесь, то наверное надо полагать, что они тут не действующие, а деемые, суть орудия чуждой мысли, и притом такой, которая сама чужда истины. (19. С. 392—393)

Холодные к вере и окостенелые духом

Наконец, против всех остальных обязанностей стоит *холодность к вере*, окостенение духа от погружения в плоть, от снедающей заботы, непомерной гордости и самости, себя только знающей. В сем состоянии духа не знают ни тех отрадных чувств, кои приносит вера, каковы: покой, радость, благодарение и славословие, ни тех дел, кои естественно вытекают из любви к вере, как-то: исповедание ее, расширение и радение о ней, дел и очень ценных здесь, и приносящих блаженство вечное на небе.

Все указанные уклонения кому не приходилось встречать лицом к лицу? Да ведает теперь всяк, где им место. Если кто потрудится хорошо утвердить в мысли все показанные расположения и дела в отношении к вере, и притом так, как они вытекают одно из другого, то получит значительную крепость в уме и сердце, от которой, как от стены, будет отлетать всякое нападение на веру — внутреннее и внешнее. (13. С. 364)

Происхождение отступничества и лжеучений — от бесов

Внемлюще духовом лестчим (1 Тим. 4, 1). Вот как зарождасться будет лжеучение и происхождение отступления! Две силы будут влечь к отступлению: духи лестчии и учение бесовское; то — свнутри, а это — совне. Станут внимать духам лестчим, примут

ложные воззрения, признают их истинными и отступят от веры, истину возвещающей относительно того, о чем они приняли ложные воззрения и убеждения. Отступлению от веры видимому, отпадением от Церкви выражаемому, предшествует отпадение от неё внутреннее, происходящее от согласия на несообразные с верою внушения духов лестчих. *Лестчие духи* — это нечистые силы, слуги отца лжи, демоны, или бесы. Лестчими названы, потому что увлекают в ложь лестью, прельщением, обманом. Прикрывают ложь видимостью истины и увлекают. Но как? — непосредственно сами или через других людей?.. Можно так положить: заметив лица, более падкие на новости, духи лжи внутренне собьют их с пути истины к отступлению, а потом других станут увлекать при помощи их, и внешне, через слово их лжеучительное, и внутренне, через оболъщение в помыслах... Тут то же бывает, что и при падениях в грех. Ко греху и примеры других, и свои некие позывы влекут; но самое увлечение и падение не обходится без участия нечистых сил. Они отуманивают ум и призрачными прелестями окружают грех; и воля склоняется на грех. За этим внутренним падением следует уже и внешнее. Так и в отпадении от веры, — полном или в некоторых только пунктах, — участвуют и свои соображения, и речи других; но окончательное согласие на принятие лжи и последование ей не обходится без отуманивания духами лжи, которые, прикрывая ложь оболъстительной видимостью истины, исторгают это согласие на нее. Что и выражает Апостол словами: *внемлюще духовом лестчим...*

Бесы нападают, в сознании верующих, сначала на одну какую сторону веры, в которой им легче представить кажущуюся несостоятельность истины и призрачную состоятельность противоположной ей лжи. Успевши в этом, они затем научают и тому, как по духу сей лжи перестроить и все христианское учение. Когда это состоится и сформированное воззрение получит свое выражение и строй, — лжеучение готово. Бесы разжигают после сего наученных ими ревностью будто по истине Божией, — и они неудержимо стремятся распространять внушенное им духами

лестчими лжеучение. Внемлющий ему внемлет бесовскому учению, потому что оно от них получило начало. При этом и бесы не дремлют, но спешат прямо действовать соблазнительно на душу, в которую вход открывает им изъявленное к их лжеучению внимание... Какое нелестное происхождение лжеучения и ревности лжеучителей! (39. С. 321–323)

Где истина и где ложь

Бегайте новин в делах веры и благочестия и блюдитесь от этих лживых пророков, которые приходят в одеждах овчих, внутри же суть волцы хищницы, — проразумевайте ложь, кроющуюся в привлекательных словах льстецов, ищущих растлить вас под видом доброжелательства.

Я разумею всех неправомыслящих и неправоходящих, не по немощи, а по упорству, с желанием привлечь и других на свою сторону, — разумею:

— Не верующих во Святую Троицу и думающих, что Отец, Сын и Святой Дух не суть лица единого Божества, а суть имена одного лица;

— Отвергающих Божественное творчество и промыслительность и думающих, что мир со всеми в нем тварями самослучайно произошел и правится сам собою;

— Не верующих в падение человека и бедственное состояние наше иным образом объясняющих;

— Не верующих во Святую Церковь как единую лечебницу, вмещающую в себе все восстановительные для нас силы, и Святые ее Таинства и освятительные средства считающих простыми обрядами без внутренней силы;

— Мечтающих освятительную силу Божией благодати получить каким-то сокровенным, невидимым способом, а не тем, какой предлагается Святой Церковью;

— Не признающих нужными подвижничества и всех дел самоотвержения, лстя себя ложною надеждою совместить дух Христов с духом мира;

— Чуждающихся общения со святыми и презорливо отвергающих их ходатайство и заступление, — равно как пагубные действия духов злобы поднебесных;

— Не признающих духовности души, ее бессмертия, будущего воскресения тел наших и вечного воздаяния всем нам по делам нашим;

— Явных и тайных нарушителей уставов Святой Церкви Божией, не считающих нужным соблюдать посты, исповедоваться, причащаться, не чтущих святых праздников и дней воскресных или, вместо должного их чествования, предающихся неразумным увеселениям и забавам;

— С дерзким самооправданием не хранящих чистоты до брака и верности супружеской по браку, — вымышляя, вместо Богом благословенного, иной какой-то способ сожития;

— Вообще всех, увлекающихся и увлекающих неукротимым своеволием в образе мыслей и правилах жизни...

Видите теперь, кто наш и кто не наш, на чьей стороне истина и где ложь. Уклоняйтесь же от зла и творите благо. (20. С. 10—11)

3. Четыре степени ниспадения в неверие и идолопоклонство

Первая степень ниспадения — богозабвение

Первая степень ниспадения из сего состояния [богоугождения] есть богозабвение, когда выпадает из сознания пресветлый и предивный лик Божества; Бог забывается, — и помышление о Нем когда-когда впадает на ум.

Вместе с сим охлаждаются и религиозные чувства к Богу и страх Божий испаряется. Бог превращается в нечто мысленное и перестает заправлять всеми внутренними движениями человека. Сердце уже не славит и не благодарит Бога, хотя язык читает славословия и благодарения. Богоугождение уже перестает быть главной целью жизни, на место этого выступают другие

цели и занимают всего человека. — Бог есть еще, но уже не славится и не благодарится, яко Бог. (32. С. 96)

Вторая степень ниспадения — осуечение помышлений

Но осуетишася помышлении своими (Рим. 1, 21). Это вторая степень ниспадения, образующаяся вместе с первой, то как следствие, то как причина ее. Они взаимнопроизводительны и взаимноподдержательны. Осуечение помышлениями надо понимать так, как оно представлено Соломоном в Екклесиасте, — как предание себя заботам о благах земных, кои не дают, однако ж, благобытия, а только манят им к себе, всегда обманывая всякие надежды. Отвратившись от Бога, обращаются к тварям и в тех хотят найти, что может дать единый Бог, хотят благобытие свое устроить без Бога, сами, своими силами и своими, подручными им, средствами. Об этом вся забота, тут все помышления, все планы и все цели жизни, — то есть как устроить земное счастье, чувственными услаждаясь благами. Отношение к Богу соблюдается только внешне, дела благочестия исполняются по обычаю, без участия не только сердца, но и мысли. Все стало земля, земля, земля. И то не вразумляет, что испытывается постоянно обман. Суетливость продолжается без устали в суетной надежде: может быть, еще достанем чего ищем. Как извинить такой образ действия?! (32. С. 97)

Третья степень ниспадения — омрачение сердца

И омрачися неразумное их сердце (Рим. 1, 21). Третья степень ниспадения — плод двух первых — омрачение внутреннего человека. *Сердце* — внутреннейший человек, или дух, где самосознание, совесть, идея о Боге с чувством зависимости от Него всесторонней, вся духовная жизнь вечно ценная. **Вместе с осуечением помышлений идет и омрачение сего человека.** Правила жизни устанавливаются несогласные с совестью, — и совесть заглушается, **страх Божий отходит, и помышление о**

Боге не занимает; вместе с этим и здравые истины о Боге забываются и темнеют, равно скрываются истинные понятия и о самом человеке, о значении его и целях его. Внутри водворяется полный мрак. Да туда и не заглядывает осуженный человек: и некогда, и неприятно. Он весь вовне. (32. С. 97–98)

***Четвертая степень ниспадения —
установление разума как единой нормы жизни***

Глаголющися быти мудри, обьюродеша (Рим. 1, 22). Четвертая степень ниспадения — подведение всего этого превратного порядка жизни под начала разума и установление его как единой должной нормы жизни, свойственной человеку. Это есть верх безумия; но, по-ихнему, это верх мудрости. Такими сознают себя сии люди, таким титулом величают свои порядки и по ним составленные воззрения. Самомнение и самонадеянность есть отличительная черта сей мудрости: всего надеется она от себя, от своих способов и от своего умения. Экумений пишет: «Мудрыми они считали себя, полагая, что их самих достанет на все». Святой Исаак Сирианин так изображает мудрость сих мудрецов: «Она именуется голым ведением, потому что исключает всякое Божественное попечение, и все попечение его (ведения, или разума) о сем только мире. Вот понятие о себе этого ведения: оно, без всякого сомнения, есть мысленная сила, тайно правящая человеком, назирающая над ним и совершенно о нем пекущаяся. Посему не Божию Промыслу приписывает оно управление миром, но все доброе в человеке, спасение его от вредного для него и естественное его остережение от затруднительного и от многих противностей, тайно и явно сопровождающих наше естество, кажутся ему следствием собственной его рачительности и собственных его способов. Таково понятие о себе глумящегося ведения. Оно мечтает, что все бывает по его промыслению; и в этом согласно с утверждающими, что нет управления сим миром». (32. С. 98–99)

Рембрандт. Урок анатомии

И омрачится неразумное их сердце (Рим. 1, 21)... Вместе с осуждением помышлений идет и омрачение сего человека... страх Божий отходит, и помышление о Боге не занимает; вместе с этим и здравые истины о Боге забываются и темнеют, равно скрываются истинные понятия и о самом человеке, о значении его и целях его. Внутри водворяется полный мрак. Да туда и не заглядывает осуженный человек: и некогда, и неприятно. Он весь вовне. (С. 154–155)

Страхи и трусость обличают буйство мудрости мира

«Впрочем, не может оно [мирское мудрование] пребывать без непрерывного попечения и без страха за тело, а потому овладевают им: малодушие, печаль, отчаяние, страх от бесов, боязнь от людей, молва о разбойниках, слухи о смертях, заботливость о болезни, попечительность в скудости и недостатке потребного, страх страданий и злых зверей и все прочее, сходное с сим и уподобляющееся морю, в котором ежечасно день и ночь мятутся и устремляются на пловцов волны» (святой Исаак Сирианин. Слова подвижнические. Слово 26). Сколько самонадеяния и самоуверенности, столько же, или еще более, трусости: и в этом последнем — самое видное обличение буйства мудрости мира. (32. С. 99)

Итог — идолопоклонство — прежде и теперь

И измениша славу нетленного Бога в подобие образа тленна человека и птиц, и четвероног и гад (Рим. 1, 23). Все доселе сказанное было только подготовка, или путь. **Чего наконец достигли? — Идолопоклонства. Вместо живого Бога истинного стали богом почитать истуканы человек и других тварей. — В этом, собственно, и состояло их объуродение. В иных отношениях они были не мало мудры, как показывают остатки от городов Ниневи, Фив и других, но в религиозном оказались совершенными юродами. И умудрение в первом отношении не только не закрывает и не ослабляет объуродения во втором, но, напротив, отяжеляет его безответною виновностью в извращении истины. Превозношению их своею мудростью меры не было, а тут против нее стоит дело крайне нелепое и ни с чем несообразное, неразумное до последних пределов.** «Это увеличивает их обвинение. Ибо, называя себя мудрыми, делами показали, что они неразумны» (блаженный Феодорит)...

И без участия этого мудрого на зло деятеля нельзя объяснить происхождение идолопоклонства. Подготовку, то, как люди,

Франсиско Гойя. Капричос

И измениша славу нетленного Бога в подобие образа тленна человека и птиц и четвероног и гад (Рим. 1, 23)... Чего наконец достигли? — Идолопоклонства. Вместо живого Бога истинного стали богом почитать истуканы человек и других тварей. — В этом, собственно, и состояло их объуродение. В иных отношениях они были не мало мудры... но в религиозном оказались совершенными юродами... Превозношению их своею мудростью меры не было, а тут против нее стоит дело крайне нелепое и ни с чем несообразное, неразумное до последних пределов. (С. 157)

ниспадиши от Бога в самую и чувственность, стали жить в богозабвении, так, как бы не было Бога, можно еще объяснить развитием прившедшей греховности, которую только раздувал и направлял отец греха; но как начали боготворить бездушные вещи и истуканы, этого ничем не объяснишь, кроме как тем, что — наткнул на это диавол. Дело шло так: стали забывать о Боге, осуетились, омрачилось сердце, затмились здравые понятия о Боге и о вещах Божиих, все внимание и заботы обращены на земное и житейское. Но того, что есть Бог и что должно чтить Его, выбить не могли из сознания. Мысль эта возвращалась, но внимания к ней не имелось. Она сама собою вместе с огрубением и овеществлением чувств и расположений огрублялась и овеществлялась. При таком настроении приходи вопрос: что же есть Бог? Он паразит нечаянностью, но потребует решения. Пришел, и решили: вот боги твои! То солнце, то звезды, то животные, то человек. Как не возвратились к тому, что давало предание? Враг закрыл ту сторону и наткнул на это. Согласились принять ради того, что сим путем представляется удобнейший способ исполнять то, что требовалось сознанием обязательных отношений к Богу: стоит истукан, — воскури фимиам, — и прав, — все сделано²⁹...

Ход ниспадения от Бога один и тот же и ныне, как тогда. Разность в том, что тогда совсем без Бога остаться не могли, а ныне на это смело дерзают. Состояние тех из живущих ныне, которые

²⁹ «Языческая мистика, даже по априорному суждению, должна представлять все те особенности, которые свойственны неразличению Творца и твари, Бога Создателя от созданных Им форм бытия. Так это и есть в действительности. В христианской мистике наш дух направляется к Богу Личному, к Источнику тех высших свойств, которыми одарен Им наш дух и среди которых первенствующее место занимает элемент этический. Между тем сознание язычествующее, не различающее Создателя от Его твари, погружается в область таинственного слепо, не зная, куда идет и чего ищет. К язычникам приложимо то, что епископ Феофан говорит о лжемистиках: «Они искали дела доброго, но не надлежащим путем и надеялись собственными усилиями завладеть тем, что должно ожидать только от милости Божией, как Его дар» (Письма о духовной жизни. М., 1903. С. 274)». *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 73.

долго живут в богозабвении, не имея Бога ни в мысли, ни в чувстве, такое же, как оно всегда было и будет. Без того, чтоб не приходила мысль о Боге и не требовала решения, обойтись нельзя. Наши смело решают: нет Бога. Они правы в том отношении, что нет Его в их мыслях и чувствах и что не умеют они видеть Его в дивных делах Его. Но кто может согласиться, что их решение соответствует действительности? Сказать: нет Бога — не большее ли есть безумие, чем сказать камню: ты мой Бог?! (32. С. 99—103)

4. Неверие и ложная ученость

Ум простой и ум лукавый

Аще око твое просто, все тело твое светло будет; аще ли око твое лукаво, все тело твое темно будет (Мф. 6, 22—23). Оком называется здесь ум, а телом — весь состав души. Таким образом, когда ум прост, тогда в душе светло; когда же ум лукав, тогда в душе темно. Что такое ум простой и ум лукавый? Ум простой тот, который принимает все, как написано в слове Божиим, и несомненно убежден, что все так и есть, как написано: никакого хитроумия, никаких колебаний и раздумья нет в нем. Ум лукавый тот, который приступает к слову Божию с лукавством, хитрым совопросничеством и подыскиваниями. Он не может прямо верить, но подводит слово Божие под свои умствования. Он приступает к нему не как ученик, а как судия и критик, чтоб попытать, что-то оно говорит, и потом или поглумиться, или свысока сказать: «Да, это не худо». У такого ума нет твердых положений, потому что слову Божию, очевидно, он не верит, а свои умствования всегда неустойчивы: ныне так, завтра иначе. Оттого у него одни колебания, недоумения, вопросы без ответов; все вещи у него не на своем месте, и ходит он впотьмах, ощупью. Простой же ум все ясно видит; всякая вещь у него имеет свой определенный характер, словом Божиим определенный,

потому всякой вещи у него — свое место: и он точно знает, как себя в отношении к чему держать, — ходит, значит, по дорогам открытым, видимым, с полною уверенностью, что они ведут к настоящей цели. (12. С. 86)

Ум без веры лукав

Ум без веры каверзник; то и дело кует лукавые подозрения и сплетает хулы на всю область веры. Чудесам то не верит, то требует осязательнейшего чуда. Но когда оно дано бывает и обязывает к покорности вере, он не стыдится уклоняться, извращая или криво толкуя чудные действия Божии. Так же относится он и к доказательствам истины Божией. И опытные, и умственные доказательства представляют ему в достаточном числе и силе: он и их покрывает сомнением. Разбери все его предьявления, и увидишь, что все в них одно лукавство, хоть на его языке это слывет умностью, так что невольно приходишь к заключению, что умность и лукавство одно и то же. В области веры Апостол говорит: *Мы ум Христов имеем* (см.: 1 Кор. 2, 16). Чей же ум вне области веры? Лукавого. Оттого и отличительною чертою его стало лукавство. (12. С. 95)

Неверующие из многоученных исказили и изуродовали себя

Так извольте покрепче установить в уме убеждение, что воспитание развивает лишь то, что есть в природе человека, но ничего не влагает в него нового. Если оно развивает веру, то потому, что она в природе человека. Знать Бога и поклоняться Ему никто бы научить не мог, если бы в духе человека не лежало это неотложным законом. И вот видим, что во всем роде человеческом есть вера. У самых диких она есть, потому что без нее человек — не человек. Если некоторые не верят из многоученных, то это не значит, что они шагнули далеко вперед или высоко махнули ввысь, а значит, что они выступили из природы человеческой, — исказили себя и изуродовали, как бы кто глаза себе выколол или

отрезал нос. Если все имеют веру, — следует, что норма жизни человеческой неотложно содержит и веру. Следовательно, кто не имеет веры, тот отступает от сей нормы и есть нравственный урод: такого ранга суть все неверы. (11. С. 268)

***Прекословие — неотъемлемая часть
лжеименного разума***

Знание, которое хвалится, что знает, тогда как не знает, почему ложно носит такое наименование, — лжеименно есть. Знание стало лжеименно, потому что разум пошел ложною дорогою и заблудился, полагая, однако ж, что идет верно, верно смотрит и верно видит; почему стал не тем, чем ему следует быть, стал неразумом и, именуясь разумом, ложно именуется так, — лжеименен есть. Отчего то случилось с разумом? Оттого, что он не за свое дело берется. Житейские дела разуметь ему дано, а постигать Божеское не дано. Это он должен принять верою так, как откроет Бог. Бог открыл; прими то верою, стараясь только уразуметь сие открытое, как оно открыто. Когда разум и в Откровении все берется разуметь по-своему, а не по тому, как открыто, то обыкновенно путает и заблуждается, как и тогда, когда берется за постижение Божеского без Откровения. Но между тем и в сем случае он свои постижения считает непрекословными и усиленно прекословит не тем только, которые, подобно ему, по своему смышлению толкуют откровенное, но несогласно с ним, но наипаче тем, которые разумеют откровенное, как оно открыто. Прекословие составляет потому его неотъемлемую черту. Но прекословит он попусту, ибо как не стоит он в истине, то и прекословит не истиною, а ложью же, и выходит у него все одно пусторечие, суесловие. Те же, которые содержат истину, как она открыта, не любят прекословить, а говорят только: так Бог открыл, и мы так содержим; хочешь покориться Богу — послушай нас, не хочешь — Бог тебе судья. *Мы же такового обычая*, — то есть спорить, — *не имеем* (см.: 1 Кор. 11, 16). (39. С. 467–468)

Гордоумие громоздит здание ведения из карт

Христианские догматы на вид очень просты, но для ума, входящего внутрь их, они представляют всеобъемлющую стройную в себе систему, которой не породил и породить не может ни один тварный ум. Гордоумие, бросив беглый взгляд на простоту евангельскую, отвращается от нее и начинает само себе строить здание ведения, как ему кажется, громаднейшее, с которого открываются будто бы виды широкие. На деле же выходит то, что здание громоздится из карт, а кругозор составляют миражи, призраки разгоряченного воображения. Но ему хоть не говори. Всякого, хотящего разуверить такого, он и братия его готовы своими критическими нападками тотчас свергнуть с горы в пропасть; но истина всегда проходит невредимую среди них и идет к другим душам, способным принять ее. (12. С. 94)

Неверие от ложной учености

Господь объяснял иудеям, почему они не веруют в Него, чем бы вы думали? — Тем, что Он истину им говорит: *А как Я истину говорю, то не верите Мне* (Ин. 8, 45). Ложь обратилась, как говорится, в плоть и кровь их и сделала истину неместимой для них.

Отчего и ныне не веруют? Оттого же; Господь истину говорит, — потому и не веруют. Но как же это? Ведь они все ученые и только у них речей, что об истине? Речей-то много, да дела никакого. Плетение систем их то же, что плетение паутинное; только они не замечают этой непрочности. Начала систем их без оснований и последующие повороты их без доказательств; а они все-таки удовлетворяются ими. На предположения такой образовался позыв, что, кажется, они одни составляют все содержание их умов; и, однако ж, это слывет солидным образованием. Туман мечтаний напущен ими на немногие добытые ими факты; и эти последние восстают в этом тумане совсем в другом виде, нежели как они есть на самом деле; и, однако ж, это слывет областью истины непреложной. Так-то ум стал гнил и так-

то испортили его вкус! Как вместиться в него истине? — Вот и не веруют они Господу, Который говорит одну только истину. (12. С. 69—70)

Книжная ученость не принимает истин веры

Книжная ученость терпеть не может здравой логики веры и изгнала ее вон... Поди теперь, доказывай истину веры тем, у которых ум растлился от упорства в неверии. Неверы всех времен — люди одного покроя. (12. С. 72)

Источник неверия — самообразование мира

Спихватились и начали писать о хранении веры. А источника неверия заградить не хотят. Источник сей есть — распространение учения о самообразовании мира, по которому нет нужды в Боге и души нет, — все атомы и все химия, больше ничего. Это на кафедрах проповедуется и в литературе. Кто дохнет этим чадом, неизбежно отуманивается, теряет смысл и веру... Пока не истребят книг этих — не заставят профессоров и литераторов не только не держать сей теории, но и разрушать ее, — дотоле — безверие будет все расти и расти, а с ним — самоволие и разрушение правительства настоящего. Так шла французская революция. Внушайте сие, кому следует и кто может дать силу сему заявлению. (7. С. 144—145)

Материальные воззрения чрез школы распространяются. Лапласовская теория самообразования мира с прибавкою дарвиновских бредней идет в уроках. После школы и в письма она вошла... и всюду приносит плод неверия. (7. С. 143)

Неверие в чудеса — пути натурализма

Ум, опутавший себя началами натурализма и исключительно опирающийся только на законах природы, как он себе воображает, не верит в чудеса вообще, а следовательно и во всякий частный вид чудес. (3. С. 138—139)

***Рассудочное неверие низлагается словом
Божьим с последствующими знаменами***

В разорении твердыни неверия и греха низложение помышлений есть одна половина дела, другую составляет низложение всякого возношения, взимающегося на разум Божий. Первым означает низложение всего, на чем неверие и грех думают основаться; а вторым низложение всего, чем неверие и грех дерзуют восставать на разум Божий. Разум Божий есть истина Божия, Апостолами проповеданная, о спасении в Господе Иисусе благодатью Святого Духа. Против этого с самого начала враг истины влагал неверам в ум и грехолюбцам в сердце много возражений, которые для иных казались нерешимыми. Это и были и суть возношения на разум Божий. Мы их низлагаем, говорит Апостол, данными нам оружиями. Как? Чрез утверждение слова *последствующими знаменами* (см.: Мк. 16, 20). Благодатного действия Евангелия достаточно для тех, у которых не совсем заглушены стихии духовной естественной жизни. Но и их могли сбивать с пути неверы, водящиеся одними низко движущимися рассудочными наведениями. В помощь первым и для поражения последних благоволил Господь в дело проповеди приводить знаменания. Пред ними все возражения падали сами собою. Веровавшие окончательно утверждались ими в вере, не веровавшие были поражаемы, и часть из них тоже веровала, другая же, оставшаяся в упорном неверии, смолкала. Так низлагалось и доселе низлагается всякое возношение на разум Божий. (34. С. 331—332)

Собирающий знания без Господа — расточает

Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает (Мф. 12, 30). Кто же с Господом? Тот, кто живет и действует в духе Его; кто не позволяет себе ни мыслей, ни чувств, ни желаний, ни намерений, ни слов, ни дел, которые были бы не угодны Господу и противны Его явным заповедям и определениям. Кто живет и действует иначе, тот не с Господом, следовательно не собирает, а расточает. Что ж расточает? Не

только силы и время, но и то, что собирает. Богатство, например, не с Господом собирает тот, кто копит только его, не делясь с другими и себя лишая даже нужного, или кто, собирая его, частью тратит на пышное содержание себя, частью расходует на тщеславные жертвы, частью оставляет наследникам. На тот свет явится он ни с чем, — и будет там беднейшим из беднейших. Напротив, с Господом собирает богатство тот, кто чрез руки бедных и нуждающихся препровождает собранное в вечные сокровищницы. Когда умрет такой человек, — на том свете все найдет сохраненным, нерасточенным, хотя бы он всю жизнь свою расточал. То же самое приложимо и к собиранию знаний. Тут расточение еще очевиднее, потому что еще здесь становится явным, как не о Господе мудрствующий собирает будто горы знаний, а между тем все они — хлам, призрак истины, а не истина. У таких не только не бывает знания, но и смысл человеческий теряется. Они начинают бредить, как сонные. Читайте системы материалов, и вы увидите, что это так. (12. С. 90)

Не разум противник веры, а развратившееся сердце

Господи, кто поверил слышанному от нас? (Ис. 53, 1), — так жалуется, изумляясь, пророк Исаия. Прилично и ныне звать: кто ныне искренне верует слову Твоему, Господи? Все почти расшатались. Язык у очень многих еще немотствует о вере; но сердца редко какие не уклонились инуды. Что за причина? Стал ощущаться интерес в неверии; развилась потребность неверия для прикрытия интересов сердца, не согласных с верою. Тут — корень зла. Не разум — противник веры, а развратившееся сердце. Разум тут только тем виноват, что покоряется сердцу и принимается умствовать не по началам истины, а по желаниям сердца. При этом сильные доводы за истину кажутся ему ничтожными, а видимая малость какая против нее, — вырастает с гору; и вообще в область умственную вносится смятение, слепящее ум. Он не видит, да и не может видеть, хоть не толкуй ему. (12. С. 73)

Философские лжеучения о Боге и природе

Современные умники, забыв о Боге — Творце и Промыслителе всяческих, или уж по нравственному своему строю, или по системе своеобразных умствований производят все от природы. Спросишь: что ж такое природа? — Да вот, ответят вам, все, что видишь. Что же именно? Я вижу солнце, луну, звезды, — это природа, что ли? — Нет. — Я вижу воздух, воду, землю, — это ли природа? — Нет. — Опять нет? Ну, я вижу растения, животных, человека, — это, что ль, природа? — Нет. — Так что же будет природа? Должно быть, что-нибудь *невидимое, неосязаемое*, сущее среди всей совокупности вещей. Если сказать, что вся совокупность вещей есть природа, то, поелику ни одна часть сама по себе не представляет природы, самую природу нужно будет признать чем-то *всепроникающим, всеобъемлющим*, невидимым среди видимого. Таким образом, позитивисты волея-неволей должны допустить созерцание очень отвлеченное и идеальное.

Спросишь еще нынешних умников: этот цветок отчего таков? — Природа, говорят, так устроила. — А этот зверек отчего таков? — Так уж природа дала. — Отчего бывает весной так, а зимою этак? — Природа так постановила. И о чем ни спроси — все природа да природа. Стало быть, природа есть нечто *всeday-ствующее, всеустраивающее*. А так как она устраивает все, что мы видим по частям, то сама не может быть чем-либо из сущего видимого, а быть раньше всего, всему предшествовать, чтобы все произвести. Собрав все это воедино, мы должны будем признать, что природа есть нечто невидимое, неосязаемое, *всепроникающее, довременное, вечное*. Если же представим, как велико произведение природы, как все устроено ею премудро и целесообразно, то к указанным свойствам ее нужно будет добавить, что она *всемощна, премудра, блага и праведна*.

Другими словами, это будет Бог, то есть то, что позитивисты познать не хотят и даже выговорить боятся. В средние века природу как совокупность вещей отличали от природы все-

устраивающей и означали последнюю словами: *natura naturans**, а первую — *natura naturata*** . По их логике выходило, что в системе всеобъемлющего умствования с одной последнею оставаться нельзя. Но та же логика должна требовать, чтобы *natura naturans* не была сливаема с *natura naturata* в каком бы то ни было виде. Покушение сливать их началось с Канта, а завершено Гегелем. Ныне в моде умствовать по-гегелевски, хоть и не всегда гегелевскими словами. Таково уж время. Лишь бы склеить как-нибудь свои умствования, а об основательности их мало думают³⁰. (19. С. 23–26)

Философские и богословские лжеучения о личности Иисуса Христа

За кого почитает Меня народ? (Лк. 9, 18) — спрашивал Господь. В ответ на это Апостолы передали ходячие в народе мнения о Нем, которые все слагались по тогдашнему образу воззрений:

* *natura naturans* (лат.) — природа порождающая.

** *natura naturata* (лат.) — природа порожденная.

³⁰ «Если ничего не существует кроме природы, тогда природа должна была быть способна на собственное создание. Это подразумевает существование натуралистического эволюционного процесса, способного на создание сложного, исходя от простого. Прежде всего, этот процесс должен быть неуправляем, потому что сознание, способное на управление эволюцией, должно само эволюционировать из неживой материи... Если принять эти предположения, то все, что по крайней мере похоже на дарвинизм, просто по необходимости должно быть истинно, независимо от наличия данных. Эволюция должна начинаться с изменений или случайных изменений, и она должна быть руководима некоей бессознательной силой, способной на создание чудес сложной инженерии, которые мы называем организмами... Нет нужды ни в данных, ни в наблюдениях, потому что дарвиновский механизм является единственным реальным кандидатом, способным на выполнение этой работы, принимая натурализм за исходную точку зрения. Эта логика объясняет, почему дарвинизм не реагирует на проблемы фактической доказуемости, на которые указывают критики, такие, как я. Эта теория должна быть истинна, несмотря ни на что, потому что в противном случае мы остались бы без материалистического объяснения сложности жизни и должны были бы обратиться к Богу». *Серафим (Роуз), иеромонах*. Бытие: Сотворение мира и первые ветхозаветные люди. С. 58.

кто говорил, что Он — Иоанн Креститель, кто — что Он — Илия, кто — что какой-нибудь из древних пророков воскресший. Как же ныне отвечают? Тоже разное и всякий по своему образу мыслей. Материалисты, безбожники и бездушники из породы обезьян какой ответ дадут, когда у них нет ни Бога, ни души? Спириты, подобно арианам, отделяются ответом, который проклят на Первом Вселенском Соборе. Деисты видят Бога очень далеким от мира и, будучи не в силах вместить в своей системе таинство воплощения, отвечают, как евиониты *, социниане **. Подобные ответы вы встретите и в русском обществе, так как означенные трех родов личности есть и множатся и у нас. Но, благодарение Господу, есть еще у нас безмерно преобладающее число искренне верующих и строго содержащих апостольское исповедание, что Господь Иисус Христос есть воплотившийся Единородный Сын Божий, еще в раю обетованный прародителям нашим Спаситель и Искупитель рода человеческого. Какая сторона пересилит, единому Богу ведомо. Будем молиться о сохранении в нас света Христова и об отгнании тьмы лжеучений. Падки мы на худое; потому не дивно, что ложь и возьмет верх. Она и ныне уже ходит по стогнам града открыто, тогда как прежде опасливо пряталась от взора верующих христиан. (12. С. 146—147)

***У неверующего ученого любознательность
и убеждения сомнительны***

Кто томится неверием, или сомнением, или упорствует в отвержении истины? — Человек, отпавший от Бога, Который есть

* *Евиониты* — секта иудействующих христиан, возникшая в конце II века в Палестине. Евиониты признавали чудесное рождение Иисуса Христа, но отрицали Его Божество.

** *Социниане* — учение социаниан возникло в середине XVI века и представляло собой рационалистическое движение в протестантской богословской науке. Согласно этому учению, Иисус Христос по природе был лишь человеком, Которому Бог даровал такую Божественную силу, что Ему надлежит поклоняться, как Богу.

Истина. Притом, до познания ли истины ему, когда он обложен суетами? Такого, даже если он трудится над науками, можно подозревать, искренне ли его любознание? По любви ли к истине все у него делается или *ex officio** и по каким-нибудь сторонним побуждениям?³¹ Как мало, сверх того, у него вкуса к истине, умения и желания наслаждаться ею, — видно из свойственной ему лености, бегания умственного труда, владычества в нем воображения, легкомыслия. Особенно надобно обратить внимание на силу убеждения в истине. Убеждение есть следствие проникновения сердца истинною. Сердце, пребывающее во лжи, не пустит в себя истины. Итак, бывают ли у грешника несомненные убеждения в истине? Нет, — по крайней мере смотря на неоднократные опыты, как один и тот же легко перебегает от одних начал к другим, — можно подозревать его в том. Притом, где же плод убеждения если оно есть? И опять, что значит, что у человека, отшатнувшегося с доброго пути, на коем был, тотчас выпадают из сердца очень многие убеждения и он никак не может воспроизвести их в себе, пока не возвратится на прежний путь? Также недостаток ревности стоять за истину от чего другого, как не от слабости убеждения? Из таких фактов можно вообще вывести заключение, что у грешников или мало, или совсем нет несомненных убеждений.

Совсем другое у тех, кто от тьмы греха обратились к свету Божию. Жажда истины, можно сказать, первая у них жажда; у них слово Божие непрестанно в устах и мысли. Сладость истины кто знает, как не они, когда живут в истине? Исчадий неверия и сомнения у них нет, а напротив, сила убеждения срастается с их бытием,

* *ex officio* (лат.) — по обязанности.

³¹ «Любовь в качестве руководительницы к познанию и к истине непонятна тем, кто знает лишь критерий самоутверждения и самосохранения! Тут заранее и а priori она исключена и под ее именем разумеется что-то другое, — преимущественно дела половых инстинктов! И в этом страшный симптом в европейской культуре “просвещения”, — признак приближающегося разрушения!» Ухтомский А.А. Интуиция совести. СПб., 1996. С. 466.

от чего известное тотчас переходит в дело, и за истину они готовы отдать самую жизнь и — отдают, когда нужно. (13. С. 316—317)

Неверие заразительно особенно от образованных

К сожалению, неверие, подобно заразной болезни, весьма легко передается от одних к другим. В особенности надо быть осторожными, бдительными лицам, поставленным воспитателями юношества, которое особенно восприимчиво, чутко ко всем действиям старших... Юноша, изучая науки, вступая в жизнь, прежде всего присматривается к ближайшим к нему руководителям, с них берет образец, по ним проверяет свои теоретические выводы. Взрослый человек, особенно если слаб характером и не получил твердых оснований в вере, сам незаметно для себя начинает подражать дурным примерам, и наоборот, нравственно испорченная личность, поставленная обстоятельствами среди людей доброго христианского поведения, часто исправляется и начинает жить благочестиво. От отдельных личностей перейдем к обществу. Общественная нравственность, христианское направление массы вполне зависит от высших, образованных классов: народ присматривается к их жизни и невольно начинает подражать. Хорошо, если пример благой, а если нет? О, великую ответственность несут те, чья жизнь соблазняет и развращает меньшую братию! (27. С. 40—43)

Безбожники, материалисты, пантеисты и деисты осуждены на вечные муки

Во огни пламене, дающего отмщение не ведущим Бога и не слушающим благовествования Господа нашего Иисуса Христа (2 Сол. 1, 8)...

Не ведущие Бога и не слушающие Евангелия обнимают весь круг лиц, имеющих подвергнуться гневу Божию и наказанию. Осуждены будут на вечные муки не только не ведущие Бога, ибо и такие безответны (см.: Рим. 1, 20), но и не покоряющиеся Евангелию. На суде не будет принята в оправдание и такая речь: я

знал Бога, верил в Его творчество и промышление, признавал обязательство слушаться совести и чаял будущей жизни. И такой окажется виновным, если не веровал в Евангелие. Этим словом Апостол осуждает не только безбожников, материалистов, пантеистов, но и самых разумных деистов. Спасение вечное будет уделом только тех, кои веровали в Евангелие и перетворены Божественною благодатью. Очевидно также, что под не слушающими Евангелия Апостол разумеет не только тех, кои не принимают Евангелия и разума своего не покоряют под иго веры, но и тех, кои хоть принимают Евангелие, но не живут по требованию его, воли своей и своих чувств не подчиняют предписаниям Евангелия. На эту последнюю мысль наводит глагол: *не слушающим*, который обнимает и ту и другую сторону послушания. (38. С. 279—282)

***Лучше быть невеждою, но со страхом Божиим,
чем погибнуть просвещенным***

Говорит Господь, что мы, не слушающие Евангелия, похожи на тех, которым поют веселые песни, — они не пляшут; поют печальные, — они не плачут, ничего с ними не поделаешь (см.: Лк. 7, 32). Обещают Царствие Небесное, пресветлое и прерадостное, — не шевелимся, будто не нам говорят. Угрожают судом неумытным и муками нескончаемыми, — не тревожимся, будто не слышим. Забиты, потеряли всякое чувство самосохранения истинного. Ведемся, как ведомые прямо на пагубу, и никакой заботы о своей участи. Опустили руки, предались нечаянию: что будет, то будет! Вот каково положение наше! Не оттого ли так часты самоубийства? И это плод нынешних учений, нынешних взглядов на человека и его значение! Вот вам и прогресс! Вот и просвещение! Лучше уж совсем быть невеждою, да со страхом Божиим душу свою спасти, нежели, достигнув титла просвещенного, погибнуть навеки, во всю жизнь не вспомянув о том, что будет по смерти. Из слова Божия, определяющего и Царство Небесное и ад, не пройдет и йота едина: все будет, как написано. Прими же

всякий это к сердцу как дело, лично тебя касающееся, и позаботься о себе, сколько есть сил и сколько еще времени осталось. (12. С. 87)

Последнее завещание

Сохраните, что Господом и святыми Его Апостолами предано Церкви и что одно поколение христиан передает другому. Напомнить о сем вам понуждаюсь того ради, что ныне много лживых учений ходит между нами: учений растлительных, подрывающих основы веры, расстраивающих семейное счастье и разрушающих благосостояние государства. Поберегитесь, ради Господа, от сих учений! — Есть камень, коим испытывают золото. Испытательным камнем да будет для вас святое учение, издревле проповедуемое в Церкви. Всё не согласное с сим учением отвергайте, как зло, каким бы титулом благовидным оно ни прикрывалось... Это небольшое напоминание прошу принять, как последнее завещание (22. С. 683—684)

5. Нравственное состояние неверующих

Не все веруют, потому что есть свободное произволение человека

Не всех бо есть вера (2 Сол. 3, 2). Не та мысль, что вера не ко всем идет, не для всех назначена, как бы Бог ни хотел, чтоб все веровали, определив иных к неверию и пагубе. Ибо Господь есть Свет, просвещающий всякого человека, грядущего в мир (см.: Ин. 1, 9); почему, посылая на проповедь Апостолов, заповедал им просвещать верою вся языки (см.: Мф. 28, 19). Апостол хотел сказать просто, что не все веруют. Не все веруют потому, что не все хотят веровать. А почему кто чего хочет или не хочет, это не всегда можно понять и истолковать; ибо глубоко сердце человеку. Но в отношении к вере Христовой безошибочно можно полагать: не хотят веровать, потому что никакой

не имеют заботы о спасении души. Не имеют заботы о спасении и слова о сем спасении слушать не хотят. Другие у них интересы, другой строй ума и нрава: им и неприятно слушать слово, идущее наперекор сему строю и требующее перемены их. А что они так настроились, причина тому, конечно, в предшествующей жизни и в настоящих обстоятельствах. Но все же сам себя всегда образует человек и имеет всегда силу вести свои дела, как ему рассудится. Как ни повреждается он, вследствие общего падения, своими личными худыми делами, всегда остается в нем здравая сторона, — чтоб преклониться пред очевидностью истины.

Очевидность же Божественности евангельской истины всюду была представляема Апостолами до непререкаемой осязательности. И неверы безответны. Конечно, много непостижимого в том, что когда проповедь одна и та же, лица проповедающие одни и те же, и небесные свидетельства, сопровождающие то, одни и те же, — одни из массы внимающих сему веруют, другие не веруют, третьи даже враждуют и противодействуют. Но тут нет ничего фатального и безусловно предопределенного, а всему вина — человеческое произволение. В слове Божиим хоть и встречаем мы выражения, будто есть иные отряженные на пагубу и неверие, которые так и именуются погибающими, а другие есть отряженные на веру и спасение, как учиненные в жизнь вечную (см.: Деян. 13, 48), которые и именуются спасаемыми, но в том же слове Божиим объясняется также, что это бывает по прозрению Божию (см.: 1 Пет. 1, 2) и по предуведению (см.: Рим. 8, 28). Предвидит Бог, куда человек склонится, так и полагает тому быть. И это делает не безучастно; но все устроит к тому, чтобы человек избрал добрый путь; и когда уже ничто не помогает, оставляет его в руки произволения его. Это все от века ведомо Богу и решено; а решено оттого, что один возлюбил пагубу, а другой спасение. Дал Бог человеку свободу и не нарушает прав ее. У нас есть какая-то склонность многое относить к фатальным определениям и многое тем разрешать для

себя. На деле же все строится свободным произволением человека и самыми строгими законами правды и благодати Божественной. Так и в настоящем случае, при словах: *не всех вера* можно говорить: не все гожи к вере или не все способны и достойны того, подобно тому как из воинов не все допускаются служить при царских дворцах, а только способные и надежные. (38. С. 361—363)

Неверы и колеблющиеся не уясняют оснований веры

Неверы или совсем не исследывают всего как должно, или исследуют поверхностно, чужим умом, или принимают несчастное настроение, противоположное требованиям веры, и, чтоб оправдать свое неверие, довольствуются самою малостью для отрицания веры. И верующих колеблют речи неверов по той причине, что верующие, довольствуясь простою верою, не разъясняют для себя оснований веры. Речи те застают их врасплох, оттого они и колеблются. (12. С. 170—171)

Неверующие идут против естества духа человеческого

Малый след божественного влечет к себе. Что же следует из этого повсюдного и всевременного опыта стремлений нашего духа к божественному? То, что есть сверхъестественное, есть и Божество, источник его. Это стремление лежит в основе нашего духа и составляет его природу, как это может всякий видеть из умовых, эстетических и деятельных забот наших. Но в природе не может быть лжи и обмана; следовательно, нет их и в этом стремлении к Божеству. Отсюда выходит, что Бог и божественное есть и что естественники, отвергающие сверхъестественное, идут против естества духа человеческого. (12. С. 123)

Неверы не безответны: они всегда духа гордого

Путь веры есть тайный, сокровенный путь. Кто может и в себе-то самом объяснить, как слагаются в сердце убеждения веры? Лучше всего решает это святой Апостол, называя веру Божиим

даром. Вера действительно есть Божий дар, но неверы не безответны; а если не безответны, то, стало быть, сами виноваты, что не дается им этот дар. Нет приемника для этого дара, — он и не дается, ибо нечем принять его, а в таком случае давать — то же, что тратить понапрасну. Как душа делается способною приемницею дара веры, это трудно определить... Не смирением ли вообще привлекается эта великая милость, дающая веру? Очень не дивно. По крайней мере всем ведомо то, что неверы всегда духа гордого и что вера более всего требует покорности ума под свое иго. (12. С. 149)

Неверие губительно

Если отпадают в неверие, — а ныне отпадающих очень много, — то отпадают не по чему другому, как по недостатку здравомыслия. Не хотят обсудить и увлекаются призраками, которым лесь сердца порочного охотно придает некоторую вероятность. Бедные души! Гибнут, воображая, что попали, наконец, на должный след, и радуясь тому особенно, что первые вступили в эту колею и стали для других передовыми вожаками. Но не велика радость сидеть на седалище губителей. (12. С. 61)

Неверующий осуждается за ненависть к свету, за тьмолюбие

Не верующий в Сына Божия уже осужден (см.: Ин. 3, 18). За что же? За то, что когда кругом свет, он остается во тьме по любви к ней. Тьмолюбие, ненавидение света делает его кругом виноватым, даже без определения, в чем истина; потому что у кого есть эта искренняя любовь к истине, того она изведет из тьмы заблуждения и приведет к свету истины. Пример в святом апостоле Павле. Он был искренний истиннолюбец, вседушно преданный тому, что считал истинным, без всяких интересов. Потому, как скоро указана была ему истина не в том, что он считал истинным, он в ту же минуту бросил это древнее, оказавшееся не истинным, и всем сердцем прилепился к новому, осязательно

доказанному истинным. То же самое бывает и со всяким искренним истиннолюбомцем. Истина о Христе ясна как день: взыщи, и обрящешь. Помощь же свыше всегда готова искреннему искателю. Потому, если кто остается во тьме неверия, тот остается только по любви ко тьме и за это уже осужден. (12. С. 60)

Упорство неверов от сатаны

Упорство неверов можно еще объяснить нехотением верить, но откуда само нехотение? И отчего оно берет в этом случае такую власть, что заставляет человека умного сознательно держать себя нелогичного образа мыслей? Тут тьма, — уж не от отца ли она тьмы? (12. С. 131)

Как сатана ослепляет разум неверных

Как ослепляет он разумы неверных? Совсем заслоняя от них Бога и порядок вещей божественных и оковывая сознание их одним видимым и осязаемым, как будто невидимого и неосязаемого ничего и не существовало. Бывает у них и Бог на языке, но слово сие проходит чрез уста безследно; промелькает и речь о смерти, но так, как бы это дело их не касалось. Обычно же они сами для себя бог, сами о себе промышляют, сами себя обезопасивают, сами свою устрояют участь, во всем на себя одних полагаясь и на подручные им средства и способы опираясь. Цели их не заходят за пределы настоящей жизни. Эту одну они загадывают превратить в жизнь райскую, и об этом у них вся забота, сюда все планы направлены, на это обращаются все предприятия. Цель их — жить в довольстве, с почетом и с наибольшей мерою утешностей и сластей. Тут не берется в расчет совесть, и страх Божий не проходит в эту тьму чувственную. Совесть истинная попрана; ее место заняло правило держать себя, как считается наилучшим, среди других и судя по ним, имея в виду — не ударить себя в грязь лицом. Бог имеется, как стороннее нечто, и удовлетворение внешним образом религиозных обычаев считается вполне достаточным для того, чтобы не бояться

Его; будто ни Ему до нашей души, ни нашей душе до Него дела нет. К этому кругу принадлежат не одни воры, разбойники, блудники, пьяницы и другие явные грешники. Эти и у них бывают не на хорошем счету. Миролюбная жизнь обыкновенно течет степенно, с видимым глянцем исправности, достодожности и величавости. Дух ее богопротивен; и он-то делает то, что очи сынов века смежены для узрения света благовестия. Благовестие одной области принадлежит, а они всем строем своим относятся к другой. Ничего общего у них нет с благовестием; оно и неместимо для них. (34. С. 134—135)

Неверы сами во всем виноваты

Ибо смежили умные очи свои неверием. **Дверь тайн Божиих и не отверзается для них, и свет их не осиявает их. Держит их во тьме бог века [сатана] и не дает воссиять в них свету Божию**³². Делает это он не властительно, а злокозненно хитрясь обольщать сынов века. В прелести ходя, не замечают омрачения своего и довольствуются мраком, по обману полагая, что он свет. Но как ни густ мрак ослепления, тут ничего нет приневоливающего. Сами хотят, и слепотствуют; захотят, и откроют очи; ибо свет Божий вокруг есть. Бог века всячески хлопочет держать их в ослеплении; но это делает он, поднося им ослепляющие элементы, которые они сами охотно принимают и ослепляются. Непосредственной же власти бог века ни над кем и ни над чем не имеет и насиловать никого не смеет. Сами мы во всем виноваты. (34. С. 137)

³² «Христово учение для всех просто и ясно. Скрыто же оно только для тех, которые стали духовно мертвыми, ослеплены своим разумом (2 Кор. 3, 4). Подобно благоуханию оно распространяется везде, но одних оживляет, других умерщвляет, — является для них запахом на смерть, так как обнаруживает их внутреннюю погибель, их всецелое религиозное и нравственное извращение (2 Кор. 2, 15—16). “Двери тайн Божиих и не отверзаются для неверующих, и свет их не осиявает их. Держит их во тьме бог века сего и не дает воссиять в них свету Божию” (епископ Феофан)». *Николай Денуатов, протоиерей*. Простецкое богословие. М., 2000. С. 133—134.

Холодные к Церкви, чуждающиеся ее, побирающиеся своею нравию ума своего и своих желаний, порабощенные бездействию совопросничеству, заключают все входы свои и, не приемля оживляющих действий Духа, замирают и иссыхают, и сами себя готовят в пожжение. Вокруг них все цветет, а они сохнут, хоть думают, что они только и живут. Они в себе хотят найти источник оживления и, вместо того, находят умерщвление. Не хочу, говорит, верить: что сам узнаю, то и признаю истинным, — и впадает в ложь и заблуждение. Не хочу подчиняться писанным заповедям: природа — мне закон, — и впадает в похоти различные и страсти безчестия. Не хочу подчиняться стороннему руководству: я и сам разум имею, — и исполняет собою приговор Премудрого: *Им же несть управления, падают аки листвие* (Притч. 11, 14). Не хочу подчиняться чинам Церкви: мне некогда, и они излишни, — и время свое тратит на пустые обычаи мира, растлевающие. Так и во всем. — И бывает уделом сих самоумников и самоуправников своенравных — ложь, заблуждение, страсти и похоти злые, а наградою безотрадно-томительное, присножаждущее состояние духа неудовлетворенного. Они осязательно сохнут и чахнут, хоть живительные источники — тут же, вокруг них. (21. С. 18—19)

Неверы осуждены на вечную пагубу

Неверы обычно нос высоко поднимают, выражая тем торжество свое над верными. Но вера стоит, и верные, во смирении своем, не теряют нисколько от того в своих чаяниях верных обетований Божиих. И ныне видно, на чьей стороне истина... Но будет день, когда это будет объявлено торжественно пред всею тварью... на безконечное утешение верующих — и на непоправимую вечную пагубу неверов. (8. С. 110—111)

Неверующего смерть поражает испугающим страхом

Верный услышал слово о спасении и принял его с верою; по вере охотно подчинился условиям спасения и пребывает им верен;

и ради сей верности питает уверенность, что Христос Спаситель увенчает благим концом течение его, сподобив его нескончаемого блаженства в Царствии Своем. Такова часть верного! Она несомненна; ибо утверждается на верности Божией. Неверный в нечаянии ходит и ничего верного в сей жизни, тем паче в будущей, обещать себе не может. Совесть, всегда оскорбляемая, дает ему предвидеть мрачную картину его участи; и как дверь к ней отворяется смертью, то минута сия всегда поражает его иступляющим страхом. Видишь ли, какова участь неверного? Зачем же тебе становиться в пару с ним? (34. С. 239)

6. Как православным относиться к другим вероисповеданиям

Разность вероисповеданий от самоволия

Все равно, говорят некоторые, что Православие, что лютеранство, что католичество! Да разве это истины? Истина одна. Разве сто путей? Один путь. Разве сто богов? *Един Бог, едина вера, едино крещение* (см.: Еф. 4, 5). Так как же это все равно? Стало быть, равно с нашим и то вероисповедание, в котором нет священства, нет Святого Причащения и покаяния? Ни на что не похожа такая филантропия! Из-за того, что не умеют решить вопроса — что такое другие вероисповедания, толкуют криво и понимают неправо решительно верное... Посмотрите, что бывает в фотографии. Натуральная персона человека есть самый верный его тип; фотографы снимают ее, потом печатают. А между тем у одного выходит слишком темно, у другого слишком светло; тот фокус не угадал, а этот дал позу, не сродную известному лицу. Но есть и такие снимки, которые очень верны подлиннику. А подрисовка сколько еще изменяет характеристику черт! Разбирая теперь все эти снимки, неужели можно сказать, что они все равны, когда между ними есть и такие, в которых не узнает себя и сам тот, с кого портрет снят? Моисею говорил Бог:

виждь, да сотвориши (скинию) по образу показанному тебе (Исх. 25, 40), — и было так до Пришествия Христова. Господь, пришедши, снес с неба иную скинию, святую веру и Церковь, устроенную по плану, который Он видел и слышал в предвечном совете Триипостасного Бога. Но явились самовольники — фотографы, и давай подрисовывать, давай делать новые снимки, — ну, и нагородили. Лик Церкви один, а в самодельных снимках у одного вышло две головы, у другого — ни рук, ни ног, там глаза изменены, там одежда совсем не та и проч., а у всех одна подпись: *церковь*. Смотришь-смотришь, и скажешь: нет, это не она. Пристало ли после этого хранящим подлинник Церкви ставить себя в ряд с другими?

Да что же другие? Оставим распорядиться ими Домовладыке. Он дает нам осязательное свидетельство, что подлинник у нас: это видимые всеми дары чудотворений, прозорливости, нетления мощей, чрезвычайные явления, — чего ж еще хотеть? Лжецам не станет потворствовать Господь. Господь с нами, и Дух Его обитает в Церкви нашей, стало быть, она и есть настоящая, с неба сведенная и на земле водворенная Церковь. А про другие Господь ведает. Судов Своих Он не открывает; будет день, когда во свет приведет Он вся тайная, а теперь достаточно для нас и этого луча непреложного удостоверения в истине нашей веры³³. (19. С. 279—282)

³³ «Запад берет из христианства то и настолько, что и насколько совместимо с условиями современной культурной жизни... Разность между нашей верой и инославием очень существенна и глубока. Западные религии изменили самое понятие о христианской жизни, о ее цели, ее условиях. Для иллюстрации достаточно сравнить христианское нравоучение по епископу Феофану с учением Мартенсена. Мартенсен — маститый протестантский проповедник, признаваемый за лучшего моралиста-теолога, притом наиболее свободного от вероисповедных заблуждений. И что же? Оказалось, что христианская мораль под пером этих двух авторов явилась в совершенно различном и, нередко, даже противоположном виде. Мы попытаемся подвести итог этих различий и их сформулировать. Епископ Феофан учит тому, как построить жизнь по требованию христианского совершенства, а западный епископ выбирает из христианства только то, что, по его мнению, совместимо с условиями современной

Испытание Писаний и образование ересей

Есть испытание Писаний никуда не гожее, это — бесплодная пытливость ума. Как же это узнать? А вот как: если видишь, что все мысли, какие родятся в тебе, как мыльные пузыри, хоть и красны на вид, но пусты и от легкого прикосновения воздуха здравого рассуждения вскоре лопаются, то знай, что они суть дело пытливости праздно́й. А если находишь, что такие мысли садятся на сердце, и втесняются в него, и давят его, сокрушая, или расширяют, возвеселяя неземными надеждами, то они не дело праздно́й пытливости, а опытом дознанная истина. Для иных испытание Писаний может быть великим искушением. Вы удивитесь, а так оно и есть. Авва Серид прибил однажды Досифея за то, что он начал без всякой нужды допытываться, что значит то, что это, отчего написано так, а не иначе. Вот и другой пример: в Филиппах была отроковица, имевшая дух пытливости, и апостол Павел изгнал его. В «Добротолюбии» у Филофея и у Диадоха сочтено недобрым делом, когда от внимания и молитвы отвлекает желание или позыв побогословствовать, да и в других местах много подобных советов относительно испытания Писа-

культурной жизни. Первый смотрит на христианство как на вечный устой истинной жизни и требует от каждого принуждать себя до тех пор, пока жизнь его не войдет в эту норму, а второй смотрит на основы современной культурной жизни как на факт непоколебимый и лишь в области существующих частных разновидностей его указывает те из них, которые наиболее одобрительны с христианской точки зрения. Первый требует нравственного героизма, подвига; второй высматривает, что бы из христианства годилось нам в нашем теперешнем жизненном устройстве. Для первого — человек призван к загробной вечности, с которой собственно и начнется истинная жизнь. Для второго учение о будущей жизни — возвышенная и облагораживающая идея, которая помогает нам лучше устраивать здешнюю жизнь. В различии взглядов этих двух учителей добродетели сказались и различие западноевропейских религий от православной веры. Последняя исходит из понятия христианского совершенства или святости и с этой точки зрения дает оценку наличной действительности, а Запад утверждает на *status quo* жизни и выгадывает тот минимум религиозных отпращиваний, при котором возможно спастись». *Антоний (Храповицкий), митрополит*. Чем отличается православная вера от западных исповеданий // Миссионерское обозрение. 1901, июль — август. С. 6–7.

ний. Как произошли еретики? Все до единого от питания Писаний. Выходит, это меч обоюдоострый, и, стало быть, надо обращаться с ним осторожно.

Православный христианин читает слово Божие, и истины, прямо в нем содержимые, печатлеет в сердце, не двигая своей мысли за пределы содержимого и не возвышая над ним господственно и самоуправно своего ума, а смиренно подчиняя его. Если встретится что-либо неудобопонятное, он ищет разрешения не в своем уме, не в своих догадках, а в общей хранильнице всякой истины — Церкви, ищет то есть решения готового, всеми признаваемого и всем предлагаемого Святой Церковью. Например, в Евангелии сказано: *ты еси Петр, и на сем камени...* и проч. (Мф. 16, 18). Непонятно, как Церковь может быть основана на Петре, когда основание ее есть Господь наш Иисус Христос, и притом такое, что другого основания и быть не может. Не мудрствуя в решении сего недоумения, обратитесь к Церкви, и она скажет вам, что здесь слово *Петр* не означает лица апостола Петра, а твердое исповедание веры в Господа Иисуса Христа. Эта твердость каждого мученика делала камнем: колотят-колотят и не расколотят. А вон католики стали искать решения в своей голове и попали на папу.

Если какое-либо место Писания расшевелит мысль, а эта мысль, в свою очередь, начнет делать выводы, неотразимо теснящиеся в голову, — ничего: православный и от этого не прочь, но только обходится с этими выводами, своими порождениями, не как с родными чадами, а как с пасынками: подвергает их испытанию, вставляя их во всю совокупность истин святой веры, содержащихся в православном катехизисе, и смотрит, вяжутся ли они с ними, и, если не вяжутся или противоречат им, гонит вон из головы, как детей незаконнорожденных. Если же не сможет сделать этого сличения сам, то обращается или к живым, или к прежним учителям и их вопрошает.

Неправославный же поступает не так. Родятся у него в голове какие-нибудь думы — хорошие или худые, ему нужды нет, лишь

бы нравились, — он и начинает рыться в Писании и искать им подтверждения. При таком настроении, конечно, каждая строка и даже речения, чуть-чуть указывающие на мечты искателя, берутся как доказательство. Таким образом собрано несколько текстов, к ним приделаны произвольные толкования, и затем сделан вывод, то есть та мысль, какая родилась в голове прежде чтения Писания, и, наконец, возглас: «Так учит все Писание!»

Так образовались все ереси, так протестантство, так папство, с той только разницей от первых, что последние еще роются у святых отцов и насилуют их. (19. С. 249—253)

Примеры того, как еретики криво толкуют Евангелие

Иной читает Евангелие, но, криво толкуя читаемое, извращает Евангелие. Такому Евангелие не служит в пользу, и то, что он держит в руках Евангелие, не избавляет его от укора и осуждения в неведении истины... Из Евангелия иной выкраивает такое учение, которое никуда не гоже и не может вести к добру и учащего, и последующих ему. — Отчего так? Оттого, что он не умеет взяться за дело. В чем существо дела спасения? — Это состоит из нескольких пунктов: надо веровать, надо заповеди исполнять, надо благодать стяжать и проч. Но в Евангелии пункты эти не написаны в одном каком месте, а в разных, — в одном одно сказано, в другом другое. Чтоб познать истинно весь образ спасения, надобно все эти пункты из разных мест собрать воедино, и собрать все, ни одного не пропуская.

Вот на этом деле все претыкающиеся и претыкаются. Начнет иной собирать, не понимая, как это следует сделать, — уткнет глаза на один или два пункта, выдернет их из общего Писания, — и кричит: нашел, вот путь спасения! Иной кричит: веруй, — и ты спасен; иной: стяжи благодать, — и больше тебе ничего не нужно; иной: люби, — и придешь к блаженному концу; иной — иное что. Все такие положения истинны и в Писании строго предписываются, но ни одно из них поодиночке не обнимает всего дела спасения. Надо их все совокупить, — и тогда получится полное

представление настоящего образа спасения. Вот и ваш крикун читает... из Евангелия, и толкует, как спастись. Но все ли он пункты оттуда выбирает или только часть их какую? — Прислушайся, и найдешь, что не все. У него только и есть на языке: *покайтесь и веруйте*. А все ли тут? Гораздо не все. Да и в этих самых пунктах не все им сказывается. Покайтесь, говорит. Спроси его: а исповедаться должно? а разрешение получить надо? И он тебе на это ничего не скажет, а будет отвертываться пустыми словами. Потому что скажи он, как думает, — ты от него тотчас отворишься — по его мудрованию ничего этого не нужно, хотя заповедуется в слове Божиим. (17. С. 51—52)

Основные отличия Православия от католицизма

По виду у нас с римскими католиками много сходства: догматы те же, кроме новых изобретенных ими о происхождении Святого Духа и — недавнего — о непричастии Божией Матери первородному греху. У них также догмат — и главенство папы. Таинства одни; но они у них почти все изменены в форме и разнятся ею не только от Восточной Церкви, но и от своих древних чиноположений. У них и вечерня, и утреня, и Литургия, и другие молитвенные службы церковные, как и у нас. Но если рассмотреть, как все бездушно и даже бессмысленно! Когда проследить подробности, то явно всякому, как далеки они от истины...

Дух католичества земной. Церковь у них и по-ихнему есть политическая корпорация, человеческими силами и средствами поддерживаемая, каковы: инквизиция, индульгенции, — с видимою главою. Православная Церковь есть духовный союз всех во Иисусе Христе и чрез Него взаимно между собою. Церковь невидимо правится Господом и направляется к своему концу. У них ведет ее папа, и куда?!! (15. С. 30—32)

Еретики ли католики

Об еретичности католической церкви. Мы с вами — частные лица и в мнениях своих должны сообразоваться с решением

Православной Церкви... Кажется, Святая Церковь наша снисходительна к католикам, — и признает силу не только крещения католического и прочих Таинств, но и священства, что очень значительно. Потому нам лучше воздерживаться как от задавания сих вопросов, так и от решения их... Одно только держать следует, что переходить к католикам не следует, ибо у них некие части в строе исповедания и церковного чина повреждены или изменены с отступлением от древнейшего. (7. С. 201—202)

Душепагубность ересей

Как же осмелиться покривить что-либо в законе Христовом, когда от этого и нам, и всем пагуба? Если бы спасительность учения зависела от нашего воззрения на него и согласия вразумляемых, то был бы еще смысл, когда бы кто, из снисхождения к немощам или по каким-либо притязаниям века, вздумал перестраивать христианство и применять его к похотям сердца лукавого, а то ведь спасительность христианского Домостроительства зависит вовсе не от нас, а от воли Божией, от того, что Сам Бог устроил именно такой путь спасения, и притом так, что другого пути нет и быть не может. Стало быть, учить как-нибудь иначе значит сбивать с пути правого и губить себя и других — какой же в этом смысл? (19. С. 453—454)

Западники сами себя хотят спасти

Все западные переводные книги о духовной жизни нейдут к нам. В них есть клочок истины; но и самые лучшие из них содержат много мечтательного и ложного; щекочут, а не питают... и выходит: по губам текло, а в рот не попало. Возьмите лучшую и более других хвалимую: *О подражании Иисусу Христу*, — Фомы Кемпийского... Почитайте ее со вниманием и сравните, то же ли дает она, что Макарий Египетский, или Исаак Сирианин, или изречения наших старцев — Серафима [Саровского], Парфения [Киевского]... Западники сами себя хотят спасти и попадают только со своими усилиями в покойное состояние сердца,

похожее на бездействие при молчании прочих сил. Тут фантазия рисует им образы, и они млеют от них... Бросьте их. Для вас достаточно тех святых, кои есть у вас. (16. С. 17–18)

Католики и протестанты — отступники правой веры

Штунда не любит поститься. Да ведь она лютеранка, на кой люд ее назвали штундою? Назвать надо — немецкая вера... потому что немцами выдумана и недавно, — немецкой вере всего сотни три лет... Она не первоначальная отступница. Первоначальная отступница латинская вера, — она отступила и с немцами, и с англичанами. Но потом немцы и англичане отступили от папы, когда тот завел некие нелепости в вере своей. (4. С. 44)

Католики и протестанты помутили апостольское Предание

Апостольские Писания собраны в книгу в конце первого века, при святом Иоанне Богослове. А списки их распространились к концу второго века. Оба эти века христиане питались преимущественно преданиями.

Вы понимаете предание — как передавание из уст в уста... А оно было передание из жизни в жизнь, из дела в дело.

Скажу простой пример — как столько веков хранится одинаковый образ плетения лаптей, печения хлебов... Дети делом перенимают у отцов и матерей, — и передают своим детям.

Христианство — не учение, а жизнь. И самое учение его входит в жизнь, как определенный образ, воззрение на все сущее и бывающее...

Потом все порядки христианские — и веровательные, и жизненные, и освятительные, — вошли в писания отеческие и закрепились. Мы чтим отеческие писания ради того, что в них блюдетя апостольское Предание, которое узнается *в общем согласии всех их*.

Извольте теперь общее иметь наведение: Греческая Церковь верно соблюла апостольское Предание и передала его нам. Это апостольское наследие — у нас. Католики помутили апостольское

Предание. Протестанты взялись поправить дело — и еще хуже сделали... У католиков один папа, а у протестантов что ни протестант, то папа. (6. С. 96—97)

Следует готовиться к борьбе с папистами

Мне сдается, что нам следует подготавливаться к борьбе с папистами. Папезство и стало походить на паполатрию. Все дары от папы и весь почет ему... А у нас нет книжки, которую имея в руках, православный мог бы отражать бредни патеров. Те ведь наговарят столько, что слушающий поневоле изумится. (7. С. 255)

Широкий путь протестантизма ведет в пагубу

Потом явился Лютер, — умный человек, но своенравный. Папа, говорит, изменяет все, что вздумает: почему же мне не изменять?! И начал все строить и перестраивать по-своему и учредил таким образом новую веру лютеранскую, далеко не похожую на ту, которая Господом заповедана и святыми Апостолами нам передана. — После Лютера выступили философы. — Вот, говорят, Лютер завел у себя новую веру, хоть из Евангелия будто, но по своему уму. — Почему же нам, и помимо Евангелия, не составить учение по одному своему уму? — И начали умствовать и гадать — и о Боге, и о мире, и о человеке, всякий по-своему, и наделали столько учений, что голова помутится от одного перечисления их. — И стало у них теперь: веруй как вздумаешь, живи как хочешь, наслаждайся чем душе твоей угодно. — Никаких законов и стеснений не признают и слову Божию не покоряются. — Широко у них: все преграды разметаны. Но путь сей широкий ведет в пагубу, как Господь сказал! — Вот куда завело ослабление в учении! (20. С. 50)

«Только Писание» — необузданное умничанье и своеволие протестантов

Умники наши не хотят никого слушать, кроме своего ума. Но как есть сознание, что Божиих повелений нельзя не слушать, то

они твердят: «Бога слушать готовы, но людей ни за что. Повеления Божии содержатся в слове Божиим». Вот и есть у них поговорка: слушать только слова Божии, т. е. то, что писано, и кроме того — ничего. Но как они слушают сего слова? Так, как понимают. А как понимают? Так, как хотят понимать по своему соображению. И вышло, что и в сем случае они уважают только свой ум и его произвольные соображения. Слово Божие у них только предлог, прикрытие своеволия... а дело — необузданное умничанье. Смотрите, что подобные люди произвели в Германии? Отчего? Оттого, что никому покориться не хотят, кроме Евангелия. А Евангелие не хотят иначе понимать, как так, как находят сличным по своим соображениям. Конец сего какой? Конец их — Штраус *... иначе, отвержение христианства полное, и следовательно — пагуба, — ибо без Христа Спасителя нет спасения. Германия все сие оправдала делом.

Во Святой Божией Церкви невозможно такое шатание и колебание мыслей и умничаний. Тут определена однажды и навсегда норма умствования во святом Символе, от Апостолов еще преданная и содержимая Святою Православною Церковью. У нас вот какой закон: *слушай, что все говорят, от святых Апостолов до нас на всем пространстве Христовой истинной Церкви, и покоряйся тому*. Видите, какая крепость? Весь сонм спасенных и спасаемых так содержит. Что тут значат единицы, говорящие в противность истине? Каждый из нас крепок, как крепка вся Церковь Божия. И благодарение Господу! (16. С. 134—135)

Ум православный и ум немецкий

Какой ум православный и какой немецкий?

Ум православный не умничает, а только изучает и усваивает готовую, данную ему Святою Церковью истину, приемля ее с полною покорностью и благочестием, боясь прибавить или убавить йоту какую-нибудь из начертанного уже образа исповедания веры.

* См. примечание 12 на с. 51.

Ум немецкий только умничает, у него нет нормы веры, и он все ищет ее; не изучать берется он веру, а изобретать и построять, и даже построивши, не успокоивается раз навсегда, а еще ищет, еще ищет, не удовлетворяясь найденным. Как у драчуна руки чешутся, а у говоруна язык, так у немца чешется мозг и не дает ему покоя. Дух новизны и непрестанного поновления составляет существо немецкого ума. Православный же ум, изучив и усвоив истину, почивает в ней и услаждается созерцанием ее божественного лика.

Как узнать — в каких писаниях ум немецкий и в каких ум православный? Коль скоро где строится теория или воззрение и потом подгоняются под них места Писания (об отеческих уже не говорим), то тут немецкая замашка, готовность подчинять Божеское человеческому. Далее — где нет простоты мысли и слова, а какие-то мудреные сплетения речений и понятий, так что ума не приложишь, о чем идет дело, то знайте, что здесь немецкий склад ума, не предвещающий ничего доброго. Истина православная проста, ясна, понятна даже для детей. Кто понимает ее и приемлет сердцем, тот говорит всегда просто, без хитросплетений умственных и словесных. Немецкий склад ума и слова крючковатый, темный, запутанный. Со стороны поглядеть — немецкий ум как будто углубляется, а на самом деле ходит по верхам и околицей, не касаясь самого существа истины. Православный же ум признает истину в ее существе и без всяких околичностей... По-православному ни одной статьи не напишешь, не роясь в фолиантах, а по-немецки — были бы перо и чернила — садись и пиши. Чем смелее, тем лучше, а где не хватит толку, набери слов помудренее, да и скомкай их как-нибудь, чтоб казалось в итоге: «Дескать, что и требовалось доказать». (19. С. 48—51)

Немцы врут, говоря, что Бог развивается

Немцы не могут рассуждать по-православному. Все врут... У них все... Бог развивается. Бог развивающийся не есть Бог: ибо

таковой в каждый момент становится не тем, чем был. А истинный Бог всегда есть то, что есть... Бога нельзя называть развивающимся... И если Святую Троицу объяснять из понятия о развитии сущности Божества, то надо допускать, что сначала проявился Сын, потом Дух Святой... И войдет момент времени в отношении Лиц Пресвятой Троицы... чем унижается православное учение... Ибо по сему учению Бог всегда есть Отец, Сын и Дух Святой. Ни Сын, ни Дух не начинали быть, а суть собезначальны Отцу... как и в церкви поется: «Собезначальное Слово Отцу и Духови»*... и проч. (7. С. 100—101)

Неукротимое немецкое богословствование

Было у нас две язвы: материализм и спиритизм. С недавнего времени враг насылает третью, самую разрушительную: немецкое богословствование. В чем же отличительная черта этого богословствования? В том, чтобы построивать различные воззрения на христианство, относительно и существа его, и истории, и по этим воззрениям стремиться к перестройке христианского общества. Это совершенно в духе немцев. Когда немец добьется до какой-нибудь общей мысли, или идеи, или «многообъемлющего» воззрения, то так дорожит им, что готов все принести в жертву, лишь бы только дать простор своему измышлению. Так во всех предметах ведения, так и в богословствовании. Это началось еще с Лютера. Построил он себе воззрение на дело Божие во Христе Иисусе и все разметал, что казалось ему несообразным с его построением. Голос Церкви в учении — прочь, Таинства — прочь, подвижническую строгость — прочь, весь церковный чин богослужения — прочь. По следам учителя пошли и ученики. Всякий, бравшийся богословствовать, долгом считал придумать что-нибудь новенькое и перестроивать все по своей идее. В настоящее время и счету нет всем их воззрениям: единства никакого. Оттого-то у них нет богословия, а есть неукротимое

* Тропарь воскресный, глас 5-й.

богословствование. Говорят и никак не сговорятся. К ним по всей справедливости могут идти слова Апостола, что они все учатся и никак не в состоянии дойти до разумения истины.

Это бы еще ничего, что они построивают свои воззрения, — значит, углубляются в дело Божие, но беда в том, что воззрений-то своих они не хотят поверять голосом Церкви Вселенской, никого не слушают, ни своих учителей, ни даже слова Божия. У их ума *лоб медян и выяз железа*. Не хочет пригнуться, а все высится да высится. Их богословствование есть умничанье в сфере Откровенной истины. Все перероет и перекопает, точь-в-точь нечистое животное, забравшееся в цветник. Сохрани и избави нас Господь от такой язвы! (19. С. 52—54)

Жаль смотреть, как у наших богословов... все немчуря да немчуря. — Вот пошлет за это на нас Господь немчурю, чтоб она пушками и штыками выбила из головы всякое немецкое (неправославное) мудрование³⁴. — Где же нам утешение?! В вере, что Господь Сам блюдет Церковь Свою. А Он всемогущ. (7. С. 209—210)

Все другие религии безблагодатны

Религий в мире будет до тысячи, и нет народа без религии. Семья ее положена в духе, который не исчезает в человеке, при всем

³⁴«Как далеко немецкое богословие удалилось от истины, об этом свидетельствует то обстоятельство, что все лютеранство погружено в непроницаемый мрак безчисленных заблуждений, почему оно и раскололось более чем на 500 сект. Самые главные учителя и духовные вожди лютеранства — их пасторы, как показала недавняя анкета, в своем большинстве не веруют во Христа как Бога. Конечно, такое раболепное преклонение перед немецкими богословами в высшей мере достойно сожаления. Наш великий ученый богослов и праведник Русской Церкви епископ Феофан Затворник даже видел в этом преклонении профессоров наших Духовных Академий причину страшного наказания нас Богом посредством войны России с Германией. В одном из своих писем он пророчески предсказал эту войну, ибо писал: “Жаль смотреть, как у наших богословов... все немчуря да немчуря. Вот пошлет за это на нас Господь немчурю, чтоб она пушками и штыками выбила из головы всякое немецкое (неправославное)

его повреждении. Чувство зависимости от Верховного Существа — Творца, Промыслителя и Мздовоздателя и страх Божий с совестью и чаянием лучшего в будущем, — общи всем людям: тут корень и всех религий. Бог, Промыслитель всяческих, внимает

мудрование” (Собрание писем. Вып. VII. М., 1901. С. 209–210). Спрашивается, чему же могли профессора наших Духовных Академий научить своих студентов? Какую они могли преподавать им веру? Так как авторитет святых отцов Церкви был ими отодвинут на задний план и даже заменен авторитетом немецких ученых богословов, то студенты естественно могли сделать отсюда вывод, что эти немецкие ученые богословы заслуживают особенного внимания в своих богословских воззрениях. А эти воззрения отрицали наши праздники и посты, иконопочитание, наше монашество, иноческий епископат и наши святые каноны. Поэтому редко кто выходил из Академии с православным настроением. В своем большинстве студенты оканчивали академический курс с нецерковным и даже противцерковным мирозерцанием. Такие-то студенты после окончания Академии рассылались церковною властью по всему лицу Русской земли преподавателями в наши многочисленные духовные семинарии. Отрванные от живительных, благодатных источников просвещения — от святых отцов Церкви, большинство преподавателей наших семинарий вместо истинного святоотеческого богословия преподавали семинаристам убивающую дух схоластику или богословский либерализм. Этим они отталкивали воспитанников духовных семинарий от Православной Церкви и от веры в Бога. Вот почему способные из них, по окончании семинарского курса, уходили в университеты; немногие из них поступали в Духовные Академии, а малоспособные становились чиновниками, сельскими и городскими священниками. К этому надо добавить, что самая главная богословская наука — патология, которая знакомила бы семинаристов с дивною жизнью и благодатным учением святых отцов Церкви, давным-давно была исключена из числа семинарских наук. Вот где корень церковного модернизма с его стремлением к уничтожению наших святых канон, к искажению православной веры и к ослаблению чистоты и строгости истинной христианской жизни. Вот где корень того модернизма, который причинил, и так еще недавно, столько бедствий нашей Русской Церкви и который продолжает наносить величайший вред в жизни других Православных Церквей. Будем верить, возлюбленные, что пророческое вразумление епископа Феофана о наказании нас Богом войною с Германией окажет на нас спасительное воздействие и наши богословы престанут наконец преклоняться перед инославными богословскими авторитетами и в своем богословии как высшим авторитетом будут руководствоваться только святыми отцами Церкви. И, тем более, надо отметить, что данное пророчество епископа Феофана было за двадцать лет до первой войны с Германией, а мы пережили уже вторую с ней войну». *Серафим (Соболев), архиепископ. Проповеди (1945–1949). М., 1999. С. 88–90.*

молитвам всех по мере их усердия: ибо для Него нет ни одной твари заброшенной или забытой, — тем паче твари разумной, обращающейся к Нему, как умеет.

Но нельзя допустить, чтобы все религии были равны и одинаково вели исповедников своих к истинному совершенству. К истинному совершенству в духе ведет одна вера христианская, потому что подает благодать возрождающую, очищающую и совершающую; все другие религии — безблагодатны. В них человек остается таким же, каким рождается, то есть в состоянии повреждения. Если начнет он ревностно жить по духу своей веры, то может прийти только до того пункта совершенства, до которого могут довести его собственные естественные дарования и те способы, какие предлагает его религия.

В христианстве же к человеку естественному притекает Божественная благодать, которая переделывает его всего по образу Создавшего его и делает живот его сокровенным со Христом в Боге. Этого не может дать никакая другая религия. Духовная молитва, о которой идет речь, есть в нас плод Божественной благодати; следовательно, она возможна только у христиан. Уж у индейцев вы ее никак не найдете, хоть, может быть, встретите нечто сдающееся похожим на нее. И куколь похож на пшеницу, но не есть пшеница. Правда, что *о Христе Иисусе несть иудей ни еллин* (см.: Гал. 6, 15; Кол. 3, 11), но только тогда, когда они уверуют в Господа и чрез Святое Крещение станут членами Церкви Христовой, тогда они станут наравне со всеми приобщившимися Господу; а без этого иудей — иудей и еллин — еллин. Означенное место сказывает только, что никакая вера в мире никому не мешает стать христианином и сподобиться всех преимуществ, даруемых верующим о Христе Иисусе, Господе нашем. (18. С. 251—253)

Есть ли благодать у католиков и протестантов?

Благодать двояко действует: **совне, когда призывает, — и это всеобщая благодать, никто не исключен:** ибо Господь всем

хочет спастися и в разум истины приити; когда кто, вняв призыванию, обращается, тогда благодать чрез Таинство Крещения или Покаяния внутрь вселяется и там созидает спасение, или образует из стихий добра, естественных человеку, нового человека, наследника вечного Царствия Небесного, невластительно, а руководительно и помогательно, то есть указывая добро и помогая совершать его³⁵. (1. С. 204)

В образе своего действия возбудительная Божия благодать всегда соотносится не только с узам, в коих держится грешник, но и с особым состоянием грешника. В сем последнем отношении паче всего надо взять во внимание ту разность в действии благодати, какую являет она, действуя на тех, кои никогда не были возбуждаемы, и на тех, кои испытывали уже сие возбуждение. Тому, кто ни однажды не имел возбуждения, оно дается как бы туне, как всеобщая предваряющая, или зовущая благодать. От него самого предварительно нечего и требовать, потому что он весь направлен не туда. (10. С. 82)

Можете для перевода с французского — взять руководство к христианской жизни Франциска де Саль*. У меня есть она... Перевод «Невидимой брани» кончен. Перевожу с французского

³⁵ «Есть то, что в православном богословии именуется как “призывающая благодать”. Это то действие Божие, которое происходит вне Церкви, то касание Богом человеческого сердца, которое поворачивает это сердце к вере. Поскольку назначение этой энергии — привести к Церкви человека, который еще вне ее, то это — единственный вид благодати, который действует вне Церкви. О ней святитель Феофан Затворник сказал, что “призывающая благодать — всеобщая, никто не исключен”. Нет оснований отрицать наличие этой благодати в католичестве и в протестантизме, ибо никто не может назвать Иисуса Господом, только как Духом Святым (1 Кор. 12, 3)... Возможно предположить наличие доброкачественного духовного опыта и у отдельных людей, вставших на путь подвижничества вне Православной Церкви». *Андрей Кураев, диакон. Вызов экуменизма. М., 1997. С. 35–36.*

* *Франциск Сальский (1567–1622)*, епископ Женевский. Один из ведущих деятелей католической Контрреформации. Обобщение его учения изложено во «Введении в благочестивую жизнь» (1609).

подобное Францискову руководство, — которое немножко потоньше его... посозерцательнее...

Писал я вам, что взялся переводить нечто... Дошло до статей о молитве... **Темная какая-то путаница!** И остановился... Латиняне умную молитву не по-нашему понимают. Она у них — богомыслие, заключаемое молитвою... А это хотя очень плодотворное упражнение, но не есть молитва... Молитва — особое упражнение от богомыслия. Также все об этом — и 22 глава... Не знаю, придет ли охота переделывать. В «Невидимой брани» (которая есть перевод тоже католической книги) я переменял...

Франциска попробуйте перевести. — Посмотрим. — Отчего я попятился от него? Оттого, что непременно придется переделывать многое. В «Невидимой брани» многие главы переделаны. Та книга католиком писана, а **католики об умной молитве... и иных вещах подвижнических иначе от нас судят**. Старец Никодим [Святогорец] поправил, но не все. Я dokonчил поправку. Помните, я писал: перевожу книгу, похожую на «Невидимую брань». Дошел до молитвы — и стал. Я, говорит, буду говорить только об умной молитве... и пошел точать... о молитве слова два сказал, а далее все — *meditation* и *meditation*. Двадцать с лишним глав. И все как-то мудрено. И поправке трудно поддается. Я и бросил, — пока наберусь мужества... Ничего — переводите. Выглядим, вычистим, и никто не узнает Франциска³⁶...

³⁶ «Как видим, святой Феофан, ясно понимая разницу между православной духовностью и католической, все же далек от стилизации всего западного духовного опыта под сплошную “прелесть”. И переводить католическую литературу святой Феофан советует не студентке филфака, а тайной монашине-схимнице». *Андрей Кураев, диакон*. Вызов экуменизма. С. 37.

«Феофан Затворник в этом же письме пишет о том, что католики извратили учение о молитве, по сути дела заменив ее медитацией... Отец Андрей говорит о доброкачественном духовном опыте католических подвижников, а Феофан Затворник называет молитвенный опыт тех же самых лиц “темнотой и путаницей”. Отец Андрей считает, что епископ Феофан “далек от стилизации всего западного опыта под сплошную прелесть”. А между тем епископ Феофан пишет: “Католики об умной молитве и других подвижнических вещах иначе от

Никакой нет нужды — строго держаться буквы... В виду иметь назидание и удобоприменимость к жизни. «Невидимая брань» вся почти переложена не слово в слово. Есть главы — переделанные. О молитве все заново... Так и вам разрешается, и надпишем: свободное переложение — такой-то. (6. С. 111—123)

В какой мере благодать Божия присуща этой [лютеранской] церкви, — не наше дело судить. Может быть, здесь приложимо слово Господа: *по вере вашей буди вам*. На сколько веруют, на столько и получают³⁷. (18. С. 108)

Вера точно есть неотложное условие к получению дара Духа Святого, но самое получение дара бывает не по одной вере, а по вере чрез Богоучрежденные Таинства. Так было и во времена Апостолов... Иного пути к тому нет...

нас судят” — нас, т. е. восточных аскетов, написавших руководство о подвижнической жизни и молитве. Уклонение от опыта святых отцов как раз неминуемо ведет к прелести. Они (католики и вообще еретики) “иначе судят”, потому что иное переживают, иное видят, с иным духовным миром общаются... “Иное” оказывается “инойбытием”, там, по словам Феофана, “темнота какая-то” — не в смысле трудности для понимания семантики языка, а именно как метафизическая темнота, как эманация через слово ложных мистических состояний». Рафаил (Карелин), архимандрит. Вызов новомодернизма. М., 1999. С. 76—78.

³⁷ «Одно из наиболее страшных проявлений фарисейства — это когда принадлежность к православной вере становится источником гордыни и превозношения над людьми других вероисповеданий. Нередко православные готовы бывают всех вокруг себя осудить как еретиков и грешников, обреченных на вечные мучения. Часто и приходится слышать от таковых: “Католики, лютеране, англикане не спасутся, только мы спасемся”. В связи с этим вспоминаются слова святителя Феофана Затворника: “Я не знаю, спасутся католики или нет. Знаю только, что я вне Православной Церкви не спасусь”. Это подход не фарисея, а истинно православного человека, который знает о себе, что для него нет иного пути спасения, кроме как от Бога, что скорее все спасутся, чем он, потому что он сознает себя первым из грешников. Вопрос о спасении или неспасении может и должен рассматриваться каждым из нас только применительно к самому себе: спасусь я или нет? А спасение других предоставим Богу». Иларион (Алфеев), игумен. Человеческий лик Бога. Проповеди. Клин, 2001. С. 31—32.

У англичан **нет Таинства Миропомазания, без которого, как без возложения рук апостольских, Дух Святой никогда не сходил и не сходит.** У англичан только два Таинства: Крещение и Причащение, а Таинства Миропомазания нет... Нет, следовательно, в них и дара Святого Духа³⁸. (11. С. 247—248)

Католики и протестанты повредили все Таинства

Для того чтоб дыхание производило все полное свое действие в теле, — необходимо, чтобы каналы легких были не повреждены и не засорены: так и для того, чтобы Божественный Дух оказывал полное Свое действие, необходимо, чтобы органы, Им Самим учрежденные для сообщения Себя, были целы, т. е. все

³⁸ «Харизматическое» движение, однако, претендует на контакты с Богом, на то, что оно нашло способы снискания Святого Духа, излияния Божией благодати. А ведь именно Церковь, и ничто иное, Господь наш Иисус Христос основал для того, чтобы через нее посылать благодать людям. Должны ли мы поверить, что ныне Церковь должна быть заменена неким “новым откровением”, которое может нести благодать вне Церкви, любой группировке людей, которые могут верить в Христа, но не иметь ни знания, ни опыта Таинств, данных Христом, и никакого контакта ни с Апостолами, ни с их преемниками, которым Он заповедал ясно, что дары Святого Духа не открываются тем, кто вне Церкви. Великий православный отец XIX века, Феофан Затворник, пишет, что дар Святого Духа дается исключительно через Таинство Миропомазания, которое было введено Апостолами взамен рукоположения (это форма Таинства, описанная в Деяниях Апостолов). “Все мы — кто был крещен и миропомазан, — имеем дар Духа Святого... хотя он и не проявляется в каждом из нас”. Православная Церковь дает возможность сделать этот дар действенным, “и другого пути нет... Без Таинства Миропомазания, как ранее без возложения рук Апостолов, Святой Дух никогда не нисходил и не будет нисходить” (епископ Феофан Затворник).

Короче говоря, ориентацию “харизматического возрождения” можно определить как более глубокий, или “духовный”, экуменизм; каждый христианин “обновляется” в своих собственных традициях, но в то же время все странным образом объединяются (так как это одинаковое переживание) с другими, так же “обновленными” в своих собственных верованиях, которые все в той или иной степени содержат ереси и неверие!» *Серафим (Роуз), иеромонах.* Православие и религия будущего // Приношение православного американца. Сборник трудов отца Серафима (Роуза). М., 1998. С. 360—361.

Божественные Таинства и священнодействия сохранялись в том виде, как он установлен святыми Апостолами, по внушению Духа Божия. — Где повреждены сии учреждения, там дыхание Божественным Духом не полно и, следовательно, не имеет полного действия. Так, у папистов — все Таинства повреждены и искажены многие спасительные священнодействия. — Папство — легкое со струпами или загноенное. — У лютеран большая часть Таинств и священнодействий отвергнута, оставшаяся искажена и в смысле и в форме. — Они походят на тех, у коих сгнило три четверти легких, а остальная дотлевет. — Близки к ним, но еще поврежденнее — наши раскольники, молокане, хлыстовцы и проч. **Все таковые не дышат или не полно дышат; потому суть тлеющие трупы или чахнущие, как чахнет тот, у кого расстроена грудь**³⁹. (20. С. 18)

³⁹ «Нетрудно заметить, что полными трупами святитель Феофан считает только крайние секты типа молокан или хлыстов. В католических и протестантских сообществах он видит еще живые организмы, хотя и исполненные опасных болезней. Чахоточник все же жив. И туберкулезник — как бы ни был он болен — все же никак не есть труп. Значит, живительная сила Духа Божия еще струится в этих неправославных сообществах. Пусть с преградами, пусть с трудом — но струится». *Андрей Кураев, диакон*. Вызов экуменизма. С. 38–39.

«Епископ Феофан в одной из своих проповедей сравнил католицизм с чахоточным больным, у которого сгнило легкое, а протестантство — с больным, у которого процесс захватил 3/4 легких. Как ни странно, отец Андрей делает из этого мрачного диагноза оптимистический вывод: раз дело идет о болезни, то, следовательно, человек еще жив. Во времена Феофана Затворника чахотка считалась неизлечимым заболеванием с таким же роковым — летальным исходом, как в наше время рак. Поэтому диагноз чахотки с кавернами в легких означал смертельный приговор.

По выражению епископа Феофана, ереси — это «разлагающие трупы или чахнущие организмы» (чахнущие — значит умирающие). Отец Андрей пишет: «Чахоточный все же жив. Значит, живительная сила Духа Божьего еще струится в этих неправославных сообществах». Но разве спасение можно сравнить с состоянием больного, оставшаяся жизнь которого представляет собой затяжную мучительную агонию? Разве чахотка может служить аналогом или метафорой вечной радости и райской красоты?» *Рафаил (Карелин), архимандрит*. Вызов новомодернизма. С. 79.

Истинная и ложная веротерпимость

Истинная веротерпимость искренне любит и благоговейно чтит единую святую веру свою, ревнует о чистоте и славе ее, радуется возвышению ее; но при этом дает место близ нее и другим верам, не потому что считает их равночестными и спасительными, а по снисхождению к немощам заблуждающих. Она не теснит, не гонит, не преследует; но вместе не упускает случая с любовью указывать заблуждение и предлагать свободному убеждению и совести выбор лучшего. Такая только терпимость и уместна в нашем Отечестве, где по основным государственным законам господствующая вера есть святая вера православная. Господствующая: следовательно, над всеми другими возвышающаяся, повсюду и во всем видимая, — проходящая во все отрасли народной жизни, все собою направляющая, освящающая и оживляющая. Она — радость народа, окрыление его духа, возбуждение высоких порывов. Правительство православное терпит не свое православие: но при своем православии, любимом, чтимом и возвышаемом, терпит другие веры, держа их, однако же, в тени. Пока будет у нас соблюдаться такой порядок, нечего опасаться охлаждения к вере и, следовательно, отвержения Божия.

Но, к несчастью, — веротерпимость может принимать направления ложные и уклонения от своего значения опасные и пагубные. Может образоваться такое положение: терпеть веру вообще. Это предполагает, что общественные деятели заняты другими, более значительными вещами, а веру только из снисхождения терпят, допускают как дело неважное, несущественное, не худое, но и не столько ценное, чтоб ею заниматься. Может быть поставлено и такое правило: терпеть все веры, т. е. одинаково ценить всякого рода веру, не давая преимуществ никакой, ставя их все на одной линии, под один уровень.

Где принято первое направление, там письменно и устно говорят: вера — дочь неба, мы же земные; нам до нее дела нет, пусть и она не мешается в дела наши. Нам нужны граждане, а не

жрецы, деятели общественные, а не миссионеры. Где принято второе направление, там говорят и пишут: веруй как хочешь, только будь верен и честен. Пусть капище и мечеть, синагога и церковь одинаково высятся, только бы не мешали друг другу и не возмущали общественного порядка.

Первое направление дышит неверием, и второе обнаруживает отсутствие всякого убеждения и пахнет мертвым безразличием в вере (индифферентизмом). То и другое — пагуба для благочестивой жизни народа... Такие положения и мысли, доходя до слуха народа, набрасывают тень на чтимую им веру и колеблют его любовь к ней, мутят его понятия о ней, поставляют в нерешительность и недоумение, охлаждают и отчуждают от нее. И это тем успешнее, чем открытее и гласнее такие же начала входят в порядки жизни, в письменность, воспитание, обычаи, поговорки. Вследствие же сего неизбежно омертвляет дух, прекратятся дела самоотвержения, расслабнет энергия. Все делается вялым, долупреклонным, земным. Народ тогда — мертвый труп без духа жизни. А такому чего ожидать, кроме презрения от людей и отвержения от Бога? И вот от чего да избавит нас Господь!⁴⁰ (14. С. 73—75)

⁴⁰ «В русском человеке всегда уживались полная терпимость ко всем иноверным и горячая преданность своей православной вере, об этом ясно говорит вся наша история. А теперь, когда воочию всех ослабла у многих русских вера, и храмы Божии в небрежении, и Господь видимо наказывает нас за это, когда нам особенно нужно заботиться об укреплении веры Христовой в нас самих, мы как будто нарочно прилагаем усилия к тому, чтобы иные веры, терпимые нами и доселе всегда и не гонимые никем, превозмогли ослабевающую в нас веру Христову — православную. Не значит это, что нужно отрицать свободу религиозной совести и гнать иноверных; нет, отрицать эту свободу нельзя, равно как и стеснить самую совесть человеческую нельзя ничем внешним; значит это только то, что никогда истинно верующий православный Русский человек не может и не должен признать за ересью или язычеством одинаковую цену со своей верой, и больно и обидно должно быть ему, если скажут, что в Русском государстве, издревле православном, вера Христова нисколько не почетнее, не выше и не милее сердцу всех, нежели и прочие веры. Сказать это по совести и сознать это — значит сказать, что вера Христова не одна только есть истинная и правая вера.

Грозные предсказания

Знаете ли, какие у меня безотрадные мысли? И не без основания. Встречаю людей, числящихся православными, кои по духу вольтерiane, натуралисты, лютеране и всякого рода вольнодумцы. Они прошли все науки в наших высших заведениях. И не глупы и не злы, но относительно к вере и к Церкви никуда не гожи. Отцы их и матери были благочестивы; порча вошла в период образования вне родительского дома. Память о детстве и

Да и как нужно понимать и принимать эту свободу совести? Ведь совесть религиозная особенно заправляет всем ходом жизни человеческой; она предписывает человеку, что хорошо и худо, говорит ему, что он должен делать и чего не должен. Если, поэтому, мы хотим, чтобы совесть каждого была вполне свободна, то должны, не противореча самим себе, позволять каждому все, что велит ему делать его совесть, и уж ни в чем не стеснять его. Какая же будет жизнь после этого? Вообразите сами: еврей будет делать все, что предписывает ему еврейская совесть; мусульманин будет делать то, что велит ему его мусульманская совесть; еретик и иезуит латинянин будет делать то, что предпишет ему его иезуитская совесть, и т. д. Ограничивать и стеснять их будет невозможно, ибо тут дело касается их совести и совести религиозной. Кто проиграет в этом случае и кто пострадает? Да без сомнения наша православная вера, с ее духом смирения и кротости, которые нам заповедал Христос. Придется ждать только чуда, что наше терпение и крепость по вере Христовой сами победят всех. Способны ли мы к этому мученичеству и достаточно ли в нас упования и мужества? Ведь вера Христова в нас самих-то слабеет, мир с его искушениями захватывает нас, и заманчивые флаги разных свобод влекут нас на иной путь, непривычный для Русского народа. Вот почему нам, русским людям, нужно крепко держаться за веру свою православную и, давая спокойно и мирно каждому чужеземцу исповедовать свою веру и молиться по-своему, в то же время зорко блюсти, чтобы не обольстил нас кто-либо лукавыми словами, будто все веры равны и наша православная не лучше других. Зорко нужно блюсти, чтобы не посмели нас, православных, отторгнуть от нашей веры и увлечь на путь ереси латинской или неверия языческого. Пусть будет вера наша православная по-прежнему господствующей у нас на Руси, а все прочие только терпимыми, без права миссионерства на счет Православия. Иначе встанут пред нами целым сонмом древние наши святители, угодники и преподобные, благочестивые цари, бояре и миряне и скажут нам с укором: изменники». *Феодор (Поздеевский), архиепископ*. Свобода и народные идеалы // Труды. Слово увещания. В кн.: *Зосима (Давыдов), иеромонах*. ...Положил основание на камне (1876—1906). Архиепископ Феодор (Поздеевский) (1876—1937). Жизнь. Деятельность. Труды. М., 2000. С. 138—140.

духе родителей еще держит их в некоторых пределах. Каковы будут их собственные дети? И что тех будет держать в должных пределах? Заключаю отсюда, что через поколение, много через два, иссякнет наше Православие. (15. С. 70)

Горько-то горько, что творится у нас среди мыслящих. Все ум потеряли. Философские воззрения не в ходу, руководятся ветром навеваемыми началами. Святая вера отодвигнута на задний план. И даже богословствующие потеряли настоящие основы богословствования православного, и всё смеются.

И Господь, кажется, отвратил очи Свои от нас и не посылает делателей. Сколько раз я порывался кричать, но ничего нейдет из головы. Может быть, и другие то же испытывают. Не оставление ли это Божие? Боже, милостив буди! (7. С. 206)

Что ж? Сидеть поджавши руки? — Нет! Надо что-нибудь делать!

Злые начала вошли в науки и в жизнь; у нас нет книг, читая которые, можно бы образумиться тем, кои еще способны к образумлению... Нужны жаркие книги, защитительные против всех злостей. Следует нарядить писак и обязать их писать. (15. С. 70—71)

Сколько знамений показал Господь над Россиею, избавляя ее от врагов сильнейших и покоряя ей народы! Сколько даровал ей постоянных сокровищниц, источающих непрестанные знамения, — во святых мощах и чудотворных иконах, рассеянных по всей России! И однако во дни наши россияне начинают уклоняться от веры: одна часть совсем и всесторонне падает в неверие, другая отпадает в протестантство, третья тайком сплетает свои верования, в которых думает совместить и спиритизм, и теологические бредни с Божественным Откровением. Зло растет, зловерие и неверие поднимают голову, вера и Православие слабеют. Неужели же мы не образумимся?.. И будет, наконец, то же

и у нас, что, например, у французов и других... А если это будет, что, думаете, будет нам за то в день судный после таких Божиих к нам милостей? Господи! Спаси и помилуй Русь православную от праведного Твоего и надлежащего прещения! (12. С. 87)

Нас увлекает просвещенная Европа... Да, там впервые восстановлены изгнанные было из мира мерзости языческие; оттуда уже перешли они и переходят и к нам. Вдохнув в себя этот адский угар, мы кружимся как помешанные, сами себя не помня. Но припомним двенадцатый год: зачем это приходили к нам французы? Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли. Покаялась тогда Россия, и Бог помиловал ее. А теперь, кажется, начал уже забываться тот урок. Если опомнимся, конечно, ничего не будет; а если не опомнимся, кто весть, может быть, опять пошлет на нас Господь таких же учителей наших, чтоб привели нас в чувство и поставили на путь исправления. Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему. Это не пустые слова, но дело, утверждаемое голосом Церкви. Ведайте, православные, что Бог поругаем не бывает. (12. С. 186)

Западом и наказывал, и накажет нас Господь, а нам в толк не берется... Завязли в грязи западной по уши, и все хорошо. Есть очи, но не видим; есть уши, но не слышим и сердцем не разуме-ем. Господи, помилуй нас! Посли свет Твой и истину Твою!⁴¹ (15. С. 63–64)

⁴¹ «Из всего этого мы можем убедиться, какое подлинно пророческое служение нес наш великий богомудрый наставник Преосвященный Феофан, Завторник Вышенский, пытаясь вразумить своим огненным словом наш несчастный русский народ в самую печальную пору его исторического бытия, когда он, словно в каком-то безумном опьянении, неся очертя голову в разверзшуюся перед ним страшную кровавую бездну. Объясняя нам причины постигших нас тяжких бедствий и раскрывая нам в своих вдохновенных творениях, исполненных глубокого духовного опыта, дивные возвышенные красоты духовной жизни — сокровенной жизни в Боге, — святитель Феофан всех нас, русских людей, зовет на путь покаяния и обращения к Богу от прелестей мира

Как шла французская революция? Сначала распространились материалистические воззрения. Они пошатнули и христианские, и общерелигиозные убеждения. Пошло повальное неверие: Бога нет; человек — ком грязи; за гробом нечего ждать. Несмотря, однако, на то, что ком грязи можно бы всем топтать, у них выходило: не замай! не тронь! дай свободу! И дали! Начались требования — инде разумные, далее полуумные, там безумные. И пошло все вверх дном.

Что у нас?! У нас материалистические воззрения все более и более приобретают вес и обобщаются. Силы еще не взяли, а берут. Неверие и безнравственность тоже расширяются. Требование свободы и самоуправства — выражается свободно. Выходит, что и мы на пути к революции. Как же быть? Надо — свободу замыслов пресечь — зажать рот журналистам и газетчикам. Неверие объявить государственным преступлением. **Материальные воззрения запретить под смертной казнью**⁴².

и греха. Буквальное исполнение пророчески предреченных им бедствий, обрушившихся на русский народ, должно со всею очевидностью убеждать нас, что только в Боге и в руководстве учением нашей Святой Православной Церкви — наше спасение.

Отношение к святителю Феофану тех или иных лиц, мнящих себя быть духовными вождями и руководителями умов и сердец русских людей, в настоящее время можно почитать безошибочным критерием их православности и духовной благонадежности. Нет другого пути ко спасению и возрождению нашей Родины, кроме единственно верного, строго православного пути, начертанного в творениях святителя Феофана и сродных ему по духу духоносных мужей и наставников чистого, беспримесного, святоотеческого Православия. Только твердыми вековыми устоями такого подлинного Православия жил и жив будет православный русский народ». *Аверкий [Таушев], архиепископ. Провозвестник кары Божией русскому народу. (К 70-летию преставления епископа Феофана Затворника). Типография преп. Иова Почаевского. Holy Trinity Russian Orthodox Monastery. Jordanville, New York. U.S.A. 1964. С. 28–29.*

⁴² «Замечательно, что сам святитель Феофан — кротчайший, благоднейший и любвеобильнейший, — был немилосердно суров и беспощадно строг ко всем сеятелям безверия и нечестия, увлекавшим Россию в бездну погибели. Говорят, что одной из причин ухода его с епископской кафедры в затвор была именно необыкновенная, голубиная его кротость, мешавшая ему делать

Материальные воззрения чрез школы распространяются. Лаврасовская теория самообразования мира с прибавкою дарвиновских бредней идет в уроках. После школы и в письмена она вошла... и всюду приносит плод неверия. Кто виноват в этом? Правительство. Оно позволило. Следовательно, кому следует все это пресечь? Правительству. Прикажет, и все исправится. (7. С. 142–143)

Если у нас все пойдет таким путем, то что дивного, если и между нами повторится конец восемнадцатого века со всеми его ужасами? Ибо от подобных причин подобные бывают и следствия! (14. С. 167).

Не подумал бы кто, что, говоря так, мы устрашаем вас призраками, подставляем небывалые опасности, указываем врага, сильного, может быть, где-нибудь в другом месте, но не у нас. Дал бы Бог, чтобы это было так! И да удалится от нас пагубный дух на край света, и да не помянется имя его среди нас! (14. С. 235)

необходимые выговоры и замечания неисправным подчиненным. И вот такой кротчайший святитель со всей беспощадной суровостью обрушивается в своих письмах на распространителей материалистических воззрений в России и требует запретить им их разлагающую работу... под угрозой смертной казни!» *Аверкий [Гаушев], архиепископ.* Там же. С. 22.

Глава четвертая

ХРИСТИАНСКАЯ
ГНОСЕОЛОГИЯ

1. Рассудок и его роль в научном познании

Что есть собственно знание

В мире мы всегда видим видимую, являемую сторону, под нею силы и стихии, а под ними еще должны усмотреть и кроющуюся там мысль Божию. Сия мысль — цель наших усилий; постижение ее и есть собственно знание, а прочее все — подготовительные сведения. Как рассматривающий картину, когда расскажет краски, перечислит члены, опишет их положение и сочетание, еще ничего не скажет о картине, потому что не объясняет главного, — того, что выражает картина: так и тот, кто, рассматривая твари, явления и происшествия в мире, когда узнает, как все есть, а именно: в вещах — состав сил и стихий, в происшествиях — сочетание причин и производство их со следствиями, еще не знает ни вещей, ни явлений, пока не скажет, какая мысль Божия кроется в тех и других, что они выражают собою, какое их вечное значение.

Как вещь и происшествие являются в действительности, об этом дают нам знать чувства; сокрытые под являемым силы и стихии узнает рассудок посредством обобщения и наведения; спрашивается, как узнать мысль, которую они выражают?

Ответ простой: как узнается мысль художника? — Посредством эстетического чувства, — способности, одинаковой со способностью, участвовавшей в производстве картины. То же и в отношении к вещам тварным: познать их сокровенное, положенное в них от ума Божественного, можно только посредством силы божественного свойства. Сия сила в нас есть дух, и в духе разум. Итак, когда рассудок своим трудом дошел до конца, то есть до узла сил и стихий, разузнал все фактическое, он должен взять как бы за руку разум и сказать ему: поди, посмотри, что тут такое есть еще. Но очевидно, что разум сей должен быть разум здравый, зрящий, а не слепой и испорченный, как и чувство только здоровое познает идеи художественных произведений. Разум же здравый, зрящий, как мы видели, есть только у тех, кои,

обратясь от греха к Богу, прияли благодать, а у работающих греху и благодати не имеющих он извращен и удален от истины. Следовательно, и познание сокровенного в вещах возможно только для первого, оставаясь недостижимым для второго. (13. С. 238—239)

Рассудок в естественном состоянии

Способность, обращенная на познание видимого, тварного, конечного, называется рассудком. Впрочем, не в имени дело, а в характеристических чертах. На них обращается и внимание особое. Сей рассудок, кажется, сохраняет всю свою силу, — христианин ли кто или не христианин, добродетелен или порочен, особенно если смотреть на него, как он есть у людей образованных, посвящающих себя основательному изучению каких-нибудь наук. Смешивая рассудок с разумом, они сами себе усвоят большую цену, и другие их считают великими головами. Сами они готовы всегда довольствоваться тем, что знают, а другие рады бы хоть и до того дойти, до чего они добились; мало того: иной, сличая их многоведение, обыкновенно высокотонное, выражаемое хитро-сплетенными словами, с простыми словами святых Божиих, может, пожалуй, прийти к мысли, что у последних многого недостает против первых. Тем необходимее разъяснить, чем должен быть и чем бывает рассудок у разного рода людей.

Установить надобно понятие о том, что требуется от рассудка, или что он должен от себя выставить на сцену знания. Деятельность его непосредственно утверждается на воображении и памяти, которые при посредстве чувств, наблюдением ли или чтением и слышанием, собирают для него материалы, доставляя сведения о всем, являемом и существующем вне нас и в нас так, как все существует и является в пространственно-временных отношениях. Весь этот материал, или все собранные таким образом сведения, еще как бы не окачественные, рассудок должен превратить в ясные понятия и построить из них знание посредством мышления.

Образ деятельности рассудка состоит в *приемах*, какие он употребляет в приобретении подручных ему познаний, именно:

рассудок строит наведения, составляет понятия, суждения и умозаключения, или, иначе, делает обобщения, определяет и развивает мысль. Но на этой стороне его (формальной) мало нужно нам останавливаться. Значительнее содержание рассудочных познаний (материальная сторона рассудка). Его составляют те стороны, к каким обращается рассудок в познании предметов, именно: свойства и состав вещей, причинные их отношения, то есть причина и действие, средства и цель, материя и форма. Что оно, действительно, поневоле как бы двух видов, это зависит от того, что на самом деле в действительности мы видим только существа и явления, то, что есть и что бывает. В первом случае нечего более и узнавать, как свойства и состав вещи, равно как и во втором нечего более узнавать, кроме причинных отношений: отчего? для чего? как?

Основую для рассудка в том и другом случае должны быть *наблюдение и опыт*, а орудием *обобщение и наведение*. Как действует он, — в примере яснее. (13. С. 228—230)

Пример 1: Познание существ и человека

Пусть, например, он [рассудок] хочет узнать человека в его свойствах и составе. Для сего нужно ему долго наблюдать над человеком, над его действиями и всем, что в нем бывает. Эти наблюдения составят материалы, по собрании которых начинаются обобщения и наведения. Так, распределяя их на группы, рассудок находит, что в человеке внутри есть представления, желания и чувствования; всматриваясь далее в каждый из сих кругов действий, видит, что все они бывают трех видов: чувственные, душевные и духовные. Возводя все это к началам, он должен будет положить, что в человеке есть три силы и три части. Исходное начало для тех и других есть лицо человека. Выходит, что человек в составе своем есть сочетание трех сил и трех частей, кои, взаимно соприкаясь, сходятся в одном нераздельном лице человека. В то же самое время он будет чрез отвлечение добывать ясные представления о том, какого свойства каждая сила и каждая

часть, а наконец, каково и самое лицо человека, или какие неотъемлемые принадлежности каждой человеческой личности. Это, как указано уже, — сознание, свобода и жизнь.

Из сего примера видно, что, в отношении к познанию существ, рассудок нераздельно восходит к представлению состава и свойств: от действий идет к силам, производящим их, от сил — к взаимному их соотношению и строю. (13. С. 230)

Пример 2: Познание явлений и происшествий

Познание явлений и происшествий строится на основании познания свойств и состава существ и вытекает из них. Точное познание существ, сил и законов их деятельности служит началом при объяснении явлений и происшествий. Здесь основание то же: наблюдение и опыт, но предмет другой и стороны другие. От рассудка требуется здесь больше живости и сообразительности. Подметить причину, угадать цель, взвесить следствие, — это занятие более отвлеченное, более дающее простора свободе мысли, но зато много ошибочнее и маловернее. Задача для рассудка — определить причину явления, средства и закон, по коему оно происходило, соприкосновенные обстоятельства явления, цели и следствия его, образ происхождения. Конец трудов для рассудка тогда, когда он с уверенностью удовлетворительно может ответить на вопрос: как из известной причины, по известному закону, при известных пособиях и среди известных обстоятельств могло образоваться то или другое явление? Первое определение есть подготовка себя к ответу на последний вопрос, то есть как бы только материал, последнее — собственно знание. Отсюда выходит, что знание в отношении к явлениям есть созерцание их происхождения с сознанием неизбежности и необходимости сего именно, а не другого их хода, судя по причине и соприкосновенным обстоятельствам. Так, например, кто будет разбирать подпадение России под иго монголов, тот подготовит себя к точному его познанию, когда узнает, кто и как его произвел, каким способом, когда, что тому способствовало, какие были следствия того;

а потом точно узнает его, когда будет в силах объяснить, как оно из состояния России и свойств монголов родилось и развилось, по временным обстоятельствам, в том виде, в каком оно случилось. (13. С. 230—231)

Наука — венец работы рассудка

Посмотрите на деятельность души, — какая тут неисчерпаемость разнообразия!.. Что делается, например, когда душа рассуждает? Сводит представления, приобретенные нередко неизвестно когда и как; ставит одно подле другого совершенно различное и открывает сходство или различие; отвлекает то или другое свойство и только его рассматривает независимо от предмета; нередко разлагает весь предмет на его черты и потом снова слагает их в яснейшем уже представлении целого; к действию приискивает причину, часто невидимую и безвестную, а из действующего начала выводит следствия, которых следов нет еще на опыте; выстраивает цепь причин и действий, средств и целей; иногда, отвлекаясь от всего опытного, разнообразного, созерцает все в едином целом и проч. (23. С. 78—79)

Когда вы обдумываете, то тут нет еще определенной мысли. Мысль определенная устанавливается, когда найдете решение какого-либо из вопросов. Рассудок ваш все роется, ища — что такое есть какая-либо вещь, откуда она и для чего она и проч. Когда же найдете сами такое решение или, выслушав его от других, согласитесь с ним, — обыкновенно говорите: теперь понимаю, толковать больше нечего, дело решенное. Это решение дает покой вашей мыслительности относительно занимавшего вас предмета. Тогда рассудок ваш обращается к другим предметам, а сложившаяся мысль сдается в архив душевный — память, откуда по требованию нужды берется как пособие к решению других вопросов, как средство к слаганию других мыслей. Совокупность всех сложившихся таким образом понятий составляет образ ваших мыслей, который вы и обнаруживаете при

всяком случае в речах своих. Это есть область вашего *знания*, добытого вами трудом мысленным. Чем больше у вас решено вопросов, тем больше определенных мыслей или понятий о вещах; чем больше таких понятий, тем шире круг вашего знания. Таким образом, как видите, выше памяти и воображения у вас стоит рассудок, который своим *мыслительным трудом* добывает для вас определенные о вещах *понятия* или *познания*.

Не на всякий вопрос удастся нам добыть определенный ответ. Большая часть их остается нерешенными. Думают-думают и ничего определенного не придумают. Почему говорят: может быть так, а может быть этак. Это дает *мнения* и *предположения*, которых в общей сложности у нас не больше ли, чем сколько есть определившихся познаний.

Когда кто, обсуждая известный класс предметов, добудет сам и от других позаимствует так много определенных о них мыслей и понятий, а нерешенное в них успеет дополнить такими удачными мнениями и предположениями, что может счесть этот круг предметов достаточно познанным и уясненным, тогда приводит все добытое в порядок, излагает в связи и последовательности и дает нам *науку* о тех предметах. Наука — венец мыслительной работы рассудка.

Все это я рассказываю вам затем, чтоб яснее вам было, в чем должна бы состоять естественная законная деятельность нашей мыслительной силы. Ей следовало бы трудолюбно обсуждать неизвестное еще, чтобы познать то. Научниками быть дано очень немногим, не всем можно и проходить науки; но обсуждать окружающие нас вещи, чтоб добыть определенные о них понятия, всем и можно и должно. (11. С. 20—21)

Добродетели и пороки рассудка

Судя по сим обязательным занятиям, от рассудка, или от человека относительно рассудка, можно требовать следующих добрых качеств, или добродетелей, которые можно назвать добродетелями рассудка: *труд*. Он до точности с неусыпностью

должен дознать все, что как есть, по собственному ли наблюдению или по наблюдениям других. Кто разрабатывает какую-нибудь часть истории, тот знает, как это нужно и как нелегко. *Добросовестность*. Нехотение труда или полутруд может погнудить поспешить делом и после, при дальнейшем производстве его, позволить пропуски: отсюда бывают большие ошибки в обобщениях и наведениях. Приступая к ним, человек должен сознательно сказать себе: я все сделал, что мог и что нужно, и на основании всего делаю выводы. *Внимательная осмотрительность*. Все у него должно быть основано на фактах; между тем или их число, или подробности могут ускользать; может случиться, что малозначительное будет очевиднее, а главное скрытнее; многое может быть ничтожно, а одно важно. Пропуск или ошибка во взоре могут дать всему ходу работ рассудка оборот превратный. От этого всегда належит необходимость *доверять другим*, с ними советоваться, их суду подчиняться, когда нужно, и вообще, сколько можно, менее придавать аподиктической* непреложности своим наведениям и смиренно сознавать свою малую дальновидность. Противоположные сим добрым качествам пороки относительно рассудочной деятельности суть: *заносчивость и диктаторство, неосмотрительность, недобросовестность и верхоглядная ветренность*. (13. С. 232)

Нравственное повреждение рассудка

После таких замечаний обращаемся к определению состояния рассудка у людей, отчужденных от Бога, и у людей, прилепляющихся к Нему.

У первых он является всегда почти с превратными направлениями. Если осмотреть людей, то найдется безконечное их в сем отношении разнообразие. Однако ж, судя по сторонам, какие

* *Аподиктический* — философский термин, обозначающий высшую степень логической достоверности знания и характеризующий непреложную необходимость содержания тех или иных суждений и высказываний (Философский энциклопедический словарь. М., 1989).

пред сим указаны, можно их распределить или по видам рассудочной деятельности, или по ее добродетелям.

Одни преимущественно остаются при приемах, какие употребляет рассудок при познании вещей (при формальной его деятельности), и или хотят все строить из произвольных своих отвлеченных понятий, по примеру схоластиков, или готовы с одинаковою силою утверждать: да или нет, об одном и том же, по примеру пустословных софистов. Схоластика и софизмы неизбежны для рассудка при бедности материалов, ибо он есть сила действующая, требующая деятельности; потому, когда не на что обратить своих сил, он вращается с ними в себе самом и, как в нем остаются одни формы, то ходит по ним, как из одной комнаты в другую. Здесь, при неиспорченном нраве, он будет жалкий схоластик, а при испорченном — пустой и злой софист.

Другие более склонны к приобретению самих познаний (к материальной деятельности) и собирают богатство сведений, и притом — о разного рода предметах. У них обыкновенно огромная память, и голова их есть безконечный магазин, наполненный всякою всячиною. Труд такого рода необходим в познании вещей, но на нем одном останавливаться не должно: один он есть некоторым образом даже отрицание рассудка. Тут видимо материалы не пересмотрены, не очищены, а остаются так, как есть, и или бременят только голову, или употребляются без разбора. Сообразительность и самостоятельность рассудка подавлены.

Третьи стоят на середине между ними и не склоняются ни на ту, ни на другую сторону. Таковы суть, преимущественно, преступники добродетелей рассудочных, то есть: трудиться и работать головою они не хотят и добросовестности имеют мало, а лишь бы как-нибудь; между тем, по великой заносчивости, о всем хотят давать суд, действуя при сем без всякой осмотрительности. Это — ветреники, самохвалы, всезнайки. Есть, впрочем, на сей середине преданные усыплению почти всеконечному, кои довольствуются тем, что как-нибудь услышат или увидят, сами же от себя не хотят поднять, так сказать, ни ноги ни руки умственной.

Показанные недостатки очевидно облачают нездоровье рассудка, равно как болезненное состояние всей души, в которой он таков. Судя по ним, не боязненно можно заключить, что рассудок у людей неправых сдвинут со своего места, не знает своего пути, потерял свой такт, вкус и свойственные ему приемы при рассматривании вещей познаваемых. Что такие недостатки не суть следствия какого-либо физического расстройства людей, а плод нравственного их повреждения, это очевидно уже из самого их свойства; и опыт уверяет, что, коль скоро кто впадет в какое-нибудь из показанных направлений превратных, то не избавится от него и думать о том не станет, пока не переменит всей своей жизни; по крайней мере большею частью это так. У людей же, к Богу обращающихся и приемлющих восстановительные силы, можно сказать, прежде всего отпадают эти струпы. Они уже не ленятся работать головою, не хитрят мыслью, а смотрят на дела и вещи, как они есть. Оттого часть последующей борьбы у них составляет и борьба со своим рассудком, именно — в тех его неправых действиях, о коих было сказано. Сверх того, как заходят они к человеку? — Чрез грех небрежения и беспечности о себе самом и своем состоянии. Следовательно, вообще можно сказать, что, в ком есть они, тот пребывает во грехе и или еще не сподобился благодати, или потерял ее. Но в ком нет их? Даже и те, кои жизнь свою проводят в научных занятиях, не свободны от них в большей или меньшей степени. Некоторое исключение из сего представляют сильные рассудки (физики, математики, историки). Многие из них обладают познаниями точными, многотрудными, изыскательными, между тем как стоят видимо вне благодатного царства и по образу мыслей, и по жизни. Они представляются держащими истинную средину в рассудочной деятельности, то есть между деятельностью его формальною и материальною, и, сколько можно, выполняют добродетели рассудка. Некоторые видимые успехи надумляют их чуждаться всякой помощи свыше и располагают верить, что они целы и невредимы.

Но такая самоуверенность сейчас и обличает нездоровость их рассудка, ибо здравый всегда осязательно видит и указывает свои слабости и свою немощь. **Если теперь эта заносчивость обща почти всем крепким рассудкам, то все их надобно считать поврежденными.** Сверх того, мы только не знаем всего производства их работ кабинетных, не имеем досуга тщательнее пересмотреть их труды обнародованные, а то всегда могли бы найти там, как и находят, немалые общие с другими грехи, например: натяжки посредством понятий отвлеченных, чтоб дополнить промежутки опытов и застоять свою теорию; довольство и малым числом фактов, коль скоро они по нашим мыслям; **склонность видеть во всем отражение своих мыслей с унижением чужих; возношение себя над всеми другими людьми одного класса; и вообще стремление скорее завершить свое дело, несмотря на то, выполнено или не выполнено все, что требуется к совершенству и верности их мыслей;** то есть и они то падают в софизмы и схоластику, то забывают о добродетелях рассудка.

После сего, не боясь сих крепких голов, можно оставить в силе прежнее заключение, что рассудок у людей неправоходящих, преданных греху и страстям, вообще расстроен до того, что, при всем усилии многоученых, он платит дань своей немощи и высвободиться из нее не имеет сил. В этом еще осязательнее всякий уверится, когда позаботится вникнуть в обыкновенные наши понятия, суждения и умствования, хотя в продолжение одного дня, в том кругу, в каком живет. Здесь почти повсюдны:

в понятиях: неясность, сбивчивость, безотчетность, незнание их цены и подчинения, следовательно — запутанность и нестройность;

в суждениях: опрометчивость и поспешность, чувственность, изменчивость, отсутствие оценки, неведение, болтливость и шутство, поверхностность;

в заключениях: недальновидность и близорукость, безначалие или предположительность, предрассудки и софизмы.

Леонардо да Винчи. Гротескный рисунок голов

Если теперь эта заносчивость обща почти всем крепким рассудкам [физикам, математикам, историкам], то все их надобно считать поврежденными... склонными видеть во всем отражение своих мыслей с унижением чужих, возношение себя над всеми другими людьми одного класса и вообще стремление скорее завершить свое дело, несмотря на то, выполнено или не выполнено все, что требуется к совершенству и верности их мыслей. (С. 217)

Еще: неверие, легковерие, упорство, хитрость и изворотливость, особенно же пустота в слове и мысли, показывают, что рассудок большею частью не пользуется своими правами и сидит, как в какой засаде, без действия или действует, но превратно. От этого не свободен ни один из людей, неправоходящих и благодати Божией восстановительной непричастных.

Допустим, впрочем, что рассудок у кого-нибудь сохранит истинную средину между показанными прежде крайностями, тщательно соблюдая лежащие на нем обязанности, будет успешно идти к предположенной цели, — дойдет ли он при всем том до всего, что нужно? (13. С. 232—237)

Рассудок у людей благодатствованных

Рассудок начинает с опыта, который преобразовывает по сродным себе приемам. Кто стоит на степени рассудка и преимущественно им действует, у того мало-помалу образуется склонность, переходящая потом и в постоянное правило и нрав умственный, — то только и признавать истинным, в чем осязательно можно увериться и что можно поверить рассудочным способом. При сем мало-помалу должен неизбежно заслоняться мир духовный и ведение о нем терять значимость. Ведение это у человека, оставленного себе, как мы видели, предположительно, между тем как рассудок все представляет осязательно очевидным и образует потребность осязательности. Это само собою должно наводить тень сомнения на мир духовный и духовные вещи. Поэтому рассудочных научных вообще можно назвать колеблющимися маловерами в отношении к невидимому и духовному. Присоединись к сему недоброе сердце со страстями, которому есть сильное основание желать, чтоб не было иного мира и иных законов и надежд, кроме видимых, — тогда не избежит человек или сомнения, или, еще больше, окончательного неверия...

Какой свет после такого мрака воссиявает в душе человека по обращении его к Богу и по приятии благодати! И, *во-первых*,

все пришлые от развращенной воли начала тотчас исчезают, как мрак в комнате освященной или нечистые силы из освященного места. Противоположные им убеждения образуются в сердце, в самом производстве обращения кающегося. Когда изгоняется из сердца нечистота, тогда же уничтожаются и все следствия ее. Он чувствует, что жизнь коротка и надобно спешить делом, что себя надобно озлоблять [стеснять], что всего надо ожидать от Бога, а не от себя, на мнения людские не смотреть и прочее.

Во-вторых, вредные следствия преобладания рассудка или совсем предотвращаются, если обращение упреждает его развитие, или исправляются здесь же, и рассудок превращается в служебную силу, покорную разуму. Так как умственные злые склонности главным образом происходят от осязательности познаний рассудка и предположительности идей разума, оставленного себе, то с уничтожением его основания падает само собою и то, что на нем строится. Основание же сие уничтожается в покающемся, к Богу обратившемся и к Нему прилепившемся; ибо с сего времени он начинает осязательно познавать вещи духовные, как прежде познавал чувственные. Это равенство осязательности уничтожает колебание сомнения, а то, что в разуме просвещенном предлагаются истины драгоценнейшие, преклоняет на его сторону сознание и ему покоряет. Когда таким образом чрез сей новый путь узнает человек многое сокровеннейшее, чего прежде не постигал, но что теперь ясно созерцает, тогда естественно перестает верить исключительно своему разумению. Такой уже и не подумает, что нет духа, когда живет в духе, или что все подчинено неизбежной необходимости, когда ощущает силу, пришедшую к нему свыше, совне, или что все может сам, когда только принятою от Бога силою избег угнетавшего его зла (пример Августина*).

* Историю своего обращения к христианству блаженный Августин (354–430) изложил в автобиографическом сочинении «Исповедь» (397–400).

Вместе с тем начинается новая жизнь для рассудка и в человеке новое направление научности, если она была или ею занимаются. Как прежде рассудок действовал как господин, так теперь начинает действовать как подчиненный, по порученности от лица разума духовного. Поэтому как прежде, при рассматривании вещей, человек ничего не видел, не мог и не хотел видеть, кроме самих вещей, так теперь во всем видит яснейшее отражение мира духовного, и в вещах, и в явлениях. Весь мир проникнут действительно духовным, Божественным (см.: Рим. 1, 20); но прежде это не замечалось, а теперь созерцается ясно. Затем все существующее и все являющееся превращается в обширное и непрерывное поучение или разумную книгу, как сказал Антоний Великий. Что это действительно так, сейчас можно увериться, читая какого-нибудь святого отца. У всякого из них поминутно предлагается зрение духовного в чувственном или сквозь чувственное. У преосвященного Тихона [Задонского] составлено из сего целых четыре книги под заглавием: *Сокровище духовное, от мира собираемое*.

Отсюда следует, что целость, полнота и истина знания собственно принадлежат людям, восстановленным благодатью и в Боге живущим. У других оно и неполно, и неистинно. Как верна мысль блаженного Августина, которую он с такою настойчивостью доказывал, что только жизнь ведет в храм мудрости, а не наоборот! О ложных направлениях рассудка говорится обыкновенно в логиках, и там же предлагаются разные средства к избежанию их. Очевидно, какова цена сих наставлений. Что ни говори логикой, без внутреннего изменения ничего не сделаешь. Кому сказано: смотри, верь Откровению, — тот, пожалуй, и себе то же будет говорить, но в сердце и на деле будет верить только себе; или еще: будет говорить, что нужна помощь Божия, но полагаться будет только на себя. Воспитать души нашей в способностях, как должно, нельзя без подчинения ее врачевательным и восстановительным благодатным средствам.

Коротко: у того, кто стоит вне сих средств, знание таково: духовный мир и его вещи как облаком и туманом сокрыты; им мало он верит или не думает о них; знание рассудочное обращено у него только к видимому, действительному, осязаемому; сокровенное в вещах не видится; причины познаются только ближайшие, наличные; намерения Промысла ускользают из внимания... Потому все знание его поверхностно: в составе неполно, в общем же духе растленно, извращено каким-нибудь неправым настроением умственным. (13. С. 244–249)

2. Разум и его роль в научном и духовном познании

Восполнение рассудка разумом

Есть познания, которые разум иногда может постигнуть один, но которых рассудок один, отдельно от разума, постигнуть никак не может... Подобно тому как в картине видимый очерк, сочетание частей, разнообразие поз, красок и оттенков воодушевляются какою-нибудь мыслью, которую картина выражает и коею проникается, мыслью, которая присуща в картине, однако ж не составляет в ряду с другими отдельную часть, так и во всякой вещи есть своя сокровенная мысль, — животворная ее сущность; ибо мир как во всем своем составе, так и в малейших частях есть бесконечно мудрое, художественное произведение Божие...

Никто не довольствуется познанием фактической стороны, но всякому хочется проникнуть глубже под нее. Обыкновенно называют это философией, или идеальностью в знании. При всей естественности, однако ж, такого стремления, его всеобщности и как бы неудержимости оно не увольняется от необходимого условия: иметь разум, не только развитый Откровением, но и просвещенный благодатью. Без сего его построения будут чистая мечта: доказательство тому — вся история философии; ибо, когда разум извращен, а

М. Нестеров. Философы (портрет П. Флоренского и С. Булгакова)

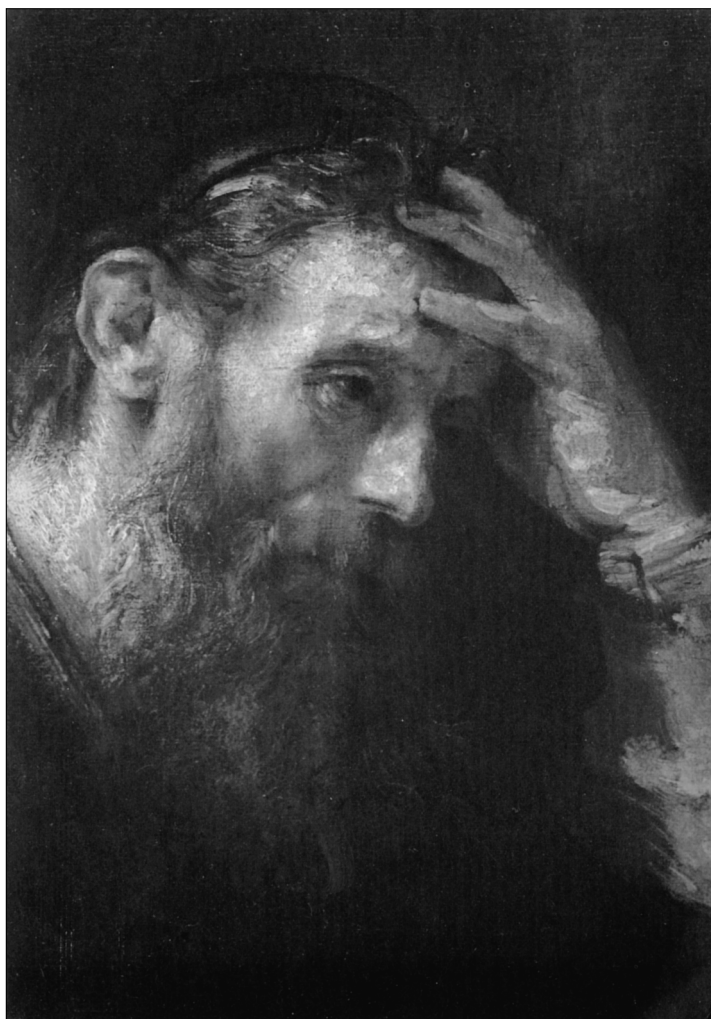
Никто не довольствуется познанием фактической стороны, но всякому хочется проникнуть глубже под нее. Обыкновенно называют это философию, или идеальностью в знании. При всей естественности, однако ж, такого стремления, его всеобщности и как бы неудержимости оно не увольняется от необходимого условия: иметь разум, не только развитый Откровением, но и просвещенный благодатью. (С. 222)

малейшая часть оставшегося в нем истинного, по силе убеждения, есть не более как предположение, то и дальнейшее, созидаемое разумом на том, что есть в нем, все необходимо будет одного свойства: неистинно и мечтательно⁴³. Следствием сего необходимым должно быть то, что и само фактическое извращается, и рассудок иногда дает себе волю утверждать как закон силу и стихию, — то, чего на деле нет (нынешние геологи). Он отуманивается, и затем осязательный мрак налегает на всю область знания.

Совсем не то с человеком чистым по жизни, просвещаемым свыше. Он не умолчит о сокровенном, когда почувствует его, но никогда не станет выдавать за созерцание истины того, что не есть таково. Ему не усвоится всеведение, но утверждается, что, **если доступно человеку знание сокровенного в вещах и явлениях, то — только человеку благодатствованному; ибо та область есть собственно область Божественного ума, где лежат умственные сокровища Бога-Царя. Да не надеется кто-нибудь вторгнуться туда насилием, или самовольно. Истинная философия есть Богом даруемая мудрость.**

Сорастворившись с умом Божиим, разум человека, к Богу прилепившегося, может быть введен Им и в тайны бытия и явлений, ибо между откровениями, которые усваивает святой Макарий Великий благодатью Божиею просвещенному духу, почему не разуметь и таин творения и промысления, когда ему

⁴³ Вскрывая ложность одного из подобных богословских построений, В. Лосский пишет: «Неубедительно и указание на терпимое отношение Церкви к “Столпу и утверждению Истины” о. Павла Флоренского и к “Свету Невечернему”, первому богословскому труду о. Сергия, в то время проф. С.Н. Булгакова. Со стороны церковной власти не могло быть иного отношения к этим двум книгам, знаменовавшим обращение к Церкви русской интеллигенции. В частности, автор “Света Невечернего” прошел долгий и трудный путь, приведший его к церковным стенам. И Церковь с радостью приняла пришедших, лобызая намерение, взирая на устремление их мысли к Истине и снисходя к несовершенствам, к неточностям и даже ложным мнениям, которые должны были бы постепенно изжиты и отпасть сами собой, как ненужная шелуха, при дальнейшем возрастании обоих богословов в Церкви». *Лосский В.* Спор о Софии // Богословие и боговидение. М., 2000. С. 402.

Рембрандт. Апостол Павел

Если доступно человеку знание сокровенного в вещах и явлениях, то — только человеку облагодатствованному; ибо та область есть собственно область Божественного ума, где лежат умственные сокровища Бога-Царя. Да не надеется кто-нибудь вторгнуться туда насилем, или самовольно. Истинная философия есть Богом даруемая мудрость. (С. 224)

несомненно принадлежит ведение таин искупления, сокровеннейших и таинственнейших. Не напрасно у святого Исаака Сирианова сей разум духовный называется чувствованием таин, чувствованием сокровенного, высшим духовным созерцанием (см. его *слова о трех степенях разума* *). Святой Максим Исповедник учит: «Как основание радиусов, прямолинейно выходящих из одного центра, представляется в самом центре совершенно нераздельным, так просто и единично будет познание существа, соединившегося с Богом, о всех заключающихся в Нем первообразах вещей сотворенных» (Главы о богословии и Домостроительстве воплощения Сына Божия. Сотня 2). Сюда же можно отнести свидетельство Соломона, что Бог дал ему *о сущих познание неложное* и что он потому *елика суть скрыта и явна*, познал... (Прем. 7, 17, 21).

Если теперь кто хочет искать истинных идей, или идеального познания вещей и философии, пусть ищет их преимущественно в слове Божиим, затем в писаниях святых отцов, затем в богослужебных наших книгах. Например, когда говорится, что Господь пришел возглавить всяческая, что истинные христиане суть цари и иереи, что языкообразное сошествие Святого Духа есть начало и основание соединения всех народов, разделенных смешением языков при столпотворении, что жизнь наша есть странничество, милостыня — предпослание сокровища на небо и проч., все сие представляет истинные идеи созерцания, или чувствования сокровенного. (13. С. 237—241)

Разум и знание у людей необлагодатствованных

Опыт показывает, что у нас есть потребность Божества, нравственного порядка промышления, лучшей жизни вечной и проч. и есть общая вера во все сии предметы. Такие требования, верования, чаяния обыкновенно называются идеями, или

* *Святой Исаак Сирианин*. Слова подвижнические. Слово 28. О третьей степени ведения, которая есть степень совершенства.

неопределенным созерцанием чего-то лучшего по бытию и совершенствам, нежели то, что мы знаем вокруг себя. Сии идеи сколько уверяют, что дух наш из одного мира, столько же показывают, что он не лишен возможности познавать его.

Хорошо надо помнить, что из того, что у нас есть идеи, можно заключить только о возможности познания и созерцания мира невидимого, духовного, а не к действительности его, подобно тому как из присутствия зрительной силы в нашем глазу видна только возможность зреть вещи, а самое зрение подлежит своим условиям.

Кто считает идеи действительным созерцанием, тот делает большую ошибку. Идеи доказывают только, что есть невидимые вещи, подобно тому как требование пищи доказывает, что есть пища; а что такое те предметы, каковы они, где, — это еще надобно узнавать. Притом и сие указание на бытие невидимого мира не есть непосредственное, а посредственное, умозаключительное. Убедительно же оно по сильному только его желанию, а не само по себе, так что умали или уничтожь желание тех невидимых вещей — умалится или уничтожится и самое убеждение в бытии их.

В таком состоянии ведение духовное, или разум, находится во всяком человеке, приходящем в мир сей. Оно является в виде требований невидимого мира, сопровождающихся убеждением в действительном бытии его, но без действительного и верного о нем познания. Разум есть только зрительная духовного мира сила. Очевидно, что для дальнейшего развития, или размножения сего знания, необходимо упражнять сию силу зрения духовного действительным зрением, подобно тому как зрительную силу глаза упражняет и разнообразит опытность зрения нашего в действительном зрении. А для сего необходимо входить с тем миром в непосредственное сношение и соприкосновение, как чувственный глаз входит в такое сношение с вещами чувственными, то есть необходимо быть в общении с Богом и миром духовным. Без сего общения ведение духовное навсегда в духе

нашем останется в виде предположительного требования и никогда не взойдет на степень знания ясного, действительного, определенно-убедительного, подобно тому **как слепой с закрытыми глазами, у которых не повреждена, однако ж, сила зрения, будет знать только, что верно есть святающиеся и освещаемые вещи, но знать их определенно не возможет, пока не откроются глаза его. Причина сему — падение в грех и пребывание в сем падении. Вместе с отпадением от Бога дух наш отпал от всего Божественного и духовного**, не входит с Богом в непосредственное сношение, не видит Его, не созерцает, стал слеп для Него. Надобно возвратить его в прежнее состояние, чтоб он мог знать Его ясно и определенно. Если теперсие условие может быть исполнено только когда человек воспримет восстановительные силы в христианстве, то очевидно, что **вне истинного христианства, деятельно усвояемого, разум слеп, не знает духовных вещей, а только требует знания их, имеет идеи о них, но неопределенные, неясные, предположительные.**

Между тем предметы невидимого мира, по своей высоте и особенно по родству с нашим духом, не могут не занимать человека, не могут не возбуждать в нем желания разгадать их. Это всегда и есть. Редкая усыпленная душа не хочет узнать, что такое оный мир? Многие над тем трудятся. Какой же плод сего труда? Если один путь к истинному его познанию — опыт духовный, от действительного вкушения вещей духовных, возможного лишь для человека, восстановленного благодатью, то очевидно, что самодельное его познание не должно обещать многого. Чтоб увериться в сем, стоит только посмотреть на способы, какие, вне истинного пути, употребляет для сего разум, оставленный себе. Из них известны два: один состоит в умозаключительном восходе от низшего к высшему, другой надеется на уяснение идей механическим переходом их от одной силы к другой внутри нас. В том и другом сознается неясность и неполнота духовного ведения и решается вопрос: как уяснить и пополнить сие знание?

Франсиско Гойя. Капричос

Как слепой с закрытыми глазами, у которых не повреждена, однако ж, сила зрения, будет знать только, что верно есть светящиеся и освещаемые вещи, но знать их определенно не возможет, пока не откроются глаза его. Причина сему — падение в грех и пребывание в сем падении. Вместе с отпадением от Бога дух наш отпал от всего Божественного и духовного... Вне истинного христианства, деятельно усвояемого, разум слеп, не знает духовных вещей, а только требует знания их, имеет идеи о них, но неопределенные, неясные, предположительные. (С. 228)

Под первым разумеется вот что: заключать от действий к причине всего — Богу, приписывая Ему в высочайшей степени то, что может быть Ему свойственно, и отрицая то, что Ему свойственным быть не может. Нет сомнения, что сим путем не мало можно пояснить тайную область идей; но кроме того, что такое знание касается не всего объема невидимых вещей, а только одного Божества, хотя это и главный предмет, — оно тоже не прямо, не непосредственно, следовательно также остается по-прежнему предположительным.

Потому оно никак не удовлетворяет, а всегда заставляет ожидать новых подтверждений и доказательств, как это очень сильно выразил Платон. При нем можно сказать только: кажется так и так; но когда кто скажет: может быть и не так? — не всегда ум найдется, что на это ответить.

Тем больше это приходится испытывать, что здесь же опыт приводит ко многим нерешимым вопросам, касательно, например, Божественного промысления или слишком большого влияния вещества на дух. Мало ли людей, кои, смотря на тайную, непостижимую связь происшествий, говорят: есть ли кто, приводящий все сие в движение; есть ли свобода; что дух? и проч. А это и заставляет разум если не оставаться в решительном сомнении, то часто с грустью испытывать сильные нападения со стороны сего врага истины. Вот плод показанного способа. А о том уже нечего и говорить, что, при неправом его употреблении, он может вести к опасным заблуждениям, как уже это случалось и на самом деле. Отчего Эпикур устранял Бога от мироправления? — Оттого, что судил о Нем по своему настроению, что любил сам предаваться сладкому бездействию и покою. Отчего Ориген дошел до мысли о несовместности вечных мучений с благостью Божиею? — Оттого, что судил о Нем по своему мягкосердию и поблажливому нраву. Тоже и другие могут представлять себе и представляют Бога только грозным и неразборчивым деспотом. А жизнь вечную как-как не изображают? И об Ангелах, и о способах спасения, и о прочем как не судят? Всякий

судит по себе, по своим наличным познаниям и своему настроению. И, очевидно, во всем этом извращают истину и превращают ее в ложь, оттого что не тем путем идут к знанию тех вещей.

О втором способе нечего почти и говорить. Он походит на баснословное похождение идей во внутреннем нашем мире. По нему сначала идеи падают в сознание, отсюда в сердце, потом они принимаются фантазией, далее наконец рассудком, который и строит из них понятия, суждения и умозаклучения. Очевидно, что это изображение совершенно чуждо опыта, выдумано и никем не может быть в себе создано. Однако ж оно очень ясно показывает, что разум сам не знает, как ему познать невидимый мир, потерял истинный к тому способ и придумывает то то, то другое и в этом смятении попадает на смешное и нелепое; ибо если предмет не совсем виден, надобно идти к нему, а не вертеться или принимать самому разные положения, оставаясь в одинаковом от него отдалении. Неясное в нас самих непонятно, как в нас же самих может и уясниться само? Пусть, впрочем, и можно вытеснить из себя какие-нибудь мысли при сем поворачивании или трении идей; все не видно, откуда они могут приобрести достоверность и силу убеждения. Если сами идеи только предположительны, то что и все развитое из них?

Итак, в разуме, пребывающем в отдалении от Бога и благодати Его, *знание* о мире духовном, которое он достает из развития идей предположительного достоинства и способами неверными и ненадежными, —

само предположительно, недоуменно у всех, никого не исключая. Что и как? — эти вопросы разум такой всегда будет себе предлагать и никогда не решит их сам;

всегда почти неверно, ибо берется не с натуры вещей тех, а образуется по вещам другим, противоположным;

и само собою оно *может касаться только малой части* всего — очевиднейшей, каково бытие Божие и Его свойства. Что же касается до законов Божественного мироправления, до нравственно-религиозного порядка мира духовного и особенно до та-

инства спасения рода человеческого, это или совсем не имеется в мысли, или является в виде самых мечтательных предположений.

Должно при этом заметить, что даже когда разуму дается доступ в Откровение, то и тогда, хотя мнения нелепые исправляются, недостающее восполняется, но предположительность все еще остается, в каких бы то степенях ни было. И тогда знает он сии предметы как умозрение и, пока не вкусит их самим делом, не знает, как они есть на деле. Посему очень многие истины, и между ними истины спасения, содержатся в уме как нечто чуждое, туда положенное совне, но не сорастворившееся с самою природою ума. Оттого далее, даже и после полного их изучения, значение их все еще перебивается сомнениями и недоумениями, нерешительностью, готовою всем колебаться, как стебель от легкого дыхания ветра. Вот что говорит о таком познании святой Макарий Египетский:

«Тех, которые возвещают духовное учение, не вкусив и не испытав оно, почитаю я подобными человеку, летом в жаркий полдень идущему по пустой и безводной стране; потом, от сильной и палящей жажды, представляющему в уме своем, будто близ него находится прохладный источник, имеющий сладкую и прозрачную воду, и будто он без всякого препятствия пьет из него досыта; или — человеку, который нимало не вкусил меда, но старается другим изъяснить, какова его сладость. Таковы поистине те, которые, самим делом и собственным дознанием не постигнув того, что принадлежит к совершенству, освящению и безстрастию, хотят наставлять в сем других. Ибо, если Бог дарует им хотя несколько почувствовать то, о чем они говорят, то они, конечно, узнают, что *истина и дело* не походят на их рассказ, но весьма много различествуют от него» (Слово 5. О возвышении ума. Глава 18).

«Имеющие внутри себя Божественное богатство Духа, если общаются кому-нибудь духовное учение, то как бы вынося собственное сокровище, дают им. Напротив, те, кои не имеют сего богатства внутри сердца, из которого струятся благие Божественные

мысли, тайны и необыкновенные *речения* глаголов, схватив только несколько цветов из обоих Заветов Писания, носят их на *конце языка* или, быв слушателями духовных мужей, тщеславятся их учением, предлагают оное как будто свое собственное, присвояя себе чуждое приобретение» (Слово 6. О любви. Глава 5).

«Те даже, кои исполняют добродетели, прилежат слову Божию, но не освободились от страстей, — и те подобны людям, *ходящим ночью при свете звезд*, которые суть заповеди Божии; ибо, как они еще не совершенно освободились от тьмы, то невозможно им хорошо *все видеть*... Они хорошо делают, что обращаются к нему (к слову пророческому), как к светильнику, сияющему в темном месте, пока не начнет рассветать день и не воссияет утренняя звезда в сердцах наших (см.: 2 Пет. 1, 19). Но многие ничем не различествуют от тех, *кои ходят среди ночи совершенно без света* и кои не пользуются даже малым оным сиянием, которое есть слово Божие, могущее светить их душам, и потому (почти) похожи на слепых. Это суть те, кои совершенно связаны цепями вещества и житейскими узами» (Слово 7. О свободе ума. Глава 27).

Вот состояние разума, или ведения мира невидимого, у людей необлагодатствованных! (13. С. 214–221)

Разум и знание у людей облагодатствованных

В каком виде оно [состояние разума] у тех, кои прияли Духа благодатного, можно судить уже по противоположности, то есть: оно должно быть ясно, живо, опытно, несомненно, истинно, потому что заимствуется из опытного вкушения самих вещей невидимых; должно быть и полно: знать и Бога, и Его свойства, и законы мироправления, и тайны искупления, особенно последние, потому что чрез искупление ум вводится в тот мир. Опять отсылаю хотящих к святому Макарию. Пусть посмотрят, как он изображает сие духовное ведение. Сокращенно его мысли можно совместить в следующем положении: падением закрылось око ума, и человек погряз во тьму. Благодать Святого Духа, чрез

возрождение приводя человека в живое общение с Господом Иисусом Христом и Богом, вводит его в духовный мир и показывает все сокровенные тайны Божии, которые он здесь и познает опытно, истинно, полно...

Из сего видно, что разум в истинном его виде и во всей красоте является только в духе истинных христиан. У тех, кои запутаны в грехи или не радят о чистоте сердца, но принимают слово Божие, теоретическое познание может близко подходить к ведению истинного разума; но сие знание лежит не в уме их, а как бы на уме, как пыль, готовая тотчас слететь, то есть оно не сорастворилось с существом его, почему не уничтожается в нем свойственная ему предположительность и оно часто подвергается нападениям сомнения, иногда очень глубоким, особенно с той стороны, где лежат тайны искупления и условия его усвоения... Кто же, очистив себя, сорастворился с истинами, тот не боится таких нападений... Что касается до ума, не знающего Божественного Писания, то в нем неизбежны неполнота познания духовных вещей, неверность, а главное, — предположительность... И это еще при добром направлении, то есть когда человек, не предаваясь порочным страстям, ревностно занимается такими вещами и благонамеренно хочет распознать их. Коль же скоро он при том невнимателен к важнейшим истинам, не старается их разъяснить и узнать и предан страстям, то можно сказать, что он совсем не имеет разумного ведения, хотя мнится иметь его. Несколько мыслей, наскоро схваченных, заученных, принятых по слуху, — вот и все у некоторых. У большей же части качествуют неведение или сомнение и презорство. У таких истинно — запустение во внутреннейшем святилище нашего духа, мрак и тьма густая и непроницаемая.

Вот несколько мыслей о разуме! Утвердить в себе надо ту мысль, что здесь дело идет о познании мира невидимого и вещей духовных. Познание мира видимого и вещей чувственных совсем другое дело. Тут действуют другие способности и с другими приемами. **Смешивать то и другое не должно. От сего**

бывает великое зло⁴⁴... Видимое нетрудно узнавать. Иной, узнавши кое-что из сего, говорит: ну, знаю! и на том останавливается, не заботясь о главном. И другие высоко его ценят и ставят учителем во всем, а он все говорит им о стороннем, а главного и сам не знает. (13. С. 1—228)

3. Отличие духовного познания от рассудочного

Умствовать только сообразаясь с истинами

Истинно все, что Богу угодно было открыть нам. Изучайте сии истины и исполняйте ими ум свой так, чтобы он, как только станет умствовать, не иначе умствовал, как по сим истинам.

⁴⁴«Определим религиозную веру как мистическую интуицию. Своим предметом она имеет “мир невидимый”: Бог, Ангелы, души людей, бесы и диавол. Мистическая интуиция — это созерцание мира невидимого, истины о нем, в котором происходит внезапное недискурсивное погружение сознания в предмет интуиции (или предмета интуиции в сознание) вплоть до неслиянного единения с ним, восприятие его в целостности. Но то же самое говорилось и об интеллектуальной интуиции, все отличие сводится к предмету, на который направлена интуиция, а суть ее одна: внезапное недискурсивное целостное восприятие предмета, в котором происходит неслиянное единение сознания и этого предмета. Поэтому можно говорить о мистической интуиции в обоих случаях: и когда она направлена на мир невидимый, и когда она имеет своим предметом мир видимый». *Тайнов Э.А.* Трансцендентальное. Очерк православной метафизики. М., 2002. С. 52.

Но святитель Феофан предупреждает: «Смешивать то и другое не должно. От сего бывает великое зло». Какое же зло? На с. 184 той же книги Тайнова читаем: «Поскольку начинающий открываться нам умопостижимый мир персоналистичен — его населяют ипостаси духовной природы, — то адекватным методом его познания может стать мистический диалог исследователя с интеллигенциями (попросту духами. — *Сост.*) природных объектов. Важно суметь услышать ответы на наши вопрошания в мистической интуиции. Ясно, что это радикально изменит методологию познания». Но из Библии хорошо известно: Мерзок пред Господом обаятель, вызывающий духов (см.: Втор. 18, 10—12). И еще: *Меч на обаятелей, и они обезумеют* (Иер. 50, 36). Так что предлагаемый автором книги новый метод мистического диалога с интеллигенциями природных объектов действительно может привести к великому злу.

Тогда если и говорить о чем станете, все будете говорить соответственно с ними же. «Прошу вас украшать слова истиною» (блаженный Феодорит). В деятельном отношении: все, что в мире, призрачно, — манит, но не дает, следовательно обманывает, ложь есть. Христианство и обещает истинное благо, и дает; оно истинно. Иначе это сказать: в грехе и страстях ложь и обман, а в христианской жизни и добродетели — истина. Так святой Златоуст: «Совершенно истинное то же, что добродетель, а ложь то же, что порок; поелику и удовольствие порока ложь, и слава оного ложь, и все, что в мире, ложь есть». (37. С. 444)

***Благодать не новые истины открывает:
те же, но в другой силе***

Познавать истины веры можно и своим умом, особенно теперь, когда они не только содержатся в слове Божиим, но и пространно истолкованы в писаниях отеческих и в богословских системах. Но такое познание самодельное есть только внешнее изучение, похожее на изучение и других наук. В нем принимается только голый эскиз истин в совокупности и каждой истины отдельно. И все это понимается умом и хранится в памяти, в голове. В своей мере прилагается к сему и убеждение сердечное. Но настоящее познание всего дается только Духом. *Господа Иисуса нареши никто не может как следует, только Духом Святым* (см.: 1 Кор. 12, 3)... то есть постигнуть как следует тайну Домостроительства спасения — и в целом и в частях. Сердце, преданное Господу и очищенное для Духа Божия, становится хартиею, на коей Он пишет тайны боговедения. И тогда тот, кто сего удостоивается, получает настоящее ведение истин. Но сие ведение от Духа не новое что дает, не новые тайны открывает, а те же, открытые уже, дает разуметь и ощутить во всей их силе. При сем то же происходит, что бывает с тем, кто, прочитав описание, например, Иерусалима и достаточно усвоив себе описанное, видит потом самим делом Иерусалим. То же видит он и на тех же местах, как прежде воображал; но

только в другой силе. Точь-в-точь то же бывает и с тем, кому после умового изучения истин веры потом Дух Божий те же истины печатлеет в сердце за труд над чистотою сердца и верностью заповедям Божиим. Все те же истины, только другая сила в них. И наоборот, хоть другая сила, но все это не новых таин откровение, а постижение яснейшее и живейшее тех же истин... При сем, как бы кто ни был чист, как бы кто ни был приосеняем действием благодати, никогда не открываются ему истины новые, а все те же, или в том же кругу большие подробности⁴⁵. (9. С. 203—204)

Озарение свыше

Что дает озарение свыше? Оно дает не новое что-либо узреть помимо буквального смысла, а тот же самый смысл, печатлея его в сердце. Пока один ум трудится над уразумением Писания, до тех пор получаемые истины держатся в голове для умовых интересов, большею частью бесплодно для жизни. Озарение же свыше, печатлея эти истины в сердце и давая вкусить их, делает их направляющими жизни, а опыты жизни еще полнее дают уразуметь силу их. При этом, так как всякая истина имеет свой круг

⁴⁵ «В стремлении к жизни с Богом все способности действуют совместно: воля, ум, чувство. Объединенность, концентрация всех способностей и их деятельное состояние характеризуют христианское стремление к духовной жизни. Никакого искания откровений и познания тайн мировой жизни при этом нет, да оно было бы и тщетно. Целью является жизнь с Богом, а не познание каких-либо тайн. Относительно откровений, замечает епископ Феофан, нам дано в Священном Писании достаточно для нашего спасения, и искание новых откровений, как видно у Исаака Сирина, обнаруживало бы даже недостаток веры, раз уже нам дано Откровение. В конце концов, по особой воле Божией, созерцателю иногда посылаются великие откровения. Исаак Сириин говорит, что дается созерцание тайн Божиих в вещах и их причинах, созерцание Христа и Пресвятой Троицы, созерцание прошлого и будущего. Но все это посылается по особому смотрению Божию как некий дар свыше и в целях Божиих, а не в силу желаний самого ищущего духовной жизни. Достигнуть созерцания каких-либо тайн собственными усилиями невозможно. Это твердое учение аскетике». *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. С. 518.

понятий, то озарение вводит ум чрез сердце в созерцание всего этого круга. Это может казаться откровением чего-то нового, а оно вовсе не ново, оно то же самое, только видится полнее и яснее. (18. С. 118—119)

Необычайные и обычные откровения

Когда Господь поучает кого-либо, то разверзает ум и влагает в него сокровища ведения, или берет дух человека и вводит его в непосредственное созерцание открываемых ему вещей. Ум под действием Божиим видит, что угодно Господу показать ему, так же определенно и ясно, как глазами чувственными видит человек днем находящиеся пред ним в известном расстоянии вещи. И все это может совершиться мгновенно, и мера открываемого и созерцаемого может быть так велика, что его не вместит никакое человеческое слово. Так видел святой Павел, восхищенный до третьего неба; так зрели Апостолы, когда Господь, являсь по Воскресении Своем и дуновением сообщив им Духа, разверз *им ум, разумети Писания*. В одно мгновение ум их узрел все, сокрытое в ветхозаветном Писании о совершившихся новозаветных событиях. И Господь вслед за тем только сделал общий вывод из того, что узрели Апостолы: *Тако подобаше пострадаати Христу и внити в славу Свою* (см.: Лк. 24, 45—46, 26). Так мгновенно и полно открывает Господь небесное и всем, кого считает того достойным.

Но такие просветления ума необычайны. Обычный порядок обогащения ума ведением Божественным, и при непосредственном содействии тому Господа, есть просветление ума при изучении Откровения уже данного... Некто сказывал, что иногда, в час молитвы, ум его входит в созерцание Божественных истин такое ясное и определенное, какого дотоле не давало ни свое исследование, ни прочитывание исследования других. Отсюда можно заключить, что истинное ведение откровенного и бывает только то, которое вселяется в ум именно этим путем. Труд исследования и углубления в свидения подготавливает, а благодать,

в час молитвы, завершает ведение, просветляя ум созерцанием и печатлея зримое им в сердце. Всякое другое учение есть внешнее: одно это внутреннее духовно, божественно и многоплодно. (28. С. 335—336)

Совопросничество неуместно, когда говорит Бог

Но и слушать надобно с разумом, скажет кто. Да, с разумом, но с разумом совершенно покорным гласу Божию, — с разумом не исследующим и критическим, а смиренно усвояющим. Ибо когда Бог говорит, тварь должна внимать, а не мудрствовать. Апостолам, исшедшим на проповедь, поручено было пленить всякий разум в послушание Христово. Они и пленяли; но не мудростью слова, а силою Божиею, сопровождавшею слово их. Мысль против дела бессильна, и все покорялись. — Не то это значит, чтоб разум был совершенно подавляем; но то, чтобы он весь расширялся только на усвоение проповеданного от лица Божия, не присвоая себе права суда над содержанием сего. Этот суд есть то действие, которое Апостол назвал возношением, взимающимся на разум Божий (см.: 2 Кор. 10, 5), и которое как тогда было осуждено, так и теперь достойно всякого осуждения. — Совопросничество, — от чего, для чего, как, — неуместно, когда получают предписания от Самого Бога — Владыки всяческих. Скажите всякий сам себе: спросили ль бы вы Бога: почему и как, — когда бы Он Сам лично давал вам заповеди, как жить и как понимать вещи? Конечно нет. Стало — когда мы позволяем себе это теперь, сами не понимаем, что делаем. Ибо учение, ныне преподаемое нам, есть то самое, которое непосредственно изошло от Бога и к нам дошло друг другого приемательным приемством. (20. С. 29)

Духовное знание приемлется, а не ищется

Но то несомненно верно, что знание, разумеется духовное, имеющее предметом порядки духовной жизни в Боге, всегда идет по следам обновления духовного. И такое только знание

истинно, прочно и благонадежно. Но оно приемлется, а не ищется. Сретающий его дух радуется, как обретающий корысть многу; но не как торговец, получающий прибыль, на которую наперед рассчитывал. Оно является всегда внезапно. Вот как оно идет: обновляющийся, обновляясь, сретает нечто новое. Это новое не минует сознания, а дает ему о себе знать. Действующее лицо, принимая его в свое сознание, спознается с ним и начинает знать его⁴⁶. Глаз чувственный увидел вещь и знает ее. — Так и сознание сознает что в себе и знает то. Всякое духовное ведение только таким путем достается. Оно есть признание, — ἐπίγνωσις*, — в коем познающий говорит в себе: ну, теперь знаю. Вижу, испытываю, ощущаю и знаю. (37. С. 184–185)

⁴⁶ «Я утверждаю, что большая и основная часть наших познаний приобретается не путем ума, а чрез непосредственное восприятие... Воспринимающий является больше пассивной стороной, а активной, действующей является предмет, открывающийся нам. Поэтому можно сказать, что познание есть не столько интуиция, или непосредственное восприятие, сколько самооткровение бытия, вызывающее в нас ответное ощущение, или восприятие... Ум не способен делать это, потому он сам по себе в сущности ничего и не “понимает” по-настоящему. Роль его совсем не первичная, не основная. И потому совершенно напрасно умники так ценят его: это — огромная переоценка, ложная и зловредная!

Таковы мои суждения о познании вообще в этом мире: познание есть непосредственное откровение бытия нашим органам восприятия... Кратко: путь познания — откровение. И я не одинок в таком выводе. Иностранные философы в своих сочинениях говорят об “инстинкте” вопреки предшествующему рационалистическому философствованию. Я считаю более авторитетным и достоверным свидетелем такого направления в философии нашего русского ученого, философа Николая Онуфриевича Лосского (см.: примеч. 60)...

Всматриваясь далее в процесс религиозного познания, мы увидим полное тождество (в способе познания) веры с знанием. Если мы так узрели основную форму познания — откровение, то так же точно — не более и не менее — познается и мир сверхъестественный... Там и здесь — путь познания: опыт. И тут уж еще более ясно, что этот опыт не зависел от человека, а был плодом откровения Бога. Дал Он Себя “познать” — и познают; не дает — и люди не знают Его». *Вениамин (Федченков), митрополит. О вере, неверии и сомнении // «А сердце говорит мне: верь!» М., 2004. С. 293–310.*

* ἐπίγνωσις (*греч.*) — ведение, признание.

Научение — норма христианского ведения

Итак, *верное* (см.: Тит. 1, 9) есть истинное (святой Иоанн Златоуст), то самое, которое от Бога изошло, точь-в-точь то, без прибавки, и убавки, и изменения... Спаситель говорит, что Он научен Отцом. Апостолы научены Господом Спасителем, верующие все научены Апостолами. Научение сие составляло вначале норму христианского ведения и свидетельство верности его. Кто держался сего научения, тот держался верного словесе. (39. С. 62)

Разум не источник истины, а ее приемник

Удивитесь, может быть, недоумевая, чтобы все и повсюду ищут разумности. Только и слышишь: того требует разум, — об этом как скажет разум, — дайте разумное воззрение, разумное убеждение, разумную веру. — Если верна пословица: что у кого болит, тот о том и говорит, то разум есть болезнь нынешнего времени. Хорошо, что ищут разумности. Но то не хорошо, что ищут ее в одном разуме человеческом. Сей разум хотят сделать всемирным наставником — царем истины. — Непонятно, откуда ему такая честь? Когда родится человек на свет, ничего не знает; ни одной вещи назвать даже не умеет сам, всему учится; а как только стал на ноги, еще не вступив в совершеннолетие, начинает надыматься и твердить: я да разум у меня, все рассудим и порешим сами собою.

Разум точно есть великий дар Божий, но, даруя его нам, Бог не поставил его источником истины, а только приемником ее. Не сказал Он нам: вот вам разум, — его слушайте, и как научит вас, так и поступайте; а что сделал? Создав человека с разумом, тотчас явился ему и стал учить его истине и с тех пор не переставал и не перестает руководить его к познанию ее и просвещать ум его ведением ее. — Сам Он многократно являлся, Ангелов посылал, воздвигал Пророков, в последок же дней возглаголал к нам в Единородном Сыне Своем, Господе нашем Иисусе Христе. — И глас был слышен с неба не раз: Сей есть

Сын Мой возлюбленный, о Нем же благоволих, Того послушайте. Вот кого надо слушать, а не разума. — Разум есть способность познавать истину; но сама истина не в нем, а должна быть преподана ему совне. Кем же, как не Богом — источником бытия и истинного ведения! Она и преподана Им, пребывает на земле, — хранится и преподается всем. — Разуму надо сказать: изучай ее и храни; — из себя же самого ты можешь испускать только фантазмы, как мыльные пузыри, или вытягивать хитросплетение помышлений, как сеть паутинную, кои разлетаются при легком дыхании ветра.

Так вот, когда в вас, как червь какой, зашевелится позыв на излишнюю разумничность и разум, надываясь, ползет на учительскую кафедру, сведите его с сей высоты, как самозванца, и, посадив на ученическую скамью, скажите: твое дело слушать, а не учительствовать. (20. С. 28—29)

Критерий истины не в разуме, а в общности исповедания

Скажет кто: хочу удостовериться, от Бога ли то учение, которое слышу? — Думаешь, что в разуме — проба истине?! Нет. А вот в чем: то учение от Бога, которое исповедуется всею Церковью. Ибо сама Церковь и в устройстве, и в духе вся от Бога — и все в ней Божие. Бог научил Апостолов, — Апостолы научили веровавших и предали им всю правду Божию. Принявшие от Апостолов истину передали ее преемникам такую, какую приняли. — Итак, узнай, как исповедует, что́ Святая Церковь, и будь уверен, что так исповедать заповедано Богом, и при встрече новых для тебя мыслей не о том заботься, как выходит это по твоим соображениям, а о том, так ли содержит это Святая Церковь. — Бог не поставил разум источником истины, — не дал ему в руки и пробы истины. — Она вне его, в Святой Церкви, и именно в общности исповедания, так — что всеми всегда всюду было исповедуемо, то истинно. 318 святых отцов собрались на Собор для утверждения главного христианского догмата. — И что же делали? — Философствовали? Пускались в соображения? —

Нисколько. А только расспрашивали взаимно, как, где содержится исповедание о Господе Спасителе*. Когда удостоверились, что все всюду и не слыхивали другого учения о Спасителе, как то, что Он есть Бог, тогда единодушно утвердили, что тот богоборец, кто учит иначе, что сия есть вера отеческая, апостольская и Божественная. Как поступил сей Собор, так делали все последующие Соборы, так действует доселе Святая Церковь, и все ищущие истины, при познании и определении всякой истины, рылись и роются не в своих соображениях, а в Богопреданном исповедании Святой Церкви. Вот вам знамя и проба истины!

Как во время войны, перепутавшись, для различения своей стороны от чужой взирают на воздвигнутое знамя, так Бог в Церкви Своей воздвиг знамя истины, чтоб при смешении понятий, всегда почти имеющем место в человечестве, всякий, узрев сие знамя, мог с благонадежностью сказать: вот здесь истина, вот чего хочет Бог! Надпись на сем знамени — общность исповедания. А самостоятельность исследования, своеличное постижение было и есть всегда источником ересей и заблуждений. Отчего пали Арий, Македоний, Несторий и все другие еретики? — Оттого, что при возникших вопросах не туда обратились за решением, куда следовало, обратились не к общности исповедания, а к своим соображениям, к своеличному постижению истины, — запутались и пали.

История хранит сии опыты нам в урок, чтобы не подавались суетному и гордому позыву на самостоятельность и независимость, а смиренно содержали то, что везде всеми всюду было исповедуемо, — или, что то же, что содержится Святою Церковью. — Это единственный незаблудный путь к истине. (20. С. 29—30)

* Первый Вселенский Собор собрался по поводу ереси Ария в 325 году в малоазиатском городе Никее. По общепринятой традиции считается, что на Соборе было 318 делегатов. Был принят Никейский Символ веры, в котором было изложено православное учение о единосущии Сына Божия с Богом Отцом.

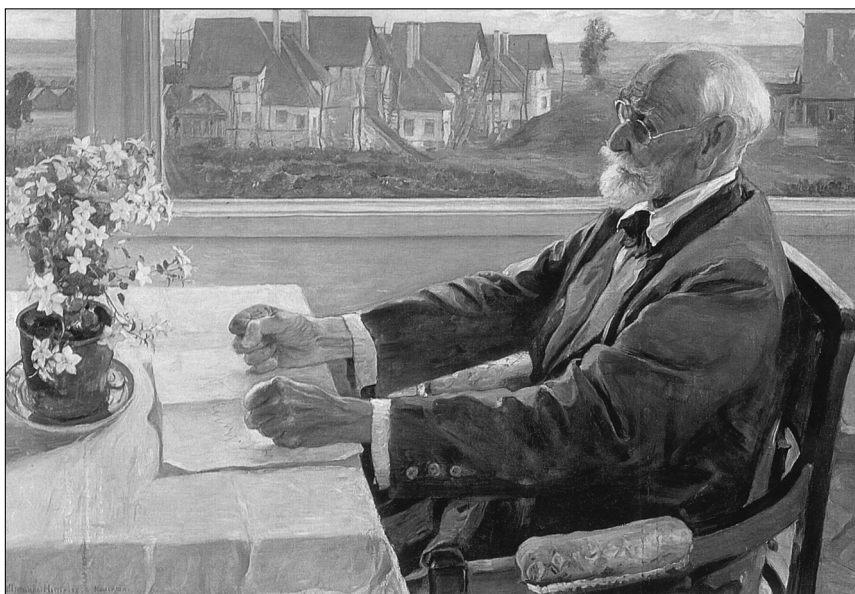
***Непонятности благодатно разъясняются
в течение всей жизни***

Непонятное вначале со временем становится понятным; словно луч света входит в сознание и уясняет то, что прежде было темным. Кто же это разъясняет? Сам Господь, благодать Духа, живущая в верующих, Ангел Хранитель, — только уж никак не сам человек. Он тут приемник, а не производитель. При всем том иное остается непонятым на целую жизнь, и не для частных только лиц, но и для всего человечества. Человек окружен непонятностями: иные разъясняются ему в течение жизни, а иные оставляются до другой жизни: там узрится. И это даже для богопросвещенных умов. Отчего же не открывается теперь? Оттого, что иное невместимо, стало быть, нечего и говорить о нем; иное не сказывается по врачебным целям, т. е. было бы вредно знать преждевременно. В другой жизни многое разъяснится, но откроются другие предметы и другие тайны.

Сотворенному уму никогда не избыть тайн непостижимых. Ум бунтует против этих уз: но бунтуй не бунтуй, а уз таинственности не разорвешь. Смирись же, гордый ум, под крепкую руку Божию и веруй! (12. С. 167)

***Познание истины совершается
тремя силами души***

Ум один никогда не знает вполне истины; она всегда у него в виде предположительных воззрений. Исключая чрезвычайных Божиих воздействий на душу, и богоугодная жизнь обыкновенно начинается при таком состоянии ума. Но потом, вместе с жизнью, эти воззрения начинают переходить в живые убеждения: они зреют, множатся и расширяются по мере навыка воли вести дела и начинания свои по заповедям и по мере возрождения сочувствий сердца к заповедям. Исполняются ли последние, — полнота водворяется и в первых. Впрочем, строго судя, нельзя сказать, что впереди и что позади, — они все вместе зреют, не

М. Нестеров. Портрет И.П. Павлова

Непонятное вначале со временем становится понятным; словно луч света входит в сознание и уясняет то, что прежде было темным... Сотворенному уму никогда не избыть тайн непостижимых. Ум бунтует против этих уз: но бунтуй не бунтуй, а уз таинственности не разорвешь. Смирись же, гордый ум, под крепкую руку Божию и веруй! (С. 244)

отставая друг от друга⁴⁷. Строит же это внутреннее здание Господь благодатью Своею, при всевозможных, без жаления себя, усилиях со стороны человека, — строит жилище, в которое, наконец, Он приходит и вселяется со Отцем и Духом Святым, как Сам обетовал: *к нему придем, и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). (28. С. 58—59)

Духовное познается делом, а не из книг

В духовной жизни книги — только руководство. Само познание приобретается делом. Даже то, что познано бывает из чтения, будто ясно и обстоятельно, когда испытано бывает делом, представляется совсем в другом свете. Жизнь духовная — особый мир, в который не проникает мудрость человеческая. (11. С. 249—250)

Познать христианство иначе нельзя, как деятельною жизнью

Христианство не есть учение без конца. Собственно учение это коротко, но жизнь по этому учению конца не имеет. Так ведь и в житейском быту: научится кто чему-нибудь и начинает уже действовать, а не все учится да учится. И в христианстве

⁴⁷«Одно из тонких заблуждений, которым живет современный человек, заключается в фантоме, что истина, правда, нам доступная, есть искомый продукт (плод) нашего абстрактного ума, и если еще истиной в ее полноте мы пока и не обладаем, то все же история идет к тому, что именно ум овладеет истиною. Такая вера в ум называется “рационализмом”, и, можно сказать, вся так называемая точная наука открыто или явно живет этою ничем не доказанною и не оправданною верою. Не нужно никакой переделки всего прочего человека, не нужно чувства, не нужно нравственной переделки для восприятия истины. Ум воспринимает ее, открыв ее; и она переделает остального человека.

Правда же, как я убеждаюсь более и более, в том, что именно для открывания и для восприятия истины (самого ощущения и чувства истины) требуется уже перевоспитание, коренная переработка и, в известном смысле, переворот в личности человеческой. Человек всегда, а в восприятии истины в особенности, движется и должен двигаться лишь целиком: всей своей природой — и умом, и чувством, и волей». *Ухтомский А.А.* Интуиция совести. С. 41—42.

не все учиться: надо жить, жизнь-то и есть настоящая наука. Как станет кто жить по-христиански, тут только и начнет входить в него христианство, тут только и начнет он познавать его и силу его. Знать христианство как должно иначе нельзя, как деятельно; только посредством этой деятельности сознанию открываются все тайны христианского ведения, или вся область духовных предметов, хоть забота у истинного христианина вовсе не о ведении, а о жизни, ведение же само тут приходит как придаток.

Жизнь христианская похожа на восхождение на гору. Восходящий трудится собственно над тем, чтобы взойти, но по мере того, как он восходит, перед ним открывается все больше и больше предметов, потому что все шире и шире становится его кругозор. Так и в христианстве: чем больше кто преуспевает в жизни по нему, тем больший и больший круг духовных предметов становится ведомым его уму и сознанию. Настоящий мудрец и есть только тот, кто совершен в жизни христианской, без жизни же ничего не поймешь. Что знают о христианстве умом без жизни — это совсем не то, что есть на деле. Как подробно и красноречиво ни рассказывай, что в ананасе, например, такой-то и такой-то вкус, но пока сам не попробуешь ананаса, понятия о нем не составишь себе; так и учение христианское — пока не приложишь его к жизни своей, ни за что не взойдешь во вкус его. (19. С. 315—317)

Духовная жизнь не зависит от душевного развития

Вы слишком много даете цены душевной деятельности, то есть знательной, предпринимательной и художественной, и особенно знательной. Но ведайте, что для духовной жизни, какую проводить берутся монахи, развитие душевной стороны совсем не требуется. Духовная спасительная жизнь зачинается и развивается независимо от душевного развития. Отсутствие последнего никакого ущерба не причиняет первой и достоинства ее не умаляет. Душевность вся, и в самом лучшем ее виде, цену полчает только тогда, когда вполне подчиняется духовности, сама

же по себе ничто для вечности. В будущем веке все будет духовно, душевное же все отпадет и здесь останется, как временное.

Для душевного знания надо много читать; для духа довольно одного текста Писания на целый день, а иногда и не на один. Внимательные монахини, внимая чтению Псалтири, Евангелия, Апостола и другим положенным чтениям и службам, как дар от Господа получают то, что один или два или более текста прильнут к сердцу и займут собою все сознание сладостно и начнут испускать из себя лучи ведения духовного. Получающие это не отрывают уже от них внимания и все более и более развивают мысли их, питаются ими и насыщаются. Вот и непрерывная цепь назидания во весь день. Назидания, полученные сим путем, не забываются; ибо не памятью заучаются, а сердцем приемлются. Так идет изо дня в день. Духовное назидание множится, и ведение духовное растет, крепнет и приобретает все более и более полноты, пока достигнет цельности, все объемлющей. (17. С. 317–319)

Научное многоведение заглушает ведение Божественного

Дух чистый Бога созерцает и от Него приемлет ведение таин. Но и дух, сочетаемый с телом, и после того, как через чувства открыто было ему разнообразие тварей видимого мира, просвещаясь тем же внутренним озарением свыше, должен созерцать в них отражение всех таин боговедения и таин Божественного миротворения и мироправления, чтобы и при сем многоведении невозмутимо пребывать в том же богосозерцании едином. Но, падши, он увлечен многообразием тварей и даже подавлен множеством впечатлений от них, вытесняющих у него самую мысль о Боге. Изучая тварь, он нейдет далее того, что видит в них, — их состава и взаимоотношений и, не получая озарения свыше, не видит в них ясно отражения Бога и Божественных таин.

Мир стал для него тусклым зеркалом, в коем ничего не видно, кроме самого его (зеркала). — От чего многоведение заглушает в

нем ведение единого, отвращает от него и охлаждает к нему. Такова цена и таков плод научности в падшем. (14. С. 196)

Мудрец века сего сам себя прельщает

Мудрец [века сего] свое имеет мировоззрение, в которое входит и понятие о нем самом, о месте его в мире и последних целях человека; обладает в разной степени ученостью и искусством слова; и главное, в устроении своей участи, своего быта и в ведении дел своих окончательно опирается на свои соображения, не сознавая нужды в высшей помощи; предметы, которыми занята его мудрость, — все внешние, земля и земное благобытие; забота о душе и спасении ее ему не всходит на ум. Но при всем совершенстве его мудрований по указанным частям он только *мнит*ся *мудр быти*, а не есть. Другие, может быть, и не всегда считают его таковым, но сам он иначе на себя не смотрит, как на мудреца первой степени, хоть и ученость его, и житейская мудрость, и сумма познаний очень ограничены, но он всегда высоко ставит себя по мудрости. И в этом он сам себя прельщает. Прелесть в том, что считает себя имеющим то, чего нет. В сей прелести запутаны все не истинные христиане. (33. 148—149)

Уловление премудрых их же собственным оружием

Мирская мудрость — буйство пред Богом. Строгий приговор, но совершенно справедливый, повсюдным опытом оправдываемый. Сами мудрецы мира тот же произносят приговор над сею мудростью, когда познают истину и вступят вседушно в область премудрости Божией. То, что она считает себя вседетельною, — не буйство ли? То, что она высится над Откровенною мудростью и ставит ее почти ни во что, — не буйство ли? То, что она только внешним, земным и тварным ограничивает свой кругозор, будучи сама, хотя и неблагопотребная, умного выпренного (ранга) свойства, — не буйство ли? То, что она быт свой, свое счастье и дела думает устроить по своиммышлениям,

тогда как осязательно видит, как все вокруг течет помимо и наперекор человеческим соображениям, — не буйство ли? То, что она выбросила из предметов своего обсуждения, что будет за гробом, тогда как ясно видит, что настоящая жизнь мгновенна и последней цели бытия человека вместить не может, — не буйство ли? То, что она и думать не думает, что питомец ее человек ныне-завтра умрет, тогда как человечество широкою рекою течет во врата смерти, — не буйство ли? Так она — буйство, и буйство пред Богом, потому что не видит осязательных порядков Божиих, осуждает их, когда другие о том ей возвещают, и питомцев своих удерживает в своем мрачном буйстве, не позволяя им возникнуть от опутания собою и обратиться к истинной премудрости Божией. В этом отношении она богоборна. И выходит, что «она не только не помогает (человеку в последних целях его), но еще служит препятствием; следовательно, надобно оставить ее, как вредную. Видишь ли, как победоносно святой Павел опроверг ее, доказав, что она не только бесполезна, но еще приносит нам вред. Впрочем, он не довольствуется собственными доказательствами, а приводит еще свидетельство: *писано бо есть: запинаяй премудрым в коварстве их* (Иов. 5, 13)» (святой Златоуст).

Коварство премудрых не злонамеренность означает, а их всяческое ухищрение, чтоб **все постигнуть и все в жизни своей и других устроить здесь, на земле, по своему смыслению. Пока это имеет свойство только пустодела и не разоряет планов промысления Божия о роде человеческом, дотоле Бог оставляет их копать в своем муравейнике, сколько хотят, и все строить и перестраивать, как им угодно; но когда покушения их заходят далеко, тогда Бог полагает им преграды, разоряет их планы, как паутинное плетение разоряет дитя легким прикосновением тонкого прутика. Разительный пример тому — столпотворение и рассеяние людей по лицу земли. Мудрецы, во времена Апостолов, до чего дошли? — До того, что и сами уже не знали, на чем остановиться: так разрознились в мыслях и так много надумали учений. И належала**

Питер Брейгель Старший. Вавилонская башня

Все постигнуть и все в жизни своей и других устроить здесь, на земле, по своемумышлению. Пока это имеет свойство только пустоделия и не разоряет планов промышления Божия о роде человеческом, дотоле Бог оставляет их копаться в своем муравейнике, сколько хотят, и все строить и перестраивать, как им угодно; но когда покушения их заходят далеко, тогда Бог полагает им преграды, разоряет их планы, как паутинное плетение разоряет дитя легким прикосновением тонкого прутика. Разительный пример тому — столпотворение и рассеяние людей по лицу земли. (С. 250)

необходимость научить людей истине чрез неученых. — Святой Златоуст в этом видит уловление премудрых в коварстве их: «В коварстве их, т. е. уловляя их собственным их оружием. Так как они употребляли мудрость свою на то, чтобы обходиться без Бога, то он чрез нее самую доказал им, что они имеют великую нужду в Боге. Как и каким образом? Они чрез нее дошли до того, что сами не знали, куда деваться; следовательно, чрез нее и уловлены. Ибо, думая обходиться без Бога, они пришли в такое бедственное состояние, что оказались хуже рыбаей и неученых, и в них же стали иметь нужду. Потому Апостол и говорит: *занимая их в коварстве их* (см.: 1 Кор. 3, 19)». (33. С. 151—153)

4. Богопознание в естественном состоянии

Истина о Боге и где ее искать

Что найдешь в Евангелии и апостольских Писаниях, то только и будешь, и можешь знать об Отце и Божеских вещах. Больше этого не ищи и помимо этого не думай где-либо еще найти истину о Боге и планах Божиих. Каким великим сокровищем обладаем мы!.. Все уже сказано. Не ломай головы, а только с верою прими, что открыто. Открыто, что Бог един по существу и троичен в Лицах — Отец, Сын и Святой Дух, — прими это верою и содержи так. Открыто, что Триипостасный Бог все создал словом, все содержит в деснице Своей и о всем промышляет, — прими это верою и содержи так. Открыто, что мы были в блаженном состоянии и пали и что для восстановления и искупления нас Сын Божий, Второе Лицо Пресвятой Троицы, воплотился, пострадал, умер на Кресте, воскрес и вознесся на небо, — прими это верою и содержи так. Открыто, что желающий спастись должен уверовать в Господа и, приняв Божественную благодать во Святых Таинствах, с помощью ее жить по заповедям Господним, борясь со страстями и похотями посредством соответствующих подвигов, — прими это верою и делай так. Открыто, что кто живет

по указанию Господню, тот по смерти поступает в светлые обители, предначаток вечного блаженства, а кто не живет так, тот по смерти предначинает испытывать муки адские, — прими это верою и тем вразумляй и воодушевляй себя на добро и подвиги. Так и все с верою принимай и верно храни. Нет надобности ломать голову на придумывание чего-либо своего; и тех, которые умничают много, не слушай, ибо они пошли не зная куда. (12. С. 150)

Вседержительство Божие

В Боге все невидимо — и Божеское естество Его, и Божественные свойства Его как они есть, не для нас только, но и для высших духов. — Самые действия Божии невидимы. Если бы был ты в минуту творения мира и смотрел, как все происходит, то видел бы только, что тварь за тварью являются на сцену бытия, образа же появления сего не мог бы видеть. Пророк говорит: *рече и быша* (см.: Быт. 1, 3). Но это *рече* не слышно для слуха чьего-либо, это — внутреннее определение воли Божией всемогущей о бытии твари; тварь и являлась. Явление сие видел бы ты, а самое определение Божие не видел бы и не слышал. И теперь Бог, создавший мир, держит его силою Своею, и он стоит. Что стоит, видим, а вседержительная сила Божия невидима для глаза. (32. С. 90)

Всемогущество Божие

След бытия Своего, Своих Божественных свойств и присносущной силы Своей отпечатлел Бог ясно на творении Своем. Не закрывай только очей ума и не скашивай их, и будешь видеть. Как на снегу оставленный след ясно показывает, кто проходил, человек или зверь, так ясно отпечатлен след Божий на творении, общий ли сделаешь ему обзор или вникнешь в каждую тварь особо.

Отдались мысленно от нашей солнечной системы и смотри, как махают вокруг солнца эти огромные тела, то поодиночке, то

со спутниками, бегущими вокруг них; смотри далее, как само солнце имеет свое движение, — не вокруг ли это своего солнца? и не в сообществе ли со многими подобными себе солнцами? — Смотри, не имеет ли и это общее их солнце само своего же солнца, вокруг коего движется в сонме подобных себе солнцев? и так далее, — пока наконец досмотришься, если только досмотришься, — до единого общего всем центрального солнца. Стань потом, обозри все это зараз, пробегши мысленно с востока на запад, с севера на юг, с высшей точки до низшей, и увидишь на этом необъятном пространстве, которого пределов и мысль определить не может, хотя они есть, неисчетные множеством тела, кои, составя хоры, движутся в разнообразных направлениях одни вокруг других, пресекая свои пути, то отвесно, то под углом, идя то рядом, то поперек, то насупротив одно другому и, однако ж, не мешая друг другу и не возмущая взаимно путей, а движась в стройных сочетаниях и соотношениях. Увидев все это, можешь ли удержаться, чтоб не воззвать с Пророком: *дивна дела Твоя, Господи, и душа моя знает зело. Исповемся Тебе, яко удивился еси?* (см.: Пс. 138, 14). И Ангелы не могли удержаться от хвалебных восклицаний Творцу всяческих, когда в первый раз пущена была в ход эта огромнейшая, многосложнейшая, премудро устроенная, неподвижно стоящая и живо движущаяся в себе машина, как Сам Бог засвидетельствовал о них, говоря у Иова: *егда сотворены быша звезды, восхвалиша Мя гласом велиим вси Ангели Мои* (Иов. 38, 7). Подавляющее впечатление вынес из подобного созерцания и святой пророк Давид, исповедав: *Господи Господь наш! яко чудно имя Твое по всей земли, яко взятся великолепие Твое превыше небес... Яко узрю небеса, дела перст Твоих, луну и звезды, яже Ты основал еси. Что есть человек, яко помниши его; или сын человек, яко посещаеши его?* (Пс. 8, 1—5).

После этого слабого начертания всякий может понять, каким образом ум, помышляя о творениях, не может не узреть *присно-сущной силы Божией* так же ясно, как ясно видит кто телесными

глазами вещь, пред ним находящуюся. Первое впечатление от созерцания мира есть неотразимое сознание и исповедание безпредельного всемогущества Божия, по коему Он столь необъятный мир создал единым словом, и держит его единым хотением Своим, и единым мановением воли Своей ведет его к предназначенному концу⁴⁸. (32. С. 90–92)

Премудрость и благодать Божия

Вникни в творения по частям, и увидишь ясно отпечатленными всюду непостижимую премудрость Божию и благодать безпредельную, то, что Апостол означает словом: *Божество*. Прямее этим означает вся совокупность свойств Божества, но из них очевиднее для нас премудрость и благодать: премудрость в устройении всякого существа, благодать в окружении его всем потребным для благобытия. И нет человека, который бы этого не видал и не исповедовал. Возьми снежинку, возьми цветок, возьми крыло насекомого, возьми глаз — и стань разбирать, как все это устроено, и не удивишься премудрости сего устройства. Посмотри далее: былинка травная прикреплена к земле и двигаться не может, но она находит нужное себе корнем в земле и листьями в воздухе и живет; маленькое насекомое на листе рождается, на листе и умирает, но тут же оно находит и все потребное для своей жизни; животные рождаются слабыми детенышами, но матерям их вложена неотразимая забота о них, не дающая им покоя, пока не воспитают детей. Кто окружил твари такую попечительностью? — А о человеке, как много встречает он неведомо откуда исходящей попечительности о себе, что и говорить?

⁴⁸ «Таинственным образом человеческая свобода становится неким “ограничением” Божиего всемогущества, ибо не в насилии, а только в свободе благоволит Бог спасать тварь. Тварь есть другое, и потому в ней самой должен совершиться процесс восхождения к Богу, и совершиться ее силами, конечно, Богу споспешествующу». *Флоровский В.Г.* Тварь и тварность // Избранные богословские статьи. М., 2000. С. 61–62.

Все сие и подобное не есть ли ясное зеркало безпредельной благодати Божией? (32. С. 92—93)

Присносущие Божие

Не сила только Божия и Божество видимы в творениях Божиих, но и присносущие Божие, то, что когда все от Него, Сам Он ни от кого. Он — основа всего. Без Него все висит над бездною всепоглощающею. Общее сознание и чувство непосредственно исповедует присносущие Божие, что Он от Себя есть и не быть не может; и ум разумный, ищущий основания всему, тогда только успокоивается, когда доходит до убеждения в присносуции Божиим. Здравая часть человечества всегда почивала и будет почивать на этом убеждении и веровании. Только больные умом теряют его и на место его сплетают положения, несообразности которых и несоизмеримости с делом, для объяснения которого сплетаются, надивиться нельзя. Но такого рода отступления от общей нормы верования и религиозного сознания никак не могут колебать той истины, которая выражается сею нормою. (32. С. 93)

Сокровенность Божия и лицезрение Бога через Иисуса Христа

Бог всегда сокровенен есть и пребудет; не зрят Его непосредственно и самые высшие существа, а только в проявлениях Его славы. Большого и совершеннейшего лицезрения Божия не будет, как то, которого удостоятся верующие в лице Господа Иисуса Христа. В этом неизреченная к нам милость Божия. Он всячески хочет, чтобы мы узрели Его, но как прямо этому быть нельзя, то Он благоволил воплощену быть Единородному Сыну Божию, чтобы достойные могли зреть Бога в очах Его. В очах наших душа душу видит и душа с душою соединяется. Опыт имеем в тех, кои полюбили друг друга. Они чувствуют, что чрез глаза душа будто переливается в душу. Так верующие чрез очи Господа будут ближе общаться с сокровенным Божеством. И в этом все их блаженство. (33. С. 490—491)

Воцарение Божие над тремя силами души

Се царствие Божие внутрь вас есть (Лк. 17, 21), говорит Господь. Если теперь Царствие Божие есть там, где Бог царствует, то искать Царствия Божия, которое внутрь вас есть, значит искать того, чтоб Бог воцарился в нас и царствовал над нами. Но когда сие совершается в нас, когда мы предаем себя обладанию Господа, тогда и Господь вверяет Себя обладанию нашему и начинает почивать на нас, как на престоле Своем, вседовольствуя нас и доволен будучи нами.

Все дело, значит, за тем, чтобы воцарить Господа внутрь нас. Над чем воцарить? Над всем, что есть в нас, — над мыслями, желаниями, чувствами, делами. Всякую силу нашу надо привести к подножию престола Его и покорить Ему, да царствует Он над умом нашим, нашею волею и сердцем. Как это бывает и когда?

Бог есть царь ума нашего, когда ум через покорность вере, усвоив себе все, сообщенное нам в Святом Откровении, о едином Боге думает и о всем сущем и бывающем судит по Богу. Бог есть царь нашей воли и совести, когда, напечатлев в себе заповеди Божии и положив их себе в непреложный закон, мы ни в малом ни в великом не позволяем себе отступать и на малую черту от признанной воли Божией. Бог есть Бог сердца нашего, когда, ощутив сладость Божественного, оно отвергает все земные сласти и, ни в чем земном не находя вкуса, все живет на небе, — там, где полагает и сокровище свое. (14. С. 53—54)

Три силы души — слабое подобие Бога Триипостасного

Если уместно применять дело творения к деятельности нашей души, то смотри всяк, как она действует. Что бы она ни делала, всегда работает всеми своими силами, — и умом, и волею, и чувством. Но стань разбирать и разделять, что какой силе принадлежит в деле, никак не разберешь с точностью. Так если и в своем деле не можем доискаться таких различий, где же нам домыслиться, что в деле Бога Триипостасного принадлежит какому Лицу? И это тем паче, что и подобие трех сил в единой душе

трех Ипостасям в едином Боге есть крайне слабое, хотя и может быть принимаемо во внимание при размышлении о Боге, ибо в ней образ Божий есть. (37. С. 49)

Почему одно умовое богопознание неудовлетворительно

Испытывать свидения Божии, закон или вообще слово Божие можно или только умом, или не умом только, но и делом — первое предшествует вступлению на путь воли Божией, изложенной в слове, а другое последует за ним.

Предшествующее делу испытание слова Божия — умовое исследование его и изучение, одно делается в видах только знания, а другое — в видах последования ему.

Можно изучать слово Божие и без следования ему, если не по упорному противлению Божию званию, то по отлагательству дела говоря в себе: теперь изучим слово, а по времени станем жить по нему. Такое голое знание слова Божия не может быть полно и удовлетворительно, потому что наибольшая часть истин его понимается уже после вступления на путь последования ему. По происхождению своему оно наиболее ограничивается теоретически — умовою стороною открываемого, даже и в тех предметах, которые касаются деятельности. И всегда путает; потому что построяет умом теории об открываемом в слове Божиим, без соответственной жизни, есть то же, что во внешних науках строить умозрительные системы без опыта... Остающиеся при одном этом знании, конечно, не могут быть названы блаженными. Напротив, такое знание скорее послужит к осуждению их. *Раб, ведевый волю господина своего, и не уготовав, ни сотворив по воли его, биен будет много* (Лк. 12, 47). (28. С. 15—16)

Жизнь по Богу вводит в боговедение

Познание воли Божией, и относительно Домостроительства спасения, и относительно содевания нами спасения, первоначально теоретично, и Бог в то время держится в уме наипаче как идея. После, когда кто пойдет по познанному пути, то жизнь

по Богу вводит его в живое общение с Богом и дает вкусить Бога. Бог по милости Своей дает сердцу богато вкушать Себя и чрез то открывает Себя как Бога живого; открываясь же сердцу, открывает Он себя и созерцанию ума, или духа. Опыты духовной жизни вводят в настоящее боговедение. *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). (37. С. 30)

Основа боговедения — чувство Божества

Господь, все содержащий в деснице Своей, держит и всякую душу. Чем же душа отвечает на это? Неотразимым исповеданием того, что есть Бог, от Которого как все, так и она зависит и в бытии, и в действовании, и в конечной участи. Это исповедание глубоко лежит в сердце как чувство или чутье. Оно не принадлежит разуму; напротив, когда разум, принимая то исповедание от сердца, начнет сам собою доходить до последних основ его, то теряет, а нередко заглушает его и в сердце на время. Тут происходит то же, что случилось с психологами, пристрастными к осязательности. Стали они доискиваться души, чтобы осязать ее, — и потеряли душу.

Так и в деле веры. Нужно искать не осязательной доказательности, а только развивать то чувство. В этом и разум может быть помощником, может способствовать развитию религиозного чувства размышлением. Для этого ему исстари указаны известные четыре доказательства бытия Божия. Они показывают след Божий, и даже не след только, но как бы некое очертание лика Божия. Когда разум уяснит себе все эти показания как следует, то словно зеркало какое наводит на сокрытое в сердце чутье. Усмотрев себя в этом зеркале, оно сочетается с тем ликом водино и становится определенным исповеданием, или разумною верою. Так в порядке естественном. Но тут остается еще много пробелов. Их дополняет Божественное Откровение и сверх того прибавляет еще нечто такое, что не есть придаток для прикрасы, а дело существеннейшее, без которого все предыдущее — ничто. Сюда принадлежит таинство Пресвятой Троицы, воплощение

Бога Слова и все Домостроительство нашего спасения. Последние — что голова на теле, что глаза в портрете. Таково все здание веры. Основа — чувство Божества; далее идет естественное боговедение, затем — Божественное Откровение, которое одною стороною довершает только естественное ведение, а другою, существеннейшею, придает нечто новое, отчего все принимает настоящий вид. Ограничивающиеся только тем, что веруют в бытие Божие, в промышление, будущую жизнь и воздаяние, походят на здание без купола, на тело без головы. (19. С. 77—79)

5. Богопознание в состоянии под благодатью

Боговедению научает только Дух Святой

Божия никто не знает, кроме Духа Божия. Сокрыто то от всех тварей, и никто постигнуть того сам не может, на какой бы высокой ступени в лестнице творения ни стоял. Сказал [Апостол], что нам открыл Дух Святой. Теперь как бы кто не подумал: вам Дух Святой открыл, а мы другою дорогою до того же дойдем, дополняет: Божия никто не знает, кроме Духа Божия. Иного пути, следовательно, к познанию премудрости Божией, в тайне сокровенной, нет и быть не может. Или у нас учитесь, или оставайтесь вне, в неведении и непонимании дела. И нам последуя, не нами будете научены, а Духом Божиим, всех обучающим и просвещающим, Которого подает распятый Господь, веры ради. (33. С. 109)

Тайна Домостроительства спасения

В познание тайны Бога и Отца и Христа (Кол. 2, 2). Какая тайна Бога Отца и Христа? Тайна спасения нашего в Господе Иисусе Христе, устроенного по благоволению Бога Отца. «Апостол показал сими словами, что тайна Домостроительства есть дело общее Отцу и Сыну» (блаженный Феодорит). Существо же Домостроительства в том, что «к Богу и Отцу приведение мы имеем только чрез Сына, Господа Иисуса Христа» (Экумений).

Отпали мы от Бога и Отца, и приведение к Нему не иначе можем иметь, как чрез Единородного Сына Его, воплотившегося, пострадавшего, воскресшего, вознесшегося на небеса и человечеством сидящего одесную Отца. Вот как открыт нам снова путь к Богу! И вот в чем тайна Домостроительства спасения нашего! (37. С. 94)

Сокровище премудрости и ведения

В Нем же суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна (Кол. 2, 3). Мысль Апостола будет: в познании тайны спасения в Господе Иисусе Христе вся премудрость и всё знание, или вся разумность. Этим внушалось: ничем так не дорожите и ничего так не домогайтесь, как познания сей тайны; когда познаете ее, то, хотя бы вы ничего другого не знали, вы мудры, и разумны, и всезнающи; потому, если кто подойдет к вам в качестве премудрого и начнет вам предлагать мудрость, несогласную с познанием тайны Божией о Христе Иисусе, не слушайте его: не мудрость он вам предлагает, а нелепое мудрование. В таком смысле разумеет сии слова Амвросиаст: «Апостол желает, чтобы Колоссяне познали таинство Божие во Христе, убеждаясь, что в том все богатство мудрости и ведения, чтобы исповедать Христа в полноте Божества достойнопочитаемым. Во Христе все сокровенное таинство Божие. Он есть один Спаситель, на Коего, если не возуповает какая плоть человеческая, погибнет. Кто Его познает, тот будет иметь и познание всего верное. Почему достойно говорится, что в Нем сокрыты все сокровища премудрости и ведения; так что кто Его познает, тому ничего еще не требуется, чтобы признану быть премудрым и разумным, как познавшему Того, в Ком вся премудрость. Какое бы ведение ни думал кто найти где-либо, в Нем найдет ее богато. Для неверующих непонятно, как во Христе всякая премудрость и всякое знание; потому что они не читают в Евангелии астрологии, ни в Апостоле (книге) геометрии, ни в Пророках арифметики и музыки, — за которыми наши (верующие) того ради не гонятся,

что они не принадлежат к спасению, а скорее вводят в заблуждение и отводят от Бога: ибо, занявшись ими и хитросплетениями их умозаключений, забывают пецись о душе. Какая мудрость вернее и истиннее, как признать, что спасительно, и отвратиться от того, что пагубно? Пагубно же то, что препятствует душе пецись о своем спасении. Почему не несправедливо утверждать, что кто Христа познал, тот обрел сокровище премудрости и ведения: ибо познал, что для него спасительно». (37. С. 95–97)

Как узнали, что Иисус Христос — Бог

Как смотря на идущего издали Государя сначала видят в нем только образ человека, а потом, когда он ближе подойдет, признают в нем какого-либо вельможу; когда же он станет совсем близко, взглянув на него, восклицают: Государь! — так было и в отношении к Сыну Божию, зрак раба принявшему ради нашего спасения. Сначала все смотрели на Него, как на человека, сына древодела, исключая, может быть, только слагавшей в сердце своем все о нем глаголы Владычицы Богородицы, а потом, когда Он явил Себя миру и стал являть Божественную в Себе силу, все с изумлением вопрошали: *кто есть сей?* (Мф. 8, 27), признавая, однако ж, Его только необыкновенным человеком: *пророк велий воста* (Лк. 7, 16). К концу видимого пребывания Его на земле увидели, что никакое человеческое величие не может идти в сравнение с тем, которое являет в Себе Иисус Христос — Господь сил, но что же Он есть, все еще не определялось. Апостолы исповедали Его Сыном Божиим, но это просветление веры не держалось на сродной высоте, и величие Господа было затемняемо земными помышлениями. Уже по Воскресении Его и сошествии Святого Духа, когда о имени Его начали повсюду совершаться Духом Святым чрез Апостолов и верующих предивные знамения, все уразумели, что Тот, о имени Коего все сие творится, есть Единородный Сын Божий и Бог. Определился наконец лик Господа, и все, узревавшие то верою, восклицали со святым Фомою: *Господь мой и Бог мой* (Ин. 20, 28). Блаженный Феодо-

рит пишет: «До Креста и страдания не только прочие Иудеи, но и самые Апостолы не были уверены о Владыке Христе, что Он Бог. Преткновением было для них во Христе человеческое, — когда видели, что ест, пьет, спит, утруждается; и чудеса не приводили их к уверению в сем. Поэтому, например, увидев чудо на море, сказали: *Кто есть сей человек, яко и ветры и море послушают Его?* (Мф. 8, 27). Почему и Господь сказал им: *Много имам глаголати вам, но не можете носити ныне. Егда же придет Он, Дух истины, наставит вы на всяку истину* (Ин. 16, 12—13). Посему до страдания Апостолы имели о Нем такие мысли, но по Воскресении и восшествии на небо, по сошествии Всесвятого Духа и после чудес всякого рода, какие совершили, призывая досточтимое имя Христово, все верующие познали, что Христос есть Бог и Единородный Сын Божий». (32. С. 35—36)

***Благодать и сердце очищенное
только совместно дают боговедение***

Первая производительная сила христианской премудрости Дух — дар премудрости и откровения от Духа Святого, в чистые сердца верующих влагаемый...

Вторая производительная в деле христианского ведения сила есть сердце чистое, в коем от действия благодатного дара премудрости и откровения разверзаются очи видети. — Кто сего сподобляется, у того являются просвещенные очи сердца...

Дух премудрости и откровения и сердце очищенное — разные: тот свыше от Бога, это — от нас. Но в акте образования христианского ведения они нераздельно сочетаются и только совместно дают ведение. Сердце, как ни очищай (если можешь без благодати), не даст мудрости; а дух премудрости — не придет, если не уготовано ему в жилище чистое сердце.

Сердце — здесь не в обычном смысле, а в смысле внутреннего человека. Есть в нас внутренний человек, по апостолу Павлу, или потаенный сердца человек, по апостолу Петру. Это богоподобный дух, вдунутый в первозданного. Он несокрушимым

пребывает и по падении. Отправления его суть *страх Божий*, в основе коего лежит уверенность в бытии Бога с сознанием полной от Него зависимости, *совесть* и *недовольство* ничем тварным. — Эти проявления духа видимы у людей на всех степенях их образования и по всей земле. Назначение духа, как дают разуметь отправления его, есть держать человека в соотношении с Богом и Божественным порядком вещей, помимо всего окружающего его и текущего окрест его. Чтоб исполнить, как должно, такое назначение, ему естественно должно принадлежать ведение Бога и Божественного порядка и того лучшего бытия, чутье которого свидетельствуется недовольством всем тварным. — Оно, надобно полагать, и было в первозданном до падения. Дух его ясно зрел Бога и все Божеское, — так ясно, как ясно видит кто здоровыми очами вещь пред собой. Но с падением очи духа закрылись, — и он уже не видит что видеть было ему естественно. Сам дух остался, и очи в нем есть, — но закрыты. Он в таком положении, в каком тот, у кого бы веки срослись. Глаз цел, жаждет света, ищет, как бы увидеть его, чуя, что он есть; но сросшиеся веки мешают ему открыту быть и прямо войти в общение со светом. Что дух в таком положении в падшем, это до осязательности очевидно. — Зрение духа человек хотел заменить умозрением, отвлеченнейшими построениями ума, идеальничанием; но из этого ничего никогда не выходило. Свидетельство тому — все философские метафизики. Пересмотревши их все, получим только удостоверение, что есть что-то высшее, лучшее, совершеннейшее, нежели что видит глаз и до чего можно доходить операциями рассудка, а что такое, — недосызаемо для ума. — О том у нас — одни гадания, которые не представляют духовных, Божественных вещей в том виде, в каком они есть сами в себе. Дух у всех есть, но у всех закрыт и забит в разных, однако же, степенях, смотря по преобладанию над ним телесно-душевных стремлений и навыков, по указанию и увлечению их. — Божественная благодать, зовущая ко спасению в Господе, действует прямо на дух. И он, укрепясь воздействием благодати, приходит

в движение, возвышается над душевно-телесностью, увлекает их вслед себя и делает, что человек всем своим существом решает — быть с Господом и ходить по воле Его. Проходит до духа благодать чрез слово Евангелия. Потом, когда в человеке совершится то, что должно быть совершено его пробужденным благодатью духом, тогда по учреждению Божию на земле во спасение наше он сподобляется Таинств — Крещения или Покаяния, — и благодать Божия вселяется в него, срастворяется с его духом, сочетаваясь воедино.

С минуты первого действия благодати на дух очи его начинают открываться, а по восприятию благодати в Таинствах они совсем становятся отверзтыми. Смотрите, как у новокрещенного или только что покаявшегося живо соотношение к Богу; как чутка его совесть, как верно оценивает он все настоящее и, минуя его, зрит чаянием только невидимое будущее. Дух начал зреть духовное, Божественное, как тот, кому операциею разьединены веки и глаза открыты, начинает видеть окружающее. Но зрение и телесное имеет степени; тем паче духовное. Упражнение зрения дает видеть все большее и большее; обозрывать все шире и шире, дальше и дальше. Так и в духе: первый абрис духовного, принятый в оглашении, в общем очерке, все более и более уясняется, узреваются подробности, замечаются предметы, в первом взоре закрывавшиеся другими. Когда-то дойдет он до того, чтобы все озреть, — и ходить в сем зрении, как в раю?! Все, что можно духу нашему узреть, при крайнем его усилении и при обильнейшем действии благодати, — все то открыто нам в Писаниях апостольских и пророческих. Открыто: но не всяким видится вдруг, как только откроет он Библию. Узревание того или другого, даже в словах нередко читанных и обдумыванных, производит руководящая спасаемого благодать. Но если б дух наш, под действием благодати, узрел и все, возможное узревать в настоящем нашем состоянии, — все это будет, сравнительно с тем, что и как узрится в будущем, только зрением, похожим на смотрение сквозь тусклое стекло. *Не у явися, что будем* (1 Ин. 3, 2). (36. С. 104—109)

Совершенное безмыслие чуждо Православию

Когда углубится в сердце молитва и осенит его теплотою, тогда ум всегда бывает собран и присущ в себе, оттого быстропонятлив и сообразителен. С этого времени все истины Откровения начинают входить в сердце, каждая в свое время, будто внезапно, в виде озарения. Только одна черта из высказанных Сперанским⁴⁹ кажется неистинною, или неистинно выраженною. «Форма, — говорит он, — созерцания моего всегда была пустотою, отсутствием всякого образа и всякой мысли». Такое совершенное безмыслие чуждо святым отцам. Они внушали все оставить, но затем, чтоб быть соединенными с Господом. Они стояли во время умной молитвы и всем советовали стоять в том убеждении, что Господь близ и внимает, то есть предстоять умно Господу и взывать к Нему: *взыска Тебе лице мое*, как поет Пророк, *лица Твоего, Господи, взыщу*. Когда говорят они, что надобно прогонять всякую мысль, то всегда прибавляли: гнать всякую стороннюю мысль...

Опять встречается речь об отступлении всего, или о пустоте. Сперанский думает, будто во время умной молитвы сознание упирается в ничто, или в пустоту, так что внутри ничего различить нельзя. Совсем не то: в это время останавливаются обычные душевные движения, но не действия духовные. Тут дух в силе, а он и сам по себе не пуст и предстоит Богу, Который есть все. Углубившись в предстоянии Богу, ум Бога созерцает, Ему поклоняется и Его Божие свойства и действия исповедует. Даже в состоянии пленения, или восхищения ума в созерцание, пленение это совершается всегда под влиянием определенного духовного предмета. Апостол Павел был восхищен, но не в пустоту, а видел там и слышал, только выразить того не мог или находил неуместным. (18. С. 228, 251)

⁴⁹ *Сперанский Михаил Михайлович* (1772–1839). Видный государственный деятель. В журнале «Русский архив» (1870 г., январь) были опубликованы «Письма о духовной жизни» графа М.М. Сперанского. Это послужило поводом к написанию святителем Феофаном Затворником «Писем о духовной жизни», в которых, в частности, рассматривались темы, затронутые Сперанским.

Богопознание более чувствуется, чем понимается

Истинное познание Господа совершается в тайне духа и, можно сказать, не столько понимается, сколько чувствуется, так что на то нет ни слов, ни изображений. Только оно безпредельно сладостно, как уверяет Апостол, который все счел ни во что за превосходящее разумение Христа Господа (см.: Фил. 3, 8), который всех побуждает восходить к такому разумению и о всех молится, чтоб открыта была им глубина, широта и высота премудрости, явленной в устройении нашего спасения (см.: Еф. 3, 18). (13. С. 371—372)

Виды откровения: внешнее явление, видение и созерцание

Откровение обнимает все, что Богу угодно бывает открыть нам. Бывает оно умно, когда в ум влагается ведение; бывает внешне, когда Бог или Ангел является и сказывает нужное; но бывает и посредством видений. Видение или в образах представляет духовное, каковы, например, видения Иезекииля, Апокалипсиса, и требует нового откровения в уме, чтоб уразуметь его; или оно есть видение духовного мира в его существенности, когда дух человека необыкновенным образом вземлетя и вводится в созерцание его, не в образах, а как он есть. (34. С. 397—398)

Что есть созерцание

Глаз есть окно, чрез которое душа видит все, находящееся и происходящее вне ее. Но есть в нас и духовное око, чрез которое созерцается мир духовный, божественный.

Это — ум, или дух, ведающий Бога, исповедующий Промысл Его, научающий покорности Ему во всем, стремящийся к Нему и видящий в Нем последнее благо свое. Это первоначальные естественные указания духовного нашего ока. Но в естественном состоянии око это помрачено и не зрит ясно. Отверзается же оно к яснозрению благодатью Святого Духа в верующем христианине, и только после этого начинается настоящее действие зрения духовного. Кто пойдет по его указанию, у того кругозор духовный

все более и более расширяется, и мир невидимый раскрывается пред ним в большей ясности. Состояние это есть состояние созерцания. К нему предназначены все христиане, и христиане истинные действительно достигают его (см. Исаака Сирианина. Слова подвижнические. Слово 55). Тайны, какие видит духовный созерцатель, суть те же, которые открыты нам и в слове Божиим, но с тем отличием, что он видит их существенно, а не мысленно только. (28. С. 383)

Развернутое учение о созерцании

Полнота христианского совершенства, по нему [Апостолу], есть состояние созерцания. Это состояние бывает в том, кто, освободившись от всякой связности чем-либо, вступает в область Божию и видит там все так, как мы видим все окружающее нас. Созерцание будто только дело ума; но чтоб открылось оно в уме, надо трудом и потом войти в требуемое для того состояние. Приводим слова о сем святого Исаака Сирианина*, как обещали.

«Первоначально естество наше в вочеловечении Христовом прияло обновление... и потом, по обновлении, сделалось способным к принятию новых и совершенных заповедей».

«Заповеди новые и духовные, которые душа хранит, имея в виду страх Божий, обновляют и освящают душу и сокровенно врачуют все ее члены. Для всех явно, какую страсть безмолвно в душе исцеляет каждая заповедь, и действенность их ощутительна и врачующему и врачуемому, как было и с кровоточивою женою».

«Если не будет исцелена страстная часть души, то душа не приобретет здравия. Исцеление сие совершается деланием заповедей и трудными делами (подвигами) истинного жития. Кто приобрел душевное здравие, отсек прежний нрав и переродился, тот стал видим в области духа, — и приял его в себя мир новый, несложный».

* *Святой Исаак Сирианин*. Слова подвижнические. Слово 55. Послание к преподобному Симеону Чудотворцу.

«Когда же ум обновлен и сердце освящено, тогда все возникающие в нем понятия возбуждаются сообразно с естеством того мира, в который вступает он. Ум его ощущает духовное ведение тварей, и возсиявает в нем созерцание таин Святой Троицы, также таин достопоклоняемого ради нас Домостроительства».

«Если отъяты будут от души страсти, то ум просвещается, и поставляется в чистом месте естества, и не имеет нужды в вопросах, потому что ясно видит блага, обретаемые на своем месте. Как внешние чувства не вследствие обучения ощущают вещи, так, подобным сему образом, представляй себе о созерцании духовном. Ибо ум, прозирающий в сокровенные тайны духа, если он в своем естественном здравии, вполне созерцает славу Христову, и не спрашивает, и не учится, но наслаждается тайнами нового мира, превыше свободы воли».

«Желать посредством исследования и расспросов дознавать таковые тайны есть неразумие души. Ибо и блаженный Павел не сказал, что по науке или вещественному какому способу видел и слышал тайны и неизреченны глаголы, ихже не леть есть чело- веку глаголати (2 Кор. 12, 4), но восхищением восхищен был в духовную область и видел откровение таин».

«Если желательно тебе, чтобы сердце твое соделалось обителью таин нового мира, то обогатись сперва делами телесными, постом, бдением, службою, подвижничеством, терпением, низложением помыслов и прочим. Связывай ум свой чтением Писаний и углублением в оные и напиши пред очами у себя заповеди. Непрестанным собеседованием молитвенным искореняй в сердце своем всякий образ (вещей) и всякое подобие, прежде тобою воспринятое. Приучай ум свой всегда углубляться в тайны Спасителя Домостроительства, продолжая делание заповедей и труды в приобретении чистоты. Проси себе у Господа в молитве огнем разженной о всем печали (попечения сердечного, ревности), да уканет она в сердце твое, и да сподобишься умного жития. Начало, средину и конец сего жития составляет следующее: отсечение всего единением со Христом».

«Словеса, непостижимые ведением (разумом), делаются понятными для нас при помощи веры, и ведение о них получаем в созерцании, какое бывает по очищении. Для духовных таин, которые выше ведения (разума) и которых не ощущают ни телесные чувства, ни разумная сила ума (рассудок), Бог дал нам веру, которою познаем только, что тайны сии существуют (а познаются они другим образом, как сказано уже). И от этой веры рождается в нас надежда о них (достигнуть созерцания их). Верою исповедуем, что Бог есть Господь, Владыка, Творец и Создатель всяческих; а ведением (разумом) решаем, что должно нам хранить заповеди Его по любви (а это приводит к блаженному созерцанию). *Аще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте. И Аз умолю Отца, и иного Утешителя даст вам* (Ин. 14, 15–16), сказал Господь. Пришествием Утешителя называет Он дарования откровения духовных таин; посему в приятии Духа, Которого прияли Апостолы, — все совершенство духовного ведения. И Господь обещал, умолив Отца Своего, дать им Утешителя, чтобы при делании ими заповедей и очищении самих себя пребывал с ними вовеки. Видишь ли, что за соблюдение заповедей по любви ум сподобляется благодати таинственного созерцания и откровений духовного ведения».

«Законная дверь, вводящая в это, есть любовь. Если приобретем любовь, она вводит нас в это. *Аз есмь дверь*, сказал Господь (Ин. 10, 7). Мною человек внидет в жизнь и *пажить обрящет* для духовной своей жизни. Тогда на всех восхождениях откровений ведения и таинственных созерцаний Божественная любовь вводит и изводит его, как и тех, которые имеют свободу Христову».

«Как по мере естественного возраста душа приемлет в себя новое и новое ведение, и ощущает существующее в мире, и день от дня более и более обучается этому, так и в духовном, человек приемлет в себя духовное созерцание и Божественное ощущение и обучается этому в той мере, в какой ум возрастает в разумном житии и простирается вперед. Когда же придет в область

любви, тогда созерцает духовное на своем месте. Но пока человек употребляет усилие, чтобы духовное снизошло к нему, оно не покоряется. И если дерзновенно возмечтает он, и возведет взор к духовному, и будет доходить до него разумением не вовремя, то скоро притупляется зрение его, и вместо действительного усматриваются им призраки и образы».

«Если ум не будет очищен деланием заповедей, не приобретет в совершенстве любви, не преуспеет возрастом в обновлении Христовом, то не возможет соделаться истинным зрителем Божественного созерцания. Все же подобия духовного, какие думает составить себе ум, называются призраком, а не действительностью».

В предложенных выписках содержится все учение о созерцании истинном. По величию предмета велика выписка. Но как не было лениости делать ее, да не будет лениости прочитать ее и вникнуть в нее. Предмет сей есть первой важности, хотя наша научность мало обращает на него внимания. (36. С. 245—249)

Изумление — высшее состояние богопознания

Когда трезвая мысль минет все твари, перенесется за пределы мира и погрузится в созерцание Бога, тогда находит, что как несомненно то, что Он есть, так несомненно и то, что Он не есть что-либо из известного в тварях: ни сила, ни свет, ни жизнь, ни ум, ни слово, ни мысль, и вообще ничто из представляемого умом нашим, и потом, когда обведет одним взором все сии отрицания, то вводится мгновенно в Божественный некоторый мрак, в коем не может зреть ничего, кроме необъятной, преисполненной существенностей безпредельности, поражающей глубоко и налагающей молчание на слово и мысль. Это состояние возвышеннейшее, до коего только может доходить земная тварь. Человек тогда восхищается до состояния Серафимов... В такое состояние человек может восходить и из сознания вообще непостижимости Божественного существа и каждого Его свойства, ибо и каждое Его свойство так же непостижимо и изумительно, как Он Сам. Апостол

Павел взывает: *О глубина богатства премудрости и разума Божия! кто разуме ум Господень?* (см.: Рим. 11, 33—34; 1 Кор. 2, 16). *Удивися разум твой от мене, утвердися, не возмогу к нему*, сознается Пророк (Пс. 138, 6). Это о разуме. Но так же непостижимо и всякое Его свойство, и всякое Его творение, и всякое дело Его промышленности. Дивны дела Твоя, Господи! Восходить к сему изумлению может всякий сам чрез отрешенное и покойное углубление; могут помочь в сем деле и изображения сего свойства у святых отцов, как, например, у Дионисия Ареопагита *о таинственном богословии**, у святого Иоанна Златоустого *слова о непостижимом*** и других. Но чтоб воспитать к тому способность, легче начать с созерцания дел, восходить до созерцания совершенств, а наконец востечь и на самый верх, к сознанию непостижимости существа Божественного. Как кто возможет, только должно сие делать, ибо здесь совершается в духе самое истинное и приличнейшее поклонение твари Творцу и Господу. Само собою разумеется, что чувство сие имеет разные степени; но каждому свое, и каждый пусть совершает дело сие по силам своим. Моисей восходит на самый верх горы и скрывается в облаке, другие стоят на полугоре, а третьи у подножия. Это образ трех состояний людей, восходящих к постижению и сознанию непостижимости безпредельного Бога. Значит, никто не должен отказываться неумением или незнанием дела сего. (13. С. 382—383)

6. Богопознание в состоянии под грехом

В злехудожную душу не входит премудрость (Прем. 1, 4)

Если люди драгоценных ароматов не влагают в сосуды нечистые или дырявые, то вложит ли Господь премудрость небесную

* *Дионисий Ареопагит.* О мистическом богословии.

** *Святой Иоанн Златоуст.* Против Аномеев (Слова о непостижимом существе Божиим и единосущии Сына Божия с Богом Отцом. — *Ред.*).

в душу, служащую страстям и потому нечистую и разбитую? И если бы, по преизбытку благодати, Он снизошел до того, то злохудожная душа не имела бы чем принять эту мудрость. Ум у нее набит понятиями ничтожными, низкими и ложными, — как же вместить ему высокие истины Божественные? Расположения сердца ее все обращены к предметам земным, чувственным, — как же оно постигнет доброту истых неземных благ, чтоб одобрить их и поставить выше всего? Сжилась она с землею и иной жизни представить себе не может — как же уразуметь ей уроки, последняя цель которых в другой жизни? Между тем гордости ее меры нет и она не задумается Самому Господу сказать: «Отойди — путей Твоих я ведать не хочу!» (28. С. 337—338)

Богозабвение и его последствия

Несть разумевай, и несть взыскай Бога (Рим. 3, 11). Этим означает вообще богозабвение, жизнь без всякого внимания к Богу, как будто Бога совсем нет. Но можно различать в каждом из сих терминов особенное значение. *Разумение Бога* — занятие ума Богом, чтоб познать и созерцать Его безпредельные совершенства, Его творчество и особенно промыслительное о нас попечение. *Взыскание Бога* — устремление к Нему сердцем и направление всей деятельности своей к тому, чтоб стяжать Его и в себе Его иметь, как первое всенасыщающее сокровище. Сие последнее есть цель наша последняя; разумевание Бога, познание Его чрез рассуждение о Нем открывает в Нем наше сокровище; а это открытие вызывает устремление к Нему сердца и возбуждает энергию деятельных сил к достижению Его и обладанию Им. Когда нет разумевания Бога, нет и взыскания Его. Нет взыскания — нет стяжания и обладания, — нет общения с Богом: человек вне цели своей. Почему должен блуждать и влаться. Не Богом занят ум, не к Богу лежит и сердце. Но как ни ум, ни сердце не могут пребыть праздными, то, отклонясь от Бога единого, устремляются к тварям — многим и, запутавшись среди них, теряют правое направление и производят только

всякую неправду. В ней только искусны, в ней только находят вкус, к ней только льнут сердцем и устремляют свои деятельные силы. (32. С. 207–208)

Премудрость Божия в отвержении ума

Замечательно, что Премудрость зовет к себе безумных: кто неразумен, обратись сюда (Притч. 9, 4). Стало быть, умникам нет входа в дом Премудрости, или в Святую Церковь. Умность всякую надо отложить у самого входа в этот дом. С другой стороны, если всякая мудрость и ведение только в доме Премудрости, то вне сего дома, вне Святой Церкви, только безумие, неведение и слепота. **Дивное Божие учреждение! Входя в Церковь, оставь ум свой, и станешь истинно умным; оставь свою самодеятельность, и станешь истинным деятелем; отвергнись и всего себя, и станешь настоящим владыкою над собою.** Ах, когда бы мир уразумел премудрость эту! Но это сокрыто от него. Не разумея премудрости Божией, он вопиет на нее и безумных разумников продолжает держать в ослеплении своем⁵⁰. (12. С. 46)

Я Бог ревнитель, говорит Господь

Не подумал бы кто: все Божественное и все Бог, — и ничего стороннего, ничего от благ мира сего, нас окружающего. — Как

⁵⁰ «Вера в Церковь — подвиг, и подвиг не легкий, а для наших современников порою непосильный. Жить в Церкви — значит вообще любить, жить любовью, а жить любовью — значит бороться с греховным себялюбием, которым люди так сильно болеют. В частности, вера в Церковь есть подвиг и ума, потому что она требует от него покорности. Покорять же разум свой Церкви особенно тяжело потому, что эта покорность непременно отразится и на всей жизни. В отношении к Церкви подвиг ума связан и с подвигом воли. Представим на минуту, что люди всецело покорились Церкви. Сколько идолов, сколько богов и божков нужно им будет свергнуть? Уже не Днепр, а целое море нужно будет, чтобы потопить этих истуканов. Но даже и один подвиг ума не легко дается тому, чей разум кичит.

Преосвященный Феофан Затворник рассуждает: «Замечательно, что Премудрость зовет к себе безумных: кто неразумен, обратись сюда (Притч. 9, 4).

это тяжело, сухо, — безотраднo. Напротив, — тут-то и есть наше место, наш чин, наш рай, когда мы к Богу устремляемся и все направляем к прославлению Его единого. Ибо когда сие бывает с нашей стороны, тогда и Бог не сторонним зрителем бывает таких изменений внутри нас, но Сам снисходит к нам и сочетавается с душою нашею. А где Бог, там блаженство. Как блаженны жених и невеста, любящие себя взаимно, так блаженны души, через посвящение себя Богу сочетавшиеся с Ним. Надобно только строго соблюдать условие сего сочетания и обязательства его. Апостол говорит: я вас, как дев чистых, обручил Христу и сочетал с Ним (см.: 2 Кор. 11, 2). Вам известны чувства невесты к жениху. Таковые же чувства должны иметь и души наши ко Христу Господу. Невесте тогда и на мысль не приходит засматриваться на что-либо и на кого-либо. Только и мыслей у ней, что о женихе, только и чувств, что к жениху. Так должны быть расположены и мы к Господу. И мыслями одними уклонение к чему-либо, кроме Него, есть уже нарушение брачного с Ним союза, а не только чувствами и расположениями. Я Бог ревнитель, говорит Господь (см.: Исх. 20, 5). Как ревнив бывает муж или жених, так ревнив Бог относительно душ наших. Не может Он терпеть, когда мы прилагаем сердце свое к чему-либо, кроме Него. (14. С. 57)

Стало быть, умникам нет входа в дом Премудрости, или в Святую Церковь. Умность всякую надо отложить у самого входа в этот дом. С другой стороны, если всякая мудрость и ведение только в доме Премудрости, то вне сего дома, вне Святой Церкви, только безумие, неведение и слепота. Дивное Божие учреждение! Входя в Церковь, оставь ум свой, и станешь истинно умным; оставь свою самодетельность, и станешь истинным деятелем; отвергнись и всего себя, и станешь настоящим владыкою над собою. Ах, когда бы мир уразумел премудрость эту! Но это сокрыто от него. Не разумея премудрости Божией, он вопиет на нее и безумных разумников продолжает держать в ослеплении своем". Таких "безумных разумников" теперь очень много, потому что человечество стало уж слишком "умно" и еще больше умничает. Всечеловеческий разум кичит все больше и больше. А всякая гордость и кичение с Церковью не совместимы». *Иларион (Троицкий), архиепископ.* Священное Писание и Церковь // Без Церкви нет спасения. М. — СПб., 1999. С. 22—23.

Безблагодатный сам виноват, что трудится — а толку нет

Как детей учат ходить, взявши за руки и заставляя их переступать ножонками, так и благодать обучает ступаниям в духовной жизни, верным, безошибочно ведущим к цели. Условие одно — внимание к себе и преданность невидимому водительству. Неложно то, что обетовано: *будут вси научени Богом* (Ин. 6, 45). Все избранники Божии, светлости жизни которых удивимся мы, были непосредственно учимы и руководимы Духом Божиим; оттого они и шли прямо, не уклоняясь ни направо ни налево. И то дивно, что, смотря на них со стороны, не можем не изумляться притрудностям шествия их; а сами они нимало не замечали этой шероховатости пути: шли себе спокойно, даже с услаждением. Сила жизни о Христе Иисусе поглощала все, могущее казаться неприятным. Но отчего же не всем преподается такая наука? Отчего не всем даруется такое обучение, ниспосылается такое облегчающее руководство? Их будто на руках носит благодать, а мы словно заброшены. Нет, — не мы брошены, а мы бросили. Возьмем такое же самоотвержение и ненадеяние на себя и на что бы то ни было, кроме Бога; предай себя всецело в волю Божию, положив себя в руки благодати Божией, — она и тебя понесет, как носила чтимых тобою дивных святых. А то тебе подана была рука: ты взялся за нее, немножко прошел, водимый и поддерживаемый ею, не терпя неприятностей ни от трясин, ни от колючек; потом, подумав, что уж ты и сам сумеешь и идти, и дорогу выбирать, — оторвался от мощной руки, поддерживающей тебя, и остался один со своими смыслениями и догадками. Вот и кружишься ты среди колючек и болот, вязнешь, уязвляешься, — а кто виноват? Трудишься и потеешь, а толку нет. Все от самочиния, самонадеянности и ложного сознания силы о себе самом, а не о Господе⁵¹. Разве такой путь святых?.. Что ж и удивляться,

⁵¹ «Только опыт открывает человеку ядовитую сторону самоутверждения. Я скажу даже более: “не верить себе” — это так трудно, что здесь нужна опять благодать же Божия, подобно тому, как без нее не найдется у нас сил отказаться от любимого родного угла, от собственности, от самолюбия и страстей! Ведь

что и плод не тот? Бог хочет всем спастись; но не все хотят спастись так, как Бог хочет их спасать. (28. С. 100—101)

Никтоже придет ко Отцу, токмо Мною (Ин. 14, 6)

Удивительно после этого, как может прийти человеку мысль приблизиться к Богу иным путем! Если б для того, чтобы Бог принял пред Себя человека, требовалось только исправить образ мыслей, то естественники, укравши в христианстве здравые понятия о всем сущем и предлагая их за свои, могли бы еще казаться имеющими некоторую правоту; но ведь для этого нужно совершенное изменение всего внутреннего, духовного строя, а его одними понятиями не произведешь⁵². Нужна благодать, благодать же предполагает благоволение, а благоволение ничем иным нельзя заслужить, кроме веры в Господа Иисуса Христа. Опять же и принятие благодати, перетворяющей внутри человека все порядки, возможно лишь способом, учрежденным от Самого Бога. Сам человек не домыслится до того. Ключи от

мы походя только то и делаем, что “верим себе” и своему разумению, как последнему голосу правды и полезного! Лишь окольным путем, путем длинной работы над собою, мы начинаем догадываться, что есть высший ум, чем наш, и что для усвоения правды в той полноте, как она открыта этому высшему уму, нам нужно перейти за границы нашего рассуждения и употребить усилие к тому, не сможем ли и мы приблизиться к тому, не нашему, высшему Уму и Разумению. Отцы, советующие не доверять себе и своему рассуждению, думают, впрочем, что это святое недоверие себе едва ли может быть достигнуто человеком собственными силами, но и здесь требуется труд, молитва, помощь Христа». *Ухтомский А.А.* Интуиция совести. С. 112—113.

⁵² Еще более удивительно, как святоотеческое и богословское понятие синергии (см.: примеч. 116), украденное в XX веке естественниками у христианства и искаженное ими до неузнаваемости, до «философского импрессионизма» кажущегося саморазвития (см.: *Дрюк М.А.* Синергетика: позитивное знание и философский импрессионизм // Вопросы философии. 2004. № 10. С. 102—113), было недавно «возвращено» христианству в качестве научной аналогии действия благодати (см.: примеч. 124). При этом новое понятие синергии не просто внедряет ложную идею самоорганизации в духовную традицию, но фактически деконструирует, т. е. подрывает саму эту традицию, если она рассматривается в отрыве от личного духовного опыта как чисто философский предмет.

сокровищницы Божией хранятся у Самого Бога, и подделать их не сумеет никакой умник. Посмотревши, может быть, иной и подделал бы; но чтобы посмотреть, **надобно пройти делом весь путь, ведущий к Богу, по указанию истинного христианства. А кто пройдет, тот уже не воротится к натурализму. Если же воротится, то забывает все, что там видел и испытал. Такова уж воля Божия, чтобы содержать в сокровенности от разумных века сего путь, ведущий к Нему, дабы мы в этом случае руководились не умом кичащим, а верою смиренствующею**⁵³. (19. С. 54–55)

⁵³ «Исихастский опыт, который мы желаем ввести в поле философского рассмотрения, есть опыт антропологический; мы видим в нем определенный образ человека, модели сознания и деятельности, методы контроля, изменения, трансцендирования внутренней реальности человека и т. п. Но как можно и можно ли вообще вводить опыт такого рода в философию?» (*Хоружий С. О старом и новом.* СПб., 2000. С. 271–272).

Вопрос о возможности такого пути для себя более подробно обсуждается в другой книге этого автора «К феноменологии аскезы», где он пишет: «За исходную почву тут можно взять широко известные бахтинские положения в “Философии поступка” (*Бахтин М.М.* Человек в мире слова. М., 1995. С. 31–32)... Здесь участность — позиция, установка “живого участника события-бытия”... Участность есть “внеаходимость”, однако — “напряженная и любящая”... Отличаясь от сознания Традиции своею внеаходимостью, участное сознание отличается от сознания “внешнего наблюдателя” — относительностью этой внеаходимости. Его позиция — позиция внешне-внутреннего наблюдателя: если и не соучастника, то сопереживателя, разделяющего если и не сам опыт, то установки Внутреннего органа в некоторой меняющейся мере. Тем самым, он не остается неизменным и неподвижным, но в то же время стремится удержать единство, надежность и общезначимость своего описания — и ясно, что реальное достижение такого сочетания факторов чревато многими проблемами» (*Хоружий С.* К феноменологии аскезы. М., 1998. С. 262–265).

Составителю представляется, что эти проблемы на самом деле — псевдопроблемы «ума кичащего», потому что в этом опыте вместо «внеаходимости сопереживателя» надобно, по слову святителя Феофана Затворника, «пройти делом весь путь, ведущий к Богу по указанию истинного христианства. А кто пройдет, тот уже не воротится к натурализму. Если же воротится, то забывает все, что там видел и испытал. Такова уж воля Божия, чтобы содержать в сокровенности от разумных века сего путь, ведущий к Нему, дабы мы в этом случае руководились не умом кичащим, а верою смиренствующею».

Глава пятая

ПРАВОСЛАВНАЯ
МЕТАФИЗИКА

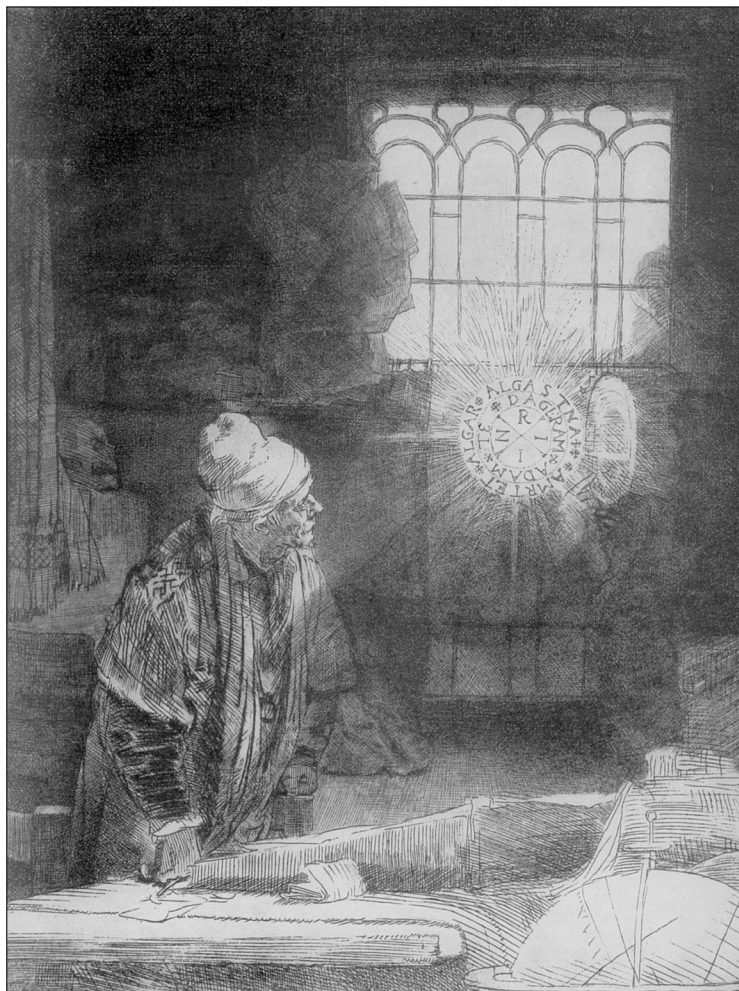
1. Что есть православная метафизика

Что есть метафизика

Что есть каждая тварная вещь — исключительный предмет рассудка? — Кроме фактического, есть еще в каждой вещи мыслимое, разумеемое только и созерцаемое, внутреннейшее ее существо, отпечатленное и выраженное фактической ее стороною. Каждая тварь есть состав сил и стихий, стройно сочетанных между собою, по известному образцу или мысли, которую они и должны отпечатлеть на себе. Сия мысль не есть, впрочем, в вещи, как видимая часть, стоящая в ряду других частей, а есть нечто невидимое, сокрытое под видимым, его проникающее и одушевляющее, — потому более мыслимое и созерцаемое, нежели осязаемое. При всем том, однако ж, оно не есть что-нибудь мечтаемое, а есть действительно там присущая мысль... Мысль Божия о мире и частях его (мир идеальный), от вечности содержащаяся в уме Божиим, при переходе во время, или при осуществлении волею Божиею безконечною, была облечена силами и стихиями, чрез кои и явилась в действительности, как равно и теперь сокровенные планы Божественного мироправления осуществляются многообразным сочетанием различных явлений природы и человечества...

Что действительно стремление разгадать сокровенную сторону вещей свойственно духу нашему, об этом представляет свидетельство каждый мыслитель. Физик хочет разгадать значение существ, сил, стихий, историк — определить значение происшествий, психолог — значение каждой способности и самого человека. Очевидно, никто не довольствуется познанием фактической стороны, но всякому хочется проникнуть глубже под нее. Обыкновенно называют это философиєю, или идеальностью в знании. (13. С. 237—239)

Образ воззрения идеальный есть метафизика и настоящая философия, которые как были всегда, так всегда и будут в области

Рембрандт. Алхимик

Что действительно стремление разгадать сокровенную сторону вещей свойственно духу нашему, об этом представляет свидетельство каждый мыслитель. Физик хочет разгадать значение существ, сил, стихий, историк — определить значение происшествий, психолог — значение каждой способности и самого человека. Очевидно, никто не довольствуется познанием фактической стороны, но всякому хочется проникнуть глубже под нее. (С. 280)

познаний человеческих. Дух, всегда нам присущий, как существенная сила, сам Бога созерцая, яко Творца и Промыслителя, и душу манит в ту невидимую и безпредельную область. Может быть, духу, по его богоподобию, предназначено было и все вещи созерцать в Боге: и он созерцал бы, если б не падение. Но всячески и теперь тому, кто хочет созерцать все сущее идеально, следует исходить от Бога, или от того символа, который Богом написан в духе. Мыслители, которые не так делают, уже по тому самому не суть философы⁵⁴. Не веря идеям, построяемым душою на основании внушений духа, они несправедливо поступают, когда не верят тому, что составляет содержание духа, ибо то есть человеческое произведение, а это — Божеское. (11. С. 38)

Лествица невестественных сил

Творения Божии так расположены, что всякий высший класс совмещает в себе силы низших классов, — и кроме них имеет свои силы, его классу присвоенные и его характеризующие. В мире, или его составе, надо различать, кроме стихий, еще систему сил, расположенных лестницею — от низших к высшим идущую. — Низшая сила есть та, которая действует в мертвой природе и которой высшие изделия суть явления химических сочетаний и кристаллизации — (например, снежинки — разводы

⁵⁴«Метафизика не является частью самого здания науки, но подобна деревянным лесам, без которых нельзя обойтись при постройке здания». *Шредингер Э.* Мое мировоззрение // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 71.

«Будучи сформированной, скорее, в недрах современных философских умонастроений, она [наука] боится метафизического и сверхъестественного. Но ее собственные спекуляции о началах также являются метафизическими и сверхъестественными. Слабость теории эволюции как всеобъемлющей теории (в отличие от ее практического применения в ограниченных областях) скрывается в том факте, что она отказывается признать сферу метафизическую, к которой по природе своей и принадлежит. Если мы и можем познать начала, то только посредством откровения. Если же нет, то все будет являться догадками. Здесь откровение и вера должны вместе прийти на помощь науке и возвысить ее до более глубокого понимания». *Серафим (Роуз), иеромонах.* Бытие: Сотворение мира и первые ветхозаветные люди. С. 648.

на окнах зимою и подоб.). Выше этой стоит сила растительности, которая в своей власти держит и кристаллизующую силу, и силу химических сочетаний. Выше растительной силы стоит — животная, которая в своей власти держит и растительную силу, и кристаллизующую, и силу химических сочетаний. Выше животного-душевной силы — силы человеческого естества, которое содержит все силы низшие его в своей власти и ими действует. (1. С. 162)

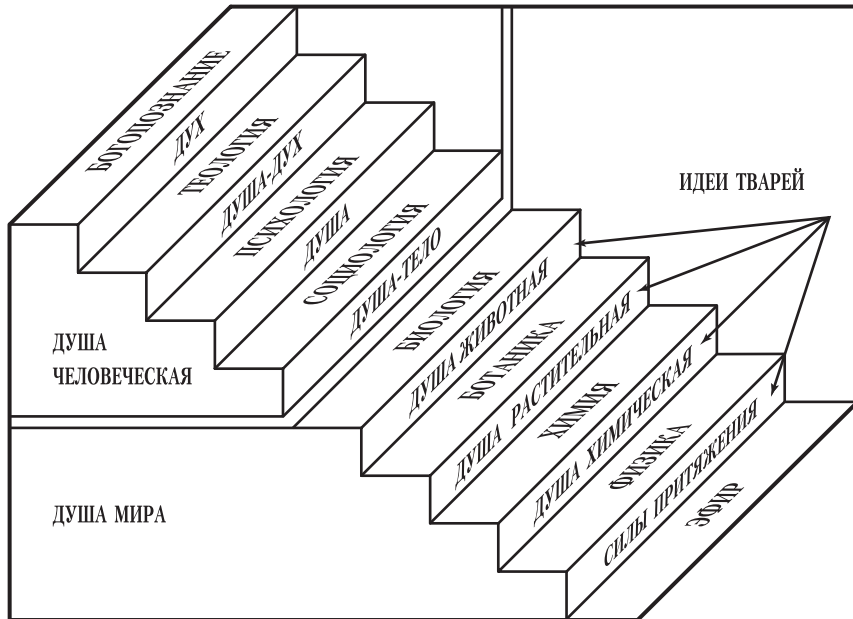
О мире я так думаю. Основа мира вещественного — атомы. Но атомы не все одинаковы, — они разные, как разные стихии. Сами, однако ж, они ни движения, ни соединения взаимного иметь не имеют. Все производят действующие в них силы. Какие это силы? **Я допускаю лестницу невещественных сил душевного свойства. Взаимное притяжение, химическое сродство, кристаллизация⁵⁵, растения, животные, — производятся соответ-**

⁵⁵ «Если верить космологическим рассуждениям, очень рано в истории мира имела место последовательность событий, в ходе которых ныне действующие силы природы *кристаллизовались* при выходе мира из его первоначального состояния с высокой степенью внутренней симметрии и единства. Этот процесс называется спонтанным нарушением симметрии, а баланс между возникшими силами зависит от информационноподобного действия бесконечно малых “спусковых механизмов”, которые и направили *процесс кристаллизации* именно по данному пути, а не по другому. Отношения таких сил важны с точки зрения антропного принципа. Если бы они вышли за определенные узкие пределы, в последующей истории вселенной не смогла бы появиться жизнь, основанная на углероде. Нет ничего невероятного (а большего я не утверждаю) в том, что часть творческой активности Бога состояла во введении этих отношений в антропные границы, во всяком случае в наблюдаемой нами Вселенной...

Антропный принцип — комплекс научных теорий, указывающих на то, что сама возможность появления жизни, основанной на углероде, зависела от очень тонкого баланса между основными силами природы и (возможно) очень специфических первоначальных условий во вселенной». *Полкинхорн Дж.* Вера глазами физика. М., 1998. С. 88, 211.

Здесь неявно процесс кристаллизации, как физический фазовый переход, связывается с теорией эволюции жизни на Земле, в то время как святитель Феофан, допуская кристаллизацию, эволюцию отрицает.

ЛЕСТВИЦА НЕВЕЩЕСТВЕННЫХ СИЛ ПО ФЕОФАНУ ЗАТВОРНИКУ

Я допускаю лестницу невестственных сил душевного свойства. Взаимное притяжение, химическое сродство, кристаллизация, растения, животные, — производятся соответствующими невестственными силами, которые идут возвышаясь постепенно. Субстракт всех сих сил — душа мира. Бог, создав сию душу невестственную, вложил в нее идеи всех тварей, и она инстинктивно, как говорится, выделяет их, по мановению и возбуждению Божию... Души, низшие духа и человека, погружаются в душу мира. А душа человека не может туда погрузиться, но духом увлекается горé, — это по смерти. (С. 283, 285, 286)

ствующими неведущими силами, которые идут возвышаясь постепенно. Субстракт всех сих сил — душа мира. Бог, создав сию душу неведущую, вложил в нее идеи всех тварей, и она инстинктивно, как говорится, выделяет их, по мановению и возбуждению Божию.

Душа создана вместе со словом: *да будет свет!* Свет сей — эфир, есть оболочка души⁵⁶. Словами: *да будет* — творилось нечто новое... Во второй день — твердь. Когда Бог говорил: *да изведет земля...* то Ему внимала душа мира и исполняла повеленное. Она выделяла из себя всякого рода растительные души, которые и дали разнородные растения и потом стали воспроизводить их по роду своему. Тоже, по слову Божию: *да изведет земля душу живу всякую*, душа выделила души животных, которые и произвели разные роды животных. Когда надлежало сотворить человека, то не земле дается повеление: *да изведет*, а в тайне Пресвятой

⁵⁶ «Учение об эфире выключено в наше время из состава физики, между прочим потому, что эфиру приходится приписывать два резко противоположных свойства: движению небесных тел он не оказывает никакого сопротивления, а скорость распространения в нем света заставляет приписывать ему плотность большую, чем плотность стали. Если признать, что пространственно-временные проявления эфира творятся сверхвременными и сверхпространственными деятелями, то можно утверждать, что эти деятели не препятствуют движению небесных тел и в то же время содействуют распространению световых процессов». *Лосский Н.О. Физика и метафизика // Философия науки. Новосибирск, 1996. № 1 (2). С. 91.*

«Эйнштейн, впрочем, указывал, что теория относительности отрицает не сам метафизический эфир, т. е. нечто, лежащее за пределами физики, а приписываемые ему механические (собственно, материальные, телесные) свойства. В работе «Эфир и теория относительности» он писал: «Специальная теория относительности не требует безусловного отрицания эфира. Можно принять существование эфира. Не следует только заботиться о том, чтобы приписывать ему определенное состояние движения; иначе говоря, абстрагируясь, нужно отнять у него последний механический признак, который ему еще оставил Лоренц, — [неподвижность]... Общая относительность оправдывает такое представление» (*Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. I. М., 1965. С. 685—686*)». *Кирилл Копейкин, протоиерей. Богословский и естественно-научный взгляд на онтологическую природу мироздания // Христианство и наука. Сборник докладов конференции. М., 2003. С. 58.*

Троицы произносится: *сотворим...* (см.: Быт. 1, 3–26). Тело особо творится из персти. Это было не мертвое тело, а живое с душою животного. В сию душу вдунут *дух* — Божий дух, предназначенный Бога знать, Бога чтить, Бога искать, и вкушать, и в Нем все свое довольство иметь, и ни в чем кроме Него. Сей дух, соединяясь с душою животного, поднял ее над душою животных на целую стадию, и видим в человеке, что до известной степени у него все идет, как у животных... до смышлености, а далее начинается ряд сил хоть душевного свойства, но выше души... рассудок, воля, вкус. Еще далее: страх Божий, совесть, довольство тварным, стремление к Богу. Это совсем отрешенные от души проявления духовные. Можно еще, между душою и духом, поместить душевно-духовность: идеальничающий ум, перестраивающая все заново воля и творчество (в искусствах). Это гениальность, с умовой, практической и художественной стороны. Дух в душе, или душа в духе. Это все естественные проявления. Они очень не в настоящем виде являются на опыте по причине расстройств сил в падении. Благодатные действия являют дух и духовность в настоящем их виде.

Души, низшие духа и человека, погружаются в душу мира. А душа человека не может туда погрузиться, но духом увлекается горé, — это по смерти *...

Так вот где вашей химии источник. В некоей химической душе. В этой душе есть инстинктивно чуемый образ того, что надо сделать из стихий. Она их забирает и строит свое. В растении есть и химическая душа. Но она в услужении у души растительной. В животном есть они обе, но состоят в услужении у души животной. Или так: душа животных, умея действовать как животное, умеет и то производить, что свойственно душе растительной и химической. Равно растительная душа, умея делать свое, умеет делать и химическое. — Тут единство природы. (2. С. 107–109)

* См. схему «Лествица невестственных сил» на с. 284.

Всякая вещь имеет свою невещественную силу («душу»)

Химический процесс сам по себе везде одинаков. Как же бывает, что в одном случае из него выходит мертвая вещь, в другом растительная, в третьем животная? Химия внушает, что химический процесс состоит в сторонней высшей его власти, которая что повелит ему, то он и делает. В образовании вещей мертвой природы химический процесс состоит под одной властью, в растительном царстве под другою, в животном под третьею. Следовательно, вам предлежит взойти до сих властей. Иначе у вас все останется по-старому — не ясным.

Кто эти власти? Невещественные силы душевного свойства, с инстинктом производить то и то по норме, в них вложенной Богом, сопровождаемым неким темным чутьем. Это лейбницевы монады⁵⁷. Всякой такой силе подчинены — свет, тяжесть, теплота, электричество, магнитность и ваш химизм, посредством которого она приводит в удобное ей движение стихии и строит вещь, которой норму носит в себе...

Откуда эта сила? Бог создал. Их бесчисленное множество. Как всякий человек имеет свою душу, так всякая вещь свою невещественную силу, которая ее образует и держит, как ей положено Богом при создании ее. — Что во всякой вещи — в растении, животном... есть такая невещественная сила, владеющая естественными силами и стихиями, и посредством их строящая вещи, и их держащая до положенного термина, это осязательно видно!.. Кто эта сила? Или фатум, или Бог, или Богом созданная сила? Фатум — преглупая вещь. У материалистов она царит; ибо у них на вопрос: Отчего то и то, так и так? всегда один ответ: «*Так таки...*». Выражается это фразою: «*Законы-с такие...*». Если Бог [есть] всё, — пантеизм, не меньше нелепый. Остается последнее. И это есть моя теория. (2. С. 114–116)

⁵⁷ «Если какая из естественно-научных программ XVII века и сохранила свою живую актуальность также и для XX столетия, то это, пожалуй, лейбницава». *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.). Формирование научных программ Нового времени. М., 1987. С. 332.

Почему верующие вправе «одуховлять» науку

Верующие имеют полное право втесняться с духовным в область вещественного, когда материалисты лезут со своею материю, без зазрения совести, в область духовного. И на нашей стороне разумность, а на их безтолковость. И это не потому, что всякий кулик свое болото хвалит, но по существу дела. Материальное не может быть ни силою, ни целью. То и другое вне его. Оно лишь средство и поприще для духовных сил, по действиям духовного начала (Творца) всяческих⁵⁸. (2. С. 117)

Душа мира и воля Божия

Как они [невещественные силы] не самобытны, то им необходимо подставки — субстрат, на коем держаться. Необходим еще и общий направитель. То и другое может быть отнесено к Богу так: держатся сии силы волею Божиею; хочет Бог, и они существуют и действуют по норме, в них вложенной. Тою же волею и направляются; ибо, имея способность инстинктуального чутья, они могут воспринимать манования всеправящей воли Божией и исполнять ее. Но мне думается, гораздо удобнее субстрат им положить душу мира, тоже невещественную, душевного свойства⁵⁹.

⁵⁸ «Наиболее фундаментальные характеристики естествознания XX века не позволяют говорить о разделении субъекта и объекта как некотором идеале научного исследования. Скорее наоборот, идеал видится в придании субъектных характеристик предмету изучения. Природа одухотворяется, а это уже заставляет нас иначе взглянуть и на соотношение науки и религии». *Маркова Л.А.* О возможностях соотношения науки и религии // Вопросы философии. М., 1997. № 11. С. 89.

⁵⁹ «Святые отцы вообще относились неодобрительно к этой мысли. Их отпугивал понятный пантеистический эманатизм, который, естественно, вытекает из той предпосылки, как у Плотина, что душа мира есть родоначальник и источник наших личных душ... Ясно, что при таком плотиновском понимании естественно замутняется чистота персоналистического понимания личности, и христианское сознание этого не приемлет. Но, с другой стороны, мир не может быть слепым сцеплением атомов, элементов, сил, энергий, стихий и под. Он есть одно стройное целое, вышедшее из рук единого Творца. Свойственное деизму желание укрыться за “законы природы” не объясняет всего.

Она заведывает теми малыми силами и направляет их по вложенной в нее норме. Привходит сюда и Бог непосредственно, когда по Его планам сие нужно. И се чудо! Без чуда миру нельзя стоять. Се также закон промышленности. Все идет по предназначению и под действием созданных Богом сил. Но все держит Бог — Вседержитель и всюду входит, когда нужно, своими действиями и направлением сил.

Современное состояние науки, открывая все новые и новые миры и неведомые сферы бытия, все больше должно признать всю не-абсолютность этих законов и таинственность всего мирового процесса, представляющего все же нечто Единое, какое-то величественное космическое, одушевленное Всеединство. Оно управляется не слепыми законами, а разумною волею. Отцы и учителя Церкви всегда так и понимали мир как гармоническое и органическое целое, пронизанное лучами зиждительного Логоса и Премудрости. Эта “логосность” мироздания обнаруживается повсюду, она отображает волю Создателя и Промыслителя. Логосы вещей, явлений, стихий суть отблески Логоса Божия... Это органическое единство мировой гармонии требует признания единой управляющей всем миром Воли, Промыслительного Логоса, Мировой Души. Богословское мировоззрение нас к этому также приводит. Углубление в тайны мирового художества, почивающими в творческом “да будет”, и исследование таинственных глубин все больше раскрывающегося научного естествознания подтверждают это. Слепые “законы природы” оживают и становятся разумной, живой, одушевляющей эту природу силою. Бог творит не готовые факты, а факторы, которым дано осуществлять в действительности это творческое задание, творить и производить. Природа есть живое целое.

Не то, что мните вы, природа,
Не слепок, не бездушный лик.
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.
(Тютчев)

Преосвященный Феофан Затворник в одном из своих писем пишет какому-то, по-видимому образованному и ищущему богословского обоснования разных явлений, лицу: “Я допускаю лестницу невещественных сил душевного свойства”. Далее он рассуждает о разного рода душах, возвышающихся в иерархической постепенности: растительные души, животные, разумная душа человеческая с ее проявлениями... И, наконец, в отношении персоналистического единства и незаменимости нашей души, что могло бы, естественно, смущать, как мы указывали, при плотиновской концепции, епископ Феофан дополняет: “Души, низшие духа и человека, погружаются в душу мира. А душа

Вот моя философия!.. Ею я объясняю все, что задает геология, и все, что предоставляет опыт. Тут мысленного ничего нет. Все фактично, как самое бытие мира⁶⁰. (2. С. 116)

Где находятся души до рождения?! — Души не предсуществуют. А как они начинают быть, не ведаю. — Я различаю в человеке дух и душу. — Душа — такая же, как у животных, и получается естественным путем от родителей, как души всех животных — из земли, из некоей мировой души сначала, а потом естественным путем. Однако ж душа не делается чрез то вещественною. — Дух вдыхается Богом, как вначале. — Ибо продолжение тварей есть повторение их начала. Все, что есть в человеке, устремляющего его от земли горé, принадлежит духу. О сем — напечатанные письма трактуют, — о значении, то есть духа, а не о происхождении. — Лучшее решение есть: душа является на свет, как и весь человек, так, как Бог то ведает. (7. С. 110)

человека не может туда погрузиться, но духом увлекается горé, — это по смерти»». *Кириан (Керн), архимандрит*. Антропология святителя Григория Паламы. М., 1996. С. 299–301.

«Термин “мировая душа”, хоть и редко, но встречается в православной патристике. Например, святитель Феофан Затворник пишет: “Душа мира, тоже невещественная, душевного свойства. Бог, создав сию душу невещественную, вложил в нее идеи всех тварей, и она инстинктивно, как говорится, выделяет их по мановению и возбуждению Божию” (*Святитель Феофан Затворник*. Письма. Вып. 2. М., 1898. С. 116). “Душа мира” (по мысли святителя Феофана, она “создана вместе со словами *да будет свет!*” — с. 108.) оказывается тем живым началом, которое помогает материальному творению расслышать повеление Божие и ответить ему во встречном творческом усилии — производя жизнь». *Андрей Кураев, диакон*. Сатанизм для интеллигенции (О Рерихах и Православии). I. Религия без Бога. М., 1997. С. 206.

⁶⁰ Интересно проследить последующее развитие учения святителя Феофана о лестнице невещественных сил в трудах русского философа Н.О. Лосского, в особенности развитие его в сторону большей творческой активности невещественных сил душевно-духовного свойства. В частности, в работе Н.О. Лосского «Физика и метафизика» говорится: «Вся природа сверху донизу одушевлена. Даже и материальные процессы и события творятся деятелями ради достижения какой-либо цели. Все действия целесообразны или, по крайней мере, целестремительны. Понятие и слово “целестремительный” означает, что

2. Несостоятельность ультраматериализма

Почему материализм отрицает душу?

Настоящий материализм боится допустить отдельное существование души, ибо знает, что логика неотступно потребует от

событие творится на основании стремления к цели, но цель может быть поставлена неудачно, и средства могут быть применены неподходящие, и цель может оказаться не достигнутой. Динамистическое учение о причинности, согласно которому подлинная причина событий есть творческий акт какого-либо субстанциального деятеля, дает основание для борьбы с детерминизмом и защиты учения о свободе воли, именно о свободе всех субстанциальных деятелей, даже электронов... В философии сверхвременное и сверхпространственное бытие, творящее свои проявления во времени и пространстве, называется субстанцией; я предпочитаю называть его термином *субстанциальный деятель*, чтобы подчеркнуть активность его... Субстанциальные деятели как носители творческой силы самостоятельны в своей активности, однако это не значит, что они совершенно обособлены друг от друга. Даже электрон, как и все остальные деятели, производит, например, свои акты отталкивания и притяжения сообразно идеям времени, пространства, сообразно математическим идеям. Эти идеи во всех деятелях не сходны только, а буквально тождественны. Следовательно, все субстанциальные деятели всего мира как носители идей сращены этою стороною своего бытия в одно целое. В этом смысле они единосущны друг другу. Поэтому все они так тесно связаны друг с другом, что все состояния каждого из них существуют не только для него, но и для всех остальных деятелей. Следовательно, каждый деятель живет жизнью целого мира. Весь мир построен так, что все имманентно всему, то есть все существа бессознательно или сознательно имеют при себе жизнь друг друга... Учение о единосущности всех субстанциальных деятелей, благодаря чему "все имманентно всему", имеет существенное значение для гносеологии: оно ведет к признанию, что, познавая предметы внешнего мира, мы воспринимаем их так же непосредственно, как и свои душевные состояния. Такое непосредственное созерцание предметов я называю интуициею и свою гносеологию называю интуитивизмом» (*Лосский Н.О.* Физика и метафизика. С. 87—92).

Нам представляется, что философия Н.О. Лосского при наличии определенного сходства с учением святителя Феофана о лестнице невещественных сил радикально от него отличается тем, что предполагает творческое саморазвитие субстанциальных деятелей, их самодвижение по иерархической лестнице, и это приводит к противоречиям с православными догматами, как это отмечает сам автор в своем учении о предсуществовании душ, их перевоплощении и о всеобщем спасении (см.: *Лосский Н.О.* Бог и мировое зло. М., 1994. С. 384, 388).

него признать вслед за тем и духовность ее, по невозможности присвоить веществу все те явления и действия, коих производительницей считается душа. Поэтому строгий материализм и говорит, что души как отдельного существа нет у человека; все, что приписывается ей, есть отражение гармонического устройства тела. Хоть сознание, резко отделяющее себя от тела и независимо от него действующее, громко обличает его и неумолимо теснит, но он нейдет далее, по чувству самосохранения. Ибо только скажи он, что душа отдельно существует, тотчас должен будет признать и ее духовность; а это значит посягать на свою собственную жизнь. Вот он и упорствует. (23. С. 8—9)

Ультраматериализм: душа — эфирное тело

Мнение же, выраженное [епископом Игнатием Брянчаниновым] в «Слове о смерти» и поддержанное в «Прибавлениях» к нему, терпимо быть не может. Это ультраматериализм, или материализм, вышедший из своих пределов... Сущность нового учения состоит в следующем:

«Ангелы и души, хотя и очень тонки по существу своему, однако, при всей тонкости своей, суть тела. Они — тела тонкие, эфирные, тогда как, напротив, наши земные тела очень вещественны и грубы. Грубое человеческое тело служит одеждою для тонкого тела-души. На глаза, уши, руки, ноги, принадлежащие душе, надеты подобные члены тела. Когда душа разлучается с телом посредством смерти, она совлекается его, как бы одежды. Ангелы, подобно душе, имеют члены — голову, очи, уста, перси, руки, ноги, волосы, — словом, все подобие видимого человека в его теле. Один Бог — Дух. Нет существа одноестественного Богу. — И потому, кроме Бога, нет другого существа духовного по естеству»...

Таким образом, составляется мнение необычное, и составляется не во имя науки (хотя и ей тут дается маленькое участие), требованиями которой законно или незаконно привыкли ныне прикрываться, а по началам святой веры христианской,

на основании слова Божия и отеческих писаний⁶¹. Спрашивается: неужели же вопрос о естестве души и Ангелов не решен доселе в Церкви Божией? Решен, и решен очень определенно. (23. С. 5—10)

Церковное учение о естестве души и Ангелов

В «Православном исповедании», в ответе на вопрос 18-й, читаем: «Бог есть Творец видимых и *невидимых созданий*... и создал

⁶¹ «Телесность души можно было бы понимать как образ и форму, если бы, хотя и редко, не встречались мысли о вещественном ее существовании. Например, преподобный Иоанн Кассиан Римлянин считал, что «хотя мы многие существа называем духовными, но их никак не должно признавать безтелесными. Они имеют собственное тело, в котором существуют, хотя несравненно тончайшее нашего тела». «Состоящее из тонких частиц, [т. е.] душа» (Климент Александрийский). «Душа есть дух тонкочастный» (Аммоний Александрийский). Такое неоднозначное понимание телесности души можно было бы отнести к отголоскам древней антропологии, испытавшей на себе влияние античной философии... Но дело не ограничивается только древнецерковной антропологией. В XIX столетии в русском богословии возник спор между епископом Игнатием (Брянчаниновым) и епископом Феофаном Затворником. Епископ Феофан Затворник в своей работе «Душа и Ангел» подверг критике книгу епископа Игнатия «Слово о смерти». Епископ Игнатий ставил, вероятно, перед собой задачу доказать силою разума и науки того времени правду христианства о загробной участи души. С нравственной точки зрения было очень важно утвердить «страх Божий» и «память смертную» в столичном, почти уже атеистическом, обществе. Епископ Игнатий хотел доказать, что душа действительно претерпевает муки за грехи после смерти. Но для этого ему надо было доказать, что эти муки реальны, чувственны. А если душа совсем нематериальна и безтелесна, то как тогда она чувствует эти муки? И святитель развертывает перед читателем подробную аргументацию из доводов разума и свидетельства отцов и житий святых, что душа имеет свое тонкое, но вещественное тело. Согласно сознанию того времени он назвал его «эфирным телом» («Слово о смерти». С. 74, 75). В ответ епископ Феофан Затворник не менее аргументированно, но более опираясь на православное святоотеческое богословие, доказал обратное: «Ангелы суть невидимые, безплотные духи, составляющие умный мир... Души тоже суть существа духовные и разумные, невидимые и невещественные... В естестве душ и Ангелов решительно отрицается вещественность» (Душа и Ангел. С. 11). Как видите, этот немаловажный вопрос до нашего времени остался не уточненным, «спору» двух святителей еще не дана исчерпывающая богословская и историческая оценка». *Андрей Лордус, священник. Православная антропология. Курс лекций. Вып. 1. М., 2003. С. 104—105.*

Он *умный оный мир*... потом мир сей вещественный... наконец, человека, сложенного из *невещественной и разумной души* и вещественного тела. Один и тот же есть Создатель обоих миров, *невещественного и вещественного*. А в ответе на 19-й вопрос прямо сказано, что Ангелы суть духи.

В «Пространном христианском катехизисе», в первом члене, на вопрос: «Что должно разуметь в Символе веры под именем невидимых», отвечается: «*Невидимый, или духовный, мир*, к которому принадлежат Ангелы». На вопрос же: «Что такое Ангелы», говорится: «*Духи безплотные*, одаренные умом, волею и могуществом». В том же члене вопрос: «Что такое дыхание жизни, вднутое Богом в человека при сотворении его», решается так: «*Душа, существо духовное и бессмертное*».

Отсюда вытекают следующие неопровержимые положения: **Ангелы суть невидимые, безплотные духи, составляющие умный мир**, противоположный вещественному; **души тоже суть существа духовные и разумные, невидимые и невещественные**.

Таким образом, по учению Святой Православной Церкви, **в естестве душ и Ангелов решительно отрицается вещественность**, и, надобно разуметь, *всякая вещественность*, не грубая только, но и тонкая, потому что утонченность вещества не делает его невещественным. Как ни тонок эфир, однако никто не назовет его невещественным; следовательно, отрицая вещественность в естестве души и Ангелов, Святая Церковь отрицает и их эфирность. Если бы под словами: «Душа и Ангелы невидимы, невещественны» надлежало разуметь только то, что они не имеют грубой вещественности, осязаемой и видимой, то это непременно было бы пояснено для того, чтобы христиане, обучаемые истинам веры православной, могли иметь о естестве души и Ангелов точные понятия, без опущения таких существенных черт. А так как этого не сделано, то словам этим мы обязаны придавать общий утвердительный смысл, тем более что тут стоят слова: *умный мир, разумные души*, — термины, которых никто не

прилагал и не прилагает ни к какому вещественному телу, как бы тонким оно ни разумелось. Когда Ангелы именуется умным или мысленным миром, то этим внушается, что как мысль не имеет ничего вещественного, так ничего вещественного не имеет и естество Ангелов умных, а вместе с ними и душ разумных.

Такое учение у нас всюду проповедуется и преподается: и с церковной кафедры, и в семинариях, и в академиях, и в университетах, и в гимназиях, и во всех училищах — везде, где читается катехизис. Все у нас так и исповедуют, что души и Ангелы суть духовные существа⁶². (23. С. 10—12)

Химическая теория соединения души и тела

«Связь души с телом, — умствует новое учение, — доказывает, что, несмотря на значительное различие между телом и душою, тело и душа имеют и нечто общее, имеют, употребим выражение химии, *сродство*. Если б не было сродства, то не могло бы быть никакой связи. Если же есть сродство, то душа необходимо должна иметь некоторую свойственную себе вещественность»...

Остановим теперь внимание на слове *сродство*, взятом из химии. Оно испугало нас, когда мы встретили его здесь в первый раз, возродив опасение: не состоит ли теория нового учения в союзе с началами химии. Опасение не было напрасно.

⁶² Не все современные богословы и антропологи согласны с этим. Например, В.Н. Лосский пишет: «Ангелов нельзя определять термином “безплотные духи”, даже если их так называют отцы и богослужебные тексты. Они не являются существами “чисто духовными”. Существует некая ангельская телесность, которая может даже становиться видимой (ср. примеч. 64). Хотя идея безтелесности Ангелов в конце концов восторжествовала на Западе с томизмом, средневековые францисканцы, в частности Бонавентура, держались противоположного мнения; а в России XIX века епископ Игнатий Брянчанинов отстаивал эту телесность Ангелов против Феофана Затворника» (*Лосский В.Н. Догматическое богословие // Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 251*).

С другой стороны, ученые-естественники нередко критикуют позицию святителя Игнатия за очевидную для них связь ультраматериализма с современными формами оккультизма — см., например, примеч. 65.

В «Прибавлении» вот что написано: «Тело пребывает телом до той минуты, до которой не оставила его жизнь. Оставлением его жизнью начинается разложение его. Более: этим оставлением разложение совершается; дальнейшее разложение есть только последствие главного, существенного разложения. Разложение вещества, по законам химии, не иначе может совершиться, как отделением от него одной или многих составных частей его.

Здесь указание науки на вещественность души: отделение чего-либо невещественного, отвлеченного не произвело бы на вещество никакого влияния. Но душа невидима. Что до того? Невидим и теплород*. Он не взвешиваемое начало, но отделяется химически от воды отделением незаметным и непостижимым для чувства, и вода обращается в другое вещество — лед».

Читаешь и глазам не веришь! Что ни слово, то неслыханная новость! Подумаешь, одно слово *сродство*, вырвавшееся, может быть, невзначай, вот к чему привело! Душа попала в химические элементы тела. (23. С. 174—178)

Несостоятельность химической теории

Нельзя не укорить новое учение в смешении понятий. Оно смешало, и смешало совершенно незаконно, разложение тел в неорганической природе, где химические процессы — полные господа, с разложением тел органических, где они состоят в услугах у другой, наибольшей госпожи, которую зовут жизненным началом. Эта госпожа сама есть прехитрый химик. Органическое тело у ней — лаборатория. Берет она химические же элементы и из них ухитряется устроить все разнообразные части, например, тела человеческого. Как она это делает — для химии непостижимо. Пока в теле эта госпожа, она держит все свои

* В науке долго господствовало представление о материальной природе теплоты. Теплород рассматривался как некоторая невесомая материя, которая может передаваться от одного тела к другому, изменяя его температуру. (*Энциклопедический словарь*. Изд. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. СПб., 1901.)

изделия в организме в своем виде и составе и не дает им разлагаться. Когда же она выйдет из тела, тогда части организма, лишась производящей их и поддерживающей жизнедеятельности, подчиняются внешнему влиянию воздуха, теплоты и влаги и начинают разлагаться на составляющие их элементы. Отделением жизненного начала не совершается разложение: ибо это начало не есть стихийная часть организма, а есть производящая и поддерживающая его сила. По исходе этой силы тело остается целым в своем составе; но так как оно оставляется самому себе, остается без охраны и поддержки, то и начинает разлагаться. Разложение тут только и начинается. Исход же жизненного начала не есть разложение, а только дарование свободы и простора разлагающим процессам. Вот тут-то и начинается стихийное разложение. Вот тут-то, собственно, и вступают в силу химические законы; в исходе же жизненного начала они не участвуют: то — неведомая для них область.

В неорганической природе — другое дело. Здесь не предшествует разложению исход какого-либо высшего начала, а прямо сам акт отделения какого-либо элемента есть разложение, за которым тело тотчас пропадает. Нагревайте смесь серы и ртути: выйдет киноварь, тело химически составленное. Положите в киноварь железо и нагревайте: сера соединится с железом, а ртуть отделится, и киновари не станет. Это — самый акт отделения составных частей. А там не так: жизненное начало отойдет, а тело остается цело, как было...

Новому учению кажется, что душа становится отвлечением каким-то, когда признают ее духовною. Нет, признавая ее духовною, мы никак не думаем, что она есть какая-либо идея, а есть действительная сила, реально существующая. Отделение ее от тела производит влияние на организм потому, что она оживляет тело. Отходит душа — жизни уже нет. Чтобы отделением своим произвести ей такое действие на организм, для этого нет никакой нужды быть ей вещественною и состоять в химическом *сродстве* и союзе с организмом. (23. С. 188—191)

Химия и математика обходятся без Бога

Нельзя оставить без замечания и последних слов этого скорбного отдела умствования нового учения, где говорит оно о химии и математике. «Эти науки, отделив Бога от твари безконечною разницею, как бы отворяют дверь вере, объясняя необходимость Откровенного богопознания. Отвергнуть его они не могут по причине признанного ими всемогущества Божия и независимости действий Его от суждения человеческого» («Прибавление»).

Химия и математика отодвинули идею о Боге подальше, чтоб совсем обойтись без Бога. Помышление о Боге они забросили за себя назад. Химия не знает ничего, кроме вещества; математика тоже в приложениях своих выкладок все упирает только на вещественное. Плохие они руководители к вере в Бога! Не отворяют, а затворяют они эту дверь⁶³ <...>

Вот чего ожидать надо от этих наук! Особенно химия воткнулась в стихии, и где ей приподнять голову, чтоб воззреть на небо? Есть у меня стихии, — говорит она, — да закон сродства, — чего же еще хотеть? Ни в какой сторонней силе не имею я нужды.

⁶³ О том, что науки не отворяют дверь к Богу, а фактически затворяют ее, читаем в современном научном бестселлере: «Центральный момент учения мистицизма состоит в том, что Реальность Едина. Практика мистицизма состоит в поиске непосредственных путей к этому Единому. Единый называется по-разному: Добро, Бог, Космос, Сознание, Ничто или (наиболее нейтрально) Абсолют. Никакая дверь в лабиринтном замке науки не открывается непосредственно к Абсолюту. Но для того, кто достаточно хорошо знает лабиринт, имеется возможность выпрыгнуть из системы и в личном опыте встретить Абсолют. Фактически мистическое знание дается все сразу или не дается вообще. Непрерывного пути не существует. Большинство ученых питает глубокое недоверие к мистицизму. Это и не удивительно, т. к. мистическая мысль прямо противоположна рациональной, которая составляет основу научного метода. К тому же мистицизм легко смешивается с оккультными, паранормальными и другими необычными верованиями.

Фактически многие глубокие всемирные мыслители, включая знаменитых ученых, таких, как Эйнштейн, Паули, Шредингер, Гейзенберг, Эддингтон, Джинс, поддерживали мистицизм... Некоторые ученые, а именно Брайан Джоузефсон и Дэвид Бом, верят, что регулярные мистические откровения достигаются спокойной медитативной практикой, которая может быть полезным ру-

Благочестивые химик и математик, изумляясь, как все премудро устроено мерою, весом и числом, будут тем возгревать в себе религиозное чувство; но самые науки, как науки, в производствах своих работ совершенно обходятся без помышления о Боге. «Бога отвергнуть они не могут», — говорит новое учение. Отчего же это ныне с преобладанием направления к естествоведению развилось охлаждение к вере в Бога и Его промыслению? Оттого, что науки эти не хотят знать могущества Божия. Для них ничего нет могущественнее законов природы. Идею о Боге отодвинули они в сторону. Вместе с ними ревнует о том же и новое учение. Поведет ли это к чему-либо доброму?! (23. С. 192—195)

***Ультраматериализм самопротиворечив:
эфирное тело несовместимо с разнообразием частей тела***

Новое учение говорит: «Душа и Ангел — полное тело, имеющее весь образ человека: голову, волосы, лицо, очи, уши, перси, руки, ноги».

ководством в формулировке научных теорий... Роджер Пенроуз описал математическое вдохновение как “неожиданный прорыв” в Платонический мир. Руди Рюкер сообщил, что Курт Гедель также говорит о “другом отношении к реальности”, которым он мог непосредственно воспринимать такие математические объекты, как бесконечность. Гедель сам, по-видимому, был способен достигать этого с помощью практики медитации, отключая все другие чувства и лежа в тихом месте. Для других ученых опыт откровения приходил спонтанно, среди дневной суеты.

Фред Хойл рассказывает один случай, который он пережил во время езды по Северной Англии. “Это похоже было на откровение, случившееся с Павлом на пути в Дамаск”, — говорил он и описал его как подлинное религиозное событие. Хойл верил, что организация космоса контролируется “Сверхразумом”, который управляет его эволюцией с помощью квантовых процессов. Наконец, теологический Бог Хойла (наподобие Аристотелевского или Тейяр де Шарденовского) направляет мир к финальному состоянию в бесконечном будущем. Хойл верит, что Сверхразум, действуя на квантовом уровне, может внедрить мысли или идеи из будущего в готовом виде прямо в мозг человека. Это, он полагает, и есть основа как математического, так и музыкального вдохновения» (*Paul Davies. The mind of God. P. 226—229*).

Рафаэль. Афинская школа (фрагмент). Эвклид и науки

Благочестивые химик и математик, изумляясь, как все премудро устроено мерою, весом и числом, будут тем возгревать в себе религиозное чувство; но самые науки, как науки, в производствах своих работ совершенно обходятся без помышления о Боге... Отчего же это ныне, с преобладанием направления к естествоведению, развилось охлаждение к вере в Бога и Его промыслению? Оттого, что науки эти не хотят знать могущества Божия. Для них ничего нет могущественнее законов природы. Идею о Боге отодвинули они в сторону. (С. 299)

Чтоб это разнообразие частей могло иметь место и чтобы эти части отличались сами в себе одна от другой и были отличаемы другими извне, необходимо допустить в составе их различие элементов.

Состав глаза должен отличаться от состава руки, ноги и проч. Если так, эти тела-души не могут состоять из одного эфира, как полагает новое учение, ибо эфир признается самую простою из всех мировых стихий, который сам по себе не может дать разнообразия составных частей для образования души-тела в целом ее виде.

Можно придумать и другие тонкие вещества, подобные эфиру по тонкости, но разные по свойствам, чтобы составить душу. Но тогда все же нельзя сказать, что душа проста и несложна, а должно признать ее многосоставным организмом, хотя бы и тонким⁶⁴.

Согласится ли новое учение дополнить себя этим положением? Если согласится, а не согласится едва ли можно, то должно согласиться вместе с тем, что душа-тело не из эфира только состоит, — или сознаться в своей несостоятельности. (23. С. 195—196)

Ультраматериализм несовместим с организацией частей тела

Таким образом, существенный смысл нового учения необходимо требует разнообразия стихий в составе души-тела, хотя бы то наитончайших. Став на эту точку, мы спрашиваем: кто

⁶⁴ «[Епископ] Феофан в своих возражениях подчеркивал, всего больше, простоту души, — и вряд ли возможно считать сознание или совесть только чем-то “эфирным”! Для объяснения связи души и тела нет повода овеществлять душу, — достаточно допустить их динамическое сродство. Впрочем, [епископ] Феофан соглашался допустить, что душа как бы одета некой “оболочкой, тонкой, эфирной”. Ссылки на химию и математику вряд ли убедительны в богословском рассуждении. Доводы [епископа] Феофана вполне исчерпывают вопрос». *Георгий Флоровский, протоиерей*. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 394—395.

организатор этих разнообразных частей из стихий — тонких и эфириобразных? Кто держит их в целости и единообразном соотношении? Ведь должен же кто-нибудь?! В организме тела нашего все исходит из одной центральной силы жизненной и ею все хранится. Такая же сила должна быть присуща и организму души-тела. Если не допустить такого организатора, то придем к мысли, что все части души-тела не состоят в жизненном взаимном сочетании, а так, приставлены одна к другой. Отсюда, далее, все станет непонятно и затемнится: и движение, и чувство, и всякое действие, даже в самом простом его виде.

Признает ли новое учение необходимость и этого дополнения? Если признает, — а не признать нельзя, — то должно изменить свое главное положение, будто душа есть тонкий эфириный образ видимого человека и больше ничего. (23. С. 197)

***Ультраматериализм несостоятелен:
вещество не способно мыслить***

Берем новое учение на том пункте, что в душе — эфирином теле признается способность мыслить, или вообще способность к проявлению духовных действий. Спрашивается: телу ли эфириному, вещественному дана способность или в это эфириное тело внедрена отличная от вещества сила, и сила невещественная, духовная, — дух? Но первое немислимо: способность мыслить так несовместима с веществом, как огонь с водою⁶⁵. Если бы кто

⁶⁵ «Тварные духи, будучи сверхпространственными и сверхвременными субстанциями, сами по себе не зависят от пространства и времени — они лишь проявляют свою активность в пространстве и времени, управляя материальными частицами. Противоположная точка зрения, утверждающая материальность тварных духов, не имеет достаточного основания ни в Священном Писании, ни в наследии отцов Церкви (это убедительно показал святитель Феофан Затворник в своей книге: “Душа и Ангел — не тело, а дух”. М., 1891). Адепты этой точки зрения — впервые ее высказал Демокрит — обычно считают душу точным подобием тела человека со всеми деталями его пространственного вида, но состоящим из какого-то “тонкого вещества” или “тонкой материи”, например из эфира. Очевидно, мы имеем дело с традиционным оккультным представлением о

стал верить, что Бог даровал веществу способность мыслить, то и на этом нельзя успокоиться, ибо и Бог не силен сотворить то, что само себе противоречит. Веществу нельзя дать способность мыслить, как только претворив его в дух невещественный. В тот момент, когда вещество стало бы мыслить, оно должно перестать быть веществом. (23. С. 201–202)

том, что душа — это “тонко-материальный” (“эфирный”) двойник “грубо-материального” тела человека... Отметим прежде всего, что, каким бы ни был материальный субстрат тварных духов по своей физической природе — в современной физике частиц недостатка в экспериментально открытых и пока еще гипотетических частицах нет, — утверждение о материальности тварных духов позволяет вслед за святителем Феофаном охарактеризовать такую концепцию как “ультраматериализм, или материализм, вышедший из своих пределов” со всеми его проблемами и противоречиями. Мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: именно несостоятельность материализма в объяснении происхождения и природы феноменов жизни и сознания, его неспособность объяснить, почему существуют законы природы, — все проблемы материализма приводят к необходимости введения понятия о тварных духах (я отвлекаюсь сейчас от очевидных религиозных истоков этого понятия). Объявляя тварные духи материальными, мы скатываем сизифов камень нерешенных проблем материализма к подножию — тотчас со всей остротой встают как все старые проблемы материализма, так и возникают новые. Что такое жизнь и сознание в ультраматериализме? Если душа — материальна, то как она может мыслить? Какова природа мысли? Как материальная душа может быть активной? Как материальная душа управляет своим материальным телом (эфирным?), и как она управляет материальным телом человека? Что является источником ее активности, сознания и воли? Имеют ли тварные духи бытие в пространстве и времени, как и все материальные тела, и если имеют, то как тогда они могут быть посланниками Творца? Как возможна мистическая интуиция? Ограничимся этими вопросами — список их можно продолжать до бесконечности... Обсуждаемая точка зрения не является концепцией в строгом смысле этого слова: она совершенно не продумана философски, не решает никаких проблем и бедственна по своим следствиям для богословия — я ее называю ультраматериалистической концепцией только для удобства. Я не буду здесь воспроизводить историко-богословскую аргументацию святителя Феофана против ультраматериализма, ограничиваясь этими беглыми критическими замечаниями, и отсылаю заинтересованного читателя к его книге — важность вопроса требует отдельного и более обстоятельного обсуждения, особенно учитывая широкую распространенность ультраматериализма: он характерен, в частности, для различных форм оккультизма». *Тайнов Э.А.* Трансцендентальное. Очерк православной метафизики. С. 169–178.

Заключительный аргумент против ультраматериализма

Новое учение покушается уверить, что кроме эфирного тела, которое, по его мысли, есть душа и Ангел, ничего нет. Во всей совокупности тварей духа нет. Дух только один Бог⁶⁶.

Только Бог — дух?.. Но когда в совокупности тварных явлений есть явления духовные, то что ж это, безсубъектные, что ли, явления, блуждающие метеоры, или они имеют свой субъект?

Если необходимо им иметь субъект, из коего исходят, а между тварями нет такого субъекта, ибо они все признаны вещественными, неспособными к духовным проявлениям, то субъекта такого надо искать за пределами тварей и, конечно, в Творце.

Но совокупность духовных, известных нам явлений вся ли такова, чтоб ее можно было без смущения всю относить к Творцу как к причине? Таким образом, даже благоговение к пречистому и всесовершенному творческому естеству должно привести нас к признанию между тварями конечных духов.

Этими немногими соображениями мы и заключим наше сильное борение с новым учением, в полном желании, чтоб оно одно осталось без субъекта и исчезло, как исчезают вдали блуждающие огни, не оставив заметного следа. (23. С. 204—205)

⁶⁶ «По-видимому, сторонниками этой концепции движет благочестивое желание провести грань между тварным духом и Духом Несотворенным: по сравнению с чисто духовной Природой Бога — Духом Нетварным — “тварный дух” опрометчиво объявляется “ограниченным”, грубым, материальным. Следует отметить, что признание духовной природы тварных духов отнюдь не означает отсутствия онтологической пропасти между природой тварных духов и Сущностью Бога — Духом Нетварным: являясь Бытием, тварь останется тварью, бесконечно отличающейся от Творца, Абсолютного Бытия, духовной ли она природы или материальной. Нет никакой необходимости для проведения такого различия считать природу “тварных духов” материальной или хотя бы примешивать в их духовную природу “немного материальности”, делая их природу двойственной, как у человека: даже чисто духовные по природе тварные духи как потенциальные личности, несовершенные ипостаси, и по природе, и по своим ипостасным свойствам, в соответствии с апофатическим богословием, бесконечно уступают Сверхличности Христа». *Тайнов Э.А.* Трансцендентальное. Очерк православной метафизики. С. 174—175.

Читать ли писания преосвященного Игнатия [Брянчанинова]? — Читайте... Только статью о смерти не читайте, и то не всю, а только несколько листов, кажется, в начале, где он говорит, что душа и Ангел телесны⁶⁷. (5. С. 187)

⁶⁷ «В недавние времена было несогласие между святителем Феофаном Затворником и святителем Игнатием Брянчаниновым: “Читать ли писания преосвященного Игнатия? Читайте. Только статью о смерти не читайте. И то не всю, а только несколько листов, где он говорит, что душа и Ангел телесны, и доказывает. Эти листы вырвать лучше из книги. Вся статья очень назидательна, а эти листки портят ее. Враг его подзадорил. Можно думать (и я так думаю), что душа и Ангел — духовны по естеству, но облечены тонким эфирным телом, а чтобы они по естеству были тело, так думать нельзя”. Да, труды отцов не безгрешны. В них есть и исторические ошибки, и воспроизведение тех научных представлений, которые были характерны для культуры их времени и которые, конечно, несовместимы с теми знаниями о мире, которыми располагает культура современная». *Андрей Кураев, диакон*. Святые люди и их книги (<http://www.kuraev.ru/patris.html>).

«Преосвященный Феофан на всем протяжении “Души и Ангела” критикует одно и только одно заблуждение (или предполагаемое заблуждение) епископа Игнатия — мысль о том, что душа и Ангелы по природе телесны и только телесны... Если бы епископ Игнатий действительно придерживался такого мнения со всеми приписываемыми ему епископом Феофаном последствиями, то это с его стороны было бы действительно серьезной ошибкой. Но даже и в таком случае она бы не оказала непосредственного влияния на остальное его учение о загробной жизни: Ангелы и души все равно действовали бы так же и там же, будь они телами и имея тела (или даже принимая тела, как сам епископ Феофан склонен был верить). Следовательно, критика епископа Феофана вообще была направлена не на всю систему учения епископа Игнатия, а лишь на один ее технический аспект. Но даже и здесь их согласие больше их разномыслия: оба согласны, что в деятельности Ангелов есть телесный аспект, будь то в этом или ином мире, и что поэтому повествования о их деятельности в житиях святых и других православных источниках должны пониматься как подлинные, а не как “метафоры” или “фантазии”, как полагают западные критики. Поэтому, с учетом всего контекста учения епископа Игнатия (и епископа Феофана) о загробной жизни, я не могу относиться к этому разногласию как к “значительному”... Не входя во все подробности расхождения между ними (что само по себе могло бы быть большой ценностью для православного богословия и православного учения о загробной жизни), я предполагаю, что со стороны епископа Игнатия ошибкой было не то, что он придерживался именно этого учения, которое критикует епископ Феофан, а, возможно, такой сильный упор

3. Проблема соединения души и тела

Подлинный духовный мир представить нам невозможно

Припомним толкование святого [Иоанна] Дамаскина о том, как говорят Ангелы. Ангелы беседуют между собою, говорит он, без членораздельного, звучно произносимого слова; они непосредственно сообщают свои мысли, из ума в ум, — то есть у них идет беседа умная, духовная, непохожая на нашу, — иначе, они говорят без языка. Почему же, применяясь к сему, не допустить, что они движутся без ног и действуют без рук, одною силою воли и ее устремлений? Это тем удобнее принять, что, по святому Дамаскину, они в месте суть как бы без места, находятся в нем, не занимая его, а только являя присутствие свое силою своего действия духовного. Если по сему можно признать, что они в месте суть без места, то как не признать, что они в образе суть без образа? Впрочем, из сего сопоставления желательно, чтобы выведено было одно заключение, что духовный мир есть для нас нечто таинственное, чего представить нам в подлинной его действительности нет возможности. Когда приходилось кому домыслиться до положения тамошних дел или Господу угодно было дать откровение о том, — то и другое делалось под образами нашей земной жизни. Эти образы представляют действительность, но не суть сама действительность. Она духовна, мысленна, не имеющая в себе ничего плотского. Апостол Павел был

на телесную сторону ангельской природы и деятельности (это довольно легко может произойти при борьбе с излишним упором западных учителей на “духовность”), что иногда могло показаться, что он говорит, что Ангелы и души имеют (эфирные) тела и что этот телесный аспект является частью их природы. Как сказал епископ Феофан, между ними не было спора, если бы это учение действительно было таким, ибо он считает его (например, “Душа и Ангел”, с. 139) допустимым мнением в таком сложном и догматически Церковью не определенном вопросе. Но тогда тем более, если даже епископ Феофан и несколько ошибался в отношении акцентов в учении епископа Игнатия, это расхождение, по-моему, должно рассматриваться как “незначительное”». *Серафим (Роуз), иеромонах. Душа после смерти. С. 439–443.*

восхищен на небо, и что сказал о нем? Что слышал там неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать. Слов нет у нас на выражение того. Наши слова грубы, чувственны, образны. (23. С. 88—90)

***Дух — субстанция души, а тело —
ее придаток, орган, жилище***

Если характеристические черты внутренней нашей жизни суть духовные проявления, то, относя все внутреннее к душе, надлежит саму душу определять по этим чертам, или видеть ее там, откуда исходят духовные проявления. Если они исходят из допущенной духовной силы, или способности, то должно и считать ее душою, господственною частью тела, что составляет отличительную черту человека, или делает человека человеком и душу душою, и то, что воображается под видом тонкого эфирного тела, счесть подчиненным ему органом, то есть правда мысли требует перенести господство от души-тела эфирного к допущаемой в ней способности к духовным действиям, названной духом, и признать этот последний субстанцией души, а тело — придатком, органом, жилищем. Такими всегда и представляются и душа отшедшая, и Ангел явившийся. Внешнее признается органом. Действующее же лицо видится внутри, оттуда оно и распоряжается господственно. (23. С. 202—203)

Проблема соединения души и тела

Всегда почти слышится возражение, вызывающее психологов, признающих душу духовною субстанциею, на объяснение: как душа соединена с телом и как действуют они взаимно друг на друга? Слишком велико кажется расстояние между духом и телом... Правда ли, что для того, дабы быть в связи и взаимодействовать, надобно быть однородным? И необходимо ли поэтому душе, по естеству духовной, быть телом, чтобы быть в связи и взаимодействии с телом? — По-нашему, это не необходимо. (23. С. 174—175)

Гипотеза динамического соединения души и тела

Кроме материального сродства, есть сродство динамическое, интенсивное, состоящее в единстве форм и законов действовани-я. Довольно предположить, что душа, будучи духовною суб-станциию, получила для своей деятельности законы и формы, одинаковые с законами и формами вещественного мира и свое-го тела, чтобы понять, как она действует посредством их на тело и обратно принимает действие от тела, не будучи сама телом.

Душа не есть отвлеченная сила... но есть сила действитель-ная, реальная, реально существующая между другими реально-стями. В этой реальности бытия лежит основание возможности действовать на окружающее и от него принимать действие. А чтоб это взаимодействие не было разрушительно, оно огражде-но подобонастроением внутренним, одинаковостью законов и форм действовани-я.

Душа-дух, реальная сила, физическою, — выразимся так, — стороною своею действует и приводит в движение все тело и, как дух, выше вещества, является в нас преобладающею и гос-подственною. Даже самое образование тела совершается этою же стороною помимо сознания и самодеятельности души.

Разумея таким образом самое тело продуктом души-духа, мы не будем уже иметь нужды решать вопрос, как соединена душа с телом, допущением, что душа есть тело. Припомним одну нашу выписку из святого Василия Великого о двоякой силе души — жизненной и разумной, — и согласитесь, что наша мысль не соб-ственно наша. Приведем и здесь то место: «Душевная сила, — говорит он, — двояка, хотя душа одна и та же, именно: одна — собственно жизненная сила тела, а другая — сила, созерцающая существующее, которую назовем также разумною. Но душа, по-елику соединена с телом, естественно, вследствие сего соедине-ния, а не произвольно, сообщает телу жизненную силу. А сила созерцательная приводится в движение по произволению!»

Вот источник и особенная форма сродности тела и души, по которым никак не требуется, чтобы они оба были телами.

Не говорим, чтоб этим объяснением секрет союза души с телом был раскрыт, но не можем не настаивать, что при нем нет необходимости в других предположениях, тем более в таких странных, по которым и душу следовало бы признать телом. Душа сочетается с телом и действует на него естественно, и обратное действие тоже принимает естественно. (23. С. 175—177)

Когда душа соединяется с телом? — В момент зачатия. — Когда Спаситель воплотился? — Тотчас, как сказала Приснодева: *се раба Господня...* Дух Святой нашел, — и Сын Божий плоть, или естество человеческое, принял... в зародыше. (6. С. 192)

Основная аналогия динамического соединения души и тела

Возьмите магнит и поместите его среди опилок железных, — они тотчас привлекутся к нему и облепят его со всех сторон. Парализуйте каким-либо способом силу магнита, — опилки все упадут, и магнит останется голым.

Точно так же и у духов есть естественная способность привлекать и отрешать стихии, с той только разницей, что то, что в магните действует механически, у духов совершается в подчинении свободе и разуму.

Душа наша, как учит святой Григорий Нисский, сама образует себе тело. Но этот процесс образования очень длинен, и притом душа, образовавши себе тело, не имеет свободы по желанию разрешить его. Духи же высшие и образуют себе тела, и разрешают их свободно, и притом по своему желанию или Божью изволению. Еще: душа наша во сне, а иногда и наяву, воображает себя в разных состояниях и видах. Переносу это на духов и говорю: что душа может воображать только, то дух высший может производить, конечно, по условиям своего высшего духовного образа существования и действия и в подчинении правящему Верховному Существо.

Так объясняю я, откуда берут и куда девают Ангелы тела свои, в которых являются. (23. С. 150—151)

Как люди видят Ангелов

Обыкновенный порядок видения Ангелов при ангелоявлениях есть тот, что по снисхождению Божию к человеку они до того отелесяются, что бывают видимы, как все другие видимые предметы; в особенных же чрезвычайных случаях ангелоявлений Бог особенным действием открывает очи людей, потому более, что Он же в иных случаях и удерживает очи людей от видения.

Принять же исключительно один последний способ ангеловидения и простираť его на все случаи никак нельзя. Содомляне, например, видели Ангелов: неужели можно думать, что Бог открыл им очи, когда это видение было им не на созидание? Равно трудно согласиться, чтобы таким же образом видны были Ангелы, когда их видело множество людей и добрых, и злых, и верных, и неверных, как было, например, в отношении к Ангелу, руководившему Товию*. **Но еще несообразнее приложить этот же способ к видению нечистых духов. Природа у них и по падении осталась ангельская, невидимая в естественном порядке их бытия: ужели же, чтоб и их видеть, отверзает Бог очи видящих? Быть не может!** В каких страшных и безобразных видах они являются! И Бог станет открывать очи, чтоб видеть эти страшилища?!

Я полагаю, что духам безплотным Бог даровал способность привлекать к себе, когда это требуется, известные стихии и образовывать из них вокруг себя известную оболочку и потом, когда минуется надобность, отрешать их от себя и возвращать в первое состояние. Таким способом Ангелы образуют себе как тело в виде человеческого, в котором обыкновенно являются, так и одежду, и все, с чем являются; и таким же способом все это опять разлагается на свои стихии. И мне кажется, что этот способ объяснения есть самый простой и натуральный, а главное — обнимающий все случаи ангелоявлений. (23. С. 146—150)

* См. Ветхий Завет, Книга Товит.

Видение преподобного Арефы в болезни его

Обыкновенный порядок видения Ангелов при ангелоявлениях есть тот, что по снисхождению Божию к человеку они до того отелесяются, что бывают видимы, как все другие видимые предметы; в особенных же чрезвычайных случаях ангелоявлений Бог особенным действием открывает очи людей... Принять же исключительно один последний способ ангеловидения и простирать его на все случаи никак нельзя. Но еще несообразнее приложить этот же способ к видению нечистых духов. Природа у них и по падении осталась ангельская, невидимая в естественном порядке их бытия: ужели же, чтоб и их видеть, отверзает Бог очи видящих? Быть не может! В каких страшных и безобразных видах они являются! И Бог станет открывать очи, чтоб видеть эти страшилища?! (С. 310)

***Душе по разлучении с телом свойственно
являться людям естественно***

Душа есть действительная, живая сила, хотя и умная, чисто духовная. Свою бытовую, так сказать, физическую стороною она устрояет тело, оживляет его, движет и действует чрез него; а другую стороною — высшею в то же время сознает себя, свободно действует, созерцает пренебесное, размышляет о земном и стремится к Божественному и вечному.

Из этого выводится еще и то заключение, что если душе свойственна сила действовать на вещественное, пока она в теле, то нет основания представлять ее не имеющею этой силы, когда она разлучится с телом, и что как Ангелам свойственна естественная сила действовать на вещественные стихии, так свойственна такая же сила и душам отшедших, и что, следовательно, когда отшедшие из сей жизни являются, для объяснения этого нет нужды предполагать, что они имеют оболочку, а тем менее думать, что они суть тело, а достаточно убедиться, что душе естественно свойственна сила действовать на стихии, которые она может привлекать к себе и отрывать от себя, когда требуется. (23. С. 50—51)

Духовное единение в едином теле

Что такое единение духа? — вопрошает святой Златоуст. Как в теле душа все объемлет и сообщает некое единство разнообразию, происходящему от различия членов тела, так и здесь. Но душа дана еще и для того, чтоб объединять людей: старец и юноша, бедный и богатый, отрок и взрослый, муж и жена и всякое существо, одаренное душою, есть нечто единое; это единство уже более единства телесного. В духовном же единстве еще больше совершенства. Как огонь, попадая на сухие деревья, обращает их в одно горящее тело, а над влажными не оказывает такого действия и не соединяет их между собою, так и здесь: холодность душевная не способствует единению, а теплота душевная большею частью каждого привлекает к себе. Вот это-то и

есть теплота любви. Святой Апостол словами: *тщящяся блюсти единение духа в союзе мира* (Еф. 4, 3) — хочет всех нас соединить узами любви. Мало того, он желает, чтобы мы связаны были не одним миром, но чтобы у всех нас была одна душа. Это прекрасные узы: они соединяют нас и между собою, и с Богом. Эти узы не обременяют и не стесняют никого; напротив, дают человеку большую свободу, открывают ему большее пространство для деятельности и делают узников веселее свободных. Этого союза не может нарушить ни пространство места, ни небо, ни земля, ни смерть, ни что-либо другое: он выше и сильнее всего...

Существо христианства таково, что все верующие во Христа составляют одно живое и живосочетанное тело (см.: Еф. 4, 15—16; Кол. 2, 19), в котором обитает дух единый, преисполняющий его и приводящий все в нем в движение, которое потому и едино, что оживляется единым сим духом. — Вот первое и главное побуждение к единению в союзе мира! И это тем должно быть натуральнее, что, при единстве тела и духа, у нас еще и одни надежды. Всем одно обетовано Царство, дверь в него равно для всех открыта. «Единый, — пишет блаженный Феодорит, — прияли вы дух, одно составляете тело, одно дано вам упование и Царствия Небесного». Так из-за чего же нам особиться друг от друга, нарушать единение духа, разрывать союз мира? (19. С. 516—519)

4. Проблема формы души и Ангелов

Видения даются, чтобы вкусить сладость оного века

Видения не суть представление духовного мира, как оно есть в действительности, а только назначаются для того, чтобы дать вкусить сладость оного века и тем очистить вкус души — к духовному и дать ей ощущать горечь всех сластей земных человеческих, не исключая и тех, кои носят имя невинных удовольствий. (9. С. 535)

Видения даются, чтобы сердце оторвать от земли

Приходилось с кем-то говорить о видениях, и отчего видения по смыслу одинакие бывают разны по форме. Я и толковал вопрошавшему, что форма не выражает существа тамошних вещей; ибо она не похожа на наши, и видения не для того даются, чтобы дать познание, — а сердце оторвать от земли. Потому форму надо в сторону, а все — отдавать этой единой цели. (9. С. 543)

Мы не можем мыслить без значка-формы

Мы не можем ни о чем мыслить без значка, без черты какой-либо, означающей и отличающей мыслимый предмет. На самые отвлеченные идеальные предметы мысль кладет значок и под сим значком их представляет. Даже когда о Боге мыслим и свойствах Его, то же она делает. — Но ведь это далеко не та форма, какую вы хотите придать душе и Ангелу. (9. С. 524)

Признание материальной оболочки души — разумный компромисс

Беда у нас одна — привычка все оформлять. О чем ни стань рассуждать, все вставляется в форму. И о Боге рассуждать не можем безформно, как ни толкуем себе, что этому не следует быть. Тут мы с собою ничего не поделаем. Остается одно: властно повелеть себе — не смей пространственной формности переносить в мир духовный. Эта форма — для вещественного мира; для духовного же есть другая какая-нибудь. Хоть ты не можешь совершенно отрешиться от этой формности при размышлении даже о духовном мире и даже о Боге, но верь — что там эта категория неприложима.

Сей указ напишем и подпишем: слушали и к исполнению обязуемся. Сколько, однако, найдется лиц, кои не дадут никакой силы сему указу и от исполнения откажутся. Трудно представлять душу или Ангела иначе, нежели как они являются. Спросите, кто, рассуждая о них, не воображает их такими?! И я это всегда делаю; верно, и Вы, и все другие. — Признаюсь, что мне часто

приходит на мысль, — не уступить ли тем, которые придают душе и Ангелам оболочку тонко вещественную. Тогда все недомения относительно формы порешатся сами собою. Естество души и Ангелов будет дух — сознательная свободно-разумная сила; а оболочка эфирная будет придаток к сему естеству, приданный ради необходимости их являться и действовать среди вещественного мира. Вы несправедливы к этому воззрению, считая его нелепым. Оно не чуждо и отцам Церкви некоторым. И святой Максим Исповедник, порицая считавших душу и Ангела телом, говорит, однако ж: иное дело иметь тело и иное быть телом. Он будто говорит, что Ангел не тело, а имеет тело; по крайней мере не порицает такой мысли. А я той мысли, что если уж не можем отрешиться от формы при представлении души и Ангела, то гораздо рациональнее будет признать их облеченными в тонкое какое тело, нежели признавать их духом, вместе с тем допускать и доказывать, что они имеют и форму, протяженную по своей природе: ибо в последнем противоречие себе, а в первом ничего сего нет. (9. С. 523—524)

***Допущение тонкой оболочки души
дает пространственную форму и движение***

Как душа и Ангел есть в каком-либо месте: есть так, как и Бог есть где-либо. Бог везде есть не протяжением естества, а есть везде весь, во всяком месте есть. Так — как Бог есть в известном месте, так есть в нем и Ангел, и душа. Разница та, что душа и Ангел в этом только месте и суть, а Бог не в этом только, но во всяком месте есть. Если уж нам не хочется отстать от формы, согласитесь признать оболочку: тут сейчас выйдет и форма пространственная, и движение, и все будет обстоять благополучно. (9. С. 525)

***Естество души — духовно,
но ее образ-оболочка может быть телесной***

Вся книга моя [«Душа и Ангел»] направлена к доказанию, что естество души и Ангела не может быть вещественно. Но иное

дело естество, иное — образ бытия. Кто не хочет принимать душу без оболочки, тот пусть допускает сию оболочку, но мимо естества души, которое должно быть духовно. Допустив оболочку — тонкую, эфирную, получит форму и останется доволен. (2. С. 4)

Можно думать (и я так думаю), что душа и Ангел — духовны по естеству, но облечены тонким эфирным телом, а чтобы они по естеству были тело, так думать нельзя. (5. С. 187)

Форма человека — лучшая форма для Ангелов

Тело душевное есть тело, коим облечена душа, тело духовное — тело, коим облечен Ангел. То и другое эфирное, тонкое. У Ангела посветлее, ибо он повыше, у души менее светло, ибо она пониже. Не лучше ли же согласиться на признание эфирной оболочки у души и Ангела? — Согласитесь: урона никакого не будет. (9. С. 524)

Какую же форму имеют Ангелы? — Этого... мы не можем сказать. Но если не можем сказать, то не можем сказать и того, что эта форма не похожа на форму человека... К тому же не об Ангелах одних речь, а и об душах. — Душе всего приличнее иметь форму человека обычную. Но если ей это прилично, почему отрицать сие в Ангелах? — Лучше формы, как форма человека, мы придумать не можем. Почему, если уже пошло на формы, всего естественнее Ангелов представлять под сею формою, тем паче что они всегда являлись в сей форме. — Только опять... признайте оболочку — светленькую, чистенькую и придайте ей форму какую угодно, всего же пригложее форму человека⁶⁸. (9. С. 525)

⁶⁸ «Еще один вопрос, который мы должны уяснить себе, — это наличие образа Божия у Ангелов. Являются ли Ангелы обладателями образа Божия, как и люди, или только человек таков. Ведь очевидно, что при настоящем, падшем состоянии человек по своему реальному образу много ниже Ангелов света... “Сами в себе они [Ангелы] имеют образ и вид духовный, умственный, который состоит не в каких-либо внешних очертаниях, а в соотношениях духовных сил и

Но лучше оставить вопрос о форме души и Ангелов

Отстаивать формность душ и Ангелов... неудобно и опасно. Потому лучше от него [этого пути] отстать. И если не хочется оставить сего предмета неотрагиваемым, то гораздо лучше — признать эфирное тело у Ангелов и душ. — Это допускали некоторые святые отцы; этим удобно объясняются все вопросы о месте, образе явления и форме Ангелов и душ и их сношения между собою и с нами. Между тем духовность естества собственно Ангелов и душ остается неприкосновенною. (9. С. 526)

Мысли о форме души и Ангелов лучше бы отложить в сторону. Лучше уже так говорить: они дух, а как они есть, не ведаю. Рассуждениями о форме затемняется мысль о духовности. Дух, имеющий протяженную форму, предельность, очертание, подлежащий трем измерениям — в длину, ширину и высоту, — что за дух?! — Если он таков, можно его разрубить на две, на десять и на тысячу частей, и на сколько хотите. — Трехмерное протяжение мыслимо ли без частей разделяемых? И мыслим ли дух делимый? Следовательно, эти понятия не сочетаваемы в одном и том же существе. Если дух, то не протяжен, и если протяженно что, то не дух.

Затем, святые отцы, писавшие о душе и Ангелах, всячески чуждались мысли о протяжении и четко выговаривали, что трех протяжений нет у душ и Ангелов. Так у Афанасия [Александрийского], у Григория Нисского, Иоанна Дамаскина и Максима Исповедника. Останется решить, как они являются в протяженной форме и действуют на вещественные предметы? —

в образе их действования. ...Но имея сей духовный образ и вид, они по естеству своему не имеют вида и образа телесного" (*Святитель Феофан Затворник*. Душа и Ангел. С. 140). Несколько иная точка зрения у преподобного Анастасия Синаита и у писателя, уже известного нам под именем Псевдо-Анастасий. Оба ставят достоинство человека столь высоко, что и Ангелов не решаются причислить к творению по образу и подобию Божию». *Андрей Лоргуз, священник*. Православная антропология. С. 175—176.

Лучшее решение: как им Бог определил, так и действуют, и являются. (9. С. 522—523)

***Лучше заботиться о подражании Ангелам,
чем рассуждать об их естестве***

Впрочем, сколько ни бейся, точного познания о естестве духов добиться мы не можем. Ангелы Божии около нас суть — и смотрят на нас, рассуждающих об их естестве, и, качая головкою, говорят: «Сумасшедшие, нашли о чем толковать... О подражании нам заботились бы да о том, как бы нас от себя не отгонять срамными делами своими, — а они вот о чем трактуют». Так бросим... Будем лучше чаще читать: святые Ангелы Божии, молитесь Бога о нас. (9. С. 529)

5. Три характеристические черты духовного света

Первая черта — просвещение всех

Характеристическая черта истинного света есть *просвещение* всех (см.: Ин. 1, 9). Это не то значит, чтобы всякий уже и просвещен был, — нет, многие остаются не просвещенными от Него, — а то, что если кто просвещен, то просвещен именно только Им. Кто же не Им просвещен, тот являет только призрак просвещения, как бы ни величали его просвещенным. Вне Господа Иисуса нет света, а все — мрак и тьма густая.

Просвещение, даруемое Иисусом Христом, есть просвещение духовное...

Тот, кто только прилепится к Господу, становится светлым до того, что и сторонние могут видеть это в светлости взора и в отрадном состоянии духа, отражающемся в словах, делах и движениях. Внутреннее их преисполнено света. Они светлы вкушением благ принятых и упованием принять еще лучшие и большие, — светлы любовью и добротой, светлы благочестием и богобоязненностью сыновнею. И все это им дает Господь Иисус

Христос, воплотившийся Сын Божий, научивший нас истине, пострадавший за нас, Духа благодати нам заслуживший и отверзший нам двери Небесного Царствия, куда и вошел уже как предтеча, влеча и нас всех к Себе и всех ожидая. (29. С. 335—337)

Вторая черта — прикровенность

Вторая характеристическая черта истинного света есть *прикровенность*. — *В мире бе, и мир Тем бысть, и мир Его не позна* (Ин. 1, 10). Не так он светит, чтоб хочешь или не хочешь, быть им просвещаемым. Сам в себе он всесветел, всеозаряющ, всепросветителен; но узревают Его свет и принимают от него светлость только свои ему, только те, кои раскрывают в себе соответствующие ему органы духа своего. Все в мире вещественном и человеческом идет своим чередом: и духовное просвещение совершается своими сокровенными путями, кои проходят невозмущенно среди всех треволнений и видоизменений внешних, как луч света сквозь воздух, возмущаемый ветром.

Так было всегда, так есть и так будет. Так учредить угодно было Господу, прежде всего по характеру света сего, который живоносен; пути же жизни, или животворные действия и движения его, всюду сокровенны от ока любопытных; а потом и ради того, чтоб не метать бисера пред теми, кои могут потратить его, чтоб яркостью света не вязать свободы, а освещать только хотящих и ищущих и привлекать к себе только достойных и годных, чтобы идущие к свету являли и некую самостоятельность, и имели в том заслугу, что узнали свет истинный. Это похоже на притчи. В притчах закрыта истина; имеющий зародыш, или предзрение, истины, понимает ее, а другой ничего в ней не разумеет: ибо склад ума его, правила жизни и вкусы сердца, весь запас опытов и понятий у него совсем другой. То же и здесь: для узнания и принятия истинного духовного света от Господа надо иметь свой орган духа готовым к тому. У кого этого нет, тот не узнает и не примет его. Как только имеющий уши слышать — слышит, так только имеющий очи видеть — видит.

Орган к принятию света истины есть дух, положенный в естестве нашем. Он есть у всех, и никакие силы истребить его не в состоянии. Подавить, заглушить, забить его можно, но истребить нельзя. Дух в нас — страх Божий, или чувство Божества, с сознанием своей от Него зависимости, совесть и недовольство ничем тварным. Кто не поглощен миром, бережет совесть и хранит страх Божий, тот познает истинный свет в Господе тотчас, как только будет возвещено ему о нем. Грех подавляет наш дух, закрывает орган к познанию и принятию света — Господа: но сознание своей греховности снова раскрывает его и творит готовым к сретению Господа. (29. С. 338—340)

Третья черта — новое творение

Третья черта истинного света есть новое творение, возрождение духовное, и вследствие того *чадство Богу. Елицы же прияха Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его* (Ин. 1, 12). Падшим иного исхода не было, как или погибнуть, или, в силу возстания, стать на высшую степень чадства Богу. Благодать Божия избрала последнее. Отчего не исполнен приговор: *смертию умрете* (Быт. 2, 17)? Оттого, что тогда уже заступился за нас Сын Божий, и сила Его заступления тогда же начала действовать...

Верующий в Господа Иисуса Христа в сердце своем носит такое убеждение: «Я погубил себя грехом и спасаюсь только силою Господа, за меня распеншегося и благодатию Своею меня оживотворившего». Сознание беспомощности греховной и грешности погубительной приводит к Господу Спасителю и привлекает Его, ибо Он на то и пришел, чтоб грешников спасти.

Такие-то от Бога и рождаются. Как рождаются — ведомо единому Богу. Новая во Христе жизнь — непостижимая тайна... Какими путями свет коснулся одних, а другие, тут же сущие, не ощущают его — этого никто не может сказать не только из сторонних, но даже из тех самих, которых коснулся свет благодати Божией. Лучшее решение сему: *от Бога родишася* (Ин. 1, 13), не

пытая, как и насколько тут участвовало самовластие и самодействие человеческое. Ни естественное рождение, ни положение в свете, ни степень образования, ни все другие сторонние влияния ничего тут не значат. Все от Бога... Духовное рождение возбуждается благодатью чрез слово Его и совершается чрез Святые Таинства. Слово Божие, внешне ли принятое и внутренне внятое или прямо внутрь изреченное и принятое, изливает свет и силу, возбуждает, и укрепляет, и в Таинствах новотворит, как это было в начале, когда изрекал Бог слово и все являлось сущим. Посему все возрожденные чада Божии *порождены суть словом живаго Бога, пребывающаго во веки* (см.: 1 Пет. 1, 23).

Как после этого далеки от истины те, у которых христианство есть только известный образ воззрения на все сущее и известный строй правил жизни!.. Ищите нового от Бога рождения, чтоб не именоваться только, но и стать чадами Богу, не в силу лишь благоволения Его, но в силу новой жизни, от Него принятой и живым общением с Ним поддерживаемой, возвращаемой и совершаемой. (29. С. 343—346)

6. Проблема развития мира

Цель развития вещественного и духовного мира — богообщение

Бог от вечности положил предначертание всему, что исполняется теперь во времени. От века видел Он являющееся добро и зло, счастье и горе и положил быть тому так. Свободно создал Он мир — никто не мог принудить Его. Мог создать и не создать. Мог создать многообразно — иначе, нежели как создал. Но как из всех возможных образов бытия мира благоволил Он избрать именно тот, который видим теперь, то верьте и содержите, что это есть лучший образ бытия, какой может иметь тварь конечная, во времени являющая свое бытие. Что могло быть, мы не знаем, а что есть, того непостижимой мудрости должны

изумляться. — Вот характеристические черты сего бытия. Мир вещественный не имеет в себе цели. Он жилище разумно-свободных тварей и поприще их развития и совершенствования. Для последних конец — *богообщение* чрез богоподобную добродетель, — свободно, по желанию и любви их самих приобретаемую, и *блаженство* вечное — плод труда в стяжании богоподобия. (14. С. 143—144)

Различие законов вещественного и разумно-свободного мира

Всеуправляющая десница Божия имеет два закона для действий своих: иначе действует она на мир вещественный и иначе на разумные твари. Вещественный мир течет по положенным в нем силам и законам к указанной ему мете* неуклонно. Тут нет места произволу! — Только ради высших нравственных целей Божественное мановение приостанавливает, ускоряет или изменяет иногда сие течение на время, в известном месте и случае, оставляя его всюду, кроме сего, неизменным. Не то в отношении к разумным тварям, для которых вещественный мир есть только место развития, поприще и сцена действия. Здесь назначает Господь и частные и общие цели; но к достижению их никого не связывает, а ожидает, чтоб разумно-свободные твари сами сознали сии цели и сами себя свободно определяли к достижению их. Те, кои входят в намерения Божии, уболажаются и блаженствуют. Те, кои не хотят войти в сии намерения и уклоняются от них, отвергаются и страдают. Но это уклонение некоторых не делает того, чтоб намерение Божие осталось не исполненным. Одни не исполнили, другие лица вступят на место их, чтоб исполнить. — Если и сии не исполняют, воззваны будут третьи и четвертые, пока наконец явятся такие, кои верно исполняют их. Неизменность законов промышления Божия относительно разумных тварей состоит в неизменности целей, а в исполнителях их оставлен полный произвол, полная свобода —

* *Мета* (церковнослав.) — цель.

и, стало, — изменчивость. Вся задача, стало быть, и частных лиц, и целых обществ, и государств — в том, чтоб войти в намерения Божии и исполнять их, попасть на путь промысления Божия и идти по нему. Народ, верный указаниям Божиим, благословляется и благоденствует, стоит и крепнет; народ, перестающий быть ему верным, слабеет по мере неверности, как по мере верности стоит и продолжает жить.

Как же попасть на путь промысления Божия? — Верным исполнением воли Божией и преданностью Его водительству. — Воля Божия изложена во святой вере Христовой: ходи по указанию и требованию сей веры, — и будешь ходить в воле Божией. (14. С. 82—83)

Воздействия Божии и свобода человека

Бог, создав мир, дал всему течение, сообразное с целью мира, Ему единому ведомой. Силы мировые по положенным в них законам непрерывно действуют сами, поддерживаемые вседержительною десницею Божиею, только в бытии своем. Но Бог вездесущий и все содержащий нередко входит в течение вещей, сим образом идущее, особенным воздействием, там или здесь, не по ошибочности направления действующих физических сил, но по особым Своим планам, выполнение которых не могло быть вверено физическим силам ни по частям, ни в их совокупном действовании.

Это особенно видится необходимым по причине свободы разумных тварей, по коей они могут уклоняться от направления, волею Божиею им определенного в общем плане бытия. Так как такое уклонение расстроивает общее течение к цели по плану миробытия, то необходимо возвращать их к должному направлению, чтоб общая цель была достигнута. Это и совершается особенными непосредственными воздействиями Божиими, помимо естественных сил. Центральное воздействие сего рода есть Воплощенное Домостроительство, около которого вращаются и все другие. (17. С. 462—463)

Все земное развивается

Мы развиваемся. Свойство развития таково, что, оставляя старое, оно заставляет принимать новое: рамы старые неместительны для новых, развившихся форм жизни. Так это бывает во всем земном и во всех делах человеческих, но не так — в вере, которая, будучи неземного происхождения, не может подлежать участи земных изменений. (14. С. 64)

Ключ к разъяснению перемен в мире — в мановениях Божиих

Не думайте, что видимые причины суть истинные причины того, что бывает с нами и вокруг нас. Нет. Все управляется невидимыми мановениями Божиими, — и сии мановения всегда находятся в прямом соответствии с движениями сердец человеческих. Бог действует в нас, судя по тому, как мы держим себя в отношении к Нему. Не каемся — наказует... каемся — милует. Здесь ключ к изъяснению поворотов и перемен — не в одной нашей частной жизни! *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничтожит.* Так — все будущее в руках Божиих: потому или в преданности Богу ходи, или спеша раскаянием отврати грозное определение судов Его. (14. С. 10)

Совершенство тварей достигается борьбой с испытаниями

Сообразив все, известное нам о начале мира и от начала мира доселе, можем удостоверительно сказать, что вещественный мир предназначен быть поприщем развития разумно-свободных тварей, подлежа и преобразованию вместе с возведением их на высшие степени совершенства. Разумно-свободные же твари предназначены к богоподобному совершенству и вследствие того к живому богообщению и всестороннему блаженству; но так, что это предназначение должно быть достигаемо чрез борьбу с испытаниями на пути к этой цели. Ограниченной разумно-свободности иначе нельзя установиться в начале богоугодного добра, как опытами борения с тем, что может уклонять от них. Борьба — средство; но как она стоит наперед, то становится целью

ближайшую, за которую видится дальнейшая, последняя. И можно сказать, что эта борьба служила нормою для устройства мира и мироправления. Все направлено к тому, чтоб разумно-свободные твари могли устаивать в борьбе с противностями. Не в том воля Божия, чтобы не было противностей для тварной свободы, а в том, чтобы она могла устаивать против них, как бы они сильны ни были. И вот по всему пространству мира идет борьба, в текущий период миробытия. И первозданные, вскоре по сотворении, встречаются с борьбою, а в мире духов она была прежде того. С тех пор доселе и отселе до конца мира все будет борьба. Заключительный акт ее предуказывается в следующих словах: *побеждающему дам сести со Мною... побеждающему дам венец, и прочее, и прочее* (см.: Откр. 3, 21; 2, 10). (29. С. 302—304)

Молчаливая теория саморазвития мира — незаконна

Хоть я и не силен в естественных науках, в особенности в химии, но общее можно увидеть, — идет ли оно или нет с точки зрения христианской. И наперед можно сказать, что коль скоро у вас дело пойдет на самообразование мира (тяп-ляп, вышел корабль), то, конечно, это незаконно. Даже и то незаконно, если вы ограничитесь только силами и законами, не показав, откуда взялись силы и кто приемник и блюститель законов. Ибо и это есть молчаливая теория самообразования мира. Я где-то встречал толки о единстве материи и сил и о выводе или объяснении всего из движения. Мне показалось там все мечтательным и произвольным.

Что есть материя? — мы не знаем. Знаем только элементы, или стихии, неразложимые. Они слагаются и разлагаются, вследствие чего являются вещи разные. Сложение и разложение — химический процесс. Видимая сторона процесса — движение. Материя — *iners** — недвижима. Для ее движения совершенно законно требование силы. (2. С. 113)

* *iners* (лат.) — бездейственный, неподвижный.

Самообразование мира как мыльный пузырь

Ныне рассказ о самообразовании мира из туманных пятен рисует в воображении очень размашистую картину, представляющую будто нечто величественное, и увлекает; но прочного ничего под собою не имеет, и тотчас лопается сей мыльный пузырь, как только кто станет допрашивать, почему и как⁶⁹. (37. С. 152)

⁶⁹ «Модель, описывающая состояние такой Вселенной (теория Большого взрыва — ТБВ), утверждает, что пространство-время также конечны и вместе с веществом-излучением рождаются из “первичного вакуума” в горниле Большого взрыва (состояние, предшествующее Большому взрыву и соответствующее сверхвысокой плотности вещества-излучения и температуры Вселенной, занимающей сверхмалый объем пространства, называют сингулярностью)... Но в природе не известно никакой близкодействующей силы, способной разорвать гравитационную ловушку, в которой находится вещество-излучение в состоянии сингулярности. Следовательно, для объяснения причины Большого взрыва необходимо постулировать наличие некоего пятого взаимодействия (наряду с известными гравитационным, электромагнитным, сильным и слабым), обладающего специфической особенностью сохранять инкогнито на протяжении всей истории Вселенной помимо одного мимолетного мгновения. Ему суждено появиться на сцене мира лишь раз, на одну крохотную долю секунды, чтобы затем погибнуть навсегда! Это слишком искусственное требование, которое теория налагает на силу, фактически рождающую Вселенную, чтобы к нему можно было бы относиться серьезно... Приписывание неким специальным силам способности появляться на свет (чьей милостью?) в некие строго заданные моменты времени равнозначно признанию существования определенного сценария развития Вселенной, составленного чьей-то (божественной или надприродной) волей... И, наконец, еще одно шокирующее условие рождения пространства-времени-вещества-излучения (проще говоря — самой Природы): оно происходит из *ничего* по существу *случайно*, что фактически равнозначно чуду... Обратимся теперь к анализу ситуации в другой ключевой проблематике, связанной с вопросом происхождения и эволюции органической жизни на Земле. Здесь, как известно, есть свое канонизированное учение — неодарвинизм или синтетическая теория эволюции (СТЭ). Случайные, ненаправленные мутации наследственного аппарата организма составляют по СТЭ один из трех (наряду с механизмами наследственности и естественного отбора) двигателей эволюционного процесса... Естественный отбор выбраковывает, как правило, неудачные новообразования, но сохраняет и развивает крайне редкие удачные. Таким образом эволюция приобретает направленность, которая априори никем не задается, и перводвигателем этого развития остается слепой случай... Но опыты Л. Пастера, А.И. Опарина,

Самообразование мира и дарвинизм — сонное мечтание

Саддукеи имели возражение против воскресения, которое казалось им неразрешимым; а Господь решил его несколькими словами, и притом так ясно, что все поняли и признали саддукеев побежденными истинною слова Его (см.: Лк. 20, 27—40). Что тогда были саддукеи, то ныне неверы всех сортов. Нагородили они себе

Дж. Холдейна, С.Л. Миллера, Г. Юри и других самым решительным образом опровергли это мнение. Причина отрицательного результата их экспериментов стала ясна, когда выяснилось, сколь фантастически сложен мир элементарной ячейки жизни — молекулы ДНК. Простейшие подсчеты вероятности самопроизвольного рождения ДНК показали, что если бы какой-то неведомой силе удалось собрать все атомы конечной (см. выше) Вселенной в один лоток и заставить всех их безостановочно взаимодействовать между собой случайным образом (слепо), то и тогда ей не хватило бы времени на перебор вариантов комбинаций для получения хотя бы одной способной к репродукции (воспроизведению) и метаболизму (обмену веществ) молекулы жизни. Протоны, составляющие основу атомов периодической таблицы Менделеева, успели бы распасться, не реализовав и триллионной доли попыток. Этот результат был признан как самоочевидный почти всеми без исключения представителями точных наук. Выражая их точку зрения, Ф. Хойл приравнивал вероятность самоконструирования молекулы ДНК к способности урагана, пронесшегося над мусорной свалкой, собрать Боинг-747. Дж. Бернал уподоблял самозарождение ДНК чуду с Адамом и Евой. Большинство же натуралистов остались верны спасительной вере в способности случая, миллионы лет наугад “бросающего кости”, творить невозможное... Поэтому в конце концов было признано за лучшее согласиться с тем, что “Дарвин не пытался объяснить возникновение жизни на Земле; его интересовало, каким образом из существующих видов могут возникать новые виды” (Грин Н., Стаут У., Тейлор Д. Биология. Т. 3. М., 1990). Иначе говоря, современные интерпретаторы основоположника дарвинизма, потерпев неудачу с “естественным” объяснением возникновения феномена жизни, вынуждены отводить случаю роль более скромную, чем им хотелось бы... Неодарвинизм отступился от объяснения происхождения жизни, но смело взялся за решение вопроса о третьем ключевом событии в эволюции Природы — происхождении человека, будто эта проблема принципиально отличается от первой. Следуя логике предложенного толкования, появление *homo sapiens* обязано слепому случаю, направляемому контролером естественного отбора... Таким-то странным образом стремление во что бы то ни стало избавиться от “божественного промысла” в делах естествознания привело к парадоксальному итогу — религиозной мистике предпочли мистику случая, “слепого каменика” возвели в сан божественного прародителя. Сама же концепция

множество мечтательных предположений, возвели их в неопровержимые истины и величаются тем, полагая, что уж против них и сказать нечего. На деле же они так пусты, что и говорить против них не стоит. Все их мудрования — карточный дом: дунь — и разлетится. По частям их и опровергать нет нужды, а достаточно отнестись к ним так, как относятся к снам. **Говоря против снов, не доказывают несообразности в составе или в частях сна, а говорят только: это сон, — и тем все решают. Точно такова теория образования мира из туманных пятен, с подставками своими — теорию произвольного зарождения, дарвиновского происхождения родов и видов и с его же последним мечтанием о происхождении человека**⁷⁰. Все, как бред сонного. Читая

естественного происхождения жизни и человека загнала себя в методологическую ловушку, так как ее принятие или непринятие оказалось, в конечном счете, предметом не истины, но веры. Иначе говоря, противоречие, которое естествознание создало для самого себя, но которое еще не осознается в полной мере, состоит в том, что, с одной стороны, оно ищет закономерности проявлений тех или иных свойств Природы, с другой — приписывает случаю не нечто второстепенное, но само рождение Природы». *Гившвили Г.В.* Есть ли у естествознания альтернатива богу? // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 37—42.

Парадоксально, но эти разоблачительные строки пишет не православный философ или богослов, а ученый-атеист, доктор физико-математических наук, вице-президент гуманистического общества, имеющий, по-видимому, задачей борьбу с христианством и пишущий «Природа» с прописной буквы, а «бог» — со строчной. Тем разительнее контраст с православными богословами-эволюционистами, о которых пойдет речь в последующих примечаниях.

⁷⁰ «а) Эволюция — совсем не “научный факт”, а философия. б) Это ложная философия, изобретенная на Западе в качестве реакции на католическо-протестантскую теологию и замаскировавшаяся под “науку”, чтобы вызывать к себе уважение и обманывать людей, которые согласны принять научный факт (на Западе почти все современные ошибочные учения поступают так же; даже “христианская наука” претендует на “научность”, также и спиритизм, разные индуистские культы и прочее). в) Она противоречит учению святых отцов в очень многих пунктах...

Выясняется, что все зависит от вашей веры. Некоторые ученые полагают, что возраст земли огромен, потому что эволюция без этого немислима. Если верить в эволюцию, то ничего другого не остается, как верить в то, что земля очень древнего образования, так как очевидно, что эволюция не происходит в

их, ходишь среди теней. А ученые? Да что с ними поделаешь? Их девиз: не любо — не слушай, а лгать не мешай⁷¹. (12. С. 173)

малых масштабах времени. Но что касается науки, то нет вообще ни одного научного доказательства, утверждающего, что возраст земли равен 5 миллиардам лет или 7500 годам — обе версии равны. Все зависит, из каких предположений вы исходите...

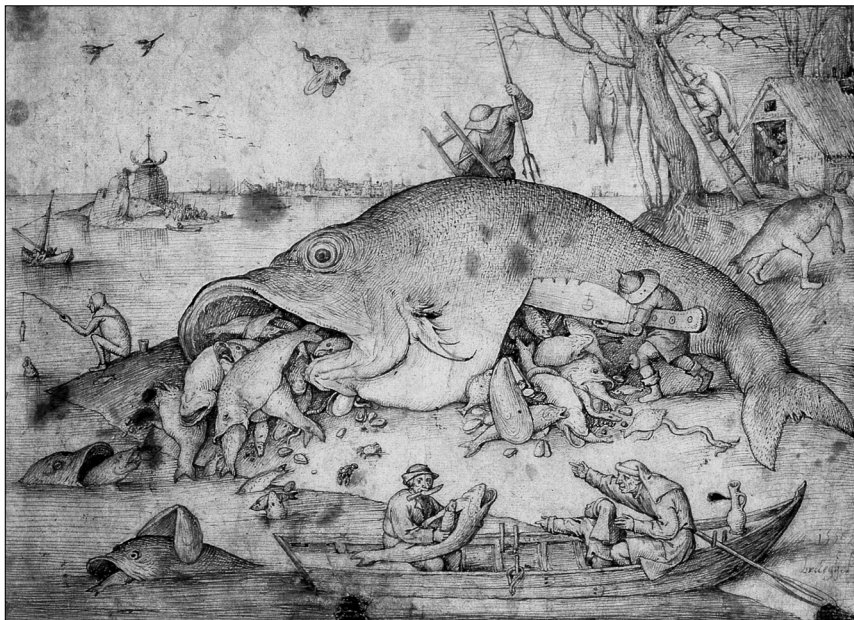
Геолог-униформист должен ввести понятие о некоей первоначальной концентрации. Если его допущение верно, а другие возможные ошибки могут быть сведены на нет, то он может рассчитывать на точное определение возраста — при условии, что его допущения оказываются верными. Но дело в том, что его допущения всегда основываются на теории униформизма — то есть что возникновение земли и горной породы происходило чисто материалистическим образом, без сверхъестественного вмешательства, огромное количество лет назад. И когда он с помощью этих результатов пытается доказать, что земля является очень древней и никакого сотворения не происходило, то он пользуется логикой рассуждений по кругу. Тем самым он отрицает всякую возможность сверхъестественного творения шести дней еще до того, как проведены какие-либо измерения...

Конечно, идея эволюции целиком основывается на неверии в Бога Всемогущего, способного сотворить весь мир Словом Своим. Тогда пытаются Ему помочь, замещая Его природой, которая сама совершает творение...

Эволюционный взгляд в самом себе заключает философию: что природа в принципе является текучей и подвижной, один род твари переходит в другой, и все они происходят от одного или нескольких примитивных типов. Для такой всеобъемлющей философии, конечно, не существует никакого доказательства — даже если и “эволюция” в малом масштабе могла бы быть в итоге “доказана” (чего до сих пор так и не произошло). Так как этот широкий взгляд на эволюцию не является научным, но философским, нам следует подвергнуть его критике, исходя из основ святоотеческой философии...

Собственно говоря, во всякой научной теории есть нечто принятое на веру. Положения эволюционизма основываются на вере. Самые ярые из них настаивают, что сначала не было ничего или существовала точка чрезвычайно огромной энергии, которая внезапно разорвалась и произвела вселенную. Чтобы в такое поверить, нужна огромная вера. Если вы верите в Бога, у вас совершенно иной подход. Бог является безначальным и всемогущим, то есть Он в состоянии произвести то, что Он пожелает. Далее вы свободны в понимании того, что согласуется с научными фактами и что согласуется с текстом Книги Бытия». *Серафим (Роуз), иеромонах*. Бытие: Сотворение мира и первые ветхозаветные люди. С. 393, 319, 672, 343, 649—650, 659.

⁷¹ «Есть несколько высказываний, кочующих из одной телеологической [эволюционистской] статьи в другую. Выражения эти до того, как попали к

Питер Брейгель Старший. Большие рыбы пожирают малых

Говоря против снов, не доказывают несообразности в составе или в частях сна, а говорят только: это сон, — и тем все решают. Точно такова теория образования мира из туманных пятен, с подставками своими — теориею произвольного зарождения, дарвиновского происхождения родов и видов и с его же последним мечтанием о происхождении человека. Все, как бред сонного. Читая их, ходишь среди теней. А ученые? Да что с ними поделаешь? Их девиз: не любо — не слушай, а лгать не мешай. (С. 328—329)

Различие души и духа — самое сильное противоядие Дарвину

Я писал афонцам... Их испугала фраза, что если различать во внутренней жизни нашей дух и душу, то душу надо признать однородною с душою животных, возвышенною, однако ж, под действием духа. Им полез при этом в голову Дарвин с обезьяною. А между тем против Дарвина самое сильное противоядие есть установление различия души и духа. Духу от обезьяны никакo нельзя зародиться. Он от Бога и первоначально, и теперь. Душа рождается обычным путем — и дух вдыхается Богом. (9. С. 234—235)

эволюционистам, принадлежали перу святых отцов, теперь же от авторов остались только имена. Таков метод модернистов, им не нравятся мысли святых, но нравится их авторитет. Наиболее любим телеологистами святитель Феофан Затворник. Его охотно цитировали отец Александр Мень, протоиерей Николай Соколов и многие другие. Высказывание Святителя действительно выглядит убедительно: “Было животное в образе человека, с душою *животного*. Потом Бог вдунул в него дух Свой — и из животного стал человек” [цитаты приводятся по: Александр Мень, протоиерей. Истоки религии. Брюссель, 1991. С. 160, в том же виде встречаются еще у ряда авторов]. Этот аргумент был бы неопровержим, если бы телеологисты изыкали и сожгли подлинные труды святого. Этого, к счастью, не произошло, благодаря чему мы можем узнать, что же на самом деле писал святитель Феофан: “Созда Господь тело человека *из персти*. Это тело — что было? Глиняная тетерька или живое тело? — Оно было живое тело — было животное в образе человека, с душою *животною*. Потом Бог вдунул в него дух Свой — и из животного стал человек” [Собрание писем. Вып. I. М., 1994. С. 98]. Даже для читателя, не знающего особенностей русского языка XIX века [подробнее см.: Максимов Ю.В. Богословские аспекты проблемы согласования православного и эволюционного учений о происхождении человека // Шестоднев против эволюции. М., 2000] (трансформаторы цитаты такие особенности знали) очевидно, что *животною* — это прилагательное в творительном падеже, а *животного* — существительное в родительном, а значит, не об обезьяне пишет Святитель, и не о коне, и не о жирафе. Он говорит вообще о другом. “Было животное..”, было живое, “с душою животною”, с душою живой. Самое главное, что в этом месте своего сочинения Святитель рассматривает совершенно другой аспект творения. Человек, по слову святителя Феофана, это существо, имеющее не только живую душу, но и облагодатствованное Духом Святым. Такое единство материального, душевного и благодати в православной антропологии и называется человеком (это выражение в контексте не оставляет места для двусмысленности). Таким образом, если в сочинениях святого есть какое-либо предложение, которому,

Происхождение души человека

Очень жалею, что вы смутились, и тем паче, что никакого нет основания к смущению. — Если б я говорил, что у нас внутри душа, да и только, и потом прибавил, что она одинакового происхождения с душою животных, то следовало бы смутиться. А я говорю, что у нас внутри душа составляет низшую сторону тамошней внутренней жизни, а высшую составляет дух, иже от Бога, богоподобная, равноангельская сила, — которая и составляет характеристическую черту человека. Следовательно, тут нечем смущаться, опасаясь низвести человека в ряд животных. Обычно мы говорим: душа-душа. А по существу дела следовало бы говорить: душа-дух или дух-душа. Принимая слово душа —

вырвав его из контекста, можно придать эволюционный пафос, телеологию это делают. Очень удачным считается найти фразу, в которой были бы слова “мир”, “творение”, “природа”, “вселенная”, “закон”, “период”, “устройство” и т. п. Предложения, в которых сосуществуют слова “человек” и “животное”, сами по себе уже считаются доказательствами эволюционных воззрений их автора. Если же искать у святого такие высказывания недосуг, приходится их выдумывать. Именно так, например, поступили с преподобным Серафимом Саровским. За рекордно короткое время преподобный стал классиком эволюционной художественной литературы. Вот фраза, приписываемая святому славу “дарвиниста до Дарвина”: “До того, как Бог вдунул в Адама душу, он был подобен животному”. Ниже вы можете видеть оригинальную фразу преподобного Серафима. Такую фальсификацию уже нельзя назвать игрой слов или подгонкой фактов, а ложью назвать можно и нужно. Святой Серафим Саровский говорил следующее: “Все три сии части нашего естества созданы были от персти земной, и Адам не мертвым был создан, но действующим *животным* существом, подобно другим живущим на земле одушевленным Божиим созданиям. Но вот в чем сила, что если бы Господь Бог не вдунул потом в лицо его сего дыхания жизни, то есть благодати Господа Бога Духа Святого... то Адам, как ни был он совершенно превосходно создан над прочими Божиими созданиями как венец творения на земле, все-таки пребыл бы неимущим внутри себя Духа Святого, подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим плоть и душу и дух, принадлежащие *каждому по роду их*, но Духа Святого внутри себя неимущим” [*Преподобный Серафим Саровский*. Поучения. М., 1997. С. 233]. Как можно заметить, словупотребление здесь то же, что и у святителя Феофана. Тот же богословский смысл выражения. Тот же эволюционный трюк, *нет ничего нового под солнцем* (Еккл. 1, 9)». *Козлов Я.Н.* Священное Предание и эволюция лицом к лицу // Божественное Откровение и современная наука. Вып. 1. М., 2001. С. 111—113.

яко *дух-душа*, я никак не скажу, что она одного происхождения с душою животных: ибо дух от Бога, а принимая ее отдельно от духа, говорю так. Когда Бог творил человека, то образовал прежде тело из персти. **Это тело — что было? Глиняная тетерька или живое тело? — Оно было живое тело — было животное в образе человека, с душою животною. Потом Бог вдунул в него дух Свой**⁷², — и из животного стал человек — Ангел в образе человека. Как тогда было, так и теперь происходят люди. Души отражаются от родителей, или влагаются путем естественного рождения, а дух вдыхается Богом, Который везде есть. И не понимаю, чем тут смущаться?! Да вы когда говорите, что человек есть животное, мясо ли одно разумеете или всю животную жизнь? — Конечно, всю животную жизнь, и с душою животною... А прибавляя к сему: *разумное*, — что означаете? То, что хотя человек то же с одной стороны, что животное с душою животною; но с другой — он несравненно выше животного, ибо

⁷²«Начиная с Декарта, европейская мысль абсолютно разводит человека и животное. Однако для Аристотеля, для ранних отцов Церкви и даже для Библии между всею тварью Божиею есть некоторое сродство, и у животных есть душа, но душа еще неразумная, безсловесная, безлогосная. Возможно, что именно такая безлогосная душа была у той “глины”, в которую позднее Господь вложил Свое дыхание... Святитель Феофан Затворник пишет: “Это тело — что это было? Глиняная тетерька или живое тело? — Оно было живое тело — было животное в образе человека, с душою животною, а потом Бог вдунул в него дух Свой...” Сначала было создано человекообразное существо и затем наделено разумом. Эта мысль святителя Феофана не случайна, он возвращается к ней несколько раз в своих антропологических построениях, утверждая, что человек содержит в себе все иные уровни жизни. Он, например, пишет так: “Творения Божии так расположены, что всякий высший класс совмещает в себе силы низших классов, — и кроме их имеет свои силы, его классу присвоенные и его характеризующие” (Собрание писем святителя Феофана. Вып. I. М., 1898. С. 162). Это вполне нормальная и общераспространенная диалектика. Святитель Феофан делает из этого вывод, что в человеке есть животная жизнь и животная душа. Он ссылается на преподобного Антония Великого. “По святому Антонию, — пишет святитель Феофан, — душа наша одного ранга с душою животных. Что нас отличает, это есть ум, что я называю дух”». *Андрей Кураев, диакон*. Человек приходит в мир // Той повеле, и создашася. Современные ученые о сотворении мира. Клин, 1999. С. 76–78.

имеет разум — *vous*, — что совершенно соответствует слову — дух. Сказать: животное разумное есть то же, что сказать: животное одуховленное.

Святые отцы различают — дух, душу и тело: Антоний Великий, Исаак Сирианин, Ефрем Сирианин и другие. Они не говорят, какого свойства суть души наши. Но сопоставляя то, что пишет святой Антоний о родах живых тварей, навожу, что по его разуму душа наша одной природы с душою животных...

Отчего производят человека от животных — обезьяны? — Оттого, что не различают в человеке души от духа. — Замечая, что душа наша схожа с душою животных, они и бредят: «Но — душа одна, стало, и весь человек от них же выродился». А когда мы настоем на различии духа от души и характеристику человека перенесем в дух, тогда вся теория Дарвина — падает сама собою. Ибо в происхождении человека надо объяснить не то одно, как происходит его животная жизнь, — но то паче, как происходит он, яко духовное лицо в животном теле с его животною жизнью и душою⁷³. (1. С. 97—100)

⁷³ «Была еретическая идея о том, что душа человека была создана позднее, после того как было создано тело. Эта же идея предлагается сегодня “христианами-эволюционистами”, хотя, конечно, древняя ересь отличается от современной теории. Те, кто проповедовал в своих лжеучениях древнюю ересь, основывали свое мнение на неверном истолковании следующего места из Книги Бытия (2, 7): *И созда Бог человека, персть (взем) от земли, и вдуну в лице его дыхание жизни, и бысть человек в душу живу*. Даже сегодня “христиане-эволюционисты” хватаются за этот стих, чтобы заявить: “Это означает, что человек был в начале чем-то иным, а затем только он становится человеком”... Есть такие, которые хотели бы использовать изложенный в этом стихе порядок сотворения человека, чтобы “доказать”, что человек “эволюционировал” из низших животных: что первым по времени произошло тело или земное естество, а его душа или состояние бытия в Божией благодати появилось вторым. Если мы приемлем святоотеческое понимание творения человека, такое толкование вполне невозможно. Для начала, мы увидели, что в видении святых отцов “дни” творения — какой бы конкретной “продолжительностью” они не обладали, — суть весьма краткие периоды времени; что дела Божии в эти дни скоры, буквально мгновенны; что к концу Шестоднева мир был все еще “новым” и еще не преданным тлению и смерти... Святые отцы настаивают на том, что со-

Прогресс по духу мира искоренится

Какая это там у вас прогрессистка! Она уверена, что действует по началам христианства. Пусть возьмет в толк, что по-христиански прогресс совсем другое дело, нежели что она думает. Прогресс по духу мира — мечта. То несомненно, что *всяк сад, его же не насади Отец Небесный, искоренится* (см.: Мф. 15, 13) и что тот, кто не во Христе, иссыхает как ветвь и бросаем бывает в огонь (см. Ин. 15, 6). (16. С. 129)

творение человека не следует понимать хронологически, скорее, это онтологическое описание, говорящее о составе человека, а не о хронологическом порядке его появления. Когда святитель Иоанн Златоуст утверждает, что “до” того, как Господь вдунул в человека дыхание жизни, человек был “истуканом бездушным” (Беседы на Книгу Бытия, XII, 5. С. 100) или преподобный Серафим утверждает, что он не был “истуканом бездушным”, но живым и активным человеческим существом — слово “до” следует понимать в онтологическом смысле как “без”. Но само творение человека — и тела, и души его, вместе с благодатью, в которой человек был создан, — было мгновенным». *Серафим (Роуз), иеромонах. Бытие: Сотворение мира и первые ветхозаветные люди. С. 341, 164.*

«Взять хотя бы, к примеру, общеизвестный стих (Быт. 3, 19): *ибо прах ты и в прах возвратишься* (речь идет об Адаме). Смысл стиха абсолютно ясен: Адам создан из земли и по смерти снова станет ею (за исключением бессмертной души). Казалось бы, уж здесь-то ничего не выдумаешь, ведь из земли создан, а не из обезьяны. Ничего подобного. Оказывается, даже этот стих в умелых руках становится благой вестью эволюции. Для этого нужно просто не обращать внимания на смысл второй части выражения *...и в прах возвратишься*, а в первой части заострить внимание на слове “прах”, после чего вложить в это слово другой смысл. Ныне очень известный журналист и дьякон отец Андрей Кураев справляется с этой задачей мастерски: “Но поскольку даже человеческое тело можно назвать землей, позволительно думать (здесь нарушается причинно-следственная связь. — Я.К.), что словом *земля* библейского рассказа о творении человека было обозначено тело уже живое...” [Андрей Кураев, дьякон. Человек приходит в мир. С. 74]. Вот как это делается. Если человек-земля живой, значит просто земля, “материя”, из которой он создан, была живая. Но вот в чем беда, — по этой логике выходит, что и та земля, в которую человек после смерти должен возвратиться, тоже является “телом уже живым”. Так отец Андрей становится провозвестником той самой идеи реинкарнации, противником которой он так долго выступал. Хороший пример того, к чему могут привести православного богослова заигрывания с эволюционизмом». *Козлов Я.Н. Священное Предание и эволюция лицом к лицу. С. 110–111.*

Когда будет кончина мира?

Когда Евангелие пройдет по всем народам, обитающим на земле, и выберет из них всех способных принять его и вследствие того освятиться и переродиться благодатью Святого Духа, тогда не для чего будет оставаться настоящему порядку вещей; наступит кончина мира, или последние дни, в которые определил Господь прийти снова сотворить суд над всеми живущими на земле — одних ввести в Царство славы Своея, а других предать горькой участи, ими изволенной. Таким образом, после того или вместе с тем, как род человеческий выдаст уже всех Божиих и больше ожидать их уже будет нечего, а не Божии, сбросив с себя личину, выступят все налицо, тогда жатва будет готова; пошлет Господь жателей, и затем конец всему. Как созревание жатвы имеет определенный свой срок, так и эти последние явления имеют свое, определенное Богом, время. И добро, и зло уже засеменено, развивается, растет, но созреет то и другое в свое время. Раньше того срока этому быть нельзя. Таким образом, как на вопрос: почему жателю не являются на ниве? — прямой ответ тот, что не пришло еще время, жатва не готова, так и на вопрос: почему не видно тех чаемых мировых событий? — прямой ответ: еще не пришло Богом определенное для проявления их время. Сюда же относится и появление антихриста... На земле же Самим Спасителем предречено господство зла и неверия, оно и расширяется видимо, и когда уже очень возобладает, тогда дело будет только за починком: подай только кто-либо влиятельный пример или голос сильный — и отступление от веры начнется. Этот почин и сделает антихрист. Отсюда можно заключить, что *удерживающее* (см.: 2 Сол. 2, 7) явление его есть еще и то, что нет должной подготовки к принятию его, еще не взяли перевес неверие и нечестие, еще много веры и добра в роде человеческом. (19. С. 377—384)

Что будет по кончине мира?

Изменится лицо неба и земли, и примут суд все живущие, по неложному обетованию Господа. Тогда начнется жизнь в истин-

ном ее виде, вечная и неизменная. Нынешнее же бытие мира и тварей есть только начальное, приготовительное. Господь, все устрояющий, все ведет к предназначенному концу. Когда же все исполнится, тогда Он произведет самим делом то, к чему все ведет: откроет славное Свое вечное Царство. Когда сие будет, не знаем; но знаем несомненно, что будет *кончина мира, Страшный Суд, блаженство одним и мука другим*. (13. С. 402)

Тайна обновления, сокрытая от премудрых и разумных

Все вокруг нас пришло в движение и все стремится к поновлениям. Не подумал бы кто, что в сих порывах к новизнам нет уже и не должно быть никаких ограничений и исключений. Нет. — Есть область, не подлежащая уже поновлениям именно потому, что, будучи обновлена однажды, пребывает неизменно новою и всеобновляющею. Вот смотрите, какая это область! Истинное обновление человечества произведено уже однажды, и другого не обещано. *Древняя мимоидоша*, — уверил Апостол, — *се быша вся нова* (2 Кор. 5, 17). А затем что? — *Чаяние твари откровения сынов Божиих чают* (см.: Рим. 8, 19). Мы, говорит, воздыхаем, и вся тварь воздыхает с нами. О чем? Об освобождении от работы тлению. Когда? В будущее возустройство всяческих (см.: Рим. 8, 20—23). Итак, видите, после обновления человечества в Господе Иисусе Христе благодатью Святого Духа через Апостолов, обновления, действующего и донныне в Святой Божией Церкви, желать и ожидать с воздыханием благословенно нам только одного обновления — обновления всей твари, имеющего последовать при кончине мира. До того же времени неизменными и неподвижными надлежит пребывать нам во всем спасительном устройении, преданном Господом Святой Церкви на хранение и приложение. Застой, думаете? Нет. В сем-то именно и сокрыт истинный, оживительный дух приснодвижущийся. Само устройство христианства точно неподвижно, но всякий, вступающий в него и проходящий его, с первой минуты причастившись обновления, постоянно потом крепнет в нем, пока не облечется

совершенно в нового человека, созданного по Богу в правде и преподобии истины. В сем-то и есть таинство, сокрытое от премудрых и разумных и открываемое только младенцам по духу веры. (20. С. 105)

7. Тайна творения и промышленности

Тайна Пресвятой Троицы запечатлена в творении

Творение есть дело Бога, в Троице поклоняемого, нераздельное. Сын и Дух Святой не содействователи Отца в творении, а единоедействователи с Ним нераздельные. Единым актом Отца и Сына и Святого Духа совершилось творение всего. Посему в творении нет следов, которые отражали бы особые действия Ипостасей, но есть резкий след, указывающий на триипостасность. — Это повсюдная, чрез все степени тварей проходящая тройственность. Три мировые силы: свет, теплота, тяжесть; три планетные: электричество, магнетизм, химизм; три стихийные седалища этих сил: воздух, вода, земля, и три отдела тел неорганического царства; три отправления в растениях и три их главные отдела; три отправления в животных организмах, по верх трех растительных; три части в человеке: дух, душа и тело, и по три отправления в каждой; и об Ангелах ведомо, что у них есть три главные степени, из которых каждая опять делится на три. Эта тройственность не есть ли свидетельство триипостасности Бога Творца? (29. С. 298—299)

Творение по свободному произволению Божию

Что подвигло Бога на творение? Бог Триипостасный, как полнота бытия и совершенств, вседозволен Сам в Себе и всеблажен, никакой ни в чем нужды не может Он иметь, потому что все имеет. Если же Он подвигся на сотворение мира и всего, что в нем, то совершил это не по какой-либо необходимости, а по совершенно свободному изволению Своему, по *благоволению*

хотения Своего (Еф. 1, 5). О понуждении совне здесь и речи быть не может. Если же была бы какая необходимость внутренняя, вроде какой-либо потребности Божеского естества, так чтобы творчество было неотъемлемым существенным свойством Божества, тогда акт творения надо было бы признать безначально, или присно, действующим в Боге, а творение совечным и собезначальным Богу, чего нельзя допустить. (29. С. 299—300)

***Цель творения и промысления —
облаженствование тварей — темна для ума***

Сотворением сего необъятного для нас мира ничего не прибавилось к Божественной полноте и ничего от нее не убавилось. Между тем, однако ж, мир не чужой Богу, а свой Ему. Благоволение благодати, давшее начало миру, лежит в основе и продолжения бытия его. Выражением этого есть всевозможное облаженствование тварей, которое составляет основную идею мира и основной тон движения явлений миробытия, с физической и нравственной его стороны. В этом цель промыслительных действий Божиих, которую указывает вера и к ясновидению которой, хоть и безуспешно пока, стремится ум, не теряя, однако ж, надежды на успех. Для этого надо сквозь видимое прозреть в невидимое; видимое же останавливает и преграждает путь зрению, — оттого все и темно. Только одна вера крепко верит, что наконец все явится в свете полного совершенства и блаженства. (29. С. 300)

***Творение и промысление шло
по тайному предначертанию, недоступному уму***

Когда и как в вечном предначерталось все временное и потом осуществилось, это — тайна Божия. Но оно было предначертано, и что теперь есть и бывает, — есть и бывает по тому предначертанию. В этом и премудрость Божия... Таким образом, и начало, и продолжение, и совершение творения, — все по премудрому предначертанию, прежде век положенному. Когда, окончив творение,

Бог сказал: *се вся добра зело* (см.: Быт. 1, 31), это значило, что все вполне соответствует премудрому плану и намерениям Божиим. Положить эту печать одобрения на все бывающее, или на движение миробытия, еще не пришло время. Только всевидящее око Божие видит, как все направляется к тому, чтобы в конце всего движения изречено было: *се вся добра зело*, чтобы всеми было это узрено и исповедано, — и это будет.

Как бы хотелось уму все это постигнуть и определенно выразить! Но это не дано ему. На языке человеческом и слов нет для выражения того. И Откровение молчит, малое нечто сказывая из этой сокровенности таин Божиих. Прими же то вседушно и, довольствуясь тем теперь, ожидай полнейшего разъяснения в будущем. (29. С. 301–302)

Законы промысления Божия непостижимы для нас

Божие промыслительное вседержительство выражается в том, что Господь все сущее хранит, всему содействует и всем управляет, или все направляет к предназначенному концу. Законы, по которым все совершается, сокрыты в воле Божией; они непостижимы для нас и не могут быть постигнуты, если бы даже и открыты были, по необъятности всего существующего и по необъятному протяжению движения в бывающем. Поэтому не трудись и исследовать: не твое дело. Твое дело одно — содевать спасение души. Все же прочее в руках Божиих — верных и крепких. Что все Бог содержит, твердо веруй этому, и ты будешь воздавать таким образом Божеское поклонение всемогущему, премудрому и всеблаговому вседержительству Бога. (29. С. 309)

Продолжение бытия тварей есть непрерывное их творение

Тварь, не имеющая в себе бытия, а к бытию воззванная из ничего, и продолжать бытие сама собою не может, а висит над бездною ничтожества, в каждое мгновение готового поглотить ее. Держит ее над этою бездною всемогущая воля Триипостасного Бога, вызвавшая ее к бытию. Восхотел Бог — и явились твари; и

продолжают быть твари потому, что Бог хочет, чтобы они продолжали существовать. Продолжение бытия тварей есть непрерывное их творение. Воля Божия о продолжении бытия тварей есть основа их жизни; на ней утверждается все.

Действие Божие в тварях не ограничивается одним хранением их бытия. Господь сказал: *Отец Мой доселе делает, и Аз делаю* (Ин. 5, 17), означая тем ближайшее попечение Божие о тварях и непрекращающиеся действия Божия в них, в устройении их благобытия. Прекрасно устроен мир, стройно сочетаны части его, и в необъятном целом, и в частях, и всюду положены простые, но мощные законы, все держащие в чине, по воле Божией. Бог хранит этот чин, и мир течет туда, куда направлен. Но среди сего, истекающего из воли Божией, неизменного, однажды навсегда установленного порядка миробытия и составляющих его тварей, благоволит Бог являть и особые Свои действия, непосредственные, не в силах и законах мира имеющие источник, а в непосредственной воле Божией. Потребность этого привлечения непосредственных действий Божиих в среду явлений мира вызывается ограниченою свободою разумных тварей. Если б все было механизмом в мире, то достаточно было бы одних неизменных законов; но так как в мире есть круг свободных действий, то для упорядочения их необходимо свободное же и воздействие на них. Духовный мир, состоя из разумно-свободных, но ограниченных существ, может принимать направления ложные и превратные. Если цель вещественного мира в духовном, то очевидно, что в даровании свободы положена возможность уклонению и от таких намерений Божиих, кои обнимают весь мир. Поэтому в тот момент, как положил Бог быть разумно-свободным тварям, положил вместе с тем быть и особенным, промыслительным Своим действиям, коими благоволит Он входить в течение событий мира для указания свободным тварям должных путей, для возвращения их на эти пути, в случаях уклонения от них, или для поставления их в такие пределы, в которых они не могли бы действовать разрушительно для других. (29. С. 310—312)

Мир — не часовой механизм, он нуждается в попечении

Бог мог устроить мир и так, чтоб он уже сам собою тек к своему концу по данным ему силам, законам и порядкам, подобно тому как если бы кто устроил часы, которых ни заводить, ни чинить не нужно. И тогда благость Его являлась бы в хранении всего, как оно устроено первоначально, — в одобрительном воззрении на то, как все течет целесообразно, и в благоволении любви к тварям, соответственно их степеням. Но Он благоволил устроить иначе, потому что тогда надлежало бы из всей целостности творений исключить твари разумно-свободные, верхние звенья в цепи тварей, венец творения. Избрав, таким образом, лучшее и допустив возможность возмущения порядка нравственного, а ради его и физического, Бог пребывает не покоящимся созерцателем светлого течения миробытия, а благопопечительным вседействователем в направлении тварей к последним их целям. На это была Его святая и премудрая воля. Твари свободные шаг за шагом идут к предопределенному их совершенству, падая и возставая, уклоняясь с путей правых и снова на них вступая, отдаляясь от Бога и опять к Нему прилепляясь. И между тем, как мир течет по заведенному порядку, — в эту, всегда почти нестройную, область привходят Божеские непосредственные действия в просвещение, укрепление и учреждение спасительных порядков, привлекая, когда нужно, в служение сим нравственным целям и явления в мире физическом. Разумные твари — в борьбе, под Божиим покровом, помощью и воеводством. Посему как только явился человек на свет, Сам Бог непосредственно, прежде чем встретился он с борьбою, делает распоряжение об образе предлежащей ему жизни и об угрожающих опасностях... Затем ряд Божеских непосредственных действий не прекращался уже в человечестве. (29. С. 312—314)

Божественная логика событий

Очень часто приходится читать и слышать: «логика событий, совершившийся факт». Этим, кажется, желают выразить

необходимость течения дел человеческих, своего рода фатум, который можно было бы назвать политической судьбою. На эту логику указал Гегель, а Бокль на основании ее построил уродливую свою теорию истории, в которой нет места ни Провидению, ни свободе. Немотствовал кое-что на этот лад и у нас граф Толстой в своем большом романе «Война и мир»⁷⁴.

Но если есть в событиях логика, то есть и ум, из которого истекает эта логика. А так как эта логика управляет событиями, то ум, от которого она исходит, должно признать правителем событий, или, яснее, умом *вседержавным*. Вседержавный же ум есть в то же время и *всесвободный* ум. Если мы для своего бедного ума требуем свободы, то не имеем права не признать всесвободным ума вседержавного. Если этот ум есть всесвободный и если от него зависит течение событий, то основания причин, или, как говорят теперь, принципов, по коим движутся события, должно искать не в самих событиях, а выше их — во вседержавном, все-свободном уме. Этим объясняется то, почему логика событий, если бы судить о ней по самим событиями, нередко прерывается

⁷⁴ «Что так настойчиво и убедительно повторял в своих картинах жизни Л. Н. Толстой? Одна из главных тем в его мысли та, что все в Бытии и в человеке совершается не по законам и ожиданиям человеческой логики, а по внутренним законам того — то прекрасного и блистающего, то враждебного и темного — *ничто*... Приходится признать, что уже не логика человека определяет Бытие, но Разум Бытия сообщает смысл жизни, в том числе и логике... По Толстому выходит, что логика все опять и опять пытается строить по-своему, а историческое целое перестраивает все заново и по-своему, так что глохнут в ней без последствий формальные предначертания величайших рационалистов. Логическому рассуждению остается сказать себе, что «отправные интуиции» были оценены не всесторонне, в них надо всмотреться по-новому, переоценить их содержание прежде чем строить вновь! Во всяком случае, не в логике, но в дологических данных Бытия предукладываются и проекты будущего, и надо уметь прислушиваться к тому, что несут в себе текущие события, если мы хотим сколько-нибудь предвидеть предстоящее. Человек ухватывает эти предубаждения истории вернейшим образом не логикой и логическим процессом, но тем интуитивным аппаратом, который мы называем наблюдательностью, чуткостью, пронизательностью, совестью». *Ухтомский А.А.* Интуиция совести. С. 453—454.

на полдороге и не доходит до своего заключения. Например, израильтяне перед Черным морем, по логике событий, непременно должны были бы погибнуть, а между тем вышло так, что они очутились целыми на другом берегу, гонители же их остались в море... Ирод распоряжается, избив младенцев вифлеемских, убить вместе с ними и родившегося Спасителя, но Божественный Младенец несколькими часами раньше стал вне угрожавшей Ему опасности, и расчет Ирода не оправдался. Вот вам и логика событий! (19. С. 65–67)

Глава шестая

ХРИСТИАНСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ

1. Творение, грехопадение и восстановление человека

Творение человека и его состояние до грехопадения

Бог создал человека для блаженства, и именно в Нем, чрез живое с Ним общение. Для сего вдунул в лицо его дыхание Своей жизни, что есть дух, как уже поминалось. Существенное свойство духа — сознание и свобода, а существенные движения его суть исповедание Бога, Творца, Промыслителя и Воздаятеля, с чувством полной от Него зависимости, что все выражается — в любительном к Богу воззревании, непрестанном к Нему внимании и благоговейном пред Ним страхе, с желанием творить всегда угодное пред Ним по указанию законоположницы — совести и с отрешением от всего, чтоб единого Бога вкушать и Им единым жить и услаждаться. Человеку даны в духе сознание и свобода, но не затем, чтоб он зазнался и своевольничал, а затем, чтоб, сознав, что все имеет от Бога и для того, чтоб жить в Боге, все свободно и сознательно направлял к сей единой цели. Когда он так бывает настроен, то в Боге пребывает и Бог в нем пребывает. Бог, пребывающий в человеке, дает духу его силу властвовать над душою и телом, а далее и над всем, что вне его. Таково и было первоначальное состояние человека, Бог являлся прародителям и подтвердил все сие Своим Божественным словом, наказав им Его единого знать, Ему единому служить, в воле Его единого ходить. Чтоб они не запутались в соображениях, как все это выполнять, Он дал им небольшую заповедь — не вкушать плодов от одного дерева, названного Им древом познания добра и зла. (11. С. 72—73)

Бог создал нас и образом Своим почтил, чтоб мы жили в Боге, — были в живом с Ним союзе. В раю так и было. Падение прародителей расторгло сей союз. (1. С. 74)

Грехопадение человека

Позавидовал им падший прежде того по гордости дух и сбился с пути, наустив их преступить данную им небольшую заповедь

тем, что обольстителем представил, будто со вкушением от за-
прещенного плода они вкусят такого блага, которого без того и
вообразить не могут, — станут как боги. Они поверили и — вку-
сили. Дело вкушения, может быть, и не велико, но худо, что по-
верили, не зная кому. Может быть, и это не так бы было важно,
если б не те страшно преступные мысли и чувства к Богу, какие,
как яд, влил в них злой дух. Он наговорил им, что Бог запретил
им вкушать от древа затем, чтоб и они не сделались богами. Это-
му поверили. Но, поверив так, они не могли не принять хульных
о Боге помышлений, будто Он завидует им и неблагожелательно
к ним относится, а приняв такие помышления, не могли мино-
вать и некоторых недобрых к Нему чувств и своевольных реше-
ний: так мы же сами возьмем то, до чего Ты не хочешь допустить
нас. Так вот Он какой, — засело у них в сердце о Боге, а мы дума-
ли, что Он такой благой. Ну, — так мы сами себя устроим напе-
рекор Ему.

Вот эти-то мысли и чувства были страшно преступны! Они-то
и означают явное отступление от Бога и враждебное восстание
против Него. У них внутри то же произошло, что приписывается
злому духу: *выше облак поставлю престол мой и буду подобен
Вышнему* (см.: Ис. 14, 13–14), — и это не как летучая мысль, а
как враждебное решение.

Так сознание зазналось и свобода воссвоевольничала, приняв
на себя устройство своей участи. Отпадение от Бога совершилось
полное с отвращением неким и враждебным восстанием про-
тив. За это и Бог отступил от таких преступников, — и живой со-
юз прерван. Бог везде есть и все содержит, но внутрь свободных
тварей входит, когда они Ему себя предают. Когда же в себе са-
мих заключаются, тогда Он не нарушает их самовластия, но,
храня их и держа, внутрь не входит. Так и прародители наши
оставлены одни. Если б покаялись поскорее, может быть, Бог
возвратился бы к ним, но они упорничали и при явных обли-
чениях ни Адам, ни Ева не сознались, что виноваты. Последо-
вал суд и наказание изгнанием из рая. Тут опомнились, но уже

было поздно. Надо было нести наложенное наказание, а за ними и всему роду нашему⁷⁵. (11. С. 73—74)

Состояние человека по грехопадению

Что такое сделалось с нами вследствие преступления прародительского?! Природа наша осталась та же, части и силы естества нашего остались те же, с теми же законами и требованиями. Но *не туда направилось наше сознание с свободою*, чрез что возмутили взаимное соотношение наших частей и сил и, нарушив их первообразный строй, внесли расстройство в общую деятельность и жизнь человека, породив из себя особый класс разрушительных сил — страсти, не естественные нам, но возымевшие такую власть, что всеми силами нашими ворочают, как им угодно...

Дух был властен над душою и телом, потому что состоял в живом общении с Богом и от Него получал Божескую силу. Когда пресеклось живое общение с Богом, пресекался приток и Божеской силы. **Дух, себе оставленный, не мог уже быть властителем души и тела, но был увлечен и сам завладен ими. Над человеком возобладала душевность, а чрез душевность —**

⁷⁵«Распространяется богословское мнение о том, что Господь будто бы не налагал в раю за первородный грех на первых людей, а через них и на все человечество, Своего проклятия... Проклятие, или анафема, есть отлучение нас от Бога, Источника жизни и блаженства, — есть смерть телесная и духовная. По словам епископа Феофана Затворника, это проклятие уже содержалось в следующих Божественных словах первым людям: ... *в онъже аще день съесте от него* (дерева познания добра и зла), *смертию умрете* (Быт. 2, 17), конечно, в случае неисполнения данной заповеди. Наши прародители не исполнили эту заповедь, пали первородным грехом, и проклятие вступило в силу. Таким образом, если бы не было первородного греха, то не было бы и проклятия. Последнее есть следствие, а первородный грех — причина. Ясно, что отрицание вопреки Библии проклятия Богом наших прародителей влечет за собой отрицание первородного греха. То и другое находятся между собою в неразрывной связи. Отрицая проклятие, мы отрицаем первородный грех. Если мы будем отрицать первородный грех, мы тем самым будем ниспровергать все Божественное Домостроительство». *Серафим (Соболев), архиепископ*. Проповеди. С. 49—50.

телесность, и стал он душевен и плотян. Дух хоть тот же, но без власти⁷⁶. Он заявляет свое существование то страхом Божиим, то тревогами совести, то недовольством ничем тварным; но его предьявлений не берут во внимание, а принимают только к сведению, всю заботу обращая на устройство своего быта здешнего, к чему и назначена душа, — и быта более вещественного, потому что здешняя жизнь посредствуется телом и что все телесное осязательнее и кажется нужнее.

Когда произошло такое низвращение порядка в соотношениях частей естества нашего, человек не мог уже видеть вещи в настоящем виде, не мог держать в должном порядке свои потребности, желания и чувства. Они пришли в смятение, и беспорядочность стала характеристической их чертой. Но это недоброе, конечно, состояние было бы еще сносно, если б не страсти, а то страсти привзошли и тиранят человека. Смотрите, как рассерчавшего бьет гнев, как лихорадка? Как завистливого источила зависть, что посинел бедный? Как опечаленного иссушила скорбь, что он — кости и кожа? — Таковы и все страсти. Вошли же они вместе с самостью. Как только произнеслось внутри праротца: *так — я сам...* так самость внедрилась в него — сей яд и сие семя сатанинское. Из нее потом развилось все полчище страстей: гордость, зависть, ненависть, скорбь, уныние, любоимание и чувственность, — со всеми их многочисленными и многообразными порождениями. Расплодившись внутри, они еще более возмущают и без них уже смятенное там состояние.

⁷⁶ «Причина богооставленности — конечно, грех человека, как первородный, так и личный. “Дух, себе оставленный, не мог уже быть властителем души и тела, но был увлечен и сам, завладев ими. Над человеком возобладали душевность, а через душевность — телесность, и стал он душевен и плотян. Дух хоть тот же, но без власти. Дух зазнался и засвоевольничал. За это потерял власть”... Утрата духа и есть богооставленность. Господь в богословском смысле никогда не покидает человека, Он всегда близ есть. Но дух человека, который есть плод Духа Божия, или действие (энергия) Его, Господь может отнять. Окончательная утрата духа есть смерть и ад». *Андрей Лоргус, священник. Православная антропология. С. 159.*

Так вот в чем болезнь. Дух зазнался и засвоевольничал. За это потерял власть и подпал под владычество души и тела и всего внешнего. Отсюда смятение душевно-телесных потребностей и желаний, — и особенно их безмерность. Эту безмерность сообщает им от себя дух, ими порабощенный. Сами по себе эти потребности мерны и небурливы. То, что они меры не имеют и бурлят, это оттого, что дух бушует в них: ибо у него по природе энергия безграничная. Отсюда обжорство, пьянство, копление денег... и прочее многое, чему меры не думает давать человек. Но главная болезнь — страсти, пришлые тираны. (11. С. 71–76)

Запомните, что внутреннее наше смятение и беспорядочность прирожденны нам, но не природны, не состоят в природе нашей, как существенная часть ее, а втеснились между природными частями и их расстраивают и в собственной каждой части деятельности, и в их взаимных отношениях. Если б это природно было, то не производило бы своим присутствием страдания и муки, какие мы от того испытываем. Что природно, то радость жизни составляет, а что противно природе, то ее томит и мучит. С другой стороны, если б это природно было, то когда бы кто явился свободным и чистым от того, уж он не был бы человек. Но мы ведаем Человека, Который был совершенно чист от этого и все же был человек, — настоящий человек. Ведаем также, что и все, которые облакаются в Него, получают область очищать себя, как и *Он чист есть* (1 Ин. 3, 3), и являться подобными Ему.

Запомните, говорю, что эта беспорядочность прирожденна нам, но не природна, — запомните и убеждение в том держите крепко. Убеждение это будет поддерживать у вас ревность к уврачеванию сей болезни. Если она не природна, то, значит, есть возможность уврачевать ее. Имея же сию надежду, кто не воодушевится и самым делом уврачевать себя? Естество наше в чистом виде достолюбезно. Сами Ангелы взирают на него с любовью и удивлением, когда оно является таковым... Напротив, если эта болезнь природна, то ее уж не уврачуешь. Так и останется она навсегда, сколько

ни трудись над изгнанием ее. Прими эту мысль, — и руки опустишь, говоря в себе: так, верно, уж быть. А это и есть то пагубное нечаяние, в которое вложившись, предают себя студодеянию в делание всякой нечистоты (см.: Еф. 4, 19). (11. С. 70—71)

Чрез падение ветхий человек заглушил первозданного

Апостол Павел то зло, которое пришло к нам чрез падение, именует человеком ветхим или греховным. Объясняя сие, Макарий Великий говорит, что чрез падение привзошел в нас иной человек — и человек полный, со всеми членами, — привился к тому человеку, который вышел из рук Творца, и заглушил, или заморил, его собою: привзошел так, что голова налегла на голову, руки на руки, ноги на ноги, всякая часть на себе подобную часть; заглушил так, что того первобытного человека стало или совсем не видно, или мало видно, а стал видимым и действующим только сей пришлый человек.... Человек первозданный был, как говорит премудрый, прав, то есть был верующ, богобоязнен, упователен, молитвен, милосерд, кроток, смирен, чист, благожелателен, воздержан, деятелен — словом, украшен всеми богоподобными совершенствами. А пришлый человек, греховный, во всем ему противен: он невер, Бога не боится, не молится, надеется только на себя, не милосерд, гневлив, яростен, горд и тщеславен, похотлив, завистлив, неблагожелателен, ленив, предан чувственным утехам — словом, обременен всеми порочными чувствами и страстями. Когда сей последний взял верх над первым, то этот начал быть страждущим, состоящим в рабстве, под гнетом. Вследствие чего, не имея свободы действовать, скорбит и тужит... Пришлый, греховный человек не дает свободы человеку правому в нас, созданному по образу и по подобию Божию, томит его, держит его в рабстве и горькой неволе. (26. С. 97—98)

Чтобы воздать, надо умертвить ветхого человека

Теперь само собою очевидно, что для того чтобы воздать нам себе радость жизни, надобно умертвить в себе сего греховного

и пришлого человека. А по Апостолу это значит совлещись ветхого человека с деяньми его, распять плоть со страстьми и похотьми, или, что то же, взойти на крест.

Когда будет умерщвлен сей греховный человек, тогда получит свободу человек правый и, начав действовать безпрепятственно, так, как свойственно ему по природе, будет веселиться и радоваться. Будет умерщвляться и распинаться в нас собственно греховный человек, но как он прирос к нам и сорастворился с естеством нашим, то, убивая его на кресте, мы не можем не страдать и не болеть и сами. Тут происходит то же самое, что бывает, когда врачи делают операцию, вырезая какую-либо приросшую, ненужную, болезнь только причиняющую часть. Вырезывается лишнее, чуждое составу тела, вредное, а тело все — и настоящее — страждет. Так и в распятии ветхого человека — предается казни пагубное, не свойственное нам, безобразящее нас, греховное, но и мы не можем не страдать, потому что оно привилось к нам и стало как бы одно с нами. Вот почему сие совлечение ветхого человека именуется и есть самораспятие. Действие сие точно походит на то, как бы сдирать с себя кожу. И в самом деле, какая сильная бывает иногда боль. Но самая боль сия радостотворна, тем паче радостотворны плоды ее!

Так, крест нужен, и нам непременно нужно взойти на него. Но вонмите, что распинается пришлый человек, а мы только болим при сем оттого, что нельзя оторвать его от нас без боли; в самом же деле мы не распинаемся, а освобождаемся от неволи, исцеляемся, разрешаемся от уз. Как если бы с узника какого, окованного по всему телу цепями, которые от долговременности вросли в тело, стали снимать сии цепи, то хотя ему было бы больно, но он охотно и с радостью потерпит сию боль, зная, что чрез нее он получит отраду свободы и, немного потерпевши, приобретет себе всегдашнюю радость и веселие, — так точно и у нас при распятии греховного человека бывает больно и безпокойно, но потерпим благодушно: немного еще — и вступим в свободу чад Божиих. Иначе нельзя. Одно из двух: или всегда

страдать в рабстве греху, или, немного поболевши, вступить в отраду свободы от греха...

Когда сделается такой перелом, или это поражение греховного человека в корне его жизни, тогда поражение его по частям не будет составлять ни труда, ни боли, ни страданий. Будет только то, что чем более кто будет упражнять над собою действия самораспинания, тем больше и больше будет сам освобождаться от уз греха, тем больше и больше будет выступать потаенный сердца человек с одним, другим, третьим членами освобожденными, пока наконец явится во всем совершенстве, не имущ скверны, или порока, или нечто от таковых, как новосозданный по Богу в правде и преподобии истины. (26. С. 98—100)

Возстание силою Духа Божия

Когда человек пал, то ниспал от Бога, и остановился на себе, и себя поставил главною целью жизни. Дух потерял над ним власть, вместо него стало парить в нем самолюбие. Из самолюбия развились гордость, своекорыстие, сластолюбие, а от этих потом — всё полчище страстей. Все они в разных оттенках стали заправителями жизни человека. Дух замолк, и если подавал иногда голос, его не слушали.

Господь и Спаситель принес на землю благодать Всесвятаго Духа, которая вместе с проповедью Евангелия и пошла по лицу земли. Сила проповеди Евангелия от благодати. Вместе со словом чрез слух входит в сердце благодать и пробуждает дух человека. Проповедь говорит: *возстани спяй* (Еф. 5, 14). Когда благодать воздействует на дух, он встает. Вместе с ним встают и оживают все его стихии: страх Божий, обязательство благоугождать Богу и чаяние лучшей жизни. Кто покорится сим требованиям духа, Духом Божиим оживленного, тот отказывается от себя, попирает самолюбие со всем полчищем страстей и начинает всеусердно работать Господу наперекор всем земным видам. С этого момента начинается у него жизнь в духе, или Духом, с попираем самолюбия и всех страстей. Жизнь в духе, или Духом,

можно посему описать так: кто, благодатью Божиею будучи возбужден и освящен чрез Таинства, входит в себя и, став пред Господом в сердце, все свои деяния и внутренние и внешние направляет к богоугождению, чрез хождение неуклонное в воле Его, в слове Божиим изложенной и принятой в совесть, в надежде вечного в Боге блаженства, с попранием самолюбия и забвением интересов земных, тот живет в духе и Духом...

Наш дух не имеет силы дать нам жизнь духовную сам по себе. И Дух Божий не даст ее, если не будет воспринят нашим духом. Когда же они сочетаются, тогда наш дух становится сильным от Духа Божия и Дух Божий чрез наш дух действует на нас и на все наше и все освящает и совершает. Ходящий в духе — Духом Божиим ходит, но ходит по стихиям духа, первоначально в человека вдохнутого. (35. С. 392—393)

Дух наш восстанавливается благодатью Божиею в силе противостоят влечениям к земле со стороны души и тела. Он и восстановлен уже в христианах. Но невнимание к нему и к делу его делает то, что земное успевает увлекать нас и как туманом заслонять небо. Лучший способ, как подкреплять дух наш, в его борьбе с душою и телом при влечениях к земному, есть память об исходе и о последующем за ним суде и предрешении участи нашей. (2. С. 212)

2. Состав естества человеческого: тело, душа и дух

Естество человека — двухсоставно или трехсоставно?

Это предмет спорный, хотя весь только о словах. Тем, кои не хотят различать духа и души, можно предложить, чтоб под словом — *дух* они понимали высшую сторону нашей нетелесной стороны, а словом — *душа* означали низшие ее действия и направления. У Антония Великого (см. Добротолюбия том первый, изречение его 166-е) говорится, что есть существа, одаренные

только жизнью (растения), есть другие, одаренные жизнью и душою (животные), и есть еще одаренные жизнью, душою и умом. — Это человек. Что здесь означается словом *ум*, то мы выражаем словом — *дух*. У Исаака Сириянина тоже полагается три части, также и у Ефрема Сириянина, и многие из святых отцов допускали дух, душу и тело... В слове Божиим понимаются три части: *всесовершен ваш дух и душа и тело непорочно в пришествие Господа Иисуса Христа да сохранится* (1 Сол. 5, 23). В другом месте резко различается в нас дух и душа, когда говорится, что слово Божие, живое и действенное, проходит до разделения *души и духа*⁷⁷ (см.: Евр. 4, 12). (13. С. 188—189)

⁷⁷ «В основе триадологического подхода стоит богословие апостола Павла: *Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целостности да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа* (1 Сол. 5, 23). Это придает триадологическому подходу наибольший вес и авторитет. В православной антропологии преимущественно развивается этот подход... Следует обратить внимание, что о двухсоставности говорится [у святых отцов и учителей Церкви] и “состоит” и “сотворен”, тогда как о трехсоставности — только “состоит”. Это можно интерпретировать как косвенное свидетельство того, что о “духе человека” как о сотворенном говорить некорректно... Понятие “дух” относится не к сотворенной природе, но к дару Божию, превосходящему природу. При этом дух оказывается совершенным по сравнению с природой (падшей) и может быть как вообще превосходящий ее, а может быть целью совершенствования человека: “Дух, себе оставленный, не мог уже быть властителем души и тела, но был увлечен и сам, завладев ими” (Епископ Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь. С. 74—75). Обе точки зрения [у святых отцов и учителей Церкви] достаточно веско аргументированы и представлены весьма авторитетно. У нас нет на сегодня ни богословской, ни иной необходимости сводить эти точки зрения к одной или, приняв одну, опровергать другую. И смешивать их нельзя. Если же мы будем продолжать душу и дух человека рассматривать как единую духовную природу в человеке, то окажемся в затруднении. Если дух и душа есть одна и та же природа, то превосходство духа над душой теряет онтологическую силу и становится лишь нравственным аспектом бытия. Если дух есть иная природа, духовная и тождественная душе, то как учить о творении духа? Как об отдельном творческом акте Творца? Очевидно, что богословская ситуация при этом становится острее и напряженнее. Можно ли различать дух и душу, не нарушая единства творческого акта, “вдуновения души” Богом? Выход, видимо, может быть в том, что в онтологическом подходе следует различать две природы человека,

Трехсоставность подтверждается святыми отцами

Дух и душа и тело — Богооткровенное указание на состав естества человеческого. Как малый мир, человек совмещает в себе все виды жизни, проявившиеся в его предшественниках по лестнице творения. В нем есть и растительно-животная жизнь, и животно-душевная вместе с душевно-человеческою; и духовная, исключительно ему принадлежащая и его характеризующая. Их и означают слова: тело, душа и дух. Тело — наш животно-растительный организм, со всеми его отправлениями и потребностями; душа — начало тех внутри нас сознательных явлений, кои начинаются чувственными восприятиями, влечениями и ощущениями и оканчиваются научными построениями, многообъятными начинаниями и предприятиями и произведениями вкуса; дух — орган богообщения, Бога сознаящая, Бога ищущая и Богом живущая сила. — Существенные черты его — сознание и свобода, движущие его начала суть — вера в Бога, чувство всесторонней зависимости от Него и уверенность в Нем. Проявления жизни его суть — страх Божий, действия совести и жажда богообщения, выражающаяся (со внешней стороны) недовольством ничем тварным. Это и есть то дыхание жизни богоподобной, которое вдохнул Бог при творении в первозданного. Сочетавшись в человеке с душою животною, оно претворяло ее в душу человеческую, которая потому в своих действиях являет основательное средство и с животными, и с духом. Как в духе отличительная черта человека, то сему духу даровано преобладающее в человеке положение над душою и телом, под условием полной покорности самого его Богу. Нормальный строй человека таков: дух — в Боге, под его управлением — душа, под тем и другою — тело. Когда же отпал человек от Бога, дух потерял власть над душою,

сотворенные Господом, душу и тело, а в экзистенциальном — три онтологических уровня: дух, душу, тело. (Такое понимание есть авторское предположение. Существуют иные точки зрения, которые остаются на твердой триадологической основе.)» *Андрей Лоргус, священник*. Православная антропология. С. 154–155.

а эта над телом. Жизнь падшего стала преимущественно — плотская — чувственная, со слабою душевною и еще слабейшею духовною. Предваряющая — зовущая Божия благодать, приближаясь к человеку, действует прямо на дух его и, оживотворяя его стихии — страх Божий, совесть и жажду богообщения, — обращает его к Господу Спасителю, Который, сочетавая с ним навсегда благодать в Таинствах, возвращает ему в человеке опять преобладающее положение. С сей минуты облагодатствованный дух начинает властно распоряжаться душевными силами и действиями, в видах преобразования ее всей, по своим началам, или одухотворения ее. — Привыкши к иного рода занятиям и вкусам, душевный человек не вдруг уступает: отсюда — борьба, неизбежная принадлежность истинно христианской жизни. Тело — страдательное орудие душевно-духовной жизни. Падшая жизнь — грехолюбивая, страстная, чувственная, в нем преимущественно образует свой престол, оседлость и твердыню. Благодать Божия, руководя дух в трудах восстановления человека от падения, научает его прежде всего взять эту крепость, — в которой укрывается и от которой получает подкрепление все греховное и страстное. Отсюда, тотчас по обращении, строгие подвиги телесные, — распятие плоти со страстями и похотями, — чтоб вытеснить отсюда всякое растление и тем лишить его опоры. Цель труда — отрезвить тело и сделать его покорным орудием духа в его целях и стремлениях.

Отсюда всякому понятно, когда дух, и душа, и тело — непорочны? — Дух непорочен, когда весь в Боге и душе не покоряется, а ее себе подчиняет и по-своему направляет и устроит; душа непорочна, когда, подавляя в себе всякую страстность, во всем следует созерцаниям, внушениям и вкусам духа и ничего противного тому не допускает ни в науках, ни в искусствах, ни в начинаниях, — и телом владеет, не ему покорствуя, а его себе обращая в орудие; тело непорочно, когда не творят угодия ему в похоти, а держат его в строгой мере естества, отревая все похотное.

Святой [Иоанн] Златоуст, [блаженный] Феодорит, святой [Иоанн] Дамаскин, Экумений, [блаженный] Феофилакт под духом разумеют Божественную благодать, сообщаемую верующим в Крещении, и молитву о сохранении духа в непорочности понимают как молитву о сохранении неугасимую сей благодати, соделывающей нас непорочными. Это не опровергает предложенных пред сим мыслей. Дух человека падшего сам по себе не может действовать соответственно своему назначению. Силу на то он получает от нисходящей на него Божией благодати, без которой действия его не бывают видны, и его будто нет. Так что хранить дух есть то же, что хранить благодать, и хранить благодать то же, что хранить дух. Святой Златоуст подтверждает это, говоря: «Когда всецело сохраним в себе дарование (Святого Духа), тогда и наш дух останется невредим». — Экумений высказывает ту же мысль, когда говорит: «Если не погасим благодати Святого Духа худыми делами, то она сохранится в нас целою, светло воспаляя собственный наш светильник (то есть дух наш). Если же дух в нас пребудет сохранно цел, то и душа и тело соблюдутся непорочными», — благодать, пришедши в нас, не творит новых сил, а восстанавливает падшие и расстроенные. Если, по благодати, обнаруживаются в нас духовные действия, то не иначе как от духа нашего, восстановленного благодатью. И сама благодать не есть нечто отдельное от Бога, а есть восстановление богообщения, прерванного падением и теперь снова возвращаемого вследствие Богом же произведенного обращения духа к Богу и предания себя Ему. Возвышение благодати в нас есть расширение и углубление богообщения. Верх его указал Спаситель, когда сказал: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему придем, и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). Располагает же к соблюдению слова Господня и силу к тому подает и, следовательно, prepares пригодную для боговселения храмину — Святой Дух — это высшее благо непосредственно соединено с непорочностью духа, души и тела. (38. С. 234–237)

Жизнь телесная

Тело наше состоит из разных органов, из коих каждый совершает свое отправление, существенно необходимое для жизни телесной. Главных органов три: 1) *желудок* с легкими, сердцем, артериями и венами, лимфатическими сосудами и множеством других сосудов, сосуццев и желез, служащих для разных отделений из крови и соков тела; отправление всех их — *питание* тела, или плототворение; 2) *система мускулов и костей*, отправление коих есть *движение* внутри и вовне, и 3) *система нервов*, центр коих — голова, спинной мозг и система ганглий — где-то под брюшную и грудную преградою, а разветвления проникают все тело; отправление ее — *чувствительность*. Когда ход этих отправлений и взаимное их отношение в порядке, тело здорово и жизнь вне опасности; а когда этот порядок нарушается, тело забoleвает и жизнь в опасности. Каждое отправление имеет свою потребность, которая дает себя живо чувствовать живущему, требуя удовлетворения. *Потребности желудочной*, или питательной и плототворной, части суть — *пища, питье, воздух, сон; потребность мускульно-костяной* части есть потребность *напрягать мускулы*, которую всякий чувствует, долго засидевшись, и прямо *потребность движения*, заставляющая ходить, гулять, работать что-нибудь; *потребность нервной части* — приятное раздражение нервов всего тела, как мерность тепла и холода и подоб., и особенно *приятное раздражение пяти наших чувств*, в которых нервная система вышла наружу для общения со внешним миром.

Все это, как видите, телесно, душе какое бы до всего этого дело. Но как она, по теснейшему сочетанию с телом, приняла его в свою личность, то своими считает и все потребности телесные. Оттого говорим: я хочу есть, пить, спать, хочу ходить, гулять, работать, хочу видеть разноцвет, слышать разноголосие, обонять разноухания и проч. Усвоив себе все потребности телесные, душа своим делом считает и удовлетворение их и хлопочет о пище, питии, сне, одежде, крове и о всем прочем, всячески желая

добиться того, чтоб тело было покойно и не тревожило ее своими докучливыми требованиями. Это отношение души к телу, которое она держит не учась, а сама собою, по внутреннему некоему понуждению, обнаруживается в ней вроде некоего инстинкта, — *животолобием, телолобием, желанием покоить тело* и доставать все для того потребное.

Совокупность всего этого и есть телесная сторона человеческой жизни. Но не все здесь одинаково телесно, или плотяно и чувственно. Крепко плотяна только питательная часть; но и она облагораживается приспособлением ее удовлетворения к потребностям и целям собственно душевным. Органы же движения и чувства служат более нуждам души, чем тела⁷⁸. А один орган, стоящий будто вне системы прочих органов, именно орган слова, — исключительно есть орган души, назначенный для служения ей одной.

Телесная, плотская, чувственная, — неодобрительная в нравственном отношении жизнь есть та, когда человек, увлекаясь крайне животолобием и телолобием, поставляет главную для себя целью и заботою покой тела, или всестороннее удовлетворение потребностей лишь телесных с забвением о душе и тем паче о духе. При этом каждая телесная потребность, есте-

⁷⁸ «Параллельно с дисциплиной умственной мы должны научиться иметь мирное тело. На всякую нашу психическую деятельность отзывается тело, и, с другой стороны, наше телесное состояние в известной степени определяет тип и характер нашей психической деятельности. В своих советах желающим приступить к духовной жизни Феофан Затворник говорит, что одно из непререкаемых условий успеха — никогда не допускать телесного размягчения; будь-те как струна скрипки, настроенная на определенную ноту, без расслабления или перенапряжения; держите тело выпрямленным, плечи отведенными назад, посадка головы пусть будет свободной, все мышцы держите напряженными к сердцу. Много написано и сказано о том, как можно пользоваться телом, чтобы развить в себе способность к вниманию; но на общедоступном уровне совет Феофана представляется простым, точным и практическим. Надо научиться быть собранным без напряжения. Мы должны владеть своим телом так, чтобы оно не мешало нашей собранности, а способствовало ей». *Антоний (Сурожский), митрополит. Школа молитвы. Клин, 2003. С. 53–54.*

ственно-простая, расплывается во множество прививных потребностей чрез привычку и пристрастие к разным способам ее удовлетворения.

Возьмите пищу, или питье, или одежду. Что, кажется, проще всего сюда относящегося? А между тем сколько потребностей неотлучных: хоть умри, да подай! — Оттого видим, что иные минуты не имеют свободной, бегая за нужным для удовлетворения их, при всем том, что десятки других лиц заняты для них тем же. У таких неизбежно должны голодать душа и дух, если они еще не совсем заглушены, забиты и погружены в чувственность. (11. С. 15—18)

Тело есть ближайшее орудие души и единственный способ обнаружения ее вовне в настоящем мире. — Посему самым устройством оно совершенно приспособлено к силам души⁷⁹. (13. С. 325—326)

⁷⁹ «Тело не только противник духа, но и его соратник... “Тело есть ближайшее орудие души и единственный способ обнаружения ее вовне в настоящем мире. Посему самым устройством оно совершенно приспособлено к силам души” (святитель Феофан Затворник). Тело — исполнитель духовного замысла. Это верно как в отношении греха, так и в отношении подвига. Если человек постится, то страдает тело, передавая страдания душе. Если человек трудом и бдением подвизается Богу, то именно тело несет эти труды. Тело творит поклоны, доставляя душе пользу от них. Тело терпит холод, голод, зной, дождь, наконец, самые мучения (у мучеников). Не будь у человека возможности телесного аскетического опыта, трудно было бы найти иную столь благодатную почву для подвига. Тело служит не только источником смиряющих страданий, но и передает душе состояния, соответствующие специфическим движениям, навыкам, позам, жестам. Это так называемый язык поз и жестов, который используется не только для передачи информации, но и сам оказывает влияние на пользующегося им. Мы не сможем понять, какое значение имеют знамение креста и поклоны в церковно-аскетической практике, если не задумаемся в тот факт, что поза тела или телесное действие оказывают на душу специфическое воздействие. Более того, форма поклона и его качество по-разному будут воздействовать на душу, и все это должно стать предметом самого пристального антропологического анализа. Тело может оказаться ценнейшим и изощреннейшим орудием духа в руках опытного аскета. “Телесные дела... действуя

Жизнь душевная

Вы входили внутрь; войдемте туда снова. Смотрите, какое там множество и разнообразие действий и движений! То одно, то другое, то входит, то выходит, то принимается, то отвергается, делается и переделывается. Ибо душа приснодвижна и на одном стоять не в силах. Если мы станем смотреть в душу сообщая, то ничего не разберем; надо действия ее распределить по родам и каждый род потом рассматривать особо. Да уж давно приоткрылись и распределили все действия души на три разряда — мыслей, желаний и чувств, назвав каждый особою стороною души — мыслительною, желательною и чувствующею. Возьмем это разделение и начнем обозревать каждую сторону⁸⁰.

неразлучно с душевными, суть самые сильные, помогающие тем душевным средствам (вниманию, бодренности, трезвению)” (*Святитель Феофан Затворник*. Путь ко спасению. С. 206)... Таким образом, по мере духовного возрастания тело из врага становится сначала другом и помощником, а затем “молчаливым свидетелем” духовных созерцаний души, при этом участвуя в принятии благодати Духа». *Андрей Лоргус, священник*. Православная антропология. С. 85–86.

⁸⁰ «Для древнецерковной антропологии было характерно онтологизировать свойства или силы души, именуя их частями, членами души... Большинство святых отцов придерживаются взглядов о сложности, многочастности души... Состав души отцы видели по-разному, состоящим из двух, трех, четырех и более частей, или членов... Но чаще всего встречается трехчастное строение (идея троичности оказывала сильное влияние на умы древних)... Такое представление дошло и до наших дней: “В душе встречаем три силы: ум, волю, сердце, или, как у святых отцов, силу рассудительную, вождительную и раздражительную”. (*Святитель Феофан Затворник*. Путь ко спасению. С. 227.) И позже, уже в XX веке, у С.Л. Франка находим: “Мы исходим из традиционного деления душевной жизни на явления «интеллектуальные», «эмоциональные» и «волевые»” (*Реальность и человек*. С. 91).

Это довольно часто встречающееся деление души: ум, воля и сердце или разум, желание и воля. Действительно, этот взгляд с известной целостностью может обнимать всю сферу душевной жизни человека. Таково же и психологическое представление о человеке. Но психология деонтологизировала душу человека, оставив в понятии “душа” лишь субъективную экзистенцию, где о составе души и речи нет». *Андрей Лоргус, священник*. Православная антропология. С. 128–130.

Сторона мыслительная. Если внутри нас видится смятение, то оно наибольший простор имеет в мыслях — желания же и чувства мнутся уже под действием мыслей. Но в разряде мыслей не все есть беспорядочное движение; есть в среде их ряд серьезных занятий. Они-то, собственно, и составляют настоящее дело жизни душевной со стороны мыслей. Вот эти занятия:

Как только заметили вы что-либо вовне посредством своих чувств или выслушали рассказ других о том, что они заметили своими чувствами, тотчас все то *воображение* воображает и *память* запоминает; и в душу ничто не может войти помимо воображения и памяти. Затем и последующая деятельность мыслительная опирается на воображении и памяти. Чего не сохранила память, того не вообразишь, о том и думать не станешь. Бывает, что мысли прямо рождаются из души; но и они тотчас облекаются в образ. Так что мыслительная сторона души вся есть *образная*.

Но воображение и память добывают и хранят только материал для мыслей. Само движение мыслей исходит из души и ведется по законам ее. Припомните, как ваш меньшой брат, увидев какую-либо новую вещь, тотчас обращался к вам или другим с вопросами: а что это? а кто это сделал? а из чего это? — и не успокоивался, пока не решат ему всех этих вопросов и не удовлетворят его. Мыслительность души начинается именно с порождением сих вопросов и рождает мысли в ответ на них или принимает готовые уже об этом мысли от других. Воображение и память не мыслят. Они — чернорабочие силы, подъяремные. Способность души, из которой исходят такие вопросы и к которой доискиваются и порождаются мысли в ответ на них, называется *рассудком*, которого дело рассуждать, обдумывать и находить требуемые решения. Понаблюдайте за собою, и найдете, что ничего у вас не делается без обдумывания и соображения. Всякую малость приходится обсуждать. Как бы мгновенно это ни делалось, но всюду входит соображение и идет по означенным прежде вопросам...

Вот этим и следовало быть у всех занятою мыслительной силе. Сколько она добудет, это — судя по своей крепости; но она должна быть всегда занята серьезным делом обдумывания и обсуждения действительностей. Между тем что видим в нашей мысленной области? — Непрерывное движение образов и представлений без всякой определенной цели и порядка. Помышления за помышлением возстают и то идут в ряд, то поперечат друг другу, то забегают вперед, то возвращаются назад, то отбегают в сторону, ни на чем не останавливаясь. Это не рассуждение, а блуждание и рассеяние мыслей; следовательно, состояние совсем противоположное тому, чем бы следовало являться нашей мыслительной силе, — болезнь ее, столь внедренная в нее и общая всем, что вы ни одного не найдете человека, который бы мог постоянно вести серьезный труд мышления, не подвергаясь рассеянию и блужданию мыслей, отрывающих его от дела и увлекающих в разные стороны. Часто мы задумываемся. Что это за состояние? — Вот что: мысль сходит в архив памяти и с помощью воображения перебирает там весь собравшийся хлам, переходя от истории к истории, по известным законам сцепления представлений, приплетая к бывалому небывалое, а нередко даже невозможное, пока не придет в себя и не возвратится к действительности окружающей. Говорят: углубился. Углубился, но в пустоту, а не в серьезное обсуждение дела. Это есть то же, что сонное мечтание, — праздномыслие и пустомыслие. Понаблюдайте за собою — и увидите, что большая часть времени проходит у нас именно в таком пустомыслии и блуждании мыслей. Иной день (и не больше ли таких) — ни одной серьезной мысли не вспадет на ум. Прошу обратить на это внимание и заняться решением вопроса: пристало ли так действовать разумной твари? — А я между тем обращусь к другим разрядам душевной деятельности.

Желательная сторона. Действующая здесь сила есть воля, которая волит, желает приобрести, употребить или сделать что находит полезным для себя, или нужным, или приятным, и не

волит — не желает противного тому. Воления воли требуют ответственного дела, потому воля прямее есть деятельная сила, которой существенная потребность — жить и действовать. Она держит в своем заведывании все силы души и тела и все подручные способы, которые все и пускает в ход, когда нужно. В основе ее лежит *ревность*, или ретивость, — жажда дела, а возбуждителями стоят при ней — *приятное, полезное и нужное*, которых когда нет, ревность спит и деятельные силы теряют напряжение, опускаются. Они поддерживают желание, а желание разжигает ревность.

Ход раскрытия сей стороны душевной таков. В душе и теле есть потребности, к которым привились и потребности житейские — семейные и общественные. Эти потребности сами по себе не дают определенного желания, а только нудят искать им удовлетворения. Когда удовлетворение потребности тем или другим способом дано однажды, то после того, вместе с пробуждением потребности, рождается и желание того, чем удовлетворена уже была потребность. Желание всегда имеет определенный предмет, удовлетворяющий потребность. Иная потребность разнообразно была удовлетворена; потому с пробуждением ее рождаются и разные желания, — то того, то другого, то третьего предмета, могущего удовлетворить потребность. В раскрывшейся жизни человека потребностей за желаниями и не видно. Роятся в душе только сии последние и требуют удовлетворения, будто сами для себя.

Что делать душе с сими желаниями? Ей предлежит *выбор*, какому предмету из возжеланных дать предпочтение. По выборе происходит *решение*, — сделать, или достать, или употребить избранное. По решении делается подбор *средств* и определяется способ и порядок исполнения. За этим следует наконец *дело* в свое время и в своем месте. Всякое, даже самое маленькое, дельце идет сим порядком. Это можете вы проверить на каком-либо своем деле. По навыку иногда все эти действия совершаются мгновенно, и за желанием тотчас следует дело. Выбор,

решение и средства берутся тогда из прежних дел и особого производства не требуют.

В пожилом человеке все почти делается по навыку. Редко случается какое-либо предприятие или начинание, выходящее из обычного порядка дел и знаний. Так уж бывает, что сложившаяся жизнь требует соответственных себе дел. Как они повторяются часто, то естественно обращаются в навык, нрав, правило жизни и характер. Из совокупности всех такого рода навыков, правил и порядков устанавливается образ жизни известного лица, как из совокупности установившихся понятий составляется образ его мыслей и воззрений. Зная чей-либо образ жизни, можно угадывать, что думает он в то или другое время и как поступит он в известных обстоятельствах.

Заправителем деятельной жизни поставлено *благоразумие*, которое есть тот же рассудок, только состоящий на службе у воли. В мысленной области рассудок решает — как что есть из существующего, а в желательной и деятельной определяет — как что делать должно, чтоб верно было достигаемо то, что законно возжелано. Когда навыкнет он определять это как следует, так что человек дела свои ведет всегда, или большею частью, с успехом, тогда ему справедливо приписывается *благоразумие* — умение с успехом вести дела, верно соображая средства с целями и дела с внешними обстоятельствами.

Из сказанного вам нетрудно будет вывести заключение о естественно-законной деятельности воли, которая, как видите, есть госпожа всех наших сил и всей жизни. Ее дело определять образ, способ и меру удовлетворения желаний, порождаемых потребностями, или их заменивших, чтоб жизнь текла должно, доставляя покой и радость живущему. Есть у нас, как поминалось, потребности и желания — душевные, телесные, житейские и общественные. Не у всех они одинаково проявляются, потому что не у всех одинаково слагается жизнь, а у одного так, у другого иначе. Дело человека определить, как в своем положении может и должен он удовлетворять свои потребности и

желания, приладить подходящие к тому способы и вести по тому свою жизнь. Вести здравомысленно по установившейся норме свою жизнь со всеми делами ее и начинаниями — се есть задача желательной, или деятельной, стороны нашей жизни. Так бы следовало. Но вникните и рассмотрите, что бывает.

В мысленной стороне у нас бывает смятение, рассеяние и блуждание мыслей; а в желательной — непостоянство, беспорядочность и своенравие желаний, а за ними и дел. Сколько времени проходит у нас в безделии и пустоделии: шатаемся туда и сюда, сами не зная для чего; делаем и переделываем, не умея дать здорового в том отчета; идут у нас начинание за начинанием и дело за делом, но из всего выходит только толкотня — суета. Загораются желания, — и ничего с ними не поделаешь: давай и давай. И добро бы это однажды так, а то — почти — что ни час. Отчего это? — Расплылась госпожа наша — воля. Посмотрите еще, сколько у нас есть пришлых возбудителей желаний — гнев, ненависть, зависть, скупость, тщеславие, гордость и подобные? Источником желаний должны быть естественные потребности сложившейся жизни семейной и общественной; а в этих всех что есть естественного? Они только расстраивают естество и все порядки жизни. Откуда же это варварское нашествие? — Оставляю это вам на рассуждение, а сам поспешу к концу.

Сторона чувства — сердце. Кто не знает, сколь великое значение имеет в жизни наше сердце? В сердце осаждается все, что входит в душу совне и что вырабатывается ее мыслительной и деятельной стороною; чрез сердце же проходит и то все, что обнаруживается душою вовне. Потому оно и называется центром жизни.

Дело сердца — чувствовать все, касающееся нашего лица. И оно чувствует постоянно и неотступно *состояние души и тела*, а при этом и *разнообразные впечатления* от частных действий душевных и телесных, от окружающих и встречаемых предметов, от внешнего положения и вообще от течения жизни, поуждая и нудя человека доставлять ему во всем этом приятное

и отвращать неприятное. Здоровье и нездоровье тела, живость его и вялость, утомление и крепость, бодрость и дремота, затем что увидено, услышано, осязано, обоняно, вкушено, что вспомнито и вообразено, что обдуманно и обдумывается, что сделано, делается и предлежит сделать, что добыто и добывается, что может и не может быть добыто, что благоприятствует нам или неблагоприятствует — лица ли то или стечение обстоятельств, — все это отражается в сердце и раздражает его приятно или неприятно. Судя по сему, ему и минуты нельзя бы быть в покое, а быть в непрерывном волнении и тревоге, подобно барометру пред бурей. Но причувствовалось, и многое проходит у него без следа, как можете проверить теми случаями, что когда в первый раз случится нам быть где, то все нас там занимает, а после второго и третьего раза разве что.

Всякое воздействие на сердце производит в нем особое чувство, но для различения их в нашем языке нет слов. Мы выражаем свои чувства общими терминами: приятно — неприятно, нравится — не нравится, весело — скучно, радость — горе, скорбь — удовольствие, покой — беспокойство, досада — довольность, страх — надежда, антипатия — симпатия. Понаблюдайте за собою, и найдете, что на сердце бывает то одно, то другое.

Но значение сердца в экономии нашей жизни не то только, чтоб страдательно состоять под впечатлениями и свидетельствовать об удовлетворительном или неудовлетворительном состоянии нашем; но и то, чтоб поддерживать энергию всех сил души и тела. Смотрите, как спешно делается дело, которое нравится, к которому лежит сердце! А пред тем, к которому не лежит сердце, руки опускаются и ноги не двигаются. Оттого умеющие собою править, встречая нужное дело, которое, однако ж, не нравится сердцу, спешат найти в нем приятную сторону и тою, помилив с нею сердце, поддерживают в себе потребную для дела энергию. Ревность, — движущая сила воли, — из сердца исходит. То же и в умственной работе: предмет, павший на сердце, спешнее и всестороннее обсуждается. Мысли при этом роятся

сами собою, и труд, как бы он ни был долог, бывает не в труд. Не все всем нравится, и не у всех ко всему одинаково лежит сердце; но у одних больше к одному, а у других больше к другому. Это выражается так: у всякого свой вкус. Зависит это частью от естественного предрасположения, частью, — и не больше ли? — от первых впечатлений, от впечатлений воспитания и случайностей жизни. Но как бы ни образовались вкусы, они заставляют человека так устроить свою жизнь, такими окружить себя предметами и соотношениями, какие указывает его вкус и с какими мирен он бывает, удовлетворяясь ими. Удовлетворение вкусов сердечных дает ему покой — сладкий, который и составляет свою для всякого меру счастья. Ничто не тревожит: вот и счастье.

Если б человек всегда в мысленной части держался здравого мысля, а в деятельности — благоразумия, то встречал бы в жизни наименьшую долю случайностей, неприятных его сердцу, и, следовательно, имел бы наибольшую долю счастья. Но, как указывалось, мысленная часть редко держит себя достойно, предаваясь мечтам и рассеянности, и деятельная уклоняется от своего нормального направления, увлекаясь непостоянными желаниями, возбуждаемыми не потребностями естества, а пришлыми страстями. Оттого и сердце покоя не имеет и, пока те стороны находятся в таком состоянии, иметь его не может. Больше всего тиранят сердце страсти. Не будь страстей, встречались бы, конечно, неприятности, но они никогда не мучили бы так сердца, как мучат страсти. Как жжет сердце гнев! Как терзает его ненависть! Как точит злая зависть! Сколько тревог и мук причиняет неудовлетворенное или посрамленное тщеславие! Как давит скорбь, когда гонор страдает! — Да если построже рассмотреть, то найдем, что и все наши тревоги и боли сердца — от страстей. Эти злые страсти, когда удовлетворяемы бывают, дают радость, но кратковременную, а когда не бывают удовлетворяемы, а, напротив, встречают противное, то причиняют скорбь, продолжительную и несносную.

Таким образом, видно, что сердце наше точно есть корень и центр жизни. Оно, давая знать о хорошем или худом состоянии человека, возбуждает к деятельности прочие силы и послед деятельности их опять принимает в себя на усиление или ослабление того чувства, коим определяется состояние человека. Казалось бы, что ему следовало бы отдать полную власть и над управлением жизнью, как это и бывает у многих-многих вполне, а у всех прочих понемногу. Казалось бы, так, — и, может быть, по естеству оно имело именно такое назначение, но призвали страсти и все помutilи. При них и состояние наше указывается сердцем неверно, и впечатления бывают не таковы, каким следовало бы быть, и вкусы извращаются, и возбуждения других сил направляются не в должную сторону. Потому теперь закон — держать сердце в руках и подвергать чувства, вкусы и влечения его строгой критике. Когда очистится кто от страстей, пусть дает волю сердцу; но пока страсти в силе, давать волю сердцу — значит явно обречь себя на всякие неверные шаги. Хуже всего поступают те, которые целью жизни поставляют сласти сердца и наслаждение, как говорят, жизнью. Так как сласти и наслаждения плотские и чувственные дают себя сильнее чувствовать, то такие лица всегда ниспадают в грубую чувственность и становятся ниже той черты, которая отделяет человека от прочих живых тварей. (11. С. 18—30)

Когда человек пал, душа расслабела, потеряла власть над собою, ниспала в плоть и слилась с нею, слилась до того, как бы и сознавать себя стала не иначе как в плоти и через плоть⁸¹. (13. С. 326)

⁸¹ «В духовной деятельности человека его тело и плоть действительно противостоят духу и уму, и это противостояние может отрицательно сказываться на духовной и умственной деятельности человека. Но это влияние не свойственно природе тела, а является следствием порочных страстей и привычек... Противоположность духовного и телесного, плотского понимала и русская философия. «Плоть есть животность возбужденная, выходящая из своих пре-

Но можно и различать душевность от плотяности, как два вида, или две стороны, однородной жизни, под плотяностью разумя чувственную жизнь, в плотоугодиях проходящую, а под душевностью — жизнь, проходящую в устроении исключительно земного благобытия чрез удовлетворение лишь душевных потребностей, естественных и добытых произвольным навыком, никогда, однако ж, не остающихся в своем чине, непременно возмущаемых и извращаемых страстями, — так что ее справедливо назвать жизнью, в угодии душевным страстям проходящую, хотя движущуюся в порядках, определяемых естественными потребностями. (32. С. 420—421)

Жизнь духовная

Душа вся обращена исключительно на устроение нашего временного быта — земного. И познания ее все строятся только на основании того, что дает опыт, и деятельность ее обращена на удовлетворение потребностей временной жизни, и чувства ее порождаются и держатся только из ее состояний и положений видимых. Что выше сего, то не ее дело. Хоть и бывает в ней нечто выше сказанного, но то гости суть, заходящие к ней из другой высшей области, именно — области духа.

Что же это за *дух*? — *Это та сила, которую вдохнул Бог в лицо человека, завершая сотворение его.* Все роды существ наземных изводила, по повелению Божию, земля (см.: Быт. 1, 11, 24). Из земли изошла и всякая душа живых тварей. Душа человеческая, хотя и сходна с душою животных в низшей своей части, но в высшей она несравненно превосходнее ее. Что она является такою в человеке, это зависит от сочетания ее с духом. Дух,

делов <...> плоть... сильна только слабостью духа..." (Соловьев В.С. Собрание сочинений. Т. 1. С. 141). Здесь весьма уместно говорить именно о плоти, а не о теле. Тело сделалось в грехопадении плотью. "Когда человек пал, душа ослабела, потеряла власть над собою, ниспала в плоть и слилась с нею, слилась до того, как бы и сознавать себя стала не иначе как в плоти и через плоть"». Андрей Лоргус, священник. Православная антропология. С. 84—85.

вдохнутый Богом, сочетавшись с нею, столько возвысил ее над всякою нечеловеческою душою. Вот почему внутри себя мы замечаем, кроме того, что видится у животных, — и то, что свойственно душе человека одуховленной, а выше еще — то, что свойственно собственно духу.

Дух, как сила, от Бога исшедшая, ведаёт Бога, ищет Бога и в Нем одном находит покой. Некиим духовным сокровенным чувством удостоверяясь в своем исхождении от Бога, он чувствует свою полную от Него зависимость и сознает себя обязанным всячески угождать Ему и жить только для Него и Им.

Более осязательные проявления сих движений жизни духа суть: 1) *Страх Божий*. Все люди, на каких бы они степенях развития ни стояли, знают, что есть верховное существо, Бог, Который все сотворил, все содержит и всем управляет, что и они во всем от Него зависят, и Ему угождать должны, что Он есть Судья и Мздовоздаятель всякому по делам его. Таков естественный символ веры, в духе написанный. Исповедуя его, дух благоговеинствует пред Богом и исполнен страха Божия. 2) *Совесть*. Сознывая себя обязанным угождать Богу, дух не знал бы, как удовлетворить сей обязанности, если бы не руководила его в сем совесть. Сообщив духу частичку своего всеведения в указанном естественном символе веры, Бог начертал в нем и требования Своей святости, правды и благодати, поручив ему же самому наблюдать за исполнением их и судить себя в исправности или неисправности. Сия сторона духа и есть совесть, которая указывает, что право и что неправо, что угодно Богу и что не угодно, что должно и что не должно делать, — указав, властно понуждает исполнить то, а потом за исполнение награждает утешением, а за неисполнение наказывает угрызением. Совесть есть законодатель, блюститель закона, судья и воздаятель. Она есть — естественные скрижали завета Божия, простирающегося на всех людей. И видим у всех людей вместе со страхом Божиим и действия совести. 3) *Жажда Бога*. Она выражается во всеобщем стремлении ко всесовершенному благу и яснее видна тоже во всеобщем

недовольстве ничем тварным. Что означает это недовольство? — То, что ничто тварное удовлетворить духа нашего не может. От Бога исшедши, Бога он ищет, Его вкусить желает и, в живом с Ним пребывая союзе и сочетании, в Нем успокоивается. Когда достигает сего, покоен бывает, а пока не достигнет, покоя иметь не может. Сколько бы ни имел кто тварных вещей и благ, все ему мало. И все, как и вы уже замечали, ищут и ищут. Ищут и находят; но, нашедши, бросают и снова начинают искать, чтоб и то, нашедши, также бросить. Так без конца. Это значит, что не того и не там ищут, что и где искать следует. Не осязательно ли это показывает, что в нас есть сила, от земли и земного влекущая нас горе — к небесному!

Не разъясняю вам подробно всех этих проявлений духа, навою только мысль вашу на его присутствие в нас и прошу вас побольше подумать об этом и довести себя до полного убеждения, что точно есть в нас дух. Ибо в нем отличительная черта человека. Душа человеческая делает нас малым нечим выше животных, а дух являет нас малым нечим умаленными от Ангелов. Вы, конечно, знаете смысл ходящих у нас фраз — дух писателя, дух народа. Это совокупность отличительных черт, — действительных, но некоторым образом идеальных, умом познаваемых, неуловимых и неосязаемых. То же самое есть и дух человека; только дух писателя, например, видится идеально, а дух человека присущ в нем как живая сила, живыми и ощущаемыми движениями свидетельствующая о своем присутствии.

Из сказанного мне желательно было бы, чтоб вы вывели такое заключение: в ком нет движений и действий духа, тот не стоит в уровне с человеческим достоинством. (11. С. 31—34)

Ведая Бога, все и совесть являют, и чтут Бога, и молятся Ему, и чают будущей жизни, в коей каждому воздано будет по делам его. Сила, содержащая все такие верования и убеждения, есть дух. Положим же мы с вами, что в каждом человеке есть дух — высшая сторона человеческой жизни, сила, влекущая его

от видимого к невидимому, от временного к вечному, от твари к Творцу, характеризующая человека и отличающая его от всех других живых тварей наземных. Можно сию силу ослаблять в разных степенях, можно криво истолковывать ее требования, но совсем ее заглушить или истребить нельзя. Она — неотъемлемая принадлежность нашего человеческого естества и у всякого проявляет себя своим образом. (11. С. 36)

Дух человека падший, или греху работающий, все же есть дух. — Что-то неземное отражает он в себе, хотя определить нельзя, что такое, — как разбитое на мелкие части зеркало отражает что-то, но ничего целого. (14. С. 200)

Я же, сверх того, держусь той мысли, что тогда как душа расстроивается, по причине расстройства ее органа — тела, — дух остается цел, — и он зреет там — глубже сознания, все более и более, в том направлении, в каком застало его расстройство то. (4. С. 251)

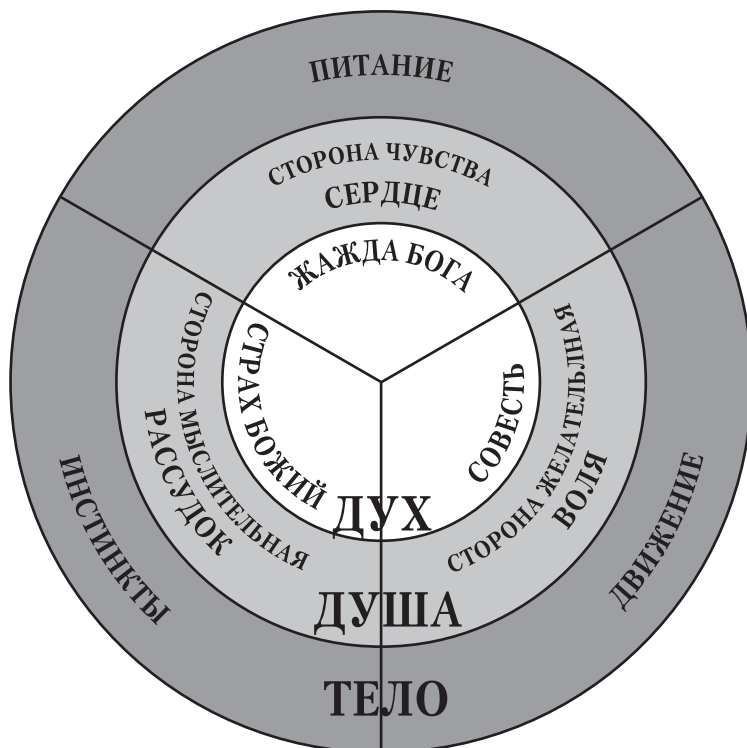
3. Господство духовности — норма

Три рода потребностей: телесные, душевные и духовные

Человек имеет не тело только, но и душу, и в душе самой, или в своей внутренней жизни, не душу только, но и дух, который несравненно выше души.

Каждая из этих частей существа человеческого: дух, душа и тело — имеет свои потребности. Чувство потребности есть жаждание. Стало быть, у нас есть три рода жажданий: жаждание телесное — плотское, чувственное, жаждание душевное и жаждание духовное. Первое, плотское, ищет земных и чувственных удовольствий; второе, душевное, ищет благ житейских, или благ мира; третье, духовное, ищет благ духовных, небесных, или Бога и божественного. Таким образом, в теле нашем есть потребность

**ТРЕХСОСТАВНЫЙ ОБРАЗ ЛИЦА И ДЕВЯТЕРНАЯ ИЕРАРХИЯ СИЛ
ПО ФЕОФАНУ ЗАТВОРНИКУ (38. С. 234–236; 11. С. 15–34)**

Лице человека (я) есть единство духа, души и тела... Внутри нас есть три рода действий: *мысли*, представления, соображения; *желания*, склонности, предприятия, и *чувства* всякого рода. Но как в составе существа нашего нельзя не различать трех частей: тела, души и духа, то и те три рода действий являются в нас на трех степенях, или в трех состояниях, именно: животном, душевном и духовном. Полагая теперь в основание каждому из сих кругу действий особую силу, мы должны сознать девятерную иерархию сил, во внутреннем нашем мире качествующих и действующих под прикрытием тела. (С. 449, 411)

самосохранения — есть, пить, спать; есть потребность движения — ходить, работать, трудиться, которая превращена в потребность чувств, танцевать и тому подобное; есть потребность употребления чувств — смотреть, слышать, осязать, обонять. Три класса потребностей плотских: три рода и жажданий чувственных, которые удовлетворяются окружающими нас чувственными вещами. Кто занят преимущественно удовлетворением этих потребностей, тот стоит на степени животного: встал, походил, поговорил, помечтал, почитал, поел и потом опять соснул, прогулялся, повертелся, позевал, послушал речей пустых и сам поболтал, и снова спать. Вот и вся программа жизни чувственной! Пусто, но, к сожалению, очень-очень большой круг людей принадлежит сюда. Жаждание утоляется тут только на несколько часов, а потом снова оживает и точит человека, как червь.

В душе есть потребность знания; хочется человеку все разведать, разузнать научно, или через чтение, или понаслышке. Поминутно слышишь: что это, отчего, как и для чего это? Эта пытливость присуща всякому. Есть потребность предприятий, или дел, по домохозяйству, по торговой части, по военной, ученой, судебной, гражданской, городской или сельской жизни: минуты не проходит, чтобы кто не загадывал что-нибудь делать, и делает; сделавши одно, берется за другое. Это — предприимчивость, забота и многопопечение.

Есть потребность украшать себя, свое жилище, обставлять себя с комфортом: нужна хорошая мебель, приличная одежда, хорошие картины, дорогие изваяния, музыка, пение и тому подобное — рай, видите, хочется человеку насадить вокруг себя в замену потерянного... Это так называемые невинные удовольствия. Вот и в душе три потребности: потребность знания, предприимчивость, или попечительность, и искание эстетических наслаждений. По числу их столько в ней и жажданий. Тут жажда никогда не удовлетворяется, а постоянно снедает человека, несмотря на то что он и минуты не дает себе покоя.

В духе есть потребность созерцания Бога и вещей божественных, удовлетворяемая познаниями мира духовного; есть потребность покоя в Боге, или покоя совести, удовлетворяемая исполнением воли Божией; есть потребность богообщения, или вкушения Бога, удовлетворяемая молитвенным исчезновением в Боге. Стало быть, и тут три вида потребностей; по числу их столько же и жажданий в духе, то есть жажда молитвенного отращения от всего, жажда покоя в Боге и жажда богосозерцания, которые, не будучи удовлетворены, оставляют тоску, а удовлетворенные надлежащим образом и дух успокоивают, и низводят покой в душу и тело, восполняя их недостатки своею полнотою, или заменяя их способы своими; например, эстетические удовольствия — молитвенным возношением к Богу, многопопечительность — покоем совести, бесплодное искание истины путем науки — созерцанием Бога и вещей божественных.

Таким образом, у нас три класса жажданий, и в каждом классе по три вида; всех, значит, девять, и все они как бы девятью устами непрестанно вопиют человеку: «Жажду!» Иной человек всю жизнь бьется, чтобы как-нибудь заглушить этот вопль, и все-таки не успевает. Почему? Потому, прежде всего, что неправильно распределяет эти жаждания. Посмотрите, как это бывает. Наперед стоят чувственные потребности — о них и заботы больше; затем душевные, удовлетворяемые уже в меньшей мере, а духовные отодвигаются на задний план, и выходит так, что у человека наверху то, чему следует быть внизу, и наоборот. А в таком виде стараться о том, чтобы насытить человека, есть то же, что трудиться наполнить сосуд водою, перевернув его вверх дном.

Вот отчего человек и не имеет довольства, не насыщается, а все жаждет и жаждет, несмотря на то что непрестанно хлопочет о довольстве и успевает иногда окружить себя многими вещественными благами. Поэтому кто желает покоя, тому надо поправить такую ошибку, и найдется покой и мир, превосходящий всякий разум; надо, то есть, прежде всего удовлетворить дух, возведши его в богообщение, боговкушение и богосозерцание; далее силою

духа и по его указанию и руководству удовлетворять и потребностям душевным и телесным. Бог — полнота всех благ, наполнив дух, низольет чрез него дополнительные удовлетворения на потребности души, на ее знания, предприятия и услаждения и на потребности тела, дав им меру, вес и цель. (19. С. 171—176)

Воздействие духа на душу

Что привзошло в душу вследствие соединения ее с духом, иже от Бога? От этого вся душа преобразилась и из животной, какова она по природе, стала человеческою, с теми силами и действиями, какие указаны выше. Но не об этом теперь речь. Пребывая такою, как описано, она обнаруживает сверх того высшие стремления и восходит на одну степень выше, являясь душою одуховленною. Такие одуховления души видны во всех сторонах ее жизни — мысленной, деятельной и чувствующей.

В *мысленной* части от действия духа является в душе *стремление к идеальности*. Собственно душевная мысленность вся опирается на опыте и наблюдении. Из того, что узнается сим путем раздробленно и без связи, она строит обобщения, делает наведения и добывает таким образом основные положения об известном круге вещей. На этом бы и стоять ей. Между тем она никогда не бывает этим довольна, но стремится выше, ища определить *значение каждого круга вещей* в общей совокупности творений. Например, что есть человек, — это познается посредством наблюдений над ним, обобщений и наведений. Но, не довольствуясь этим, мы задаемся вопросом: «Что значит человек в общей совокупности творений?» Доискиваясь этого, иной решит: он есть возглавление и венец тварей; иной: он есть жрец — в той мысли, что голоса всех тварей, хвалящих Бога безсознательно, он собирает и возносит хвалу Всевышнему Творцу разумною песнью.

Такого рода мысли и о всяком другом роде тварей и о всей их совокупности порождать имеет позыв душа. И порождает. Отвечают ли они делу или нет — это другой вопрос, но несомненно,

что она имеет позыв искать их, ищет и порождает. Это и есть стремление к идеальности: ибо значение вещи есть ее идея.

Это стремление обще всем. И те, которые не дают цены никаким познаниям, кроме опытных, — и они не могут удержаться от того, чтоб не поидеальничать против воли, сами не замечая того. Языком отвергают идеи, а на деле их строят. Догадки, какие они принимают и без которых ни один круг познаний не обходится, суть низший класс идей...

В *деятельной* части от действия духа является *желание и производство безкорыстных дел*, или добродетелей, или даже и выше — стремление стать добродетельною. Собственно дело души в этой ее части (воле) есть устройство временного быта человека, да благо будет ему. Исполняя это назначение, она все делает по тому убеждению, что делаемое или приятно, или полезно, или нужно для устрояемого ею быта. Между тем она этим не довольствуется, но выходит из этого круга и совершает дела и начинания совсем не потому, что они нужны, полезны и приятны, но потому, что они хороши, добры и справедливы, стремясь к ним со всею ревностью, несмотря на то что они ничего не дают для временного быта, и даже неблагоприятны ему, и ведены бывают на счет его. У иного такие стремления проявляются с такою силою, что он жертвует для них всем своим бытом, чтоб жить отрешенно от всего.

Проявления такого рода стремлений повсюдны, даже и вне христианства. Откуда они? Из духа. В совести начертана норма святой, — доброй и праведной жизни. Получив ведение о ней чрез сочетание с духом, душа увлекается ее незримой красотой и величием и решается ввесть ее в круг своих дел и своей жизни, преобразуя и ее по ее требованиям. И все сочувствуют такого рода стремлениям, хотя не все всецело предаются им; но ни одного нет человека, который бы по временам не посвящал своих трудов и своего достояния на дела в таком духе.

В *чувствующей* части от действия духа является в душе *стремление и любовь к красоте*, или, — как обычно говорят, —

к изящному. Собственное дело сей части в душе воспринимать чувством благоприятные или неблагоприятные свои состояния и воздействия совне, по мерке удовлетворения или неудовлетворения душевно-телесных потребностей. Но видим в кругу чувств вместе с этими корыстными, — назовем так, — чувствами ряд чувств безкорыстных, возникающих совсем помимо удовлетворения или неудовлетворения потребностей, — чувств от услаждения красотой. Глаз не хочется оторвать от цветка и слуха от вратить от пения потому только, что то и другое — прекрасно. Всякий упорядочивает и украшает свое жилище так или так, потому что — так красивее. Идем в прогулку и избираем место для того по тому одному, что оно прекрасно. Выше всего этого — наслаждение, доставляемое картинами живописи, произведениями ваяния, музыкою и пением, а и этого всего выше — наслаждение творениями поэтическими. Изящные произведения искусства услаждают не одною красотой внешней формы, но особенно красотой внутреннего содержания, красотой умно-созерцаемою, идеальною. Откуда такие явления в душе? Это гости из другой области, из области духа. Дух, Бога ведущий, естественно постигает красоту Божию и ею единою ищет наслаждаться. Хотя не может он определенно указать, что́ она есть, но, сокровенно нося в себе предначертание ее, определенно указывает, что́ она *не есть*, выражая сие показание тем, что не довольствуется ничем тварным. Красоту Божию созерцать, вкушать и ею наслаждаться есть потребность духа, есть его жизнь, и жизнь райская. Получив ведение о ней чрез сочетание с духом, и душа увлекается вслед ее и, постигая ее своим душевным образом, то в радости бросается на то, что в ее круге представляется ей отражением ее (дилетанты), то сама придумывает и производит вещи, в которых чаёт отразить ее, как она ей представилась (художники и артисты). Вот откуда эти гости, — сладостные, отрешенные от всего чувственного, чувства, возвышающие душу до духа и одуховляющие ее! Замечу, что из искусственных произведений я отношу к сему классу только те, которых содержанием служит божественная

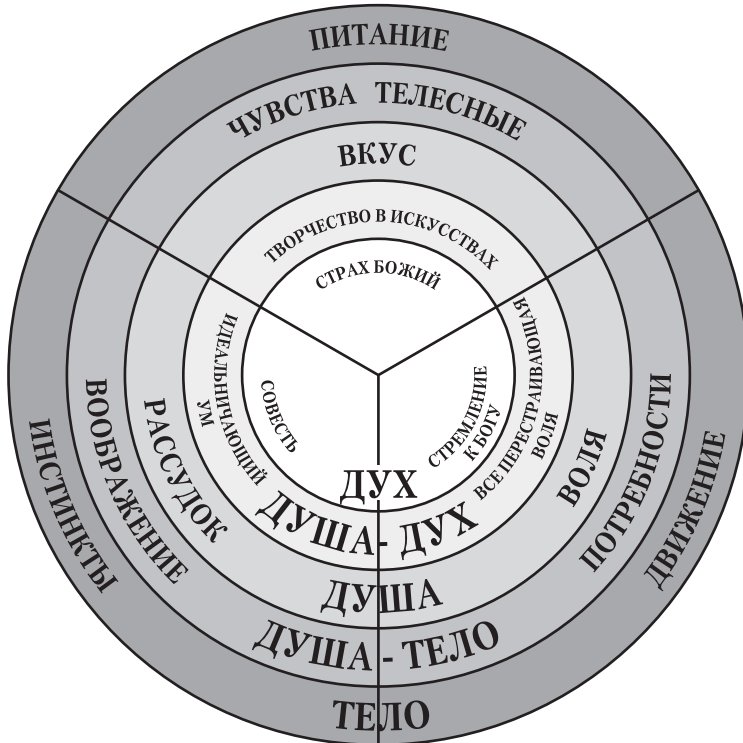
красота незримых божественных вещей, а не те, которые хоть и красивы, но представляют тот же обычный душевно-телесный быт, или те же наземные вещи, которые составляют всегдашнюю обстановку того быта. Не красивости только ищет душа, духом водимая, но выражения в прекрасных формах невидимого прекрасного мира, куда манит ее своим воздействием дух.

Так вот что дал душе дух, сочтан будучи с нею, и вот как душа является одуховленной! (11. С. 37—41)

Пять ярусов жизни и переходы между ними

Давайте теперь с вами сведем счеты или сделаем выводы из всего наговоренного. Видите, сколько у нас сторон, или, лучше, степеней жизни! Есть сторона и степень жизни духовная, есть — духовно-душевная, есть — собственно душевная, есть — душевно-телесная (кажется, я не оттенил ее как следует; сюда принадлежат — наблюдения с воображением и памятью, желания из потребностей тела и чувства телесных состояний и впечатлений), есть — телесная. **Пять ярусов, но лицо человека одно, и это одно лицо живет то тою, то другою, то третьею жизнью и, судя по тому, какую жизнью живет, получает особый характер, отражающийся и в его воззрениях, и в его правилах, и в его чувствах, т. е. оно бывает или духовным**, — с духовными воззрениями, правилами и чувствами, **или душевным** — с душевными понятиями, правилами и чувствами, **или плотским** — с плотскими мыслями, делами и чувствами (серединных состояний — душевно-духовного и душевно-телесного — не беру в счет, чтоб не дробиться слишком). Не то сие означает, чтоб когда человек бывает духовен, душевность и телесность не имели уже в нем места, но то, что тогда духовность у него бывает господствующею, подчиняя себе и проникая собою душевность и телесность; равно — не то, чтоб когда человек бывает душевен, его духовность и телесность не существовали более, но то, что тогда душевность бывает господствующею, всем заправляет и всему дает свой тон и самую духовность облакает покровом

**ПЯТИЯРУСНАЯ СХЕМА ЛИЦА
ПО ФЕОФАНУ ЗАТВОРНИКУ (2. С. 108–109)**

Пять ярусов, но лицо человека одно, и это одно лицо живет то тою, то другою, то третьей жизнью, и, судя по тому, какую жизнью живет... оно бывает или духовным... или душевным... или плотским... Человек имеет свободу двигаться вверх и вниз по степеням жизни своей... есть виновник своего состояния внутреннего... По естественному назначению человек должен жить в духе, духу подчинять и духом проникать все душевное, а тем паче телесное... Се — норма!.. А душевный... а тем паче плотный, — не есть настоящий человек... Он — безголов. (С. 381, 383, 384, 386)

душевности; также не то, чтоб когда человек бывает плотян, его духовность и душевность исчезали, но то, что тогда все у него оплотняется, и духовность и душевность плотяны бывают, подчинены плоти, и ею попраны, и в рабстве у нее содержимы.

Так как, на какой бы степени ни находился человек, другие стороны его жизни остаются присущими в нем, то ни на одной степени он не бывает закабален так, чтобы уж и высвободиться не мог из сей кабалы, но всегда имеет возможность переходить с одной степени на другую, ослабив одну сторону своей жизни и усилив другую. Так и духовный человек может ниспасть в душевность и телесность, и плотяный — подняться до духовности, когда тот возлюбит душевное и плотское, а этот взыщет духовного. Человек всегда свободен. Свобода дана ему вместе с самосознанием и вместе с ним составляет существо духа и норму человечности. Погасите самосознание и свободу, — вы погасите дух, и человек стал не человек⁸².

Но утверждая, что **человек имеет свободу двигаться вверх и вниз по степеням жизни своей**, я не утверждаю вместе с сим, что ему одинаково легко и удобно двигаться, сверху ли вниз идет он или снизу вверх, или что эти движения могут совершаться в

⁸² «Человек свободен только в своей духовной сфере и сознательном выборе своего пути к Богу или протеста против Него. Что же касается психической формы, душевной жизни, то уже у Макария Египетского мы встречаем признание “материальности души” (хотя и подчеркивается, что это — материя особого рода). Епископ Феофан говорит о телесной стороне души, общей у человека с животными, о признаках ее одухотворенности под воздействием духа и утверждает, что именно душевная сфера объединяет в себе телесную и духовную стороны человеческой природы. Это признание детерминированности индивидуальных черт человеческой психики, типов душевного устройства человека, равного достоинства “этих разных типов” вполне соответствует современному учению о характерах и темпераментах, о психологических витально-биологических основах аффектов и влечений, о биохимических, эндокринных, генетических и даже церебральных механизмах, влияющих на структуры этих влечений. В соответствии с такими взглядами весь подвижнический опыт говорит о том, что изменять свой характер, аффекты, страсти и пристрастия можно только длительной и упорной работой над собой, системой аскетических приемов,

нем так же быстро и часто, как переходы из одной комнаты в другую, бывающие по несколько раз в день. Я хотел этим только сказать, что человек, себя сознающий и свободный, **есть виновник своего состояния внутреннего** и что если он, попав в такое состояние, которое одобрить нельзя, остается в нем, то сам виноват в том и ответен пред Богом и людьми. (11. С. 41–43)

Господство душевности и телесности — греховно

Всякая из показанных степеней, или проявлений нашей жизни, натуральна в нас и, следовательно, не может быть неодобряема сама по себе. Ненатурально и, следовательно, само по себе неодобрительно то состояние, в котором мысли блуждают, парят и бурлят, желания непостоянствуют, возбуждаемы будучи страстями, — не натуральными нам, а пришлыми, — и чувства сердца волнуются и мнутся по причине сих же страстей. Я нарочно оттягивал эти неестественности внутри нас, говоря о душевной жизни, чтоб остановить на них ваше внимание. Нарочно и теперь упоминаю об этом, чтоб тоже заставить вас получше вникнуть в это дело и отнестись к нему по его достоинству. Блуждание помыслов, непостоянство желаний страстных и тревоги сердца непрестанно беспокоят нас, не давая ни одного дела сделать как должно и всегда почти сбивая нас с пути. Это болезнь, хотя всеобщая

влияющих как на психику, так и на соматику, как на душу, так и на тело. Всякая мысль о произвольности и легкости изменения своей природной организации признается неосновательной, продиктованной только отсутствием духовного опыта. Отсюда необходимость духовного руководства молодыми подвижниками. Отсюда целая система воспитательных приемов и необходимость создания соответствующей среды. Епископ Феофан Затворник в своих письмах о христианской жизни и в книге «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться» дает очень точное описание необходимых мер воздействия на тело и душу в процессе духовного роста и показывает, что необходима продуманная организация жизни и сферы, в которой мы живем, выбор людей, предметов, картин, мелодий, образов, окружающих нас повседневно, если мы желаем изменить свою психофизическую организацию в соответствии с требованиями духовной жизни». *Мелехов Д.Е.* Психиатрия и проблемы духовной жизни // Психиатрия и актуальные проблемы духовной жизни. М., 1997. С. 26.

и повсюдная, но не естественная, а нажитая нами произвольно. Враг знает, сколько она подручна ему, и, покушаясь искушить кого, прежде всего старается столкнуть его в этот омут, именно, сначала вводит в поток помыслов, под ними потом зажигает страстные пожелания, а этими взволновывает сердце.

Кто доведен до этого, у того искушение созрело. Если не опомнится, падает и, падши, увлекается в водоворот бурливых движений помыслов, пожеланий и чувств, иногда не надолго, иногда надолго, а нередко и навсегда. Та жизнь, частичку которой, помните, вы испытали, вся проходит в этом водовороте и бывает, судя по кружкам, где бурливее, где потише, где поскромнее, где нараспашку — во всей своей наготе и срамоте. Но и помимо этого редко кто бывает свободен от тех бурлений внутри. Нет-нет — и прорвется. От блуждания же мыслей и представлений не знаю, есть ли кто свободный? — Так вот эту болезнь нашу извольте заметить (да вы уж ее и заметили отчасти, жалуясь на неупорядоченность мыслей), — и, заметив, возьмись за труд врачевания. Всяко не выпускайте из мысли, что внутри вас постоянно присуще нечто недоброе, что всегда готово сбить вас с должного и направить на недолжное.

Что касается до душевности и телесности, то они сами по себе, как замечено уже, безгрешны, как естественные нам; но человек, сформировавшийся по душевности, или, еще хуже, по плотяности, не безгрешен. Он виновен в том, что дал в себе господство тому, что не предназначено к господству и должно занимать подчиненное положение. И выходит, что хотя душевность естественна, быть душевным человеку — неестественно; также и плотяность естественна, но быть плотяным человеку — неестественно. Погрешность здесь в исключительном преобладании того, что должно состоять в подчинении. (11. С. 43—45)

Господство духовности — норма

Когда у кого господствует духовность, тогда хоть это будет его исключительным характером и настроением, он не погрешает,

во-первых, потому, что духовность есть норма человеческой жизни и что, следовательно, бывая духовным, он есть настоящий человек, между тем как душевный и плотяный человек не есть настоящий человек; а во-вторых, потому, что как ни будь кто духовен, он не может не давать должного душевности и плотяности, только держит их не жирно и в подчинении духу. Пусть не широка у него душевность (в научных познаниях, искусствах и делах прочих) и крепко стеснена плотяность, — все он настоящий полный человек. **А душевный** (многознающий, искусник, делец), **а тем паче плотяный, — не есть настоящий человек**, как бы красным ни являлся он вовне. **Он — безголов.** Отсюда простой человек, Бога боящийся, выше многообразованного и элегантного, но не имеющего в целях своих и стремлениях угождения Богу. По сему же судите и о произведениях литературы и искусств. Произведения, в коих все плотяно, из рук вон нехороши; но и те, в коих господствует душевность, не отвечают своему назначению, хотя они выше плотяных. Таков суд — только о тех произведениях, кои чужды духовных элементов; те же, кои прямо относятся враждебно о всем духовном, то есть о Боге и вещах божественных, — прямо суть вражеские внушения и терпимы быть не должны.

Из сего вы видите, что по естественному назначению человек должен жить в духе, духу подчинять и духом проникать все душевное, а тем паче телесное, а за ними и все свое внешнее, то есть жизнь семейную и общественную. Се — норма! (11. С. 45—46)

Духовные потребности выше всех, и когда они удовлетворяются, то другие хоть и не будут удовлетворяемы, покой бывает, а когда они не удовлетворяются, то будь все другие удовлетворяемы богато, покоя не бывает. Почему удовлетворение их и называется *единым на потребу*. Когда удовлетворяются духовные потребности, то они научают человека поставлять в согласие с ними удовлетворение и прочих потребностей, так что ни то, чем удовлетворяется душа, ни то, чем удовлетворяется тело,

не противоречит духовной жизни, а ей пособствует — и в человеке водворяется полная гармония всех движений и обнаружений его жизни — гармония мыслей, чувств, желаний, предприятий, отношений, наслаждений. (11. С. 65)

4. Образ и подобие Божие

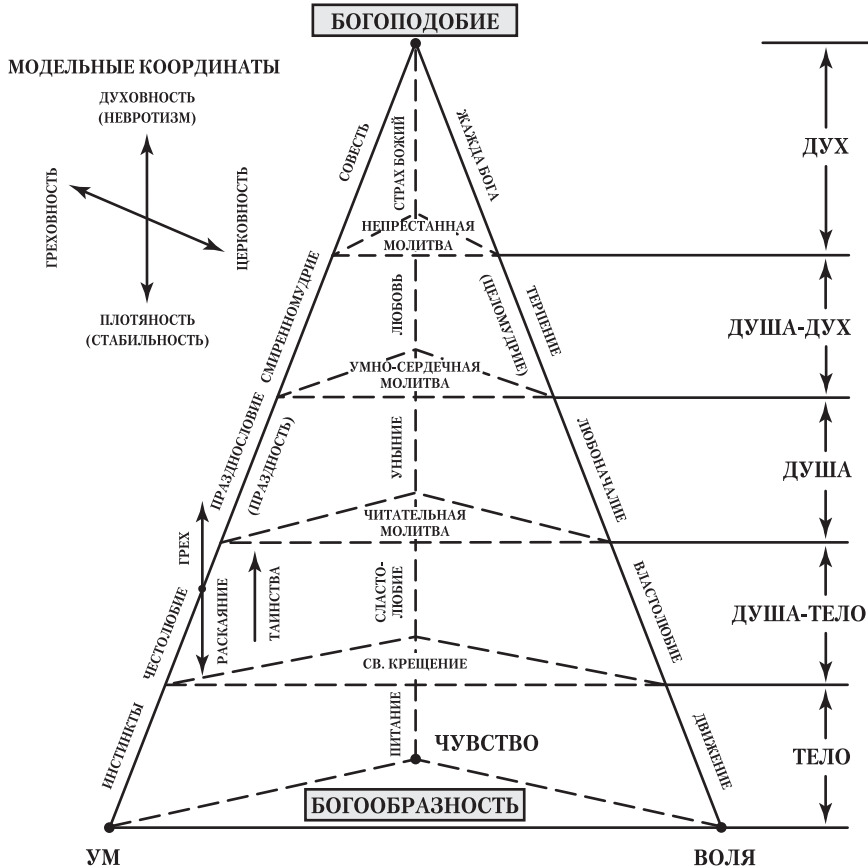
Образ Божий в духовности души человека

Человек создан по образу Божию; образ сей не в теле, а в душе, ибо Бог не телесен. В душе же в чем именно образ Божий? Или в естестве души, или в ее стремлениях, или в том и другом. Но на чем ни остановись из сего, должно признать душу духовною. Если образ Божий в естестве души, то она духовна, потому что Бог есть дух. Если образ Божий в высших духовных стремлениях, то, как духовные явления и действия не могут происходить от телесного существа, а должны происходить от существа духовного, душу опять должно признать духовною, чтобы можно было производить из нее духовные действия, присутствие в душе и необходимая сила которых всеми сознаются. Все святые отцы, как мы уже убедились, в создании человека по образу Божию видели неотразимое доказательство духовности естества души. Образ создания человека, надо полагать, и в роде человеческого оставил убеждение в духовности души, которое в язычестве затемнилось и затерялось, — в народе же Божиим сохранилось во всей целостности и чистоте. (23. С. 116—117)

В чем конкретно состоит образ Божий, а в чем богоподобие?

Образ и подобие Божие относятся не к телу, а к душе. Образ Божий состоит в естестве души, а подобие — в свободно приобретаемых ею богоподобных качествах. То, что душа наша невещественна, проста, духовна, бессмертна и разумно-свободна, — это относится к образу Божию, а когда она должным употреблением разума и свободы познает истину и

МОДЕЛЬ СОСТОЯНИЙ ЛИЧНОСТИ ПО ФЕОФАНУ ЗАТВОРНИКУ (38. С. 234—236; 2. С. 108—109; 19. С. 323; 5. С. 81)

Образ и подобие Божие относятся не к телу, а к душе. Образ Божий состоит в естестве души, а подобие — в свободно приобретаемых ею богоподобных качествах. То, что душа наша невещественна, проста, духовна, бессмертна и разумно-свободна, — это относится к образу Божию, а когда она... познает истину и станет искренне содержать ее, сердце же украсит всякими добродетелями... тогда эти качества составят в ней подобие Богу... Молитва — проба всего; молитва — и источник всего; молитва — и двигатель всего; молитва — и направитель всего. (С. 387, 389, 105)

станет искренне содержать ее, сердце же украсит всякими добродетелями, как-то: кротостью, милосердием, воздержанием, миролюбием, терпением и тому подобным, — тогда **эти качества составят в ней подобие Богу**. Отпечатленное благодатью на образе подобие обнимает все наше внутреннее: и мысли, и расположения, и чувства — и соделывает богоподобными и ум, и волю, и сердце.

Ум богоподобен, когда он ясно ведаёт Символ веры и все, заключающееся в нём, содержит нелицемерно. Апостол Павел говорит о себе и о всех Апостолах: *мы ум Христов имамы* (1 Кор. 2, 16). Этот ум Христов они не удержали в себе одних, а передали его Церкви и верующим в слове живом и Писании. Святая же Церковь собрала его весь воедино и изложила кратко в Символе веры. Стало быть, кто верует искренне, твердо содержит все, чему учит Символ веры, тот имеет ум Христов, или у того ум подобен уму Христову, богоподобен.

Деятельная сила человека бывает богоподобна, когда она украшается всеми добродетелями, какие указаны Господом в учении о блаженствах (см.: Мф. 5, 1–12). Что это так, о том свидетельствует святой апостол Павел. Сказав, что нам надобно облещись в нового человека, обновленного по образу Создавшего, он поясняет потом, в какой это образ следует облещись: *облещитесь, говорит, во утробы щедрот, благость, смиренномудрие, кротость и долготерпение* (Кол. 3, 12), облекитесь в то, чтобы прощать, если кто имеет что на другого, чтобы водворять в себе мир и все творить с чистым побуждением во имя Господа Иисуса и во славу Божию. А это то же самое, что содержится и в учении о блаженствах. Сердце становится богоподобным, когда оно отрешается от всех привязанностей земных и прилепляется к предметам духовным и небесным. Об этом отрешении Апостол заповедует так: надобно, говорит он, нам жить так, *чтобы имеющие жен были как бы не имеющие; плачущие, как не плачущие; радующиеся, как бы не радующиеся, куплю деющие, как ничего не требующие* (см.: 1 Кор. 7, 29–30), то есть надо так настроиться,

чтобы все, бывающее в мире, было чуждо нам, проходило мимо и около нас, не возмущая и не касаясь нашего внутреннего. О прилеплении же к предметам духовным и божественным он говорит так: *вышних ищите... горняя мудрствуйте, а не земная; умросте бо, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе* (Кол. 3, 1–3) (19. С. 323–325)

Кто пребывает в богоподобии

Силы вещественные суть темные силы; жизнь растений и животных похожа на мерцание света при звездах и луне. Человеческой же духовной жизни образ — ясное сияние солнца. Ей дано внутреннее самоосвещение с освещением и всех соприкосновенностей, и именно в самосознании человек, создавая себя, сознает и Верховного Творца своего и Владыку, чувствуя при том всестороннюю свою от Него зависимость и долг служить Ему всеми силами существа своего, в надежде состоять чрез то в вечном благоволении Его, — сознает и свои внешние отношения к подобным себе и ко всем тварям, — сознает и то, как он должен держать себя, и то, держит ли себя как должно. В этом внутренний свет человека, излианный в него в сотворении его по образу и подобию Божию. Господь, действуя вседержительством Своим и храня духовное естество человека, хранит этот свет и есть, по тому самому, уже свет для него. Но Он есть Свет более еще потому, что ко всем лучам естественного света духа человеческого благоволит приливать и Своего Божественного Света, воздействием которого своеобразный свет человека и становится собственно светом, — верным, определенным и все определяющим, все предметы являющим в их точных очертаниях. Это привлечение света духовного в человека (и во все духовные твари, высшие его), столь для него необходимо, что, по Откровению, не видим, чтоб и минуту пробыл без него воззванный к бытию человек. Лучи этого света суть: *страх* Божий, с чувством всесторонней зависимости и долга служить Богу; *совесть* — с уверенностью быть благоугодным Богу чрез исполнение ее

требований; *недовольство* ничем тварным, с надеждою всесторонне удовлетворительного благобытия в вечности.

Живущий по этим указаниям Божественного света пребывает в богоподобии, для коего создан, и состоит, потому, в ближайшем отношении к Сыну Божию, Который есть *сияние славы Отца и образ ипостаси Его* (см.: Евр. 1, 3). Вседержительное Слово — Бог и есть свет человеком, — свет, просвещающий ведением истин о Боге и делах Божиих, — свет, указывающий совести, что добро и что зло, и воодушевляющий на творение одного и удаление от другого, — свет, отрадою исполняющий сердце непорочное от чувства благоволения Божия и чаяния всестороннего облаженствования в Нем. От века Он есть для людей истина, путь и живот. Приемлющий этот свет стоит у своей цели и, исполняясь светом, бывает всеблажен. (29. С. 316—319)

5. «Поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши» (Сир. 7, 39)

Будет Страшный Суд

Жизнь наша походит на клубок нитей. Нити слой за слоем наматываются и образуют клубок: виден только верхний слой, но и прочие все целы, только прикрыты. Так и в нас: дела прилагаются к делам, мысли к мыслям, чувства к чувствам, и образуют нас самих, нашу душу в том виде, как она теперь есть. Памятны только недавние дела и те, коих прикрыть уже нельзя, но и все прочие дела не исчезли, а есть — только сокрылись внутри сердца и совести. Размотайте клубок, и увидите все нити, — и в том виде, как они были намотаны. Так будет время, когда все, сокрытое внутри нас, раскроется, выйдет наружу и будет явно и нам и всем. Вы знаете, какое это время! Как отрадно будет тем, у коих не заложено в себя ничего, кроме дел чистых и богоугодных. Они возрадуются, как радуется обретший сокровище, сокрытое на селе своем, или как радуется богатый, когда

пред всеми разлагает дорогие вещи, кои дотоле скрывались в его сокровищницах. Но другой и смотреть бы не хотел на многое из того, что тогда раскроется из него самого, не хотел бы смотреть, но будет смотреть и терзаться, — будут видеть то и другие — Бог, Ангелы, святые и увеличивать его терзания и муку. Хотел бы отворотить очи свои от себя, и не отвратит; хотел бы убежать и скрыться, но куда убежишь и где скрыться от себя? Будет вопиать: горы, падите на меня и покройте меня от лица Сидящего на престоле; но и горы не падут и не покроют его! (14. С. 6—7)

Что делать, чтобы получить оправдание на Страшном Суде

«Не имеете, чем оправдаться на суде... дел нет». Делами оправдаться нечего и думать. Оправдание всецело идет от всех в силу крестной смерти Господа. Но есть побочности, кои тоже стоят как условия... и хотя в совершенстве мы их представить не можем, но можем искренне желать их и искать, — и некий успех представить... посильный, но в меру всей нашей силы... Я задал задачу — решить, в чем состоит *добрый ответ на судищи Христовом*, о коем молимся в просительной ектении. (6. С. 186)

Что же нам делать? — Не допускать в себя ничего нечистого и греховного, — положить мерило очам, устам, рукам, и ногам, и тому, что соответствует им в душе — мыслям, чувствам и желаниям, чтобы слагающаяся из них сокровищница нашего существа (сердца и совести) всегда была чиста, светла и боголюбозна — в отраду нам в день оный. Ибо если ни одно действие наше не пропадает даром, если всякая мысль, всякое чувство, всякое слово и дело, взор, все до малейшего движения оставляет свой след в нас, остается в нас и вместе с нами предстанет на всеобщий суд в оправдание или осуждение наше⁸³, то, судите сами,

⁸³ «В том, как поворачивается к тебе мир и как он кажется тебе, и есть суд над тобою. Каждое мгновение мир ставит перед человеком новые задачи и предъявляет ему новые вопросы; а человек отвечает всегда в меру того, что успел в себе заготовить из прежнего; таким образом, каждое мгновение мира

благоразумно ли допускать внутрь себя что-либо такое, что тогда хотели бы исторгнуть, но уже будет поздно. Кто своими руками вливает яд в жилы свои или сам собирает себе на голову углие огненное? — Будем помнить, что жизнь наша не шутка и ничем в жизни шутить не должно: ибо все в ней имеет вечную цену. (14. С. 7)

Оправдать, а не осудить будет изыскивать Господь

Страха Божия ничто столько сильно не поддержит, как память о Страшном Суде. Духу же уныния от этого поддаваться не следует. А следует только осмотреться хорошенько кругом и что окажется негодным Господу, то тотчас устранить и, если нужно, очистить покаянием. Тогда, положась на милость во всем Божию, останется только благодушествовать. Господь и на Страшном Суде будет не то изыскивать, как бы осудить, а как бы оправдать всех. И оправдает всякого, лишь бы хоть малая возможность была⁸⁴. (3. С. 38)

На Страшном Суде осуждаются только нераскаянные

На суд хотя все предстанут, но осуждению подпадут только нераскаянные. Раскаяние извергает худое из души; потому хоть

выявляет в человеке то, что есть в его сердце, — и в этом суд и судьба (суд — судьба) над человеком. “В чем застану, в том и сужу тебя!”» *Ухтомский А.А.* Доминанта. СПб., 2002. С. 355.

⁸⁴ «Конечно, на Страшном Суде Христовом получают спасение только те, которые имели любовь к ближним, разумеется любовь истинную, а не ложную. Под ложною, не спасительною любовью надо разуместь любовь сентиментальную и гуманистическую, которая действует в нас только тогда, когда несчастье ближних перед нашими глазами. По учению епископа Феофана Затворника, гуманистическая любовь есть любовь эгоистическая, в которой мы, любя других, любим лишь самих себя. Она действует в нас вследствие страстей тщеславия, корыстолюбия и в силу страха перед общественным мнением, этим современным идолом. Не такая любовь к ближним спасет нас на Страшном Суде Христовом, а любовь христианская, т. е. та, которая исходит из любви ко Христу». *Серафим (Соболев), архиепископ.* Об истинном монархическом мирозерцании. СПб., 1994. С. 149.

и значится сие худое за человеком, но не носится им в себе самом. Раскаянный предстанет на суд не имеющим в себе зла; а как быть с тем злом, которое записано за ним? Это решит милость Божия. Веруем, впрочем, что слезы покаяния изглаждают и ту запись силою Таинства Покаяния, по благодати Господа нашего Иисуса Христа. (32. С. 146)

Как быть, если не желаем оставить грех

Время коротко. Час-другой — и смерть. Подавай отчет! И нельзя сказать, что запись забыл держать: ибо все дела уже там. Нас ждут для прочтения и рукоприкладства... что все так, и вознагражений или оправданий нет. Тотчас сверят с законом — и приговор... Когда бы на столько-то лет?! Но там лета безлетные. Горе нам! А сокрушаться нет охоты! И грех-то бросить не желаем... Как же это быть?! Буди воля Твоя, Господи, и имиже веси судьбами спаси мя. (5. С. 40—41)

Почему есть ад и вечные муки

Как есть прогресс в добре, так есть прогресс и в зле. Мы видим на земле ожесточенных во зле; такими же могут они остаться и вне земли, а потом и навсегда. Когда придет всему конец, а ему прийти неизбежно, — куда девать этих ожесточившихся во зле? Уж конечно, куда-нибудь вне области светлой, определенной для потрудившихся над собою в очищении своих нечистот. Вот и ад! Не исправившиеся при лучших обстоятельствах исправятся ли при худших? А если же нет, то вот и вечный ад! Не Бог виновник ада и вечных в нем мучений, а сами грешники. — Не будь нераскаянных грешников, и ада не будет. Господь очень желает, чтоб не было грешников, за тем и на землю приходил. Если Он желает безгрешности, то, значит, желает и того, чтобы никто не попал в вечные муки. Все дело за нами. Давайте же стоворимся и уничтожим ад безгрешностью. Господь будет рад тому; Он и открыл об аде для того, чтоб всякий поостерегся попасть туда. (12. С. 160—161)

Как святой отец благодарен за геенну?! — По сознанию, сколь великое для нас благо в том, что Бог открыл нам о геенне. Если и зная, что есть геенна, мы так безпечно грешим, что бы было, если б не знали о том? — Теперь все же иной грешит-грешит, — и призадумается. (8. С. 96)

Господственное расположение перед смертью

Пред смертью душа и тело отдают человеку то, что он полагал в них в продолжение жизни. Это минуты, в кои раскрываются самые сокровенные глубины сердца, самые коренные возбудители чувств, желаний и дел. Вся душа превращается при сем в господствующее расположение, или склонность: здесь опадают все личины, человек пред собою и пред людьми открывается таким, каков есть... В час смерти у преподобного одно в сердце — Богу преданная любовь, а между тем в жизни видны были одни скорби, озлобления, труды: и под сим-то суровым покровом зрел благой, тихий и боголюбезный дух любви. Так многоценно и многосильно подвижничество; но оно средство, а не цель. Под ним должен скрываться, зреть и укрепляться дух истинной жизни во Христе Иисусе, Который есть любовь. Где нет любви, там все дела, все услуги и труды ничто, там царствует безжизненная мертвенность. *Не любяй в смерти пребывает*, — говорит святой апостол и евангелист Иоанн Богослов (см.: 1 Ин. 3, 14); а апостол Павел унижает все добро, все отличия духовные, если при них нет любви (см.: 1 Кор. 13, 1—3), и в одной любви совмещает все совершенства. Все отпадает, даже вера и надежда: одна любовь пребудет вовеки. (21. С. 101—102)

Жить или умереть — да будет воля Божия

Желание пожить естественно живому Тут нет греха. Но настоящее в этом отношении расположение есть: *Буди воля Божия*. Жить ли, умереть ли, да будет как Богу угодно. Это расположение надо усилить и довести до того, чтоб оно не давало порождаться какому-либо относительно сего беспокойству. (1. С. 28)

Забвение о смерти — проблема для психологов

Что за тайна делается над нами! Все мы знаем, что вот-вот смерть, что избежать ее нельзя, а между тем совсем почти никто о ней не думает: а она придет внезапно и схватит. И то еще... когда даже схватывает смертная болезнь, все не думается, что конец пришел. Пусть решат это психологи с ученой стороны; с нравственной же нельзя не видеть здесь непонятого самопрельщения, чуждого только внимающим себе⁸⁵. (12. С. 172)

Очень много зла от мысли, что смерть за горами. Извольте приблизить ее и помните, что ей и из-за гор ничего не стоит прыгнуть... Вот-вот подскочит и подкосит... Ах! Ах! — да уж ничто не поможет. Пересмотрите-ка все роды внезапных смертей и решите, какой из них не может повториться и над вами сейчас же, когда вы читаете эти строки? От безопасности нет мысли возбуждательнее, как мысль о внезапной смерти. Но ни одна мысль так же не бывает дальше от нас, как эта. (1. С. 210)

Видения перед смертью

Некоторые сказания об отходящих говорят, что прежде посетят при сем страхи от страх наводящих лиц. Но есть и другие

⁸⁵ «Для рационализма является, впрочем, возможность, к которой и прибегает парижский профессор биологии Ле Дантек, — попытаться просто отрицать самое существование проблемы смерти на том, например, основании, что, дескать, мы не располагаем никаким личным опытом смерти. Зато мы знаем опыт смерти любимого, а это гораздо важнее! Ясно, что подобный прием отличается лишь неспособность подойти к данной вечной и страшной проблеме: парадоксом не спастись от колебания почвы под ногами! Отказ от проблемы не есть решение ее!

Итак, где же и как решается эта вечная проблема человеческого сознания?

Она решена радикально только Христом, и решается каждым из нас только во Христе, — решается не иллюзорно — т. е. каким-нибудь мысленным усвоением и примирением с фактом смерти, — а реальным преодолением смерти Воскресением. Можно сказать, что все содержание христианской жизни есть усвоение в свою жизнь Воскресения Христова! *Ухтомский А.А.* Интуиция совести. С. 155—156.

сказания, уверяющие, что иные из отходящих не только не устращаются, но дерзновенным словом разгоняют сии безобразные полчища, кои, впрочем, к таковым и близко подойти не могут, гонимые живущим в умирающем духом, Духом Божиим созидаемом в продолжение всего пути, пройденного по обращении к Богу⁸⁶. (6. С. 160)

Разлучение души с телом есть наказание

Душа не от тела имеет бытие, а получает его вместе с телом, — и для того, чтобы жить с телом. А смерть придет разлучить их. И дивно, как душа будет жить без тела, привыкши с телом жить.

⁸⁶ «Часто это духовное видение начинается у умирающих еще до смерти, и все еще видя окружающих и даже беседуя с ними, они видят то, чего не видят другие. Этот опыт умирающих наблюдался в течение веков, и сегодня подобные случаи с умирающими — не новость. Однако здесь следует повторить сказанное выше: только в благодатных посещениях праведных, когда появляются святые и Ангелы, мы можем быть уверены, что это явились действительно существа из другого мира. В обычных же случаях, когда умирающий начинает видеть почивших друзей и родственников, это может быть лишь естественное знакомство с невидимым миром, в который он должен войти; подлинная же природа образов почивших, появляющихся в этот момент, известна, возможно, одному лишь Богу, — и нам нет нужды вникать в это.

Ясно, что Бог дает этот опыт как наиболее очевидный способ сообщить умирающему, что потусторонний мир не есть совсем незнакомое место, что жизнь там также характеризуется любовью, которую человек питает к своим близким. Преосвященный Феофан трогательно излагает эту мысль в словах, обращенных к умирающей сестре: «Там встретят тебя батюшка и матушка, братья и сестры. Поклонись им и наши передай приветы, — и проси попечись о нас. Тебя окружают твои дети с своими радостными приветами. Там лучше тебе будет, чем здесь»... Потусторонний мир, хотя и не будет совершенно чужим для нас, но не окажется просто приятной встречей с любимыми «на курорте» счастья, а будет духовным столкновением, которое испытывает расположение нашей души во время жизни — склонялась ли она больше к Ангелам и святым через добродетельную жизнь и повиновение заповедям Божиим или же, путем нерадения и неверия, сделала себя более годной для общества падших духов. Преосвященный Феофан Затворник хорошо сказал, что даже испытание на воздушных мытарствах может оказаться скорее испытанием искушениями, чем обвинением». *Серафим (Роуз), иеромонах. Душа после смерти. С. 306—309.*

Разлучение души с телом есть наказание, и оно должно быть чувствительно. Святые, по причине тесного общения с Господом, или мало, или совсем не ощущают сего неудобства⁸⁷. (8. С. 5)

Видеть, как отходят из сей жизни, есть самая лучшая наука жизни. (3. С. 163)

Общение с умершими

Тело умирает, а лице умирающего остается. Переходит только в другие порядки жизни... В теле, лежащем под святыми и потом выносимом, ее [усопшей] нет. И в могилу не ее прячут. Она в другом месте. Так же жива, как теперь. В первые часы и дни она будет около вас. И только не проговорит, — да увидеть ее нельзя, а то тут... Поимейте сие в мысли. Мы, остающиеся, плачем об отшедших, а им сразу легче: то состояние отраднее. Те, кои обмирали и потом вводимы были в тело, находили его очень неудобным жильем. То же будет чувствовать и сестра. Ей там лучше, а мы убиваемся, будто с нею беда какая случилась. Она смотрит и, верно, дивится тому. (40. С. 596)

У отшедших скоро начинается подвиг перехода чрез мытарства. Тут нужна ей помощь! Станьте тогда в этой мысли,

⁸⁷ «Святитель Феофан Затворник начал одно отпевание словами: “Братья и сестры, давайте плакать, потому что ушел от нас любимый человек, но давайте плакать как верующие”. Мы плачем над усопшим, потому что человек не призван к тому, чтобы умереть, — человек призван к вечной жизни. Смерть вошла в жизнь через человеческое отпадение от Бога, поэтому смерть как таковая — трагедия. С другой стороны, она — освобождение. Если бы надо было жить, никогда не умирая, в той ограниченности земной жизни, которую мы знаем, был бы неизбежный кошмар. Поэтому, скажем, в отпевании повторяются слова псалма: *Блажен путь, которым идешь сегодня, душа, ибо тебе приготовлено место упокоения...* Эти слова обращены от имени Церкви к усопшему, но и к тем, кто их слышит. И есть целый ряд мест в службе, где усопший как бы говорит: *Не рыдайте обо мне* (см.: Последование погребения мирских чело- век. Стихиры на “Слава”». *Антоний (Сурожский), митрополит*. Труды. М., 2002. С. 162–163.

и вы услышите вопль ее к вам: «Помоги!» — Вот на что вам надлежит устремить все внимание и всю любовь к ней. Я думаю, самое действительное засвидетельствование любви будет, — если с минуты отхода души вы, оставя хлопоты о теле другим, сами отстранитесь и, уединясь где можно, погрузитесь в молитву о ней в новом ее состоянии и новых неожиданных нуждах. Начав так, будьте в непрестанном вопле к Богу — ей о помощи, в продолжение шести недель — да и далее. В сказании Феодоры — мешец, из которого Ангелы брали, чтобы отделяваться от мытарей, — это были молитвы ее старца. То же будет и ваши молитвы... Не забудьте так сделать... Се и любовь!⁸⁸ (40. С. 596)

Что отшедшие живы, только другую жизнью, живут сознательно, пребывают в общении между собою по тамошним условиям и порядкам, и на нас посматривают, и к нам приходят, слышат наши молитвы о них, и о нас молятся, и делают нам внушения, — все по тамошним законам и порядкам, а не как вздумается, — это должно считать положительно верным, хотя ничего определенного по всем этим пунктам сказать не можем. Бывает и здесь, на земле, проявление сочувствия душ, по коему душа душе, по поговорке, весть подает. Подобные сему взаимодействия

⁸⁸ «Мытарства — это не “нравоучительная басня”, придуманная для “простых людей”, как полагает критик... это не “миф”, или “плод воображения”, или “дикая сказка”, как он говорит, — но истинные повествования о том, что ждет нас по смерти, сохраненные православным аскетическим преданием со времен раннего христианства... А епископ Феофан Затворник дает, возможно, наиболее трезвый и земной ответ тем, кто не желает принимать православного аскетического учения: “Как ни дикою кажется умникам мысль о мытарствах, но прохождения их не миновать”... В течение первых двух дней душа наслаждается относительной свободой и может посещать на земле те места, которые ей дороги, но на третий день она перемещается в иные сферы...

Святитель Феофан пишет: “Ведь сестра-то сама не умрет; тело умирает, а лице умирающего остается. Переходит только в другие порядки жизни... У отшедших скоро начинается подвиг перехода через мытарства. Там нужна ей помощь! Станьте тогда в этой мысли, и вы услышите вопль ее к вам: *Помогите!*”» *Серафим (Роуз), иеромонах. Душа после смерти. С. 426, 309—316.*

можно допустить и у живых с умершими, или с отшедшими. В письмах о том, «Что есть духовная жизнь», указывается всемирная стихия — эфир. По ней действия душ одной на другую, — могут проходить, как электрический ток по телеграфной проволоке. Препарат телеграфный тут есть сердце. (6. С. 99)

Тело по воскресении будет духовно

Святой Златоуст говорит, что оно [тело] на земле душевно, потому что оживляется только душою. А по воскресении будет духовно, потому что будет жилищем не одной души, но души, исполненной Духа. И на земле, говорит он, душа имеет Духа, но Он не всегда присущ ей, потому что отгоняется иногда нечистыми мыслями, чувствами и делами; а там Он преисполнит ее всю. Потом прибавляет святой Златоуст: а может быть, духовным оно названо по воскресении, потому что будет легче, тоньше, подвижнее. (4. С. 238—239)

Не гадать о времени Второго Пришествия

Предсказания уж сколько раз бывали, — что вот-вот конец лета. И все невпопад. — Спаситель сказал, что никто не знает времени. Нечего потому гадать и смущаться гаданиями других. Что будет Второе Пришествие, то несомненно. И то несомненно, что оно будет внезапно, — при всех предзнаменованиях великих. Остается нам только ожидать непрестанно Господа и готовиться к сретению, не гадая о времени. (8. С. 62)

Преддверие рая

Не выпускай из мысли надежд и обетований христианских, и определенных для этой жизни, и отложенных на будущую. Это вседейственно будет оживлять и поддерживать энергию нравственных сил твоих. Трудись положенным образом, трудись неутомимо в молитвах, пощениях, благотворениях, сколько сил есть. Если будешь так действовать, скоро придет покой совести, затем начнется умиротворение сердца, в знамение того, что

страсти стали замирать: ибо от них все тревоги сердца. Когда сердце совсем умиротворится, это будет значить, что страсти замерли. Тогда жди присещения Божия: благодать воссияет, — и ты осязательно ощутишь присутствие в себе Троиственного Бога, по обетованию Господа Спасителя. Это преддверие рая.

Таковы обетования для сей жизни. И они точно исполняются во всех безжалостных к себе ревнителях о спасении. Что же на том свете будет, того и вообразить мы не в состоянии⁸⁹. — Так вот: как только придет позыв польготничать и поленишься, скорее воспомяй сии обетования, и победишь разленение. Ибо при этом должен будешь додумать и о том, что чем неопустительнее и неотложнее будешь делать все, тем скорее получишь искомое. А если будешь прилениваться, то может случиться, что

⁸⁹ «Люди бредят идеей бессмертия. Старинные схоластики старались обосновать ее философски, придумывая “доказательства бессмертия души”, как будто в самом понятии человеческой души уже заключается основание бессмертия; т. е. как будто бессмертие может быть обосновано логически, как требование человеческого ума! С другой стороны, люди еще во времена язычества старались если не для всех малых сил, то хоть для своих царей и правителей устроить бессмертие, объявляли их богами, праздновали “апофеозы” и т. п. Вот и в самые последние годы профессор Мечников заговорил о том, что будущая наука должна добиться бессмертия для человека, прекратив в нем старение, ветшание, болезни и разрушение. И всякий из нас, теряя своих любимых родичей и друзей, переживает тем глубже, чем крепче любит, потребность бессмертия, потребность победы над смертью!

Так где же бессмертие, где его основание, откуда его ждать? Все это такие особенно своевременные вопросы ныне, посреди бесчисленных смертей, убийств, гибели драгоценных человеческих жизней! Вчитываясь далее и далее в церковные и отеческие книги, я понял следующее. Человек сам по себе смертен, становится же бессмертным от прикосновения к нему Божественного Блистания во Христе на том основании, что всё, чего коснулся Свет Божества, исполняется жизнью негибнущего. Так что не сам по себе и не на основании логических выводов из понятия “человек” или “человеческая душа” — бывает бессмертен человек, но бессмертие сообщает мне Христос, и лишь во Христе я становлюсь бессмертным своим причастием Божеству! Значит, по мере приобщения Божеству я становлюсь бессмертным; приобщение же человека Божеству возможно только во Христе, чрез Христа и путем Христовым». *Ухтомский А.А.* Интуиция совести. С. 138—139.

и совсем ничего не получишь. Ибо даемая себе льгота после трудов вменится в награду за них, — и дать тебе что-либо не за что⁹⁰. (17. С. 459)

Будущий рай, — не совне навевающий блаженство, а внутри его устрояющий, — как неистоцимо бьющий ключ радостей и утешений. (6. С. 100)

⁹⁰ «По воззрению священных писателей и отцов Церкви, вечная жизнь по своему существу лишена той потусторонности, которую ей, стоя на своей точке зрения, приписывает человек обыденный. Вечная жизнь, напротив, может быть начата еще здесь, на земле, до телесной смерти, и эта последняя, вместе с воскресением плоти, обуславливают только полное и совершенное раскрытие вечной жизни, а не начало ее в собственном смысле. Поэтому и слово “воздаяние” может быть употреблено в вопросе о будущей участи человека только — *ἐκ καταχρήσεως*, — в смысле условном и с большими ограничениями. “С здравым разумом согласно” только то представление о загробном воздаянии, по которому это последнее является прямым выводом из того или другого состояния человека, того или другого направления его душевной жизни, а это направление и состояние зависит от того, как человек проводил жизнь. За дела человек получает воздаяние, но это воздаяние в самих же делах, в том отпечатке, какой они кладут на душу человека. “Если мысленные очи” человека, вследствие греховной жизни, “слишком темны, чтобы прозреть в обитель радостей” (*Ефрем Сирианин*. Слово 141), если он не развил их настолько, то он и принужден будет обитать во тьме и мучиться, потому что все, в чем только человек полагал благо жизни, все это у него отнимется; а между тем человек по-прежнему этого жаждет и только в этом может найти пищу своей душе. Приготовивший же себя к духовной жизни и будет ей наслаждаться, и притом в той степени, как себя приговорил. “Удел блаженства, — говорит преосвященный Феофан, выражая святоотеческое учение, — каждому присудится и дан будет такой, *сколько кто вместишь может в себя* сего блаженства; вместимость же сия определяется тем, как кто раскрыл свое естество для принятия небесных благ, а раскрытие это зависит от трудов над собою. Если разны сии труды, разное раскрытие естества; если раскрыло сие разное, разная вместимость; если разна вместимость, разна и степень блаженства. Относительно разности мучений можешь судить по противоположности сему, т. е. они будут соответственны степени погружения в грехи и ожесточения в них” (*Епископ Феофан*. Письма к одному лицу в Петербург. СПб., 1881. С. 106)». *Сергий (Страгородский)*, архиепископ. Православное учение о спасении. С. 140–141.

Глава седьмая

ХРИСТИАНСКАЯ
ПСИХОЛОГИЯ

1. Христианская психология возможна

Я имею намерение — все достоподобное выводить из устройства человеческого естества. Жить нам надобно так, как Бог создал нас... Установив здравые понятия о том, как устроен человек, получим вернейшее указание на то, как ему следует жить. Мне думается, что многие потому и не живут как должно, что думают, будто правила о сей достоподобной жизни навязываются совне, а не исходят из самого естества человека и не им требуются. (11. С. 8, 15)

Вероучение всегда вдавалось в ненужные отступления и утонченности, когда не держалось нравственных целей; а нравоучение принимало недолжные направления, когда не освещалось вероучением, — главное же, — оно тогда ничем не отличалось от нравоучения философского... Христианство восстанавливает наше естество и поставляет его в должный чин. Естество наше, таким образом, служит точкою отправления для воздействия на него христианства⁹¹. То же и в нравоучении, показание, како-

⁹¹ «Представляется несомненным, что понятие “естественный” приобретает все большее и большее право гражданства в нашем словесном обиходе, в нашем обыденном мышлении; теперь почти всюду, где люди думают, его можно заметить в качестве руководящего, молча принимаемого, нормирующего понятия. И, что особенно замечательно, мы встречаемся с ним в последнее время там, где этого можно было бы и не ожидать: в богословии, в учении о спасении человека Божественным промыслом, в книгах, в которых мы привыкли читать лишь о “сверхъестественном”, — в этой области человеческой мысли, в этих-то книгах мы можем усмотреть в последнее время решительное движение к понятию “естественный”, решительное желание установить на нем точку зрения. Я укажу в этом отношении, как на тип, на достойную особливового внимания диссертацию о. архимандрита Сергия [Страгородского] “Православное учение о спасении” (Сергиев Посад, 1895). Научным идеалом этой книги является “природосообразное [генетическое] объяснение” самых основных догматов христианской веры, выяснение “естественной сообразности” их, выведение их из нормальной природы вещей, из “нравственного достоинства бытия”, — из которой (природы) с естественной, “физической”, как выражается автор, необходимостью определяется судьба человека. Ставится решитель-

вым должен бы быть человек по естеству, служит истолкованием, почему от него требуется то и то, если он хочет стать в настоящий свой чин: что есть в целях христианского нравоучения...

ный вопрос “почему?” — там, где до сих пор наши догматисты считали достаточным сказать: “Так благоволил Бог”. *Deus ex machine* [“бог из машины”, в переносном смысле — лицо, неожиданно, немотивированно появляющееся в драме для разрешения действия. — Прим. Ред.], “безпричинное изволение Божие”, “сверхъестественное превращение” людей, “сверхъестественные акты искупления” устраниются прямо, как нарушение естественного порядка вещей, как “извращение душевной жизни”. Конечно, книга отца архимандрита Сергия нова для нас не по своим идеям; ведь автор все время неуклонно держится святоотеческой письменности и сам полагает свой труд лишь в выяснении ее идей. Нова она тем, что обратила внимание на эту именно — естественно-психологическую сторону в миросозерцании святых отцов, которая оставалась до сих пор в тени; нова — как опыт систематической архитектоники христианского святоотеческого богословия на идее естественной необходимости. Оказывается, что по учению отцов Церкви десятизаконие [десять заповедей Закона Божия], а потом и Евангелие, служат просто “исполнением лучшей стороны человеческой природы и на нее опираются” [Попов И. Естественный нравственный закон. Сергиев Посад, 1897. С. III], исходят из природы человека, как данной и имеющей в себе “точный и неповрежденный критерий добродетели” (Исидор Пелусиот), и имеют своим делом лишь “тщательно возделывать и благоразумно воспитывать” то, что требуется уже самим естественным порядком вещей, что заложено “вместе с устройением живого существа” (Василий Великий). Ведь нам до сих пор не подчеркивали этих цитат из отцов Церкви, где они прямо берут “естественность” пробным камнем истинности. Это — знамение времени, когда пастырь-богослов входит в союз с психологом и психиатром (я разумею отношение архимандрита, почти епископа, Антония (Храповицкого) к Достоевскому).

Как же смотреть на это существенное сближение богословствующих мыслителей, для которых столь характерно все-таки радикальное противоположение сверхъестественного всему естественному? Ведь мы не можем забыть тот типичный факт истории, по крайней мере школьного богословия, факт, тянувшийся на протяжении почти всей этой истории: антагонизм богословия против того, что мыслится и существует естественно, отлучение естественной науки и даже самой природы... Одно можно уже заранее сказать относительно подчеркнутого мною явления: в нем *православное богословие* не вступает ни в какое историческое противоречие с собою, ни в какие “компромиссы с духом времени”. Писатели, которых я имею в виду, говорят все время от лица отцов Церкви. Новизна только в том, что теперь стали обращать внимание на те места святоотеческой литературы, на которые прежде не обращали. Следовательно, эта

Самым пригодным пособием для начертания нравоучения христианского могла бы служить христианская психология. За неимением ее приходилось довольствоваться своими о душевных явлениях понятиями, при указаниях отцов подвижников⁹². (13. С. 7)

Вы хорошие берете хлопоты — найти или составить и издать психологию христианскую. Вот, по-моему, какова должна быть программа этой психологии. Изобразить состав естества челове-

новизна касается лишь *школьного богословия* и должна быть названа в научном (историческом) отношении исправлением его — сближением его с первоисточником, святоотеческим учением. Именно так и понимают свое дело наши писатели. Тем важнее и интереснее это явление для нас. Понятие “естественный” занимает такое важное место в цикле тех понятий, из которых строится наука вообще! А сближение богословия с духом науки вообще не может не быть дорого, если дороги сами по себе интересы мысли. И тем своевременнее обратить большее внимание на это сближение, чем то было до сих пор». *Ухтомский А.А.* Заслуженный собеседник. С. 283—285.

⁹² Что в наши дни можно понимать под христианской психологией? Существует ли она вообще? А если существует, как она соотносится со светской психологией? Ясных ответов на эти вопросы, по-видимому, не существует. Однако в последнее время вышли из печати четыре книги А.А. Ухтомского (Интуиция совести. СПб., 1996; Заслуженный собеседник. Рыбинск, 1997; Доминанта души. Рыбинск, 2000; Доминанта. СПб., 2002), в которых наряду с научными, философскими и богословскими статьями, письмами и дневниковыми архивными записями содержится довольно развитое учение о доминанте и ее связи с христианской психологией. Естественно-научные и гуманитарно-психологические аспекты этого учения рассмотрены в статье В.П. Зинченко «Алексей Алексеевич Ухтомский и психология» (Вопросы психологии. 2000. № 4. С. 79—97). Ниже мы приводим лишь отдельные высказывания А.А. Ухтомского, касающиеся христианской психологии, близкие к текстам святителя Феофана Затворника. Краткое заключение о естественных закономерностях христианской психологии содержится в примечании 111. Начнем мы с вопроса о возможности научного изучения религиозного опыта.

«Для науки остается весьма важная проблема — выяснить *возможность религиозного опыта* <...>, а потом и исследовать этот вид опыта. И то и другое войдет в предстоящую, единственно научную обработку вопроса о религии — *в психологию религии*. Своим сочинением я хотел лишь выяснить, насколько было возможно, что это именно единственный путь для науки — в решении

ческого: дух, душа и тело, — и представить систематический перечень всех способностей и отпращиваний каждой части, — и затем описать состояние и частей естества и способностей: 1) в естественном состоянии, 2) в состоянии под грехом и 3) в состоянии под благодатью... Маленький опыт такой психологии представлен мною в письмах о христианской жизни... Очерк всего не худой, но все в зачаточном виде. Подробнейшее развитие требуется... Когда станете делать извлечения из психологии — рубрики возьмите из моего очерка⁹³. (7. С. 215—216)

вопросов, поставленных в истории и в личном опыте каждого из нас» (Ухтомский А.А. Интуиция совести. С. 327—328).

«Проникновение в жизнь духа, — то, что мы теперь назвали бы “психологией религиозного опыта”. Это постоянное бодрственное прислушивание к тому, что вполне и *a priori* силен против всякого давления “мира” тогда, когда религиозный мир откроется ему не как насильное создание представлений и идей, но как явная психологическая действительность, более “действительность”, чем какой-либо “материальный мир”. Достигнуть того, чтобы религиозный мир стал явной “действительностью”, достигнуть состояния “религиозного опыта”, — это дело уже немалого подвига; и мы стремимся к “религиозному опыту”, полагаем в этом бодрящую цель Жизни» (Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. С. 93).

«Вопрос: “Как наука должна относиться к идее Бога?” — в чистом научном духе, где известно лишь формальное понятие “природа”, может быть разрешен одним образом: религиозный опыт (что мы видели, что слышали, что руками нашими осязали... [см.: 1 Ин. 1, 1]), исторический и личный, начиная с той особенности, что лишь “многими скорбями входят в Царство Небесное”, есть достаточно своеобразный и характерный, закономерный ряд событий, чтобы научная мысль могла им заинтересоваться в особенности, вникнуть в его “природу”; отсюда реальными научными задачами являются физиология, психология и история религиозного опыта» (Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. С. 352).

⁹³ «Многочисленные труды святителя Феофана по христианской нравственности представляют большую ценность, так как в них он изобразил идеал истинной христианской жизни и пути, ведущие к его достижению. В сочинениях святителя Феофана излагаются основы святоотеческой психологии. “Всесторонне образованный архипастырь-учитель проник в сокровенные тайники человеческой души. В своих сочинениях он сумел сочетать глубину психологического анализа и богословия с простотой изложения” (Георгий (Тертышников), иеромонах. Памяти епископа Феофана Затворника // ЖМП. 1973. № 3. С. 62—67). Обозревая душевные и духовные способности человека,

2. Общий обзор частей и сил человеческого существа

Дух, душа и тело. Что они есть?

Ведать надлежит, что человек не тело только и душа, но тело — душа — дух. Что тело, ясно само собою. Что дух? — Дух — все те проявления внутренней нашей жизни, которые устремляют человека от земного к небесному, от временного к вечному, от тварного к божественному. Он есть та сила, которую вдунул Бог в лице человека при сотворении его и в которой собственно лежит образ и подобие Божие. Как такая, она устремляет человека к Богу и довольна бывает только тогда, когда человек в Боге живет и в живом с Ним состоит союзе. Осязательнее она открывается в нас страхом Божиим, действиями совести и тем, что не дает нам удовольствоваться ничем тварным. Все сии внутреннейшие движения в нас, когда бывают в силе, отрешают от

преосвященный Феофан глубоко проникает в его внутренний мир. Это проникновение является следствием тщательного самонаблюдения и большого духовного опыта святителя. В своих воззрениях на природу человека он придерживается трихотомического учения. По этому учению мы должны признавать в человеке не два, а три элемента: тело, душу и дух. Это различие сознавалось уже Платоном и Аристотелем. Древние учителя Церкви также разделяли это воззрение. Против этого воззрения существует тем не менее много возражений. «Не есть ли такое разделение излишнее осложнение и без того уже сложного существа? И не вдаемся ли мы здесь в такие умствования, которые теряют уже всякую точку опоры и не в состоянии дать ни малейшего представления о предмете... На эти вопросы следует отвечать прежде всего, что так как человек есть венец творения, то он естественно является сложным существом» (*Чичерин Б.Н.* Наука и религия. М., 1901. С. 187).

Святитель Феофан хотел создать особый раздел психологии — религиозную психологию. По его предложению программа этой психологии должна была отразить состав человеческого естества — дух, душу и тело и представить перечень всех способностей и отправления каждой части, а затем описать состояния частей естества и способностей: в естественном состоянии, в состоянии под грехом и в состоянии под благодатью». *Крылова Н., Евгений Лукьянов, послушник.* Сокровища духовного опыта. Три стороны жизни душевной (по учению святителя Феофана Затворника) // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 6. С. 116–117.

всего земного и заставляют не внимать никаким условиям земного быта. Они общи всему человечеству и присущи и у самых диких, как и у образованных.

Что душа? — Что остается затем между телом и духом, принадлежит душе и составляет ее жизнь. Сюда относятся все роды знаний и всякая научность; все роды искусств, всякая художественность и всякое мастерство; все роды практической жизни, семейная и общественная жизнь со всеми способами их устройства и поддержания. На все это в душу вложены потребности, и на удовлетворение их дарованы силы с преуказанием в них и способа удовлетворения.

Само собою ясно, что жизнь телесная ниже душевной, душевная ниже духовной. Следовательно, душевную жизнь должно подчинять духовной, а телесную — той и другой. Норма жизни человека — жить в духе и духом одуховлять и душу и тело. Таково первоначальное его устройство, таким вышел из рук Творца человек и таким был в раю до падения. Жить в духе есть жить в Боге. Живущий так от Бога приемлет силу управляться с душою и телом и подчинять их духу.

В падении человек восстал против Бога, — истинно восстал. Грех прародителей по виду не большой, но по духу своему очень тяжек. Поверив злему внушению врага, будто Бог затем запретил им вкушать от древа, чтоб и они не сделались богами, они в этом самом поверовании извратили в себе существеннейшее о Боге ведение: ибо подумали, что Бог завидует им и потому отстраняет их от принадлежащего им, тогда как Бог по существу Своему есть независтный, преизливающий источник благ. Восприняв такую злую мысль, они решили устроить свое благобытие сами, наперекор воле Божией. Нарушение заповеди не было бы возможно, если бы внутри у них не произнеслось решение: так мы сами себя устроим и станем тем, чем достоин нам быть. Это решение произвело полный переворот внутри человека. Рванувшись так от Бога, он духом своим отвратился от Бога; вследствие чего дух его потерял силу властвовать над душою и

телом и человек неизбежно подпал многообразнейшим требованиям души и тела и стал душевно-телесен, т. е. господствующею у него стала жизнь душевная, обращенная на устройство временного быта, и телесная, движущаяся в угодиях плоти; духовная же, хотя не уничтожена, но потеряла свое первое — властное место и стала в подчинение тем двум.

Потребностей души и тела много, и много способов удовлетворять их. Поелику естественный управитель их дух потерял власть, то среди них произошли большие беспорядки: каждая потребность меру потеряла, а все потеряли закон взаимного отношения и соподчинения и при всякой возможности стремятся занять преобладающее место и подчинить себе все другие. И это уже большое зло; но оно безмерно увеличилось оттого, что вместе с тем, как человек произнес внутри решение: так я сам устроюсь, — ниспал в самость и в этой самости воспринял семя злых страстей, исходящих из сей самости и не коренящихся в естестве. Они проникли всю душевно-телесность, пропитали ее ядом своим и зло от потери меры потребностей и порядка взаимного их отношения увеличили до чрезмерности. Состояние падшего можно определить: самостная страстная душевно-телесность. Дух ее — самоугодие наперекор всему. Вот это самое и есть то, что святой Павел назвал плотностью и что есть живущий в нас грех, расплещающий в жизни нашей всякую законопреступность и всякого рода грехи.

Таким остается всякий человек до приятия им благодати, хоть и под законом кто состоит. Закон, говорит Апостол, духовен (см.: Рим. 7, 14), — он требует, чтобы я жил в духе; но у меня преобладает душевно-телесное самоугодие; отчего и при законе я только грешу. Потребности души и тела — негрешны; но когда телу удовлетворяют во вред душе, а душе и телу наперекор духу, тогда грешат. И грех паче при сем грешен, когда действуют так не собственно для удовлетворения потребностей, а чрез удовлетворение им питают страсти. Но в таком именно положении и состоит неприавший благодати. (32. С. 421—423)

Девятерная иерархия сил

Прежде было помянуто, что в нас есть три силы, и показано, в каком они находятся соотношении в грешнике и праведнике. Но то было сказано вообще; теперь подробнее о том же. И вот смотрите. Не мудрено заметить, что **внутри нас есть три рода действий: мысли, представления, соображения; желания, склонности, предприятия и чувства всякого рода.** Но как в составе существа нашего нельзя не различать трех частей: тела, души и духа, то и **те три рода действий являются в нас на трех степенях, или в трех состояниях, именно: животном, душевном и духовном.** Полагая теперь в основание каждому из сих кругу действий особую силу, мы должны сознать **девятерную иерархию сил, во внутреннем нашем мире качествующих и действующих под прикрытием тела***, этого грубого вещественно-стихийного состава, как и в природе девятерная иерархия вещественных сил действует под видимым нами грубым составом нашей планеты и как в мире невидимом, духовном, есть девять чинов Ангельских. (13. С. 213)

Состояние познавательных способностей

Будем описывать каждую из сих девяти сил под действием греха и влиянием благодати. Начнем с тех сил, кои занимаются познанием вещей или указанием человеку истины.

Между сими силами на низшей степени стоит *наблюдение с воображением и памятью*, которыми собираются материалы; затем следует *рассудок*, которым сии материалы преобразуются в познания; над всеми же ими возвышается *разум*, который познает вещи невидимые и духовные и внутреннейшие стороны вещей, уже познанных рассудком...

Низшие способности познания суть: наблюдение внутреннее и внешнее, воображение и память. Все они действуют почти

*См. схему «Трехсоставный образ лица и девятерная иерархия сил по Феофану Затворнику» на с. 375.

совместно, и сделанное одною тотчас принимается другою. Что увидел глаз, образ того сейчас снимается воображением и складывается в память, как в какой архив. Все внешнее и внутреннее, подлежащее нашему знанию и касающееся нашего сознания, непременно есть и предмет сих способностей. Они составляют как бы вход во внутреннюю нашу хранилищу, а потому в области знания имеют значительную цену и — не только в области знания, но и во всей деятельности человека.

От первоначальной деятельности воображения и памяти, — когда они только воспринимают предметы, осведомляются об них, дают знать о них душе, — должно отличать деятельность последующую, которою приобретенное прежде употребляется в дело по нуждам души. Составленные воображением и хранящиеся в памяти образы употребляются или в том же виде, в каком они приобретены, или в виде измененном. Первую деятельность называют *воспоминанием*, или воображением воспроизводительным, вторую — фантазией. В той и другой действуют совместно воображение и память, только каждая своим особым образом.

В воспоминании воображение дает образ, а память свидетельствует, что это тот самый, какой познан прежде. Поэтому воспоминание воспроизводит только прежнее и приносит пред очи сознания что сокрыто было во глубине памяти. Причины воспоминания суть большею частью *связь подлежащих образов и предметов с прошедшими* (иначе: ассоциация идей). Разные виды сей связи дали бытие разным законам воспоминания, каковы: закон сосуществования и следования, сходства и противоположности, целого и частей, причины и действия, средства и цели, материи и формы.

Другая, не менее значительная часть воспоминаний происходит *от движений воли и сердца*. Потребность или страсть, будучи возбуждена, невольно наводит мысль на предметы, коими может быть удовлетворена, как бы приковывает к ним внимание, равно как и наоборот — образ предмета страстного растрево-

живает страсть. Сия причина воспоминания значительнейшую роль играет в жизни, а первая — в знании.

Но есть еще *сокровенные причины* воспоминания: не знать, почему и как приходят образы прежних предметов и в покойном состоянии, и без всякой связи с наличными занятиями. Их должно производить или от духов злых, если образы худые, или от духов добрых — Ангела Хранителя, если они хороши; бывает это и от сочувствия душ.

Фантазия творит совершенно новые образы, хотя из прежнего материала и большею частью по готовым, или известным уже, образцам. В ней должно различать деятельность хорошую — дельную, и движения беспорядочные — самовольные. В первой она составляет образы для понятий рассудка, помогает при соображении, живо представляя мысль в каком-либо образе, воображает читаемое и слышимое, и подобное... вообще — действует в интересах знания. Во второй мечтает или предается самовольному движению, в коем строит разные истории небывалые, в удобность своему сердцу, которым не правит почти сознание, а напротив, оно увлекает собою наше внимание и занимает всего человека. Царство мечтаний — *сон*, в коем падает сознание и самодетельность и владычествуют образы, иногда под чьим-либо сторонним влиянием. (13. С. 213—214, 249—251)

Состояние деятельных сил

Второй класс качествующих в нас сил есть совокупность сил деятельных. Они тоже являются на трех степенях, соответственно силам познавательным. Выше всех стоит *совесть*, которая передает сознанию волю Божию, — сила высшая, отрешенная. Затем следует *воля*, занимающаяся устройством нашего временно-го быта и временных наших отношений. Ниже всех стоит *способность низших пожеланий*. (13. С. 266)

Источное для телесной жизни отправление есть питание. В нравственном отношении оно есть седалище страсти к грехов-

ному услаждению плоти или поприще его развития и питания... Второе отправление тела есть движение; орган его — мускулы, в которых лежат сила и крепость тела, — орудия труда. В отношении к душе оно — седалище воли и очень способно развивать своеволие. (10. С. 30—31)

Состояние чувствующих сил, или сердца

Тогда как умом человек хочет все собрать в себя, а волею себя выразить вовне, или известь наружу в делах богатство своего внутреннего стяжания, — сердце пребывает в себе и вращается внутри, не исходя. Видно, что оно лежит глубже тех сил деятельных и составляет для них как бы подкладку, или основу. Однако ж в сем положении оно не то же для них, что сцена для действующих на ней лиц, а само принимает живое участие в их движениях. Они отражаются своею деятельностью в сердце, и обратно, сердце отражает себя в них. Посему оно справедливо почитается корнем существа человеческого, фокусом всех его сил духовных, душевных и животного-телесных.

Имея такое значение в человеке, оно исключительное значение должно иметь и в отношении ко всему, что вне его, ибо человек состоит в связи со всем сущим. Сия связь не может инуды утверждаться, как в центре его существа, подобно тому как связь в часах утверждена на соотношении центров всех колес их. Если центр существа человеческого есть сердце, то им он входит в связь со всем существующим. В этих двух отношениях и надобно определять разные состояния сердца, то есть как *центра сил* и как *точки соприкосновения со всем сущим* вне нас. (13. С. 306)

Теперь об общем состоянии и соотношении действующих внутри нас сил. Силы сии, исходя из нашего сознания, или лица (я), и в него возвращаясь, должны пребывать во взаимной связи и согласии между собою, под управлением своего источного начала. Взаимнопроникновение и взаимнопомоществование

при зависимости от действующего лица есть естественное состояние их⁹⁴. (13. С. 195)

3. Состояние низших познавательных способностей *

Состояние внешнего наблюдения

Наблюдений два вида: одно *внешнее*, другое *внутреннее*.

Внешнее, или восприятие внешних вещей посредством чувств, изменяется образом жизни не столько в своем существе, сколько в употреблении; ибо чувства всегда остаются те же, только обращаются не к тем предметам, — а вследствие сего получает отличие не столько в своем производстве, сколько в своем содержании...

Так, в состоянии *греховном* чувства предаются не интересам познания и не совершенствованию души, но преимущественно в удобность страстям. В сем занятии они как управляются страстями, так и обратно сами питают их...

Человек, к Богу обратившийся и живущий по-христиански, чувствам своим не дает воли, держит их строго в своей власти и обращает только туда, куда считает нужным... Поэтому он смотрит только на то, что может назидать, на святые изображения и проч. Как новое свойство, заметна в нем степенность чувств, или

⁹⁴ Фундаментальное научное открытие А.А. Ухтомского относится именно к принципу функционирования этого источного начала, названного принципом доминанты и управляющего всеми телесными, душевными и духовными силами человека. «Доминанта есть не теория и даже не гипотеза, но преподносимый из опыта принцип очень широкого применения, эмпирический закон, вроде закона тяготения. Я считаю ее за “принцип” работы центров потому, что она может становиться очень устойчивою чертою их работы. Во всяком случае, доминанта — один из скрытых факторов нашей нервной деятельности, притом не невинный, как может показаться сначала... В высших этажах и в коре полушарий принцип доминанты является физиологической основой акта внимания и предметного мышления» (*Ухтомский А.А. Доминанта. М. — Л., 1966. С. 125, 11*).

* Состояние высших познавательных способностей (рассудка и разума) описано в начале Главы четвертой.

внимательность в них: их дело — обстоятельно рассмотреть. Такая деятельность, с одной стороны, образует мало-помалу способность отчетливо наблюдать, которая чрез то стяжевает зоркость, или меткость; с другой, от власти души над чувствами, или от подчинения их душе, чувства не увлекают ее вовне и дают ей возможность пребывать в себе — внутри. Наконец, на сем пути чрез чувства собираются истинные сокровища и для познаний, и для добродетельной жизни приобретается такое стяжание, с которым безукоризненно можно явиться и пред Царя Славы. (13. С. 252–253)

Состояние внутреннего наблюдения

Внутреннее наблюдение есть замечание того, что происходит в душе, посредством сознания, или внутреннего чувства. Это наблюдение есть источник самопознания и познания вообще души человеческой. Оно представляет больше различия в падшем и восставшем, нежели внешнее; ибо здесь сие различие касается не только употребления внутреннего чувства, но и самой его способности наблюдать. К такой мысли приводит то, что хотя душа сама к себе ближе всех, познаний, однако ж, о душе у нас очень мало, и те, какие есть, большею частью односторонни и лживы. Напротив, какое богатство самопознания у святых подвижников, исцеляемых или исцеленных от греховной болезни! Отсюда видно, что способность самонаблюдения у одних в самом худом состоянии, а у других во всей высоте благосостояния. Что обыкновенно приводится в психологиях в оправдание скудости душезнания, то должно обратить в осуждение грешной души, или в обличение ее расстройства грехом, а не в оправдание малознания души человеческой...

Если теперь грех, а за ним и сии препятствия теряют свою силу только в людях богопреданных от действия сил благодатных, то очевидно, что душезнания истинного, прочного, полного должно искать только у тех, кои живут истинно по-христиански. Кто, не принадлежа к числу таких, хочет знать душу, — обратися

Рембрандт. Ученый за письменным столом

Есть люди, которые просиживают дни и ночи над изучением какой-нибудь науки: математики, физики, астрономии, истории и тому подобного, думая, что питают душу истинною, а душа их чахнет и томится, — отчего? Оттого, что нет истины там, где хотят найти ее. Не потому я так говорю, чтобы наука не могла вмещать истины, но потому, что ныне она оттуда изгнана и заменена то мечтаниями, то предположениями, нередко даже противными истине... Истинною настоящею теориею может быть только та, которая согласна с христианскими истинами. (С. 10)

к святым отцам, особенно подвижникам, и черпай из сего источника обильно психологическую мудрость. (13. С. 254–257)

Состояние памяти и воображения

Сии две способности принадлежат к числу рабочих сил, а потому обыкновенно бывают таковы, каков весь человек... Грешник и слова не скажет о духовном, потому что ничего такого не представляет его память, будто ничего такого он не слышал и не видал. Конечно, он и видел и слышал, но оно не усвоено и не удержано, потому что к тому не лежит душа. Вследствие такого отчуждения от духовных предметов умалется и способность к воображению и памятованию их: от неупражнения и нехотения не умеют вообразить их и упомнить.

У человека по-христиански живущего, по противоположности, все содержание памяти и воображения свято, чисто, божественно. Они наполнены у него духовными предметами, к коим имеется особое расположение, а вместе приобретается и особое умение воображать и запоминать их. Наоборот, ему чуждо памятование и воображение предметов порочных: они противны ему и потому не принимаются душою. (13. С. 257)

Состояние воспоминания

Состояние воспоминания соответствует состоянию памяти и воображения, ибо воспроизводится воспоминанием обыкновенно то, что вообразено и помнится...

У преданных страстям качеству почти исключительно воспоминания невольные, ибо по характеру своему они преданы внутреннему механизму движений. У живущих по духу Христову, напротив, преимущественно имеют место воспоминания произвольные, ибо они владеют собою и не позволяют чему-либо являться пред сознание без своего ведома; по крайней мере у них о том есть ревность, и устанавливается прямо к тому направленный подвиг внутренний: бдительность и трезвение. (13. С. 257–259)

Состояние фантазии

Главная, можно сказать, немощь фантазии у грешников есть склонность *мечтать*. Это не случайное нечто, а неизбежное, как бы сроднившееся с душою их, такое, что непрерывно и почти у всех. Свойства сей мечтательности, именно: удаление от действительного, развлечение, смятение, непостоянство мыслей — дают ясно разуметь ее причину...

Когда фантазия предается самовольному движению, тогда приходит сатана в сердце и похищает у него слово Божие, или добро, как семя, посеянное при пути, и, напротив, засеменяет свое зло, как в притче враг человеков посеял плевелы среди пшеницы (см.: Мф. 13, 24—28). Опомнившись от мечтаний, человек находит, что настроен на известное зло, и понять не умеет, как и откуда...

Но, кроме сего, от самоволия фантазии у человека, невнимательного к себе, рождаются еще и постоянные расположения, в коих *мечтательность* превращается в постоянный *характер*. Таковы: склонность жить в образах, склонность острить, шутить, празднословить, отвращение от умственного труда, страсть к чтению пустых книг, к играм, балам, театрам...

Самособранность — неотъемлемое свойство обратившейся к Богу души, которым связывается своеволие фантазии... Нельзя сказать, чтоб фантазия и у них не своевольничала. Но если это бывает, то не по их соизволению, а против воли. Сами же они начинают с первых дней борьбу с помыслами, многотрудную, разнообразную, непрерывную... Далее, постоянно дельные занятия отнимают у ней пищу, и она истощается, как засыхающее дерево. (13. С. 259—263)

Состояние сна

Во сне проходит третья часть жизни. Быть не может, чтоб он не имел глубокого для нее значения. В естественном порядке им возобновляются силы и образуется существо человека — душевно-телесное...

Франсиско Гойя. Сон разума рождает чудовищ

Сновидения суть самовольные движения воображения во сне тела, с отсутствием самосознания и самодеятельности воли. Здесь образы разных времен и мест, настоящие и прошедшие, худые и добрые, смешиваются и сочетаются по законам, которых познать нет возможности... Сновидения бывают таковы, каково сердце. Их можно большею частью считать свидетелями о нравственном нашем состоянии, которое в бодрственном состоянии не всегда видится. (С. 421)

Сновидения суть самовольные движения воображения во сне тела, с отсутствием самосознания и самодеятельности воли... Здесь образы разных времен и мест, настоящие и прошедшие, худые и добрые, смешиваются и сочетаются по законам, которых познать нет возможности. Личность самого сновидца теряется: он вставляется в представляемые воображением драмы как лицо стороннее и подвергается странным превращениям: то радуется, то страждет, то повышается, то пострамляется и проч...

Сновидения бывают таковы, каково сердце. Их можно большею частью считать свидетелями о нравственном нашем состоянии, которое в бодрственном состоянии не всегда видится. У человека беспечного, преданного страстям они всегда нечисты, страстны: душа там бывает игрищем греха. У человека, обратившегося и ревнующего об очищении сердца, они бывают то хороши, то худы, смотря по тому, что возьмет перевес, а иногда — каким заснет. Он же подвергается здесь частым нападениям бесов, которые иногда сильно соблазняют малоопытных, как замечает святой [Иоанн] Лествичник. Заботливого человека это и заставляет отходя ко сну, по наставлению Церкви, вопиять к Богу и Ангелу Хранителю, чтоб сон его сохранен был свободным от всякого диаволя мечтания и — ему самому чрез сон еще более укрепиться в добре. По мере очищения сердца очищаются и сновидения, так что у святых и совершенных они бывают как бы продолжением их бодрственной деятельности. Не простирается ли она даже до сохранения самодеятельности и самоуправления? (13. С. 263—265)

Мечтания страстные во сне не вменяются в грех, потому что сии мечтания произвольны... Но сокрушаться о них и скорбеть надо... Зачем исходят они из души? Если согласие во сне дано... и это не беда, но более отяжеляет совесть... потому, если можно, хорошо открывать о сем духовнику... Совесть покойнее будет. (3. С. 178)

Одоление сна есть дар Божий. Если б нужно было для вас избавленными быть от сей немочи, Господь давно бы отнял сон. Не отнимает? Верно, потому, что сие бесполезно вам. Однако ж и не для того, чтоб вы спали, а чтобы имели с чем бороться. Это вам для упражнения нравственных сил. (З. С. 190)

Можно ли верить снам? Лучше не верить, потому что враг и наяву много пустяков навевает в голову, а во сне это ему еще удобнее⁹⁵. Если какие сны сбываются, то, по сбытии, благодарите Господа за милость. И за приятные и назидательные сны благодарите. От снов соблазнительных скорее очищайте, по пробуждении, душу свою и память. Самое хорошее к тому средство — молитва и приведение на память добрых событий, особенно из евангельской истории. (З. С. 116)

Пустошь — сны. Да смотрите еще, как бы враг не успел чрез них как-нибудь обмануть. Покажет сны благовидные; а потом начнет трубить в уши: это тебе Бог послал извещение за труды твои, и проч. Раз — два — три; глядишь, душа-то погнется на эту сторону. Но только поверь она хоть на волос, что это от Бога,

⁹⁵ «Также святые отцы не советуют верить видениям, снам, святошам, мнимым пророкам и прочему. Осторожность здесь будет только благословлена Богом, ибо она проистекает не из недоверия к божественным вещам, а именно из обратного: как бы не ошибиться? как не принять бы тьму за свет? диавола за слугу Божия... И сам сатана, говорит апостол Павел, иногда принимает образ Ангела света (см.: 2 Кор. 11, 14). Не нужно и метать жребий о чем бы то ни было. Вот один из верных способов познать волю Божию: мир на сердце. Если его нет, то усумнись в предпринимаемом деле и в сомнении воздержись, советует святой Афанасий Великий.

Впрочем, епископ Феофан Затворник предупреждает: истинному добру предшествует или сопутствует и некая скорбь, трудность, искушение — это от врага. Тогда, т. е. если нет таких скорбных признаков, не очень доверяйся своему намерению или “пожди” Божьего гласа. Ибо доброе почти всегда приобретается с трудом: “Царство Божие нудится”, с усилием приобретается». *Вениамин (Федченков), митрополит. Молитва Господня. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1998. С. 121.*

тотчас пойдет самочувствие, самоценение, — помышления сокровенные, при всех смиренничаниях уместные. Врагу только это успеть бы набить в душу; а там уж у него все пойдет гладко...

Посмотрите, если есть в душе хоть мимолетное помышление, что сны ваши были нечто особенное, то быть беде. (4. С. 221—222)

Видели сон, где и бесы имели место, — и смутились. Сны лучше пропускать без внимания. Иные из них, может быть, и значат что-либо; но как нам определять это точно не дано, а догадки можно настроить обманчивые и бесполезные, то и лучше забывать их. Они на это и приговорены естественно, ибо обычное забываются.

К сведению примите, что сны бывают натуральные, бывают от Ангелов и святых, бывают и от бесов. Которые от Ангелов и святых, мир душевный созидают, — и надолго оставляют его в душе, а которые от бесов, мир внутри разоряют; свои же сны — пустопорожни и беспорядочны. Бесы бессильны, — и ничего не могут нам сделать. Но им попускается иногда поближе подступить к рабам Божиим и потревожить их, частью для испытания, частью для научения, частью для показания им самим, что такое они суть. В этих же видах попускается им и сны соплетать. (17. С. 358)

О сновидениях не имею что сказать. Исторически уж подтверждается, что бывают сновидения от Бога, бывают свои, бывают от врага. Как разузнать, — ума не приложить. — Глазок смотрок. Решительно только можно сказать, что сны, противные православному христианству, должно отвергать. Еще: никакого нет греха не следовать снам, когда недостает уверенности. Божии сны, кои исполнять должно, повторительно были посылаемы. (7. С. 178)

Сны бывают Божии. Такие обыкновенно имеют сами в себе удостоверение о себе. — Враг и тут подделывается, как и под Ангела светла. Как же быть? — Смотри всяк сам. (7. С. 174)

4. Состояние деятельных сил

Состояние совести

Совесть называют практическим сознанием. В сем отношении можно сказать, что она есть сила духа, которая, сознавая закон и свободу, определяет взаимное отношение их. По занятиям, или действиям, в совести видят *законодателя, свидетеля, или судию, и воздаятеля...*

Дело совести *как законодателя* — показывать законы, по которым должно действовать существу разумно-свободному, и склонять к тому волю его силою своего обязательства...

Вообще совесть оставляет человека [грешника] действовать наудачу, по влечению обстоятельств, без внутреннего уверения и одобрения. По всему видно, что сей законодатель отстранен от своей должности, лишен господства и до того ослабел, что не вступается за свои права...

Совесть *как свидетель и судия* сознает, как обошелся человек с предписанным ею законом, и, подводя под него поступок со всеми обстоятельствами, и внутренними и внешними, определяет, прав ли человек или виноват. Суд суда совестного, как говорится, неподкупен. Это и бывает так, только не всегда. Можно ожидать неверности в суде совестном во всех тех случаях, где неверно законодательство совести, ибо тогда нет начала для суда... Совести следовало бы действовать так: ревнуя о правде, тщательно следить за делами человека, и мало-мало какая окажется неисправность, тотчас предавать его суду и судить не лицемеря. Но таких действий нет в совести у человека грешника⁹⁶...

⁹⁶ «Совесть, как и всякий другой показатель и отметчик реальности, с ее законами может быть более или менее надежным слугою, более или менее субъективной или объективной, более или менее здоровой или заболевшей! Она ведь может быть совершенно спокойной, удовлетворенной и ни о каких бедах не предупреждающей, в то время как человек или целое общество давно охвачены преступлением! Это тогда, когда преступление стало привычным!» Ухтомский А.А. Интуиция совести. С. 455.

Немалый признак искажения совести есть *уклонение суда от себя на других*. Совесть нам дана затем, чтоб судить нас самих; если она судит других, надобно сказать, что она не свое дело стала делать... Суд о других бывает неумолимо строг, тогда как суд о себе всегда прикрывается снисходительностью, а следует — наоборот. Оканчивается же суд всегда почти: *несмы, якоже прочие человецы...*

Совесть как *мздовоздаятель*. Коль скоро произнесен суд и человек сознал в себе: виноват, — начинается скорбь, туга, досада на себя, укоры, терзания или мучения совести. Такие чувства и суть воздаяния за грехи от совести, как, напротив, отрадные чувства совестного оправдания суть воздаяния за правду... Но и опять, сколько несправедливости у ней и с сей стороны!.. Нередко нападает на совесть страшливость (скрупулезность), по которой, считая всякое почти дело грехом, она за все тревожит и ест человека. Состояние того, кто подвергается такому суду, мучительно и потому есть состояние болезненное, неестественное...

Итак, совесть в греховном состоянии, по законодательству, по суду и воздаянию, то сама собою неверна, то намеренно искажается ради страстей. От сего одни свободно предаются всему разливу страстей и греховной жизни, ибо, когда совесть улажена со страстями, кто вразумит? Другие живут в холодной безпечности ни худо ни добро. У тех и других очевидно деятельность извращена, и она пробудет такую до пробуждения совести...

У человека, к Богу обратившегося и восстановившего благодатное с Ним общение, совесть заблуждающаяся вразумляется, искаженная исправляется во всех трех своих должностях...

Плоды такого состояния совести суть: *прежде* всего — *дерзновение* пред Богом, по которому несмущенно и несумненно обращаются к Богу, как невинные дети к отцу; *потом* — *живая, сильная и скорая деятельность*, ибо чистая совесть привлекает силу Божественную, которая, преисполняя собою всю душу, сообщает ей неутомимость, непрестаемость труда, непреодолимость препятствиями, в чем собственно и состоит *свобода духа*,

свойственная человеку; *наконец* и воля сливается с совестью и прекращается всякое внутри восстание: человек вступает в то состояние, когда ему закон не лежит, потому что он сам весь преисполняется законом. (13. С. 266—279)

Подвизайтесь неленостно так, чтобы совесть ни в чем не обличала... Покой совести есть первое условие мирных отношений к Богу, а эти последние составляют условия преуспевания духовного во внутренней жизни. Побеждать свои хотения, зная, что лучше им отказать, нежели их послушаться, есть Богу приятная жертва, за которую Он воздаст внутренним утешением. А опускать эти случаи к победе над собою значит богоугождение ставить ниже самоугождения. (3. С. 231)

Совесть да будет чистою всегда. Но совесть надо просветить словом Божиим, а то она часто беспокоит за то, за что не следует вступаться. Для того читать надо Евангелие и оттуда почерпать правила, какими потом должна руководиться совесть. (8. С. 3)

Закон есть неотложный — ничего не допускать, против чего восстает совесть... В совести Сам Бог говорит. Следовательно, ее надо слушать паче всего... А что Бог говорит, известно из укора совести. (1. С. 120)

Что значит — иметь совесть чистую в отношении к вещам? Не злоупотреблять ими, а пользоваться разумно, храня их сколько можно долее. Это монастырское правило. (1. С. 114)

Совесть видит нашу неправость и беспокоит. Она права. Не следовало себя связывать: то и то буду делать в видах подвижничества, когда не было уверенности одолевать себя всякий раз. Например, положили не пить чай, а потом выпили чашечку. И беспокоитесь. Дело не велико выпить чашечку, но велико то, что совесть оскорблена и что допускаются дела, нарушающие

прежние решения ваши. Этим разоряется внутренний строй и образуется навык не внимать совести, когда она указывает должное. А тут... и безстрашие придет, и совершенное равнодушие к богоугождению. (2. С. 186)

Сожженная совесть ничего не чувствует... грешит с сознанием — и горя мало. То страшное дело! Но вы хорошо делали, что скорбели и себя окаивали. Бог примет сие за исповедь... А когда скажете духовнику, то и совсем конец... и мир. (6. С. 141)

Совесть исповедью и сокрушением умиряется — в связи с епитимиею. (6. С. 108)

Состояние воли

Ниже совести в числе деятельных сил стоит воля, которой принадлежит устройство нашей земной временной жизни: предприятя, планы, нравы, поступки, поведение, — вообще все, чем выражает себя человек вовне изнутри. Ее можно назвать способностью стремлений и расположений. Главный предмет ее — благо. Виды ее действий — желание и отвращение: отвращаясь от зла, стремиться к добру, — в этом вся жизнь. Желать зла и отвращаться от добра человек не может, а может только зло считать добром, а добро — недобром и, по обольщению, первого желать под видом добра, а последнего не желать, представляя его недобрым.

Неизбежность, или основание и источник, стремлений и желаний есть неполнота нашего существа. Чувство сей неполноты заставляет человека искать предметов для восполнения себя. В сем отношении человек есть земля жаждущая, или губка; число потребностей — число отверстий ее. Предмет, в котором чает человек найти удовлетворение своей нужде, считается благом, которое чем многообъятнее, тем выше. Очевидно, что верховным благом человека может быть только то, что вполне всесторонне его успокоивает...

Главное расположение, гнездящееся в самой глубине души человека падшего и еще не восставшего, есть *самолюбие*, или *эгоизм*... Все порочные расположения, или все нравственное зло, истекают уже из самолюбия... Эти первые порождения самости суть: *гордость*, или вообще жажда возвышения, *корыстолюбие*, или любостяжание, и *плотоугодие*, или, полнее, *жажда наслаждений* и удовольствий всесторонних...

Гордость есть ненасытимое желание возвышения, или усиленное искание предметов, чрез кои бы можно было стать выше всех других. Самолюбие здесь очевиднее всего. Оно тут как бы своим лицом, ибо тут вся забота о своем *я*. Первое порождение гордости внутреннейшее — есть самомнение, по коему все другие считаются ниже нас, даже те, кои высоко превосходят нас, в сравнении с нами не слишком важны. Проторгаясь наружу, она ищет уже и предметов возвышающих и, судя по ним, сама изменяется. Останавливаясь на предметах ничтожных, например на силе тела, красоте, одежде, родстве и другом чем, она есть *тщеславие*; обращаясь к степеням чести и славы, она есть *властолюбие* и *честолубие*; услаждаясь молвою, говором и вниманием людей, она есть *славолюбие*. Во всех, впрочем, этих видах, кроме, может быть, самомнения, гордость сопровождается еще своеволием, непокоривостью, самоуверенностью, самонадеянностью, притязательностью, презрением других, неблагодарностью, завистью, гневливостью до мести и злопамятства. Главнейшими, впрочем, ее отраслями можно почесть зависть с ненавистью и гнев со злопамятством...

Корысть есть ненасытимое желание иметь, или искание и стяжание вещей под видом пользы, затем только, чтоб сказать о них: *мои*... Безпрерывно сопутствуют сей страсти забота мучающая, зависть, страхи, печаль и скорби. Титул приличный обладаемому ею человеку — *интересан*; ибо он шага не сделает без того, чтоб ему это не принесло пользы, и все, чего ни коснется рука его, слово, мысль, — все несет ему свою дань. Потом, когда вещь поступила в его область, он говорит: моя навсегда... Эта

исключительность владения решительная, сердечная, как ограду какую обводит около его вещей и отрывает всех других...

Вместо гордости у самоотверженного *смирение* — такое расположение, по коему он считает себя тварью самую ничтожнейшею, достойною всякого презрения и унижения; приписывая себе одни грехи, все доброе он относит к источнику всякого добра — Богу; он не усваивает себе никаких преимуществ пред другими, а всякого считает высшим себя. Это есть самоуничужение, соединенное с чувством своей бедности и слабости.

Вместо корыстности у него не только *безкорыстие и нестяжательность*, но и *чувство странничества*. Он ничего не называет своим, а все Божиим, себя же только приставником к имуществу Божию, отчего свободно общится им со всяким неимущим. Все, что есть у него, он считает только врученным ему на время: и дом, и земли, и села. В чувстве сердца он не имеет пребывающего здесь места, а взыскует града грядущего, почему все предпосылает в небесное свое отечество...

Деятельность воли непосредственно утверждается на пожеланиях. Ее дело — неопределенные и, так сказать, некачественные еще пожелания приводить в порядок, соглашать со своими целями, нуждами и существующим порядком, устанавливать поступки и начинания человеческие и начертывать целую систему правил для порядка общественной и домашней своей деятельности. Она то же в деятельности, что рассудок в познании.

В сей деятельности воли различают три части: *выбор, решимость* и *самое дело*. В выборе ищут, на чем остановиться; в решимости колебание желаний утверждается на едином, которое по открытии средств и приводится в исполнение на деле. (13. С. 279—298)

Отречение от своей воли можно на каждом шагу делать... Это внутреннее дело. Положите — не поступать по требованию тела... в угоду ему, а не по нужде... и найдете опыты отречения от своей воли в каждую минуту... Только опять — не смущайтесь

неудачами. Пусть они есть... только не отлагайте постоянного намерения идти наперекор телу и в большом и в малом. (4. С. 70)

Состояние низших пожеланий

Есть у нас потребности. Их немного, и они вытекают из устройства существа нашего... Коль скоро изведен предмет, он становится предметом и пожелания, всякий раз как возбудится потребность. Частое удовлетворение одного и того же желания образует склонность. Итак, пожелания стоят на переходе от потребностей к склонностям... Их можно определить так: это — склонения воли к тому или другому предмету, под видом приятного, по представлению чувств и воображения...

Как потому, что пожелания обращаются более к чувственно-приятному, способность сия у одних погрязла в чувственность, сделалась плотскою, животною (см.: 2 Пет. 2, 12—13), представляя самое очевидное свидетельство унижения и развращения человеческого. У других, которые, вместо удовольственности, питают жажду самоозлобления и самостеснения, сии пожелания в нужных случаях вставляются в самые необходимые пределы, в ненужных подавляются, в позволительных, или, как говорят, в невинных удовольствиях, если и послабляются иногда... то тут же строго и блюдятся и употребляются больше не в наслаждение, а в обман, так сказать, тела и чувственности. Вообще же они здесь отвлекаются от чувственности и приучаются к предметам духовным, в созидание духа, а не разорение. Это пожертвие плотского духовным доходит у некоторых до того, что вместо свойственной приятности от чувственного чувствуется отвращение и неприязнь к нему, даже, например, ко сну и к питанию...

Органы чувств дают инстинкт, или потребность употребления их. Удовлетворение сей потребности рождает следующие склонности: жажду впечатлений, глазерство, услаждение чувств, рассеянность. Эти склонности, окрепши, уничтожают в духе внимание и самособранность.

Из органов движения развивается потребность движения, а из нее потом — склонность к независимой деятельности, желание внешней свободы, своеволие, разгульность. Ими отнимается свобода у духа.

У органов слова есть потребность, чтоб их приводили в движение, или раздражали. Отсюда болтливость, смехотворство, празднословие, шутки. Они налагают молчание на внутреннее слово духа — *молитву*.

Из инстинкта питания развиваются сластолюбие, нега, обжорство, лень, праздность. Это отнимает всякое движение духовной деятельности.

Вследствие недолжного удовлетворения половых отправления происходят: желание нравиться, щегольство, волокитство и самые страсти безчестия. Они отнимают свойственные духу чистоту и *безстрастие*...

Решившись исправиться во всем и, следовательно, возвратить свойственную духу свободу, он [человек] и хотел бы ограничить свои потребности благоразумною мерою их удовлетворения, например умеренною пищею, сном, и проч.; но образовавшиеся склонности до того сроднились, или в такую чувствительную пришли связь с органами своими, что легкое движение сих органов приводит в силу склонность и злодействует духу; например, от употребления пищи вдоволь — холодность духа и вялость, и проч. Посему с первого раза он полагает для себя законом — связать органы тела, чтоб не возбуждались ими образовавшиеся чрез них склонности и дух имел свободу восстанавливать свойственные себе совершенства. Так налагаются узы на органы питания — постом, неспанием, долулеганием, чтоб сохранить живость в духе...

Вот основание, почему святые Божии все без исключения проходили жестокое житие! Без сего нельзя очистить духа, нельзя восстановить его и явить во всей свойственной ему силе. Это необходимый путь к его свободе. Только по мере истомления плоти он высвобождается из нее. Посему кто льстит себя надеждою

достигать совершенства в духе без сурового обхождения с телом, тот походит на того, кто бы хотел носить воду решетом, или ловить ветер руками, или писать слова на воде. Это — напрасный и неразумный труд, в коем стяжаемое в одну минуту расточается в другую. (13. С. 303—328)

Когда и кому Бог дает силы

«Хотелось бы побольше сил иметь, а Бог не дает». И не ждите, чтобы дал. Силы уже даны и в теле, и в душе, и в духе. — Но они не совсем сильны и требуют пособия. Сие пособие и помощь и подается Богом, но не в запас, а на всякое текущее дело. Усиливается человек сделать что; не одолевая, взывает о помощи, и помощь приходит; помогши же, опять отходит, и человек остается все тот же бессильный. Опять потребовалась помощь, опять воззвал человек, и получил... и после дела... опять остался тем же бессильным. Отсюда выходит, что кто не делает, и не пускает в ход всех своих сил, и не трудится до восчувствования бессилия, и в сем чувстве не взывает о помощи, тот и не получит ее... и пусть не ждет; равно кто, сделавши, себе приписывает дело, тот себя обманывает; и в другой раз, бросившись на то же дело с мыслью: вот-де, для нас это ничего не стоит, — не силен бывает сделать его, и хотя воззовет наконец о помощи, не всегда получает ее, в наказание и в научение. Извольте же так действовать: в чувстве бессилия взывайте о помощи... и, сделав что, оставайтесь в том же чувстве бессилия. (6. С. 52)

5. Состояние чувствующих сил, или сердца

Сердце как точка соприкосновения (сочувствия)

С чем имеем живой союз, с тем быть вместе нам приятно, в кругу того мы как в своей стихии, иначе — мы имеем к тому живое сочувствие... Для грешников божественное есть земля неведомая, и при вопросах они не могут сказать, хорошо ли там или худо,

разве только предположительно иной скажет что без убеждения и силы; а скажет ли кто, как там хорошо, об этом и спрашивать нечего...

Сердце же грешника всегда пристрастно к чему-нибудь, потому что страстно. Оно вообще любит услаждаться чувственным, греховным; но в нем всегда есть один какой-нибудь предмет, в который оно входит все, в котором пребывает денно и ночью, который раскрашает многообразно в мечтах дневных и сновидениях ночных; есть, то есть, нечто, что заменяет Бога и как истукан стоит в глубине сердца, в самых сокровенных и потаенных его изгибах, чтоб одним им любоваться. Всякий страстный есть, по существу дела, идолопоклонник.

Наконец, если божественное неведомо, а напротив, сладостно другое, противоположное, то, при встрече образов божественного, человек грешник должен или быть к ним равнодушным, как к предметам сторонним, или ощущать беспокойство от присутствия их, чувствовать себя здесь как бы не в своем месте, отвращаться и бежать. Отчего грешнику не хочется участвовать в священнодействиях, быть в церкви, слышать пение, смотреть на святые изображения, слушать слово Божие, читать духовные книги или молитвы? — Оттого, что все это для него предметы неприятные, отрезающие от себя; они ему не по сердцу, не принимаются им, не питают его, а мучат...

При самом первом обращении к Богу принимает он решительное намерение подавить и искоренить в себе всякое пристрастие и к тому обращает всю внутреннюю свою власть и всю силу, принятую от Бога. Сначала борьба, а потом и свет безстрастия, или земное небо, как говорит святой Лествичник. Но это уже в последних степенях совершенства. Чтоб воспитать такое расположение, прямо по обращении он окружает себя предметами, отражающими божественное, и назначает занятия, способные питать духовные чувства, — каковы: молитва, богомыслие, богослужение, чтение слова Божия и проч. Отделивши себя ими от всего земного и внутри силою духа подавляя земные чувства,

он мало-помалу успевае́т отрешиться от всего и приучается вкушать божественное и в нем предвкушать вечное блаженство. Это и должно иметь в виду при образовании сердца по духу христианской жизни — оживить сочувствие с божественным, сделать, чтоб человеку было приятно обращаться в мире том, чтоб он был в нем как в своей стихии. Иначе — оно причиняет страдание, а не блаженство. Грешнику и в раю мука нестерпимая...

Чем любителю человек? где проводит время с удовольствием? среди чего пребывать ему сладостно? — Он там только в своей стихии, где видит отражение своего лица, с радужным его сиянием, в вещах ли или лицах, например среди произведений своего ума и деятельности, или среди суетных вещей, коими можно привлечь на себя взоры людей, или среди людей, при посредстве которых может питаться его самодовольство, и прочее. Видно, что от других он возвратился в себя и себе одному сочувствует.

В человеке, к Богу обратившемся, благодать врачует и сей недуг. В самоотвержении полагается семя ненависти ко всему тому, на чем есть след нашего *я*; а это не привлекает, а гонит самоотверженного от себя самого. Сначала это бывает не так легко и совершается долее, — с насилием, а потом обращается в естественное как бы чувство. Далее, мера погашения страстей есть мера сроднения его с человечеством и Ангелами. Сначала напрягается он думать и чувствовать, что *несть Иудей, ни Еллин, несть раб, ни свобода, ни мужеск пол, ни женск* (см.: Гал. 3, 28; Кол. 3, 11), а наконец доходит до того, что, подобно Макарию Великому, желал бы все человечество обнять единым объятием и считать родным последнего в свете человека. Что касается до его отношения к Ангельскому миру, то он живет как бы в нем; бывает, что часто видит Ангелов, питается от них, видит их при других, слышит их поющих, и все это с таким восхищением и радостью, что даже положено правилом отличать бесов, преобразившихся в Ангела светла, от истинных Ангелов — по той радости и миру, который остается при сем на душе. Из этого видно,

что сочувствие с духовным миром Божественною благодатью вполне восстанавливается в человеке, оставляющем грех и обращающемся к Богу... У них видна, без боязни за жизнь, готовность пребывать во всяком месте на земле (Василий Великий), способность чувствовать покой при хладе и зное, тем больше — потребность жить и дышать природою не в угодность плоти (Антоний Великий), радоваться творениям Божиим, с веселием и восхищением ходить среди них. Все это очевиднейшие признаки возвращения, или исцеления, сочувствия к миру вещественному. При всем том, опять, эта особенность не такая, чтоб о ней можно было жалеть, если б ее и не было. Ибо главное в человеке — дух, а он может поглощать плоть со всеми ее благовидными движениями; к тому же и в самой природе теперь не все так, как бы следовало быть. (13. С. 307—313)

Когда мы с Господом, то и Господь с нами. И светло все. В комнате, когда все окна открыты и солнце светит, светло-светло бывает. Но закройте одно окно — потемнеет, а когда все закроются, совсем темно станет. Так и с душою. Когда она вся всеми силами и чувствами обращена к Господу, в ней все светло, радостно и покойно. Когда же обратит на что-либо другое, кроме Господа, свое внимание и чувство, светлость сия умалается. Больше вещей занимают душу, большая тьма входит... А там и совсем темно. Мысли не столько омрачают, сколько чувства; однократное увлечение чувств не столько, сколько пристрастие к чему-либо. Больше всего омрачает грех делом. (3. С. 210)

Учитесь... устроить пустынь в сердце... чтобы была только чистая атмосфера и светлое солнце, то есть сердце чисто и память Божия. А под ногами земля твердая... крепкая решимость спастись и благоугождать Богу. (4. С. 136)

Дух веры, упования и преданности в волю Божию, — вот что надо возгревать в сердце. (2. С. 79)

Надо во всякое дело влагать сердце, и сердце богобоязненное. Чтобы сердце было в состоянии богобоязненности, надобно, чтобы его непрестанно осеяло помышление о Боге. (2. С. 55)

Сердце как центр сил (чувств)

В сердце отражаются своей деятельностью все силы существа человеческого на всех их степенях. Следовательно, в нем должны быть чувства духовные, душевные и животнo-чувственные...

Так как душа грешная отделена от Бога и мира божественного, то чувств религиозных в истинном их виде в ней быть не может... Разные верою изливаемые в сердце чувства, из ощущения благодати, правосудия, могущества, промышления, как-то: страх, благоговение, преданность в волю Божию, упование, любовь и другие, — уже по тому самому не могут или совсем быть, или быть в силе у первого [человека грешника], что в нем недостает веры, — их источника. Они у него суть только мысли и представления, а не ощущения. То же должно сказать о благодарении, славословии и даже молитве. А у второго [истинного христианина] все сии чувства составляют, можно сказать, естественную стихию, в коей он живет. Вся жизнь его слагается из перехода от одного из сих чувств к другому...

Нельзя сказать, чтоб у грешника не было никаких религиозных чувств; но главный их тон есть чувство отвращающего страха, чувство некоторым образом болезненное, беспокойное, вследствие коего не хотят или даже боятся вознести мысленные свои очи на небо к Богу и ходят, как под прикрытием непроницаемого некоторого свода, в темном богозабвении. В работающем Богу, напротив, главное чувство есть чувство сыновства Богу, чувство прилепляющее, сладостное, всего человека к Богу восхищающее и повергающее его в лоно Его безпредельно благое. О сем чувстве неоднократно и пространно внушают Апостолы, ибо они были им преимущественно исполнены.

Затем вся жизнь первого проходит в некоторой безнадежной страшливости или нерешительности в делах. Уповает он только

на очевидное, то есть на прямые способы, какие доставляются наличными силами его и пособиями других лиц, вообще не на Бога уповает, а на что-нибудь вне Бога. А это, кроме того, что означает извращение его религиозности внутренней, его самого содержит среди томительных сомнений, страхований. Другой, напротив, уповая ходит. Не отказывается и он от естественных средств, но их сила по нему зависит от Бога, и, если есть какой в них недостаток, — он не задерживается тем в деятельности, несомненно просит и получает. Близ Господь, Который сказал: всё, что попросите с верою, примите (см.: Мф. 21, 22)...

Чувство истины — способность сердцем без пособий сторонних узнавать истинный порядок вещей, истинные их свойства, — свойственная природе человека, способность удивительная, у первого заглушена совершенно, у второго же оживает, усиливается и наконец является во всей своей силе. Так, по одному чутью узнают брата, врага, друга, сыновей, нужное лицо и то, как в каком случае поступить. Что касается до чувств эгоистических, то нельзя сказать, чтоб они не возникали, особенно сначала; но им не дается силы, устанавливается противодействие им, принимаются средства к изгнанию их, и действительно, они изгоняются из души всякий раз, как возникают. Подвиги, труды, молитвы наконец подавляют их и на место их напечатлевают противоположные им чувства. Все дело состоит в том, чтоб внедрить в сердце добрые чувства, ибо что есть в сердце, то есть пред Богом⁹⁷...

К чувствам, стоящим на низшей степени, относятся скорые волнения, или поражения, сердца (*affectus*), погашающие само-

⁹⁷ «Истина открывается сердцу не всякому, но лишь очистившемуся от страстей... Она доступна тому, кто потрудился и пролил пот при работе над сердцем своим. Так что вернее будет сказать так: истина есть дело не голого ума как такового и не пассивного переживания сердца, но активного, подвижнического, напряженного внимания над своим умом и сердцем, над "очищением помыслов", как говорили отцы. И тут деятелен весь человек целиком... Истина открывается деятельному духу, насколько он очищает свое сердце, а затем ум, т. е. воле, сердцу и уму вместе». *Ухтомский А.А.* Интуиция совести. С. 50.

деятельность рассудка и воли и сопровождающиеся особенными изменениями в теле... Так, одни погашают ясность сознания, как-то: удивление, изумление, увлечение внимания, испуг; другие подрывают волю, как-то: страх, гнев, ретивость; третьи, наконец, терзают самое сердце, которое то радуется и веселится, то скучает, скорбит, досадует и завидует, то надеется и отчаивается, то стыдится и раскаивается или даже попусту мятется мнительностью. Можно судить по одним именам их, какие это злодеи для человека; тем больше такими их должно признать, судя по действиям. Грешник как бы неизбежно в непрестанных тревогах. Нет в нем силы, которая бы защитила его от их злого влияния. То страх, то радость, то тоска, то стыд, то огорчение, то зависть или другое что непрерывно мнут и уязвляют душу его. Жизнь грешника есть путь по колючим тернам, несмотря на внешнюю светлую обстановку. Напрасно придумывают некоторые механические средства против страстей или толкуют о среде безопасной. Нет спасения от них без исцеления всего духа человеческого, ибо они суть свидетельства и следствия расстройств нашего существа. Возврати целостность существу, и прекратятся злые страсти. (13. С. 313—324)

Надо в сердце породить и утвердить чувство к Богу... или всякий раз породить когда страх, когда упование, когда любовь, когда благодарение... Внимание все на этом остановится, и прочие помышления сами собой отпадут. Чувство же к Богу благодать Божия производит. (4. С. 91)

Кто в чувстве [к Богу], того дух связан и привязан, а у кого нет его, тот парит. Потому, чтоб успешнее пребывать внутри, спешу до чувства, хотя тоже чрез напряженное самовнедрение. Оттого кто хочет остаться с одним собиранием умовым, тот трудится напрасно: одна минута — и все разлетается. Не дивно после сего, что ученые, при всем образовании, непрестанно мечтают: это — оттого, что работают одною головою. (10. С. 221)

Сердце держите, чтоб оно было непричастно сластям века сего — чарующим и одуряющим. (2. С. 104)

Главное же сердце сделать чистым. Нечисто оно от самолюбия, в коем живут и действуют все страсти. (3. С. 160)

Кто может надеяться сам совершить исправление своего сердца? — Разве в сем святом деле может кто ожидать успеха от человеческой помощи и человеческого искусства?.. Всё от Господа. Ему и предадим себя — представим себя Его благодатному действию... Со своей стороны мы можем представить Богу только искреннее желание самоисправления и полную готовность поинноваться его манованиям. (16. С. 190)

6. Изменение сил человеческих по слову Божию

Ум, сердце и воля в нормальном состоянии

Под нормою разумеется здесь такое правило, которое, определяя цель человека и средства к достижению ее, дает руководительное указание, куда и как следует направлять жизнь свою...

Созданный по образу и подобию Божию, человек по самой природе своей есть некоторым образом Божеского рода. Будучи же рода Божия, он не может не искать общения с Богом, не только как со своим началом и первообразом, но и как с верховным благом⁹⁸. Потому-то сердце наше и бывает

⁹⁸ «Однако сознание непреложности, самоценности и, отсюда, безусловной обязательности жизни по воле Божией не давит человека суровой необходимостью подобно какому-нибудь кантовскому, не допускающему возражений, императиву. Святое общение с Богом не только есть долг человека, но является для него единственным благом, единственным правильным состоянием его природы... Святое общение с Богом является не обязанностью только, но прямой необходимостью человека. Вне этого общения человек не только вне своего призвания, не только грешен, но и прямо нравственно мертв. В силу этого нормальный человек жаждет богообщения как своей заветной цели

довольно только тогда, когда обладает Богом и бывает обладаемо от Бога. Ничто, кроме Бога, не успокаивает его. Соломон много знал, многим обладал и многим наслаждался; но все это наконец должен был признать суетою и крушением духа (см.: Еккл. 1, 8, 17—18; 3, 10—11; 8, 17). Один покой для человека — в Боге. *Что бо ми есть на небеси; и от Тебе что восхотех на земли; исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во век* (Пс. 72, 25—26)...

С каким страхом взывал ко Господу Пророк Давид: *не отвержи мене от лица Твоего* (Пс. 50, 13), зная, что *удаляющие себе от Него погибнут!* (Пс. 72, 27). С каким желанием устремлялся он всегда к Богу: *возжада душа моя к Богу* (см.: Пс. 62, 2);

(Флп. 1, 23). “Созданный по образу и подобию Божию, человек, — говорит преосвященный Феофан, — по самой природе своей есть некоторым образом Божеского рода (ср.: Деян. 17, 28—29). Будучи же рода Божия, он не может не искать общения с Богом не только как со своим началом и первообразом, но и как с верховным благом” ([Епископ] Феофан. Начертание христианского нравоучения. С. 32)...

Для святого, т. е. любящего святость, Святой Господь является естественным концом всех желаний, — не только первообразом для подражания (который может предноситься сознанию и насильственно), а, именно, ответом на запросы природы человека, является и союзником, и опорой, одним словом, всем. Понятно, что для такого человека богообщение будет не непосильным бременем, каким оно было для многих людей в Ветхом Завете и каким является общение с праведниками для нас теперь. Для любящего святость богообщение будет именно желанным благом, целью всех его стремлений, для которой он пожертвует всем, что может только представляться дорогим с человеческой, греховной точки зрения. *Что бо ми есть на небеси; и от Тебе что восхотел на земли; исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во век* (Пс. 7, 25—26). Поэтому-то в то время как народ еврейский, только что вышедший из Египта и еще не позабывший египетских мяс, изнывал от страха, стоя у подошвы Синая и ощущая близость Божию, в то время как народ просил избавить его от невыносимого для него богообщения (Исх. 20, 18—19), святой “пророк Моисей, — по выражению преосвященного Феофана, — поставлял зрение лица Божия краем своих желаний и после того уже, как Бог явил чрез него столько чрезвычайных действий Своей благости и всемогущества: *Аще убо обретох благодать пред Тобою, яви ми Тебе Самаго, да разумно вижду Тя* (Исх. 33, 13), молился он”». Сергей (Страгородский), архиепископ. Православное учение о спасении. С. 103—107.

имже образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к Тебе, Боже (Пс. 41, 2). С какою теплотою упокоивался в Нем едином: мне же прилеплятися Богови благо есть (Пс. 72, 28).

Но не в этом одном устремлении всех желаний к Богу — наше благо. Жажда без утоления, алчба без насыщения, потребность без удовлетворения есть скорбь, болезнь, мучение. Ища Бога, мы хотим обрести Его, хотим обладать Им и быть обладаемыми от Него, приискренне приобщиться Его, быть в Нем и Его иметь в себе... В этом-то живом, внутреннем, непосредственном общении Бога с человеком и человека с Богом и есть его последняя цель... Спаситель обещает внутреннейшее некое вселение Бога в сердце человеческое, когда говорит: *придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). Святой Иоанн Богослов учит, что когда кто пребывает в любви, то не только он пребывает в Боге, но и Бог в нем пребывает (см.: 1 Ин. 4, 16)...

Не подумал бы кто, однако ж, что живой союз с Богом есть исчезновение души в Боге с насильем ее самостоятельности и свободы. Нет, хотя душа действительно стоит при сем под Божественным влиянием, прикасается некоторым образом Богу и проникается Его силою, однако ж не перестает быть душою — существом разумно-свободным, подобно тому как раскаленное железо или уголь, проникаясь огнем, не перестают быть железом и углем. Она приобретает только чрез сие общение полнейшую и скорейшую силу действовать по воле Божией — свободно, но и безпрекословно. С другой стороны и **то неверно, если б кто стал думать, что когда богообщение поставляется последнею целью человека, то человек сподобится его после, в конце, например, всех трудов своих.** Нет, оно должно быть **всегдашним, непрерывным состоянием человека, так что, коль скоро нет общения с Богом, коль скоро оно не ощущается, человек должен сознаться, что стоит вне своей цели и своего назначения.** Состояние, в котором человек сознает, что Бог истинный есть его Бог и сам он есть Божий, т. е. говорит в сердце

своём Богу: *Господь мой и Бог мой* (Ин. 20, 28), как апостол Фома, и к себе самому: *Божий есмь — Божий есмь* (см.: Ис. 44, 5), — такое состояние **есть единое истинное состояние человека, есть единый решительный признак присутствия в нем начала истинно-нравственной и духовной жизни**⁹⁹. (13. С. 32—36)

⁹⁹«Таким образом, высшее благо и добродетель — понятия между собою тождественные. Сущность вечной жизни состоит в нравственном совершенстве, в действительном переживании в себе Божественного добра. “Благо Божие”, действительно, “не отделено от нашей природы и не отстоит где-нибудь далеко от решающих искать его; — оно в каждом неведомое и сокрытое, когда заглушается заботами и удовольствиями жизни, и снова находимое, когда мы обратим на него свое внимание” (Григорий Нисский). Если же человек, по словам святого Иоанна Златоуста, и “создан для того, чтобы угождал человеколюбивому Богу и вкусил Царствия грядущего”, если вне общения с Богом (в чем состоит бытие в Царстве Божиим) человека постигает нравственная смерть, то возможно ли представлять себе вечную жизнь только самым последним выводом из всей земной жизни человека, выводом, который достигается лишь после смерти? “То неверно, — говорит преосвященный Феофан, — если бы кто стал думать, что когда богообщение поставляется последнею целью человека, то человек сподобится его после, в конце, например, всех трудов своих. Нет, оно должно быть всегдашним, непрерывным состоянием человека, так что, коль скоро нет общения с Богом, коль скоро оно не ощущается, человек должен сознаться, что стоит вне своей цели и своего назначения”. Состояние, в котором человек сознает себя в богообщении, “есть единое истинное состояние человека, есть единый решительный признак присутствия в нем начала истинно-нравственной и духовной жизни” (Начертание христианского нравоучения. С. 35—36). Если богообщение всегда может и должно быть присуще человеку, то, следовательно, и вечная жизнь не заключает в своем существе ничего такого, что бы препятствовало ее открытию здесь, на земле, другими словами, вечная жизнь, именно как состояние души человеческой, не зависит от условий пространства и времени, не приурочена только к миру загробному, а зависит исключительно от нравственного развития человека и, следовательно, может начаться для избранных и в здешней жизни. Этим колеблется основной догмат правового жизнепонимания — предвзятая мысль о безусловной противоположности вечной жизни земному существованию человека, — мысль, которая нужна приверженцам этого жизнепонимания, чтобы объяснить и обосновать другой свой и столь же чуждый Православию догмат о доброделании из-за награды. Православное учение, взятое в его чистоте и независимо от случайных придатков, признает вечную жизнь лишь продолжением жизни настоящей». *Сергий (Страгородский), архиепископ*. Православное учение о спасении. С. 112—113.

Ум, сердце и воля в состоянии под грехом

Но в человеке грешнике, отпадшем от Бога и пребывающем в сем падении, как представляет опыт, силы сии являются как бы отпадшими от его лица, ставшими в некоторую от него независимость и самоуправствующими. Что значат, например, обыкновенные у нас слова: сделал бы, да не хочется, или: пусть это не так хорошо, но мне очень хочется; или: сердце не лежит; поди ты с сердцем; или: поверил бы, но разум не покоряется, ум царь в голове, куда деваться мне с моим разумом? Эти и многие другие выражения значат, что силы сии перестали быть во власти человека, но или управляют сами собою, или подлежат влиянию сторонней силы. Отпадши же от лица человека, они потеряли взаимную точку соединения, а вместе с тем перестали получать и взаимную друг от друга помощь и не имеют уже того, чем одна обыкновенно пользуется от других. Так, разум заоблачен, мечтателен и отвлечен, потому что не удерживается сердцем и не правится волею; воля своенравна и безсерда оттого, что не слушает разума и не смотрит на сердце; сердце неудержимо, слепо и блажно, потому что не хочет следовать указаниям разума и не отрезвляется силою воли. Но мало того, что силы сии потеряли взаимную помощь, они приняли некоторое враждебное друг против друга направление, одна отрицает другую, как бы поглощает ее и снедает. Оттого преобладание сердца имеет с собою в связи слабость ума и непостоянство воли, как бы безхарактерность; преобладающее стремление к познаниям ведет за собою ослабление деятельности, или беспечность воли, и нечувствие, или холодность сердца; преобладание воли всегда сопровождается односторонним направлением, упорным, не внимающим никаким доводам: там душа не слушает никаких убеждений и недоступна для потрясений сердечных.

Таким образом, внутренний мир человека грешника исполнен самоуправства, беспорядка и разрушения. О таком состоянии свидетельствует преимущественно опыт, но и в слове Божию можно находить немало на то указаний, хотя оно изображает

не столько душевные силы и их состояние, сколько дела человека — произведение всех сил. В сем отношении очень замечательны следующие места:

Так, апостол Павел в Послании к Римлянам, в 1-й главе (см.: Рим. 1, 21—28), изображает большое смятение и нестроение внутреннее, какое бывает в грешниках и нечестивцах, производя его из отпадения от Бога. *Разумевшие*, говорит, *Бога, они не яко Бога прославиша*, то есть презрели Бога, отпали от Него, отвергли Его. Следствием сего естественным было то, что сердце у них стало слепо, воля своенравна, ум обезумел *осуетишася помышлении* (желаниями), *омрачися неразумное их сердце и объюродеша*. За сим естественным следствием настало другое, как казнь от Бога... *предаде их Бог в похотех сердец их*, то есть своенравию сердца, *в страсти безчестия*, то есть упорному разврату воли, *в неискусен ум*, то есть неблагоприятию, мечтам и отвлеченностям (отнял практический разум).

Тот же Апостол в Послании к Ефесеям (см.: Еф. 4, 17—20), называя язычников или неверующих отчужденными от жизни Божией, здесь же изображает состояние их души, именно, что они *ходят в суете ума*, то есть в призрачных, фантастических построениях умственных, идеальных, страдают *окаменением сердца*, то есть безсердием и нечувствием; *предали себя студодеянию*, то есть буйству и увлечениям воли. (13. С. 195—197)

Ум, сердце и воля в состоянии под благодатью

Человек же, к Богу обратившийся и в Святой Церкви с Господом Иисусом Христом соединившийся и в Нем обновившийся, в слове Божиим изображается совсем в противоположном виде. Так апостол Павел молится об Ефесеянах (см.: Еф. 3, 16—19), *да даст им Бог силою утвердиться Духом Его во внутреннем человеце*, да дарует, то есть, нравственную силу воле чрез союз со Святым Духом; *да даст вселиться Христу верою в сердца их*, да будет, то есть, у них сердечное сочетание с Христом Спасителем; *да возмогут разумети*, то есть из сего опытного

вкушения Христа Господа да черплют духовный разум; и *да исполнятся во всяко исполнение Божие*, то есть из совокупности всего сего, или из соединения их с Богом всеми силами, пусть составляется полнота свойственных христианам внутренних совершенств, или, под сим условием, их внутреннее да будет приятищем или сосудом, который непрерывно наполнялся бы приливом от Бога совершенств духовных... Видимо, как во Христе Иисусе дух человека становится крепким, или скрепленным в себе, сосудом.

В том же Послании (Еф. 4, 22–24) существо христианства, или истину о Христе, Апостол описывает так: *отложить вам, по первому житию, ветхаго человека, тлеющаго в похотех прелестных*, — этим заповедуется обновление сердца; *обновлятися же духом ума вашего*, — здесь изменение ума; и *облецися в новаго, созданнаго по Богу в правде и преподобии истины*, — тут преобразование воли! Сим местом указывается, что в христианине совместно и одновременно обновляются все силы его существа, и притом все в одном духе и в одном направлении.

В Послании к Филиппийцам Апостол изображает, что мир божий, превосходящий всякий ум, водворяется в сердце вместе с вселением в нем Бога мира (см.: Флп. 4, 7–9). Чтоб не возмущать сего мира, он заповедует им: все помышления свои, или, иначе, действия всех своих способностей, обратить на богоугодное, именно: ум — на истинное, волю — на праведное, сердце — на прелюбезное. Какая душа это делает, та способною становится быть жилищем Бога мира. Посмотрите притом, все сии богоугодные предметы Апостол прежде указал Филиппийцам, и они уразумели их, приняли их и покорились им, то есть заняли себя ими всех всецело, по всем силам.

Такое же совмещение деятельности всех сил в одном, как характер жизни христианской, указывается и в следующих местах: Кол. 1, 9–11: Апостол молится о Колоссянах, *да исполнятся в разуме воли Божией во всякой премудрости и разуме духовном, яко ходити им достойне Богу во всяком угождении* и проч.;

Кол. 2, 1–7: Апостол молится о всех, *да утешатся сердца всех, снемшихся в любви, и во всяком богатстве извещения разума, в познание тайны Бога и Отца и Христа...* и проч.; Кол. 3, 12–16: *Облецытесь во утробы щедрот... мир Божий да водворяется в сердцах ваших... Слово Христово да вселяется в вас богато во всякой премудрости...* и проч.; Еф. 5, 15–19: *Блюдайте убо, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри... не бывайте несмысленни, но разумевайте, что есть воля Божия... исполняйтесь Духом, глаголюще себе во псалмех и пениих и песнях духовных...* и проч.

Из них видно, что в душе истинного христианина совсем не бывает того нестроения, какое неизбежно в человеке, непричастном Духа Христова. Все его способности действуют совместно, устремлены на одно, состоят в подчинении ему, как лицу, — почему и приписывается ему целостность, полнота, здравие¹⁰⁰.

В правилах святых подвижников о том, как питать душу свою истиною Божию чрез благоговейное размышление о ней, видно, как самим делом должны быть совмещены все силы в одном. Старцы Божии заповедают обыкновенно держаться при сем следующего порядка: сосредоточь внимание свое на избранном тобою предмете, например присутствии Божиим, смерти, Крещении, и рассматривай его с разных сторон. При сем каждую

¹⁰⁰ «В Первом Послании апостола Иоанна читаем: *И сие пишем вам, чтобы радость ваша была совершенна. И вот благовестие, которое мы слышим от Него и возвещаем вам: Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы* (1 Ин. 1, 4–5). И сие означает, что этот свет совершенства, открывшийся нам во Христе Иисусе, может и должен стать основным источником и содержанием нашей жизни, а отсюда: отпущение, покой и радость... Это выражает и [епископ] Феофан Затворник, когда говорит: “Вообще же все, истинно приступавшие ко Господу, ощущали сие некоторым выигранием духа своего” (Путь ко спасению. С. 185)... При верном развитии религиозного опыта у человека возникает и сохраняется потребность — вновь и вновь вступить в эту раскрытую дверь и пережить эту радость религиозного удостоверения. Приобщившийся Свету ищет все нового и нового приобщения; и каждый новый луч проникает в глубину его Купины, питает ее огонь, очищает его душу и строит его дух... Поэтому чувство отпущения отнюдь не ведет к угашению религиозной потенции и

родившуюся у тебя мысль старайся проводить до чувства, или внедрять в сердце; например, из мысли о близости смерти роди страх или раскаяние, из помышления об обетах Крещения — радость или печаль и проч. Заключай же всякое размышление выводом правил для себя применительно к твоей жизни и твоим обстоятельствам; например, Бог везде есть, все видит, следовательно и меня; не буду же я допускать худых помыслов, — лучше умру, нежели согрешу; а в таком-то случае буду поступать так и так, чтоб не прогневать Бога, видящего меня. Таким образом действия, очевидно, скрепляются все силы духа или весь состав внутренней жизни человека, вся жизнь непрерывно движется и подновляется. Есть и другое правило, которое показывает, как все силы духа должно держать в своих руках, именно: утром, по молитве, сядь и расчисли, что тебе необходимо делать в продолжение дня, где быть, с чем и с кем встречаться, и применительно тому наперед определи, что где помышлять, что сказать, как держать свою душу и тело, и проч. Это значит, что истинный христианин должен сам держать себя в руках, сам заведывать всеми движениями своей души, а не позволять им происходить самим собою, как бы без его ведома. Он должен быть сам владыкою всего внутри его происходящего, владыкою своих сил.

к прекращению религиозного “домогательства”. Напротив, оно переживается как залог и призыв, как благодатное начало дальнейшего пути. Это есть как бы первое удостоверение и несомнительное обетование. И чувство покоя не означает успокоенного отказа и перехода к пассивному безразличию. Это есть не покой бездействия, а покой уверенности: уверенности в том, что прежний путь был верен и плодотворен, и еще в том, что надлежит двигаться в том же направлении. Это не покой пресыщенного безволия, а покой волевого решения; человеку дана была очевидность Божия бытия для того, чтобы угасли его тревоги, сомнения и всяческие колебания; и еще для того, чтобы укрепить в нем голод его духа и жажду его сердца. И все это запечатлено было тем “взыгранием”, о коем упоминает [епископ] Феофан Затворник; тем “веселием”, которое остается незабвенным на всю жизнь; той “радостью”, которой в дальнейшем будет питаться сердце». *Ильин И.А.* Аксиомы религиозного опыта. М., 1993. С. 400—401.

Из всего предложенного может всяк усмотреть, что в истинном христианине все силы в деятельности своей зависят от него самого, а не самовластно движутся; что в сей деятельности везде действуют совместно, не раздробляясь и не отделяясь одна от другой, вспооществуя себе взаимно и взаимно возвышая общую жизнь духа, так что она от сего есть цела и крепка, есть достойный сосуд пребывающего и покоящегося в нем Бога. В грешнике же этого нет, а есть все противное, как видели. Сам он сего не видит и говорит о себе, что цел и здоров, — в чем и беда его. Но и тем, кои отказались от грехов, надо внимать себе, чтоб не попасть хоть временно в такое разложение сил, какое бывает в преданных греху... ибо и это опасно. Уразумевая сие, внимай себе всяк. (13. С. 197—201)

7. Учение о лице человека по естеству и по слову Божию

Что есть лицо человеческое

Общее устройство природы человеческой определяется сочетанием разных сил ее и способностей и разных частей ее состава. Так, все разнообразие наших внутренних действий сознаваемых сводится к трем исходным началам, или силам: познающей, желающей и чувствующей. Все же силы сии сосредоточиваются и сходятся в нашем лице, в нашей личности, в том, что говорит в нас: я, которое есть слияние и нераздельное единство всех сил. Они в нем сцентрированы и исходят из него, как из фокуса.

Далее, то, что познания, желания и чувствования являются в нас не только на различных степенях, но даже в противоположных направлениях, заставляет, кроме других оснований, допускать в составе существа человеческого три части: дух, душу и тело, из коих характер первого — отрешение от чувственного, последнего — погружение в нем, средней же — совместность того и другого. Цель и назначение первого есть общение с Богом

и миром духовным, последней — посредничество в сношении с миром чувственным; средняя [часть существа] должна от чувственного чрез дух восходить к Богу и одуховляться и от Бога чрез дух низводить одуховление чувственному. Части сии в составе нашем не лежат одна подле другой, но все, так же как и способности, сходятся в нашем лице (я), ему присвояются и суть для него постоянные средства. **Лице человека (я) есть единство духа, души и тела**¹⁰¹.

К существенным свойствам человека принадлежит то, что он одарен *сознанием*, может говорить о себе — я, или есть лицо. Это такое свойство, по коему человек, утверждая свое собственное бытие и бытие вещей вне себя, отличает их от себя, а себя от них, говорит о себе — я, а не они, а о тех — они, а не я. Оно получает название *самосознания*, когда обращается внутрь, к себе исключительно. В сем обращении в себя оно опять может отличать себя от своих действий, или свое бытие от того, что исходит из него, возносясь как бы над тем и другим. При сем, так как к бытию нашему могут прилагаться чуждые, сторонние силы, то, сознавая свое бытие, он может сознавать себя — не как себя, а как иное лицо (у бесноватых)...

Второе свойство человеческого лица есть *разумно-свободная самостоятельность*. Состояние этого свойства определяется уже состоянием сознания, ибо они служат взаимным друг для друга отражением... Самостоятельность, свойственная человеку, отличается *разумностью и свободой*. *Разумность* требует, чтоб действия располагались по своему усмотрению, своим целям и своеличному распоряжению разумному. Признаком его отличительным служит то, если мысль всегда предшествует желанию; напротив, где желание правит мыслью, там отсутствие или неблагосостояние сего свойства не подлежит никакому сомнению.

¹⁰¹ «Лицо не дано, оно достигается, и достигается лишь в меру признания себе подобных, своих Собеседников. Да, лицо впервые становится лицом, когда оно оформилось и определилось нравственной дисциплиной». *Ухтомский А.А.* Доминанта души. Рыбинск, 2000. С. 246.

Разумно-свободная самостоятельность. Самостоятельность принадлежит существу, которое не есть явление другого существа, а само есть источник всех явлений, от него исходящих. Таких самостоятельных существ много (субстанции). Отличительное свойство человеческой самостоятельности состоит в том, что он не только производит действия, но и видит их, не только видит, но и правит ими по своему усмотрению и разуму. Это свойство однозначительно с разумною свободою...

Жизненность. Человек есть живое существо. Есть силы мертвые, например: электричество, магнетизм. Они в каждое мгновение суть то, чем быть им должно, не развиваются. Человек в минуты происхождения не есть то, чем ему быть должно, а развивается, образуется, растет, преспеивает. И растение сначала, в семени, есть только будущее возможное растение; становится же действительным растением чрез принятие в себя чуждых элементов и усвоение их себе. Возрастание духовной природы человека происходит другим порядком. Она зреет разнообразием собственных произведений: мыслей, чувств, желаний и дел, которые, обращаясь внутрь, осаждаются как бы в ней и составляют для нее пищу, или элемент возрастания. Посему свойство жизни ее всегда можно определять свойством ее действий. Особеннейшая же черта жизни, свойственной человеку, есть безсмертие, предполагающее безконечную его усовершенность...

Между семи свойствами [лица] первое место занимает *сознание*¹⁰². Оно есть свойство, исходное для других, есть прямое

¹⁰² «Что касается тайны сознания, то здесь [в науке] царит замешательство: не ясно, с какой стороны к ней можно подходить и какими средствами раскрывать. Должна ли этим заниматься философия, или когнитивная психология, или биология, или физика, или какая-либо новая междисциплинарная отрасль знания? Или вообще отбросить науку и довериться собственной интуиции и здравому смыслу?»

В обычной жизни, как правило, люди не обременяют себя вопросом, — что такое сознание? — считая его данной от Бога или Природы способностью ориентироваться в мире, подобно той, которой обладает сердце для перекачки крови в организме. Когда же они задаются им, ответ на него имеет одну приме-

свойство лица и как бы истолкование его. В производстве своем оно, полагая бытие себя и бытие существ вне сущих, отличает себя от них и их от себя. (13. С. 188—210)

чательную особенность — асимметрию интуитивного и теоретического представления о сознании. С одной стороны, когда мы обращаем вопрос к самим себе, ответ на него кажется предельно ясным, ибо для каждого человека нет ничего более близкого, интимного и достоверного, нежели собственное сознание, внутреннее Я (собственная самость). В отличие от внешних объектов, в существовании которых можно ошибаться или иметь релятивное знание, человек абсолютно уверен в существовании его собственного сознания; здесь ошибки невозможны, поскольку оно дано ему непосредственно и удостоверяется самим фактом осознанности... С другой стороны, когда философы, психологи или когнитивные ученые пытаются теоретически определить сознание (объективно или “с позиции третьего лица”) или хотя бы обозначить приблизительные границы и составляющие его элементы, феномен расплывается, теряет очертания, ускользает от “определения в понятиях”. В современной философии это сказывается в разноголосице в понимании того, что следует считать состояниями сознания, данными опыта, восприятиями, чувственным опытом, когнитивным, феноменальным, сознательным или бессознательным. Все прошлые и нынешние попытки нарисовать более или менее непротиворечивую и теоретически приемлемую картину сознания сталкиваются с тем, что перед исследователем предстает запутанный клубок феноменов, именуемых “сознанием”, распутать который оказывается в высшей степени трудоемкой с весьма туманными перспективами задачей...

Если философия сознания сегодня представлена конфликтующими позициями, не оставляющими надежды на согласие, можно ли утверждать, что в ней нет никакого продвижения к раскрытию тайны сознания? Что она осталась такой же загадкой, какой была во времена Декарта, никакой существенной подвижки не произошло, а многочисленные “детективы”, скорее всего, топчутся на месте?.. К такой оценке склоняются Т. Нагель (1974), Ф. Джексон (1982), К. МакГинн (1991). Всякое объяснение, говорят они, представляет собой редукцию, сведение к какому-то другому языку, сознание же феномен *sui generis* [особого рода], для него нет языка изображения. Дж. Серль заметил, что можно говорить о кризисе науки и кризисе рациональности, коли с их помощью невозможно объяснить сознание.

Не склонные к чрезмерному пессимизму авторы оценивают ситуацию с большей надеждой: в конце концов, вечная проблемность составляет сущность философской дисциплины. Нельзя не видеть, что в последние полвека произошел серьезный прорыв в понимании сознания, хотя, наверное, требуется передышка и некоторый период ожидания, когда появится новый концептуальный аппарат в философии и науке для более эффективного прояснения

Составные части и свойства лица грешника

Вслед за изменением соотношения составных частей человека и главных его способностей не могут не изменяться и существенные свойства его лица, ибо сие лицо есть центр и частей, и способностей. Потому состояние сих последних непосредственно отражается в первом и его определяет, как и обратно им определяется...

Теперь спрашивается, в каком состоянии соотношение составных частей существа человеческого и его способностей и существенные свойства прежде, чем человек станет жить по-христиански, и после того, как он решится на сие дело и окрепнет в нем?

Естественное отношение составных частей человека должно быть, по закону подчинения меньшего большему, слабейшего сильнейшему, таково: тело должно подчиняться душе, душа духу, дух же по свойству своему должен быть погружен в Бога.

этого загадочного феномена. Следует все же заметить, что авторов-оптимистов, не видящих резона в переносе раскрытия тайны сознания в неопределенно далекое будущее, гораздо больше; они убеждены, что ее нужно постигать сегодня имеющимися в наличии средствами, в противном случае нет смысла писать работы о сознании.

Как нам кажется, загадки сознания слишком велики, чтобы с ними можно покончить даже с помощью софистичной и вооруженной новейшими познавательными инструментами теории. Каждый шаг на пути к объяснению феномена осознающего себя интеллекта натывается на слишком грандиозную тайну, можно сказать, *Mysterium Tremendum* [потрясающая тайна]... ». Юлина Н.С. Тайна сознания: альтернативные стратегии исследования // Вопросы философии. 2004. № 10. С. 126–127; № 11. С. 162–163.

«Сознание человека — это сложное синтетическое явление, складывающееся как результат одухотворения психических процессов, с одной стороны, и развития и формирования интеллектуальных функций, воли, чувств, восприятия с другой. Сознание есть синтез многих интеллектуальных процессов. Это такое усложнение всех этих процессов, которое не соответствует их природе как таковой, но представляет собой сверхдушевный уровень бытия души. Без вмешательства духовной силы свыше понять процесс формирования сознания трудно. Именно поэтому сознание и есть плод духа, т. е. иное знание, “знание как бы извне”... В сознании дух связывает все воедино и становится хозяином души». Андрей Лорзус, священник. Православная антропология. С. 160.

В Боге должен пребывать человек всем своим существом и сознанием. При сем сила духа над душою зависит от соприсущего ему Божества, сила души над телом — от обладающего ею духа. **По отпадении от Бога произошло, и должно было произойти, смятение во всем составе человека: дух, отдалившись от Бога, потерял свою силу и подчинился душе, душа, не возвышаемая духом, подчинилась телу. Человек всем существом своим и сознанием погряз в чувственность**¹⁰³. Человек, до

¹⁰³ «Главное в происхождении невроза не стрессы и неприятности, а личность человека. Причем, личность, внутренне расстроенная. У святителя Феофана Затворника читаем о человеке, который не в состоянии управлять действующими внутри него силами, следующее: “Разум заоблачен, мечтателен и отвлечен, потому что не удерживается сердцем и не правится волею; воля своенравна и безсерда оттого, что не слушает разума и не смотрит на сердце; сердце неудержимо, слепо и блажно, потому что не хочет следовать указаниям разума и не отрезвляется силою воли. Но мало того, что силы сии потеряли взаимную помощь, они приняли некоторое враждебное друг против друга направление, одна отрицает другую, как бы поглощает ее и снедает”. Грех, как корень всякого зла, влечет за собой невротические расстройства. Совершаясь в глубине человеческого духа, он возбуждает страсти, дезорганизует волю, выводит из-под контроля сознания эмоции и воображение. По словам святителя Феофана, “внутренний мир человека грешника исполнен самоуправства, беспорядка и разрушения”. Глубокий невроз — показатель нравственного нездоровья, духовно-душевного разлада. Святитель Феофан Затворник указывает и на то, что “естественное отношение составных частей человека должно быть — по закону подчинения меньшего большему, слабейшего сильнейшему; тело должно подчиняться душе, душа духу, а дух же по свойству своему должен быть погружен в Бога. В Боге должен пребывать человек всем своим существом и сознанием. При сем сила духа над душою зависит от соприсущего ему Божества, сила души над телом — от обладающего ею духа. По отпадении от Бога произошло, и должно было произойти, смятение во всем составе человека: дух, отдалившись от Бога, потерял свою силу и подчинился душе, душа, не возвышаемая духом, подчинилась телу”... Неврозы справедливо называют запущенной формой страстей (имеется в виду страсть в святоотеческом понимании этого слова, как греховное расположение души). В глубинной основе разнообразной невротической симптоматики лежит оскудение любви в сердце человека, а там, где нет любви, зреют равнодушие, неприязнь, нетерпимость, раздражительность, гневливость, завистливость, страх и др.». *Авдеев Д.А., Невярович В.К.* Наука о душевном здоровье. Основы православной психотерапии. М., 2001. С. 164—166, 169.

приятия новой жизни в Господе Иисусе Христе, именно находится в этом состоянии низвращенного соотношения составных частей его существа, подобие которому представляет зрительная трубка, когда составные ее части вдвинуты одна в другую. Так слово Божие, говоря о грешниках, забывающих Бога, постоянно почти называет их плотскими, редко душевными, а духовными не только не называет, даже почитает их противоположными таковым.

Еще о первом допотопном мире сказал Бог: *не имать Дух Мой пребывать в человецех сих... зане суть плоть* (см.: Быт. 6, 3). Явно, что преданность плоти погашает дух и отчуждает от Бога. У пророка Давида говорится: *человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным, и уподобися им* (Пс. 48, 13), то есть честь богоподобия, отраженную в его духе, заменил скотством, предавшись плоти. Апостол Павел о состоянии людей до принятия благодати в христианстве говорит, что тогда они были во плоти, потому *страсти греховныя действовали в них* (см.: Рим. 7, 5), жили в *похотех плоти, творяще волю плоти и помышлений* (Еф. 2, 3), или, как говорит апостол Петр: *вслед плотския похоти сквернения ходили* (см.: 2 Пет. 2, 10). Апостол Иуда неверных прямо называет телесными, духа не имущими (см.: Иуд. 1, 19). И вообще в слове Божиим плотяности приписывается все зло. *Суици по плоти, плотская мудрствуют, мудрование же плотское смерть и вражда на Богу есть* (см.: Рим. 8, 5, 7), подчинившиеся коему *Богу угодити не могут* (Рим. 8, 8), почему *пожнут от плоти истление* (см.: Гал. 6, 8).

Душевность же в человеке, не принявшем благодати или потерявшем ее, как облако какое стоит между лицом человека и Богом, пресекая общение между ними. Тот, кто поработен преимущественно ей, или *душевен человек, не приемлет, яже Духа Божия* (см.: 1 Кор. 2, 14). Преобладание души, равно как и преобладание тела, есть отрицание жизни по духу. Святой апостол Иаков, перечислив страсти, коим удовлетворяет и по которым действует человек, не приемлющий яже Духа Божия, с большею

точностью прибавляет: *несть сия премудрость от Бога, но земна, душевна, бесовска* (см.: Иак. 3, 15). Слова: душевный, земной, не Божий — однозначительны...

Где же дух у такого рода людей? В них же; но, состоя в подчинении душе и телу, он заморен и совсем почти не действует свойственным ему образом. Его присутствие в них можно узнавать, с одной стороны, по безграничности некоторых душевно-чувственных стремлении, не свойственных душе и плоти по их природе, с другой — по бывающим нередко состояниям сих людей, в коих они отрешаются от земли, наперекор требованиям души и плоти. В последнем случае дух покушается как бы войти в свои права. Мучения совести, боязнь Судии Бога, постоянная тоска — это суть его действия на душу, его стоны, отзывающиеся в сознании душевном. Так в людях чувственных и душевных дух тлеет, как искра под пеплом. Возбуди его, или лучше, не мешай ему возбуждену быть словом Божиим, проходящим до разделения души и духа (см.: Евр. 4, 12), и он явится во всей своей силе и власти¹⁰⁴...

Условие к совершенству сознания, или к стоянию его в своем чине, есть возвышение нашего лица *и над собою, и над внешним миром*. Где нет сего возвышения, там сознание должно быть мутно, неопределенно, безотчетно, или приближаться к животному самочувствию. Но о человеке, до восприятия им благого намерения жить свято, по-христиански, о человеке, работающем греху и страстям, несомненно известно, что он *не возвышается над внешним миром*, а напротив, увлекается им, живет в нем, как бы сорастворяется с ним, почему и называется внешним, вне себя живущим, ушедшим из себя. В себя приходит он уже в обращении. Благосостояние внешних вещей своих он считает благосостоянием собственного лица, и напротив, неблагосостояние

¹⁰⁴ «Единство внимания и единство духа [т. е. единство души и духа] — единство и крепкая устойчивость личности в противоположность многообразному распаду личности, психическому калейдоскопу большого и грешного внимания». Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. С. 228.

их своим несчастьем. Оттого покушение на ущерб или самый ущерб в одежде, доме, мебели, месте и проч. глубоко потрясают его, поражают в самое сердце.

Не возвышается он также и над внутренним своим миром, но так же, как внешними вещами, увлекается и механизмом внутренних своих движений. Обыкновенно говорят: я задумался, был в забытьи, не помню, что со мною было и около меня... то есть в это время он увлекался движением мыслей; или: был вне себя от радости, убит горем, в сердцах вышел из себя... то есть предал себя движениям сердца; или: не вспомнишься в хлопотах и заботах: то нужно, другое нужно... то есть непрерывно гонят все вперед и вперед многообразные желания воли. Очевидно, что преданный греху не властен над внутренними движениями, а втеснен как бы в них, влечется ими, как воин, стесненный внутри полка. И это не на один только час, а постоянно. Таков уж закон его жизни внутренней: вестися, как ведомому.

Итак, у человека грешника ясного сознания быть не может. Его и нет. Он ходит как в тумане, как бы обуморенный, кружится как в вихре. Как полусонный слабо различает предметы от себя и полусознает только себя, таков и преданный страстям. Это явление очень странно: в гордости он никого не считает выше себя, а между тем сам себя слабо сознает.

Особенный оборот сознания есть *самосознание*, или *самопознание*. Оно преимущественно обращено внутрь и различает себя от своих действий, опять возносясь над тем и другим. Сие самосознание еще более слабо у человека страстного, лишенного благодати. Ибо для сего надобно *знать свои действия, знать себя* и отделять себя от своих действий. Но у него:

Нет достаточного знания собственных своих действий. Он не знает не только, что сделано вчера, даже ныне или за несколько часов. Он находится непрестанно в заботливом действовании, а не знает, что делать, как будто сии действия не от его лица происходили. Это оттого, что, слишком увлеченный потоком собственных действий, и оглянуться на себя не имеет он времени.

Нет знания себя, ибо это знание складывается из знания собственных действий и своего отношения ко всему прочему существующему. Но ни последнего, ни первого в нем нет. Потому он не скажет, что собственно он значит, что его ожидает, в каком он состоянии, какое главное его настроение, главный недуг и чем помочь ему.

Потому *нет и различения себя от своих действий*. Это опаснейшее из обольщений лица грешного. Все, что возникает внутри, считает он собственно собою и стоит за то, как за себя, как за свою жизнь. Оттого и отказать себе ни в чем не хочет. Между тем мало ли всевается в нас совне — от сатаны и мира, кроме того, что возникает от живущего в нас греха, которого тоже не следует считать собою?

По всем сим причинам и опытам надо полагать, что грешник не знает себя как следует.

Такое состояние сознания и самосознания у грешников, потерявших благодать, и у неверных, не принявших благодати, называется *сном*; почему к каждому из них говорит Апостол: *встань спи* (Еф. 5, 14); также *слепотою, сидением во тме*, и даже прямо *тмою*. Каждый из таковых *слеп есть, мжай, забвение прием* (2 Пет. 1, 9). Грешник живет в самозабвении, видит как во мгле, и даже больше, ходит как слепой. Посему Спаситель, как обещано было, и пришел *отверсти очи слепых, извести от уз связанныя, и из дому темницы сидящия во тме* (см.: Ис. 42, 7). Грешник, как в темнице какой, заключен во внутренней своей тьме самоневедения и самозабвения, из какой изводится Спасителем. Напоминая о сем благе, апостол Павел говорит: *Бесте бо иногда тма, ныне же свет о Господе* (Еф. 5, 8), то есть как прежде в вас, по густоте мрака, ничего не было видно, так теперь все видно, по благодати Господней...

Свобода состоит в том, чтоб располагать действиями без всякого насилия и увлечения совне или извнутри, прямо от лица. Отличительный ее признак — независимость и непринужденность. Если бы кто хотел сделать что по своему усмотрению, а

между тем бывает вынуждаем делать иначе, то свобода сия очевидно была бы в узах. Такою она изображена апостолом Павлом в человеке грешнике, о котором в своем лице говорит он: *не еже бо хочу, сие творю: но еже ненавижу, то соделоваю* (Рим. 7, 15). Сии узы налагаются:

Грехом, живущим в нас. Уже не аз сие творю, говорит там же Апостол, *но живый во мне грех... Вижду же ин закон во удах моих, противу воюющ закону ума моего, и пленяющ мя законом греховным, сущим во удах моих* (Рим. 7, 20–23). Силу сего греха больше всего испытывает, чувствует и знает по опыту тот, кто пришел в сознание своей господствующей страсти и собирается одолеть ее. Он видит, как ведется вслед своей похоти, влеком и прельщаем, как невольник (см.: Иак. 1, 14). Посему таковые в слове Божиим называются *рабами греха* (см.: Рим. 6, 16–17, 20), *проданными под грех* (см.: Рим. 7, 14); *имже бо кто побежден бывает, сему и работен есть* (2 Пет. 2, 19).

Миром. Над человеком, не приявшим благодатной силы, господствует сила и власть страстных обычаев мирских и духа, действующего в мире, до того, что ему и на мысль даже не может прийти решиться на что-нибудь противное. «Никак нельзя: так принято». Этим выражается общее сознание своего рабства духу мира. Поддерживается сия власть некоторою боязнью, или страхом за жизнь. Ибо иначе надобно выйти из мира, — куда же?! Посему в слове Божиим они и называются *порабощенными под стихиями мира* (см.: Гал. 4, 3), *ходящими по веку мира сего* (см.: Еф. 2, 2), *по преданию человеческому и по стихиям мира* (см.: Кол. 2, 8).

Диаволом. Он действует чрез мир и грех, в нас живущий; потому большею частью сокрыты узы его. Но если покаявшийся человек осмотрится и сообразит прежнюю свою жизнь, то найдет, что в пути его к погибели была соблюдаема самая хитрая сообразительность, не его, впрочем, и не других людей. Чья же? Очевидно, чья — человекоубийцы искони. Следовательно, надобно сказать, что каждый грешник, как и все грешники, суть

лица, состоящие в распоряжении злого духа, или суть рабы его. Рабство сие выражается в отвращении грешника от всего священного и в его бессилии привлечь себя к чему-либо такому. В слове Божиим грешники, чуждые Духа Христова и благодати его, прямо называются рабами дьявола, *содержащимися в области его* (см.: Деян. 26, 18) и сетях, и суть *живи уловлены от него, в свою его волю* (2 Тим. 2, 26).

Таким образом, и второе свойство, разумно-свободная самостоятельность, у людей, не приявших в себя благодатных, восстановительных сил, в худом и униженном состоянии. Напротив, у приявших сии силы она является в истинном своем значении.

Последнее, наконец, свойство человеческой природы — *жизнь* у человека грешника, по указанию слова Божия, совсем утрачивается. Оно почти иначе и не называет его, как мертвым, который только имя имеет, *яко жив*, а в самом деле есть *мертв* (см.: Откр. 3, 1). Мертвость сию оно *производит от греха* (см.: Еф. 2, 1–5; Кол. 2, 13), который *раждает смерть* (Иак. 1, 15), есть *жало смерти*, всех уязвляющее насмерть (1 Кор. 15, 56), и за которым *смерть* следует *как оброк* (см.: Рим. 6, 23).

Мертвящая сила греха состоит:

В отчуждении человека от Бога. Грешник *отчужден от жизни Божией* (Еф. 4, 18) и живет как бы без Бога (см.: Еф. 2, 12). Богообщение, вещи божественные и духовные составляют естественную пищу нашего духа, или как бы его стихию. Отпадши оттуда, он принужден теперь быть не в естественном себе месте и умирать, как без пищи и без воздуха.

В расстройстве сил и способностей. Жизнь человека состоит в гармоническом сочетании сил его природы и их взаимодействии, соответственно их природе. Если сие законное соотношение их отнято, как видели, то и жизни, и деятельности в человеке, свойственной человеку, нет. На вид он человек, а по настроению внутреннему — не истинный человек. Как инструмент расстроенный по виду есть тот или другой; а по звукам не знать какой, так судить должно и о человеке, которого внутреннее расстроено

грехом. В сем отношении надобно сказать, что в нем умерло, или утрачено, истинно человеческое, или то, что свойственно человеку. Как мертвый не видит, не слышит, не движется, так и человек грешник не видит, не слышит и не движется по-человечески: делает дела, но *мертвья* (Евр. 6, 1; 9, 14).

В отъятии и как бы убитии сил душевных и телесных. Грех назван ядом: и точно, он есть яд. Как ржа съедает железо, так он съедает душу и тело. Он отнимает у ума живость, сообразительность, быстроту, у воли — крепость и стойкость, у сердца — вкус и такт. Ядовитость же греха для тела всем очевидна. В сем отношении человек, работающий греху, есть то же, что умирающий, или томящийся предсмертно. Как ощутительно это выражается в непрерывном безотрадном состоянии человека грешника! Жизни свойственна радость, но нет радости у нечестивого.

По определению Божию на всяком человеке лежит закон: *смертию умреши* (см.: Быт. 3, 19). Всякий входящий в мир сей вступает в область смерти и чрез смерть временную должен подпасть смерти второй, вечной. Такой и есть естественный порядок жизни человека падшего и пребывающего в падении. Изменение в нем производится только Божественною благодатью. Она, пришедши, зарождает в человеке истинную жизнь во Христе Иисусе. (13. С. 190—211)

Составные части и свойства лица истинного христианина

В человеке же, прилепившемся к Господу Иисусу Христу и благодать Его приявшем, все сие имеет себя иначе. Как свойственно рабу Христову, он *распял плоть свою со страстьми и похотьми* (см.: Гал. 5, 24). С первого раза, когда только полагает еще намерение работать Господу, он определяет уже себя на самоумерщвление¹⁰⁵, а потом и постоянно не *по плоти ходит, но*

¹⁰⁵ «Тут есть великий парадокс, который начинаешь понимать лишь с годами, — что *иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю; а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю* [Мк. 8, 35]. Животворящие соки нашей личности, способные действительно дать ей жизнь и полноту содер-

по духу (см.: Рим. 8, 1, 4), *духом умерщвляя деяния плотския* (см.: Рим. 8, 13). Он как бы несть *во плоти, но в душе*, и не должен *плоти, еже по плоти жити* (см.: Рим. 8, 9, 12).

Привяв слово, проходящее до разделения *души и духа* (см.: Евр. 4, 12), он берет душу в свою власть и приносит ее в жертву Богу (см.: Мф. 10, 39), начинает *огребатися от плотских похотей, яже воуюют на душу* (1 Пет. 2, 11), подчинять ее *слову, могущему спасти* (см.: Иак. 1, 21), и таким образом преобразует ее всю, назидает ее *духом чрез веру или послушание истине* (см.: 1 Пет. 1, 22; Иуд. 1, 20), приучает ее *предавать себя в благотворение* (см.: 1 Пет. 4, 19), и *сердце ея обрезывает духом* (см.: Рим. 2, 29), и все богоугодное, *еже аще творит*, заставляет творить *от души*, чего прежде она не хотела (см.: Кол. 3, 23). Работая таким образом Богу *всею душою и от души* (см.: Еф. 6, 6; Мф. 22, 37), он обретает *покой душе своей* (см.: Мф. 11, 29), *прозревая кончину веры — спасение души* (см.: 1 Пет. 1, 9), что, как котву*, имел для души своей (см.: Евр. 6, 19).

Вследствие сего у него жизнь духовная совершенно поглощает жизнь плотскую и душевную. Он *прославляет Бога в душе и телеси* своем (см.: 1 Кор. 6, 20); у него все производится в духе и духом; служит он *Богу и работает духом и в обновлении духа* (см.: Рим. 1, 9; 7, 6; Фил. 3, 3), *тщанием он неленив* оттого, что *горит духом* (см.: Рим. 12, 11); *ходит духом и похотей плотских не совершает* (см.: Гал. 5, 16); *сеет в духе* (см.: Гал. 6, 8); *исполняется духом* (см.: Еф. 5, 18); к слушанию истины преклоняется духом (см.: 1 Пет. 1, 22).

жания, в сверхличном подвиге Христовом, который способен со временем так обострить наш слух, чутье и чувствилище души к тому, что творится рядом и вокруг нас, что тысячи личностей будут приходить к нашей личности, чтобы позаимствоваться жизнью от нее! Духовное состояние преподобного Сергия Радонежского или Серафима Саровского нельзя ведь назвать иначе как избытком жизни их личностей, когда к ним слетались птицы, чтобы укрыться под ветвями их дерева и попитаться около их личностей живительной влагой». Ухтомский А.А. Интуиция совести. С. 85–86.

*Котва (церковнослав.) — якорь.

Отчего так? — христианин ходит духом оттого, что *живет духом* (см.: Гал. 5, 25), что *Дух Божий живет в нем* (см.: Рим. 8, 9; 1 Кор. 3, 16); что он стал *храмом живущаго в нем Духа Святаго, наполнился Духом* (см.: 1 Кор. 12, 13; 1 Кор. 3, 16; Еф. 2, 22). Сей Дух, пришедши чрез слово, разделившее душу и дух, высвободил сей последний из теснивших его душевно-плотских уз, ибо где *Дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3, 17), и тем положил начало новой, духовно-благодатной жизни (см.: Рим. 8, 23). С таким обручением духа (см.: 2 Кор. 1, 22) зреет потом *потаенный сердца человек в неистлении кроткаго и молчаливаго духа* (см.: 1 Пет. 3, 4). Христианин больше и больше утверждает *Духом Божиим во внутреннем человеке; вселяется верою Христос в сердце его, в любви вкореняемое и утверждаемое* (см.: Еф. 3, 16—18); ибо *прилепляйся же Господеву един дух есть с Господем* (1 Кор. 6, 17); почему *вышних ищет, идеже есть Христос одесную Бога сядя, горняя мудрствует, а не земная, и живот его сокровен есть со Христом в Боге* (см.: Кол. 3, 1, 3).

Отсюда видно, что истинный христианин и нехристианин, или христианин ложный, по составным частям существа человеческого состоят в противоположности. Что у одного первое, то у другого последнее. У того первое — дух, у сего он заглушен; у того первое — плотность, у сего она отрицается, подавляется, распинается, умерщвляется. Средняя [часть существа] — душа подчиняется, очевидно, господствующему: у одного — духу, у другого — телу. Посему истинное соотношение частей существа человеческого: совершенный дух, душа и тело (см.: 1 Сол. 5, 23) — есть только у тех, кои соделались Христовыми. В них, следовательно, и истина человеческого существа; вне же христианства не истина, а ложь, как бы призрак человека.

Не показалось бы кому жестоким слово сие. Жаль некоторых язычников, так высоко стоящих во мнении, и некоторых именующихся христианами, силы же его отвергшихся, кои тоже не без заметных достоинств. Но потерпите. Чем дальше, все будет яснее и яснее раскрываться проводимая нами истина, что

истинно человеческая жизнь на деле может быть видима только в христианстве, в тех, кои сочетаются со Христом и приемлют Дух Его.

И действительно, сознание благодатно живущего во Христе совсем не то, что сознание работающего греху и страстям. Они отличаются как свет и тьма. Первое действие благодатного пробуждения грешника состоит в извлечении души из механизма его внутренней и внешней жизни и в возвышении над течением ее... Здесь, следовательно, полагается первая возможность сознанию истинному и полному. С сей минуты оно и начинается, ибо первый взор человека под действием благодати обращается на его существенные отношения; на них прежде всего падает свет ее. Затем уже внимательный к себе не сходит с сей высоты духа. Око его вознесено над всем своим и над всем соприкосновенным к нему, и все то сознает и видит он ясно, как страж какой.

Это свойство облагодатствованного в слове Божиим и в наставлениях подвижнических называется *бодрствованием и трезвением*. Механизм внутренней и внешней жизни поминутно порывается опять вовлечь их в себя, как в вихрь или пучину какую; они держатся в себе. Напряжение пребывать в себе есть подвиг трезвения, или бодрствования, самый важный и начальный в духовной жизни. По мере совершенства в трезвенной бдительности над собою возвышается и сознание.

Так заповедуется христианам *трезвиться и бодрствовать, трезвиться в молитвах, или бодрствовать в молитвах* (1 Пет. 5, 8; 4, 7), и вообще быть всесторонне бодрственными: *Вы же, братие, несте во тме, да день вас якоже тать постигнет. Вси бо вы сынове света есте и сынове дне: несмы нощи, ниже тмы. Темже убо да не спим якоже и прочии, но да бодрствуим и трезвимся. Спящии бо, в нощи спят... Мы же сынове суще дне, да трезвимся, оболкшися в броню веры и любви, и шлем упования спасения* (1 Сол. 5, 4—8). Такое стражничество над собою заповедуется христианам, следовательно оно в них есть как свойство.

То же изображается и в правилах святых подвижников, что есть новое доказательство того свойства христианина, что он ясно зрит себя, все свое и все вокруг себя. Так у преподобного Филофея пишется: от утра надлежит твердо содержать в памяти Бога и, непрестанно держа душевную молитву к Иисусу Христу, мужественно и непреклонно стоять при дверях сердца и на сей духовной страже убивать всех грешников земли*.

Вследствие сего и самосознание, как дальнейшее развитие, или особый только оборот сознания, состоит у истинного христианина на высшей степени совершенства. Так:

Ясно знает он свои действия, действия не только одного дня, но недель и годов, со времени пробуждения, знает не только численно, но по их силе и смыслу, с побуждениями, чистотою и нечистотою, вполне. Затем у него есть повседневная исповедь.

Различает себя от действий. На этом основана вся мудрая тактика в духовной брани, ибо самое первое здесь дело есть сознание врага. Затем всякое движение у него сейчас оценивается, откуда оно и что значит. Взор внутрь себя в сем отношении у него так глубок, что он не только вообще неправые движения видит, но и между ними различает свои от не своих. В этом и состоит известное у святых подвижников *различие вещей*, или *помыслов*.

Знает, что он значит сам, что его ожидает, в каком он состоянии, в каких отношениях к другим¹⁰⁶ ...

* См. *Преподобного отца нашего Филофея Синайского*. 40 глав о трезвении. Глава 2 // *Добротолюбие*. Т. 3.

¹⁰⁶ «Евангельский совет “не судить”, т. е. не осуждать собеседника, грозящий тем, что тут ты сам судишь и осуждаешь себя, говорит: когда интерполируешь лицо ближнего и собеседника в другую сторону, заканчивая образ его в отрицательную сторону, тем самым предпрещаешь для самого себя возможность совместного дела с данным человеком, и притом на основании твоих собственных отрицательных черт, которыми ты интерполировал своего собеседника! Собеседник твой таков для тебя, каким ты его заслужил! Тем, что не заканчиваешь его образ и не произносишь над ним окончательного суда, открываешь себе возможность его идеализировать, любить, проектировать и осу-

Из всех сих свойств слагается тот внутренний свет, который приписывается истинным христианам и по которому вся их жизнь называется *хождением во свете*, или *деланием в день* (см.: 1 Ин. 1, 7; 1 Сол. 5, 4–8)...

Что касается до *разумности*, она у них действует со всею силою уже потому, что они извлечены силою благодати из внутреннего своего механизма и вознесены над своими действиями; особенно же потому, что, с минуты обращения к Богу и воссоединения с Ним благодатью, всякое у них действие производится не иначе как по сознанию воли Божией на него, — всякое действие, и внутреннее и внешнее. Они уже *не ктому человеческим похотем, но воли Божией прочее по плоти живут время* (см.: 1 Пет. 4, 2). Жизнь по воле Божией есть в высочайшей степени жизнь разумная. Здесь воля Божия чрез покорный внушениям ее разум правит всеми делами и всем ходом жизни и ведет человека к последней его цели. Отсюда строй, целостность жизни.

И *свободным* в полном смысле можно назвать только того, у кого жизнь устроится показанным образом. Тот только и свободен истинно, *кого освободит Иисус Христос* (см.: Гал. 5, 1); там только и *свобода, где Дух Господень* (см.: 2 Кор. 3, 17). Пребывающий в Господе Иисусе Божественною силою Духа христианин наслаждается отрадным состоянием свободы (см.: Рим. 8, 2). Грех им не обладает (см.: Рим. 6, 7–12); из мира он изъят (см.: Ин. 15, 19) и не боязненно готов говорить истины пред владыками (см.: Мф. 10, 18); диавола и всю силу вражью он попирает

шествовать вместе с ним новую лучшую жизнь! Строить и расширять жизнь и общее дело можно лишь с тем, кого любишь; любить можно лишь того, кого идеализируешь; а идеализируешь лишь того, относительно кого ты допускаешь возможность лучшего и большего, чем он кажется сейчас; т. е. прогрессивная, ширящаяся, взаимно спасающая жизнь возможна лишь с тем собеседником, которого ты интерполируешь и проектируешь лучшими чертами, которые ты можешь почерпнуть в своих собственных нравственных ресурсах! <...>

“Любовь все терпит, всему веру емлет, не завидует, не ищет своего”. <...> Оттого-то она, и только она, открывает возможность общего человеческого дела на ниве Божией». Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. С. 128.

(см.: Лк. 10, 19). Поэтому он стоит как столп твердый, не колеблясь никакими противностями; никакие стечения обстоятельств не овладевают им; а напротив, он ими располагает по своему усмотрению или ведет себя среди них, не изменяя своего настроения и главных своих преднамерений...

Восприявший в себя благодать полагает в своем растлении нетленное семя, которое возрастает в древо жизни. Кто удостоивается сего, тот изымается из челюстей смерти, а кто нет, тот *пребывает в смерти* (1 Ин. 3, 14); *не веруяй не узрит живота* (см.: Ин. 3, 36). Так верующий, сочетаваясь со Христом, принимает *новую жизнь* (см.: Рим. 11, 15) и потому переходит *от смерти в живот* (1 Ин. 3, 14); *из мертвого становится живым* (см.: Рим. 6, 13). Это зависит от того, что при сем соединяется человек с Богом, источником жизни. Он уже *имеет в себе Сына*, а с ним *живот* (1 Ин. 5, 12) и принял *Духа животворящего* (см.: Рим. 8, 9, 11); *живот его сокровен есть со Христом в Боге* (см.: Кол. 3, 3); *ибо не ктому он живет — но живет в нем Христос* (см.: Гал. 2, 20).

Сила нового рождения и жизни начинает истреблять в человеке грех, а вместе с тем уничтожать и следствия греха — расстройство сил и частей его существа, или восстанавливать в нем жизнь истинную, которая в нем множится, растет, приходит от силы в силу и преисполняет его отрадою. А здесь, сподобившись приять духа жизни, он и вечно будет жить, ибо над ним смерть вторая не возымеет власти. Сия новая жизнь ныне сокровенна в искренне работающих Господу и даже большею частью сокрыта и от них. Она зреет как бы под покровом тления, строя и составляя там нового человека, или человека вечности. Но потом, как плод из древа или древо из семени, из него явится сия жизнь во всем свете. Силу свою она воспринимает постепенно, подобно закваске, постепенно исполняющей тесто, ибо постепенно изымлет из смерти части наши, одну за другою... Переполнивши же все, тленное оставляет тлению, а живое предает, или переносит, в область жизни, в мир божественный. (13. С. 193–212)

Два лица в одном сознании

Еже бо соделаю, не разумею: не еже бо хочу, сие творю: но еже ненавиждю, то соделоваю... Ныне же не ктому аз сие соделаю, но живый во мне грех (Рим. 7, 15, 17).

Выходит, что не я это делаю. Я тут не действующий, а действуемый. Кто-то другой завладел мною, берет меня, как связанного, и ведет, куда хочет, и я плетусь вслед его. Кто же это такой? Живущий во мне грех. Грех олицетворяется по силе влечения его, а человек обезличивается по причине слабости его ко греху и падкости на него. Апостол будто слагает вину с человека... Но на деле бывает так, что человек всегда самоохотно соглашается на грех. Не соглашайся он на грех, греха не было бы. И мы часто в речах своих говорим: что будешь делать? Никак не управлюся с собою, — как будто по необходимости какой делаем, что делаем, между тем как знаем, что все то делаем самоохотно. Так и слово Апостола не утверждает невольности греха и не отвергает самоохотности его. Обыкновенно бывает так, что до греха не хочет человек греха и по грехе не одобряет его, а когда грешит, и хочет греха и считает сделание грешного дела лучшим, нежели несделание. Кажется, будто кто сторонний пришел, взял его руки и ноги, и самую душу с ее мыслями, чувствами и желаниями, и сделал грех. На деле же — греховное возбуждение точно находит, но грешит человек сам, всем лицом своим, и не иначе как по самоохотном согласии на грех. Можно только недоумевать, что за тайна в грехе? Но обезвинять человека нельзя. (32. С. 425, 428—429)

Всякий человек двойствен, — и добр и недобр. У иного доброе преобладает, а у иного — недоброе. Но и у первого не молчит недоброе, а при всяком начинании добром предлагает себя вниманию, или прямо, или косвенно; и у второго не молчит доброе, а всегда напоминает о себе при всяком недобром начинании. Думается иногда, что недоброе в нас есть некое лицо злое, привившееся к естеству нашему, доброму по творению, — зорко за всем

в нас смотрящее и непрестанно подстрекающее с своими предложениями. (17. С. 449)

Собственно человек есть в нас то, что украшено богоподобными совершенствами, а все пришлое не есть человек, а являет только призрак человека, и не живет, а являет только призрак жизни, на деле же мертво, или, точнее, мертвяще в отношении к истинному человеку. Казалось бы, нам-то самим лично надлежало стоять на стороне правого, первобытного человека, но непонятно, что такое сделалось с нами. Мы отшатнулись от него и стали на сторону человека пришлого, страстного до такой степени, что только его и считаем мы *собою*¹⁰⁷; от этого и выходит, что какую бы страстью ни был одолеваем человек, он стоит за нее, как за себя; ему и на мысль не приходит, что он тут есть лицо деемое, а не действующее. Так, когда, например, он сердится — говорит, что стоит за себя; когда похотствует — говорит, что природа того требует; а между тем ни гнев, ни похоть, ни иная какая-либо страсть не есть *мы* и не принадлежит к нашей природе: это все пришлое, чуждое, враждебное нам и губящее нас. Сознание наше одно у нас. Оно составляет в нас то, почему мы — *лицо*, и принадлежит богоподобному духу. Когда говорят нам что-либо, то к нему обращаются, и когда требуют чего, от

¹⁰⁷ «Тут ужасно тесно спаяны между собой темы о Двойнике и о Собеседнике: пока человек не освободился еще от своего Двойника, он, собственно, и не имеет еще Собеседника, а говорит и бредит сам с собою; и лишь тогда, когда он пробьет скорлупу и поставит центр тяготения на лицо другого, он получает впервые Собеседника. Двойник умирает, чтоб дать место Собеседнику. Собеседник же, т. е. лицо другого человека, открывается таким, каким я его заслужил всем моим прошлым и тем, что я есть сейчас. <...> С того момента, как человек решится однажды вынести свою установку (свою доминанту) на Собеседника вне и помимо себя, приходит что угодно, но не «покой»: начинается все растущий труд над собой и ради другого, т. е. все больший и больший уход от себя в жизнь для ближайшего, встречного человека. Награда, и притом ничем не заменимая, в том, что избытию жизни и дела конца уже нет, о конце уже и не думается, а если он придет, о нем некогда будет думать». Ухтомский А.А. Доминанта. С. 358, 365.

него требуют. Но оно, как мы видим, перешло на сторону страстного человека и стало считать его собою, не будучи, однако же, им по природе, а составляя и долженствуя составлять едино с человеком, как он вышел из рук Творца. Заповедь Христа Спасителя — погубить душу, умертвить, или распять себя (см.: Мк. 8, 35), — должна быть принята нашим лицом в том его виде, в каком оно является по падении, когда оно считает *собою* человека страстного. Значит, когда предписывается нам погублять душу свою, умерщвлять себя, то предписывается умерщвлять и губить страстного в нас человека, образовавшегося в нас вследствие падения, которого мы считаем *собою* по обольщению. Если поступаем так, то истинный человек в нас освободится из под гнета человека пришлого и заживет свойственной ему богоподобною жизнью, а этот пришлый, призрачно живущий, исчезнет в нас, и во всем существе нашем водворится, таким образом, истинная жизнь, а исходить она будет из самоумерщвления. (19. С. 426—428)

Как пресечь раздвоение внутреннее

Спрашиваете: «Что надо делать, когда внутри раздвоение». Во-первых, ведайте, что это не худое что, а обычный оборот духовной жизни. Когда дух наш по действию благодати пробуждается, тогда он устремляется к Богу и все туда устремляет. Эгоистический же нрав и после сего все еще остается и выставляет права свои, влеча по старому обычаю к себе и чувство, и волю. Оттого все испытывают, как и Апостол: *хотящу ми творити доброе, вижу, что мне злое прилежит* (см.: Рим. 7, 21). — Вот и раздвоение. — Что тут сделать? Всегда принимать сторону духа, а требования эгоистического плотского человека отгонять, подавлять.

В сем духовная брань. Она коротка... Как только заметите движение внутри противное духу... отвергайте сердцем, некоею неприязнью поразите сие движение, — и тут же к Господу обращайтесь молитвенно, и Он поможет. — Искреннее отвержение

недоброю и искреннею молитва к Господу всегда побеждают; и раздвоение внутреннее пресекают¹⁰⁸. (6. С. 58—59)

Спросите, как совершается [пресекается] самое раздвоение? Отвечаю: оно совершается [пресекается] силою и действием покаяния. Ибо что есть покаяние? Вот что! — Начинает человек мерзить всем нечистым, страстным и греховным, и желая избавиться и очиститься от того, полагает твердое намерение посвятить жизнь свою Господу и исполнению Его святых заповедей, ни в чем не поблажая страстям и не поддаваясь более их влечениям. Вот что есть покаяние! (22. С. 20—21)

Условия нравственных деяний лица

Условия сии суть: а) самосознание и б) свободная самодеятельность.

а) *Самосознание*. — Лицо, способное и обязанное к нравственным деяниям, должно быть в своем разуме, или должно познавать себя, настоящее свое положение и свои отношения. Кто вне себя, не в своем уме, не сознает себя, того действия не имеют нравственного чина, — каковы действия слабоумных, расстроенных в уме, погруженных в сон или еще не опомнившихся от сна¹⁰⁹.

¹⁰⁸ «Все дело в том, чтобы ежеминутно быть в бдительном подвиге пред лицом Собеседника (будет ли это ближайший человек или Первый и Последний Собеседник <...>), — скажем мы. “В одно мгновение совершается спасение или погибель человека”, — говорит Исаак Сирий. Это оттого, что мгновение принесло тебе задачу и вопрос; и, смотря по тому, что ты заготовил в себе, ты отвечаешь полностью, как единый и собранный в себе деятель; или, — если ты озирающийся вспять, — отныне идешь надломленный с сознанием своей раздвоенности или даже множественности: “Легион имя мое, потому что нас много!” Идешь отныне “стена и трясьйся”, как Каин!» *Ухтомский А.А.* Интуиция совести. С. 439—440.

¹⁰⁹ «Если до старости не успеешь овладеть при свете высшего сознания твоими внутренними врагами, которые кроются в твоём подсознательном, они выйдут наружу и уродливо дадут себя знать в тебе, когда в старости потускнеет твоё владычествование ума!» *Ухтомский А.А.* Интуиция совести. С. 370.

Такое, впрочем, сознание должно быть не таково только, каково общее сознание естественное, в коем человек отличает себя как себя в том круге, где существует; но должно быть еще сознанием собственно нравственным, называемым *самосознанием*, — в коем человек сознает себя лицом, обязанным к целесообразной деятельности, к делам ответным, подлежащим отчету. Почему дети, еще не дошедшие до такого самосознания, во всем худом извиняются и своим добром подают только надежды, хоть еще нерешительные; равно как наоборот, подвергаются сильному укору взрослые, когда позволяют себе забываться и действовать не по-человечески и не по своему положению и месту.

б) *Свободная самодеятельность*. Несмотря на то что человек сознает себя лицом, и лицом нравственным, не все, однако же, происходящее от него и в нем, причитается ему как лицу, или есть нравственно. — Нравственные действия впечатлеваются особенными свойствами. Во-первых — они суть неизбежно действия *сознаваемые*, ибо исходят от лица, сознающего себя, — и ему причитаются. — Как же может причитаться что ему, когда он о том и не знает? Например, обращение крови, питание и рост тела, равно привычные движения рук, ног и других членов. Не всякое, впрочем, и сознаваемое действие должно быть приписываемо человеку как лицу. — Множество бывает в сем действий, кои, хотя и сознаются им в себе, однако ж происходят совершенно без его ведома, не им самим производятся. — Таковы все естественные движения его сил и потребностей.

Итак, к сознанию должна еще присоединиться *самодеятельность*, — то есть *самоначинание, самоизбрание*. Чтоб известное дело приписать к какому лицу, необходимо, чтоб оно *им самим* было *начато и произведено* намеренно: причем, так как сие лицо сознает себя нравственным, характер *нравственности* переходит и на самое дело. — Сей характер может перейти на те действия, кои происходят не по его воле, но не иначе, как когда он даст на них свое *вольное согласие*, ибо в таком случае он усваивает их себе, — избирает, делает своими. С сей минуты они начинают

причитаться ему и им самим, и другими. Так гнев родится сам собою; но когда человек согласился на него, тогда уже сам начинает гневаться. Напротив, если кто, чувствуя невольное движение гнева или другой страсти, не соглашается на то, а преодолеть их напрягается, то они не вменяются ему, хотя находятся в нем. Сей акт согласия очень многозначителен в жизни и, можно сказать, столько же, если не более, многообъемлющ, как и самоначинание. Ибо на его долю причитается не только то, что происходит внутри нас или что производится нами, но и другими — независимо от нас. — И чужое дело, в коем как-нибудь вмешалось наше согласие, тоже причитается нам. Отсюда следует, что все то вменяется лицу человека и есть нравственно, что сознательно им избрано и на что сознательно он согласился. — Очевидно после сего, что для человека, чтоб выдержать характер нравственного лица, обязательно — быть *господином своих действий*, распоряжаться ими по усмотрению своему и своей цели, — а не быть ведомо течением внешних обстоятельств или своих внутренних душевных движений. (13. С. 70—74)

Но какую смешанную и жалкую картину представит нравственная жизнь человека, если пересмотреть ее с сей точки зрения! — Как многое делается в неведении, забвении и невнимании. — Это часть, потерянная для доброй нравственности, хотя не для суда. Как многое унижается или тоже похищается такими случаями, в которых то сознание подвергается насилию, как, например, в гневе и страхе, то самодеятельность подрывается, как в страстях и греховных привычках? Между тем внешние происшествия, располагающие к свободным начинаниям, и внутренние движения, выманивающие согласие, не всегда согласны с законом и всегда почти беспорядочны. — Почему нравственная деятельность человека *скудна, смешанна* и даже безобразна? — Причина сему прямая в потере нравственной силы. — *Сия сила воскрешена или восстановлена в христианине благодатью Божиею.* (13. С. 74)

Граница между христианской и общенравственной психологией

Прилагая последнее свойство [самосознание] к христианину, должно обязать его к особенному некоему самосознанию, — именно христианскому. Что оно должно быть в нем особенное, видно из того, что в перерождении он стал иным — новым, не мысленно, но делом; почему должен был переродиться и в самосознании. Что должно входить в состав сего самосознания, видно из того, каким он вошел в купель Крещения или Покаяния и каким вышел из него, или чем стал в нем. Погибал, — и вот избавлен; был в ранах, — и вот исцелен; был отвержен, — и вот принят в сыновство; своевольничал, — а теперь связал себя послушанием, по обету. — Все сие должно отзываться в его сердце и составлять в совокупности одно то, чем он чувствует себя во Христе Иисусе. — В чувстве исцеления и свободы, — он должен сознавать себя Христовым рабом, работать и трудиться как бы от Его лица, пред Ним и ради Него, до того, чтоб с Апостолом говорить: *живу не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). Сие самосознание христианское так бывало сильно во многих из первенствующих христиан, что на все вопросы мучителей они отвечали только: я раб Христов, я раб Христов.

И вот первая черта христианской нравственности, или первое свойство лица, действующего по-христиански! — Раб, сознавая себя рабом, действует в отношении к господину как раб; сын, сознавая себя сыном, действует пред отцом как сын; так что потеря сего сознания есть вместе начало их уклонения от своего порядка. И христианин с сознанием себя рабом Христовым должен исходить на деятельность. — С погашением сего сознания его действия если и не становятся худыми, то теряют в большей или меньшей мере характер *христианских* и поступают в разряд дел общенравственных. Между тем христианин есть лицо не общенравственное только, а нравственное по-христиански.

Если таким образом, от такого самосознания получает свой характер вся деятельность христианина, то свет его должен гореть в

душе его, не погасая, не умаляясь, а возрастая, по самый конец жизни. Потому-то преосвященный Тихон [Задонский] вот какое правило написал для всей своей паствы: «Краткое увещание, что всякому христианину от младенчества до смерти всегда в памяти содержать должно — помни, 1) что при Крещении Святом чрез отца и мать крестных отрекся ты сатаны и всех дел его, и всего служения его, и всея гордыни его, и сие учинил троекратным отречением. 2) Отрекшись сатаны, ты обещался троекратно же служить Христу Сыну Божию, со Отцом и Святым Его Духом. — Итак, ты на Крещении в службу Христу записался и присягнул так, как воины и прочие Царю земному в службу записуются и присягают. Сие в памяти содержать, домашним внушать, а особенно малым детям, чтоб, помня свое обещание, от малых лет приучались они к благочестию»...

Почему, вступая на поприще нравственной деятельности, настоящий христианин, с сознанием своего долга работать Христу, — имеет одну исключительную цель ходить в воле Его: дал обет на то, пламенеет ревностью, а главное, принял силу. — Стоя на прочном основании, он властно располагает своими делами и направляет их все к показанной цели, не позволяя никакого уклонения. Вот как именно поступает он:

С первого раза узнает для себя требования христианского закона, — размышлением, чтением, слышанием, беседою, — сколько может и сколько сумеет.

Построевает соответственно сему знанию весь порядок своей жизни — и внешней и внутренней, — по крайней мере в общих и главных ее частях.

Наконец, правит собою и своими делами по своему плану, — не увлекаясь, как сказано, ни внешним ходом соприкосновенных происшествий, ни внутренними движениями своей природы.

Сего требует и желание сердца, решившегося работать Господу во всех путях жизни, и то свойство облагодатствования, по коему человек воцаряется в себе и становится полным своим владетелем и распорядителем. — Не иное заповедуют Апосто-

лы, когда повелевают трезвиться, бодрствовать, — себе внимать (см.: 1 Пет. 5, 8; 1 Кор. 16, 13; 1 Тим. 4, 16). Ибо этим, очевидно, заповедуется сознательное и осмотрительное распоряжение своею деятельностью, распоряжение своеличное, хотя в произвольном подчинении воле Божией. Что другое внушает Апостол и когда учит созидаться в храм духовен, в святилище Богу? (см.: 1 Пет. 2, 5; Еф. 2, 22). Ибо это значит устроить свою жизнь по известному плану, вести ее стройно, в постепенном возвышении и усовершеннии, в полном убеждении, что она ведется по чертежу небесному — божественному, каков есть закон христианский, изображенный в слове Божиим Самим Господом и Апостолами. (13. С. 70—75)

***Личная свобода в том,
чтобы свободно подчинить себя воле Божией***

Свобода принадлежит лицу человека и составляет его характеристическую черту. Своими мыслями, желаниями, чувствами и соответствующими им делами должен заведывать сам человек. В сем смысле он сам для себя есть правительственное лицо. Ближайшие к сознанию силы составляют его внутренний совет, с помощью которого он решает все свои дела и начинания. Требования поступают к человеку с разных сторон, и совне и изнутри, но, при всей силе их, самого действия, внушаемого ими, никогда не бывает до тех пор, пока не последует сознательного решения на него от самого человека. В сем-то решении, или согласии на дело, состоит существо свободы. Насильно не может исторгнуть его никакая сила. Одно слово: не соизволяю — обезоруживает всякую власть и всякое насилие.

Таким изображается человек повсюду в слове Божиим. Здесь самые необходимые для него распоряжения предлагаются его свободе и избранию. Так Моисей, изобразив Израилю, в чем его живот и смерть, благословение и клятва, убеждает его: *избери себе живот, да живешь ты и семя твоё* (Втор. 30, 19). *Изберите сами себе*, — говорит тому же народу Иисус Навин, — *кому*

послужите (Нав. 24, 15). То же самое слышим и от Сираха: *предложил ти огонь и воду, и на неже хоцещи, прострещи руку твою. Пред человеком живот и смерть, и еже аще изволит, дастся ему* (Сир. 15, 16–17). И Спаситель, пришедши на землю, не связывает свободы, но предлагает на выбор: *иже аще хоцет по Мне ити...* и проч. (Мф. 16, 24); *аще хоцещи совершен быти...* (Мф. 19, 21). Не насильно входит в дом души, а *стою*, говорит, *при дверех и толку, аще кто услышит* (Откр. 3, 20). «Бог насильно не влечет нас, — говорит святой Златоуст. — Он дал нам власть избирать худое и доброе, чтоб мы были добры свободно. Душа, как царица над самой собою и свободная в своих действиях, не всегда покоряется Богу, а Он не хочет насильно и против воли сделать душу добродетельною и святою. Ибо где нет произволения, там нет и добродетели. Надобно убедить душу, чтобы по своей воле она сделалась доброю».

В свободе дана человеку некоторая независимость, но не с тем, чтобы он своевольничал, а чтобы свободно подчинил себя воле Божией. Добровольное подчинение свободы воле Божией есть единое истинное и единственно блаженное употребление свободы. Воля Божия есть начало, по которому человек должен располагать свои действия. Ею одною решительно надлежит руководствоваться ему в своеличных распоряжениях. Под этим только условием его свобода получит простор и широту, ибо ни в самом человеке, ни вне его ничего нет свободного. Все устроено по определенным законам воли Божественной, которая после сего одна и остается совершенно свободною. Посему приличным поприщем для свободы может быть только воля Божия. Подчиняясь ей, свобода человека становится как бы неограниченною, или вступает в безпредельную некоторую область: *хождах в широте, яко заповеди Твоя взысках*, говорит пророк Давид (Пс. 118, 45). «Смотри, какие неизъяснимые тайны совершаются в душе, — говорит Макарий Великий, — как расширяются и распространяются помыслы ума ее и в долготу, и в широту, и в глубину, и в высоту всего видимого и невидимого творения»

(Духовные беседы. Беседа 46). Напротив, при другом каком-нибудь употреблении свободы, с одной стороны, постраждет благо человека, с другой — самая свобода попадет в стеснительные узы. Весь человек в своем составе и силах, равно как и весь порядок окружающих его вещей, запечатлены законом Божественной воли. Если человек с такими силами и в таком мире начнет действовать по чуждым воле Божией началам, то он необходимо войдет в противоречие и с собою и с миром: будет расстроивать себя и подвергнется бедственному влиянию совне, то есть человек неизбежно будет бедствовать и страдать. Мало того, самое употребление свободы его ограничится. Самовольно уклоняясь от воли Божией, человек неизбежно попадает в некоторые узы и теряет значительную часть возможных для него совершенств. «Если свободен человек, — спрашивает святитель Тихон [Задонский], — то ему можно делать все, что хочет? — и отвечает: Нет. Не в том свобода, чтобы жить своевольно. Это не столько свобода, сколько рабство — истое, тяжкое. Непокорные Богу подпадают под тяжкое иго мучителя — дьявола и греха, делаются беднейшими пленниками страстей и состоят под клятвою законною». Так человек — тварь свободная, уклонившись от воли Божией, впадает в область мрака, объятую гневом Божиим, где поступает под власть сатаны, греха и страстей, в нем самом и в других свирепствующих. (13. С. 38—41)

**Осознание необходимости
добровольно покориться воле Божией**

Хотя Бог даровал нам свободу и, следовательно, некоторую независимость, однако ж хочет, чтобы мы непременно достигли своего назначения и именно — путем Его заповедей. Посему не попускает нам безнаказанно ходить в волях сердца, а преследует судом, чтобы преклонить к повиновению. *Не даде ослабы ни единому же нечестивати*, говорит Сирах (Сир. 15, 20). Посему, хотя говорит: *аще хотите* (Мф. 19, 17; 16, 24), — но вместе прибавляет: *аще не хотите, ниже послушаете Мене, меч вы*

пояст. Уста бо Господня глаголаша сия... Не престанет бо ярость моя на противныя до тех пор, пока не покорятся (Ис. 1, 20, 24; Прем. 12, 28)...

Воля же Божия должна быть священна для нас потому, что есть воля Божия. Бог — Царь наш. Мы безпрекословно, однако ж охотно, должны повиноваться всему, на что есть Его определение. Одно имя — Бог должно заставлять нас преклоняться пред Его повелением, ибо Он Владыка всего. Посему, когда дается заповедь или изрекается суд на какой-нибудь народ в слове Божию, всегда говорится: *так* или *сия глаголет Господь*. Ибо *кто есть рекии противу Ему?* как говорит Иов (см.: Иов. 23, 13).

Такое безусловное и вместе свободное повиновение Богу само собою образуется в нас, с одной стороны, из сознания того, что Бог есть наш Творец и Промыслитель. Жизнь наша от Бога, силы от Бога, наша участь и все, что есть у нас, тоже от Бога: как же не повиноваться Ему? Посему 24 старца, поклонившись Богу Вседержителю, так воспели: *достойн еси Господи, прияти славу и честь и силу: яко Ты еси сотворил всяческая, и волею Твоею суть, и сотворено* (см.: Откр. 4, 11). Пророк Давид молится: *вразуми мя, и научуся заповедем Твоим*. Почему же? — Потому, что *руце Твои сотвористе мя, и создасте мя* (Пс. 118, 73). Далее он же исповедует Богу: *закона Твоего не забых... оправданий Твоих взысках*. Почему же? — ибо *Твой есмь аз... душа моя в руку Твоею вьну* (см.: Пс. 118, 94, 109). С другой — из сознания того, что Он же есть наш Судия и Мздовоздатель...

Эти-то два ощущения, которые, впрочем, не всегда сознаются ясно, печатлеемые со всех сторон в сердце, образуют в нем благоговейный страх, или чувство всесторонней зависимости нашей от Бога, которое и заставляет нас добровольно покоряться определениям воли Божией, или закону. В душе нашей сие именно чувство всесторонней зависимости от Бога служит единственным основанием подчинения нашей свободы закону. Поэтому всякий раз, как слабеет сие чувство, люди предаются беззакониям, и наоборот — предающиеся беззакониям утешают

себя некоторою независимостью от Бога. *Глаголют же Господеви: отступи от нас, путей Твоих видети не хотим. Что Достойно, яко да поработаем Ему** (Иов. 21, 14–15). *Не узрит Господь, ниже уразумеет Бог Иаковль* (Пс. 93, 7). *Тма окрест мене, и стены закрывают мя... грехов моих не вспомянет Вышний* (Сир. 23, 25). Так и Василий Великий говорит, что все зло происходит оттого, что оставляют великого и истинного единого Царя всех и Бога... и хотят лучше властвовать вопреки Господу, нежели сами быть под властью у Господа. Вообще источником нечестия в слове Божиим почитается богозабвение (см.: Втор. 32, 18) и отступление от Бога (там же, 15).

Но и это чувство всесторонней зависимости есть только посредствующее, так сказать, звено между законом и свободой. Самое сочетание свободы и закона опять производится самопроизвольным подчинением себя закону, или воле Божией. При всех основаниях не связывает нас насильно Бог, но оставляет нас на свободе, чтоб мы сами покорили и предали Ему в жертву свою свободу, — единственное, какое может человек сделать от себя приношение Богу, достойное Бога. В жертвоприношении свободы Богу состоит истинный характер нравственно-благочестивой жизни, или, что то же, он состоит в решимости не иначе располагать своими внутренними и внешними действиями, как по воле Божией. Сею решимостью начинается и поддерживается нравственная жизнь человека...

Заключим из сего, что когда человек, в чувстве всесторонней зависимости своей от Бога, определит себя, или решится, на неуклонное и всегдашнее хождение в воле Божией, или законе Божиим, — то он будет у своей цели, или выполнит свое назначение. Ибо можно сказать всякому: решишь и исполняй закон, и будешь находиться в постоянном общении с Богом. Вместе с тем, как покорит себя Богу человек, Бог усвоится человеку, а

* *Они говорят Богу: отойди от нас, не хотим мы знать путей Твоих! Что Вседержитель, чтобы нам служить Ему?* (Иов. 21, 14–15).

человек — Богу. Ибо так говорит Сам Господь: *будут Мне в людях, и Аз буду им в Бога: понеже обратятся ко Мне всем сердцем своим* (Иер. 24, 7). Святой пророк Давид говорит: *часть моя еси, Господи, рех сохранили закон Твой* (Пс. 118, 57), т. е., желая навсегда иметь Бога своим, или, что то же, быть в общении с Ним, святой Пророк решает всегда исполнять Его святой закон. У Иова это изображается под видом дерзновения к Богу. Он говорит, что обратившийся ко Господу и смирившийся пред Ним имеет Его Помощником своим и сам возымеет *дерзновение пред Богом, возрев весело на небо* (см.: Иов. 22, 26); а нечестивый — *еда имать когда дерзновение пред Ним?* (см.: Иов. 27, 10).

Отсюда норму нравственной жизни вообще можно выразить в следующем правиле: *исполняй волю Божию, чтоб быть в общении с Богом*, или: *пребывай в общении с Богом деятельным исполнением Его святой воли*. Это правило изрекается непрерывно во всем пространстве слова Божия, и исполнение его поставляется источником всех благ, а неисполнение — всех зол. Аврааму Бог обещает благословение — и не ему только, но и семени его по нем, под условием благоугождения: *благоугождай предо Мною* (см.: Быт. 17, 1); Бог избрал народ Израильский, и этот народ предает себя Ему, единодушно взывая: *вся, елика глагола Господь, сотворим и послушаем* (Исх. 24, 7). И Спаситель говорит: *не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное: но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех* (Мф. 7, 21). (13. С. 45—48)

Свободная жертва Богу ума, воли и сердца ради вечного блаженства

Итак, вот первый закон христианину! Будучи воцарен над собою и облагодатствован, владычествуй над всем, что у тебя, но себя всего приноси в жертву Богу в Иисусе Христе. Сия жертва не смерть, а истинная жизнь...

Лицо человека состоит из тела и души. Отсюда и жертвы душевные и телесные. Прославите убо Бога в телесех ваших, и в

душах ваших, яже суть Божия (1 Кор. 6, 20). Возобладай над душою и вознеси ее Богу; возобладай над телом и принеси в жертву его Тому же Богу (Рим. 12, 1).

Что касается до души, то вот закон: погуби душу свою — и спасешь ее, не погубишь — погубишь; так заповедал Спаситель (см.: Мк. 8, 35). Это погубление уже совершается в деле нового рождения; ибо где целое, там и часть. Однако ж и всякий раз, как склоняется христианин к душе, должен он иметь во внимании, что ее надо губить и в целом и в частях. Это есть истолкование самоотвержения. Повергни себя под ноги и попирай без жалости. Кто не имеет и не хранит сего расположения, тот никак не совладеет собою. Он может измучиться в трудах, но плода не увидит. Не погубивший души все добро свое губит и весь труд свой делает тщетным. Это главное. Теперь по частям.

Надлежит все в себе заклать и вознести к Богу в жертву для освящения, или восприятия истинной жизни. Итак:

1) *Принеси в жертву Богу ум*, чтоб умудриться. *Буй да бывает, кто хочет быть премудрым*, говорит Апостол (см.: 1 Кор. 3, 18). Богу преданный ум преисполняется от Него истинною мудростью. Итак, отними у своего ума своеволие, возобладай им и предай его Богу. Отсюда для христианина обязательно *не иметь своего ума*, или, как говорят святые подвижники, не составлять своего разума. Эта обязанность исполняется, когда христианин, признавая что истинным, признает не потому, что находит таким по своему соображению, но потому, что так написано и предано Богом; когда, принимая заповедь и догмат, не допытывается: *почему*, не спрашивает в недоумении: не так ли? и не предлагает суемудренно: не лучше ли так? а детски верит преподаемому и успокоивается в нем.

Когда таким образом ум покорен и сделан безпрекословным приемником, следует его наполнять преданными нам святыми истинами. Это — обязанность *иметь ум Христов* (см.: 1 Кор. 2, 12–16), или стяжевать истинную мудрость, от Бога нисходящую и все обнимающую. Что есть все сущее, откуда оно, какова

участь всего; что человек, чем был, что стал, что ожидает его, какой путь к вечному блаженству, — вообще весь состав веры должен вместились в уме, сораствориться с ним и содержаться им сознательно...

2) *Принеси в жертву Богу волю*, чтоб освятиться и иметь силу. Когда отказывается человек от своей воли, то приходит Господь и приносит ей святость и силу, то есть святые правила и начала деятельности и силу ходить в них и хранить их. Итак, христианину свойственно *не иметь своей воли*. Что ни делаешь, делай не потому, что хочется, а потому, что должно, что на то есть и того требует воля Божия, каким бы образом сия воля ни приходила. В слове Божиим нет ни малой снисходительности к ходящим в своих волях, и святые отцы заповедают не только не делать по своему хотению, но напротив, всегда поступать наперекор ему...

3) *Принеси в жертву Богу свое сердце*, чтоб облаженствоваться. Сердце не может не быть обладаемо чем-нибудь. Но оно страждет несытостью и тоскою, когда обладает тварями. Надобно исторгнуть его из сих уст пристрастия и отдать Богу. Мера сего жертвования есть мера блаженства. Обязанность сия прямо заповедуется в словах: *сыне, даждь ми сердце* (Притч. 23, 26), и сокрытно — в предписаниях *радоваться безпрестанно* (см.: Флп. 4, 4; 1 Сол. 5, 16), *мир иметь* (см.: 2 Кор. 13, 11; Евр. 12, 14). Отсюда, христианину свойственно *не иметь своего сердца* для себя, или не полагать своим чувствам и влечениям, не тем услаждаться, что нам нравится, а тем, что Бог объявил благом, радостным, блаженным. Это то же, что отрешать сердце от всего. Где не соблюдается сие, там качествует своенравие сердечных чувств, тиранское, подобное своенравию ума и воли...

Этим же прямо определяется и правило относительно чувств отвне навеваемых, даже невиннейших, возбуждаемых предметами эстетическими. Услаждение последними может быть позволительно только в таком случае, если их содержание взято из мира божия, или если они бывают представителями того мира,

и в такой форме, в какой может быть то терпимо истинным духом благочестия. (15. С. 411—417)

Что такое я и как с ним быть

К существенным свойствам человека принадлежит то, что он одарен *сознанием*, может говорить о себе — я, или есть лицо... Вопрос ваш, — как быть с *я*? очень естествен в душе, вступившей в путь к самопознанию. Как быть? Тереть его и стереть в порошок... Камень взять... тот, что, отторгшись от горы, стер в порошок истуканы. Вся жизнь на это назначается... Прием к сему прост: не слушать *я* — и идти ему наперекор. Дела его: своему уму верить, своей воле следовать, своему чувству сочувствовать. Самое осязательное обнаружение его жизни есть — саможаление... Отречение от всяких проявлений *я* и делание наперекор ему есть его стирание... Заповедь о сем слышали из уст Самого Господа: *да отвержется себе* (Мф. 16, 24). Начните наблюдать над собою... и замечайте проявление своего *я*... и затем — идите против... во всем, и большом и малом¹¹⁰. (13, С. 189; 6. С. 66)

Стесним три силы души для Царства Небесного

Возлюбим христианские догматы и стесним ими ум свой, заповедав ему уместовать так, а не иначе; возлюбим христианские правила жизни и стесним ими волю свою, понудив ее смиренно и терпеливо нести благое сие иго; возлюбим все руководительные, исправительные и освятительные христианские чины и службы и стесним ими сердце свое, обязав его перенести вкусы

¹¹⁰ «Только там, где ставится доминанта на лицо другого, как на самое дорогое для человека, впервые преодолевается проклятие индивидуалистического отношения к жизни, индивидуалистического миропонимания, индивидуалистической науки.

Ибо ведь только в меру того, насколько каждый из нас преодолевает само себя и свой индивидуализм, самоупор на себя, ему открывается лицо другого. И с этого момента, как открывается лицо другого, сам человек впервые заслуживает, чтобы о нем заговорили как о лице». Ухтомский А.А. Доминанта. М. — Л., 1966. С. 94.

свои от земного и тленного к этому небесному и нетленному. Пусть будет тесновато, так что ни направо, ни налево нельзя уклониться, но зато несомненно, что по этому тесному пути войдем в Царство Небесное¹¹¹. Ведь Царство это есть Царство Господне, и путь к нему начертан Самим Господом, есть ли тут смысл, чтобы желать каких-либо отмен, когда через них непременно собьешься с пути и погибнешь? (19. С. 458—459)

¹¹¹ Естественнo-психологические закономерности тесного пути в Царство Небесное в краткой форме приведены в следующем высказывании, подробное раскрытие которого дано в примечаниях, указанных соответствующими номерами:

«Молитвенная дисциплина^{108, 132} есть по преимуществу дисциплина всеобъединяющего внимания,^{94, 104} освещающего все уголки и тайны подсознательного¹⁰⁹, соединяющая и собирающая личность^{101, 104} в одно деятельное целое,^{97, 107} скрепленное притом могучею эмоцией, — эмоцией любви^{106, 123} ко всякому Бытию!» Ухтомский А.А. Интуиция совести. С. 369—370.

Глава восьмая

ХРИСТИАНСКАЯ
ПЕДАГОГИКА

1. Цель и программа христианского воспитания

Исходные положения христианского воспитания

Вдунул Бог дыхание жизни, и стал человек по образу Божию. То же и в возрождении: дуновением Духа Божия, Который неведомо откуда и как приходит, полагаются начала новой жизни и восстанавливается образ. Это – точка отправления; отсюда начинается труд возведения образа в совершенное подобие. Возрожденный по образу Создавшего Господним Духом преобразуется от славы в славу, но не без нас; наш труд и старание, а созидает и возвращает Бог благодатью Пресвятого Духа, по вере в Господа.

Вот идеал и способ осуществления в себе образа и подобия Божия! А сколько пишут и толкуют о воспитании! Между тем в слове Божиим все оно определено несколькими словами. Возьмись только осуществить предписанное, и воспитание само собою пойдет успешно к цели. Это Божий путь; но он не исключает путей человеческих, напротив, дает им направление и венчает успех. Когда же остается одно человеческое, тогда воспитание обыкновенно бывает недостаточно, с ущербом, а нередко и совсем извращает воспитываемых; затем дальше и жизнь вся идет криво. Где умножаются криво воспитанные, там и все общество более и более начинает кривиться и в жизни, и в воззрениях своих. Конец – всеобщее искривление: кто гнет в одну сторону, кто в другую. (12. С. 118)

Что значит просветить ум и образовать сердце?

Чего хотят воспитывающие? Хотят просветить ум и образовать сердце питомцев. Где же прочные основы и действенные орудия к тому и другому? Отвечаю решительно: нигде, как в Господе нашем Иисусе Христе, *Иже бысть нам премудрость от Бога, правда же и освящение и избавление* (1 Кор. 1, 30), то есть во святой вере, Им дарованной, со всеми спасительными ее учреждениями.

Что значит просветить ум? Значит – напечатлеть в нем здравые понятия о всем сущем и бывающем, именно, понятия о том, что есть Бог, какие Его свойства, в какое отношение благоволил Он поставить Себя к миру и к нам...

По учению ее [Церкви], Бог есть Дух всесовершенный, единый по существу и троичный в Лицах, Творец мира и Промыслитель всяческих; мир есть творение Божие, единым словом Всемогущего возванное к бытию и содержимое глаголом силы Его, скрепленное во всем неизменными законами, во всякое мгновение по воле Божией готовыми покориться и покоряющимися; человек есть разумная тварь, полная совершенства вначале, потом падшая и расстроившаяся, ныне восстанавливаемая Господом Иисусом Христом во Святой Церкви благодатью Святого Духа и, наконец, имеющая явиться в новой славе в будущий век за веру и труд доброделания, и проч. ...

Что ж остается просветителям ума? Не изобретать, а брать уже готовые Божественные истины и напечатлеть их в умах детей и потом на них, как на основаниях, строить все здание ведения, или всю совокупность наук. Какую твердость, какое мужество приобретает ум, просвещенный таким образом! Как прочна в нем вся сумма познаний, проникнутая единым духом и единым началом!

Что значит образовать сердце? Значит – возбудить сокрытые в естестве нашем требования, преобразовать чувства и расположения, возвестить в начала и правила жизни, чтобы потом о всяком обладающем ими можно было сказать: «Вот совершенный человек!» Как же это сделать? (19. С. 241–244)

В чем вся трудность светского воспитания и образования?

Многим кажется достаточным для этого – развивать: развивай, говорят, природу. Как из семени, прозябшего и раскрывшегося, выходит растение или дерево, совершенное в своем роде, так и человек выйдет совершенным, если развить все сокрытое в естестве его. По-видимому, что может быть разумнее и осно-

вательнее такого положения? А выходит совсем не то, что чаётся. Например, развивая эстетическую сторону, окружают питомца изящными предметами и самого приучают к искусствам. Мало-помалу раскрывается вкус, но вместе с тем показываются и разного рода похотствования, и притом в формах весьма не изящных. Чтобы приучить себя держать с достоинством, вводят питомца в общество и открывают ему все приемы приличного обхождения. В некоторой мере цель достигается, но вместе с тем внедряется гордость, спесь, своенравие, неприступность, презорство к низшим и низость пред высшими. Приучают и к разного рода предприимчивости и деятельности, и в этом бывает успех, но не с меньшим успехом вырастают корыстность, интересанство и безжалостность. Так и во всем. Что ж это значит? Не доброе ли семя сеется, отчего же плевелы? Оттого, что семя естества нашего повреждено падением и много привилось к нему неестественного и противоестественного, что, однако ж, наряду с естественным, выказывает право на удовлетворение, прикрываясь видом естественности. Оттого там, где без разбора развивают всё, что ни находят в человеке, вместе с сродным ему развивают и несродное, и в естестве нашем является много паразитов, которые нередко заглушают и иссушают естественные ветви. Значит, не все надобно развивать, а иное развивать, иное же подавлять и искоренять. Так вот в чем вся трудность воспитания и образования! Нет у нас очей или зрительных орудий, чтобы различать тонкие, сплетшиеся нити естественного и неестественного; а если б и была возможность различить, то нет орудия или анатомического ножа для отделения одного от другого. Но если б это и было – нет сил подкрепить и оживить сродное и заглушить несродное нам. Стало быть, пока мы одни, со своими только средствами, то нельзя ожидать прочного успеха в образовании сердца. Здесь-то осмотрительный воспитатель и чувствует крайнюю нужду в сверхъестественной помощи. И она готова – в Церкви Божией и Святых ее Таинствах и всех освятительных учреждениях. (19. С. 245–247)

Программа христианского воспитания

Божественная благодать, сообщаемая и возгреваемая ими [Таинствами], проникая внутрь нас, разделяет сродное нам от несродного и, соединяясь с первым, укрепляет его и оживляет, а отревая последнее, иссушает и истребляет его. Потому кто растет под действием их, тот без особенных усилий со стороны родителей или воспитателей, кроме неизбежных предостережений, является, по вступлении на поприще деятельности, с чувствами и расположениями чисто человеческими (или – что то же – истинно христианскими), без примеси уродливых неестественностей, унижающих человечество. Таким образом, желают ли обладать сильными действительными средствами к образованию сердца, – пусть держат воспитываемых под действием спасительных Таинств Церкви и всех освятительных ее чинопоследований: и труд их увенчается полным успехом... Пусть не отчуждают детей от Церкви и церковности, от молитвований, постов, говения, Исповеди и Причащения, хранения праздников и посещения святынь, и проч. ... и можно быть уверенными, что по окончании курса воспитания душа питомцев, как дева чистая, будет представлена Христови на всякое дело благое уготованною.

Вот и вся программа воспитания! Напечатлевать истины веры в уме, поставляя их распорядителями всех других познаний и понятий, и вести питомцев неуклонно по указанию попечительной нашей матери-Церкви; и выйдут дети крепкие умом и добрые сердцем, добрые добротою прочною и непоколебимою. Где в какой-либо отрасли познаний допускаются понятия, противные истинам веры, там омрачают ум воспитываемых и обессиливают его примесью лжи. А где, сверх того, каким-нибудь образом отчуждают от Церкви, там портят и сердце, допуская в нем раскрываться и крепнуть противоестественным (страстным) чувствам и расположениям.

Предлагая, впрочем, все сие, предлагаю не как урок или укор, но как простое напоминание, в видах разделения взаимных наших

убеждений, которые не излишне подновлять и оживлять такую взаимностью, в нынешний век неопределенных стремлений, почти без цели и исходной точки. Не уклониться бы и нам от пути правого и вместо добра доверчивому детству не привить бы зла! Ибо будет время, когда все станем пред лицом Судии: как бы в ту пору не пришлось нам услышать от безмолвных ныне детей укорного вопроса: «А вы нас не тому учили» или: «А вы этому не учили!»¹¹² (14. С. 205–206)

Зараза от увлечения духом мира

Нам надобно помыслить и о будущем. Как сами мы получили часть добра, приготовленного нашими предшественниками, так и мы в свою очередь должны позаботиться о том, чтобы приготовить доброе наследие родам последующим. Как это? Чрез воспитание молодого живущего среди нас поколения в духе веры и благочестия, противоположном духу мира. Князь мира, оставляя твердых и опытных мужей и старцев, свое око смертоносное и тлетворное обращает преимущественно на юношество,

¹¹² «Известно, что последним словом современной педагогики признается идея воспитывающего обучения, стремление, чтобы школа не только давала знания и обогащала ум, но и гармонически развивала все душевные способности ученика, нравственно воспитывала и облагораживала его. Идея эта впервые была высказана лучшими представителями нашего педагогического мира во второй половине прошлого столетия и особенно подробно развита в последней четверти его, между тем преосвященный Феофан еще в сороковых годах того же XIX века настойчиво проводил ту же мысль в своих лекциях на кафедре профессора столичной академии. Вся его педагогическая система коренится именно в идее нравственно воспитывающего обучения. Он признает плодотворным только то образование, которое развивает не один ум, но и главным образом облагораживает сердце. Эта мысль красною нитью проходит по всем его сочинениям, затрагивающим педагогические вопросы. Автор неоднократно повторяет ее, подробно развивает и авторитетно доказывает. Видимо, что эта идея дорога, близка его сердцу и он страстно стремится осуществить ее в жизни. Характеризуя состояние нашего новейшего школьного обучения, на практике почти исключительно занятого обогащением и дрессировкою одного ума, преосвященный Феофан с грустью остроумно замечает, что человек, получивший его, подобен бездушной и холодной статуе с ог-

чтоб, растливши его, и в настоящем расширить область свою, и на будущее подготовить себе усердных делателей. Но где более опасности от врага, там надо устроить и крепости. Обратите же все ваше внимание на воспитание детей и предохраните их от увлечения духом мира. Зло, о котором говорим, пока еще не так всеобъемлюще. Оно растет и будет расти от поколения в поколение оттого, что успевает в юные лета заражать людей порчею, которую трудно уже бывает исцелить под старость. Напротив, оно должно умяться, сокращаться в объеме и совсем прекратиться, если, оставляя сходить со сцены жизни устарелых миролюбцев, мы будем предохранять от сей заразы по крайней мере юных, укрепляя их в вере и добродетели.

Да даст Господь родителям, воспитателям и всем, в руках которых воспитание нашего юношества, сие благое помышление и ревность привести его в исполнение. Одним этим и, надобно сказать, этим только одним и можно изгнать из среды нас внедрившийся уже между нами разрушительный дух мира. (14. С. 243–244)

ромною головою, сидящей на коротком, тощем туловище и на микроскопических, хрупких ногах. Чтобы парализовать эту односторонность, святитель настойчиво рекомендовал поднять и усилить в школах значение нравственно-воспитательного элемента и, в частности, христианских начал. По его глубокому убеждению, всякая здоровая русская школа, к какому бы типу она ни принадлежала и какие бы в ней науки ни преподавались, должна неизменно иметь в своей основе начала религии и нравственности. Это не значит, что все науки, даже математику, необходимо преподавать с религиозной точки зрения, как того требовали в своем увлечении ревнители и руководители отечественного просвещения во времена господства нашего мистицизма – Магницкие, Рунич и др. Нет, святитель желал только отметить, что наряду, а еще лучше прежде сообщения юноше каких-либо научных знаний, существенно необходимо дать ему здравые понятия о важнейших христианских истинах – о Боге, мире, человеке и проч. Сначала нужно прочно напечатлеть в сознании и сердце основные нравственные истины, а уже затем на подобном крепком фундаменте строить всю систему научного образования, причем при постепенном, поступательном развитии последнего нравственные идеи должны иметь значение высших, руководительных начал». *Смирнов П.А. Жизнь и учение преосвященного Феофана Вышенского Затворника. М., 1997. С. 45–47.*

Что такое европейское образование?

До Пришествия Христа Спасителя во всем мире, исключая народа Божия, качественная языческая жизнь во всех областях: умственной, нравственной, эстетической, семейной и гражданской. После Христа Спасителя вместе с распространением христианства сила слова Божия и благодать Святого Духа вытеснили начала языческие и водворили всюду начала христианские, и тоже во всех областях: умственной, нравственной, эстетической, семейной, политической. Эти начала в Святой Православной Церкви действовали и действуют непрерывно, и на Востоке, и у нас. На Западе Папа, отпав от Церкви, первый принял корень языческой жизни – гордыню. Около этого центра не замедлили сгруппироваться и все другие стихии языческие. К XVI веку они уже довольно окрепли, подняли голову и гласно вступили снова в состязание с христианством. Образовался круг людей, проникнутых языческим духом, которые поставили себе задачей снова ввести повсюду языческие начала, и тоже во всех областях: умственной, нравственной, эстетической, семейной и гражданской. Время, когда это совершилось, называется западным «возрождением».

Таким образом, западное возрождение есть собственно восстановление язычества наперекор христианству. Но каково семя, таков и плод. Все нынешнее западное образование, во всех его видах, есть итог того движения, толчок которому дан этим возрождением. Потому-то оно – и в духе, и в теле, и в главном, и в частях – все пропитано началами языческими, враждебными христианству. Всякий, кто касается его и сколько-нибудь сродняется с ним, становится более или менее врагом Христу. Так свидетельствует об этом опыт.

Казалось бы, какое нам дело до Запада! – Пусть себе как знает. Мы жили просто под влиянием животворных христианских начал и знать не знали, что делается на Западе, и не знали бы доселе, если бы не были поставлены в необходимость войти с ними в сношения. Но, вошедши в сношение, мы стали

заимствовать от него вместе с полезным и качественным там дух языческого образования, который и у нас начал производить то же, что и там; то есть кто только касается его и сродняется с ним, тотчас восстает против Христа Спасителя и Святой Церкви Его. И у нас образовался класс людей, которые твердят, что все церковное, все христианское есть ветхость, которую надо отбросить, а образование европейское есть обновление, которое следует усвоить. Узнав теперь, что такое европейское образование, легко понять, что нам советуют. Апостол Павел говорит, что Господь Бог послал Своих Апостолов, облеченных благодатью Святого Духа, в мир затем, чтобы они всех верующих привели из тьмы к свету, из области сатанины к Богу, а эти советуют нам из света опять идти в тьму и от Бога – в область сатанину, где качествует не обновление жизни, а смерть, убивающая все зародыши жизни истинной. Видите, какие благожелатели! *Блюдите убо, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри... не бывайте младенцы, влающеся ветром новых учений; истинствующе же в любви все возвращайте в Того, Иже есть глава Христос* (см.: Еф. 5, 15; 4, 14–15). (19. С. 282–285)

Условие целительного просвещения

Добро – просвещение, но если просвещение обуяет, то к чему оно гоже? Брось его!.. Просвещение действует как соль, когда оно исполнено начал и элементов учения Господня, когда само состоит в ученичестве у Господа; а коль скоро оно отстывает от этого направления и вместо уроков Господних усваивает себе чуждые учения, тогда оно обуевает само и становится непотребным, само заражается гнильностью заблуждения и лжи и начинает уже действовать не целительно, а заразительно. История подтвердила и подтверждает это повсюдными опытами. Отчего же никто не внимает опыту? Враг на всех наводит мрак, и всем думается, что то и светло, когда в учениях держатся подальше от учения Господня. (12. С. 162–163)

2. Младенчество

Обязанности родителей по рождению ребенка

Супруги имеют быть родителями. Дети – одна из целей супружества и вместе обильный источник семейных радостей. Потому супруги а) должны чаять детей как великого дара Божия и *молиться* о сем благословении. Бездетные супруги действительно суть нечто обиженное, хотя иногда это бывает и по особенным намерениям Божиим. Молясь же, они должны и *себя* б) *готовить* к тому, чтоб быть добрыми родителями добрых чад; для сего хранить *целомудрие супружеское*, т. е. трезвенную отчужденность от сладострастия; хранить *здоровье*, ибо оно неминуемое есть наследство детей: больное дитя что за радость? хранить *благочестие*, ибо, как бы ни происходили души, а они в живой зависимости от сердца родительского, и характер родителей иногда очень резко отпечатлевается на детях. Любимое чадо, когда Бог его дает, надобно будет воспитать, а для того иметь в) *достаток*; пусть же заботятся о нем заранее не на настоящее только, но и на будущее. (13. С. 492–493)

Когда Бог дарует чадо, а) *радуйтесь* и *благодарите*, яко человек родился в мир. Бог повторил первое благословение и чрез вас: примите же дитя, как от руки Божией. Но потому же и поспешите б) *освятить его Таинствами*, ибо здесь вы посвятите его на служение Богу истинному, Коему и сами вы, и все ваше должны принадлежать. В дитяти смешение духовно-телесных сил, готовых принять всякое направление: положите на нем печать Божественного Духа как основу и семя вечной жизни. Отвсюду теснится сатана со своим злом: оградите дитя оградою божественною, непроницаемою для темной силы. в) Освященное в Таинствах дитя блюдите потом, как святыню: не оскорбляйте Духа благодати и Ангела Хранителя, окружающего колыбель, своим неверием, невоздержанием, немиролюбием. (13. С. 493)

Крещение младенцев — начало христианской жизни

Здесь обращается внимание на то, как начинается чрез Крещение жизнь христианская в тех, кои крестятся младенцами, как это бывает преимущественно между нами. Ибо здесь начало христианской жизни устроится с некоторою характеристическою особенностью, вытекающею из отношения благодати к свободе.

Вы уже знаете, что благодать нисходит на свободное желание и искание и что только взаимным сочетанием их зачинается сообразная с благодатью и свойством свободной твари новая благодатная жизнь. Господь подает благодать туне, но требует, чтобы человек искал ее и желательно воспринимал ее, посвящая себя всецело Богу. Исполнение сего условия в Покаянии и в Крещении возрастных очевидно. Но как оно исполняется в Крещении младенцев? Младенец не имеет употребления разума и свободы, следовательно, не может исполнить условия к началу христианской жизни со своей стороны, т. е. желания посвятить себя Богу. Между тем, сие условие непременно должно быть исполнено. От способа исполнения сего условия начало жизни, чрез Крещение младенцев, совершается с некоторою характеристическою особенностью. Именно.

Благодать нисходит на младенческую душу и производит в ней все *одна*, так, как бы при сем участвовала и свобода, на том единственно основании, что в будущем сей не сознающий себя и не действующий лично младенец, когда придет в сознание, сам охотно посвятит себя Богу; желательно воспримет благодать; нашедши в себе ее действия, рад будет, что она есть; возблагодарит, что так сделано для него; и исповедует, что, если бы в минуту Крещения даны были ему смысл и свобода, он не иначе поступил бы, как поступлено, и не захотел бы иного. Ради такого будущего свободного посвящения себя Богу и сочетания свободы с благодатью Божественная благодать вся подается младенцу и без него все в нем производит, что производить ей свойственно, по одному уверению, что требуемое желание и предание себя Богу будет несомненно, — уверению, какое дают

восприемники, поручаясь Богу пред Церковью, что сей младенец, пришедши в сознание, явит именно такое употребление свободы, какое требуется для благодати, приемля на себя обязанность самим делом довести до того младенца восприемлемого.

Таким образом, чрез Крещение в младенце полагается семя жизни о Христе и есть в нем; но оно еще как бы не его, — действует как образующая его сила. Жизнь духовная, зарождаемая благодатью Крещения в младенце, станет собственной человеку, явится в полном своем виде, — сообразною не только с благодатью, но и со свойством разумной твари, — с того времени, когда он, возникши к сознанию, свободным произволением посвятит себя Богу и желательным, радостным и благодарным восприятием усвоит себе обретенную в себе благодатную силу. И до сего времени в нем действует жизнь истинно христианская, но как бы без его ведома, действует в нем, а есть еще как бы не его; с минуты же сознания и избрания она становится его собственной, не благодатною только, но и свободною.

По причине этого более или менее продолжительного промежутка между Крещением и посвящением себя Богу начало христиански-нравственной жизни чрез благодать Крещения в младенцах расширяется, так сказать, на неопределенное пространство времени, в продолжение коего младенец зреет и образуется в христианина в Святой Церкви среди христиан, как прежде телесно образовался в утробе матери.

Установитесь, читатель, покрепче в сей мысли. Она нам крайне будет нужна при определении того, как родители, восприемники и воспитатели должны обходиться с крещенным младенцем, который вверяется им от Святой Церкви и Господа.

Понятно само собою, что после Крещения младенца очень важное дело предлежит родителям и восприемникам: так вести крещеного, чтобы он, пришедши в сознание, сознал в себе благодатные силы, с радостным желанием восприял их, равно как и сопряженные с ними обязанности и требуемый ими образ жизни. Это лицом к лицу поставляет с вопросом о христианском

воспитании, или о воспитании по требованию благодати Крещения, с целью сохранения сей благодати. (10. С. 20–23)

Развитие семени благодатной жизни по Крещению

Чтобы яснее было, как должно обходиться с крещенным младенцем в показанных целях, надо привести себе на память высказанную прежде мысль, что благодать осеняет сердце и обитает в нем, когда в нем качественно обращение от греха и себя к Богу. Ради этого настроения, деятельно являемого, далее подаются и все другие дары благодати и все преимущества облагодатствованных: благоволение Божие, сонаследие Христу, поставление вне области сатаны, вне опасности быть осуждену в ад. Коль же скоро сие настроение ума и сердца умягчается или теряется, тотчас грех снова начинает обладать сердцем, а чрез грех налагаются узы сатаны и отъемлются благоволение Божие и сонаследство Христу. Благодать в младенце укрощает и заглушает грех; но он может снова ожить и возстать, если дать ему пищу и свободу. Итак, все внимание тех, на коих лежит обязанность блюсти в целостности принятое из купели дитя-христианина, должно быть обращено на то, чтобы никак не допустить опять возобладать над ним греху, всячески подавлять сей последний и обессиливать, а направление к Богу возбуждать и укреплять. Должно сделать, чтобы такое настроение в растущем христианине росло, хотя по чужому руководству, но самодеятельно, чтобы он более и более привыкал преобладать над грехом и одолевая его ради богоугождения, привыкал так употреблять силы духа и тела, чтобы это было не работа греху, а служение Богу. Что это возможно, видно из того, что рожденный и крещенный есть весь – семя будущего, или земля, исполненная семян. Влитое благодатью Крещения новое настроение не есть мысленное только или вменяемое, а действительное, т. е. тоже есть семя жизни. Если вообще всякое семя развивается по роду своему, то может развиваться и семя благодатной жизни в крещеном. Если в нем положено семя преобладающего над грехом обращения к Богу, то оно также

может быть развито и возвращено, как и другие семена. Должно только употребить на сие действенные средства, или определить целесообразный способ действовать на крещенного младенца.

Цель, к какой все при этом должно быть направлено, состоит в том, чтобы сей новый человек, пришедши в сознание, сознал себя не человеком только, существом разумно-свободным, но вместе лицом, вступившим в обязательство с Господом, с Ким соединена неразрывно его вечная участь; и не только сознал себя таким, но и находил себя способным действовать по сему обязательству и видел в себе преимущественное к тому тяготение. Спрашивается, как сего достигнуть? Как поступать с крещеным, чтобы, пришедши в возраст, он ничего более не желал, как быть истинным христианином? Или – как воспитывать по-христиански? (10. С. 23–24)

Как воспитывать по-христиански?

В ответ на это не беремся рассматривать все подробно. Ограничимся одним общим обозрением всего дела христианского воспитания, имея в виду указать, как в каком случае поддерживать и укреплять добрую в детях сторону и как обессиливать и подавлять худую.

Здесь прежде всего внимание останавливается на младенце в колыбели, до пробуждения в нем каких-либо способностей. Младенец живет, следовательно, можно влиять на его жизнь. Здесь приложимы Святые Тайны, за ними вся церковность; и с ними вместе вера и благочестие родителей.

Все сие, в совокупности, составит спасительную вокруг младенца атмосферу. Всем сим таинственно наитствуется благодатная жизнь, зачатая в младенце.

Частое Причащение Святых Христовых Таин (можно прибавить: сколько можно частое) живо и действенно соединяет с Господом нового члена Его чрез пречистое Тело и Кровь Его, освящает его, умиротворяет в себе и делает неприступным для темных сил. Поступающие таким образом замечают, что в тот

день, когда причащают дитя, оно бывает погружено в глубокий покой, без сильных движений всех естественных потребностей, даже тех, кои в детях сильнее действуют. Иногда оно исполняется радостью и игранием духа, в коем готово всякого обнимать, как своего. Нередко Святое Причащение сопровождается и чудодействиями. Святой Андрей Критский в детстве долго не говорил. Когда сокрушенные родители обратились к молитве и благодатным средствам, то во время Причащения Господь благодатью Своею разрешил узы языка, после напоившего Церковь потоками сладкоречия и премудрости. Один доктор по своим наблюдениям свидетельствовал, что в большей части детских болезней следует носить детей к Святому Причащению, и очень редко имел нужду употреблять потом медицинские пособия.

Большое влияние имеет на детей частое ношение в церковь, прикладывание к Святому Кресту, Евангелию, иконам, накрывание воздухами; также и дома – частое поднесение под иконы, частое осенение крестным знаменем, окропление святой водою, курение ладаном, осенение крестом колыбели, пищи и всего прикасающегося к ним, благословение священника, приношение в дома икон из церкви и молебны; вообще – **все церковное чудным образом возгревает и питает благодатную жизнь дитяти и всегда есть самая безопасная и непроницаемая ограда от покушения невидимых темных сил, которые всюду готовы проникнуть в развивающейся только душе, чтобы своим дыханием заразить ее**¹¹³.

Под этим видимым охранением есть невидимое: Ангел Хранитель, Господом приставленный к младенцу с самой минуты

¹¹³ «Родители всю жизнь ребенка должны обставлять обычаями Церкви. Сюда относятся, по указанию епископа Феофана Затворника, “частое ношение детей в церковь, прикладывание к Святому Кресту, Евангелию, иконам... Вообще – все церковное чудным образом возгревает и питает благодатную жизнь дитяти и всегда есть самая безопасная и непроницаемая ограда от покушения невидимых темных сил, которые всюду готовы проникнуть в развивающейся только душе, чтобы своим дыханием заразить ее”. Эта зараза, на которую указывает епископ Феофан, может заключаться и в отдельных предметах,

Крещения. Он блюдет его, своим присутствием невидимо влияет на него и в нужных случаях внушает родителям, что надо сделать с находящимся в крайности детищем. (10. С. 25–26)

Почему необходимо искреннее благочестие родителей

Но все эти столь крепкие ограды, эти сильные и действительные наития может разорить и лишит плода неверие, небрежность, нечестие и недобрая жизнь родителей. Это уже и потому, что при этом средства те или не употребляются, или употребляются не так, как должно; но особенно по влиянию внутреннему. Правда, Господь милосерд, особенно к невинным, но есть непостижимая для нас связь души родителей с душою детей, и мы не можем определить, до какой степени простирается влияние первых на последних; и вместе, до какой степени, при заразительном влиянии первых, простирается милосердие и снисхождение Божие к последним. Бывает, что оно прекращается, и тогда заготовленные причины приносят свой плод. Потому дух веры и благочестия родителей должно почитать могущественнейшим средством к сохранению, воспитанию и укреплению благодатной жизни в детях. (10. С. 26–27)

В Крещении полагается начало благодатной жизни. Благочестие родителей то же для нее, что теплота земли для посеянного в нее семени. Оно первое возгревает дар Божий, первое приводит его в движение, первое укореняет его в душе, как и первые ростки развиваются из семени одной теплотой земли. Родители объемяют дитя любовью, дитя сердцем как бы теряется и исчезает в родителях, а при этом живом общении дух благочестия так же легко перельется в душу дитяти, как естест-

оужающих ребенка. И насколько необходимо отовсюду окружать нашего ребенка всем святым, настолько же нужно и оберегать его от всего нечистого и скверного – богоборческих и безнравственных книг, соблазнительных рисунков, картин и скульптурных изображений. Их недопустимо держать в доме». *Пестов Н.Е.* Православное воспитание детей. СПб., 1999. С. 56–57.

венно теплота из одной вещи переходит в другую при их соприкосновении. (21. С. 95–96)

Дух младенца как бы не имеет еще движения в первые дни, месяцы, даже и годы. Что-нибудь передать ему для усвоения обычным путем нельзя. Но можно действовать на него посредственно.

Есть некоторый особенный путь общения душ чрез сердце. Один дух влияет на другой чувством. Такое влияние на душу младенца тем удобнее, чем полнее и глубже родители сердцем своим обращены в младенца. Отец и мать исчезают в дитяти и, как говорят, не чают души. И если их дух проникнут благочестием, то быть не может, чтобы оно по своему роду не действовало на душу дитяти. Лучший внешний проводник при этом – взор. Тогда как в других чувствах душа остается сокрытою, глаз открывает ее взору другим. Это точка встречи одной души с другою. Пусть же чрез сие отверстие проходят до души дитяти души матери и отца с чувствами святыми. Они не могут не намазать ее этим святым елеем. Надобно, чтобы во взоре их светилась не одна любовь, которая так естественна, но и вера, что на руках у них более, чем простое дитя, и надежда, что Тот, Кто дал им под надзор сие сокровище, как некоторый сосуд благодати, снабдит их и достаточными силами к тому, чтобы сохранять его, и, наконец, непрерывно в духе совершаемая молитва, возбуждаемая надеждою по вере.

Когда таким образом родители оградят колыбель своего дитяти этим духом искреннего благочестия, когда при сем, с одной стороны, Ангел Хранитель, с другой – Святые Тайны и вся церковность будут действовать на него совне и внутрь, то этим составится вокруг зачинающейся жизни сродная ей духовная атмосфера, которая перельет в нее и свой характер, подобно тому как и кровь, начало жизни животной, в свойствах своих много зависит от окружающего воздуха. Говорят, что вновь устроенный сосуд хранит долго, если не всегда, запах того вещества, которое вольют в него в ту пору. То же должно сказать и о показанном

устроении около детей. Оно благодатно-спасительно проникнет в установляющиеся формы жизни дитяти и будет полагать на них печать свою. Здесь же и непроходимая преграда влиянию духов злобы.

Начавши такое устроение от колыбели, должно уже продолжать его потом и во все время воспитания: и в детстве, и в отрочестве, и в юношестве. Церковь, церковность и Святые Тайны – как скиния для детей, под кою они должны быть неисходно. Примеры показывают, как это спасительно и многоплодно (Самуил, Феодор Сикеот, апреля 22, и другие). Даже одним этим могут быть заменены, как и заменяются не без успеха, все средства воспитания. Древний способ образования в этом преимущественно и состоял. (10. С. 27–28)

3. Детство

Главное начало воспитания в детстве

Когда у дитяти начинают пробуждаться силы одна за другою, родителям и воспитателям должно усугубить внимание. Ибо когда под осенением показанных средств будет возрастать и усиливаться в них тяготение к Богу и увлекать вслед за собою силы, в то же самое время и живущий в них грех не дремлет, а усиливается завладеть теми же силами. Неизбежное следствие этого – брань внутренняя. Так как дети не способны ее вести сами, то место их разумно заменяют родители. Но как она должна быть ведена все же силами детей, то родители строго должны блюсти первые начатки их пробуждения, чтобы с первой минуты дать им склонение, сообразное с главною целью, к какой они должны быть направляемы.

Так начинается брань у родителей с грехом, живущим в дитяти. Хотя грех сей и лишен точки опоры, однако ж действует и, чтобы остановиться на чем-нибудь прочном, старается завладеть силами тела и души. Должно не допускать до сего и как бы

вырывать силы из рук греха и передавать Богу. Но чтобы действовать при этом не без основания, а с разумным ведением верности избранного способа, надобно хорошо себе уяснить, чего ищет оставшийся грех, чем питается, чрез что именно завладевает нами. Основные возбудители, влекущие ко греху, суть своеумие (или пытливость) в уме, своеволие – в воле, самоуслаждение – в чувстве. Поэтому должно так вести и направлять развивающиеся силы души и тела, чтобы не отдать их в плен плотоугодию, пытливости, своеволию и самоуслаждению, – ибо это будет плен греховный, – а напротив, приучать отрешаться от них и преобладать над ними и, таким образом, сколько можно обессиливать их и доводить до безвредности. Это главное начало. С ним должно потом сообразовать и все воспитание. Пересмотрим с этою целью главнейшие действия тела, души и духа. (10. С. 28–29)

Как надо питать дитя?

Прежде всего пробуждаются и потом постоянно состоят в живой деятельности, до самой смерти, потребности тела. Тем необходимее поставить их в должные пределы и закрепить навыком, чтобы потом меньше было от них беспокойства. Здесь источник для телесной жизни отправление есть питание. В нравственном отношении оно есть седалище страсти к греховному услаждению плоти, или поприще его развития и питания. Поэтому должно так питать дитя, чтобы, развивая жизнь тела, доставляя ему крепость и здоровье, не разжечь в душе плотоугодия. **Не должно смотреть, что дитя мало, – надобно с первых лет начинать остепенять преклонную к грубому веществу плоть и приучать дитя к обладанию над нею**, чтобы и в отрочестве, и в юношестве, и после них легко и свободно можно было управляться с этою потребностью. Первая закваска очень дорога. От детского питания многое зависит в последующем. **Незаметно можно развить сластолюбие и неумеренность в пище – два вида чревоугодия, эти губительные для тела и души склонности, прививающиеся к питанию.**

Рембрандт. Отец, кормящий своих маленьких детей

Не должно смотреть, что дитя мало, — надобно с первых лет начинать остепенять преклонную к грубому веществу плоть и приучать дитя к обладанию над нею, чтобы и в отрочестве, и в юношестве, и после них, легко и свободно можно было управляться с этою потребностью. Первая закваска очень дорога. От детского питания многое зависит в последующем. Незаметно можно развить сластолюбие и неумеренность в пище — два вида чревоугодия, эти губительные для тела и души склонности, прививающиеся к питанию. (С. 503)

Потому даже врачи и педагоги советуют: 1) избирать здоровую и годную пищу, судя по возрасту воспитываемого: ибо одна пища пригодна для младенца, другая для дитяти, отрока и юноши; 2) подчинить употребление ее известным правилам (опять приспособительно к возрасту), в коих бы определялось время, количество и способ питания, и 3) потом от установленного таким образом порядка без нужды не отступать. Этим приучится дитя не всегда требовать пищи, как захочется есть, а ждать определенного часа; здесь же первые опыты упражнения в отказывании себе в своих желаниях. Где кормят дитя всякий раз, как оно заплачет, и потом всякий раз, как запросит есть, там до того расслабляют его, что после уже оно не иначе как с болезнью может отказываться от пищи. Вместе с сим оно привыкает к своенравию оттого, что успевает выпрашивать или выплакивать все желаемое.

Той же мере должно подчинить и сон, и теплоту с холодом, и другие удобства, естественно необходимые в деле питания, имея неопустительно в виду – не разжечь страсти к чувственным наслаждениям и приучить отказывать себе. Это должно строго соблюдать во все время воспитания, – изменяя, как само собою разумеется, правила в применениях, а не в существе, – до тех пор, пока воспитываемый, утвердившись в них, возьмет сам себя в руки. (10. С. 29–31)

Юное растение ограждают, чтоб нога невнимательного не подавила его, и далеко около него раздирают землю, чтоб больше росы и дождя проходило к его корням. Ограда для возникающей благодатной жизни есть удаление от играний и смехотворных слов, а удобнейший к ее корню проход доброму наказанию, как духовной росе и дождю, полагает воздержание от сладких яств. Воздержание извлекает душу от связности телом и, возвышая над ним, предает полному влиянию добрых внушений и чувств, кои укрепляют ее, а чрез нее и тело. Напротив, чрез невоздержание дух глубже и глубже погружается в плоть, землянеет и мертвеет.

Благодатная жизнь при сем погасает так же неизбежно, как гаснет неизбежно свеча в подземелье. (21. С. 96–97)

Ограничения на развитие движения

Второе отправление тела есть движение; орган его – мускулы, в которых лежат сила и крепость тела, – орудия труда. В отношении к душе оно – седалище воли и очень способно развивать своеволие. Мерное, благоразумное развитие этого отправления, сообщая телу возбужденность и живость, приучает к трудам и образует степенность. Напротив, развитие превратное, оставленное на произвол, в одних развивает непомерную резвость и рассеянность, в других – вялость, безжизненность, леность. Первое укрепляет и обращает в закон своенравие и непокорность, в связи с коими находятся задорность, гневливость, неудержимость в желаниях. Последнее погружает в плоть и предает чувственным наслаждениям. Итак, должно иметь в виду, чтобы укрепляя силы тела, не раздуть чрез то своеволия и ради плоти не погубить духа. Для этого главное – мерность, предписание, надзор. Пусть дитя резвится, но в то время, в том месте и тем родом, как ему приказано. Воля родителей должна запечатлевать всякий их шаг, разумеется в общем. Без этого легко может покривиться нрав дитяти. Своевольно порезвившись, дитя всегда возвращается не с готовностью слушаться даже в каких-нибудь малостях. И это – с одного раза; что же сказать, где эта часть совсем в небрежении? Как трудно после истребить своенравие, коль скоро оно осядет в теле, как в крепости. Не гнется шея, не движется рука и нога, и глаз даже не хочет смотреть, как приказывают. Напротив, дитя выходит преподвижное на всякое приказание, где с самого начала не дают воли его движениям. Сверх того, нельзя лучше привыкнуть владеть своим телом, как заставляя его напрягаться по указаниям. (10. С. 31–32)

Лета детства суть лета резвости – естественная потребность раскрывающейся телесной жизни и первых порывов душевной

деятельности. Там, где сокращают ее и содержат в строгих пределах, дитя привыкает к уединению и вниманию, к покорности и гибкости характера, – но резвость неумеряемая крадет все доброе из невинного сердца дитяти, как ветер разносит или птица склевывает семя, посеянное при пути. Порезвившееся дитя возвращается невнимательным, рассеянным, своевольным: чем дальше, тем больше умаляется прежняя доброта, а на ее место поселяется все недоброе, что услышано и увидено; новые внушения уже не доходят до сердца, принимаются слегка, мимоходом, – и доброе слово день от дня теряет свою силу и свое влияние на его душу. В сердце заходит прилежное помышление на злое, окраденное дитя само оплакивает дорогую потерю грустным плачем пред сном и после сна, не зная почему и не зная о чем. (21. С. 97)

Педагогическое обращение с телом

Третье отправление телесное лежит на нервах. Из нервов чувства – орудия наблюдений и пища пытливости. Но о сем после. Теперь же о другом общем назначении нервов как седалища чувствительности тела, или способности принимать приятные и неприятные для него внешние впечатления. В этом отношении должно поставить правилом приучить тело безболезненно переносить всякого рода влияния внешние: от воздуха, воды, перемен температуры, сырости, жа́ра, холода, уязвлений, болей и проч. Кто приобрел такой навык, тот счастливейший человек, способный на самые трудные дела во всякое время и во всяком месте. Душа в таком человеке является полною владычицею тела, не отсрочивает, не изменяет, не оставляет дел, боясь неприятностей телесных; напротив, с некоторым желанием обращается к тому, чем может озлобляться тело. А это очень важно. Главное зло в отношении к телу – телолобие и жаление тела. Оно отнимает всякую власть у души над телом и делает первую рабою последнего; напротив, не жалеющий тела не будет в своих предприятиях смущаться опасениями со стороны слепого животолюбия. Как счастлив приученный к сему с детства! Сюда

относятся медицинские советы касательно купаний, времени и места гуляний, платья; главное – содержать тело не так, чтобы оно принимало одни только приятные впечатления, а напротив, более содержать под впечатлениями беспокоящими. Теми разнеживается тело, а этими укрепляется; при тех дитя всего боится, а при этих на все готово и способно стоять в начатом терпеливо.

Такого рода обращение с телом предписывается педагогикой. Здесь показывается только, как эти советы пригодны и к развитию христианской жизни, именно тем, что ревностное их исполнение заграждает вход в душу непотребному зелью чувственных наслаждений, своеволия, телолюбия или саможаления, образует противоположные им расположения и вообще приучает владеть телом, как органом, и не подчиняться ему. А это очень важно в жизни христианской, по самому существу своему отрешенной от чувственности и всякого угодия плоти. Итак, не должно оставлять на произвол развития тела дитяти, а надо держать его под строгую дисциплину с самого начала, чтобы потом передать его в руки самого воспитываемого уже приспособленным к жизни христианской, а не враждебным ей. Истинно любящие детей родители-христиане не должны жалеть ничего, ни даже своего родительского сердца, чтобы доставить сие благо детям. Ибо иначе все последующие дела их любви и попечения будут или малоплодны, или даже бесплодны. Тело – седалище страстей, и большей частью самых свирепых, каковы похоть и гнев. Оно же и орган, чрез который демоны проникают в душу, или приселяются к ней. Само собою разумеется, что при этом не должно упускать из вида церковности и из нее ничего такого, чем можно прикасаться к телу, ибо тем будет освящаться тело и усмиряться жадная животность.

Все здесь не пишется и только указывается главный тон действия на тело. Подробности укажет дело... По этому очерчанию разумеется и то, как должно обходиться с телом и во все прочее время жизни: ибо дело у нас с ним одно. (10. С. 32–34)

Правильное развитие чувств

Вместе с обнаружением телесных потребностей и в душе не замедляются высказываться низшие способности в естественной их последовательности. Вот дитя начинает останавливать взор свой на том или другом предмете, и на одном больше, на другом меньше, как будто один ему нравится более, а другой менее. Это первые начатки употребления чувств, за коим тотчас следует пробуждение деятельности воображения и памяти. Способности эти стоят на переходе от телесной деятельности к душевной и действуют совместно, так что сделанное одною тотчас передается другой. Судя по важности, какую они имеют в настоящее время в нашей жизни, как хорошо и спасительно первые начатки их освятить предметами из области веры. Первые впечатления глубоко остаются памятными. Помнить надобно, что душа является в мир голою силою; возрастает, богатеет во внутреннем содержании и разнообразится в деятельности она уже после. Первый материал, первую пищу для образования своего она получает извне, от чувств, чрез воображение. Очевидно само собою, какого характера должны быть первые предметы чувств и воображения, чтобы не только не препятствовать, а еще более способствовать образующейся христианской жизни. Ибо известно, что как первая пища имеет значительное влияние на темперамент тела, так и первые предметы, коими занимается душа, имеют сильное влияние на характер души или тон ее жизни. (10. С. 34–35)

Душа дитяти – точно как молодой стеблик, только что вышедший из-под земли. Ему нужна пища, ему нужно все принимать в себя отвне, чтобы расти. Как благовременно напитывать его еще и теперь водами благочестия, как благовременно освятить его добрым наказанием из божественных книг. Первая пища, говорят, полагает основу настроению телесному, – и первые внушения, первые наставления дадут решительное направление душе на всю жизнь. Живое слово из уст родителей, а тем более

действенное слово Божие, исполнит его чистое сердце всяким добром, которое не забудется потом во всю жизнь. (21. С. 96)

Ограничение развития воображения

Развивающиеся чувства доставляют материал воображению; воображенный предмет хранится в памяти и составляет, так сказать, содержание души. Пусть чувства получают первые впечатления от предметов священных: икона и свет лампы – для глаз, священные песни – для слуха, и проч. Дитя не понимает еще ничего из того, что у него пред глазами, но его глаз и слух привыкают к сим предметам, и они, предзанимая сердце, тем самым ставят вдали другие предметы. За чувствами и первые упражнения воображения будут священы; ему легче будет воображать эти предметы, чем другие: таковы его первые сгибы. Затем, на будущее время, изящное, которое одною стороною существенно связано с формами чувств и воображения, будет привлекать его не иначе, как под священными формами.

Итак, пусть ограждают дитя священными предметами всех видов; все же могущее развратить в примерах, изображениях, вещах – удаляют. Но потом и во все последующее время надо хранить тот же порядок. Известно, как сильно действуют на душу растленные образы, в каком бы виде они ни касались ее! Как несчастно дитя, которое, закрыв глаза или оставшись одно и углубившись в себя, бывает подавляемо множеством непотребных образов, суетных, соблазнительных, дышащих страстями. Это то же для души, что чад для головы. (10. С. 35)

Предостережения о пытливости

Не должно также упускать из вида и образа деятельности этих сил. Дело чувств – видеть, слышать, осязать, вообще испытывать, пытаться. Потому они суть первые возбудители пытливости, которая потом ради них переходит в воображение и память и, приобретши в них оседлость, становится несокрушимым тираном для души. Не употреблять чувств нельзя: ибо не иначе

как чрез них и познаются вещи, кои знать должно, ради славы Божией и блага нашего. Но при этом неизбежна и пытливость, которая есть неудержимая склонность – без цели видеть и слышать, что где делается и как что бывает. Как же при этом поступить? Испытывание необходимо есть уже пытливость. Пытливость состоит в том, где стараются все разузнать беспорядочно, безцельно, не различая, нужно ли то или не нужно. Итак, следует только при упражнении чувств соблюдать меру и порядок и обращать их на одно нужное и по сознанию нужды, – тогда для пытливости не будет пищи, т. е. должно приучить дитя то испытывать, что считается для него необходимым, от всего же другого удерживаться и отстраняться. Потом в самом действии испытывания соблюдать постепенность – не перебегать с предмета на предмет или от одной черты к другой, а пересматривая одно за другим, о том заботиться, чтобы вообразить после предмет как должно. Такой род занятия избавит дитя от настроения развлекаться даже среди позволенного, приучит владеть чувствами, а чрез них и воображением. И оно не будет перебегать от одного к другому без нужды, следовательно, мечтать и развлекаться образами и тем не давать покоя душе, мутя ее приливом и отливом своих безпутных видений. Не умеющий владеть чувствами и воображением необходимо бывает рассеян и непостоянен, будучи томим пытливостью, которая будет гонять его от одного предмета к другому до расслабления сил, и все это без плода. (10. С. 36–37)

Противодействие страстям

Современно этим способностям возникают у дитяти страсти и начинают тревожить его с раннего времени. **Дитя еще не говорит, не ходит, только что приучилось сидеть и брать игрушки, но уже сердает, завидует, присволяет себе, особится и прочее, вообще являет действие страстей. Это зло, утверждающееся на животной жизни, тлетворно; потому должно противодействовать ему с первых его проявлений.** Как это

Рембрандт. Мать с непослушным ребенком

Дитя еще не говорит, не ходит, только что приучилось сидеть и брать игрушки, но уже сердает, завидует, присволяет себе, особится и прочее, вообще являет действие страстей. Это зло, утверждающееся на животной жизни, тлетворно; потому должно противодействовать ему с первых его проявлений. Как это сделать — определить трудно. Все зависит от благоразумия родителей. Можно, впрочем, постановить следующее: 1) предупреждать всячески их возникновение, 2) потом, если проявилась какая страсть, надобно спешить погасить ее придуманными и испытанными средствами. (С. 511, 513)

сделать – определить трудно. Все дело зависит от благоразумия родителей. Можно, впрочем, постановить следующее: 1) предупредить всячески их возникновение, 2) потом, если проявилась какая страсть, надобно спешить погасить ее придуманными и испытанными средствами. Этим предотвратится укоренение их, или предрасположение к ним. Страсть, чаще других обнаруживающуюся, врачевать должно с особым вниманием, потому что она может быть господствующею распорядительницею жизни. Благонадежнейший способ врачевания страстей – употребление благодатных средств. К ним с верою должно обращаться. Страсть – явление душевное, между тем действовать на душу у родителей сначала нет способов... Потому прежде всего должно молить Господа, да совершит Свое дело. Дальнейшим в этом руководителем для ревностного отца, или матери, или няньки будет опыт. Когда дитя будет со смыслом, тогда могут быть употребляемы уже и общие против страстей средства. Всячески на них должно вооружаться вначале и преследовать потом во все время воспитания, чтобы дитя умело и привыкло владеть ими; ибо их возмутительные набеги не прекратятся до конца жизни. (10. С. 37–38)

Созидание сил души воздействием на ум

Если будет строго соблюдаем предписанный порядок действия на тело и низшие способности, то душа получит от этого прекрасное приготовление к истинно доброму настроению; однако ж только приготовление, – самое же настроение надобно созидать положительным действием на все его силы: ум, волю и сердце.

<...> У детей скоро обнаруживается смысленность. Она современна говорению и растет вместе с усовершенанием последнего. Поэтому начать образование ума нужно вместе со словом. Главное, что должно иметь в виду, это здравые понятия и суждения по началам христианским о всем встречающемся или подлежащем вниманию дитяти: что добро и зло, что хорошо и худо. Это сделать очень легко посредством обыкновенных разговоров

и вопросов. Родители сами говорят между собою: дети прислушиваются и почти всегда усваивают себе не только мысли, но даже обороты их речи и манеры. Пусть же родители, когда говорят, называют вещи всегда собственными их именами. Например, что значит настоящая жизнь, чем она кончится, от кого все получается, что такое удовольствия, какое достоинство имеют те или другие обычаи, и проч. Пусть говорят с детьми и толкуют им или прямо, или, всего лучше, посредством рассказов: хорошо ли, например, наряжаться, счастье ли это, когда получишь похвалу, и проч. Или пусть спрашивают детей, как они думают о том и другом, и поправляют их ошибки. В непродолжительном времени этим простым средством можно передать здравые начала для суждений о вещах, кои потом не изгладятся надолго, если не на всю жизнь. Таким способом в самом корне будет подавлено мирское мудрование и пытливость злая, ненасытимая. Истина связывает ум тем, что насыщает его. Мирское же мудрование не насыщает и тем разжигает пытливость. Избавив от него, большое благо доставят детям. И это еще прежде, чем они возьмутся за книги. Далее, стоит только не давать детям книг с растленными понятиями, и ум их сохранится целым, во здравости святой и божественной. Напрасно не заботятся таким образом упражнять дитя в том предположении, что оно еще мало. Истина доступна всякому. Что малое христианское дитя премудрее философов — показал опыт. Он и теперь повторяется, но прежде он был повсюду. Например, во время мученичества малые дети рассуждали о Господе Спасителе, о безумии идолопоклонства, о будущей жизни и проч.; это оттого, что мать или отец натолковали им о том в простой беседе. Истины эти сроднились с сердцем, которое стало дорожить ими до готовности на смерть за них. (10. С. 38—39)

Созидание сил души воздействием на волю

Дитя многожелательно: все его занимает, все влечет к себе и рождает желания. Не умея различать доброго от злого, оно всего

желает и все, что желает, готово выполнить. Дитя, предоставленное самому себе, делается неукротимо своевольным. Потому родителям строго должно блюсти эту отрасль душевной деятельности. Самое простое средство к заключению ее в должные пределы состоит в том, чтобы расположить детей ничего не делать без позволения. Пусть со всяким желанием прибегают к родителям и спрашивают: можно ли сделать то или другое? Убедить их опытами собственными и чужими в том, что им опасно не спросясь исполнять свои желания, настроить их так, чтобы они даже боялись своей воли. Это расположение будет самое счастливое, но вместе оно и самое легкое для впечатления, ибо дети и так большею частью обращаются с расспросами к взрослым, осознавая свое неведение и слабость; стоит только возвысить это дело и поставить его им в закон непременный. Естественным следствием такого настроения будет полное послушание и покорность во всем воле родителей, наперекор своей, расположение во многом отказывать себе и навык к этому, или уменьше; а главное — опытное убеждение в том, что не должно слушать во всем себя. Это всего понятнее для детей из их же опытов, что они многое желают, а между тем это желаемое вредно для их тела и души. Отучая от своей воли, надо приучать дитя делать добро. Для этого пусть родители сами представят истинный пример доброй жизни и знакомят детей с теми, у коих главные заботы не о наслаждениях и отличиях, а о спасении души. Дети любопытны. Как рано они умеют копировать мать или отца! Здесь происходит нечто похожее на то, что бывает с одинаково настроенными инструментами. Вместе с тем и самих детей надо вызывать на добрые дела и сначала приказывать им делать их, а потом наводить, чтобы сами делали. Самые обыкновенные при этом дела суть: милостыня, сострадание, милосердие, уступчивость и терпение. Всему этому весьма не трудно приучить. Случаи поминутны, стоит взяться. Отсюда выйдет воля с настроением на разные добрые дела и вообще с тяготением к добру. И добродетеланию надобно научить, как и всему другому. (10. С. 39–40)

Созидание сил души воздействием на сердце

Под таким действовани­ем ума, воли и низших сил само собою и сердце будет настраиваться к тому, чтобы иметь чувства здравые, истинные, приобретать навык услаждаться тем, что действительно истинно услаждает, и нисколько не сочувствовать тому, что, под прикрытием сладости, вливает яд в душу и тело. Сердце – способность вкушать и чувствовать насыщение.

Когда человек был в союзе с Богом, – находил вкус в вещах божественных и освященных благодатью Божиею. По падении он потерял этот вкус и жаждет чувственного. Благодать Крещения отрешила от сего, но чувственность снова готова наполнить сердце. Не должно допустить до этого, должно оградить сердце. Самое действительное средство к воспитанию истинного вкуса в сердце есть церковность, в которой неисходно должны быть содержимы воспитываемые дети. Сочувствие ко всему свя­щенному, сладость пребывания среди него ради тишины и теплоты, отречение от блестящего и привлекательного в мирской суете не могут лучше напечатлеваться в сердце. Церковь, духовное пение, иконы – первые изящнейшие предметы по содержанию и по силе. Надобно помнить, что по вкусу сердца будет назначаться и будущая вечная обитель, а вкус у сердца там будет такой, каким образуют его здесь. Очевидно, что театры, балаганы и тому подобное негодны для христиан. (10. С. 41)

Как способствовать развитию духа

Усмиренная и организованная таким образом душа не будет со свойственной ей беспорядочностью препятствовать развитию духа. Дух легче развивается, нежели душа, и прежде ее обнаруживает свою силу и деятельность. К нему относятся: *страх Божий* (в соответствие разуму), *совесть* (в соответствие воле) и *молитва* (в соответствие чувству). *Стра­х Божий* рождает молитву и просвежает совесть. Нет нужды, что все это обращается к иному, невидимому миру. У детей есть к тому предрасположение, и они скоро усваивают себе эти чувства. Особенно молитва

прививается очень легко и действует не языком, а сердцем. Оттого они охотно и без усталости участвуют в домашних молитвах и церковном богослужении и рады этому. Потому не должно лишать их этой части образования, а мало-помалу вводить их в сие святилище нашего существа. Чем раньше напечатлеется страх Божий и возбудится молитва, тем прочнее будет благочестие во все последующее время. В некоторых детях дух этот проявлялся сам собою, даже среди видимых препятствий к его обнаружению. Это очень естественно. Дух благодати, полученный при Крещении, если он не погашен неправым развитием тела и души, не может не оживлять духа нашего, а при этом, что может препятствовать ему являться в своей силе? Ближайшего, впрочем, руководства требует совесть. Здоровые понятия с добрым примером родителей и другими способами обучения добру и молитва осветят ее и напечатлеют в ней достаточные основания для последующей доброй деятельности. Но главное, в них должно образовать настроение к совестливости и сознательности. Сознательность есть дело чрезвычайной важности в жизни; но как легко ее образовать, так легко и заглушить в детях. Воля родителей для малых детей есть закон совести и Божий. Сколько есть у родителей благоразумия, пусть так распоряжаются своими повелениями, чтобы не поставлять детей в необходимость быть преступниками их воли; а если уже сделались такими – сколько можно располагать их к раскаянию. Что мороз для цветов, то и отступление от родительской воли для дитяти; оно не смеет смотреть в глаза, не желает пользоваться ласками, хочет убежать и быть одно, а между тем душа грубеет, дитя начинает дичать. Как хорошо предварительно расположить его к раскаянию, сделать, чтобы без боязни, с доверием и со слезами пришло и сказало: «Вот я то и то сделал худо». Само собою, что все это будет касаться одних обыкновенных предметов; но хорошо и то, что здесь положится основание будущему постоянному истинно религиозному характеру – тотчас возставать по падении, образуеться уменье скорого покаяния и очищения себя, или обновления слезами.

Вот порядок: пусть дитя растет в нем, и более будет развиваться у него дух благочестия. Родители должны следить за всеми движениями раскрывающихся сил и все направлять к одному. Это закон – начать с самого первого дыхания дитяти, начать всем вдруг, а не одним чем, вести все это непрерывно, ровно, степенно, без порывов, с терпением и ожиданием, наблюдая, однако ж, мудрую постепенность, подмечая ростки и пользуясь ими, не считая ничего маловажным в деле столь важном. Подробности не раскрываются, ибо имеется в виду указать только главное направление воспитания. (10. С. 41–43)

4. Отрочество

Хранить прежний порядок воспитания в период отрочества

Нельзя определить, когда человек приходит к сознанию себя христианином и самостоятельной решимости жить по-христиански. На деле это бывает разновременно: в 7, 10, 15 лет и позже. Может быть, прежде этого настанет время обучения, как и бывает большею частью. При этом неперемненное правило – хранить весь прежний порядок без изменения и на все время обучения: ибо он существенно вытекает из природы сил наших и требований христианской жизни. Порядок обучения никак не должен быть противоположен показанному настроению, иначе будет разорено все, что там создано; т. е. должно оградить и детей-учеников, как и младенцев, благочестием всех окружающих, церковностью, Таинствами, и также должно действовать на их тело, душу и дух. (10. С. 43–44)

Нужно воспитать *тело* его, доведши его до того, чтоб оно было и крепко, и живо, и легко. Мало предоставлять все природе; должно и самим действовать по плану с целью, пользуясь опытами других и пособиями здоровой педагогике. Но еще больше

должно позаботиться о воспитании *духа*. Благовоспитанный духом и без крепкого тела спасется. Себе же оставленный будет страдать от тела крепкого. В сем отношении должно образовать *ум, нрав и благочестие*. Ум, если можешь, сам развивай, а если нет, отдай в училище или имей учителя. Нужнее при сем *здоровомыслие*, коему и без наук учатся, нежели научность. Но всякого долг научить *Символу* [веры], *заповедям, молитве*, или дать познать христианскую веру. *Нрав* ничем так не образуется, как собственным добрым примером и удалением от худых примеров сторонних. Предотвращай: сердце невинное под действием благодати окрепнет, и добрые его расположения обратятся в нрав. Тем нужнее *свое благочестие* для укрепления *благочестия дитяти*... Ибо оно относится к невидимому. Здесь дела благочестия домашние совершают все, по благодати Божией. Пусть дитя участвует в молитве утренней и вечерней; пусть будет сколько можно чаще в церкви; сколько можно чаще причащается по вере вашей; всегда пусть слышит ваши благочестивые беседы. При этом нет нужды обращаться к нему: оно само будет слушать и соображать. Родителям надо со своей стороны все употребить, чтоб дитя, когда придет в сознание, сильнее всего сознавало, что оно – христианин. Но опять, главное, собственно дух благочестия, проникающий и прикасающийся душе дитяти. Вера, молитва, страх Божий выше всякого приобретения. Их прежде всего внедрите.

Выучившегося читать надо остерегать от беспутного чтения. Жажда чтения неразборчива. Надо выбрать и дать, что читать. Развивающееся дитя покажет, к чему оно гоже. Потому должно полагать основы будущему его прочному, нешаткому, небоязненному действию на принятом поприще, приготовить к званию, чтоб оно умело в нем действовать, и телом и душою было сроднено с ним и могло жить в нем, как в своей стихии. Если при сем нужно будет усугубить попечение, усугуби; если нужно прибавить предметов обучения, прибавь. То неodobрительно, если все предоставляют течению обстоятельств.

Правда, Господь все строит, но Он же нам дает разуметь волю Свою в наших способностях, склонностях и характере. Сему указанию внимать и на основании его действовать есть долг. Должно руководить дитя навикать *приличию* в слове, одежде, положении стана, держании себя пред другими. В молодых летах это тем уместнее, что там действует переимчивость, преимущественно внешняя, и что утвердится там, может так остаться на всю жизнь. Приличие – вещь будто незначительная, однако ж много беспокоит и смущает не навикшего ему. Надо предотвратить от сего дитя. Но опять надо ставить сие дело в тени, как придаток, не возвышать и даже не говорить, как это нужно, а учить просто, как учили ходить. Где рассыпаются похвалы сему, там приличие выдается из-за других, важнейших вещей и заслоняет их. А это худо. Притом здесь разумеется благопристойность простая, скромная, почтительная, а не модная, вертлявая, изысканная.

Учить *искусствам* – прекрасное дело, именно: пению, рисованию, музыке и другим; то же к мастерствам женским и мужским. Они доставляют приятный отдых духу и благонастроение. Но надобно, чтоб не забывалось главное: созидание духа для вечности. Этим должно определиться направление искусственности, или внутреннее ее содержание.

Надо, впрочем, помнить, что в воспитании не столько важен материал, сколько силы, или способность и умение доставать его. Что должно вынести из воспитания в сем отношении, это – *трудолюбие* – тяготение к труду и ненависть к праздности, *любовь к порядку* – регулярность, чтоб все делать вовремя к месту, не забегая и не отставая, *добросовестная исправность* – расположение не жалея себя, не щадя сил выполнять по совести все, что требуется. Это – счастливейшее настроение, какое обезопасивает на всю жизнь и внешнее счастье, и внутреннее благочестие. Но все же не должно забывать, что такие настроения составляют только внешнюю доброту, внутренняя же состоит в духе благочестия христианского. (13. С. 494–496)

Правильный порядок обучения наукам

При этом применительно к учению должно только присовокупить: пусть обучение будет так расположено, чтобы видно было, что главное и что подчиненное. Мысль о сем всего легче напечатлеть распределением предметов обучения и времени. Пусть считается главным – изучение веры, пусть лучше время назначается на дела благочестия и, в случае столкновения, преимуществуют последние над научностью; пусть одобрение заслуживает не одна успешность в науках, а также вера и добродетели. Вообще надобно так расположить дух учеников, чтобы у них не погасло убеждение, что главное у нас дело есть богоугождение, а научность есть придаточное качество, случайность, годная только на время настоящей жизни. И потому никак не должно ставить ее так высоко и в таком блестящем виде, чтобы она занимала все внимание и поглощала всю заботу. Нет ничего ядовитее и гибельнее для духа жизни христианской, как эта научность и исключительная об ней забота. Она прямо ввергает в охлаждение и потом навсегда может удержать в нем, а иногда еще и присовокупить разврат, если встретятся благоприятные тому обстоятельства. (10. С. 44)

Другое, на что должно обращать внимание, это дух преподавания или воззрения на предметы обучения. Должно быть поставлено непреложным законом, чтобы всякая преподаваемая христианину наука была пропитана началами христианскими, и притом православными. Всякая наука способна к тому, и даже тогда только и будет истинною наукою в своем роде, когда исполнит это условие. Христианские начала несомненно истинны. Потому, не сомневаясь, поставляй их общею меркою истины. **У нас самое опасное заблуждение то, что преподают науки без всякого внимания к истинной вере, позволяя себе вольность и даже ложь, в том предположении, что вера и наука – две области, решительно разъединенные. Дух у нас один. Он же принимает и науки и напитывается их началами, как**

Франсиско Гойя. Читающие монахи

У нас самое опасное заблуждение то, что преподают науки без всякого внимания к истинной вере, позволяя себе вольность и даже ложь, в том предположении, что вера и наука — две области, решительно разьединенные. Дух у нас один. Он же принимает и науки и напивается их началами, как принимает веру и проникается ею. Как же можно, чтобы они не приходили в благоприятное или неблагоприятное соприкосновение здесь? Притом же и область истины одна. Зачем и набивать в голову то, что не из этой области, или с чем нельзя показаться во дворе ее светлом. (С. 521, 523)

принимает веру и проникается ею. Как же можно, чтобы они не приходили в благоприятное или неблагоприятное соприкосновение здесь? Притом же и область истины одна. Зачем и набивать в голову то, что не из этой области, или с чем нельзя показаться во дворе ее светлом. (10. С. 44–45)

Какая должна быть любовь у родителей и воспитателей

Руководитель в воспитании детей – *любовь*. Она все предусмотрит и на все изобретет способы. Но должно, чтоб сия любовь была истинная, трезвенная, разумом управляемая, а не пристрастная и поблажливая. Последняя слишком много жалеет, извиняет и снисходит. Благоразумная снисходительность должна быть; но поелику она граничит с поблажкой, то строго должно смотреть за нею. Лучше несколько передать на строгость, нежели на *поблажку*, ибо она день ото дня больше и больше оставляет неискорененного зла и дает расти опасности, а та отсекает однажды навсегда или по крайней мере надолго. Вот почему иногда существенная надлежит нужда иметь воспитателем чужого. Где любовь уклоняется от истины, там часто или почти всегда чрез пристрастие впадет она в несправедливость к детям – одних любит, а других нет, или отец любит одних, а мать – других. Это *неравенство* и у любимого, и у нелюбимого отнимает уважение к родителям и между самими детьми с таких ранних лет поселяет некоторую неприязнь, которая, при обстоятельствах, может превратиться в посмертную вражду. Что ж это за воспитание?

Не должно, наконец, забывать смирительного и вместе самого действительного средства исправления – *телесного наказания*. **Душа образуется чрез тело. Бывает зло, коего нельзя изгнать из души без уязвления тела.** Отчего раны и большим полезны, тем паче малым. *Любяй сына своего, участит ему раны,* – говорит премудрый Сирах (Сир. 30, 1). **Но само собою разумеется, что к такому средству надо прибегать в случае нужды.** (13. С. 497–498)

Франсиско Гойя. Капричос

Не должно, наконец, забывать смирительного и вместе самого действительного средства исправления — *телесного наказания*. Душа образуется чрез тело. Бывает зло, коего нельзя изгнать из души без уязвления тела. Отчего раны и большим полезны, тем паче малым. *Любяй сына своего, участит ему раны*, — говорит премудрый Сирах (Сир. 30, 1). Но само собою разумеется, что к такому средству надо прибегать в случае нужды. (С. 523)

Здесь выступает на череду преимущественно *душа*. Ее начинают организовать. Нет нужды и напоминать, что ей должно доставлять *настоящие элементы*, т. е. что-нибудь духовное, а не язык только, и элементы прочные, проникнутые истиною, добром, благочестием, и притом полные, имеющие пройти по всем частям ее, а не к одной только. Нужно это, чтоб душа не сохла от скудости, не сделалась больною от порчи и уродом от неполноты. Кроме же элементов, надобно иметь еще *уменье привить* их как должно. Душа не мертвое влагалище, а живой приемник. Можно набить ее, хоть бы даже и добром, но то, что не усвоено, не есть ее. Отсюда видно, каков должен быть учитель. Он должен иметь, кроме богатства внутреннего, еще и *опытность*. Такого можно назвать учителем способным. Приступая же к делу учительства, он должен в основу своих расположений учительских положить искреннюю, даже отеческую *любовь* к детям. Ибо, хотя в некоторой только части он берется заменять родителей, но дух должен быть одинаков и в части, как и в целом. У сей отеческой любви с одной стороны стоит *всеизобретательная неусыпность*, горящая ревностью не лишит ничего, а все доставить, с другой же *благоразумие*, остепеняющее и руководящее неусыпность. Его дело предрасполагать, подмечать начатки, блюсти тонкую постепенность. Это в развитии добра. Только при сем оно будет живо прививаться. Что до худого, его должно отсекаать без жалости, но и не без снисхождения и осторожности. Характер, звание, лета, привычка здесь очень много значат. Всегда же при нем – *степенная важность*, не высящаяся, но и не унижающая себя, привлекающая, но не поблажающая. Главное же в наставнике – *благочестие* искреннее, неподдельное, и при нем Православие... У неправославного дух не тот; сим духом и он весь пропитан, и все его знание. Он успеет передать его, хотя бы учил только языку.

Ко всем сим наместникам родителей дети должны иметь *любовь*: иначе ничто не привьется; *уважение*: иначе привитое будет чужим, в презрении, как нарост, который скоро сбросят, и

беда, если это касается религии; *благодарность*, святой плод чувства блага от воспитания; во всякое время *покорность* и терпеливое сношение их строгостей и старание предотвратить их. (13. С. 502–504)

Главные уклонения от правил воспитания и как их исправить

Как на главные уклонения можно указать: 1) на отстранение благодатных средств. Оно есть естественное следствие забвения того, что воспитываемый есть христианин и обладает не естественными только, но и благодатными силами. А без этих средств христианин есть разгороженный сад, который топчут рыщущие бесы, ломает буря греха и мира, которых некому и нечем остепенять и прогонять. 2) На преимущественное приготовление к счастью в жизни временной с заглушением памяти о вечной. Об этом говорят дома, об этом толкуют в классах, это главным выставляется в простых беседах. 3) На преобладание внешности во всем, не исключая даже священнослужения.

Не подготовленный дома, прошедши так воспитание, – неизбежно отуманен в голове, на все смотрит не теми глазами, какими должно; все представляет в извращенном виде, как сквозь разбитые или ложные очки. Поэтому и слушать не хочет ни о последней истинной своей цели, ни о средствах к тому. Все это у него дело стороннее, как бы шуточное. (10. С. 62–63)

После этого не трудно определить, что же именно нужно, чтобы исправить такой худой порядок вещей. Нужно:

1) Хорошо понять и усвоить начала истинного христианского воспитания и действовать по ним прежде всего дома. Домашнее воспитание есть корень и основание всему последующему. Хорошо воспитанного и заправленного дома превратное школьное воспитание не так легко собьет с прямого пути.

2) Вслед за тем, перестроить по новым, истинным началам школьное воспитание, внести в него христианские элементы,

неисправное исправить; главное – держать во все время воспитания воспитываемого под обильнейшим влиянием Святой Церкви, которая всем своим устройением спасительно действует на созидание духа. Это не давало бы разгораться греховным возбудителям, отвевало бы дух мира и отгоняло дух из бездны [сатану]. Вместе с этим надо направлять все от временного к вечному, от внешнего к внутреннему, воспитывать чад Церкви, членов Царствия Небесного.

Нужнее всего 3) воспитывать *воспитателей* под руководством таких лиц, кои знают истинное воспитание не по теории, а по опыту. Образуясь под надзором опытнейших воспитателей, они опять передадут свое искусство другим, последующим, и т. п. Воспитатель должен пройти все степени христианского совершенства, чтобы впоследствии в деятельности уметь держать себя, быть способным замечать направления воспитываемых и потом действовать на них с терпением, успешно, сильно, плодотворно. Это должно быть сословие лиц чистейших, богоизбранных и святых. Воспитание из всех святых дел самое святое. (10. С. 63–64)

Наконец, воспитанное дитя должно *пристроить*: дочь отдать прилично замуж, сыну достать место или вставить в порядок жизни, к какому он готовлен. В сем деле главное то, чтоб они сами могли потом безбедно жить и успешно трудиться. При выборе второй половины можно иметь в виду расположение, но не должно уважать капризов, рождающихся от соблазна блеском и видимостью, а надо делать, что разумно видится прочным и полезным.

Худо делают, когда оставляют детей влечению сердца в сем важном деле. Впрочем, и по пристройке детей не надо забывать их, но надзирать, направлять, руководить, вразумлять. И право и долг родителей не отстают от них по смерти. Ныне иначе на это смотрят. Но не все то законно, что ныне вводится. (13. С. 496–497)

5. Юношество

Главная цель христианского воспитания

Если в таком порядке будет ведено обучение, чтобы вера и жизнь в духе веры высились над всем во внимании обучаемых и по образу занятия, и по духу преподавания, то нет сомнения, что положенные в детстве начала не только будут сохранены, но и возвысятся, укрепятся и придут в соразмерную зрелость. А как это благодетельно!

Если вести в таком порядке воспитание человека с первых лет, то мало-помалу будет разоблачаться пред ним характер, какой должна иметь его жизнь, больше будет привыкать он к мысли о том, что на нем лежит обязанность от лица Бога и Спасителя нашего – жить и действовать по Его предписаниям; что все другие дела и занятия ниже их и уместны только в продолжение настоящей жизни; и что есть другое место жительства, другое отечество, к которому и надобно устремлять все свои мысли и все свои желания.

В естественном ходе развития сил каждый естественно доходит до сознания, что он человек. Но если к естеству его привито новое начало благодатно-христианское в самый первый момент пробуждения его сил и их движения (в Крещении) и если потом во всех точках развития сих сил это новое начало не только не уступало первенства, а напротив, всегда преобладало, давало как бы форму всему, то приходя к сознанию, человек вместе с тем найдет себя действующим по началам христианским, найдет себя христианином. А это и есть главная цель христианского воспитания, чтобы человек вследствие этого сказал в себе, что он христианин. Если же, пришедши в полное сознание себя самого, он скажет: я христианин, обязанный от Спасителя и Бога жить так и так, с тем чтобы удостоиться блаженного общения с Ним и избранными Его в жизни будущей, то возникши к самостоятельности, или к своеличному разумному учреждению жизни, он поставит для себя первым существенным делом –

самостоятельно хранить и возгревать дух благочестия, в котором ходил прежде по чужому руководству¹¹⁴.

Прежде было припоминаемо, что должен быть особый момент, когда надобно намеренно возобновить в сознании все

¹¹⁴ «Цель православного воспитания есть помощь детям в освобождении их от власти греха, через благодатное восполнение, находимое в Церкви. Это помощь в раскрытии образа Божия в себе, раскрытии пути к вечной жизни, приобщении к ней уже в земной жизни. Православная педагогика немислима без пробуждения глубоко заложенного в человеке чувства греха. Современная светская школа и общество истребляют в ребенке, в юноше, в девушке, во взрослом человеке сознание греха, само представление о добре и зле. Чувство греха притупляется и у многих людей, считающих себя православными. Вот почему так необходимо с детства воспитывать способность к противлению злу, и не только внешнему, а особенно внутреннему, гнездящемуся в нашем «я».

Для Православия во все времена важнейшим основанием, устоем истинной жизни было ее построение по требованиям христианского совершенства. Для православных людей святые, подвижники были образцами жизни по Богу. От понимания жизни как подвига проистекает нравственный аскетизм Православия, великая духовная дисциплина. Молитва, пост, почти монашеский строй настоящей православной жизни предполагают восхождение от силы в силу. Однако никогда православная жизнь не была мрачной и угрюмой. В православном миропонимании всегда преобладало живое разумение того, что вечная жизнь уже явлена, уже незримо присутствует в земной жизни. Отсюда удивительная радость, переполняющая человека.

В наше время духу мира, духу ограниченного материалистического мирозрения, распущенности, алчности и стремлению к обогащению мы должны противопоставить высоту нравственного аскетизма Православия как основоположение нашего образования и воспитания. Завтрашний день не только России, но и всего мира немислим без возвращения людей к идеалам духовного трезвения и самоограничения. Общество потребления, к которому многие стремятся, — очередной миф, как и многие другие социальные мифы.

Но даже самая строгая аскетическая жизнь может превратиться в фанатизм, если нет любви, если нет следования Христовым заповедям. Их сущность кратко изложил Сам Господь, сказав: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки* (Мф. 22, 37–40). Детей надо учить делам любви, следует приучать их думать и заботиться о других». *Евгений Шестун, священник*. Православная педагогика. М., 2001. С. 546–547.

обязательства христианства и наложить на себя иго их, как непреложный закон. В Крещении они были приняты не сознательно, потом были хранимы более чужим умом по чужому настроению и в простоте. Теперь сознательно должно положить на себя благое иго Христово, избрать христианское житие, исключительно посвятить себя Богу, чтобы потом все дни жизни служить Ему с одушевлением. Здесь только человек сам собою собственно начинает жизнь христианскую. Она была в нем и прежде, но можно сказать, исходила не от самодеятельности, как бы не от лица его. – Теперь он сам, от своего лица начнет действовать в духе христианина. Тогда свет Христов был в нем так, как свет первого дня [творения], несцентрированный, разлитый. Но как свету нужно было дать центры, привлекая его к солнцам, средоточиям планет, так и этому свету надобно как бы собраться около исходной точки нашей жизни, нашего сознания.

Человек становится вполне человеком, когда приходит к самопознанию и разумной самостоятельности, когда становится полным владыкою и распорядителем своих мыслей и дел, держится каких-либо мыслей не потому, что другие ему передали их, а потому, что он сам находит их верными. Человек и в христианстве остается человеком. Потому ему и здесь должно быть разумным, только сию разумность он должен обратить в пользу святой веры. Пусть разумно убедится, что исповедуемая им святая вера есть единственно верный путь спасения и что все другие пути, несогласные с ним, ведут в пагубу. Не слепым исповедником быть есть честь человеку, а сознающим, что, поступая так, он действует как должно. Все это он и сделает, когда сознательно наложит на себя благое иго Христово. Только здесь его личная вера, или добрая по вере жизнь, получает твердость и непоколебимость. Он не соблазнится примером, не увлечется пустыми мыслями, потому что ясно сознает обязательство мыслить и действовать уже определительным образом.

Но если он этого не сознал, то как прежде добрый пример настроил его делать так, как он делает, так теперь недобрый пример

может расположить его к недоброму, увлечь ко греху; и как добрые мысли других прежде владели его умом легко и без прекословия, так теперь завладеют им злые мысли. И на опыте видно, как шатки исповедание веры и доброта жизни у того, кто раньше не сознал себя христианином. Кто мало встретит соблазнов, тот и дольше будет продолжать зреть в простоте сердца. Но кому нельзя миновать их, тот стоит пред лицом большой опасности. Мы видим в житии всех, сохранивших благодать Крещения, что у них была минута, когда они решительно посвящали себя Богу. Это обозначается словами: возгорелся духом, божественным желанием воспламенился.

Сознавший себя христианином, или сознательно решившийся жить по-христиански, пусть теперь сам хранит со всем тщанием принятое от прежнего возраста совершенство и чистоту жизни, как прежде хранили ее другие. Особенных правил в руководство ему предлагать нет нужды. На сей точке он сходится с покаявшимся, который, отстав от греха, приемлет воодушевленную решимость жить по-христиански. Потому отселе он должен руководиться одними с ним правилами. (10. С. 45–48)

Великие опасности юношества

Теперь нужно сделать только некоторые, весьма, впрочем, важные, предостережения для возраста юношеского, исключительно к нему относящиеся. Как хорошо и спасительно не только быть настроену в воспитании по-христиански, но и потом сознать себя и решиться быть христианином, – прежде вступления в юношеские лета. Это необходимо ввиду великих опасностей, каким неизбежно подвергается юноша 1) по свойству своего возраста и 2) по великим в продолжение его соблазнам.

Река жизни нашей пересекается волнистою полосой юности. Это время воскипания телесно-духовной жизни. Тихо живет дитя и отрок, мало быстрых порывов у мужа, почтенные седины склоняются к покою; одна юность кипит жизнью. **Надобно иметь очень твердую опору, чтобы устоять в это время**

Книжная миниатюра. Византия. X в.

Река жизни нашей пресекается волнистой полосой юности. Это время вос-
 кипения телесно-духовной жизни... Надобно иметь очень твердую опору, что-
 бы устоять в это время от напора волн. Самая беспорядочность и порывист-
 ость движений опасна... Но если он [юноша], прежде пробуждения сих сил,
 связал себя обязательством исповедания и жизни христианской, тогда все воз-
 буждения, как уже вторичные, будут слабее и легче уступят требованию пер-
 вых... Юноша решительно хочет держать всегда свое слово. (С. 531, 533)

от напора волн. Самая беспорядочность и порывистость движений опасна. Начинаются первые его собственные движения – начатки пробуждения его сил – и имеют для него всю прелесть: силою своего влияния они вытесняют все, что прежде было положено на мысль и сердце. Препятое для него станет мечтой, предрассудком. Только настоящие чувства истинны, только они имеют действительность и значение. **Но если он, прежде пробуждения сих сил, связал себя обязательством исповедания и жизни христианской, тогда все возбуждения, как уже вторичные, будут слабее и легче уступят требованию первых** уже потому, что те старее, прежде испытаны и избраны сердцем, а главное – скреплены обетом. **Юноша решительно хочет держать всегда свое слово.** Что сказать о том, кто не только не любил христианской жизни и истины, но даже никогда не слышал о них?

В этом случае он – дом без ограды, преданный разграблению, или сухой хворост, преданный горению в огне. Когда своеволие юношеской мысли на все кидает тень сомнения, когда сильно тревожат его возбуждения страстей, когда вся душа наполняется искусительными помыслами и движениями, – юноша в огне. Кто даст ему каплю росы для прохлады или подаст руку помощи, если из сердца не выйдет голос за истину, за добро и чистоту? А он не выйдет, если любовь к ним не поселена прежде. Даже советы в этом случае не помогут. Их тогда не к чему привить. Силен совет и убеждение, если, сходя чрез слух в сердце, они пробудят там чувства, кои есть и имеют для нас цену, но только в настоящий момент отстранены другими, а сами мы не найдемся, как их высвободить и сообщить им свойственную силу. В этом случае совет – драгоценный дар юноше от советника. Но если в сердце нет начатков чистой жизни, он бесполезен.

Юноша живет сам по себе, и кто исследует все движения и отклонения его сердца? Это то же, что исследовать путь птицы в воздухе или бег корабля в воде! Что брожение вскипяющей

жидкости, что движение стихий при разнородной их смеси, то сердце юноши. Все потребности так называемой природы в живом возбуждении, каждая подает голос, ищет удовлетворения. Как в природе нашей качеству расстройство, так и совокупность этих голосов то же, что беспорядочные крики шумной толпы. Что ж будет с юношей, если он наперед не приучен влгать в некоторый строй свои движения и не наложил на себя обязательства – хранить их в строгом подчинении некоторым высшим требованиям. Если сии начала глубоко напечатлены в сердце в первоначальном воспитании и потом сознательно приняты в правило, то все волнения будут происходить как бы на поверхности, переходно, не сдвигая основания, не колебля души. (10. С. 48–51)

Последствия по выходе из юношеских лет

Какими мы выходим из лет юношеских, очень много зависит от того, какими вступаем в них. Вода, падающая с утеса, кипит внизу и клубится, а потом идет уже тихо разными протоками. Это – образ юности, в которую каждый ввергается, как вода в водопад. Из нее выходят два порядка людей: одни сияют доброю и благородством, другие омрачены нечестием и развратом; а третий – средний класс, смесь добра со злом, коим подобие – головня из огня, кои склоняются то на добро, то на зло, как испорченные часы то идут верно, то бегут или отстают.

Кто заранее скрепил себя обязательством, тот как бы укрылся в крепком, не пропускающем в себя воды кораблике, или провел по водовороту покойный желоб. Без этого же и доброе воспитание не всегда спасет. Пусть иной и не впадет в грубые пороки, но все же, если он не сомкнут в себе, то сердце его, не отрешенное от всего обетом, будет изорвано увлечениями и он неминуемо выйдет из лет юности охлажденным, не приставшим ни туда ни сюда.

Так спасительно прежде лет юности не только получить доброе настроение, но и скрепить себя обетом – быть истинным

христианином. Решившийся пусть боится самой юности, как огня, и потому бежит всех случаев, в коих юность легко развязывается и делается неукротимой. (10. С. 51)

Жажда впечатлений как опасное влечение

И сама по себе юность опасна, но к этому присоединяются еще два свойственных этому возрасту влечения, от которых юношеские возбуждения сильнее разгораются и приобретают большую силу и опасность. Это: а) жажда впечатлений и б) склонность к общению. Поэтому как средство к избежанию опасности юношеского возраста можно советовать – подчинить правилам эти влечения, чтобы вместо добра они не принесли зла. Добрые расположения, возбужденные прежде, останутся во всей силе, если их не погашать и не утеснять.

Жажда впечатлений сообщает некоторую стремительность, непрерывность и разнообразие действиям юноши. Ему хочется все испытать самому, все видеть, все слышать, везде побывать. Ищите его там, где есть блеск для очей, гармония для слуха, простор для движения. Он хочет быть под непрерывным потоком впечатлений, всегда новых и потому разнообразных. Ему не сидится дома, не стоит на одном месте, не внимает одному предмету. Его стихия – развлечения. Но этого для него мало; он не довольствуется действительным личным испытанием, а хочет усвоить и как бы перенести на себя впечатления других, изведать, что чувствовали, как действовали другие сами по себе или в подобных ему обстоятельствах. Затем он кидается на книги и начинает читать; перебирает одну книгу за другою, часто не разбирая содержания их; у него главное – найти так называемый эффект, из какого бы рода вещей он ни был и чего бы ни касался. Ново, изобразительно, остро – самая лучшая для него рекомендация книге. Здесь обнаруживается и образуется склонность к легкому чтению – та же жажда впечатлений, только в другом виде. Но и здесь еще не все. Юноша часто наскучивает действительным, тем, что как бы навязывают ему со стороны:

это связывает его и заключает слишком в определенных границах, а он ищет некоторой свободы. Затем он часто отрывается от действительного, уходит в свой созданный мир и там начинает действовать на славу. Фантазия строит ему целые истории, где большею частью герой – его собственное лицо. Юноша только вступает в жизнь. Пред ним обольстительное, заманчивое будущее. Со временем и ему там надобно быть: что же он будет? Нельзя ли как приподнять эту завесу и посмотреть? Фантазия, очень подвижная в эти лета, не медлит удовлетворением. Здесь обнаруживается и в таком роде действий воспитывается мечтательность.

Мечты, легкое чтение, развлечения, все это одно почти по духу – дети жажды впечатлений, жажды нового, разнообразного. И вред от них одинаков. Ничем нельзя лучше заморить добрых семян, положенных прежде на сердце юноши, как ими. Молодой цвет, посаженный на таком месте, где со всех сторон дуют на него ветры, немного потерпит и засохнет; трава, по которой часто ходят, не растет; часть тела, которую подвергают долгому трению, немеет. То же бывает и с сердцем и с добрыми в нем расположениями, если предаться мечтам, или пустому чтению, или развлечениям. Кто долго стоял на ветру, особенно сыром, тот, зашедши в затишье, чувствует, что все в нем будто как не на своем месте; то же бывает и в душе, развлекшейся каким бы ни было образом. Возвратившись из рассеяния в себя, юноша находит в душе своей все в извращенном порядке; а главное – некоторым покрывалом забвения задерживается все доброе и на первом плане стоят одни прелести, оставленные впечатлением; следовательно, уже не то, что было и чему всегда следует быть: расположения поменялись главенством. Отчего, возвратившись в себя после какого-нибудь рассеяния, душа начинает тосковать? Оттого, что находит себя окраденною. Рассеянный сделал душу свою большою дорогою, по которой, чрез воображение, как тени проходят соблазнительные предметы и манят за собою душу. Но тогда, как она таким образом оторвется как бы от себя, тайно

подходит диавол, уносит доброе семя и полагает злое. Так учит Спаситель, когда объясняет, кто похищает посеянное при пути и кто есть всеявый плевелы. То и другое враг человек творит.

Итак, юноша! Желательно тебе сохранить чистоту и невинность детства, или обет христианского жития, без укоров? – Сколько есть сил и благоразумия, удерживайся от развлечений, беспорядочного чтения соблазнительных книг и мечтаний! Как хорошо подчинить себя в этом случае строгой и престогаой дисциплине и быть во все время юношества под руководством. Тех юношей, коим не позволяют распоряжаться самим своим поведением до возмужалости, можно назвать счастливыми. И всякому юноше надобно радоваться, если он поставлен в таких обстоятельствах. Сам юноша, очевидно, дойти до этого едва ли может; но он покажет много ума, если поверит совету быть больше дома за делом, не мечтать и не читать пустого. Развлечение пусть отклонит трудолюбием, мечтательность – серьезными занятиями под руководством, которому особенно должно быть подчинено чтение, и в выборе книг, и в образе чтения. Как бы, впрочем, это кто ни сделал, пусть только сделает. Страсти, сомнения, увлечения разгораются именно в этом, так сказать, шатком брожении ума юноши. (10. С. 51–54)

Склонность к общению как особо опасное влечение

Вторая, столь же опасная, склонность у юноши есть *склонность к общению*. Она обнаруживается в потребности товарищества, дружбы и любви. Все они в истинном порядке хороши, но вставить их в этот порядок должно не юноше.

Юношеский возраст есть время живых чувств. Они у его сердца – как прилив и отлив у берегов моря. Его все занимает, все удивляет. Природа и общество открыли пред ним свои сокровища. Но чувства не любят быть скрытыми в себе, и юноша хочет делиться ими. Затем имеет нужду в лице, которое бы могло разделять его чувства, т. е. в товарище и друге. Потребность благородная, но она может быть и опасною! Кому вверяешь свои

чувства, тому даешь некоторым образом власть над собою. Так же надобно быть осторожным в выборе близкого лица! Встретишь такого, который далеко-далеко может завести от прямого пути. Само собою разумеется, что добрый естественно стремится к доброму, а отклоняется от недоброго. Есть на это некоторый вкус у сердца. Но, опять, как часто случается простосердечию быть завлеченным хитростью? Затем, справедливо всякому юноше советуют быть осторожным в выборе друга. Хорошо не заключать дружбы, пока не испытаешь друга. Еще лучше иметь первым другом отца, или того, кто во многом заменяет отца, или кого из родных – опытного и доброго. Для положившего жить по-христиански первый Богом данный друг – это духовный отец; с ним беседуй, ему поверяй тайны, взвешивай и поучайся. Под его руководством, при молитве, Бог пошлет, если нужно, и другого друга.

Не столько, впрочем, опасности в дружбе, сколько в товариществе. Редко видим друзей, но больше знакомых и приятелей. А здесь сколько возможно и сколько бывает зла! Есть кружки приятельские с очень недобрыми правилами. Склонившись к ним, не заметишь, как объединишься с ними в духе, подобно тому как незаметно наполнишься смрадом в смрадном месте. Они сами часто теряют сознание непотребства своего поведения и спокойно грубеют в нем. Если и пробуждается в ком это сознание, он не имеет сил отстать. Каждый опасается объявить о том, ожидая, что его после всюду будут преследовать колкостями, и говорит: «Так и быть, может быть пройдет». *Тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор. 15, 33). Избави, Господи, всякого от этих глубин сатаниных. Для решившегося работать Господу одно товарищество с благочестивыми, ищущими Господа; от других же надо удаляться и искренне с ними не обращаться, последуя примеру святых Божиих.

Самый верх опасностей для юноши – от обращения с другим полом. Тогда как в первых соблазнах юноша только сбивается с прямого пути, здесь он кроме того теряет себя. В первом своем

пробуждении дело это смешивается с потребностью прекрасно-го, которая со времени пробуждения своего заставляет юношу искать себе удовлетворения. Между тем, прекрасное мало-помалу начинает в душе его принимать образ, и обыкновенно человеческий, потому что мы не находим ничего краше его... Созданный образ носится в голове юноши. С этого времени он ищет будто прекрасного, т. е. идеального, неземного, а между тем встречается с дочерью человеческою и ею уязвляется. Этого-то уязвления больше всего надлежит избегать юноше, потому что это есть болезнь, и болезнь тем опаснейшая, что больному хочется болеть до безумия. (10. С. 55–56)

Как избежать этих опасностей

Как отворотить эту язву? Не ходи тем путем, которым доходят до уязвления. Этот путь вот как изображен в одной психологии. Он имеет три поворота.

1) Сначала пробуждается у юноши какое-то горестное чувство неизвестно о чем и от чего, отзывающееся, однако ж, тем особенно, что он будто один. Это – чувство одиночества. Из этого чувства тотчас отражается другое – некоторая жалость, нежность и внимание к себе. Прежде он жил, как бы не замечая сам себя. Теперь он обращается к себе, осматривает себя и всегда находит, что он не худ, не из последних, есть лицо стоящее: начинает чувствовать свою красоту, приятность форм своего тела, или – нравиться себе. Этим оканчивается первое движение соблазна к себе. С сих пор юноша обращается к внешнему миру.

2) Это вступление в внешний мир воодушевляется уверенностью, что он должен нравиться другим. В сей уверенности он смело и как бы победительно выходит на поприще действия и, может быть, впервые поставляет себе законом опрятность, чистоту, нарядность до щегольства; начинает бродить или искать знакомств, как будто без определенной цели, по тайному, однако ж, влечению чего-то ищущего сердца, и при этом старается блистать умом, приятностью в обращении, предупредительным

вниманием, вообще всем, чем надеется нравиться. Вместе с тем он дает всю волю преимущественному органу душеобщения – глазу.

3) В этом настроении он похож на порох, подставленный под искры, и скоро встречается со своею болезнью. Взором очей или голосом особенно приятным, как стрелою пораженный или подстреленный, стоит он сначала несколько в исступлении и остолбенении, от которого пришедши в себя и опомнившись, находит, что его внимание и сердце обращены к одному предмету и влекутся к нему с непреодолимою силою. С сей поры сердце начинает снестаться тоскою; юноша уныл, погружен в себя, занят чем-то важным, ищет, как будто что потерял, и что ни делает, делает для одного лица и как бы в присутствии его. Он точно потерянный, сон и еда нейдут ему на ум, обычные дела забыты и приходят в расстройство; ему ничто не дорого. Он болен лютою болезнью, которая щемит сердце, стесняет дыхание, сушит самые источники жизни.

Вот постепенный ход уязвлений! И само собою видно, чего должно опасаться юноше, чтобы не впасть в эту беду. Не ходи этою дорогою! Прогоняй предвестников – неопределенную грусть и чувство одиночества. Делай им наперекор: стало грустно – не мечтай, а начни делать что-нибудь серьезное со вниманием – и пройдет. Стала зарождаться жалость к себе или чувство своего хорошества – поспеши отрезвить себя и отогнать эту блажь какою-нибудь суровостью и жестокостью к себе, особенно выяснением здравого понятия о ничтожности того, что лезет в голову. Случайное или намеренное унижение в этом случае было бы как вода на огонь... Подавить и прогнать это чувство надобно озаботиться особенно потому, что тут начало движения. Остановись тут – дальше не пойдешь: не родится ни желание нравиться, ни искание нарядов и щегольства, ни охоты на посещения. Прорвутся эти – и с ними борись. Какая надежная в сем случае ограда – строгая дисциплина во всем, труд телесный и еще более головной! Усиль занятия, сиди дома, не развлекайся.

Нужно выйти – храни чувства, бегай другого пола, главное же – молись. (10. С. 57–59)

Еще две опасности для юношества

Кроме этих опасностей, вытекающих из свойств юношеского возраста, есть еще две: во-первых – настроение, по которому до небес возносится знание рассудочное, или своеличное постижение. Юноша считает преимуществом на все налагать тень сомнения и все то ставит в стороне, что не совпадает с меркою его понимания. Этим одним он отсекает от сердца все настроение веры и Церкви, следовательно отпадает из нее и остается один. Ища замены оставленному, кидается на теории, построенные без соображения с Откровенною истиною, опутывает себя ими и изгоняет из своего ума все истины веры. Еще больше беды, если повод к тому подаст преподавание наук в училищах и если подобный дух становится там преобладающим. Думают обладать истиною, а набираются туманных идей, пустых, мечтательных, большею частью противных даже здравому смыслу, которые, однако же, увлекают неопытных и становятся идолом для юноши любознательного.

Во-вторых – светскость. Пусть она может представлять нечто полезное, но преобладание ее в юноше пагубно. Она знаменуется жизнью по впечатлениям чувств, таким состоянием, в коем человек мало бывает в себе, а все почти вовне или делом, или мечтою. С таким настроением ненавидят внутреннюю жизнь и тех, кои говорят о ней и живут ею. Истинные христиане для них мистики, запутавшиеся в понятиях, или лицемеры, и проч. Разуметь истину мешает им дух мира, качествующий в кругу светской жизни, соприкасаться с которой невозбранно позволяют и даже советуют юношам. Этим соприкосновением мир, со всеми своими растленными понятиями и обычаями, набивается в восприимчивую душу юноши, не предваренного, не настроенного противно тому, а еще только принимающего настроение, и отпечатлевается на ней, как на воске, – и он невольно становится

чадом его. А это чадство противно чадству Божию во Христе Иисусе (см.: Рим. 8, 16–17).

Вот опасности для юношей от юности! И как трудно устоять! Но хорошо воспитанному и решившемуся посвятить себя Богу прежде лет юности она не так опасна; немного потерпеть, а там настанет покой чистейший и блаженнейший. Сохрани только обет христианской чистой жизни и в это время; а после будешь жить с некоторою святою непоколебимостью. Кто прошел безопасно юношеские лета, тот как будто переплыл бурную реку и, оглянувшись назад, благословляет Бога. А иной со слезами на глазах, в раскаянии обращается назад и окаявает себя. Того никогда не воротить, что потеряешь в юности. Кто падал, тот достигнет ли еще того, чем обладает не падавший? (10. С. 59–60)

6. Плоды воспитания

Главные причины потери благодати Крещения

Если возрастные, входя в себя самих, находят лишь семена зла, укоренившиеся уже и возросшие, то это не значит, что в Крещении не нисходила на них благодать. Нет, она и теперь в них, но только как искра под пеплом, как ключ в юдоли, глубоко закиданный всякого рода нечистотами, и их душа, как поле, оставленное естественной растительности, на котором не была рука делателя, на которое не падало доброе и очищенное семя, возростила одни дикие и горькие прозябения порока. Родится ли желание снова очищать сию землю? Достанет ли сил снова углубляться до источника? Придет ли воодушевление всеять пепел и возгревать погасшую искру? Но дар благодати нераскаян: он перейдет с нами и в другую жизнь и там довершит окончательный над нами приговор пред престолом Божиим. И надежда и страх! О, когда бы возвратилась к нам и вселилась в сердце наше первая благодать: ибо лучше ли, после суетных скорбей и мучений, оплакивать сию потерю чрез целую вечность! (21. С. 97–98)

Из сказанного доселе легко дойти до уразумения того, где причина того, что так редко хранящие благодать Крещения. Воспитание всему причиною, и доброму и злему. Оттого не сохраняется благодать Крещения, что не соблюдается порядок, правила и законы примененного к тому воспитания. Главнейшие причины суть:

а) Отдаление от Церкви и благодатных ее средств. Это замораживает росток христианской жизни, разобщая ее с источниками, и она увядает, как увядает цвет, поставленный в темном месте.

б) Невнимание к отправлениям телесным. Думают, что тело может всячески развиваться без вреда для души, между тем в его отправлениях седалища страстей, кои вместе с его развитием развиваются, коренятся и овладевают душою. Проникая телесные отправления, страсти получают в них себе оседлость, или устроят из них неприступную некоторую крепость и тем упрочивают за собою власть на все последующее время.

в) Безразборное, не направленное к одной цели развитие сил души. Не видят цели спереди – не видят пути к ней. Отсюда, при всей заботе о современном образовании, ничего более не делают, как только раздувают пытливость, своеволие и жажду наслаждений.

г) Совершенное забвение о духе. Молитва, страх Божий, совесть редко берутся во внимание. Была бы исправность видимая, а те внутреннейшие состояния всегда предполагаются и всегда потому оставляются себе.

д) Во время обучения – закрытие главнейшего дела побочными, заслонение его *единого* – множеством других.

е) Наконец, вступление в юность без предварительного положения добрых начал и решимости жить по-христиански, и далее, – неудерживание влечений юношеской жизни в должном порядке, предание себя всей жажде впечатлений чрез развлечение, легкое чтение, разгорячение воображения мечтами, неразборчивое общение с подобными себе и особенно с другим полом, исключительная научность и преданность духу мира, ходячим

мыслям, правилам и обычаям, кои никогда не бывают благоприятны благодатной жизни, но всегда враждебно вооружаются против нее и стремятся подавить ее.

Каждой из этих причин и одной достаточно к тому, чтобы погасить в человеке благодатную жизнь. Но бывает большею частью, что они действуют совместно, и одна неминуемо привлекает другую; все же в совокупности они так забивают духовную жизнь, что и малейших следов ее не бывает иногда заметно, – как будто человек и не имеет духа, создан не для общения с Богом, не имеет к тому предназначенных сил и не получал благодати, оживляющей их.

Почему не соблюдается целесообразный порядок воспитания – причина этому или в неведении такого порядка, или в небрежении о нем. Воспитание, оставленное без внимания самому себе, по необходимости принимает направления превратные, ложные и вредные, сначала в домашнем быту, а потом во время обучения. Но и там, где, по-видимому, воспитание совершается не без внимания и подчиняется известным правилам, оно оказывается нередко бесплодным и уклоняющим от цели по причине ложных идей и начал, на которых строится порядок его. Не то имеется в виду, не то поставляется главным, что должно; именно не богоугождение, не спасение души, а совсем другое – или усовершенствование сил только естественных, или приспособление к должностям, или годность к жизни в свете, и проч. Но когда не чисто и ложно начало, по необходимости и утверждающееся на нем не может вести к добру. (10. С. 60–62)

***Почему нужно иметь любовь к родителям
с почетом и покорностью***

Так много приемлют дети от родителей! От них временная жизнь; от них же основание, начало, способы и жизни вечной. Отсюда и дети не естественно только, но и совестно должны быть обращены к родителям с особенными чувствами и распо-

Питер Брейгель Старший. Хозяйство алхимика

Почему не соблюдается целесообразный порядок воспитания — причина этому или в неведении такого порядка, или в небрежении о нем. Воспитание, оставленное без внимания самому себе, по необходимости принимает направления превратные, ложные и вредные, сначала в домашнем быту, а потом во время обучения. Но и там, где, по-видимому, воспитание совершается не без внимания и подчиняется известным правилам, оно оказывается нередко бесплодным и уклоняющим от цели, по причине ложных идей и начал, на которых строится порядок его. (С. 544)

ложениями, сознавать себя к ним обязанными и возгревать их в себе. Главное чувство, которому большею частью не учатся, есть *любовь с почетом и покорностью*. Должно только делать сии чувства разумными и вместе прочными до того, чтоб не испарились в целую жизнь. Воля родителей, что воля Божия, лицо их – лицо Божие. Кто не чтит их, не покоряется им, отделился от них сердцем, тот извратил свою природу, отпал и от Бога. Потому всячески храни в сердце честными лики родителей твоих, ни хульною мыслью, ни словом не наводи на их лицо тени и не смущай сердца своего. Пусть есть поводы к тому – не внимай им. Лучше все потерпеть, нежели отделиться сердцем от родителей, ибо им Бог дал силу Свою. Чествуя родителей в сердце, будешь всячески остерегаться оскорбить их словами и поступками. Кто нечаянно их оскорбил, зашел далеко; кто же сделал это сознательно и в недобрых движениях сердца, тот зашел еще далее. Оскорбление родителей очень опасно. Близ него предание сатане, по тайной некоторой связи. Затмивший чествование родителей в сердце сам только отделился от них, а оскорбивший их может отделить от себя и родителей. Но коль скоро сие случится, отрезанный поступает под видимое владычество другого отца, отца лжи и всякого зла. Если это не со всяким оскорбителем случится, то тут Божие снисхождение и покров. Во всяком случае опасно оскорбление, не только бесчестно и неразумно. Потому-то всегда должно спешить восстановить здесь мир и любовь, нарушенные чрез оскорбление, чем бы то ни было. Остерегаясь от оскорблений личных, надо удерживаться от оскорблений лица родительского и пред другими – *словами поносными*, или *злословием* и хулою. Кто уже и вон понес неуважение, тот стоит на краю зла. Чтущий родителей будет всячески заботиться и поведением своим радовать их и пред другими святить их, величать и всячески защищать от неправд и оуждений. Больше всего дети должны дорожить *родительским благословением*, потому всячески стараться получить его, а для того заботиться и о том, чтоб сердце родительское было отверсто к ним, а

не закрыто. Благословение родителей похоже на всемогущее слово Божие. Как то размножает, так и сие. Напротив, неблагословение и клятва сокращает и как бы иссушает. На ком нет его, тому ни в чем и счастья нет, все из рук вон. Пропадает и свой ум, и другие отчуждаются. Наконец, сладкий и спасительный долг – *упокоение родителей престарелых*. – Тут питается пространно благодарная любовь; сим же привлекается и вся сила благословения родительского, и все блаженство благоволения Божия. Не имея родителей, вместо их можно покоить чужого старца, ибо вообще лицо старчее – богосветлое лицо. (13. С. 498–499)

Плоды доброго воспитания и сохранения чистоты

Плод доброго воспитания есть сохранение благодати Святого Крещения. Последнее вознаграждает с избытком все труды по первому. Ибо некоторые высокие преимущества принадлежат тому, кто сохранил благодать Крещения и с первых лет посвятил себя Богу.

1) Первое преимущество, как бы основание всех других преимуществ, есть целость естественно-благодатного состава. Человек назначен быть вместилищем необыкновенно высоких сил, готовых излиться на него из источника всех благ, только пусть не расстроивает себя. И кающийся может быть исцелен совершенно; но ему, кажется, не дается то знать и чувствовать, что не падавшему, или он не может услаждаться тою целостью и обладать тем дерзновением, которое бывает ее следствием.

2) Отсюда сами собою вытекают живость, легкость, неприужденность доброделания. Он ходит в добре, как в единственно сродном себе мире. Кающемся надобно долго напрягать и приучать себя к этому добру, чтобы совершать его легко, но и достигши этого, постоянно держать себя в напряжении и страхе. Напротив, тот живет в простоте сердца, в некоторой ублажающей его уверенности спасения, и уверенности не обманчивой.

3) Затем, в его жизни устрояется некоторая ровность и безостановочность. В нем нет ни порывов, ни ослабления; и как

дыхание у нас совершается большею частью ровно, так и у него хождение в добре. Бывает то же и у покаявшегося, но не скоро приобретается и не в таком совершенстве является. Колесо починенное нередко дает знать о своем пороке; и часы починенные уже не так исправны, как нечиненные и новые.

4) Не падавший всегда юн. В чертах нравственного его характера отражаются чувства дитяти, пока оно еще не сделалось виноватым пред отцом. Здесь первое чувство невинности – детство во Христе, как бы неведение зла. Сколько оно отсекает у него помыслов и томительных волнений сердца! Затем, необыкновенное радушие, искренняя доброта, тихость нрава. В нем во всей силе обнаруживаются указанные Апостолом плоды Духа: *любы, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера... кротость, воздержание* (Гал. 5, 22–23). Он как будто облечен *во утробы щедрот, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение* (Кол. 3, 12). Затем, он сохраняет непритворное веселонравие, или радость духовную; ибо в нем Царствие Божие, которое есть *мир и радость о Духе Святе* (Рим. 14, 17). Затем, ему свойственна некоторая прозорливость и мудрость, видящая все в себе и около себя и умеющая распоряжаться собою и делами своими. Сердце его принимает такое настроение, что тотчас говорит ему, что и как надо сделать. Наконец, можно сказать, ему свойственна небоязнь падений, чувство безопасности в Боге. *Кто ны разлучит от любви Божия?* (Рим. 8, 35)...

Существование в мире подобных лиц есть великая благодать Божия. Они заменяют апостольские мрежи. Как около сильного магнита собирается множество опилок или как сильный характер увлекает слабых, так обитающая в них сила Духа влечет к себе всех, особенно же тех, у коих есть начатки духа. (10. С. 64–66)

Особые плоды у посвятивших себя с детства Богу

Кто, сохранив чистоту, посвящает себя Богу с ранних лет, тот:

1) Делает дело самое угодное Богу, приносит Ему жертву самую приятную: а) потому что Богу вообще, по закону оправда-

ний, угоднее всего *первое*: начатки плодов, первенцы людей, животных и, следовательно, первые лета юности; б) потому что приносится жертва чистая – непорочная юность, что главным образом и требовалось от всякой жертвы; в) потому что совершают это с преодолением немалых препятствий и в себе и извне – с отречением от удовольствий, к каким, особенно в это время, чувствуют позыв.

Тот 2) совершает дело самое благоразумное. Надобно же посвятить себя Богу, ибо в этом одно спасение. Разве только кто предался отчаянию. Но нет лучше и надежнее для сего времени, как первое, в какое мы сознали себя, – ибо кто знает, что будет на завтрашний день? Но если бы и надеялся кто прожить долее, все не посвящая сего времени Богу, он будет только затруднять себя, привыкая к противоположной жизни, и Бог знает, одолеет ли себя после. Пусть даже и одолеет: что то за жертва Богу – больная, истощенная, поврежденная в членах, не целая? Впрочем, хотя все это бывает, но как редко! Как редко потерявший невинность успеваеет возвратить ее! Как трудно обратиться не познавшему доброй жизни с детства, живо изображает, по собственному опыту, блаженный Августин в своем исповедании. «Лета отрочества, – говорит он, – провел я в резвости и шалостях, даже непозволительных, в непослушании и невнимании к родителям. Со вступлением в юность началось распутство, и в три года я до того развратился, что после, в продолжение 12-и лет, все полагал намерение исправиться и – не находил сил этого выполнить. Даже после того, как сделал я поворот к решительному перелому воли, еще медлил два года, отлагая обращение со дня на день. Так расслабла воля от первых страстей! Но, по решительном обращении и принятии благодати в Святом Крещении, что я должен был претерпеть, борясь с своими страстями, сильно влекшими меня на прежний путь?»

Удивительно ли, что так мало спасающихся из неисправно проведенных юность?! Этот пример яснее всего показывает, в какой великой опасности находится лицо, не получившее добрых

правил в юности и Богу себя заранее не посвятившее. Какое поэтому счастье получить доброе истинно христианское воспитание, вступить с ним в лета юности и потом в том же духе вступить в лета мужества. (10. С. 66–68)

Глава девятая

ЕСТЕСТВЕННО-
НАУЧНЫЕ АНАЛОГИИ
ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

1. Физико-математические аналогии

Модель случайного блуждания в духовном пространстве

Царство Божие вот с чем можно сравнить. Вообразите себе обширную долину, полную разнообразной растительности. В середине — прекрасный дом, в коем князь красоты, ума, силы, богатств неописанных. От дома лучами расходятся дорожки, которые чем далее от дома, тем более перемешиваются и переплетаются между собой. Несмотря, однако ж, на сие переплетение, все они могут привести к дому, то есть не представляют путей заблудных. Но к последним пределам долины начинаются дорожки, кои переплетаются с дорожками чуждыми, ведущими не к дому, а в противоположную от него сторону, за пределы сей блаженной царственной долины. По всем дорожкам ходит множество людей. Идут все к князю, который обещает тем, кои дойдут до него, вечное с собою ликование — в доме, обители и наслаждения коего неисчислимы. Князь видит всех идущих и все труды, какие каждый подымлет в шествии сем. Но его начинают видеть и ощущать только те, кои вступают на дорожки, не смешанные с чуждыми путями... и чем ближе подвигаются к дому, тем яснее видят князя; а наконец лик его так печатлеется в них, что они всецело исчезают в нем, с ним как бы растворяются сознанием, себя забывая; ибо он есть весь сладость. Те же, кои ходят по смешанным дорожкам, знают, что есть князь, но не видят его, желают его, но не вкушают, ищут, но не обладают. К ним, напротив, доходят шумные ликования из враждебного князю царства и занимают их собою, и они, идя, попадают то на княжескую дорожку, то на вражескую, и склоняются то к дому князя, то в противоположную сторону. Из них одни, походив тут немного, совсем сбиваются в область врага; другие, мало-помалу подвигаясь, переступают на несмешанные дорожки и устремляются к дому князя; третьи и ко врагу не хотят, и к дому не спешат, а положили, кажется, блуждать тут до конца жизни, сльвя княжескими и не принадлежа ему по видам своим. Те, кои, минуя

дорожки смешанные, вступают на несмешанные, в первый раз встречаются с светлыми очами князя, из коих влагается в сердце их ненасытный огонь рвения к поспешному шествию. Здесь прекращается обаятельное действие вражеских кликов...

Не нахожу нужным пространно толковать сие уподобление; оно должно быть понятно вам... Блаженны перешедшие смешанные пути! — Это совершенно отрешившиеся от мира... Окаянны ушедшие на противническую сторону! Это — совсем предавшиеся миру и врагу. Идущие же смешанными путями могут быть и блаженны и окаянны. Блуждающие по сим дорожкам суть те, кои не совсем еще отрешились от мира и остаются здесь или потому, что проходят период отрешения, которое требует времени и не у всех совершается вдруг, или потому, что по лукавому саможалению не хотят окончательно расстаться с миром, а думают как-нибудь и миром понаслаждаться, и Христовой части не лишиться. Последних ожидает жалкая участь тех, коим Господь угрожает Судом: *не горяч и не холоден* (Откр. 3, 16). А первым надо сказать: что мешкать, гоняясь за призраками? Вступайте смелее в пути отрешения. Князь уже видит вас и желает вас. Минете сии смешанные пути — вступите в несмешанные. Там очи ваши встретятся с очами князя... Из них ниспадет огонь в сердце ваше и воспламенит его вседовольною любовью и рвением к шествию в дом его, не зная покоя и усталости¹¹⁵. (24. С. 16—19)

¹¹⁵ В настоящее время существует развитая математическая теория случайных блужданий в самых различных пространствах состояний, позволяющая качественно и количественно описывать сложные природные процессы, в том числе психологические и даже духовные, как мы видим из модели святителя Феофана. Любопытно, что академик А.А. Марков (1856—1922), создатель основ этой теории, сам просил Синод отлучить его от Церкви за несоответствие предсказаний созданной им теории марковских процессов с учением христианства (Архив АН СССР, Ф. 173, оп. 1, N 65. См.:

<http://www.apmath.spbu.ru/ru/misc/markov.html>).

Отсюда можно понять, что одной из наиболее важных проблем теории оказывается описание всех финальных состояний блуждания, например состояния поглощения, смерти, отражения от барьера, «уход на бесконечность» и т. д. В описанной выше модели духовного блуждания святителя Феофана таких

***Слово благовестия находит своих,
как магнит — железные частицы***

Премудрость слова означает слово, украшенное искусством красноречия и приправленное всевозможными соображениями ума. Я послан, говорит Апостол, благовестить без этих орудий человеческой мудрости, послан предлагать одну голую истину о Кресте Христовом, — говорить: Бог воплотился, пострадал, умер на Кресте и спас нас; веруйте сему, и спасетесь. Так я всегда делал и делаю: не раскрашиваю слова, не обставляю крестной смерти патетическими картинками, не придумываю никаких соображений умственных о необходимости и пригодности такой смерти к делу нашего спасения; одну эту голую истину всюду благовествую: Бог умер на Кресте и спас нас; веруйте, и спасетесь. На сердца и умы я предоставляю действовать самой сей истине, без всякого посредства человеческих пособий. Она и находит своих. Все одно, как если навесь магнит на частицы из разных металлов, магнит из всех их выберет и к себе притянет

качественно различных состояний всего три: «дом князя», «область врага» и «дорожки смешанные», или гибридные состояния. На с. 557 изображен граф (т. е. узлы и ребра, их соединяющие) более сложной модели духовного блуждания с пятью качественно различными состояниями и с переходами между ними, включающей в себя как специальный случай евангельскую притчу о блудном сыне. Ясно, что описание столь разноприродных состояний и других необычных приложений может потребовать развития теории марковских процессов в абстрактных пространствах, среди которых функционалы энергии особенно важны как для физики, так и для антропологии. В 60-х годах XX века известный математик В. Феллер построил красивую теорию абстрактных границ блуждания (Ann. Math. 1957. Vol. 65. № 3. P. 527—570). В этой теории временная динамика процесса критически зависит от поведения процесса на границах пространства блуждания, причем оказалось, что существуют граничные точки, которые могут быть недостижимы для процесса, т. е. лежат вне горизонта существования, скажем, человека, но которые существенно влияют на динамику процесса. Такие точки (внеположные истоки и стоки) возникают принудительно из локальных и глобальных ограничений на блуждание и в применении к антропологии могут интерпретироваться как источники идеальных стремлений, божественного зова или порочных наклонностей человека. Аналогично этому, но ближе к физической синергетике, чем к мате-

железные частицы; так, когда я стираю слово благовестия пред целым собранием людей, слово мое само находит своих, и те, кои суть от истины, сами к нему обращаются и прилепляются. То, что мое слово такое действие оказывает, надо приписать не моей речи, а самой истине голой и безприкрасной: Бог умер на Кресте и спас нас. Если б я стал ее прикрашивать, то с нею было бы то же, что и с магнитом, когда его обернуть тем, что мешает ему действовать на железо. Оберни я слово крестное прикрасами слова и соображениями мудрости человеческой, — я преградил бы ему путь действовать на простые сердца. И этим упразднил бы силу его. Никого бы и не обратил. И это очень естественно. Разделим слушающих на две половины: на причастных мудрости человеческой и на не причастных ей. Для первых слово о Кресте, как его ни раскрашивай, как его ни обставляй соображениями, никак не может быть вместиельно. Трудиться для них над таким словом значит напрасно терять время и силы. Если есть возможность кому из них уверовать, то разве по

матике, С. Хоружий (О старом и новом. С. 439) в рамках своей «энергийной антропологии», исключив категорию личности, построил Антропологическую Границу с тремя качественно различными областями притяжения (топикой): Внеположным Супра-Истком, Внеположным Суб-Истком и Гибридной Топикой между ними, аналогичные феофановским «дому князя», «области врага» и области гибридных состояний. При этом было сделано необязательное дополнительное предположение, что Внеположный Суб-Исток тождественен Безсознательному Психоанализа, что позволило автору в своей энергийной антропологии широко использовать психоаналитическую терминологию Зигмунда Фрейда. Стоит, однако, заметить, что Фрейд не скрывал антихристианскую направленность психоанализа (*Фрейд 3*. Введение в психоанализ. Лекции. СПб., 2001. С. 363, 368) и одновременно пытался внедрить психоанализ в науку (там же: с. 376), правда безуспешно, судя по результатам международной дискуссии о научности психоанализа (см.: Вопросы философии. 1991. № 4. С. 58–106; 2000. № 10. С. 9–14). Теперь, наоборот, психоанализ оказывается в согласии с наукой и христианством и, более того, он оказывается инструментом для анализа духовных традиций и, в частности, традиции творения Иисусовой молитвы. К чему это приводит, догадаться нетрудно. Один пример применения психоанализа к духовной жизни приведен в примеч. 119, другой — в примеч. 124.

предложению им голой истины о Кресте. В прикрасах же и соображениях они всегда найдут множество возражений против сей истины, которые не дадут ей установиться в их уме и пройти до сердца, чтобы там положить начатки веры. Так для ученых прикраса и соображения не помощь успеху слова крестного, а напротив, преграда. Преграда они и для неученых, потому что для непривычного ума запутывают истину в хитросплетения речи и в мудрования, недоступные простецам; и потому еще, что ухищрения речи и изворотливость мыслей всегда наводят подозрение, истина ли предлагается. Если истина, говори прямо и просто: что хитрить? Таков закон сердец простых. (33. С. 57–59)

***Благодатное возбуждение ставит грешника
в состояние неустойчивого равновесия***

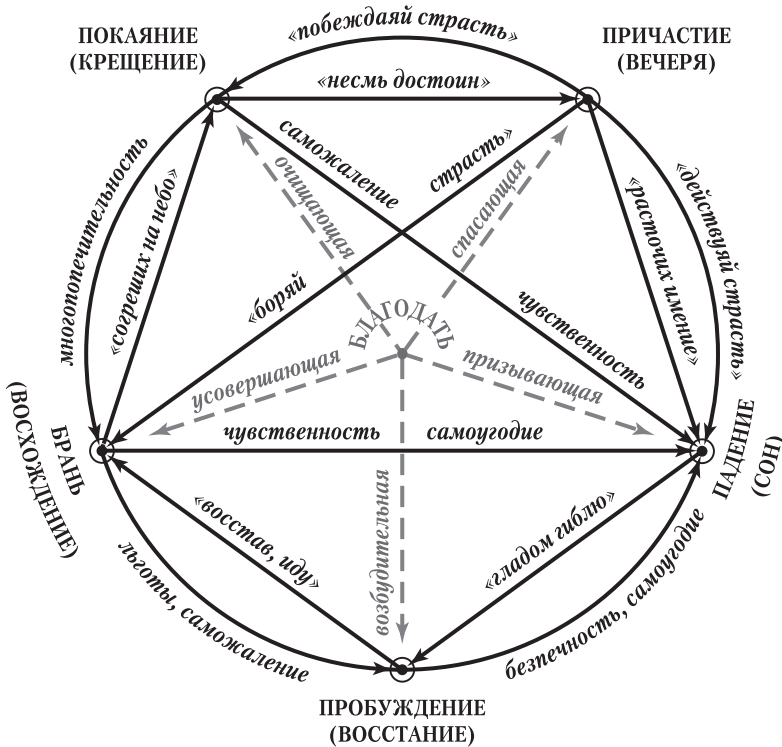
Возбужденный поставляется благодатью в среднее между грехом и добродетелью состояние. Она извлекает его из уз греха, лишив сей последний власти определять его к действию, как бы против воли, но не переводит его на сторону добра, а только дает ощутить его превосходство и отрадность с чувством обязательства быть на его стороне. Человек стоит теперь точно между двумя распутиями, и ему предлежит решительный выбор. (10. С. 133)

***Действие благодати очевиднее
всякой математической истины***

Теоретиков много занимает вопрос об отношении благодати к свободе¹¹⁶. Для носящего благодать вопрос этот решен самим делом. Носящий благодать предает себя вседействию

¹¹⁶«Восточное Предание всегда утверждало в синергии одновременность Божественной благодати и человеческой свободы. Так, святой Макарий Египетский говорит: “Воля человеческая есть как бы существенное условие. Если нет воли, Сам Бог ничего не делает, хотя и может по свободе Своей” (PG, t. 34, col. 757 A). В XIX веке епископ Феофан, великий русский аскетический писатель, утверждал, что Святой Дух, действуя в нас, совершает с нами дело нашего

**ГРАФ СОСТОЯНИЙ И ПЕРЕХОДОВ НА ПУТИ КО СПАСЕНИЮ
ИЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СВОБОДЫ И БЛАГОДАТИ
ПО ФЕОФАНУ ЗАТВОРНИКУ (10. С. 71–172)**

Теоретиков много занимает вопрос об отношении благодати к свободе. Для носящего благодать вопрос этот решен самим делом. Носящий благодать предает себя вседействию благодати, и благодать в нем действует. Эта истина для него не только очевиднее всякой математической истины, но и всякого внешнего опыта, ибо он уже перестал жить вовне и весь сосредоточен внутри... Это иногда требует много труда, болезненных самопринуждений и самопротивлений; но ему радостно приносить все в жертву Господу, ибо, после всякой такой жертвы, он получает внутреннее воздаяние: мир, обрадование и особенное дерзновение в молитве. (С. 556, 558)

благодати, и благодать в нем действует. Эта истина для него не только очевиднее всякой математической истины, но и всякого внешнего опыта, ибо он уже перестал жить вовне и весь сосредоточен внутри. Забота у него теперь одна — быть всегда верным присущей в нем благодати. Неверность оскорбляет ее, и она или отступает, или сокращает свое действие. Верность свою благодати, или Господу, человек свидетельствует тем, что ни в мыслях, ни в чувствах, ни в делах, ни в словах ничего не допускает такого, что сознает противным Господу, и, напротив, никакого дела и начинания не пропускает, не исполнив его, коль скоро сознает, что на то есть воля Божия, судя по течению его обстоятельств и по указанию внутренних влечений и мановений. **Это иногда требует много труда, болезненных самопринуждений и самопротивлений; но ему радостно приносить все в жертву Господу, ибо, после всякой такой жертвы, он получает внутреннее воздаяние: мир, обрадование и особенное дерзновение в молитве.** (18. С. 121–122)

***Состояние космической невесомости
как аналог духовного совершенства***

Говорят, что чем выше от земли, тем меньше бывает тяготение к земле и, следовательно, тем легче борьба со своею тяжестью у того, кто восходит горе, а есть, говорят, и такая черта, за которую тела совсем перестают тяготеть к земле, становятся то

спасения, но он также говорил, что “человек совершает дело своего спасения с помощью благодати Божией” (*Епископ Феофан. Письма о духовной жизни. Изд. Афонского Пантелеимонова монастыря. С. 19, 65, 67, 83*). “Благодать, — по словам святого Макария Египетского, — непрестанно сопребывает, укореняется и действует, как закваска, в человеке юного возраста, и сие, сопребывающее в человеке, делается чем-то как бы естественным и неотделимым, как бы единою с ним сущностью” (PG, t. 34, col. 528 D—529 A). Это то, что преподобный Серафим называл “стяжением благодати” — субъективная сторона нашего соединения с Богом». *Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 150—151.*

есть совсем без тяжести. Так и в степенях совершенства духовного: чем кто выше в нем восходит, тем меньше тяготит его земное; другими словами: чем кто тверже становится в добродетелях, тем меньше борют его грехи и страсти, а есть и такая высота совершенства, где страсти почти совсем замирают и душа наслаждается покоем пребывания в добре, в котором действует уже беспрепятственно, свободно, непринужденно, естественно, как, например, дыхание и обращение крови.

Но эта степень достигается уже тогда, когда в душе совершенно укореняется всякая добродетель и воссиявает безстрастие и чистота. — Это и есть небо духовное, верхний конец лестницы духовной. Достигшим этого предела принадлежат все прописанные Господом блаженства, верхом коих есть вселение Бога, виденного Иаковом на верху лестницы (см.: Быт. 28, 12—16). (19. С. 431—432)

Эфирная аналогия духовного зрения

Когда-то я заводил с вами речь о некоей тонкой-претонкой стихии, которая тоньше света. Зовут ее эфир. И пусть; не в имени дело, а в признании, что она есть. Я признаю, что такая тончайшая стихия есть, все проникает и всюду проходит, служа последней гранью вещественного бытия. Полагаю при сем, что в этой стихии витают все блаженные духи — Ангелы и святые Божии, — сами будучи облечены в некую одежду из этой же стихии. Из этой же стихии и оболочка души нашей (доразумевайте при сем слове и дух, который есть душа души нашей человеческой). Сама душа-дух невещественна; но оболочка ее — из этой тонкой невещественной стихии. Тело наше грубо; а та оболочка души — тончайшая есть и служит посредницею между душою и телом. Чрез нее душа действует на тело и тело на душу. Но об этом я мимоходом говорю. Удержите только в мысли, что душа имеет тончайшую оболочку и что эта оболочка такая же и у нашей души, какая у всех духов. Из этого вам нетрудно уже вывести заключение, что та всемирная тончайшая стихия, из

которой эти оболочки и в которой витают все духи, есть посредница и для взаимного общения наших душ и духов тех...

Та стихия, о коей речь, всюду проходит и никакой нигде помехи не встречает себе. Луч солнца проходит сквозь стекло, а та стихия — и сквозь стекло, и сквозь стены, и сквозь землю, и сквозь все. Но как она проходит сквозь все, так и те, которые витают в ней, могут проходить сквозь все, когда нужно (как Спаситель прошел в горницу, где были Апостолы, дверем затворенным). Обитают они в определенном месте; но когда им повелевается или позволяется, тотчас переносятся куда нужно по той стихии, и никаких преград не только не встречают, но и не видят. Когда нужно, переносятся; а когда нет такой нужды, на своем месте пребывая, видят по всем направлениям, что где есть и что где творится. И когда очи свои обращают на землю, т. е. на нас, грешных, то ясно видят и нас... только не это грубое тело наше, до коего им дела нет, а видят самую душу нашу, как она есть, не непосредственно, а посредством оболочки души, сродной с их оболочкою и тою стихиею, в коей они живут: ибо состояние души верно отражается в ее оболочке¹¹⁷.

¹¹⁷ «Епископ Феофан Вышенский еще до последних научных опытов считал, в качестве личного мнения, вероятным, что есть какая-то тонкая стихия, нечто вроде эфира, которая все проникает и, будучи последней гранью вещественного бытия, служит посредствующей почвой для общения между людьми, живущими на земле, и умершими, и вообще духами (Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. Письмо 13-е. С. 51 и сл.). Таким образом, он допускал возможность означенных психофизических явлений и не находил, чтобы их признание входило в столкновение с религиозной жизнью. Но эти явления и не объясняют ничего в истинах веры, так как относятся не к области Божественного бытия, а к силам природы и человеческого организма.

В язычествующей же мистике как древней, так и новейшей, все подмечаемые явления психофизического характера зачисляются ошибочно в область жизни божественной. В действительности явления сложной психофизики человека ничего не показывают, кроме ее сложности. Они не касаются жизни религиозной. Они могли бы быть такими же, если бы не существовало ни духа, ни божества». *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. С. 74.

Извольте теперь вообразить: сидят двое и разговаривают; при этом душа каждого настроена своим образом. Каждый из них не видит, что на душе у другого, по причине грубой занавески тела, за которою прячется душа; а Ангелы и святые, если обратят взор на них, увидят душу их, как она есть и что в ней есть: ибо какова она и что в ней — отражается в ее оболочке. Если в ней святые мысли и чувства, оболочка ее светла, и при каждом святом чувстве светла особым образом. А если мысли и чувства ее не совсем чисты, то и оболочка ее не светла, и от каждого нечистого чувства своим образом помрачена, являясь то как туман, то как мрак ночи. Если б вы вознеслись на небо и ангельское восприяли зрение, совлекшись, конечно, и этого тела, то, взглянув на землю, вы увидели бы вместо разнообразной массы людей некие тени светлые, полусветлые, туманные, мрачные; причем не дивно, что светло наряженные показались бы вам мрачными, если у них душа дурна, а одетые в рубище — светлыми, если их душа чиста. И вот такими-то видят нас небожители и, судя по тому, какими видят, радуются о нас или скорбят...

Так вот, когда совесть говорит, что мы чисты во всем пред Богом и людьми, то это свидетельство совести светом отражается окрест души нашей, — и все с неба видят нас светлыми. А если совесть укоряет, что мы нечисты, то мы видимы бываем темными. Но ближе тех видят нас всегда Ангелы Хранители, кого темным, кого светлым, судя по внутреннему настроению, — постоянно или случайному.

Кроме Ангелов и святых, видят нас невидимо для нас и темные силы. Только они, когда душа светла, не могут смотреть на нее, боясь, подобно нетопырям, света, а воззревают на нее лишь тогда, когда она помрачаться начинает. Они всюду стаями шмыгают и, как только заметят где потемненную душу, тотчас нападают на нее огулом и начинают вертеть ее туда и сюда помыслами, страстными желаниями и волнением чувств. Та область бурливая, о коей я говорил, что между душою и телом незаконно устрояется, есть место, где бесы подседают к душе и начинают

возметать ее, как прах ветром. Они покушаются подкрасться и к светлым душам, но бывают отражаемы и поражаемы, как стрелю, лучами света...

При чистой совести страх Божий исполняет душу и хранит ее неприкосновенною. Тогда и Господь, Который везде есть и все исполняет, посещает душу ту, и она вся становится светом и сияет, как звездочка.

Сохранившись такою чистою и светлою, душа и на тот свет переходит, по исходе из тела, такою же светлою. Святой Антоний беседовал однажды с учениками своими и увидел полосу света, поднимающуюся к небесам. Всмотревшись в нее и различив, что там такое, он сказал: это Аммон святой восходит на небо в сопровождении Ангелов.

Так вот о чем возревнуйте. На видимость свою внешнюю не полагайтесь, ибо возможно, что иное видится в нас, а иное мы — на деле. Но ведь, конечно, быть лучше, чем казаться. (11. С. 48—54)

Лучезарность святых во время молитвы

Когда душа состоит вне благодати, оболочка ее *или мрачна*, как ночь темнейшая, если кто поблажает страстям и им служит, *или сера*, как неопределенный туман, когда кто не слишком предан страстям, живет, однако ж, в суете. Под действием же благодати, вместе с тем как проникается ею душа, просветляется постепенно и оболочка ее, подобно тому как обыкновенно разгуливается пасмурная погода. Когда душа вся проникается благодатью, тогда и оболочка ее вся становится ярко-светлою. Как внутреннее все в сем случае стянуто к единому, от коего исходят и все тамошние движения и действия, то и ярко-светлость оболочки представляется исходящею из того же центра, вслед за духовными действиями. Это и есть лучезарность. Внутреннее благодатствованного блестит, как звезда, не духовным только, но и вещественным светом.

Эта светозарность внутренняя у таковых нередко прорывается и наружу и бывает видима для других. Бывши в С.-Петербурге в

сороковых годах, я слышал об этом от неких и очень желал по-видеть то своими очами. Случилось мне принять к себе одного инока, в котором начали уже проявляться ощутительные действия благодати. Началась речь о духовных вещах. По мере того как входил он в себя и мысль его углублялась, лицо его все более и более светлело, а потом стало все бело как снег, и глаза его искрились. И об отце Серафиме Саровском говорят, что он часто просветлялся, особенно во время молитвы в церкви видимо для всех. О подобных проявлениях есть много сказаний в отечниках. Об одном пишется, например, что лишь только он, став на молитву, поднял руки к небу, как из всех пальцев обеих его рук потекли пуки света на довольное пространство. О другом говорится, что ученик его пришел к нему за чем-то и постучался; ответа не было. Он пригнулся посмотреть в скважину и увидел, что старец стоял весь в огне, как столп света. И много-много есть таких сказаний. И про святителя Тихона [Задонского] я еще маленький слышал нечто подобное. Преображение Господне, когда Он явился весь облит светом, одного с этим происхождением. (11. С. 101–102)

2. Физико-химические аналогии

Духовные уроки... от воды

Вы получаете благо только вещественное: улучшается часть внешнего вашего быта, облегчается способ к удовлетворению насущных потребностей. Для тех, кои ничего не видят, кроме вещества, и за пределы его не простирают своих видов, ничего не остается теперь, кроме как приспособиться к полнейшему и всестороннему пользованию благом. Но те, у коих вещественное — не цель, а средство, с пользованием телесным не могут забывать и о духовном. У каждого из вас теперь сохранится время, труд и достаток, обратите же все сие в прибыль для духовной вашей жизни и, напоая тело, в то же время не обленяйтесь утолять и

потребности души. Как именно и чем, указание на это можете найти в уроке от воды. Просмотрите историю явления силы Божией на водах в разное время — и поучайтесь. Припомните, вот Дух Божий носится вверху воды, — вот воды отделяются от земли, — вот четыре реки напояют земной рай, — вот воды смывают неправды первых жителей земли, — Авраам, Исаак и Иаков сподобляются видений наипаче при водах. Израиль спасается от египтян чрез чудесное разделение воды, — водою, чудно источенною из камня, напояется он в пустыне, — чудом над водою же вводится он и в Землю обетованную, — у Гедеона вода испытывает воинство, — у Илии попадает жертву, — у Елисея очищает проказу. Поминайте все сие и подобное — и поучайтесь! Паче же приводите себе на мысль то, что в Церкви Христовой вода преимущественно есть не образ только благодати, орошающей, омывающей и напояющей душу, но и таинственное посредство к получению ее.

Как вода имеет свои хранилища и от них проводы, чрез кои проходит к своему назначению, так благодать, вселяясь в сердце, оттуда проходит по всем направлениям деятельности душевной и в каждой, в свое время и по роду своему, приносит плод — или помышлений благих, или начинаний добрых, или чувств и расположений святых. Войди в себя и вникни, как все сие бывает. Над этим, впрочем, непривычная мысль затруднится, может быть; но есть и другие напоминания, сколько простые, столько же и многообъятные, — разумею воды купели и слезы покаяния. Вот о них паче и помышляйте, приходя пользоваться водою, — и молитесь словами пророка Давида: *наипаче омый мя от беззакония моего, и от греха моего очисти мя... Окропиши мя иссопом, и очищуся: омыеши мя, и паче снега убелюся* (Пс. 50, 4, 9). Делая так, вы от воды естественной будете напоять себя и водою духовною и чрез то расти и крепнуть духом. Духовная жизнь не так, как телесная. Телесная крепнет, принимая вещество совне, а духовная растет внутреннею деятельностью, питаясь тем, что рождает из себя. Рождает благие мысли и святые чувства — и ими питает себя и от них растет. (22. С. 399—400)

Корчемники, чтобы больше иметь дохода, подливают в вино воду, а чтоб эта смесь не потеряла цвета и вкуса вина, подмешивают туда и еще что-нибудь и таким образом продают будто настоящее вино, но оно уже не настоящее: и силы той не имеет, и на здоровье действует вредно. Подобны им при-мешивающие к чистому слову благовестия свои мудрования. Хотя бы такие мудрования и не были ложны, а были прибавляемы в виде объяснения дела по началам ума, — и тогда они, расширяя и разводя слово без нужды, ослабляют его и отнимают у него силу и целительность, какие свойственны ему в его целостности безпримесной. Если же примешивается ложь, то все уже извращается и слова благовестия становятся зловестием. Апостол говорит: мы ничего такого не делаем, — не только лжи, но и никакого своего мудрования не прилагаем к слову благовестия, передавая его в его природной чистоте, — так, как приняли его от Бога, — как лица сознающие, что говорим пред очами Самого Бога, говорим во Христе, Его силою, Его охранением, в Его славу, или яко Его дело исполняющие¹¹⁸. (34. С. 84)

¹¹⁸ «Исходя из этого, понятно, почему Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 2000 года заявил, что “недопустимо ограничивать согласие в вере узким кругом необходимых истин, чтобы за их пределами допустить “свободу в сомнительном”. Неприемлема сама установка на толерантность к разномыслиям в вере” (Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию. 2. 10 // Сборник документов и материалов Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви. Москва, 13–16 августа. Нижний Новгород, 2001. С. 153).

Это определение нашего священноначалия категорически отвергает саму возможность существования “теологического богословия” и тем самым лишает телеологистов любой возможности остаться в рамках православного вероучения. Такой подход современных богословов (и древних еретиков) к слову Божию противоречит апостольской практике. Ведь апостол Павел говорил: *Мы не повреждаем слова Божия, как многие, но проповедуем искренно, как от Бога, пред Богом, во Христе* (2 Кор. 2, 17). И это особенно важно в свете того, что нас, православных креационистов, сторонники эволюции обвиняют в противодействии миссионерству и в склонности к выискиванию новых еретиков. Так, отец Андрей Кураев говорит: “В конце концов: богословствуем мы ради того, чтобы подарить людям Христа, или ради того, чтобы укрепить свой

Духовная жизнь, как пламень огня

Когда искра, падши в горючее вещество, раздувается ветром, то скоро превращается в пламень. Так и в нас, когда искра благодати, нами восприятая в Крещении и поддерживаемая в Покаянии и Причащении, возгревается нами посредством трудов в благочестии и добре, то светит не только внутри нас, но и вне. *Огня*, говорит Господь, *пришел Я во время на землю и как бы хотел, чтобы он скорее возгорелся* (см.: Лк. 12, 49). Сей огонь есть огонь благодати Всесвятаго Духа, нисшедшего в виде огненных языков (см.: Деян. 2, 2—4), и огонь духовный возгревающего в сердцах приемлющих Его. Вы знаете, что так есть. И поревнуйте о хранении и усилении сего огня. Когда есть сей огонь, тогда никакой труд — не в труд и все делается легко. Он приносит мир, чистоту и силу и есть то же, что крылья у птиц. Птица на крыльях взлетает на воздух, а в нас огонь благодатный восторгает дух наш горе, и не мысленно только, а делом возводит нас к божественному совершенству. (14. С. 210—211)

собственный авторитет? Поэтому в моем представлении вопрос о том, приемлем ли мы эволюционистское прочтение первых ветхозаветных страниц или же толкуем их в рамках строгого креационизма — это не вопрос о понимании нами древнейших страниц нашей истории. Это вопрос о нашем будущем. Хотим ли мы видеть нашу Церковь миссионерски активной и открытой или же всю церковную жизнь и мысль мы сводим лишь к повторению цитат из прошлых столетий?” (Цит. по: *Лебедев А.П.* Очерки внутренней жизни Византийско-восточной Церкви в IX, X и XI веках. СПб., 1998. С. 160)... Отец Андрей, похоже, не понимает, что в его словах содержится противоречие — или Церковь станет “открытой”, или Она будет “дарить Христа”. Ведь лучший миссионер всех времен апостол Павел говорил, что он не виновен в том, что для некоторых Евангелие — запах смертоносный в смерть (см.: 2 Кор. 2, 16), потому что он не *нечисто проповедует слово Божие* (см.: 2 Кор. 2, 17 — *слав.*). Слова *нечисто проповедует* являются неточным переводом подлинника, который употребляет слово *κατὰ λέγοντες* — “корчемствующие”.

Святитель Феофан так объясняет это апостольское выражение: “Корчемники, чтобы больше иметь дохода, подливают в вино воду, а чтоб эта смесь не потеряла цвета и вкуса вина, подмешивают туда и еще что-нибудь и таким образом продают будто настоящее вино, но оно уже не настоящее: и силы той не имеет, и на здоровье действует вредно. Подобны им примешивающие к

***Благодать — искра, церковностью и молитвою
раздуваемая в пламень***

Во-первых, надобно неуклонно пребывать во всем чине и устроении церковном, или в молитвенном и подвижническом труде по чину и уставу Святой Церкви. Здесь разумеется соблюдение постов, частое говение и причащение Святых Таин, все другие молитвенные освящения, хождение в храмы Божии на все службы, не в праздники только, но и во всякое время, когда позволяют дела, домашние молитвы, слушание и чтение слова Божия, беседы с людьми благочестивыми, послушание духовному отцу — вообще все, что учреждено в Церкви для созидания в нас духовной жизни, или облачение себя и всей своей жизни церковностью.

Благодать Святого Духа, нами полученная в Таинствах, есть то же, что искра, внедрившаяся в какое-нибудь вещество. Как здесь, для того, чтоб от искры загорелось вещество, необходим воздух, так что если его не будет, искра загаснет, так и в нас, для

чистому слову благовестия свои мудрования. Хотя бы такие мудрования и не были ложны, а были прибавляемы в виде объяснения дела по началам ума, — и тогда они, расширяя и разводя слово без нужды, ослабляют его и отнимают у него силу и целительность, какие свойственны ему в его целостности безпримесной. Если же примешивается ложь, то все уже извращается и слова благовестия становятся зловестием. Апостол говорит: мы ничего такого не делаем, — не только лжи, но и никакого своего мудрования не прилагаем к слову благовестия, передавая его в его природной чистоте, — так, как приняли его от Бога, — как лица сознающие, что говорим пред очами Самого Бога, говорим во Христе, Его силою, Его охранением, в Его славу, или яко Его дело исполняющие”.

И надежда Церкви не в открытости и не в бессмысленном повторении старых книг, а в неиссякающей мощи Духа Животворящего, Который и является Тем, Кто дает силу нашему слову при условии верности Его Откровению. Любая же попытка отсебятины оставляет нас со своими способностями, которые, хотя и могут быть столь же огромными, как у отца Андрея, но все же не способны подарить людям тот единственный Дар, в Котором только они и нуждаются, — Того, Кто есть Путь и Истина и Жизнь (см.: Ин. 14, 6)». *Даниил Сысоев, священник.* «Кто, как Бог?» или сколько дней длился день Творения. М., 2003. С. 194–197.

того, чтобы искра благодати, павшая в наше естество чрез Таинства, обратилась в пламя духовное, надобно нам окружить себя духовным воздухом (атмосферою); а таким воздухом служит все устроение церковное. Как движением воздуха (ветром) искра раздувается в пламень, так церковностью — сим веянием духовным — возгревается в нас сила благодати Духа Божия (14. С. 188—189)

Приложите к сему и следующее сравнение: когда искра падет на горючее вещество, то вещество это начинает тлеть понемногу, потом вспыхнет, а наконец и все обымется пламенем и, будучи по естеству темно, станет светлым и светящим по причине объявшего его огня; так и с вами будет. Согреваясь понемногу, затеплитесь, вспыхнет огонек духовный и, проникая вас по частям, всю обымет и сделает светлою, хоть сами по себе вы — тьма. (11. С. 189)

***Молиться и поглажать страсти —
поджигать дрова и потом заливать их водою***

Ходим в храмы Божии и дома обычные молитвословия совершаем, не отказываемся помочь при случае или сделать какое-либо добро и брату нашему нуждающемуся, а между тем все не видим, чтоб сердце наше горело огнем духовным и являло ему присутствие его в себе. Чего же еще недостает? Посмотрим повнимательнее на наши дела и увидим, чего еще недостает нам. Творим мы молитвы и добро какое-нибудь делаем; но тут же встретиться только случай, сейчас готовы сделать и что-нибудь недоброе, поглажаем страсти, поддаемся похоти плоти или похоти очес; и выходит в нашей жизни смесь добра со злом. А это то же, что поджигать дрова и потом заливать их водою: загорятся ли они когда? Видимо, что у нас недостает ревности, или самоотверженной решимости работать Господу во всей полноте, без поглажки и саможаления, с готовностью на все труды и пожертвования. (14. С. 190—191)

Когда сердце ваше затеплится теплотою Божиею, с того времени начнется собственно внутренняя ваша переделка. Огонек тот все в вас пережжет и переплавит, иначе сказать, все одухотворять начнет, пока совсем одухотворит. Пока не придет тот огонек, одухотворения не будет, как ни напрягайтесь на духовное. Стало быть, теперь все дело — достать огонька. И извольте на сие направить весь труд.

Но сие ведайте, что огонек не покажется, пока страсти в силе, хоть им и не поважают. Страсти — то же, что сырость в дровах. Сырые дрова не горят. Надо со стороны принести сухих дровишек и зажечь. Они, горя, начнут просушивать сырость и, по мере просушивания, зажигать сырые дрова. Так понемногу огонь, гоня сырость и распространяясь, обымет пламенем и все дрова положенные. Дрова наши суть все силы души нашей и все отправления тела. Все они, пока не внимает человек себе, пропитаны сыростью — страстями и, пока страсти не изгнаны, упорно противятся огню духовному. (11. С. 189—190)

***Молитва с помыслами,
как свеча на ветру — не будет гореть***

Также — стоим мы на молитве дома или во храме Божиим, а мысли блуждают туда и сюда: кто книги читает, кто счета сводит, кто предприятия строит, кто житейские домашние дела разбирает; и выходит, что мы стоим, как на ветру, а на ветру будет ли гореть свеча? Видимо, у нас недостает внимания к себе, трезвенности и собранности. Не слушаем мы апостольских предписаний: препоясывать чресла помышлений, трезвиться, и бодрствовать, и себе внимать — и благодать Духа Божия не внедряется в нас. (14. С. 191)

***Действие благодати в нас подобно
благородному металлу в медном сплаве***

Огонь, нечистую руду расплавляя, извлекает оттуда чистый благородный металл, — так огонь духа перечищает нечистую

природу нашу. Еще более — он растворяется с нами. Как благороднейший металл, подлитый в медь, сообщает сему последнему звук свой, чистейший и приятнейший, так благодать, растворившись с духом нашим, сообщает ему свою Божественную чистоту, — и внутренне сознаваемую, и вовне проявляемую. (14. С. 211)

В христианине уже не одно естество, а и благодать. На вид внешний он то же, что и все нехристиане, — а на деле он есть растворение и смешение естества и благодати. Медь, например, — одна — издает звук глухой, а в соединении с серебром звучит чище и звонче, хотя на вид разности и незаметно в той и другой. Медь одна — это естество наше; медь в соединении с серебром — это то же естество, облагодаствованное в Крещении. (14. С. 23)

Покаяние души подобно отжигу металла

Покаяние отвергает дверь дальнейшим в нас действиям Духа Божия, равно как нераскаянность затворяет ее. Сухая земля не плодородит: и в сердце, не орошенном слезами покаяния, не возвращаются плоды духовные. Металл, не умягченный действием огня, не способен к обделке: такова и душа, не сокрушенная огнем покаяния. Покорись Духу, умягчись сокрушением, — и Дух Божий соделает из тебя сосуд в честь, чистый и светлый, благоудный Домовладыке. (14. С. 182)

Чувства раскаяния, очевидно, имеют разлагающее действие. Слово некое проходит до разделения души же и духа, членов же и мозгов и судит помышления и мысли сердечные. Но цель, для чего производится сие в человеке благодатью Божиею, не та, чтобы только разорить, но чтобы чрез разорение старого создать новое. Это новое засеменяется веянием надежды на возможность все поправить. Есть возможность исправить неисправное и возратить потерянное, только возьмись за дело. (10. С. 156–157)

***Сердце без глубокого покаяния остается нечистым,
как непереплавленная руда***

В кающемся — то страх, то легкая надежда, то болезнование, то легкое утешение, то ужасы почти отчаяния, то веяние отрады милосердия сменяются одни другими и поставляют, или держат, его в состоянии разлагающегося, или растающего с жизнью, в чаянии, однако ж, восприятия новой.

Это болезненно, но спасительно и так неизбежно, что кто не ощущал такого болезненного перелома, тот не начинал еще жить чрез покаяние. И нет надежды, чтобы человек возмог и стал очищать себя во всем, не прошедши чрез это горнило. Решительное и живое противление греху бывает только от ненависти к нему; ненависть к нему — от чувства зла от него; чувство же зла от него испытывается во всей силе в этом болезненном переломе в покаянии. Тут только всем сердцем ощущает человек, сколь великое зло есть грех; затем после и будет бежать от него, как от огня гееннского. Без этого же болезненного испытания, хоть и станет себя очищать иной, но будет очищать только слегка, больше внешне, чем внутренне, больше в делах, чем в расположениях; а потому и сердце его будет все оставаться нечистым, как непереплавленная руда. (10. С. 72—73)

***Таинства необходимы раскаявшемуся,
как закалка размягченному металлу***

Если кузнец, сделав нож, как следует не закалит его, нож этот остается мягким и ни к чему негожим. Точно так и человек, решившийся оставить грех и начать работать Господу, если не примет Исповеди и Святого Причастия, не имеет силы и мужества ни на какое добро; бывает вял, пропускает случаи к добру и всегда почти уступает препятствиям¹¹⁹. А это значит то же почти,

¹¹⁹ Некоторые психологи, философы и богословы считают себя православными и одновременно поддерживают психоанализ, и, в частности считают, что трансфер психоанализа, хотя и с некоторыми оговорками, оказывается аналогом Таинства Исповеди. Например, в книге С. Хоружего «К феноменологии

что оставаться в том же положении, как прежде, или остановиться на полдороге. (30. С. 33)

Наказания Божии и скорби подобны закалке металла

Егоже бо любит Господь, наказует: бьет же всякаго сына, егоже приемлет. Аще наказание терпите, яко же сыновом обретается вам Бог (Евр. 12, 6—7)...

Прибавьте и еще подобных мест побольше... и перечитывайте их... Они очистят око сердца вашего и научат, как смотреть на скорби, утеснения, поношения. — Утвердитесь в убеждении, что все от Бога... до малейших случаев... и принимайте все, как лично от Него на вас налагаемое. И благодумствуйте, и благодарите. Ибо все ко благу вам, видимо ли то или невидимо. Знаете, как закаливают железные изделия? Окончив все в совершенстве, разжигают добела... и в холодную воду. (6. С. 163)

аскезы» читаем: «Несовместимость покаянного и аналитического душевного состояния можно обойти и снять, возложив труд анализа, если не целиком, то большею частью, на другое лицо — исповедующего иерея, духовного учителя... Можно здесь видеть известную аналогию с методикой психоанализа, где внутренний процесс корректируется и преобразуется путем вовлечения другого участника, на базе явления переноса (*transfer*)» (*Хоружий С.* К феноменологии аскезы. С. 92).

Следует пояснить, что трансфер — это одно из главных изобретений психоанализа, и он состоит, как обычно думают, в актуализации прошлого опыта пациента и перенесении его на психоаналитика, чем достигается лечебный эффект осознания. На деле для лечения невроза неизвестной природы «искусственно порождалась “болезнь” — *невроз трансфера*, — связанная с личностью психоаналитика... Психоанализ сам “творит свой объект”. Реальный невроз не доступен контролю. Пациент может лгать, смешивать фантазм с реальностью, перепутывать роли... Невроз трансфера позволяет психоаналитику понять, как возникает эта ложь и путаница, а значит — осознать бессознательные механизмы сопротивления пациента» (*Шертон Л., Стенгерс И.* Удар по нарциссизму // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 80). «Именно в этом смысле и психоанализ подвергался обвинениям в том, что он порождает те самые формы... которые затем принимаются “исправлять” или “лечить”» (*Автономова Н.С.* К спорам о научности психоанализа // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 75). Таким образом, согласно свидетельству самих психоаналитиков, их методика лечения, вопреки широко распространенному представлению, и близко не на-

3. Гидродинамические аналогии

***Молиться урывочкам — все равно что запружать реку
отдельными комьями земли***

А главное, что подobaет? Уж браться за дело, так браться, а урывочками ничего не будет. Когда запружают пруд — как делают? Вдруг спешат завалить проход. А если положить ком земли и бросить дело, то вода разнесет его. Опять положить ком и оставить — опять вода разнесет. И так — труд без конца, — а пруда все-таки не состроим. Примените это к душе. Ток помышлений, как река, быстро льется из головы и сердца. Вдруг надобно зажать проходы, — и уж не отпустить. А если немного подержать и отпустить — ничего проку не будет. Это то же, что строить и разорять. (15. С. 51)

поминает Таинство Исповеди. Но тогда откуда появилась эта устойчивая аналогия трансфера и исповеди? Ответ давно известен: «После того как процесс секуляризации в Европе XIX века уничтожил, в частности, и ритуал исповеди, очищения и прояснения души, освобождения ее от страстей и грехов, психоаналитик действительно предстал как “исповедник дьявола”. Лишаясь своего этико-религиозного смысла, психоаналитическая исповедь приобрела зато психотерапевтическое, или освобождающее, значение в светском смысле слова» (*Автономова Н.С.* К спорам о научности психоанализа // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 73). Но психоанализ на этом не останавливается, «ибо с недавних пор обнаруживается, что наступление психоанализа заходит все дальше и дальше в том смысле, что если раньше он нападал на традицию под предлогом ее объяснения, то теперь стремится к намеренному искажению самого понятия традиции... Тут сразу становится понятным подрывной характер этого подхода: воспользовавшись определенными традиционными понятиями, их перелицовывают и заменяют “сверхсознательное” своим “подсознательным”, ставят недочеловеческое на место сверхчеловеческого. Такой подрыв куда более опасен, чем простое отрицание, а потому мы не преувеличиваем, говоря, что тут подготавливается путь к истинной “контртрадиции”, призванной служить орудием той “духовности наизнанку”, которая к концу нынешнего цикла, к “царству Антихриста” должна будет отпраздновать свой видимый, но преходящий триумф» (*Геон Р.* Традиция и бессознательное // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 51, 53). В этой связи необходимо обратить внимание на то, что именно такой прием замены «сверхсознательного» своим «подсознательным» применен в энергийной аналогии благодати и описан в примеч. 124.

***Своя молитва с чувством изливается из сердца,
как вода из переполненного сосуда***

Как из сосуда — переполненного — сама собою изливается вода, так из сердца, посредством молитвословий исполнившегося святых чувств, сама собою начнет исторгаться своя к Богу молитва. (31. С. 10)

***Молитва, утесненная страхом,
как фонтан, устремляется горé***

Когда сжать мех, наполненный водою, вода начнет бить из него фонтаном вверх, лишь найдет или прорвет отверстие. Стесняй и ты себя во время молитвы страхом суда, и вопль из сердца, как фонтан, устремится горé, взывая о помиловании. (17. С. 443)

***Насильная радость, как палка,
вертикально погружаемая в воду, выталкивается из сердца***

Духовная радость не есть минутное, случайное, принужденное влечение сердца, а есть отражение постоянного радостного состояния всего существа, преимущественно из отношения его к Богу, — и восприятия от Него помянутых благ. Можно насильно напрягать свое сердце на радость; но радость будет извергаема из него тотчас, как палка, вертикально погружаемая в воду. Можно на минуту обмануть сердце представлением ему мнимых благ, но это будет не обрадование, а опьянение, кончающееся обычно большим томлением. Блюдитесь же и не обманитесь. (21. С. 128)

4. Оптические аналогии

Внимание и молитва, как фокусирование лучей света

Рассеянные лучи солнца не зажигают сами собою, но когда посредством зажигательного стекла соберут их в одну точку, они зажигают скоро всякое горючее вещество. То же делается и в нас. Когда мы не внимаем себе, наши мысли и чувства нахо-

дятся в рассеянии; а когда внимаем, они собираются воедино, и в сердце нашем возжигается тогда теплота — от помышления о Господе вездесущем и вся исполняющем.

И так, внимая себе и умно предстоя Господу в сердце, будем ходить в заповедях Божиих и во всем устроении церковном, — и благодать Духа будет неугасимо гореть в нас. Огонь Духа попа-лит тогда все нечистое, и мы созиждемся в жилище Божие сим Духом. Только все сие непременно надобно творить вместе. Коль же скоро чего будет неоставать, то это недостающее разорит и то, что есть, — и особенно, если недостает внимания к движениям сердца и осмотрительности... Мы ныне молимся и завтра будем молиться. Господь милостивый, смотря по усердию молящихся, пошлет иному теплоту и согреет сердце его. Это будет движение Духа благодати. Но если потом мы не поостережемся и или за столом употребим чего лишнее, или сну неумеренному предадимся, или пойдем развлекаться по гульбищам, или войдем в разгульное товарищество, или балаганы и театры пойдем смотреть — эти бесовские лицедейства, то вся собранная здесь теплота отойдет от нас, мы останемся опять пусты и холодны и, может быть, более, чем прежде¹²⁰. (14. С. 192)

У естествоиспытателей есть прибор, состоящий из вогнутой большой тарелки, которая, принимая лучи теплоты, собирает их в одну точку и зажигает таким образом вещество, какое будет подставлено. Нечто подобное можно сделать и над сердцем. Соберем на своде ума нашего все поразительные истины, какие

¹²⁰ «Религиозное состояние души характеризуется сосредоточенностью всех сил духа на восприятии и переживании религиозного Предмета. Религиозность не рассеивает лучи духа, а собирает их в единый “фокус”: именно из этого фокуса и исходит горение, как это описывает [епископ] Феофан Затворник: “собранный должен гореть”... Религиозный дух не скитается по множеству, по пестрому разнообразию внешних, поверхностных случайностей; напротив, он извлекает себя из них именно потому, что они поверхностны и несущественны; он отрывается от них именно за то, что они при такой несущественности соблазняют поверхность души своим разнообразием и своей назойливой

представляет нам святая вера, и наведем их на сердце. Теснимое и проникаемое ими со всех сторон, оно, может быть, уступит силе их, умягчится, расплавится, породит пары воздыханий и загорится огнем сокрушения. (19. С. 330—331)

Действие благодати, как фокусирование лучей духа

Порывы высших стремлений духа суть остатки образа Божия в человеке — образа разбитого, посему и обнаруживаются подобно тому, как лучи раздробленные и рассеянные. Надобно собрать эти лучи в одно, как бы сконцентрировать, и тогда в фокусе образуется луч зажигающий. Сие-то, так сказать, сконцентрирование лучей духа, единичного в себе, но раздробившегося в многочастной душе, и производит возбуждающая его благодать и возжигает огонь жизни духовной, не в холодное созерцание поставляя человека, а в некое горение живительное. Такое собрание духа воедино сходится в чувстве Божества: тут и зародыш жизни. Так и в природе: до тех пор не является жизнь, пока силы ее действуют раздробленно; но как скоро высшая сила собирает их воедино, тотчас является живое существо, например растение. Так и в духе. Пока стремления его прорываются раздробленно, то одно, то другое, и одно в одну сторону, а другое в другую, — нет в нем жизни. Когда же высшая, Божественная сила благодати, одновременно наитствуя дух, сводит все его стремления воедино и держит их в сем едином, тогда — и огонь жизни духовной¹²¹. (10. С. 131—132)

яркостью. Но не следует разбрасывать себя и по множеству различных духовных обстоятельств: эти обстоятельства потребуют актов различного строения, то есть быстрой смены и приспособления, что вызовет опасность поверхности и рассеяния. Лучше сначала выковать себе религиозный акт единого строения, укрепиться в нем и затем приучать себя постепенно к восприятию Божиих лучей в иных и новых формах их явления... Религиозный дух не должен ослаблять себя экстенсивным разбродом сил; он учится быть сильным через сосредоточение». *Ильин И.А.* Аксиомы религиозного опыта. С. 188—189.

¹²¹ «И вот, если эта последняя, первоначальная существенная глубина души, — духовность ее инстинкта, — захвачена и зажжена, то из загоревшегося

Вот и еще один образ! Зрительные трубки имеют три состава. Когда вдвинут сии составы один в другой, трубки не показывают вещей как следует, а когда они раздвинуты по соразмерности, все тогда видно в них хорошо. Трубка есть образ нашей трехсоставности — из духа, души и тела. В падении дух подчинился душе, а душа и дух — телу и чрез то стали дурно видеть свои отношения, дурно держать себя в них. В получившем новое благодатное рождение дух возводится в свое право — держать душу в своем чине, а чрез нее и тело. Человек тогда получает predeterminedный строй частей естества, ясно сознает свое отношение к небу и земле и достойно себя держит в сих отношениях. (14. С. 24)

***Переливы цветов радуги,
как обязательность для нас всех добродетелей***

Все цвета, сколько их есть, только разнообразные сочетания семи цветов радуги, явленной на небе после потопа в знамение обезопасения и помилования преступного человечества. Своего рода радуга воссиявает и в духе нашем, когда по спадении вод

лона ее начинают исходить “искры” и “лучи”, пронизывающие всю душу, а к нему начинает приливать вся сила духовного присутствия, так, что оно становится средоточием жизни и духа в данном человеке. Божественно-предметное содержание, пленившее душу и зажегшее ее дух, переживается как несомненно и абсолютно реальное, и по сравнению с ним все остальное кажется второстепенным, несущественным, недостоверным, сомнительным, может быть, даже прямо иллюзорным. Сам же человек приобщается новому способу жизни: он испытывает силу собранности, полноту сосредоточенного до огненности бытия; он впервые изведывает ту власть, которая возникает из концентрации множества разрозненных сил; он познает онтологическое значение моноидизма, когда человек одержим единой, главной идеей, и силу единовластия, когда все свободно подчиняется единому центру.

Это и есть приблизительно та стадия религиозного опыта, которую [епископ] Феофан Затворник обозначает словами: “собранный должен гореть”. Человек научается *быть по-новому, быть подлинно*; или, иначе, он перестает быть “существователем” (выражение юного Гоголя), он впервые научается *быть* и разочаровывается в том перемогающемся, рассеянном существовании, в котором он доселе влачил свои дни». *Ильин И.А.* Аксиомы религиозного опыта. С. 303—304.

нечистых помыслов и пожеланий и по принесении Богу жертвы всецелого предания себя в волю Его благоволит Он отпечатлеть в нас ощутительное знамение Своего с нами примирения. Вот из каких цветов слагается сия радуга: духа премудрости и разума, духа совета и крепости, духа ведения и благочестия, духа, наконец, страха Божия...

Радужные цвета являются еще чрез преломление лучей солнца в призме. Это наводит нас вот на какую мысль: непреступный свет Триипостасного Божества, отражаясь в приемлющих его небесных силах, духовно оцвечивает их соответственно степени своего таинственного в них преломления и тем определяет характеристические черты девяти чинов ангельских. Подобное нечто совершается и в нас. Когда чистейший, нераздельный свет святости Божией падает на наше естество, составленное из девятерной иерархии силы, то соответственно тому, как, в какой части преломляются, дает бытие следующим девяти цветам духовным — плодам Святого Духа, как исчисляет их святой Апостол, говоря: *Плод духовный есть любви, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание* (см.: Гал. 5, 22)...

Цвета в радуге располагаются один над другим в восходящем порядке, и притом так, что один будто входит в другой, и все составляют непрерывную лестницу, стремящуюся к небу. Укажу вам одно место о подобном сочетании и добродетелей, как бы о переливах духовной цветности. По получении благодатных сил, учит апостол Петр (см.: 2 Пет. 1, 5—7), принесши со своей стороны в дело спасения все тщание, — *подайте далее в вере вашей добродетель, в добродетели разум, в разуме воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь*. Есть что-нибудь такое у кого?

Видали ль вы, как разноцветно играет луч солнца в капле росы, когда застает ее на цветке?! Сделаем и себе нечто приспособительно к сему! Пройдемте умно по всем цветам обязательных

для нас добродетелей и, не находя их в себе, оросим их слезами глубокого сердечного сокрушения. Когда потом воссияет в нас Солнце Правды, луч Его разноцветно отразится в слезах наших. (21. С. 22—23, 25)

5. Электрические аналогии

Молитва доходит к святым, как действие электрического телеграфа

Вам, вероятно, приходилось слышать вопрос, как святые слышат молитвы наши, или, может быть, и сами вы задавали его себе. В ответ на него толкуют-толкуют, а вопрос все остается вопросом. По-моему же, при предположении той стихии*, выходит, как святые могут не слышать наших молитв? Вы знаете, как действует электрический телеграф? В Петербурге, например, заводят известный аппарат, в то же мгновение то действие петербургское отражается в Москве в подобном же аппарате и в том же значении, в каком там происходит движение. Почему так бывает? Потому что и аппараты те однородны, и соединяющая их проволока к ним же подложена. Так, что действие такого телеграфа — то наша молитва. Мы и святые — как бы два аппарата — однородные, а среда, в коей святые и коею окружены души наши, — это проволока. Когда истинная молитва — сердечная — подвигнется в душе, тогда она, по той стихии, воздействуя на нее, как лучом света, пролетает до святых и сказывает им, чего мы хотим и о чем молимся. Между нашею молитвою и услышанием нет промежутка, только надобно, чтоб молитва шла из сердца. Оно у нас и есть телеграфный для неба снаряд. Те же молитвы, кои не из сердца, а из головы только и с языка идут, не дают луча, восходящего на небо, и не бывают слышны там. Да это и не молитва, а только приемы молитвенные...

* См.: *Эфирная аналогия духовного зрения* (с. 559).

Не буду скрывать от вас, что хоть помолились вы так, но чтобы всегда так молиться, едва ли сможете. Такую молитву Бог дает или Ангел Хранитель возбуждает. И она приходит и отходит. Из этого не следует, однако ж, что нам позволительно оставлять труд молитвенный. Приходит она, когда кто трудится в молитве, а кто не трудится, к тому не придет. И видим, что святые отцы много трудились в молитве и трудами сими возгревали в себе дух молитвенный. Как доходили они до этого, изображение того оставили они нам в своих писаниях. Все ими на сей предмет сказанное составляет науку о молитве, которая есть наука из наук... И еще приложу: важнее молитвы ничего нет. Следовательно, и трудиться над нею должно — и усерднее, и больше всего. (11. С. 55—57)

***Благодать сходит на смиренных,
как электричество с облаков на высокие предметы***

Когда собираются облака на небе и покрывают все видимое нами небо, — они бывают полны световым веществом, которое называют электричеством. Вещество сие любообщительно, и как только есть где готовность принять его, оно тотчас исходит и явно бывает — и там — на небе, и здесь — на земле. Привлекают его предметы — высокие, острые, чистые; проводит влажность, течение воздуха. Когда есть что из сего в земных вещах и в такой силе, что способно привлечь его, оно нисходит на землю, а когда нет, не нисходит, — и облака проходят так. — Точь-в-точь то же бывает и в духовной жизни. — Покров небесный простерт, как облако, над нами и исполнен небесных благодатей — любообщительных, готовых тотчас низойти, если есть между нами лица, привлекающие и способные принять, — такие т. е. лица, кои по свойствам своим духовным подобны предметам вещественным, привлекающим из облаков свет. — Вот сии свойства! Что в вещественном — высота, то в духовном — смирение: ибо оно у Господа высоко; что там острота, то здесь устремление ума на небо; что там чистота, то здесь искренность

желания небесных вещей; что там течение воздуха, то здесь движение святых чувств и помышлений; что там влажность, то здесь сокрушенное и слезящее сердце; что там теплота, то здесь горение духа, уповательною молитвою согретого. (21. С. 4—5)

Слыхали вы о веществе, которое называют электричеством? Когда его возбуждают в какой-либо вещи, или наполняют им вещь, тогда сия вещь делается сосудом электричества, и кто коснется ее, из нее исходит искра и делает чувствительный удар в палец или в ту часть, которой коснешься ее... Так Бог устроил Церковь — всю ее и все то, что есть в ней, исполнил благодати; так что ищущие через все церковное могут воспринять ее. Того слово обращает, другого — пение, того икона поражает, другого — священнодействие... тот великим чем поражается, а другой — малым; но во всех случаях действие одно, как удар какой исходит, поражает сердце, и оно становится с той минуты иным.

Как во внешней природе, — употребим то же сравнение, — помянутое электричество не на всякое тело действует... но на те только, кои к тому предрасположены... так и в духовном мире: пока не вообразятся в духе нашем потребные расположения к приятию благодати, благодать не изливается в него, чтобы не быть изливною всеу. (24. С. 14—15)

Иногда дается осязательно ощутить невидимую некоторую силу, среди видимых сил и явлений действующую, но разительную отличную от них и исходящую из иного мира. Сюда относятся все вообще чудеса, помощью которых бывшие обращения исчислить и возможности нет. И Спаситель сказал, что неверующие и не уверуют, если не увидят знамений. Большая часть их явлена после Христа Спасителя, в первые времена христианства Апостолами, а за ними святыми мучениками. Разительность присутствия здесь силы невидимой Божией часто обращала целые села и города, но никогда не оставалась совсем бесплодною. Кровь мучеников действительно лежит в основании Церкви...

Бывали и такие случаи, что сила Божия являлась сама, без посредства лица человеческого... При всех таких явлениях сознание, запутанное разными предметами и обольщениями мира и держимое безвыходно в порядке видимом, чувственном, внешнем, — разительным, нечаянным и мгновенным представлением ему высших лиц и сил, из невидимой некоторой области, мгновенно исторгается из своих уз и втесняется в иной чин бытия и жизни и, пораженное, стоит в нем. Здесь происходит то же, что при возбуждении электричества в каком-либо теле электричеством другого тела. — Это последнее исторгает то из уз вещества и, привлекая к поверхности, держит пред собою. (10. С. 87)

«Много сплю, ем много». Сибаритство, выходит, магометанство. Видали вы электрическую машину? Подле колеса у ней есть медный цилиндр, в который из колеса, чрез трение, переходит электричество и набирается в нем в такой силе, что убить может, если коснуться неосторожно. Но если из этого цилиндра пустить в землю цепочку, то в нем и знаку не будет электричества, потому что оно в то же время, как входит в цилиндр, переходит в цепочку и уходит в землю. В таком точно положении вы со своим сном и ястием. Что ни успеете вы собрать духовного, все то, что чрез них рассеивается, уходит — и вы пусты. Нет, уж тело надо стеснить малоспанием, и малоястием, и преутруждением. Кто из отцов наших имел успех без стеснения плоти? Я, кажется, вам писал, что тело надо держать в струнку... как солдата во фрунте. Вот это и есть, что теперь говорю. Пока будете покоить тело, не ждите ничего доброго. (2. С. 181—182)

Благоговейный страх подобен молнии, очищающей воздух

Когда мысль погрузится в Безпредельного и выйдет из себя, то исчезает в глубоком изумлении. Но лишь только обратится к себе, то, принося с собою сознание Безпредельного и в сей же акт, как бы налагая его на свое ничтожество, поражается, как

ударом каким, сею несоизмеримостью и падает в благоговейном трепете в прах пред созерцаемым величием Бога при сознании своего ничтожества. Но должно знать, что сей страх не имеет муки. Им поражаться сладостно, как и вообще всякое мысленное, но истинное прикосновение духа нашего к Богу, из Коего он, есть сладостно и блаженно. Сила сего благоговейного страха велика: он проходит до разделения души и духа, членов же и мозгов, как бы истнивает и истончивает духовным действием своим и душу, и тело. Чувствующий его падает ниц, готов бы пройти в утробу земли, сквозь все твари, в бездну, туда, где нет ничего, от сознания своего ничтожества и величия Божия. Но при всем том ему приятно пребывать в сем состоянии: оно разливает отрадную прохладу в существе его, может быть оттого, что есть истинное стояние твари в отношении к Творцу, или оттого, что здесь совершается истинное, а не мысленное проникновение ее существа силою и действием Божества. Оттого плодом благоговейного страха всегда бывает отрезвление, освежение, очищение духа. Как молния, проходя пространства воздушные, пожигает там всякую нечистоту и примесь и делает воздух чистым, так и огонь Божества, при благоговейном страхе, поедает нечистоту духа и очищает его, как золото в горниле. Потому все, проходившие степени совершенства, существенным условием к тому, а вместе могущественнейшим средством, признают сей благоговейный страх. (15. С. 339—340)

6. Биологические аналогии

Жизнь растений — подобие духовной жизни

Растение, будучи земного происхождения, получает пищу свою из земли и из того, что есть вокруг него. Душа же, созданная по образу и подобию Божию, будучи происхождения небесного, может питаться лишь стихиями небесными, исходящими от Бога, к ней направленными. Таким образом, растению нужен

свет: без него оно вянет, а душе нужен свет небесный — это истина Божия. Обильно предлагается она в Церкви Божией всем желающим внимать, предлагается и в чтении слова Божия, и в проповедях, и в песнях церковных, и во всем устроении и чинопоследованиях церковных, и в писаниях отеческих, и в многих-многих душеспасительных книгах. Желающие обильно черпают здесь свет истины Божией и веселятся под осиянием ее. Но не все же так делают, и не всё, что с виду кажется вместилищем истины Божией, в самом деле вмещает ее...

Растению, чтоб жить и расти, нужен воздух — без воздуха оно замрет, и для души нужен воздух небесный. Это — вся церковность, или все боголепные священнодействия Церкви. Тут только и бывает душа как бы в своей атмосфере, а вне ее душно. Как чахнет чахоточный, так чахнет душа вне Церкви, в пространных будто бы обычаях мира. И вот отчего: кто только и знает, что балы да театры, гулянья да концерты и тому подобное, душа того глубоко ноет и томится, когда он остается один сам с собою. Она говорит ему в эти тяжкие минуты: «Мне душно; возьми меня отсюда и введи туда, где воздух всегда чист и небо светло».

Для растения нужна влажность, соки, которые пьет оно корнями и, проводя в ствол, образует себя переделанною осадкою их, и для души нужна своего рода переделка и осадка духовных соков. Это совершается повседневным доброделанием, или исполнением заповедей, к каким представляет случай обыкновенное течение жизни нашей... А когда этого нет — нет и добрых дел: чем же тогда питаться душе? Вот она и томится, и жалуется человеку: «Пересади меня с этой сухой или гнилой почвы на ниву Божию, ниву добрых дел, требуемых заповедями Христовыми!» (19. С. 402—408)

Покой плоти губит все добро, трудом добытое. Это похоже на то, как если б хозяин сам своими руками обламывал прекрасное дерево, возвращенное с большим старанием. (17. С. 436)

Дерево глубоко пускает корни в землю и стоит твердо, не передвигаясь, теми же корнями извлекая себе из земли и питательные соки. Как, говорит [Апостол], дерево корнями углубляется в землю, так и вы всеми корнями жизни вашей пребывайте углубленными в Господа Иисуса и ссите из Него соки духовно-благодатной жизни. Не исторгайтесь из Него корнями сими, чтобы пересадиться на другое что. Дерево пересадишь, оно и на другом месте утвердится корнями и будет жить как следует. А если вы, исторгшись из Христа Господа, на чем-либо или на ком-либо другом укоренитесь, то жить уже как следует не можете, будете казаться живущими, но не будете действительно живыми, ибо источник духовно-благодатной жизни один Христос Господь. Кто не пребывает в Господе, тот ни жить, ни плодопринести не может (см.: Ин. 15, 1–6). (37. С. 101–102)

Как прививают деревья, так прививают сердце к Богу

Когда прививают дерево, то надрезают тело его, влагают заимствованный прививок внутрь и все, обвязывая, прикрывают, чтобы там внутри незримо совершилось сращение заимствованного со своим. — То же делайте вы и с сердцем. Бог, создав человека, украсил его всякого рода добродетелями: верою, послушанием, смирением, милосердием, воздержанием, кротостью, братолюбием, боголюбием, богомыслием — словом, всякою добротой. Но когда пал человек, пришел враг и против всякой добродетели посеял свое зло в естестве нашем и привил против веры — неверие, против смирения — гордость, против братолюбия — ненависть, против боголюбия — тварелюбие и проч. И стали все ростки сердца нашего исполнены смешанных нечистых соков, не могущих давать плодов вкусных. Вот почему необходимо прививать нам себя, чтобы исправить испорченные соки.

Как прививать? — Так же, как прививают деревья. Там отрезают верхушки деревца или ветви, — отрезайте и вы дикие ростки сердца самоотвержением и самопротивлением. Там врезывают заимствованный прививок, — врезайте и вы заповеданные

добрые качества в сердце самопринуждением. Там обвивают прививок, чтобы невидимо и спокойно совершилось сращение, — обвивайте и вы всех себя попечительными учреждениями Церкви, чтобы под прикрытием и влиянием их незримо для вас самих совершилось сращение желаемых добродетелей с сердцем вашим.

Другими словами — вот что сделайте: противьтесь гневу и принуждайте себя на кротость — и привьете кротость. Противьтесь гордости и принуждайте себя на смирение — и привьете смирение. Противьтесь тварелюбию и принуждайте себя на боголюбие — и привьете боголюбие. Так, противясь всякому злу и принуждая себя на всякое добро, среди молитвований и освячительных правил Церкви, зло одно за другим вы будете отсекаль, а добро на место его прививать и возвращать. — И явится сердце ваше садом, исполненным всякого рода добродетелями, — или одним деревом многоветвенным и многоплодным, которое и будет потом взято в рай небесный на украшение и исполнение его. (21. С. 12—13)

***Молитва так же неотлучна от добродетелей,
как благоуханный цвет от листьев, ствола и корней***

И в других многих местах слова Божия молитва поставляется в неотлучном союзе со всеми добродетелями как царица их, вслед которой они все устремляются и которая всех их влечет вслед себя, или, еще лучше, — как благоуханный цвет их. Как цвету, чтоб явиться и привлечь взоры, надо быть предшествующему листьями, стволом с ветвями и корнем, так и молитве, чтоб она, как цвет, расцвела в душе, должны предшествовать и ей сопутствовать добрые духовные расположения и труды, кои в отношении к ней суть: то — как корень, какова вера, то — как ствол с ветвями, какова многодеятельная любовь, то — как листья, каковы все подвиги духовно-телесные. Когда насаждено в душе такое святое древо, тогда на нем то утром, то вечером, то в продолжение дня, судя по свойству его, будет свободно распускаться

цвет молитвы и исполнять благоуханием всю внутреннюю храмину нашу. (31. С. 22—23)

Раскаяние без Таинства исповеди бесплодно, как пустоцвет

Без Таинства Исповеди, или без словесного исповедания грехов своих пред священником в Таинстве Покаяния, без этого одно внутреннее раскаяние не только не полно, но и бесплодно; оно — пустоцвет. (18. С. 106)

Функция кровообращения как аналог духовного питания

Как соки в растении или пища в теле нашем, оставаясь неперделанными, обременяют только и тяготят, не принося пользы, так все духовные стихии, какие приемлет душа, — истина Божия, Таинства, и священнодействия, и проч., будут только тяготить ее — здесь и вечно — судом совести и Божиим, если она не преворит всего того в свою кровь духовную доброделанием. — Вот отчего больны, скорбны и унылы души людей, кои погружены в одни заботы житейские, или одни дела служебные, или еще хуже — в дела страстные; а о том, чтоб сделать какое добро, и помышления не имеют. Не пропускают они ни одной частички питательной в душу, и она сохнет, сохнет. Не потому так говорю, чтоб дела службы и дела житейские — хлопоты по семейству, торг, обороты разные и разные предприятия были пагубны для души. Нет. Не они сами по себе пагубны, а пагубно то, если ими только одними и занимаются, не заботясь о добродетели, и если, совершая их, совершают не во славу Божию, а для каких-нибудь самолюбивых целей. Как соки в нашем теле обращаются в живую кровь чрез соединение их с кислородом воздуха, так все дела, и служебные и житейские, могут обращаться в питательную для души стихию, если будем их посвящать все Богу. А когда сего нет, — нет притом и добрых дел: то чем питаться душе?! Вот она томится тогда, и жалуется человеку, и внятно говорит ему: пересяди меня с этой сухой или гнилой почвы на ниву Божию, ниву добрых дел, заповедями Христовыми требуемых. (26. С. 47—48)

Целительность церковная сходна с лекарственной

Церковь Божия есть врачевательница, содержащая в своем устройстве врачество, всякую болезнь нашу духовную врачующее. Составные части врачества сего суть: православное учение, жизнь по заповедям, Таинства со священнодействиями Церкви и руководство пастырей.

Как в болезнях телесных врачество бывает целительно только тогда, когда оно составлено из всех означенных в рецепте веществ, так и в болезни нашей духовной целительность может иметь место в нас только тогда, когда мы приемлем все стихии, входящие в состав единственного врачества нашего духовного — христианства, или Церкви. Отнимите какую-либо стихию из врачества телесного, оно уже не будет иметь своего действия. Не примете чего-нибудь из того, что входит неизбежно в состав христианства, или Церкви, и вы сами себя лишите целительности, так вам необходимой, и, следовательно, останетесь в том же неуврачеванном, пагубном состоянии, стало быть, не спасетесь и не узрите Царствия Небесного. (24. С. 66—67)

Церковь — тело Христа, Он Сам — глава и нервы ее

Под Главою очевидно разумеет Апостол Христа Спасителя, Сына Божия и Бога воплощенна, о Коем еще в первой главе сказал, что Он есть *Глава телу Церкви* (Кол. 1, 18). Держать Главу сию можно верою в Господа, убеждениями в истине, яже о Нем, любовью, преданностью, упованием спасения в Нем, вообще состоя в живом, сознательном и разумном общении с Ним и в Нем едином полагая свое спасение...

Что говорится о теле?.. Тело доставляемое ему берет и усваивает, — и тем живет и растет. Это указывает на систему питания. Но обе эти системы оставались бы без действия, если б не были возбуждаемы нервами: из головы идут нервы, расходятся по всему телу и, возбуждая органы питания с мускулами, заставляют их действовать по своему назначению и тем поддерживают жизнь тела...

Системе костей с мускулами, определяющими строй тела в Церкви Божией, отвечает видимый строй ее: под Апостолами и Пророками, пастырями и учителями Церкви стоят все христиане, каждый с особым дарованием на пользу Церкви; все связаны взаимоподчинением, любовью и радением об общем благе духовном. «Что в теле сочленения, то в составе Церкви Апостолы, Пророки и учителя», — говорит блаженный Феодорит. Системе питания в Церкви соответствуют все способы, коими сообщаются верующим ведение Богооткровенных истин и изливание Божественной благодати, преимущественно проповедь слова Божия и божественные Таинства. Ими доставляется то, чем единственно может питаться Церковь и расти возрастанием Божиим, именно: благодать и истина. Нервы же, из главы исходящие и все тело проникающие и возбуждающие, есть Сам Христос Господь, Который и состав тела Церкви держит, и живительною проникает ее силою. Блаженный Феодорит пишет: «Как в теле головной мозг есть корень нервов, а посредством нервов тело получает ощущение, так тело Церкви от Владыки Христа приемлет и источники учения и орудия спасения». (37. С. 142–144)

***Духовная жизнь развивается ступенчато,
как развитие зародыша***

В естественном порядке, как говорят, животное высшее в то время, как зародыш его развивается до совершенного образования его, проходит все степени предшествовавших ему живых существ¹²². То же и в духовной жизни. Хотя род наш теперь в

¹²² «В учебниках типа *Общей зоологии* использованы иллюстрации, показывающие, что зародыши рыбы, саламандры, черепахи, курицы, свиньи, человека и т. д. выглядят все очень похожими друг на друга, и сообщается, что постепенно развиваются различным путем. Можно увидеть, что у эмбриона человека имеются так называемые “жабровые прорези”. Таким образом, это якобы говорит о его предке (это служит “доказательством”, что человек якобы происходит от водяных животных, имеющих жабры. — *Ред.*). Эрнст Геккель в своей “теории рекапитуляции” и “биогенетическом законе” утверждает, что “отдельный организм в своем развитии (онтогенезе) имеет тенденцию

христианском возрасте, но из нас всякий проходит и те состояния, в каком бывал человек в предшествовавших возрастах, т. е. и мы бываем то такими, каковы были жившие до закона (детство, отрочество), то такими, каковы были подзаконные (отроки, юноши), то наконец такими, какими бывают сущие о Христе Иисусе, не по закону уже ходящие, но по духу. (17. С. 277)

Нынешнее состояние человечества, как период чревоношения

Якоже болезнь рождающая (см.: 1 Сол. 5, 3). — Этим выражаются и внезапность, и неизбежная крайность, и крайняя болезненность беды. Рождающая знает, что скоро роды, но минута рождения схватывает ее вдруг — непредвиденно, таково будет и Пришествие Христово (блаженный Феодорит и Экумений). Все признаки уже ясны будут, но момент явления не будет ведом и снидет внезапно. *В онъже час не мните, Сын человеческий придет* (Мф. 24, 44). *Якоже бо молния исходит от восток и является до запад, тако будет пришествие Сына человеческого* (Мф. 24, 27).

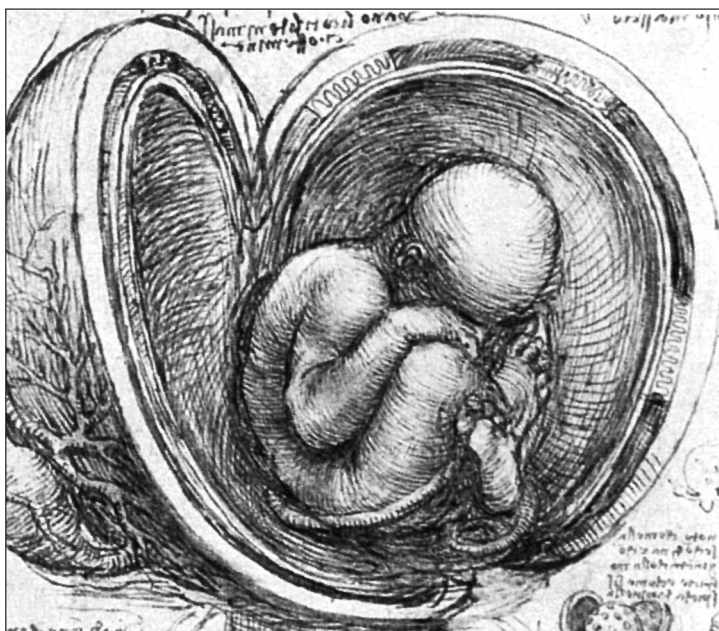
Святой Златоуст выставляет при сем на вид одно недоумение, которое и решает: «Стоит обратить внимание на следующее обстоятельство: если придет антихрист, если придет Илия, то каким же образом, *егда рекут: мир и утверждение, внезапно нападет на них всегубительство?* Эти события, как признаки Пришествия (Христово), дадут знать об оном дне. Но Христос не будет давать предзнаменования Себе, а придет внезапно и

к повторению стадий, через которые прошли его предшественники (филогенез)». Сегодня эта теория больше не принимается эволюционистами. Ученые пришли к выводу, что «жабровые прорези» вовсе не являются жабровыми прорезями, а часть процесса созревания того, что развивается в шейной области человека.

Таким образом, это доказательство было окончательно отвергнуто. Но опять же ими используется аргумент, что схожесть признаков означает доказательство, что, конечно же, не верно». *Серафим (Роуз), иеромонах*. Бытие: Сотворение мира и первые ветхозаветные люди. С. 303–304.

неожиданно. Так и беременной не нечаянно приходит время родить, говорит Апостол; ибо она знает, что чрез девять месяцев будут роды. Между тем время сие ей очень неизвестно, потому что иная рождает чрез семь месяцев, иные же чрез девять, а день и час родов во всяком случае неизвестны. Итак, вот к чему Павел говорит об этом. Действительно, он употребляет верное сравнение! Не много бывает признаков рождения; от этого многие, не предвидя его, рождали на дорогах и вне дома. Но Апостол хотел указать в этом сравнении не на одну только неизвестность времени, а вместе и на жестокость страдания. Ибо как рождающая, играя, смеясь, ничего совершенно не предвидя, внезапно бывает объята невыразимыми страданиями и терзается муками рождения, так точно будут поражены души тех людей по наступлении оногo дня. *И не имут избегати*». Отвлечшись несколько от связи и речи, можно по поводу слов о болезнях рождающей — войти к мысли о значении нынешнего состояния человечества. Оно похоже на образование дитяти во чреве матери. Когда придет момент полного его образования, тогда конец и настоящему образу бытия всего: народится новое. — В отношении к каждому христианину Крещение есть начало новой жизни; труды доброделания, подвиги самоисправления, скорби терпения противополостей представляют период ношения во чреве и образования нового человека: смерть будет рождением. Весь период нынешний до конца мира для всех и каждого есть период чревоношения. (38. С. 185—186)

Как бабочки красивые, прежде чем вылетят на воздух, бывают закрыты в клубочках, некрасивых на вид, так внутренний наш человек, когда действует по указанному, зреет, несмотря на грубую оболочку плоти и неблагоприятную обстановку внешнюю. Придет срок — сбросит он свою плоть белую, исторгнется из уз внешних, в коих держит его течение жизни сей, и воспарит горé — к Богу, в хор Ангелов и святых, чтобы присно в веселии и радовании пребыть там до будущего

Леонардо да Винчи. Анатомический рисунок

Как бабочки красивые, прежде чем вылетят на воздух, бывают закрыты в клубочках, некрасивых на вид, так внутренний наш человек, когда действует по указанному, зреет, несмотря на грубую оболочку плоти и неблагоприятную обстановку внешнюю. Придет срок — сбросит он свою плоть дебелую, исторгнется из уз внешних, в коих держит его течение жизни сей, и воспарит горé — к Богу, в хор Ангелов и святых, чтобы присно в веселии и радовании пребывать там до будущего всеобщего воскресения, когда начнется полное нескончаемое блаженство. (С. 591, 593)

всеобщего воскресения, когда начнется полное нескончаемое блаженство. (14. С. 211—212)

7. Психологические аналогии

Царствие Божие и молитва с психической точки зрения

Царствие Божие в нас есть, когда Бог воцаряется над нами, когда душа во глубине своей исповедует Бога своим Владыкою и покорствуется Ему всеми силами, и Бог владычно действует в ней и *еже хотети и еже деяти* (Флп. 2, 13). С психической же точки зрения о Царствии Божиим должно сказать следующее: Царствие Божие в нас зарождается, когда ум сочетается с сердцем, сам срастворившись с памятью о Боге. Человек тогда предаст Господу, как жертву приятную Ему, свое сознание и свободу, а от Него получает власть над собою и силою, от Него получаемою, правит всем своим внутренним и внешним, как бы от Его лица. (18. С. 57—58)

Воцарение Бога в нас возможно только после очищения сердца от идолов

Приведу вам на память одно обстоятельство из ветхозаветной истории. В народе Божиим часто случалось так, что один и два и более цари, один после другого, восходили такие, кои, увлекшись обычаями язычников, заводили идолопоклонство и у себя. Тогда в большом количестве являлись идолы — на холмах, в рощах, на площадях города и даже в самом храме. Им служить тогда начинали; а служение Богу истинному было забываемо. Но когда потом Бог воздвигал в нем царя по сердцу Своему, как, например, Иосафата, Езекию, Иосию и других, он первым делом своим поставлял очистить храм, град, все холмы и рощи и все царство от идолов. Нечестие прогонялось, воссиявало благочестие. Един Бог истинный был чтим и поклоняем в храме, и во граде, и в весях, и полях. Бог опять был видимо для всех Царь у них.

Подобное нечто совершается и в нас. Каждый из нас есть малое царство. Царь — мы сами, — наше сознание и самостоятельность. Подданные — силы нашего существа: силы тела, души и духа. Святилище Божие в нас — сердце. Когда наш царь — сознание и свобода отвращаются от Бога и уклоняются к себе и тварям, тогда страстями и превратными склонностями, как идолами какими, наполняется все наше существо... всякая сила души и тела становится местом жречества особому идолу... Бог забыт. Мы служим тогда в теле, например, сластолюбию, лени, похоти, сну, разгульству в плясках, гуляньях, театрах и прочему, как язычники служили Венере, Бахусу и др. В душе служим тщеславию, человекоугодию, зависти, гневу, ненависти, интересам, страсти блистать, нравиться и прочему, из коих всех слагается в нас идол самости и закоренелого эгоизма, то есть мы всесторонне идолопоклонствуем тогда и всеми силами своими служим богам иным. Мы в богозабвении, богоотвращении, боговраждевании. Но когда сретит наконец нас милость Божия и пошлет Он нам дух страха и благоговения, пробуждается тогда наш царь — сознание и свобода и, к Богу обратившись, ревностно начинает очищать царство свое от всех идолов, прогоняет страсти из всех сил своих и вместо них напечатлевает соответственные добродетели, чтоб ими угождать Богу, положив наперед Ему единому служить до положения живота; тогда во святилище нашем качествует не самость, а самоотвержение и Богу преданность; а в душе и теле вместо страстей — святые плоды духа: смирение, кротость, воздержание, чистота, любовь, мир, долготерпение, трудолюбие, и проч., и всё сие ради Бога, ради угождения Ему, в чувстве всесторонней зависимости от Него и обязательства совести — все направляет по воле Его и во славу Его. Тогда восстанавливается в нас богомыслие, боголюбие, Богу преданность, богопоклонение. Бог воцаряется в нас, все же богопротивное, богонеугодное, — и малое и великое, внутри и вне, — прогоняется и истребляется. Вот и воцарение Бога в нас! (24. С. 22–24)

***Как дети увиваются около родителей,
так держите себя пред Богом***

Младенчество в молитве, как и вообще во всем строе душевном, есть самое лучшее настроение, — и берегите его... и просите Господа не допустить потерять вам это чувство. Дети подходят к отцу или матери и ничего не говорят, только увиваются около них, — оттого, что им сладко быть при них... Тако себя имейте, чтоб в простоте сердца всегда увиваться около Господа. (2. С. 89)

Приступая к совершению правила, станьте в присутствии Божие, сознайте, что вам нужно изречь Богу, и изрекайте то, как дитя сказывает желанья свои отцу своему. Сколько можно больше простоты и искренности. Ибо беседуете в лице Богу, Который видит все, что у вас на душе. Не сочиняйте и не прибирайте слов, а скажите все так, как есть и как требует сердце. (4. С. 189)

***Блуждающий помыслами на молитве
похож на коня без хозяина***

Некто из старцев написал: я похож на коня, который пасется без хозяина; кто ни вздумает, садится и ездит; лишь только слезет один, наездившись, как садится другой и то же делает и т. д. Это говорил он о блуждании туда и сюда помыслами. Посредством их враг ездит на нас. Надо прибавить, что то же делает он и посредством многоделия и многозаботливости в парительной зазнавательности. (17. С. 437)

***Тайна непрестанной молитвы аналогична той,
как невеста любит жениха***

Непрестанно молись, — трудись в молитве, — и приобретешь непрестанную молитву, которая сама уже станет совершаться в сердце без особых напряжений. Всякому очевидно, что заповедь святого Апостола не исполняется одним совершением положенных молитв в известные часы, но требует всегдашнего хождения пред Богом, посвящения всех дел Богу, всевидящему

и вездесущему, возгреванием теплого к небу обращения умом в сердце. Вся жизнь, во всех ее проявлениях, должна быть проникнута молитвою. Тайна же ее в любви к Господу. Как невеста, возлюбившая жениха, не разлучается с ним памятью и чувством, так душа, с Господом сочетавшаяся любовью, неотступно с Ним пребывает, теплые обращая к Нему беседы из сердца. *Прилепляйся же Господеву, един дух есть с Господем* (1 Кор. 6, 17). (38. С. 219)

Слыхали вы, что есть непрестанная молитва? Возжелайте и взыщите. Станете искать, и обрящете. Зародыши ее есть уже у вас — это чувство к Богу, по временам бывающее. У вас оно было в силе, но вы допустили охладеть ему. И оно приходит по временам. Вот это чувство старайтесь сделать постоянным, — и это будет непрестанная молитва. Любили вы когда-либо кого-нибудь сильно? Припомните, как любимое лицо не отходило от сердца и чувство все было в нем, и мысль не отходила, и все, что вы делали, — думали, что то лицо видит, и старались сделать, что делали, хорошо, чтобы не заслужить неодобрения от того лица. Непрестанная молитва похожа на это, только место имеет в другой области. Помогите вам Господи найти такое к Нему чувство. Тогда всем оплошностям, вялостям и разлечениям — конец!!!¹²³ (1. С. 212)

Господь любит до ревности

Вам известны чувства невесты к жениху! Такие же чувства должны иметь и души наши ко Христу Господу. Невесте тогда и

¹²³ «Любовь сама по себе есть величайшее счастье из всех доступных человеку, но сама по себе она не наслаждение, не удовольствие, не успокоение, а величайшее из обязательств человека, *мобилизующее все его мировые задачи как существа посреди мира*. Сама о себе любовь говорит: *“Приближающийся ко мне приближается к огню; но тот, кто уходит от меня, не достоин жизни”*. Перифраз этого таков: я — огонь; приближающийся ко мне должен помнить, что может быть опален; но тот, кто, из страха быть опаленным, отдаляется от меня,

на мысль не приходит засматриваться на что-либо и на кого-либо; только и мыслей у нее, что о женихе, только и чувств, что к жениху. — Так должны быть расположены и мы ко Господу. И мыслями одними уклонение к чему-либо, кроме Него, есть уже нарушение брачного с Ним союза, а не только чувствами и расположениями. Господь *Бог* твой есть Бог *ревнитель*, говорит Пророк (Втор. 4, 24). Как ревнив бывает муж или жених, так ревнив Бог относительно душ наших. Не может Он терпеть, когда мы приложим сердце свое к чему-либо, кроме Него. Но как жена или невеста, хотя со всеми по закону сожителства бывает в добрых отношениях, сердцем, однако же, предана жениху только или мужу, так и душа пусть всем занимается, чем нельзя не заниматься по условиям жизни; но внутренним своим обращением вся должна быть устремлена к единому Богу. Жених или муж не разбирает, велико или мало лицо, к которому хочет склониться жена или невеста, но не терпит самого уклонения, кого бы оно ни касалось; так и Бог гневается на душу, к большим ли или к малым вещам питает она пристрастие. И все сие Он видит. Невеста от жениха еще может как-нибудь скрыть измену свою внутреннюю, а от Бога ничего скрыть нельзя. Все Он видит... и неравнодушен бывает к изменам сердца нашего, а тогда же и наказание посылает... тем сначала, что тотчас же сокращает изливание своей щедротательности в душу, которая вместе с уклонением от Бога начинает испытывать омрачение в мыслях, смятение в желаниях, неустройство в чувствах... и это если малое

утрачивает источник жизни. Это древнеалександрийский текст, когда-то меня особенно поразивший лапидарным выражением величайшей правды о том, чем мы живем и чем жив человек. Истинная радость, и счастье, и смысл бытия для человека только в любви; но она страшна, ибо страшно обязывает, как никакая другая из сил мира, и из трусости пред ее обязательствами, велящими умереть за любимых, люди придумывают себе приличные мотивы, чтоб отойти на покой, а любовь заменяют суррогатами, по возможности не обязывающими ни к чему. Придумываются чудодейственные программы с расчетом на фокус, чтобы как-нибудь само собою далось человечеству то, что по существу достижимо лишь силами любви!» *Ухтомский А.А.* Доминанта. С. 375.

бывает уклонение... Что же сказать о большом?! Тогда отходит Господь... оставляет душу... разводится с ней. Но когда не Господь сочетается с душою... то сами знаете — кто... Да избавит всех нас Господь от сего бедствия!¹²⁴ (24. С. 25–27)

8. Сумрак пограничной области

Всегда ли грех не лечит болезнь?

Что лечиться нет греха, об этом и вопроса не должно быть. Но что многие не пользовались этим средством, по вере и для терпения, это не лишено цены. Надо только потом уж и терпеть благодушно, чтоб не впасть в ропот. Ропот уж грех. **Кто не чувствует мужества, каковы мы все грешные, то лучше прибегать к лекарям, все же помощи ожидая от Бога: ибо Он вразумляет лекарей.** (7. С. 47)

¹²⁴ «Издревле известная параллель между плотским и мистическим эросом, Любовью земной и Божественной, может быть выражена в энергийных структурах, и при этом она обнаруживает небезынтересные новые стороны... На биологическом уровне генетический код есть Бог, либидо — Божественная энергия или благодать, и половая возбужденность в своем пике — синергия, соединение энергий Бога и человека. Сохраняется также свойство асимметричности синергии: активная, “совершающая” роль принадлежит благодати, а тварные энергии должны лишь создать для нее условия, сделать человека “прозрачным для благодати”» (*Хоружий С.* О старом и новом. С. 286). Не всякий светский философ согласится с такой аналогией (см., например: *Крылов К.* Сергей Хоружий. О старом и новом. СПб.: «Алетейя», 2000, 477 с. // Вопросы философии. 2003. № 5. С. 185), тем более православный (см.: примеч. 31).

На первый взгляд эта биологическая аналогия, кажется, подробнее и точнее проясняет действие благодати, чем брачная аналогия святителя Феофана Затворника. На деле она научно — безграмотна, богословски — нечестива, а философски — «деконструктивна». Действительно, во-первых, в ней, перепрыгивая через несколько уровней, взаимодействуют молекулярный и поведенческий уровни биологической иерархии, что недопустимо для человека: человек — не кукушка, бессознательно подкладывающая свои яйца в чужое гнездо. Более строго: «Нейробиология — многоуровневая наука, исследова-

Лечение гомеопатией

Моя болезнь — ни от старости, ни от сидения, а так себе — это ревматизм, который над одною рукою моею являл власть еще во Владимире. — Но я его турнул так... что едва успел выскочить. И знаете чем? Капельками гомеопатическими. Ведь и следа нет теперь. Совершенно оздоровел. (9. С. 46)

Сердечные мои немощи прекратились. И это сделано гомеопатиею. — Немощь моя — перемежающийся пульс. Доктора мои... определили причину — ослабление сердечной мышцы... и при- судили медикаменты, служащие вообще к укреплению мышц. — И дело сделалось. (9. С. 502)

ния которой ведутся на молекулярном — субклеточном — клеточном — структурном — межструктурном (мозговом) — поведенческом (когнитивном) уровнях. Каждый уровень использует синтетические данные предыдущего и представляет аналитические данные для последующего уровня; перепрыгивание через уровень в логических и модельных построениях недопустимо» (*Виноградова О.С.* Нейронаука конца второго тысячелетия: смена парадигм // Журнал высшей нервной деятельности. 2000. Т. 50. № 5. С. 761). Во-вторых, если библейская аналогия брака Израиля-блудницы и Бога-жениха имела целью отвратить Израиль от духовного блуда и поклонения ложным богам, то энергичная аналогия С. Хоружего, наоборот, вовлекает христиан (новый Израиль) в богословско-фрейдистский блуд языческой религии. В-третьих, она действительно подрывает, согласно Р. Генону (см.: примеч. 119), традицию путем подмены сверхчеловеческого недочеловеческим, поставив Бога на место генетического кода. В терминах Антропологической Границы (см.: примеч. 115) это соответствует подмене Супра-Источка на Суб-Источек с неясным переложением ответственности за страстное состояние человека на Бога, вложившего в человека молекулярный код. Подобный прием известен из Библии: *жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел* (Быт. 3, 12). Отсюда ясно, кто мог подсказать либидную аналогию благодати. Возникает законный вопрос, как православным христианам вообще относиться к трудам С. Хоружего, в которых центральное место занимает традиция исихазма и практика творения Иисусовой молитвы, а сам он — неперемный участник всех основных православных богословских и научных конференций и теперь нередко выступает по православному радио «Радонеж». Читателю предоставляется самостоятельно ответить на этот вопрос с учетом всего ранее сказанного об «энергичной антропологии» — см.: примеч. 52, 53, 115, 119, 124.

Герард Доу. Больная в кабинете врача

Что лечиться нет греха, об этом и вопроса не должно быть. Но что многие не пользовались этим средством, по вере и для терпения, это не лишено цены. Надо только потом уж и терпеть благодушно, чтоб не впасть в ропот. Ропот уж грех. Кто не чувствует мужества, каковы мы все грешные, то лучше прибегать к лекарям, все же помощи ожидая от Бога: ибо Он вразумляет лекарей. (С. 598)

Относительно вас одно заняло меня: это ваше замирание сердца. Мне думается, что вы не так выражаетесь. Не перебой ли это, когда перемежается пульс? У меня это бывает по временам, и началось давно. Но я считаю это не важною вещью... Принимаю *digitalis* гомеопатический две-три крупинки раз, другой, и проходит. Прибавляю к сему лежание, что для моей лености очень нравится. (4. С. 33)

Очень рад, что гомеопатия вам помогла и что вы решились иметь лечебник и аптечку гомеопатическую. Теперь все болезни будут бояться вашего дома, — и держаться поодаль, — если предположить, что у них есть некое чутье. (8. С. 87)

Какова гомеопатия! Где аллопатия в продолжение пяти недель не имела успеха, она ощутительное оказала действие в полдня. Памятник ей надо воздвигнуть. (4. С. 54)

Гомеопатия может помогать во всяких болезнях, но надо угадать подходящее лекарство. Угадать можно по симптомам, или по тому, чем проявляется болезнь. — Гомеопатиею можно лечиться не видя доктора, — при посредстве переписки. — опишите мне все, что бывает при боли головы. Подумавши, я, может быть, напишу доктору... и попрошу определить медикаменты. Тогда смелее можно действовать¹²⁵. (8. С. 142)

¹²⁵ Иеромонах Анатолий (Берестов) и Владимир Решетов в своей статье «Отделяя плевелы от семян» пишут: «Ситуация действительно непростая, поскольку имена многих святых XIX века упоминаются гомеопатами в связи с совместимостью гомеопатической доктрины и Православия... У нас нет данных о том, что Феофан Затворник или Иоанн Кронштадтский изучали "Органон" С. Ганемана. Скорее всего, они в своих суждениях основывались на общей картине гомеопатической практики и на фактах выздоровления людей, лечившихся у гомеопатов. И именно поэтому благословляли лечиться и освящали лечебницы... Соответственно вопрос о душевредности гомеопатической практики и нецелесообразности лечения православных христиан у врачей-гомеопатов вполне правомочен, и ответ на него должен быть дан вполне

Лекарство от блуда

Лекарство от блуда — смех берет! — Ведь движение половое зависит от образования семени. Пока органы образования целы, будет собираться семя; и пока будет собираться — будет то движение. Но оно само по себе не грех. — Грех в похощении, и он то от воли, то от сатаны.

однозначный и обоснованный... Прием потенцированных препаратов — это просто жертвоприношение одному из богов гомеопатии... Гомеопатия поэтому является просто *примитивной магией*, где в качестве тайного имени призываемого *духа лекарства* служит латинское название соответствующего вещества. Но эффективность гомеопатического самолечения при этом также становится вполне понятной, поскольку не только для общения с духами, но и для простого жертвоприношения бездушным идолам надо иметь кой-какой опыт и пройти некое посвящение-обучение».

(См.: <http://www.nevskiy.orthodoxy.ru/med/pov/pov6.html>).

Поскольку святитель Феофан не только сам лечился гомеопатией, но и обучал других, то, по логике авторов, он тоже приносил жертву идолам и имел «некое посвящение-обучение». Это вынуждает нас внимательнее рассмотреть принцип лечения гомеопатией, как он описан на православном сайте Новосибирского Общества Православных врачей

(см.: «Духовный и медицинский аспекты гомеопатии». Февраль, 2000.

<http://www.nevskiy.orthodoxy.ru/med/pov/pov3.html>), откуда выписываем:

1. Основной закон гомеопатии — закон подобия: в организме не существуют одновременно две подобных болезни. Более сильная уничтожает более слабую. Есть всего одно правило для определения необходимого лекарства — это подобие патогенеза лекарства совокупности симптомов человека. Таким образом, гомеопатическое вещество вызывает подобное заболевание, но в более яркой клинической форме.

2. Патологические внешние проявления являются викарными, т. е. заместительными, и соответствуют процессу элиминации к внешнему.

3. При лечении людей с серьезными поражениями внутренних органов локальное лечение бесполезно и даже вредно, потому что этот локальный симптом свидетельствует не о локальном поражении, а о поражении всего организма. Нельзя пытаться устранять локальные симптомы.

4. Наличие хронических миазмов не только обуславливает возникновение заболеваний, но и предопределяет психические особенности и морально-нравственные поступки человека.

5. Критерием выздоровления является появление локальных симптомов болезни, причем в последовательности, обратной их возникновению (закон Геринга).

Ваш рецепт на что действует? Конечно, не на волю, и тем меньше на сатану. Следовательно, производители грешности блудной целы... А коли целы... на что же лекарство-то? — Если оно действует на прекращение образования семени, то оноближит скопчеством, ибо суть скопчества в этом. — В житиях видим, что на умаление образования семени действовали — постом, холодом,

Теперь сопоставим эти закономерности с принципом доминанты академика А.А. Ухтомского, который в кратком пересказе, извлеченном из его книги «Доминанта» (СПб., 2002), состоит в следующем:

1. В каждый момент времени в нервной системе существует лишь одна активная доминирующая констелляция (созвездие, очаг) совозбужденных локальных нейронных групп или центров, характеризующаяся единым ритмом и единым действием (поведением) и тормозящая прочие центры (с. 55).

2. Одни и те же отдельные центры или группы нейронов могут входить в состав различных доминирующих констелляций, причем вхождение в данную констелляцию или выключение из нее определяется способностью этих групп или центров усваивать единый темп и ритм активности (с. 217).

3. Следы прежних доминант длительно сохраняются в высших отделах нервной системы и при полном или частичном восстановлении первоначальных условий могут вспыхнуть вновь полностью или частично (с. 221).

4. «В высших этажах и в коре полушарий принцип доминанты является физиологической основой акта *внимания и предметного мышления*» (с. 46).

5. Угашение прежней доминанты (например, угашение условного рефлекса путем регулярного повторения условного стимула без подкрепления) идет в обратном порядке ее возникновения, вплоть до парадоксального повторения медленных волн, увеличения амплитуды и длительности вызванных потенциалов ЭЭГ (*Крюков В.И.* с соавт. *Метастабильные и неустойчивые состояния в мозге.* Пуцино, 1986. С. 64).

Сопоставление принципа доминанты с закономерностями гомеопатического лечения показывает неожиданное сходство, если не тождественность соответствующих позиций 1–5. Этот факт, конечно, еще не вполне доказывает тождественность психофизиологического механизма двух рядов свойств, т. к. надо еще объяснить эффективность высоких резведений гомеопатических препаратов. Это требует более детального обсуждения механизма доминанты не только на уровне центральной нервной системы, но и на уровне целого организма. Но и приведенного сходства уже вполне достаточно, чтобы утверждать, что святитель Феофан, благословляя лечение гомеопатией, не давал душевердных советов и, сам излечиваясь, не совершал «жертвоприношений бездушным идолам» и не нуждался в соответствующем посвящении.

долу лежанием, жаждою, малоспанием и всяким себя преутружением... но никакого механического способа не употребляли. Потому думаю, что лекарство то не безгрешно. — Так думаю, что лучше его не касаться, а просить помощи у Господа. Конечно, трудновато; но что ж делать? Взялся за гуж, не говори, что не дюж. (7. С. 47—48)

***Есть ли нечистая сила в гомеопатии,
магнетизме и спиритизме?***

Магнетизм* у вас считают делом нечистой силы. Полагая же, что магнетизм участвует в гомеопатии, и сию к тому же разряду относят. Это несправедливо. При составлении гомеопатических лекарств магнетизм не участвует. Тут все делается открыто и просто, и всем видно, как все бывает. Никакой скрытой силы тут предполагать не следует. Можете лечиться и не лечиться гомеопатиею; но так думать о ней не думайте.

Магнетизм мудренее; но и в нем нет нечистой силы, а есть сила натуральная, натурально возбуждаемая. Откуда дивности, которые бывают при этом?¹²⁶ Некоторые из сих дивностей тоже происходят натурально; а иные, может быть, от бесов, которые

* *Магнетизм* — старинное название гипноза.

¹²⁶ «Помню, когда я был врачом, ко мне послали одного человека, целителя: он вам будет помогать, он будет исцелять тех, кого вы не можете вылечить, — что, конечно, было бы страшно удобно и приятно. Я ему сказал: “А вы мне сначала докажите, что у вас какая-то сила есть”. Он сказал: “Вот, смотрите”. Он протянул руку на меня, и меня просто обожгло жаром. Потом протянул снова, и меня прямо морозом обдало. Значит, что-то у него было. Но когда я с ним поговорил, он оказался таким прохвостом, что я решил: лучше моим пациентам страдать от меня, чем лечиться у него. Я хоть честно могу пациента отправить от себя, сказать: ничего не понимаю, ищи другого. А этот был безчестный человек. И у меня было чувство, что у него дар-то, вероятно, природный, но использование его из-за его жадности к деньгам — уже совсем другого порядка. Ясно, что у святых эта способность тоже коренится в другом, но мне кажется, что самый дар в значительной мере природный. Я не говорю, что чудеса являются природными действиями, но Феофан Затворник в одной из своих книг пишет, что мы недооцениваем свои природные возможности. Когда, скажем,

тут подстрегают, пользуясь ненормальным состоянием пациента. Только это последнее надо считать случайным придатком к магнетизму, — т. е. бесы, пользуясь случаем, подстрегают, а сам магнетизм не бесовское дело¹²⁷.

Спиритизм — прямо бесовщина, ничем не прикрытая. Тут осязательна нечистая сила. Кто тут действует, можно судить по явлениям. Да они и сами не скрывают, что суть бесы¹²⁸. (4. С. 237–238)

мы молимся и ощущаем в своем теле те или другие явления, мы склонны сразу их приписывать благодати. И Феофан говорит: нет, это не благодатное явление, а просто чисто природное. Я думаю, что есть средняя полоса. У всякого человека есть дарования, которые могут развиваться далеко за пределы обычно, но эти дарования будут окрашиваться от того, какой это человек, кто он по отношению к Богу, к темным силам». *Антоний (Сурожский), митрополит. Труды. С. 127–128.*

¹²⁷ «Значение бессознательных состояний для языческой мистики легко понять, если вспомним, что и в настоящее время такие ученые, как К. дю Прель, отвергшие руководство христианской религии, кладут явления сна, сомнамбулизма и гипнотизма в основу научной, как им кажется, мистики и ищут в них высшего познания. Тем легче эта мысль являлась у язычников. А между тем когда состояние бессознательности, поставленное безусловно выше сознательного, выше его критики, диктует нам истины высшего познания и когда в этом случае наше сознание не вооружено никакими способами проверки показаний бессознательного, то мы способны погружаться во всевозможные ошибки. Основа нашей личности — свобода и сознание, говорит епископ Феофан. Лишаясь сознания и свободы, мы уже не можем ничем руководить в своем достижении истины вообще, а в частности и в достижении богообщения. Мистика, вместо способа высшего познания, в таких условиях превращается в способ омрачения нашего сознания. Но есть и еще более опасный элемент, которому в таких условиях предоставляется безконтрольная возможность влияния на нас, — это злой дух, дух лжи и обмана, для сбережения против которого наша личность должна не усыплять свое сознание, а “трезвиться и бодрствовать”». *Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. С. 75.*

¹²⁸ «Как писал известный святитель Феофан Затворник, “спиритизм — прямо бесовщина, ничем не прикрытая. Тут осязательна нечистая сила. Кто тут действует, можно судить по явлениям. Да они и сами не скрывают, что суть бесы”. Никем и из других наших церковных писателей не отрицается, что спиритизм есть сфера деятельности злых духов. Отсюда и занятие спиритизмом, подобно занятиям волшебством, колдовством и т. п., является душепагубным,

Опасность спиритизма

Вы желаете знать мое мнение касательно спиритизма. Иным приходило и доселе приходит на мысль, что это шарлатанство. Но стоит однажды посмотреть на то, что бывает при верчении столов, чтоб отказаться от этой мысли. Другим думается, что это есть действие какой-нибудь психической или физической силы медиумов. Но образ действия медиумов прямо стоит против этого. Осталось допустить присутствие разумной силы: кто же она? Или души умерших, или бесы. Первое немыслимо по существу дела и имеет против себя факты, необъяснимые этим способом. Стало быть, тут бесы. Чтобы прикрыться, они берут имена умерших. Против кого действуют они? Против Христа Спасителя. Веру в Господа хотят извратить и совсем уничтожить. К тому и идет. Если не поостережемся, бесы всех заберут и всюду распространится беспоследование. Но как же — ведь они Богу молятся? — Молятся, да какому? Божества Господа Иисуса Христа не исповедуют; а Спаситель сказал, что никто не может прийти к Отцу, как только чрез Него; следовательно, что ж у них за молитва? У них, должно быть, есть свой бог. Кто же он? Князь нечистых духов, сатана. Бесы натолковали спиритам,

страшным грехом, как “мерзость перед Господом” (см.: Втор. 18, 9—12; Правила Святого Поместного Собора Анкирского, правило 24; Правила святого Василия Великого, правило 65, 72; Каноническое послание святого Григория Нисского, правило 3; Правила Четвертого Собора, Халкидонского, правило 61 [см.: Каноны, или Книга правил. СПб., 2000. — *Прим. Ред.*]).

Еще большую опасность представляет собой спиритизм с его внутренней стороны, будучи одним из злейших и коварнейших врагов христианства, ибо враг этот, как вероломнейший волк, облекся в овечью шкуру. Истые последователи спиритизма утверждают, что получаемые ими во время спиритических сеансов “откровения духов” не ограничиваются ответами на рядовые и не имеющие существенной важности вопросы (каковы, например, “кто стучит?”, “чей дух?”, “долго ли я проживу?” и т. п.), а представляют собой целую стройную религиозно-нравственную философскую систему нового духосообщенного учения, способного “морализовать человечество, произвести в нем великую нравственную революцию”». *Булгаков С.В.* Православие. II раздел. Противные христианству и православию учения. М. С. 25.

будто Бог явился среди духов и сказал: «Ну, духи, пришло время; ступайте теперь на землю и просвещайте людей». Разве может исходить такой приказ от Бога истинного, в Троице поклоняемого и устроившего нам спасение в Боге Сыне, воплотившемся, пострадавшем, воскресшем, вознесшемся на небо и путь туда проложившем для всех верующих в Него? Духи-просветители учат противно учению Христову и, следовательно, идут против истинного Бога; стало быть, и бог их есть противник истинного Бога, есть сам сатана. Что значат слова: «Пришло время»? А то, что христиане стали слабы и шатки в вере и в жизни и что ими можно всячески поворачивать. Когда Спаситель Христос был на земле, Он гнал бесов, гнали их и святые Апостолы силою Духа Святого. По мере распространения христианства сила Божия всюду чрез христиан теснила силы бесовские. Пока христианство было в силе, им не было ходу; они действовали урывками, подготавливая себе путь к тому, что мы видим теперь в спиритах и что обещают они себе после сего. Когда вера на Западе, и особенно в Америке, расшаталась, вечные интересы отодвинулись на задний план и люди стали жить только для земли, тогда открылся простор действию бесов. Помани только чем-нибудь, и все бросятся. Так оно и было. Сначала заманили постукиваниями, потом перешли к столам, далее к тарелкам с карандашами. Наконец явились медиумы пишущие, а недавно стали слышаться и ответы в воздухе. Точь-в-точь как в древних языческих прорицалищах! Сколько народа заманили уж они к себе всеми этими проделками! Теперь их уж не выживешь. Сколько ни толкуй спиритам, что они с бесовскими силами водятся, — не поверят. Лесть велика. Однако как же быть? Надо возвратить христианству его силу, тогда бесовство — спиритизм исчезнет само собою. А без этого сколько ни пишете книг в опровержение — толку никакого не будет. Если это средство представляется вам несовременным, то откажитесь от мысли одолеть спиритизм. Ему предлежит возобладание всем родом человеческим. Теперь идет лишь подготовка, а там явится антихрист и начнет доканчивать

устройство своего царства из спиритизма. Спаситель же когда придет, то едва ли обращет веру на земле.

Вы спрашиваете: «Безопасно ли водиться со спиритами и спиритизмом»? — Если б они занимались только мелочами, гаданиями, то, может быть, и безопасно было бы заниматься ими и с ними; но поелику они, при этих гаданиях, предлагают и целую систему своего учения, то без опаски нельзя вступать с ними в общение, ибо в учении — жизнь и смерть. Коль скоро оно подобно с духом веры, то живит; а коль скоро противно ему, то мертвит. Учение же спиритизма противно святой вере Христовой и во многих своих пунктах проклято на Вселенских Соборах. Спириты не исповедуют Божества Иисуса Христа, а говорят, что и Он есть высший, воплотившийся дух: это ариево богохульное мудрование, проклятое на Первом Вселенском Соборе. Спириты не признают вечности мучений и совсем отвергают даже существование ада: это мудрование оригенистов, проклятое на Пятом Вселенском Соборе. На этом же Соборе проклято и другое мудрование оригенистов о предсуществовании душ, составляющее основу спиритизма. Равно все определения судные, изреченные на гадателей и на общающихся с бесами, падают на спиритов. После этого сами судите, — безопасно ли общаться с ними? Хоть нового анафематствования на спиритов и не произнесено, но оно лежит на них, пребывая в Церкви с древних времен. Спириты и последователи их своим действием своим подходят под эту анафему и стоят под нею. (9. С. 457—459)

В чем источник ясновидения?

Вот слышу на днях, что приехала какая-то ясновидящая и все потянулись к ней в чайнии выведать от ней все тайны и все судьбы жизни своей, — что было, что есть и особенно — что будет. Ужели ж у вас нет настолько разуменья христианского, чтобы понять неосновательность своей надежды и непрочность обещаний этой обманщицы? — Ведь она обещает, что даст ответ на все, о чем ни спросишь. Стало, она уверяет, что все знает. И вы не

вспомнили, что этого ни о каком человеке сказать нельзя. — Знает все только Бог один и тот, кому Бог откроет. А ей Бог ли открывает? — Куда! — Кому Бог открывает, тот не станет торговать откровениями¹²⁹. Как же теперь можно вполне положиться на ее сказания? Кое-что, может быть, и угадает, — а больше запутает и закроет неясными словами.

Ведь тут то же бывает, что было в языческие времена в прорицалищах. — Жрецы, пифии, сами идола прорицали. — Какою силою это совершалось, можете судить по тому, что когда являлся где истинный раб Христов, там прорицатели умолкали и бесы гласно жаловались на своих гонителей и стеснителей — христиан. Когда распространилось христианство, прорицалища замолкли. — А вот ныне, когда ослабело христианство, — опять они начали появляться в разных видах и манят к себе легковверных и посрамляют в них имя Христово. Сначала они на Западе открылись, а оттуда и к нам зашли и вот собирают дань с легковверных и суевверных. — И добро бы обращаться к ним было — только легковверие. — Нет, тут надо видеть нечто более. Тут измена надежде христианской. Спроси себя: к кому это обращаешься ты и от кого ожидаешь себе помощи? — Какая-то, скажешь, есть тут сила. — Ты разве не знаешь, что единая есть истинная сила — сила Божия, от коей одной и можно ожидать всего. Обращаясь же теперь к сей безвестной силе, не отступаешь ли ты от единой истинной силы? Если так, — куда же это? — Конечно, к силе ложной, противоположной силе истинной, — или богопротивной. Я не берусь объяснять вам состояния сих прорицателей. По-моему, оно — необыкновенное болезненное состояние, подлежащие

¹²⁹ «Двойственность человеческого состава, естественного и духовного, предопределяет задачу человеческой жизни: дух должен овладеть естеством ... [Епископ] Феофан отмечает сходство изложенной теории с учением Лейбница о монадах. Эта романтическая теория [о всеобщей одушевленности мира, о "лестнице невещественных сил" в природе] объясняла для него явления внушения и ясновидения, которыми он очень интересовался». *Георгий Флоровский, протоиерей*. Пути русского богословия. С. 400.

коему, вследствие сего расстройтва, частью — сами видят шире, чем мы, а частью, или наиболее — бывают орудиями лукавых духов. Бесы пользуются их болезненным расстройством и чрез них влекут к себе слабых. Бесы ведь давно живут и много знают из прошедшего; они всюду летают и знают, что где теперь делается, и рассказывают чрез эти свои орудия. О будущем они не знают, а только гадают; но как вопрошателям своим многое из того, что было и есть, рассказывают верно, то им верят и в том, что они говорят о будущем, хоть оно почти никогда не сбывается. В этом, полагаю, верный источник ясновидения. Судите теперь, что делаете вы, обращаясь к ясновидящим? — Веру свою бесам обнаруживаете. Я вам это не свои гадания рассказываю. Припомните, что было в Филиппах во время проповеди там апостола Павла. Была там отроковица некая, имущая дух пытлив, которая стяжания много даяше господем своим — гадая и предсказывая. Апостол Павел изгнал сего духа, говоря: запрещаю ти именем Христа, изыди из нее. — Дух вышел в тот же час (см.: Деян. 16, 16–18). И господа, видя, что изыде надежда стяжания их, — воздвигли гонение на святого апостола Павла и Силу, который был с ним. Вот такого же рода и эта ясновидящая, которая теперь манит вас к себе. В ней дух пытливый. Цель же ее — стяжания многа достать себе или доставлять тем, кои возят ее. Вам же от нее никакой пользы, одна трата денег и осквернение душ приближением к силе бесовской и доверием к ней. (22. С. 527–529)

***Если есть разумные твари на других планетах,
то каков образ их спасения?***

Вы уверены, что все небесные тела населены разумными существами, что эти разумные существа подобно нам, по склонности ко злу (уж почему бы не сказать: как падшие), имеют нужду в средствах ко спасению, что средство это и для них одно: изумительное Строительство смерти и Воскресения Христа Бога. Из этих мыслей вытекает у вас неразрешимое недоумение: как мог Господь Иисус Христос быть для них Спасителем?

Неужели мог Он в каждом из этих миров воплощаться, страдать и умирать? Неумение решить этот вопрос беспокоит и колеблет веру вашу в Божественность Домостроительства нашего спасения...

Эти мысли — цепь мечтаний, не представляющих ничего несомненно верного, а Домостроительство спасения есть дело несомненно верное, доказавшее и постоянно доказывающее свою Божественность. Можно ли позволять, чтоб эту твердыню колебали мечтательные предположения?

Хоть вы издавна содержите мысль о бытии разумных существ на других мирах и хотя она имеет много за себя, — но все же она не выходит из области вероятных предположений. Очень *вероятно*, что там есть жители, — но все только *вероятно*. Сказать «есть» не имеете права, пока не удостоверитесь делом, что есть. Правильнее выражаясь об этом, я говорю так: вероятно, есть; а может быть, и нету. Морепоплаватель подъезжает к острову: все признаки показывают, что там есть жители, — но всходит на него и ничего не видит. Да что о морепоплавателях! Перенеситесь мыслью к первому времени, когда люди еще не размножились: на каждом почти шагу вы встретили бы местность с признаками несомненной обитаемости, а между тем жителей не было нигде. Так и относительно тел небесных много имеется намеков, будто они обитаемы. Что удивительного, если они еще ждут своих обитателей или их совсем там не будет: кто знает, чего хочет Господь относительно их! Надо бы побывать там, посмотреть и удостовериться делом, — тогда, пожалуй, смело можно говорить, что «есть», а без того нельзя больше сказать, как — «может быть». Но то, что «может быть», нельзя ставить в возражение против того, что фактически, верно «есть».

Защищать истину против придумываемых вероятностей есть то же, что бороться с призраками. Вот почему вы ни в одной богословской солидной книге не найдете опровержения своему возражению. — Богословы не считали разумным делом опровергать мечты...

Так как существование жителей на планетах есть только вероятность, а область вероятности неизмерима, то относительно их открывается охотникам мечтать широкий простор. Вот и вы сами, может быть, не замечая того, пустились в мечты, лишь только дали силу предположению. Предположив, что есть разумные твари на других мирах, вы начинаете рисовать их быт, не имея к тому никаких данных. Вам следовало остановиться на предположении о существовании, на которое есть намеки, и сказать, что далее идти нельзя по недостатку данных; а вы пошли далее. Дух *пытливый* покою вам не давал и увлек вас. Но пусть и так: беды еще нет большой — помечтать, но поддаваться влиянию мечты — опасно. Следовало бы по крайней мере правильно вести свои мечты. Сказали бы себе, примером, так: существование разумных тварей на планетах очень вероятно, но что бы такое они были и каково им там?.. Решая это, вам следовало придумывать разные предположения, не останавливаясь ни на одном, а считая вероятным и то, и другое, и третье, потому что нет никакого основания останавливаться на одном каком-либо. А вы взяли одно предположение, заимствовав его от нас, да и стали на нем. У нас было падение — ну и там; мы склонны ко греху — ну и те; у нас нужно Домостроительство спасения — нужно и там; у нас Единородный Сын Божий благоволил воплотиться — и там уместен только этот способ спасения.

А вам следовало бы идти в своих предположениях так: положим, что есть разумные жители на других мирах; что ж они — соблюли ли заповеди, пребыли ли покорными воле Божией или преступили заповеди и оказались непокорными? Вы не можете сказать ни того ни другого; а я думаю, что или согрешили, или не согрешили, ибо и наших прародителей грех не был необходимостью, а зависел от их свободы. Они пали, но могли и не пасть. Так и жители других планет: могли сохранить заповедь, могли и не сохранить. Если они сохранили, то все дальнейшие мечты о способах их спасения прекращаются сами собою: они пребывают в первобытном общении с Богом и святыми Ангелами и

блаженствуют, находясь в том состоянии, какого чаем и мы по воскресении. Но вы признали их падение несомненным и пошли далее по этой дороге. Хорошо, положим, что и там было падение; но, не зная меры их греха, можем ли мы сказать что-нибудь и о способах восстановления их и спасения? Может быть, их грех так мал, что обошелся легкою мерою исправления; а может быть, так велик, что исключает всякую возможность поправить дело. Пример мы видим на нечистых духах. Все такие случаи надлежало иметь вам в виду и все-таки не останавливаться ни на одном, так как они все лишь вероятны.

Наконец, способ восстановления у вас один: воплощение Бога, Его крестная смерть и Воскресение. Мы веруем, что и у нас Домостроительство спасения было свободным делом Божественной благодати, а не делом какой-либо вынужденной необходимости. Чрезвычайный образ восстановления у нас приспособлен к обстоятельствам нашим: но все же мы не можем сказать, чтоб он был актом необходимым. У Бога бездна премудрости. Церковь поет: *Пришел еси от Девы, не ходатай, ни Ангел, но Сам, Господи, воплощься**. Стало быть, возможно было и ходатаю, и Ангелу быть спасителем. У нас угодно было Самому Господу прийти воплотиться; а там, может быть, совершил дело спасения ходатай, или Ангел, или еще кто. Если вы потрудитесь пройти всю эту цепь мечтаний, то, конечно, не придете к вопросу: как же и там возможно спасение чрез Господа Иисуса Христа? Ужели и там Он воплощался? Если трудно решить этот вопрос, то признайте там уместность другого способа восстановления падших; ведь нет никакой необходимости стоять на одном. В нашей воле остановиться мысленно на том или другом предположении. Но и при этом держитесь той мысли, что все это предположения, мечты, в которых нет ничего несомненно верного. Следовательно, и возражение, идущее от таких мыслей против святой веры, основанной на действительных фактах, состояться

*Ирмос 4-й песни воскресного канона, глас 2-й.

никак не может. Дойдите прежде сами и затем доведите нас до верного познания о бытии и состоянии жителей других миров, тогда мы займемся с вами и решением вопроса о их спасении; тогда, если вы построите возражение против нас, — оно будет возражение дельное, стоящее опровержения; а до тех пор — что себя беспокоить?

Вы приняли и остановились на одном течении мыслей; а их возможно множество. Допустив населенность разумными существами других миров, вы полагаете, что они там тоже сотворены; а может быть, не сотворены, но переводятся туда именно с Земли? Земля определена быть рассадником жизни для всех планет. Как на Земле первоначально из одного места расселились люди по всем обитаемым странам Земли, так с Земли наполняются жителями все тела небесные. *В дому Отца Моего*, сказал Господь, *обители многи суть* (Ин. 14, 2). Почему не признать этими обителями небесные тела? Почему не допустить, что люди, по смерти, живут на той или другой планете, на том или на другом Солнце и, по Страшном Суде, водворятся там вечно со своими телами? Скажете: отчего же такая честь маленькой Земле? Для Бога в тварях нет ничего ни большого ни маленького. Он всех тварей Своих любит и о всех их равно печется. Если Он положил, чтобы на одной какой-либо планете был рассадник жителей, то для Него все равно, какую бы ни избрать для этого. И какое тело вы ни возьмите, все останется вопрос: почему оно избрано? Ибо всякое из них, в сравнении с целым мирозданием, будет ничто. Против такого предположения, как предположения, сказать нечего.

Далее, предположив бытие жителей на других мирах, ничто не мешает предположить, что они пребыли в воле Божией, сохранили себя в святости и чистоте, не нарушали заповеди Божией и не взбунтовались против Бога, как это случилось на нашей планете. Взбунтовалась одна Земля, а прочие миры остались совершенно спокойны. Но Бог, Которому дорога всякая тварь, не бросил нас, а устроил способ нашего восстановления, который

приемля благоговейною верою, мы спасаемся. В притче пастырь оставляет 99 овец и идет искать одну (см.: Лк. 15, 4–6)... Но нельзя допускать и ту мысль, что когда о Земле такое попечение, то другие миры забыты и что, после сделанного у нас, там и делать ничего для них не остается. Цель творения есть слава Божия, или явление безпредельных совершенств Божества. У нас они явлены наипаче в Домостроительстве спасения, а на других мирах они являются другими способами. Если предположить там другой образ бытия разумных тварей и облаженствование их, то уж прямее предположить устояние их в своем чине, светлое состояние блаженных.

Но пусть и пали. Нет основания думать, чтобы им неизбежно нужно было воплощение, чтоб оно совершилось на каждой планете. Сила воплощения и Искупительная жертва спасают нас чрез усвоение их верою. Почему не предположить, что Искупительная жертва, совершенная на Земле, подействовала благотворно и на другие миры? Почему не предположить, что и тамошние разумные твари приняли ее верою и таким образом спасаются? В способах сообщения и произведения веры у Господа не может быть недостатка: есть даже Ангелы, в служение посылаемые за желающих наследовать спасение. Все планеты состоят между собою в связи и взаимовлиянии, для нас неведомом. Чтобы какая-нибудь из них была исключена из этого союза, этого предположить нельзя. Если физически существует такой союз — то почему же не предположить нравственного? Если в физическом отношении одно тело влияет на все прочие, с какими оно состоит в связи, то отчего же не допустить того же и в отношении нравственном?

Вот все, что пришло мне в голову сказать вам в успокоение ваше; и, однако ж, не забывайте, что все это лишь предположительные мысли, без которых не только можно, но и должно обходиться. *Видим убо ныне якоже зеркалом в гадании; а узрим лицем к лицу тогда!* (см.: 1 Кор. 13, 12). *Въиших себе не ищи, говорит Премудрый; а яже ти повеленна, сия разумевай: несть*

бо ти потреба тайных... Многи бо прельсти мнение их, и мнение лукавно погуби мысль их. (Сир. 3, 21–22, 24). (9. С. 452–457)

Глава десятая

ПРАВОСЛАВНОЕ
ОТНОШЕНИЕ
К НАУКЕ

1. Наука и вера совместимы

Можно учиться и вести духовную жизнь

Знание никогда не будет лишним грузом. Может быть опасение, не разбилась бы душа, живя четыре года среди молодежи, которая не всем своим составом будет одного с ним духа; это уж всегда так, но всегда также в среде ее бывают не хорошие только, но и отличные юноши, умеющие хранить свою духовную жизнь в силе, не выдаваясь при том наружно. (5. С. 90)

Духовное помогает занятиям наукой

Учение за плечами не тянет. Потому оно жизни не помеха. Дотяните его до конца. Помогите вам Господи!

Как это пришло вам в голову, будто чтение Писания Божественного отвлечет вас от науки. От науки отвлекает блуждание мыслей, неудержность желаний недобрых, больше же разлечение и позыв на льготную жизнь. Вот от этого надо воздерживаться, и ничто так не помогает отгонять все такое, как чтение Святого Писания и других добрых книг. И положите себе за правило — утром и вечером прочитывать понемногу, стихов по десять, из Нового Завета... с рассуждением и к себе приложением. (5. С. 99)

Наука не препятствует богоугождению

Наука — наукой, а жизнь — жизнью. И учитесь, и держите себя, как подобает тому, кто решился Богу угождать. То, чего требует богоугождение, может быть исполняемо и среди занятий. Страх Божий, память Божию и смертную и ревнование о спасении души, как о едином на потребу, — держите не прерывая. Тут вся суть дела¹³⁰. (5. С. 99—100)

¹³⁰ «И вот так должно бы быть с нашей памятью о Боге; у нас должна бы быть внутренняя тоска: ой, как мне хочется с Ним побыть! И на фоне этого чувства тоски по Нем, или радости о встрече, или просто теплого чувства, что я Его люблю, мы можем делать разные вещи с полным вниманием и вместе с

Научное занятие не противно духовной жизни

Беречь сердце надо, чтоб не прилегало к сластям мирским. Вкушение сих сластей гасит огонь духа, тогда как участие в чем-либо без сего вкушения только дует на тот огонь, а не гасит. И занятия ваши по химии совсем не задувающего свойства, а только дующего. И мне пришло на мысль сказать вам: зачем же бросать это занятие? Оно может заменить рукоделия¹³¹. Я, помнится, иначе писал, не так понимая ваше занятие. А по тому, что вы делаете, судя, не вижу тут ничего противного духовной жизни. Только увлечение разорительно; но его, кажется, можно остепенять. А мирное занятие химией ничего худого принести не может, особенно если разные тут процедуры перетолковать в духовном смысле, или видеть в них отражение проявлений духовной жизни. И химия есть часть книги Божией — в природе. И тут нельзя не видеть Бога — Премудрейшего... и Непостижимейшего. (2. С. 100—101)

этим с живым переживанием Его присутствия, но не разделяя как бы ум на две части. Единственное, чего не надо делать, это что [епископ] Феофан называет — скверноделание или пустоделание, — это мешает молитве, то есть грех или просто суета, но когда мы делаем вещь, которую можем сделать во имя Божие, то мы можем делать ее с живым чувством и всем умом, и живое чувство может быть обращено к Богу, а не к предмету». *Антоний (Сурожский), митрополит*. Труды. С. 332.

¹³¹ «Сейчас в науке колоссальную роль играют тщеславие и конкуренция. Совместимо ли это с христианством? Опять-таки, мой любимый [епископ] Феофан: какая-то женщина ему писала, что вот, он ей дал правило, и она с таким восторгом его исполняла, а теперь весь восторг спал — что ей делать? И он ей отвечает: как хорошо, что у вас больше восторга нет, теперь делайте то, что я вам сказал, еще лучше, чем вы это делали с восторгом. Нельзя бросить дело, потому что оно запятнано тщеславием или чем-нибудь другим, — надо изживать тщеславие.

Что касается научной работы, то, если вы хотите иметь возможность заниматься ею на определенном уровне, вы часто должны доказать свою работоспособность. Но вы можете писать сколько угодно статей, и самые лучшие, одновременно изживая тщеславие, и вы можете перестать писать будто бы ради смирения, и быть так исполнены гордости о своем смирении, что лучше вы писали бы статьи». *Антоний (Сурожский), митрополит*. Труды. С. 332—333.

Семья, наука, монастырь...

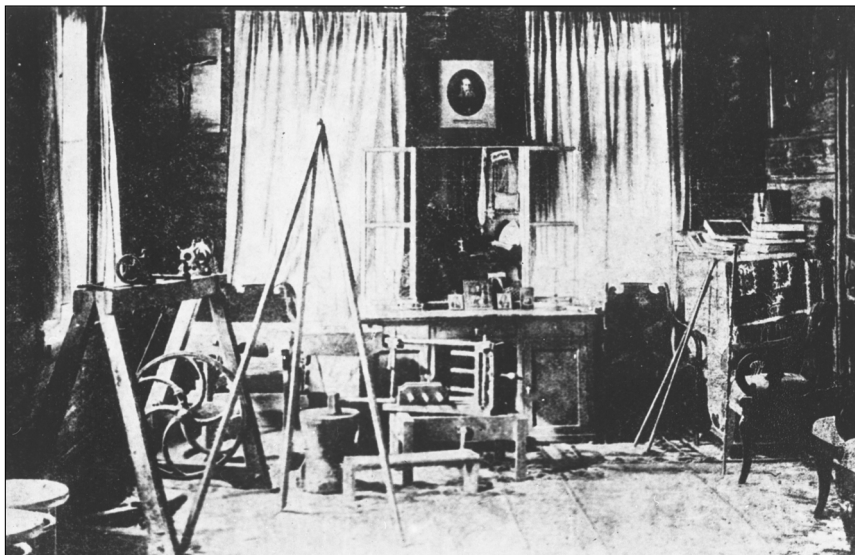
И вы в монастырь... Вам теперь нет дороги туда. Дома устройте монастырь. Вам это очень можно. Ведь и супруг ваш с монашескими задатками. Теперь его поглощают соли, кислоты, газы и прочее... Эта часть ничего не дает: слишком земна. Но безпредельная Премудрость Божия, все мерою, весом и числом устроившая, тут осязательнее для очей даже телесных. Он себе пусть в стихиях с Богом беседует, а вы — в молитве и благотворениях пребывайте. И добре будет тещи жизнь ваша. (2. С. 120—121)

Наука и духовная жизнь совместимы

Немало жалею, что ваши занятия отвлекают вас от молитвенного настроения. Этим погашается духовная жизнь, но она-то и есть настоящая жизнь. Вы добре делаете, что боретесь с сим удобообстоятельным (обстоятельствами навязываемым) грехом. И продолжайте. И болезнование сердца о том изъявляйте Господу в молитве, прося Его, чтоб и занятия шли своим чередом, и молитвенный дух не отходил. Поможет Господь. Но надо и самим приложить некий труд в этом роде. Потрудитесь узреть следы Божии в тех явлениях, кои изучаете, и, узревши, исповедуйте то Господу и мысленно к Нему возноситесь в продолжение самого труда вашего. Тогда занятия ваши будут походить немного на чтение духовной книги. **Еще вот что: приобретите навык трудить научными занятиями голову только в определенные часы, по окончании же их все из головы вон и оставайтесь с одним Господом;** землям же, солям и кислотам не позволяйте лезть в голову... Навык такой придет, но надо потрудиться умно.

Это же пойдет и к недопущению до расстройства здоровья. Для последнего дела каждый день неотложно гуляйте на свежем воздухе: или у себя в саду, или за городом. Извольте послушание оказать прописанному, и увидите, как добре будет... Только не поблажайте и прогоните — нельзя!..

Ваша склонность к определенным занятиям — дар Божий. Но Бог ничего не дает, что бы само по себе отклоняло от Него, а

Кабинет святителя Феофана Затворника (фотография)

Главное у нас дело есть богоугождение, а научность есть придаточное качество, случайность, годная только на время настоящей жизни. И потому никак не должно ставить ее так высоко и в таком блестящем виде, чтобы она занимала все внимание и поглощала всю заботу... Еще вот что: приобретите навык трудить научными занятиями голову только в определенные часы, по окончании же их все из головы вон и оставайтесь с одним Господом. (С. 647, 620)

все чтоб к Нему приводило. Таков и ваш дар. Если действие по дару отклоняет от Бога, не Бог виновен, давший дар, а человек, неправо по нему действующий. (2. С. 121—122)

***Против охлаждения иметь мысль
прославить премудрость Творца***

Ваши ученые занятия, говорите, и отвлекают от молитвы, и охлаждают ее. Это в порядке вещей. Все душевные занятия такого рода: и предприятия деловые всех родов, и научная кропотня, и художественные работы — все такого же свойства. А о тех, кои еще ниже, о них и говорить нечего. Есть один способ избежать сего — это заниматься всем от лица Божия, по началам открытых Им истин, не позволяя себе никаких наведений, противных им, а напротив, все обращая в подтверждение их. Попробуйте приходить в свою «Лабораторию» с мыслью о Боге, что идете дело рук Его рассмотреть подробнее, чтобы, увидев дело, прославить премудрость Его. В этом настроении будьте во все время занятий. Может быть, в таком случае, думаю, не так много охладится душа. (2. С. 135—136)

Как молиться против охлаждения от научных занятий

Что ваше молитвенное настроение не в порядке, об этом очень жалею и не умею, что вам посоветовать. Научность всякая есть холодило. Не исключается из сего даже и богословская наука, хотя тут предмет, холодя образом трактования предмета, самым предметом может иной раз и невзначай падать на сердце. Научность душевного свойства, а молитва — духовного. Потому они не в ладах¹³². А про житейские дела и говорить нечего, особенно у кого по несчастью заботливый нрав.

¹³² «Я с детства знаю молитву, люблю ее. Мне хочется оправдать ее другим. Ее отрицают и, когда отрицают, часто ссылаются, как на основание, на науку: будто бы молитва не согласна с самим духом, каким живет наука... Мне лично любовь к чистой науке не мешала любить молитву; этого мало, — вдохновение научными началами оправдывало мне настроение, каким я творил молитву.

Не можете ли вы определить, хоть по полчаса утром и вечером, на отрешенное богомыслие и молитву?.. Силою себя заставлять стоять пред Богом неразвлеченно, хоть не читая молитв, а с одним воплем: «Господи Милостивый, пощади душу мою!» И поклоны хорошо класть. Господь да умудрит вас! (2. С. 130)

2. Отношение Православия к мирской мудрости

Как православному читать светские книги

Пишете: «Много читаю; не худо ли это?» Бывает и худо и хорошо, судя по тому, что читаете и как читаете. Читайте с рассуждением и читаемое поверяйте неложною истиною нашего исповедания. Что согласно с ним — то принимайте, а что не согласно — тотчас отвергайте, как богопротивную мысль, и книгу ту, в которой излагаются такие мысли, бросайте. Вы взялись изучать духовную жизнь. Это предмет и многообъятный, и возвышенный, и сладостный для сердца, которое не может не видеть в ней последнего своего блага. Взались за это, и изучайте, — и из книг, и паче — делом. Какие книги читать, уже знаете, и как наладиться на соответственную жизнь, ведаете. Если серьезно желаете вступить на эту стезю, то вам некогда будет обращаться к изучению других предметов. Учились и общие понятия о всем имеете, — и довольны с вас.

Скажете: да этак отсталою выйдешь? Что же за беда! Отсталою в одном, а преуспевающею в другом, — и в другом гораздо вышем. Если бы, отставая в человеческих мудрованиях, вы не преуспевали в премудрости Божией, был бы ущерб. Но как преуспевать в последней вы, несомненно, будете, если возьметесь за

Мне и хочется уяснить это, оправдаю ли я молитву из начал науки, — чтобы оставить отрицание молитвы на счет безумного упорства, каким всегда встречает тьма правду и свет... На фоне безконечного Ничто во мне борются великие традиции, данные мне прошлою жизнью человечества. И их я должен примирить». *Ухтомский А.А.* Интуиция совести. С. 332.

дело как следует, то не ущерб потерпите, а большее преимущество приобретете. Ибо с мудростью духовною человеческое мудрование в сравнение идти не может.

Говоря так, я не то хочу сказать, чтобы другого ничего нельзя уж было и почитать, а только то, что и без него можно обойтись без ущерба, тогда как, склоняясь на него, можно понести ущерб в своем главном. За двумя погонитесь, ни в одном не успеете.

Но вопрос все еще остается нерешенным: так как же — можно читать иное что, кроме духовного? Сквозь зубы говорю вам, чуть слышно: пожалуй, можно, — только немного и не без разбора¹³³. Положите такую приметку: когда, находясь в добром духовном настроении, станете читать с человеческими мудростями книгу и то доброе настроение начнет отходить, бросайте ту книгу. Это всеобщий для вас закон.

Но и книги с человеческими мудростями могут питать дух. Это те, которые в природе и в истории указывают нам следы премудрости, благости, правды и многопопечительного о нас промышления Божия. Такие книги читайте. Бог открывает Себя в природе и истории так же, как и в слове Своем. И они суть книги Божии для тех, кто умеет в них читать.

¹³³ «Научное исследование мира хорошо — но не само по себе. В своей автономности оно разрушительно. Мир — символ Бога. Если, исследуя его, человек забыл, Кто стоит за книгой Природы, неизбежна серьезная ошибка в грамматике бытия... В этом же контексте понятны и слова святителя Феофана Затворника: “Но вопрос все еще остается нерешенным: так как же — можно читать иное что, кроме духовного? Сквозь зубы говорю вам, чуть слышно: пожалуй, можно, — только немного и не без разбора”. Тут надо трезво наблюдать за собой — как бы не “занавозить свою чистую головку”... Если же надлежащие меры духовной безопасности соблюдаются, — “люби Бога и делай что хочешь”. Христианство требует гармонии духовной работы и работы разума, гармонии духовного познания и светской культуры, а не отсечения всего внебиблейского». *Андрей Кураев, диакон. О вере и знании // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 3. Россия как идея. С. 230.*

Очевидно, что последнее высказывание отца Андрея обращено к людям светской культуры, в то время как советы святителя Феофана — к тем, кто «взялся изучать духовную жизнь делом». Отсюда и различие их заключений.

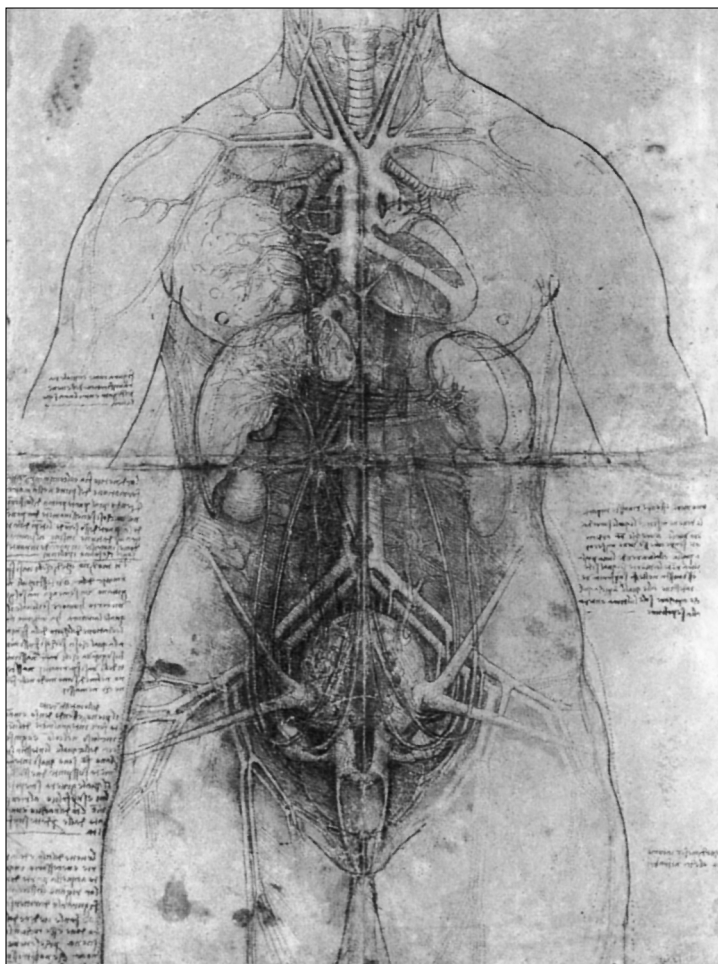
Сказать: читайте такие книги — легко; но где их взять? Этого я вам указать не могу. **Ныне более выходит книг по предметам естествознания. Но почти все они с дурным направлением, — именно, покушаются объяснить происхождение мира без Бога и все нравственно-религиозные и другие проявления духовной в нас жизни — без духа и души. И в руки их не берите. Есть книги по предметам естествознания без таких мудрований. Те можно читать.** Хорошо уяснить себе строение растений, животных, особенно человека, и законы жизни, в них проявляющейся. Великая во всем этом премудрость Божия! Неисследимая! Какие именно есть такого рода книжки, спросите у того, кто увлекательно говорит о предметах веры.

А повести и романы?! Есть и между ними хорошие. Но чтобы узнать, хороши ли они, надо их прочитать, а прочитавши, наберетесь таких историй и образов, что — Боже упаси! Занавозите свою чистенькую головку. После поди — вычищай. Какая же стать наклепать на себя такой труд?! Потому, думаю, лучше не читать их. Когда кто из прочитавших благонамеренных людей порекомендует какую повесть, можете прочитать.

Есть хорошие землеописания. И их можно почитать. Но все понемногу и как бы только для разнообразия. Свое дело держите — и от него внимания не отвлекайте. (11. С. 250—252)

Как при чтении отличить пытливость ума от истины

Что у вас там за чтения? И что из сего читаемого вы находите полезным и приложимым к жизни? Последний признак должен быть пробой доброты исследования писаний. Но есть и другое исследование, никуда негожее — бесплодная пытливость ума. Вот как разбирайте. Если, слушая, видите, что все мысли, как мыльные пузыри, хоть и красны, да пусты и скоро от легкого движения воздуха здравого рассуждения трескаются, знайте, что слышанное есть дело пытливости праздной. А если, слушая, найдете, что слышанное садится на сердце, и втесняется в него, и давит его, сокрушая, или расширяет, возвеселяя неземными

Леонардо да Винчи. Анатомический рисунок

Ныне более выходит книг по предметам естествознания. Но почти все они с дурным направлением, — именно, покушаются объяснить происхождение мира без Бога и все нравственно-религиозные и другие проявления духовной в нас жизни — без духа и души. И в руки их не берите. Есть книги по предметам естествознания без таких мудрований. Те можно читать. Хорошо уяснить себе строение растений, животных, особенно человека, и законы жизни, в них проявляющейся. Великая во всем этом премудрость Божия! Неисследимая! (С. 625)

надеждами, то знайте, что слышанное не есть дело праздной пытливости, а есть опытом дознанная истина. (16. С. 88—89)

***Мудрость человеческая и Евангелие —
две противоположности***

Первый источник толков есть допущение своей человеческой мудрости входить в область веры в качестве решительницы вопросов и законодательной постановительницы определений. Чтоб вперед коринфяне не впали еще в какое-либо суемудрие, Апостол раскрывает теперь, что мудрость человеческая и Евангелие — две противоположности (см.: 1 Кор. 1, 17—2, 16). Надобно отказаться от первой, чтобы принять второе. Евангелие есть истинная мудрость Божия, но человеческой мудрости оно не кажется таковым. Потому кто хочет быть учеником мудрости евангельской, тот должен отказаться от мудрости человеческой и согласиться быть по-человечески буим [неразумными]. В этом урок Апостола на все времена: ибо тут определяется отношение умовых соображений к простоте евангельской истины.

Евангелие есть истинная мудрость, но оно является в совершенно простой форме. Те, которые спознались с мудростью человеческою и привыкли к мудрованиям, не могут вместить его. Вмещают его только те, которые не опутаны этою мудрующею мудростью. Но, принимая его простым сердцем, в его обнаженной простоте, они становятся мудрее мудрецов¹³⁴...

¹³⁴ «Не настаивая на том, чтобы церковная система оценок была единственно принятой в светском обществе и государстве, Церковь, однако, убеждена в конечной истинности и спасительности пути, открытого ей в Евангелии. Если творчество способствует нравственному и духовному преобразению личности, Церковь благословляет его. Если же культура противопоставляет себя Богу, становится антирелигиозной или античеловечной, превращается в антикультуру, то Церковь противостоит ей. Однако подобное противостояние не является борьбой с носителями этой культуры, ибо *наша брань не против крови и плоти*, но брань духовная, направленная на освобождение людей от пагубного воздействия на их души темных сил, *духов злобы поднебесных* (Еф. 6, 12)». Социальная концепция Русской Православной Церкви. М., 2001. С. 167.

«Чего не могли сделать философы посредством рассуждений, то сделано кажущимся безумием. Кто же мудрее? Тот ли, кто убеждает многих, или тот, кто не убеждает никого? Платон сколько старался доказать, что душа бессмертна, но не сказал ничего ясного и не убедил никого! Напротив, Крест чрез неученых убедил и обратил целую вселенную, убедил не в предметах маловажных, но в учении о Боге, истинном благочестии, евангельской жизни и будущем суде; он сделал любомудрыми всех, и земледельцев, и неученых. Так *буге Божие премудрее и немощное Божие крепчае человек есть*. Чем крепчае? Тем, что оно распространилось по всей вселенной, покорило всех своей власти и, тогда как бесчисленное множество людей усиливалось истребить имя Распятого, сделало противное. Это имя прославлялось и возрастало более и более, а они погибали и исчезали: живые, восставая против Преданного смерти, не могли сделать ничего. Что благодатью Божиею совершили мытари и рыбаки, того и философы, и риторы, и властелины, и вообще вся вселенная, при бесчисленных усилиях, не могли даже и представить. Чего не сделал Крест? Он ввел учение о бессмертии души, о воскресении тел, о презрении настоящих благ и надежде благ будущих; он сделал людей Ангелами; им все и везде стали любомудрыми и способными ко всякой добродетели» (святой Златоуст). (33. С. 54–55, 75–76)

Не желай знать других евангелий

[В Евангелии] не мудрость хитросплетенная предлагается, а простое сказание, понятное даже детям. Только глаза раскрой для чтения или ухо для слышания да прибавь немного внимания, и все уразумеешь. Почерпнется богатство ведения неисчерпаемое, и вкусится сладость от того неописанная. Расположись же к этому занятию так, чтобы потом всегда приступать к нему с таким желанием, с каким голодный спешит к столу и жаждущий к прохладной воде. Не забудь же, однако же, при этом отстранить всякое совопросничество. Приступай в простоте сердца,

с верою, что все, содержащееся в Евангелии, есть несомненная совершеннейшая истина. Это, говорит святой Лука, *известованные вещи*; ибо, говорит [блаженный] Феофилакт: «Относящееся до Христа не просто известно, по голословному преданию, но истинно, совершенно верно и вполне доказательно». Почему так? Потому, что предали нам это те, которые с самого начала явления миру воплощенного Бога Слова были очевидцами и служителями Его. Святые Апостолы пересказывали верующим все, что видели в Господе и от Господа и что слышали из уст Его. Верующие принимали то открытою душою, и это было истинное Евангелие, написанное в сердцах. Писанное на хартии пришло после, когда святые Апостолы рассудили написанное в сердцах передать и письменами, для безопаснейшего увековечивания. Написали двое из двенадцати и другие двое под их руководством. Писали и другие многие, но все те евангелия еще самими Апостолами были отвергнуты как не содержащие чистой истины. Чистая истина только в наших четырех Евангелиях. Так предали святые Апостолы Церкви, и так Церковь содержит доселе. Слышатся и ныне иные евангелия самоизмышленные: но как тогда Церковь не приняла ложных евангелий, так и теперь отвергает евангелия, духом века изобретаемые. Заклучи и ты ухо свое от них и не желай знать другого евангелия, кроме того, которое читается в Церкви, и все содержащееся в нем принимай с верою, как принимает и понимает то Святая Церковь¹³⁵. Нельзя ставить здания на нетвердом грунте: нельзя и тебе созидать духовно, если позволишь духу своему колебаться навеваемыми

¹³⁵ «Кто отвергает подлинность Евангелий, тот явно противится очевиднейшей истине, не придает значения церковному историческому преданию, безусловно заверяющему их апостольское происхождение. В отношении к благовестникам Евангелия верующие не являются рабами: *Мы*, — говорит Апостол, — *не обладаем верою вашею* (см.: 2 Кор. 1, 24). «Вера — дело свободы; хотите — веруйте, хотите — нет» (епископ Феофан). Благовестники Евангелия являются только споспешниками радости верующих (1, 24). Их дело блюсти верность в вере и тем содействовать умножению радости, доставляемой верою». *Николай Денутатов, протоиерей*. Простецкое богословие. С. 133.

суемудрием недоумениями и приискивать решения их. Предоставь этот внешний труд другим, сам же, входя внутрь и себя и Евангелия и не развлекаясь сторонними соображениями, пей воду жизни духовной, сокрытую здесь. (29. С. 265–267)

Суетность мудрецов века сего

В чем суетность? В тщетности: надеются на них, а из них ничего прочного не выходит. Думают мудрые, что своими соображениями дошли, наконец, до истины, — так всякий философ думал, — а истины в них не было. Думают на земле устроить рай; и все он не устраивается, а между тем в толк никто не возьмет, что это пустое начинание и что его следует бросить: всё строят и строят. Думают, что за пределами видимости ничего более нет, а между тем там-то и есть настоящая существенность. И в других многих отношениях помышления самых мудрейших суетны. Но никто из мудрых не знает этого. (33. С. 153–154)

Путь спасения несовместим с человеческою мудростью

Во внешней жизни точно эта мудрость господствует, и безвредно; но кто с нею в этом же значении входит в область спасения, тот всегда портит дело. Образ спасения Бог определяет; его надо принять с покорностью, как он предлагается. Мудрость же наша, без ее покорения велению Божию, и в начале мешает принятию спасительной веры, и если, по покорном принятии веры, вмешивается потом, то всегда все перепутывает. Путь спасения решительно несовместим с человеческою мудростью. В слове крестном она ничего понять не может; а сие слово — начало и конец всего. (33. С. 62–63)

Отличие мудрования плотского от мудрования духовного

Сущий по духу и духовное мудрование держащий живет духом в Боге и, силою Его укрепляясь, действия души и тела и всех своих отношений направляет к благоугождению Богу. Чрез это состоя в живом союзе с Источником всякой жизни, преиспол-

няется истинною жизнью, которая, настраивая на единое все проявления собственной его жизни, и внутренней и внешней, вносит в нее гармонию и мир, прекраснее, сладостнее и восхитительнее чего человек и вообразить на земле себе не может. Напротив, мудрование плотское — жизнь в отдалении от Бога и с забвением о Нем, жизнь сластолюбивой самоугодливости, движимой и волнуемой страстями, — тем, что держит вдали от Источника жизни, делает естество человеческое скудным, истощающимся, иссыхающим; а тем, что в противность природному строю естества человеческого дает преобладание плоти и душе над духом, вводит разлад в сие естество, разлагающий и разъедающий его. То и другое отзывается томлением, похожим на агонию умирающего. — Боясь этого, испытанного уже, мертвящего действия плотского мудрования, вступивший в мудрование духовное всеусиленно держится в нем, тем усерднее, что ощущает и вкушает источаемые им жизнь и мир. (32. С. 467—468)

Мудрование плотское, как уж не раз говорилось, означает общий строй падшего, по коему он всю заботу обращает на устройство земного благобытия, полагая его в удовлетворении душевных и телесных потребностей, испорченных и извращенных страстями. Этим оно занято день и ночь, и это только устроить оно умеет, не помышляя о том, что выше земли и что — за пределами земной жизни. К Богу и вещам божественным у него душа не лежит. Это души нележание к Божескому есть крайний, легчайший предел враждования на Бога. Крайний тягчайший предел есть деятельное с яростью восстание против Божеских порядков, сопровождаемое богохульством и рвением отвлекать от Бога и других. Средину составляет тот образ обнаружения плотского мудрования, по которому оно не восстает гласно против Божеского и будто мирно с ним; но как только приходит в столкновение с ним, всегда понуждает делать в противность ему...

Мудрование плотское выражает свою вражду на Бога непорочием закону Божию. Обычно оно молчит, будто его нет;

но как только предлежит исполнить закон, оно ухитряется так представить дело, что бедный человек в данном случае поступает в угоду ему против закона Божия¹³⁶. Так всякий раз, следовательно всегда, так что непокорение закону Божию есть отличительная жизненная черта мудрования плотского...

Мудрование плотское, пока оно таково, и не может покоряться закону Божию; ибо как бы только оно покорилось, так и перестало бы быть мудрованием плотским. Человек может держать и плотское, и духовное мудрование — ни тем ни другим не связан, может переходить от одного к другому. Он, пока предан мудрованию плотскому, не может покоряться закону Божию; но как не связан он мудрованием плотским, а может и отстать от него, то об нем нельзя вообще сказать, что он закону Божию не может покоряться: может, когда захочет, когда сам вооружится против мудрования плотского и прогонит его. (32. С. 468—469)

Горняя мудрствуй, а не земная

Мудрствовать — φρονεῖν, — думать, держать в мысли, обдумывать, соображать, как лучше что устроить. Два для сего предмета — небо и земля. Пока человек живет в самоугодии, дотоле только и дум у него, как бы лучше устроить свое земное благо-

¹³⁶ «Можно ли сказать должную истину о религиозной истине, когда сам отсечен от нее? О работе головного мозга и высшего разума не можем и помыслить, отрезав от себя (хотя бы и ради эксперимента или ради безпристрастия!) головной мозг и высшее разумение. А религиозная истина и христианская вера есть глава всем и идет впереди всего, что есть у человека в жизни! Не наука, без сомнения, противница богословия и истины, но самодовольный и считающий самого себя все нашедшим представитель науки сам себе поставил непреодолимые преграды к истине. Дело тут в его идеализме и самоутверждении. “Если ты опутан сетью душевного ведения, то не неуместно мне сказать, что удобнее тебе освободиться от железных уз, нежели от этой сети: и всегда будешь недалек от сетей прелести, и никогда не уразумеешь, как возыметь дерзновение перед Господом и упование на Него, на всякий же час будешь ходить по острию меча и никоим образом не сможешь быть без печали”». *Ухтомский А.А.* Заслуженный собеседник. С. 211.

бытие, или земное счастье. Когда же благодать Божия пробуждает в нем усыпленные потребности духовные, тогда и думы его переходят на иное, отторгаются от земли и обращаются наипаче на обсуждение, как бы вернее устроить свое вечное благобытие, или достигнуть вечного блаженства и сподобиться наследия Царства Небесного. Последнее есть *горняя мудрствовать*, а первое — *земная*. То занимает христиан истинных, а это тех, кои не суть в духе христиане, хотя именуются так. Сии мудрствования резкую проводят между ними черту различия¹³⁷.

Если под горним станем разуметь то же, что определили разуметь под вышним, т. е. живое богообщение чрез хождение в заповедях с отвержением самоугодия, чувственности и тварелюбия, то вот и предметы постоянных и заботливых христианских дум: думает христианин, как бы опять не ниспасть в самоугодие и чувственность и не прилепиться к какой твари паче Творца, — как бы точнее выполнить волю Божию во всем течении и во всех соприкосновениях своей жизни, — наипаче же о том, как бы неотходно пребыть с Господом и мыслью и сердцем и со страхом и трепетом пред Ним содевать свое спасение. Се предметы, достойны мудрствования христианина! Земное же недостойно того, чтоб занимать его. Оно идет у него как вещь сторонняя — приделок, а не дело. (37. С. 161)

¹³⁷ «Значительное число людей не перестают верить во всемогущество научного знания. Отчасти именно вследствие подобного взгляда в XVIII веке часть атеистически настроенных мыслителей решительно противопоставила науку религии. Вместе с тем является общеизвестным фактом, что во все времена, включая и настоящее, многие самые выдающиеся ученые были и остаются людьми религиозными. Это было бы невозможно при наличии принципиальных противоречий между религией и наукой. Научное и религиозное познание имеют совершенно различный характер. У них разные исходные посыпки, разные цели, задачи, методы. Эти сферы могут соприкасаться, пересекаться, но не противоборствовать одна с другой. Ибо, с одной стороны, в естествознании нет теорий атеистических и религиозных, но есть теории более или менее истинные. С другой — религия не занимается вопросами устройства материи». Социальная концепция Русской Православной Церкви. С. 162–163.

3. Кто наш и кто не наш

Не слушай и не читай бредней заблуждающихся ученых

Под терниями и волчцами, подавляющими слово Божественной истины (см.: Лк. 8, 5—15), кроме богатства, сластей и скорбей житейских, в нынешнее время надо разуместь и разные ложные учения, распространяемые учеными, потерявшими истину и сбившимися с пути к ней. Таких учений у нас расходуется много: иные гласно и открыто идут против истины; другие — под условными намеками, понятными, однако, тем, к кому направляются. В существе они действуют, как угар; незаметно входя, омрачают голову и доводят до потери ясного сознания всего окружающего. Кто нахватается этого угара, тот начинает бредить, как сонный, ибо все представляется ему уже совсем не в том виде, как оно есть и как представляется находящемуся в здравом уме. Встретив такое лицо, вы видите, что у него подавлена не только истина всякая, но заглушено и чувство истины и ложь внедрилась во все составы ума. Как же быть? Не слушать и не читать этих бредней, а когда невольно услышалось или прочиталось, — выбрось из головы, а когда не выбрасывается, — подвергнуть рассуждению, и все разлетится, как дым. (12. С. 146)

Лукавых естественников не слушай

Нынешних естественников не слушай; они все навыворот толкуют: что естественно, то у них неестественно, а что неестественно, то у них естественно, — называют лукавое добрым, а доброе лукавым. Смотри, что говорит Господь в Евангелии и святые Апостолы в писаниях своих, и по их указаниям определяй естественное. (12. С. 101)

Богооткровенные истины — исходные начала науки

Богооткровенные истины сокращенно вот что возвещают! — Бог в Троице поклоняемый, все сотворивший и о всем промышляющий, спасает нас, падших и погибающих, в Господе Иисусе

Христе, благодатью Святого Духа во Святой Церкви, очищая нас здесь, чтоб ради малого здесь труда по смерти вечным покоем упокоить нас. Это краткое начертание образа премудрости Божией, или *образа здравых словес*, как именует святой Апостол. Возьми это и напечатлей в уме, и потом, о чем бы ни стал ты судить и что бы ни стал познавать, о всем суди и все познавай так, как требуют указанные основные понятия как исходные начала. Мир ли хочешь узнавать, или человека, или историю, или другое что, — всюду проводи Богооткровенные истины и все ими поверяй, — согласное принимай, несогласное отвергай. Следствием сего будет то, что вся область нашего ведения будет проникнута Божиею истиною, которая сообщит ему единство, стройное согласие во всех частях и отсюда непоколебимую твердость. Тогда ум наш не будет уже вляяться [волноваться] всяким ветром учения. (14. С. 81)

Кто наш и кто не наш

Кто не верует во Святую Троицу и думает, что Отец, Сын и Святой Дух не суть лица единого Божества, а только имена одного лица, — тот не наш.

Кто отвергает Божественное творчество и промыслительность и держится того убеждения, что мир со всеми в нем тварями произошел самослучайно и управляется сам собою, — тот не наш.

Кто не верует во Святую Церковь как единую лечебницу, вмещающую в себе все восстановительные для нас силы, и Святые Таинства ее и освятительные средства считает простыми обрядами без внутренней силы, — тот не наш.

Кто мечтает получить освятительную силу Божией благодати каким-то сокровенным, невидимым способом, а не тем, какой предлагается Святою Церковью, — тот не наш.

Кто чуждается общения со святыми и презорливо отвергает их ходатайство и заступление, равно как и пагубные действия духов злобы поднебесных, — тот не наш.

Кто не признает нужным подвижничества и всяких дел самоотвержения, обольщая себя ложною надеждою совместить дух Христов с духом мира, — тот не наш.

Кто отрицает духовность души, ее бессмертие, будущее воскресение наших тел и вечное воздаяние всем нам по делам нашим, — тот не наш.

Кто явно и тайно нарушает уставы Церкви Божией, не считает нужным соблюдать посты, исповедоваться и причащаться, кто не почитает святых праздников и дней воскресных или вместо должного их чествования предается безумным увеселениям и забавам, — тот не наш.

Кто с дерзким самооправданием не хранит чистоты до брака и верности супружеской по браке, измышляя вместо благословенного Богом иной какой-либо образ сожития, — тот не наш.

Вообще кто увлекается сам и увлекает других неукротимым своеволием в образе мыслей и правилах жизни, — тот не наш.

Приложи теперь каждый все это к себе и, положив руку на сердце, отвечай на вопрос: *наш ли еси, или от супостат наших?* (Нав. 5, 13). (19. С. 234—241)

4. Делай веру господственной, а науку подчиненной

Когда можно жить по науке

Было время, когда ученые опирались более на разум и все твердили: «Разум требует того-то, разум не согласен на это». Ныне оставили разум в покое и стали ссылаться все на науку... А что такое наука? Нет ни одной науки, сколько-нибудь сформировавшейся. Всякая наука еще саму себя ищет; факты, относящиеся к кругу каждой из них, не собраны и не разобраны как следует, а об открытии причинных отношений, и тем более об определении начал каждой науки, еще нет и помину. Ни одна наука самой себе еще не госпожа — как же ей повелевать другим? Есть книги, в которых ученые излагают свои воззрения

на науку, но это далеко не то, что сама наука. Воззрения ученых — их собственное дело; потому-то и неуместна фраза: «Наука требует», а вернее: «Тот и тот так на это смотрят». Если бы науки действительно взошли до своих начал, то приговор их был бы ценен; тогда это было бы то же, что голос Божий, ибо так как всякая наука обнимает какую-либо часть сущего, а часть сущего есть творение Божие и в законах своих являет определение воли Божией, то наука, взошедши до своих начал и до определения законов, действующих в известном круге бытия, указывала бы нам точные определения воли Божией, повиноваться которым есть неотложный закон для всякой разумной твари. Тогда каждая наука была бы как бы одною из книг Священного Писания, содержащую Божественное Откровение, а все науки в своей совокупности — Библией, Откровением Божиим в естестве вещей; тогда было бы у нас две Библии, одна писанная, а другая неписанная, но содержащаяся в бытии вещей. По идее-то оно действительно так, что наука могла бы требовать послушания и покорности, но на деле, как оно есть теперь, она того не стоит. Будет ли когда-нибудь стоять — неизвестно, но теперь ссылаться на нее — дело неправо¹³⁸. (19. С. 75–77)

Без Православия — познания ни во что

Нельзя достигнуть совершенства в познаниях, не содержа святого исповедания; нельзя достигнуть совершенства жизни

¹³⁸ «Нам также не следует бояться науки, потому что наука не может противоречить Богооткровенной истине. Если это истина, то она остается истиной. Истина открываема Богом и открываема в природе. Истина, открываемая Богом, абсолютна, потому что исходит прямо от Бога. Но ее толкование покоится на нашей мудрости, которую мы черпаем в Церкви и святоотеческом учении по мере нашего познания. По мере познания мы можем делать даже и свои предположения, если только не настаиваем, что эти предположения уравниваются с самим Богооткровенным текстом. Наука намного более спекулятивна, особенно когда она говорит о таких ранних периодах, как сотворение мира, так как никто не присутствовал при этом». *Серафим (Роуз), иеромонах*. Бытие: Сотворение мира и первые ветхозаветные люди. С. 662–663.

без исполнения заповедей, нельзя уврачевать немощи свои без содействия Святых Таинств и подчинения всему чину освячительных молитвований Церкви. — Не то мы хотим сказать, чтоб только это одно и больше ничего, но то, что это есть главное, источное, руководительное, так что коль скоро сего нет, — все прочее ни во что. — Трудись в расширении круга познаний, но не иначе, как под руководством исповедания и по его указанию, а не в противность ему; иначе все твое мудрование будет не более как мечта сновидения. Облагораживай порядок взаимных отношений, но без нарушения евангельских предписаний; иначе вся твоя цивилизованность и гуманность будет не более как красота *гроба повапленного*. Улучшай внешние условия быта и благосостояния, но без забвения вечного порядка Божия; иначе весь твой блеск и вся пышность будет не более как призрак обманчивый... Всему проба — опыт! Но посмотрите, довел ли хоть когонибудь этот хвалимый прогресс до обещаемого совершенства, дал ли покой, сделал ли счастливым? — Никого! А из тех, кои неуклонно следуют путем веры Божией, вы имеете целый облак свидетелей — сонм святых Божиих, истинно усовершенствовавшихся и показавших делом, что этот, а не другой путь ведет к совершенству. Вот образцы истинного прогресса! И все, подражающие им, укрепляясь Божественною благодатью, *идут от силы в силу, дондеже достигнут в меру возраста исполнения Христова* (см.: Еф. 4, 13) (14. С. 68—70)

Не считай успешными науки, охлаждающие веру

Если, коснувшись чего-либо такого (прогрессивного), вы ощущаете в себе охлаждение к вере и отчуждение от Церкви, знайте, что в том действует не благодетельный дух, а пагубная прелесть. Науки ли какие проходите в новом направлении или подвергаетесь влиянию нового просвещения и всей письменности и видите, что они возбуждают в вас сомнения в вере, — не считайте успеха в этом за истинное движение вперед. Нет, это возвращение назад, из света во тьму, из которой призвал нас Господь в чудный

свет Свой. Встречаете ли обычаи новые, считающиеся плодом высшего образования, и видите, что они отчуждают вас от Церкви и заставляют без страха нарушать уставы ее, — не считайте усвоения их улучшением себя и облагорожением. Нет, это возвращение из области Божией в область сатанину, ниспадение от истинного благородства в дикую плотность, хотя подкрашенную и утонченную. Вынуждены ли бываете подчиниться новым условиям взаимных отношений — новому тону — и находите, что они так вяжут вас, что вы не имеете возможности жить по требованию духа евангельского, — не считайте вступление в такой порядок жизни приобретением, освобождением от уз невежества. Нет, это потеря свободы чад Божиих и самовольное связание себя узами суеты и мнения, которые хуже крайнего невежества. Так судите и о всем, что хоть мало противно духу веры и Церкви, — и не ошибетесь! Только не увлекайтесь тем, какое бы множество лиц, из вашего же круга, ни следовало тому. Не другие будут отвечать за нас. Пусть величаются высшим образованием. Будет день, когда все дела подвергнутся огненному испытанию. Тогда окажется, у кого золото и у кого сухое хвастие (см.: 1 Кор. 3, 12—13). Господь же неложен в Своем обетовании: *веруяй в Мя, имать живот вечный* (Ин. 6, 47)... Не считайте совершенствованием и преуспеянием того, что может довести вас не только до нарушения уставов веры и Церкви, но и до желания и требования перемен и отмен в них. (14. С. 63—64)

Не думай высоко о мире и его законах

Напрасно думают высоко о мире и его законах, о природе и ее силах, как будто в них есть что неприкосновенное, непререкаемое, нерушимое, — и под видом науки изобретают себе идолопоклонство, которое гибельнее мифологического идолопоклонства древних греков. Нет, братия, — не законами и силами природы держится жизнь каждого из нас, а силою Божиею, действующею в нас. Господь, *носящий всяческая глаголом силы Своея*, глаголом же силы Своея носит и каждого из нас.

Утвердим же сию мысль в уме и напечатлеем ее в сердце. Над бездною ничтожества носит нас вседейственная сила Божия, — а *мы живем, движемся и есмь*. Отымет дух Свой, отдалит руку Свою, — и мы исчезнем и не помянемся ктому в живых. Но если держит нас Господь, то и прикасается к нам. Не мысленно только зрит нас; нет, прикасается к нам, как рука к руке или воздух к телу. Утешительно и претрашно! (14. С. 5)

Отревай все несогласное с духом веры

Вот быстро идут вперед науки. И пусть. — Но если они допускают выводы, противные Откровенным истинам, каковы следующие: что все пришло в бытие потому, что Бог *рече и быша, повелел и создашася*, или что, когда тело возвратится в землю, из коей взято, дух отыдет к Богу, Иже и даде его, — то ведайте, что они уклонились на распутие лжи, и не идите вслед их.

Вот повсюду размножаются удобства жизни. — И пусть. — Но наперед знайте, что сие никак не может изменить той истины, что узкие врата и тесный путь вводят в живот, и кто стал бы проповедовать противное этому, проповедовал бы ложь. Не слушайте его.

Вот уточняются формы взаимных отношений (гуманность, цивилизованность). — И пусть. — Но да не обольстит кто вас лестью, будто, в угоду сему, истина может подать руку лжи, дух — плоти, Христос — велиару. Кто бы стал утверждать сие, нет истины в нем. Не имейте части с ним.

Вот изобретается все к упрочению благоденствия на земле. — И пусть. — Но то несомненно, что сие никогда не дойдет до того, чтоб не нужно уже было *нова небеса и новы земли*, по обетованию Божию, чаять. — И кто бы стал настаивать на сем, шел бы против истины, — уклонитесь от такого.

Так и во всем! Утвердите вы в себе сознание духа веры и жизни христианской и, храня его непоколебимым, все несогласное с ним отревайте. Сие сознание да будет в духе вашем, как утес среди волн моря. В мире живем. Нельзя не встречать происхо-

дящих в нем волнений. Но в том, что встречаем их, не лежит какая-либо необходимость увлекаться ими наряду со всеми. Напротив, тут призыв сознавшим истину стоять за истину, обличая ложь¹³⁹. (20. С. 106)

Слышишь или читаешь что, противное от начала преданной истине, — легкомысленно ли то предлагается или требуется, как поклонение во имя будто науки, — говори смело: «Я христианин, — христианам так умствовать нельзя; как научен Святою

¹³⁹ В журнале «Природа» было помещено интервью Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Был задан вопрос: «Кажется очевидным, что такие проявления человеческого мышления и психики, как память, мораль и совесть, лежат на грани научного и религиозного восприятия мира. Каков Ваш взгляд на общую проблему взаимодействия религиозного и научного сознаний?» Святейший ответил: «Христианство никогда не согласится со сциентизмом... Духовное существо человека, его нравственные качества созданы Богом, и высшее их развитие... не может быть достигнуто... без общения с Ним в молитве, без жизни по вере. Этот опыт недоступен рациональному познанию, и пытаться оценить его только по научным критериям — все равно, что оценивать выводы точных наук по критериям красоты духовной поэзии... Увлечение сциентизмом проходит, но не безследно... Осознание тупика, в который способен привести этот взгляд, поможет светской науке и Церкви вести диалог, поможет сотрудничать... со взаимным уважением, с пониманием особой роли и предназначения друг друга» (Природа. 1995. № 1. С. 3–4).

«Хотя наука может являться одним из средств познания Бога (Рим. 1, 19–20), Православие видит в ней также естественный инструмент благоустройства земной жизни, которым нужно пользоваться весьма осмотрительно. Церковь предостерегает человека от искушения рассматривать науку как область, совершенно независимую от нравственных принципов. Современные достижения в различных областях, включая физику элементарных частиц, химию, микробиологию, свидетельствуют, что они суть меч обоюдоострый, способный не только принести человеку благо, но и отнять у него жизнь. Евангельские нормы жизни дают возможность воспитания личности, при котором она не смогла бы использовать во зло полученные знания и силы. Посему Церковь и светская наука призваны к сотрудничеству во имя спасения жизни и ее должного устройства. Их взаимодействие способствует созданию здорового творческого климата в духовно-интеллектуальной сфере, тем самым помогая созданию оптимальных условий для развития научных исследований». Социальная концепция Русской Православной Церкви. С. 163–164.

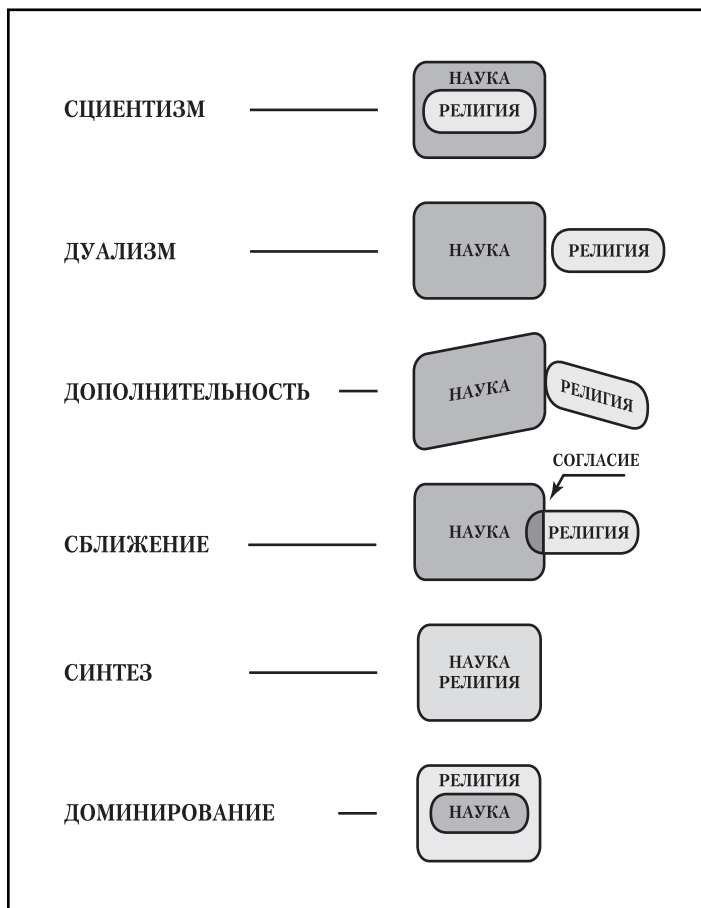
неложною Церковью, так и верую, а вашего учения нового не принимаю»¹⁴⁰. (21. С. 86)

Считай духовные предметы выше и ценнее научных

«Жизни умственной и деятельной [у монахинь] никакой». — Что ум у монахинь не спит, об этом была речь. — Он у них занят своего рода предметами. Здесь вы, кажется, разумеете научность. Как наук монахини не проходили, то и предметами научными теперь не занимаются, не читают о том и не думают. Это совершенная правда. Даже и проходившие науки бросают их в сторону. Но это не значит, у них деятельности умовой нет. Есть, только обращена не на научные предметы. **Если стать взвешивать, какие предметы выше и ценнее, то преимущество бесспорно окажется на стороне тех,** коими занимают ум

¹⁴⁰ «Следует особо выделить общественные науки, в силу своего характера неизбежно связанные с областями богословия, церковной истории, канонического права. Приветствуя труды светских ученых в данной сфере и признавая важность гуманитарных исследований, Церковь в то же время не считает рациональную картину мира, иногда формируемую этими исследованиями, полной и всеобъемлющей. Религиозное мировоззрение не может быть отвергнуто как источник представлений об истине, а также понимания истории, этики и многих других гуманитарных наук, которые имеют основание и право присутствовать в системе светского образования и воспитания, в организации общественной жизни. Только совмещение духовного опыта с научным знанием дает полноту ведения. Никакая социальная система не может быть названа гармоничной, если в ней существует монополия секулярного миропонимания при вынесении общественно значимых суждений. К сожалению, сохраняется опасность идеологизации науки, за которую народы мира заплатили высокую цену в XX веке. Такая идеологизация особенно опасна в сфере общественных исследований, которые ложатся в основу государственных программ и политических проектов. Противостоя подмене науки идеологией, Церковь поддерживает особо ответственный диалог с учеными-гуманитариями. Человек как образ и подобие Непостижимого Творца в своих таинственных глубинах свободен. Церковь предостерегает от попыток использовать достижения науки и техники для установления контроля над внутренним миром личности, для создания каких бы то ни было технологий внушения и манипуляции человеческим сознанием или подсознанием». Социальная концепция Русской Православной Церкви. С. 164–165.

ТИПЫ ОТНОШЕНИЙ НАУКИ И РЕЛИГИИ

Если стать взвешивать, какие предметы выше и ценнее, то преимущество бесспорно окажется на стороне тех... [которые] вечны и к вечному спасению ведут, а научные предметы временны и вместе с временем совсем исчезнут, спасению же могут только не мешать, — и если способствовать, то очень косвенно, и притом под условием полного и безпрекословного подчинения первым. (С. 642, 644)

свой монахини. Одно укажу, — эти предметы **вечны и к вечно-му спасению ведут, а научные предметы временны и вместе с временем совсем исчезнут, спасению же могут только не мешать, — и если способствовать, то очень косвенно, и притом под условием полного и безпрекословного подчинения первым.** (17. С. 315)

«Научное бросаете». Распрекрасно. Для духовного дела оно как вода для огня. И еще лучше будет, если никогда к нему, никогда более не будете ворочаться. (2. С. 124)

Вводи свободно религиозный элемент в свою науку

Что есть наука? Одна по себе она есть душевное дело; душевное же не понимает духовного и теснит его¹⁴¹. Наоборот, и духовное теснит душевность. Чтобы этого не было, надо душевное одухотворить, — пропустить сквозь него элементы духовные и сделать его слугою духовных интересов. И извольте это сделать с наукою, которая в ваших руках. Наука не самостоятельная госпожа. В моду вошло выставлять науку как царственную некую особу. Особа эта — мечта. Ни одной у нас науки нет, которая установилась бы прочно в своих началах. Кое-что добыто по всем наукам. Но все это не таково, чтоб давать право ссылаться на науку, как на авторитет решающий. **Науки нет, а есть научники, которые вертят наукою как хотят**¹⁴². Есть, следовательно,

¹⁴¹ «Что такое наука? Человеческое самоутверждение, или “помысл ангельский” — попытка перешагнуть через все человеческое, т. е. посмотреть на мир и вещи в нем выше человеческих интересов, проникнуть в обязывающую Истину! Технологическая наука знает лишь первое и сознательно не хочет “витать” далее его. Ее удел — “умеренность и аккуратность” Молчалина, она “скромна”, — хотя и отнюдь не смиренна, — она “точна” в своих пожеланиях. Затем она принципиально оппортунистична по своей природе, вполне “от мира сего”, самоудовлетворена, и самоудовлетворение человека в мире ее последняя перспектива». *Ухтомский А.А.* Заслуженный собеседник. С. 442.

¹⁴² «Фейерабенд отказ науки последних двух столетий от допущения вне-научных путей соприкосновения с истиной называл “научным шовинизмом”

только догадки и наведения научных. Это то же, что прежде говорилось: разум того требует. Как разум плохо себя зарекомендовал в истории человеческих мудрований, то бросили так выражаться, а стали ставить вместо него науку — нечто безличное. Пред женщинами ныне преклоняются. И науку выставили как какую красавицу, делают перед нею книксен. Из сего можете вывести, что и ваша наука тоже ваши соображения. И вы можете господственно относиться к ней и выдрессировать ее, как вашей душе угодно. Есть в ней кое-что установившееся; но то — внешние формы, суть же дела не дается. Тут ваша свобода и вместе сторона, куда может быть введен религиозный элемент, и законно, и в интересах самой науки. Извольте так настроить свою науку, и будет добре. Тогда и за наукою будете молиться. (2. С. 111–112)

(Фейерабэнд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 183). Именно эти сциентистские манипуляции и вызвали резкую реакцию святителя Феофана Затворника: “Науки нет, а есть ученые, которые верят наукою как хотят” (Святитель Феофан Затворник. Собрание писем. Вып. 2. М., 1898. С. 112). По сути же непреодолимого противоречия веры и знания здесь нет — доводы сердца вполне могут быть согласованы с доводами разума, если последний согласится считать внутреннюю природу человека не менее важным источником опыта, чем мир внешний. Это вполне разумная позиция Церкви, и мы можем лишь сказать словами Хомякова: “Церковь имеет то удивительное свойство, что она всегда рациональнее человеческого рационализма” (Хомяков А.С. Сочинения. Богословские и церковно-публицистические статьи. Петроград, б.г. С. 142)...

О том, что негативное отношение святителя Феофана к некоторым “ученым” не относилось к самой науке, свидетельствует, например, такое его суждение: “Наука — венец мыслительной работы рассудка. Все это я рассуждаю вам затем, чтоб яснее вам было, в чем должна состоять естественная законная деятельность нашей мыслительной силы. Ей следовало бы трудолюбиво обсуждать незнаемое еще, чтобы познать то. Ученными быть дано очень немногим, не всем можно и проходить науки; но обсуждать окружающие нас вещи, чтоб добыть определенные о них понятия, всем и можно и должно” (Святитель Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. М., 1914. С. 21)». Андрей Кураев, диакон. О вере и знании // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 3. Россия как идея. С. 231.

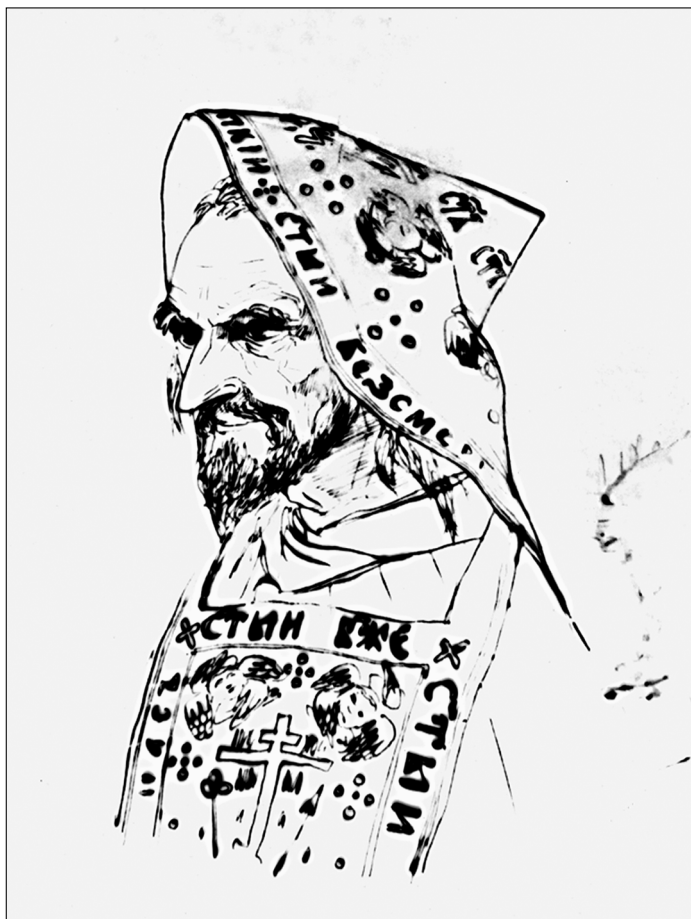

Рисунок академика А.А. Ухтомского. Схимник

Кто ясно сознает главную цель земного нашего бытия, кто преклоняет главу свою перед велениями Божиими, тот старается ходить во всех заповедях и оправданиях Господних безпорочно, тот непрестанно молит: «Господи, даруй мне прочее время живота моего в мире и покаянии скончати!» Раз ясно поставлена цель, необходимо изучить и пути к ней. Так вся жизнь наша должна быть посвящена науке из наук — науке о спасении, о путях, ведущих в Царствие Небесное, о том, как тем или другим способом достигнуть вечноблаженной радости, как применять благий закон Христов. (С. 650)

Главное — богоугождение, научность — придаточна

Главное у нас дело есть богоугождение, а научность есть придаточное качество, случайность, годная только на время настоящей жизни. И потому никак не должно ставить ее так высоко и в таком блестящем виде, чтобы она занимала все внимание и поглощала всю заботу. Нет ничего ядовитее и гибельнее для духа жизни христианской, как эта научность и исключительная о ней забота. Она прямо ввергает в охлаждение и потом навсегда может удержать в нем, а иногда еще и присовокупить разврат, если встретятся благоприятные тому обстоятельства. (10. С. 44)

Живи по Божиему велению, а не по науке

Каких-каких у нас не ходит учений и в школах, и в обществе, и в литературе! Индифферентисту это нипочем; а для кого не все одно, какому учению ни следовать, тому нельзя не поискать решения: как же быть? Итак, какое же решение на это? Такое же, какое дал Спаситель: веруй и живи, как Бог повелел, а людских толков не слушай; пусть говорят. И говор ученых похож на молву и моду: ныне одно, завтра другое, ты же внимай одному глаголу Божию, пребывающему вовеки. Что Господь повелел, того никакое мудрование отменить не может. Все неотложно, и надо все исполнять. Суд ведь будет по слову Господа, а не по умствованиям нашим. (12. С. 182)

Православное отношение к научному образованию

Спрашивается, как должен держать себя христианин в отношении к внешней мудрости, или к научному образованию?

Избирай нужнейшее Из предметов сей мудрости избирай нужнейшее по твоему состоянию, то особенно, к чему чувствуешь себя привязанным, равно как и то, в чем преимущественно надлежит нужда братьям твоим, христианам¹⁴³.

¹⁴³ «Христианская традиция неизменно уважает светское образование. Многие отцы Церкви учились в светских школах и академиях и считали преподаваемые там науки необходимыми для верующего человека. Святитель

Внеси православные начала

А в образе исследования старайся начала каждой изучаемой тобою науки освятить светом небесной мудрости или даже внести их туда из сей области¹⁴⁴.

Гони неправославные начала

Других же начал, неприязненных ей, не только не должно принимать, но надо гнать их и преследовать¹⁴⁵.

Василий Великий писал, что “внешние науки не бесполезны” для христианина, который должен заимствовать из них все служащее нравственному совершенствованию и интеллектуальному росту. По мысли святого Григория Богослова, “всякий имеющий ум признает ученость (*paideusin* — образование) первым для нас благом. И не только эту благороднейшую и нашу ученость, которая имеет своим предметом одно спасение и красоту умосозерцаемого, но и ученость внешнюю, которой многие христиане по невежеству гнушаются как ненадежной, опасной и удаляющей от Бога”». Социальная концепция Русской Православной Церкви. С. 168—169.

¹⁴⁴ «С православной точки зрения желательно, чтобы вся система образования была построена на религиозных началах и основана на христианских ценностях. Тем не менее Церковь, следуя многовековой традиции, уважает светскую школу и готова строить свои взаимоотношения с ней исходя из признания человеческой свободы. При этом Церковь считает недопустимой намеренное навязывание учащимся антирелигиозных и антихристианских идей, утверждение монополии материалистического взгляда на мир. Не должно повторяться положение, характерное для многих стран в XX веке, когда государственные школы были инструментами воинственно-атеистического воспитания. Церковь призывает к устранению последствий атеистического контроля над системой государственного образования». Социальная концепция Русской Православной Церкви. С. 169.

¹⁴⁵ «К сожалению, доньше во многих учебных курсах истории недооценивается роль религии в формировании духовного самосознания народов. Церковь постоянно напоминает о том вкладе, который внесло христианство в сокровищницу мировой и национальной культуры. Православные верующие с сожалением воспринимают попытки некритического заимствования учебных стандартов, программ и принципов образования из организаций, известных негативным отношением к христианству вообще или Православию в частности. Нельзя игнорировать и опасность проникновения в светскую школу оккультных и неоязыческих влияний, деструктивных сект, под воздействием которых ребенок может быть потерян и для себя, и для семьи, и для общества. Церковь полагает полезным и необходимым проведение уроков христианского вероучения в светских школах по желанию детей или их родителей, а также

Расширяй наблюдения и умовые познания Вообще нисколько не противно расширять круг своих познаний о вещах по наблюдениям и соображениям ума... Должно только, чтоб это делалось, когда уже обладаете мудрость истинная¹⁴⁶.

Делай веру господственной, а науку подчиненной Ибо сия, как вечная, небесная и божественная, должна быть начальственной, а та, как гожая только на время, должна быть подчиненною.

Не позволяй гордиться ни науке, ни себе ее ради По сей же причине никогда ни словом ни мыслью не должно придавать последней некоторого безусловного значения, не ставить ее вверху, а представлять пресмыкающуюся долу, как и есть, и не позволять гордиться ни ей, ни самому ради ее.

Не терзайся невысокими научными способностями Еще одно замечание о мере способностей. Мера способностей — от Бога. Потому прими ее с благодарностью и довольством, но никак не терзайся, если она не слишком высока. Нужное и существенное всякий способен знать. Особенности научные познания не для всех. На то рождаются особые люди, которым они поручаются Богом и с которых взывается их благосостояние и доброта.

в высших учебных заведениях. Священноначалие должно вести с государственной властью диалог, направленный на законодательное и практическое закрепление реализации международно признанного права верующих семей на получение детьми религиозного образования и воспитания. В этих целях Церковь также создает православные общеобразовательные учебные заведения, ожидая их поддержки со стороны государства». Социальная концепция Русской Православной Церкви. С. 169—170.

¹⁴⁶ «Школа есть посредник, который передает новым поколениям нравственные ценности, накопленные прежними веками. В этом деле школа и Церковь призваны к сотрудничеству. Образование, особенно адресованное детям и подросткам, призвано не только передавать информацию. Возгревание в юных сердцах устремленности к Истине, подлинного нравственного чувства, любви к ближним, к своему Отечеству, его истории и культуре — должно стать задачей школы не в меньшей, а может быть, и в большей мере, чем преподавание знаний. Церковь призвана и стремится содействовать школе в ее воспитательной миссии, ибо от духовного и нравственного облика человека зависит его вечное спасение, а также будущее отдельных наций и всего людского рода». Социальная концепция Русской Православной Церкви. С. 170.

Впрочем, нередко Сам Бог уступает вере и исканию любящих Его и разверзает благословением то, что закрыл в рождении.

Трудись и молись для их возвышения Отсюда — трудись, ибо и трудом возвышаются силы, а главное, ищи и молись. Кто веровал и постыдился? Но при том все же предавайся Богу, ибо Он лучше знает, что для нас спасительно.

Сокрушайся нерадению, восстанови расстроенное Если же окажется, что слабость познания и сил зависит от нас, от нашего нерадения и разврата, то надобно сокрушиться о том, а по сокрушении позаботиться всевозможно восстановить расстроенное. (15. С. 414—416)

Наука из наук — наука спасения

Кто ясно сознает главную цель земного нашего бытия, кто преклоняет главу свою перед велениями Божиими, тот старается ходить во всех заповедях и оправданиях Господних безпорочно, тот непрестанно молит: «Господи, даруй мне прочее время живота моего в мире и покаянии скончати!» Раз ясно поставлена цель, необходимо изучить и пути к ней. **Так вся жизнь наша должна быть посвящена науке из наук — науке о спасении, о путях, ведущих в Царствие Небесное, о том, как тем или другим способом достигнуть вечноблаженной радости, как применять благий закон Христов.** (27. С. 36)

Библиография

1. Собрание писем. Выпуск I. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. 1994.
2. Собрание писем. Выпуск II. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. 1994.
3. Собрание писем. Выпуск III. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. 1994.
4. Собрание писем. Выпуск IV. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. 1994.
5. Собрание писем. Выпуск V. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. 1994.
6. Собрание писем. Выпуск VI. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. 1994.
7. Собрание писем. Выпуск VII. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. 1994.
8. Собрание писем. Выпуск VIII. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. 1994.
9. Собрание писем. Из неопубликованного. М., 2001.
10. Путь ко спасению. Краткий очерк аскетике. М., 1899.
11. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. Ленинград. 1991.
12. Краткие мысли на каждый день года по церковному чтению из Слова Божия. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. 1991.
13. Начертание христианского нравоучения. Т. 1, 2. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. 1994.
14. Слова на Господские, Богородичные и торжественные дни. М., 1883.
15. Письма о христианской жизни. В 4-х частях. СПб., 1880.
16. Письма о христианской жизни // Начертание христианского нравоучения. Т. 1. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь., 1994.
17. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. М., 1995.
18. Письма о духовной жизни. М., 1996.
19. Созерцание и размышление. М., 1998.

20. О Православии с предостережениями от погрешений против него. М., 1991.
21. Небесный Покров над нами. СПб., 1996.
22. Слова к владимирской пастве. Владимир, 1869.
23. Душа и Ангел — не тело, а дух. М., 1997.
24. О самом главном. М., 1996.
25. Богоугодная жизнь вообще. М., 1893.
26. Внутренняя жизнь. М., 1994.
27. О жизни временной и вечной. М., 1996.
28. Псалом сто-осмнадцатый. М., 1993.
29. Уроки из деяний и словес Спасителя // Письма о духовной жизни. М., 1996.
30. О покаянии, причастии Святых Христовых Таин и исправлении жизни. Слова преосвященного Феофана во святую сорокатынищу и приготовительные к ней недели. М., 1991.
31. Четыре слова о молитве. М., 1911.
32. Толкования посланий апостола Павла. Послание к Римлянам. М., 1996.
33. Толкования посланий апостола Павла. Первое Послание к Коринфянам. М., 1998.
34. Толкования посланий апостола Павла. Второе Послание к Коринфянам. М., 1998.
35. Толкования посланий апостола Павла. Послание к Галатам. М., 1996.
36. Толкования посланий апостола Павла. Послание к Ефесеям. М., 1998.
37. Толкования посланий апостола Павла. Послание к Колоссаем и Филиппийцам. М., 1998.
38. Толкование посланий апостола Павла. Послания к Солунянам, к Филимону, к Евреям. М., 1998.
39. Толкование посланий апостола Павла. Пастырские послания. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. 1995.
40. Письма преосвященного Феофана Затворника (к его умирающей сестре и скорбному мужу сестры) // Душеполезное чтение. М., 1894. Август.

Именной указатель

- Августин Аврелий, блаженный, епископ Гиппонский (Ииппонийский) — 35, 220, 221, 549
- Авдеев Д.А. — 453
- Аверкий (Таушев), архиепископ Сиракузский и Троицкий РПЦЗ — 205, 206
- Автономова Н.С. — 572, 573
- Александр (Милеант), епископ — 49
- Алексий II (Ридигер), Святейший Патриарх Московский и всея Руси — 641
- Амвросиаст — 261
- Аммон, преподобный — 562
- Аммоний Александрийский — 293
- Анастасий, преподобный, игумен Синайский — 317
- Анатолий (Берестов), иеромонах — 601
- Андрей, святитель, архиепископ Критский — 499
- Андрей Юродивый, преподобный — 30
- Антоний (Блум), митрополит Сурожский — 360, 398, 605, 619
- Антоний Великий (Египетский), преподобный — 33, 221, 333, 334, 354, 435, 562
- Антоний (Храповицкий), митрополит Киевский и Галицкий, первоиерарх РПЦЗ (1921–1936) — 54, 182, 405
- Арий, пресвитер Александрийский, еретик — 243
- Аристотель — 299, 333, 408
- Афанасий I Великий, святитель, Патриарх Александрийский — 88, 317, 422
- Барроу Дж. — 130
- Бахтин М.М. — 278
- Бернал Дж. — 327
- Бокль Г. — 343
- Бом Д. — 298
- Бонавентура (Иоанн Фиданца), епископ Альбанский — 295
- Булгаков Сергей, протоиерей — 224
- Булгаков С.В. — 606
- Василий Великий, святитель, архиепископ Кесарии Каппадокийской, — 308, 405, 435, 479, 606, 648

- Вениамин (Федченков), митрополит Саратовский и Вольский — 240, 422
- Виноградова О.С. — 599
- Гайденок П.П. — 287
- Ганеман С. — 601
- Гегель Г. — 144, 168, 343
- Гедель К. — 129, 130, 299
- Гейзенберг В. — 298
- Геккель Э. — 589
- Геннадий, святитель, Патриарх Константинопольский — 91
- Генон Р. — 573, 599
- Георгий (Тертышников), архимандрит — 407
- Геринг К. — 602
- Гершензон М.О. — 75
- Гивишвили Г.В. — 328
- Гоголь Н.В. — 577
- Григорий Богослов (Назианзин), святитель, Патриарх Константинопольский — 110, 648
- Григорий, святитель, епископ Нисский — 309, 317, 442, 606
- Григорий Палама, святитель, архиепископ Солунский (Фессалонийский) — 290
- Грин Н. — 327
- Дарвин Ч. — 327, 331, 332, 334
- Декарт Р. — 333, 451
- Демокрит — 302
- Депутатов Николай, протоиерей — 76, 119, 178, 629
- Джексон Ф. — 451
- Джинс Д. — 298
- Джозефсон Б. — 298
- Диадок, блаженный, епископ Фотикийский — 182
- Димитрий, святитель, епископ Ростовский — 69, 91
- Дионисий Ареопагит — 272
- Досифей Палестинский, преподобный — 182
- Достоевский Ф.М. — 405
- Дрюк М.А. — 277
- Дэвис П. (Davies P.) — 130, 299
- Дю Прель К. — 605

- Ефрем Сирианин (Едесский), преподобный, иеродиакон — 334, 355, 402
- Зинченко В.П. — 406
- Зосима (Давыдов), епископ Якутский и Ленский — 202
- Игнатий (Брянчанинов), святитель, епископ Кавказский и Черноморский — 40, 292, 293, 295, 305, 306
- Иероним Стридонский, блаженный, пресвитер — 83
- Иларион (Алфеев), епископ Венский и Австрийский — 197
- Иларион (Троицкий), священномученик, архиепископ Верейский — 275
- Ильин И.А. — 447, 576, 577
- Иоанн Дамаскин, преподобный — 306, 317, 358
- Иоанн Златоуст, святитель, Патриарх Константинопольский — 30, 107, 236, 241, 250, 252, 272, 335, 358, 400, 442, 476, 590, 628
- Иоанн Кассиан Римлянин, преподобный, пресвитер Массилийский — 293
- Иоанн Кронштадтский, праведный, протоиерей — 601
- Иоанн Лествичник, преподобный, игумен Синайский — 421, 433
- Иоанн Мосх (Иоанн Евкрат) — 62
- Исаак Сирианин, преподобный, епископ Ниневийский — 79, 107, 155, 157, 186, 226, 237, 268, 334, 355, 470
- Исидор Пелусиот, преподобный — 405
- Кант И. — 168
- Катасонов В.Н. — 130
- Киприан (Керн), архимандрит — 290
- Клайн М. — 130
- Климент (Тит Флавий), пресвитер Александрийский — 293
- Козлов Я.Н. — 332, 335
- Копейкин Кирилл, протоиерей — 285
- Крылов К. — 598
- Крылова Н. — 408
- Крюков В.И. — 603
- Кураев Андрей, диакон — 195, 196, 199, 290, 305, 333, 335, 565, 566, 567, 624, 645
- Лебедев А.П. — 566
- Ле Дантек Ф. — 396
- Лейбниц Г.В. — 606

- Лоргус Андрей, священник — 293, 317, 349, 356, 362, 371, 452
Лоренц Х. — 285
Лосский В.Н. — 224, 295, 558
Лосский Н.О. — 240, 285, 290, 291
Лукьянов Е. — 408
Лютер М. — 188, 191
Магницкий М.Л. — 491
Макарий Великий (Египетский), пресвитер — 186, 232, 233, 351, 383, 434, 476, 556, 558
МакГинн К. — 451
Македоний, архиепископ Константинопольский, еретик — 243
Максим Исповедник, преподобный, игумен — 226, 315, 317
Максимов Ю.В. — 331
Марков А.А. — 553
Маркова Л.А. — 288
Мартенсен Г.Л. — 181
Мелехов Д.Е. — 384
Менделеев Д.И. — 327
Мень Александр, протоиерей — 331
Мечников И.И. — 401
Миллер С.Л. — 327
Нагель Т. — 451
Невярович В.К. — 453
Несторий, патриарх Константинопольский, еретик — 243
Никодим Святогорец, преподобный — 196
Новиков Д.В. — 32
Опарин А.И. — 326
Ориген — 230
Осипов А.И. — 110
Палладий, епископ Еленопольский — 62
Парфений Киевский, преподобный, иеромонах — 186
Пастер Л. — 326
Паули В. — 298
Пенроуз Р. — 299
Пестов Н.Е. — 500
Платон — 230, 408, 628
Плотин — 288

- Полкинхорн Дж. — 283
Попов И. — 405
Псевдо-Анастасий — 317
Пушкин А.С. — 75
Рафаил (Карелин), архимандрит — 197, 199
Ренан Жозеф Эрнест — 51
Рерихи (Е.И. Рерих и Н.К. Рерих) — 290
Решетов В. — 601
Рунич Д.П. — 491
Рюкер Р. — 299
Серафим (Роуз), иеромонах — 30, 35, 41, 110, 168, 198, 282, 306, 329, 335, 397, 399, 590, 637
Серафим Саровский, преподобный — 78, 186, 332, 335, 461, 558, 563
Серафим (Соболев), архиепископ Богучарский — 24, 54, 193, 348, 393
Сергий Радонежский, преподобный — 461
Сергий (Страгородский), Святейший Патриарх Московский и всея Руси († 1944) — 106, 402, 404, 405, 440, 442
Серид Палестинский, авва — 182
Серль Дж. — 451
Смирнов П.А. — 491
Соколов Николай, протоиерей — 331
Соколова Л. — 38
Соловьев В.С. — 371
Софроний, святитель, Патриарх Иерусалимский — 62
Сперанский М.М. — 266
Стаут У. — 327
Стенгерс И. — 572
Сысоев Даниил, священник — 567
Тайнов Э.А. — 235, 303, 304
Тейлор Д. — 327
Тейяр де Шарден П. — 299
Тихомиров Л.А. — 27, 159, 237, 560, 605
Тихон Задонский, святитель, епископ Воронежский — 18, 85, 91, 92, 132, 221, 474, 477, 563
Толстой Л.Н. — 343
Тютчев Ф.И. — 289

- Ухтомский А.А. — 15, 37, 38, 79, 115, 121, 122, 131, 170, 246, 277, 343, 393, 396, 401, 406, 407, 415, 424, 437, 449, 455, 461, 465, 468, 470, 483, 484, 597, 603, 623, 632, 644
- Фейерабенд П. — 644, 645
- Феллер В. — 554
- Феодор (Поздеевский), архиепископ Волоколамский — 202
- Феодор Сикеот, преподобный, епископ Анастасиупольский — 502
- Феодора, Константинопольская, преподобная — 399
- Феодорит, блаженный, епископ Кирский — 62, 106, 157, 236, 260, 262–263, 313, 358, 589, 590
- Феофилакт, блаженный, архиепископ Болгарский — 106, 358, 629
- Филофей, преподобный, игумен Синайский — 182, 464
- Фихте И. — 144
- Флоренский Павел, священник — 224
- Флоровский Георгий, протоиерей — 27, 255, 301, 609
- Фома Кемпийский (Томас Хемеркен), монах ордена каноников-августинцев — 186
- Франк Л. — 362
- Франциск Сальский, епископ Женевский — 195, 196
- Фрейд З. — 555
- Хойл Ф. — 299, 327
- Холдейн Дж. — 327
- Хомяков А.С. — 645
- Хоружий С. — 278, 555, 571, 572, 598, 599
- Чичерин Б.Н. — 408
- Шерток Л. — 572
- Шестун Евгений, священник — 529
- Шредингер Э. — 282, 298
- Штраус Давид Фридрих — 50, 51, 189
- Эддингтон А. — 298
- Эйнштейн А. — 285, 298
- Экумений (Икумений) Триккский, епископ — 155, 260, 358, 590
- Эпикур — 230
- Юлина Н.С. — 452
- Юри Г. — 327

Практический указатель

Глава первая	
ИСТИНА И СОМНЕНИЕ	13
1. Истина одна — Богооткровенная	14
<i>Вечные вопросы и их решение</i>	14
<i>Богооткровенные истины — исходное начало всякого познания</i>	15
<i>Свет истины</i>	16
<i>Сокращенное содержание Божественного Откровения</i>	18
<i>Мы обладаем истиной, человеческие учения — ищут ее</i>	18
<i>Языческий дух западной науки</i>	19
<i>Что будет, если развивать необузданную свободу мышления</i>	24
<i>Здесь — свет великий, там — тьма безотрадная</i>	25
2. Сомнения в истинах веры	26
<i>Как неверующему и сомневающемуся начать верить в Бога</i>	26
<i>Во Христа я верю, но зачем Церковь и церковные обряды</i>	27
<i>Необходим ли тесный путь</i>	29
<i>Есть ли иной мир, и какой он, духовный или материальный</i>	29
<i>Есть ли у человека будущая жизнь, если душа его подобна душе животных</i>	30
<i>Если у человека есть душа разумная и бессмертная, то где она у пьяниц, идиотов и некрещеных</i>	32
<i>Как совместить Божие предопределение и человеческую свободу</i>	33
<i>Зачем благодать, разве сами не можем делать добро</i>	35
<i>Необходима ли благодать настоящему ученому</i>	37
3. Недоумения о мытарствах, Страшном Суде и вечных муках	40
<i>Не дикая ли фантазия в откровениях о мытарствах</i>	40
<i>Как возможен Страшный Суд над всем человечеством?</i>	41
<i>Как согласовать вечные муки с милосердием Божиим</i>	42
<i>Почему нельзя простить всех грешников</i>	43
<i>Почему со временем нельзя перевести грешников из ада в рай</i>	44
<i>Почему нельзя очистить грешников на том свете</i>	44
<i>Почему такие устрашающие термины?</i>	45
<i>Пусть муки, но зачем вечные?</i>	46
<i>А если ад и муки выдумали попы и монахи?</i>	46
<i>Как совместить наслаждение праведных с их безучастием к страждущим в аду</i>	47

<i>Почему нельзя думать, что не так переведено, не так истолковано</i>	48
<i>Вообще, можно ли рассуждать о делах веры</i>	51
4. Разъяснение отдельных истин	52
<i>Что значит ходить в истине?</i>	52
<i>Что значит исповедать Господа</i>	52
<i>Что такое искупление</i>	53
<i>Что значит оправдание пред Богом</i>	54
<i>Зачем труды и подвиги телесные</i>	56
<i>Зачем благодать покаяния</i>	56
<i>Что значит: Церковь — дом спасения и просвещения</i>	58
<i>Что значит: Церковь — ходатаица, святительница и врачевательница</i>	59
<i>Почему мы поминаем усопших?</i>	61
<i>Не баснословны ли подвижники, двигающие горами и приручающие львов</i>	61
5. Как бороться с сомнениями и хульными помыслами	64
<i>Почему недопустимы непрестанные сомнения в истинах веры</i>	64
<i>Почему нельзя оставить сомнения без внимания и врачевания</i> ..	65
<i>Почему Бог попускает быть сомнениям</i>	65
<i>Приемы обращения с сомнениями</i>	66
<i>Способ, чтобы не рождались сомнения</i>	68
<i>Как относиться к хульным помыслам</i>	69
<i>Что делать против духа хулы и сомнения</i>	71
<i>Составьте молитву из догматов</i>	72
<i>Развернутое изложение истин веры православной</i>	72
Глава вторая	
ВЕРА И ЗНАНИЕ	77
1. Что есть вера истинная	78
<i>Вера — кровная, существенная нужда</i>	78
<i>Вера — верное, спасительное знание</i>	78
<i>Вера — сила на восстановление падшего</i>	78
<i>Без веры нельзя быть человеком</i>	78
<i>Вера и ведение</i>	79
<i>Вера — свет ведения, а язычество — тьма неведения</i>	80
<i>Вера должна быть истинной, отвергающей все прочее</i>	80

<i>Два пути испытания истинности веры — богословский и молитвенный</i>	82
2. Первая ступень веры — познание ее	84
<i>Не знать свою веру — это есть оскорбление веры и себя</i>	84
<i>Богооткровенные истины веры</i>	84
<i>Понять и принять истины веры — условие спасения</i>	88
<i>Познать свою веру значит смиренно принять ее истины</i>	88
<i>Все предметы веры одинаково важны: отвергни малое — сделаешь пролом в стене</i>	89
<i>Силу спасать имеет вера и неуясненная, но нерадение опасно</i>	90
<i>Разные способы познать свою веру, и особенно полезно часто прочитывать сокращенное ее изложение</i>	90
<i>Необходимо постоянное изучение Писания и Предания</i>	91
3. Вторая ступень веры — восприятие ее сердцем	92
<i>Что значит восприятие веры сердцем</i>	92
<i>Если нет веры в сердце, то нет ее совсем</i>	93
<i>Знание без любви более вредно, чем полезно</i>	94
<i>Вера в сердце, а не в голове</i>	94
<i>Истинная вера — сорастворение богопознания и сердечного чувства</i>	94
<i>Основные чувства веры: благодарное славословие, успокоение и любовь к вере</i>	96
4. Третья ступень веры — введение ее в жизнь	97
<i>Что дает введение правил веры в жизнь?</i>	97
<i>Делание — средство, цель — блаженная жизнь за гробом</i>	99
<i>Усвоение истины делом и жизнью</i>	102
<i>Как не прожить всю жизнь без пользы</i>	103
<i>Твердая вера — от богопреданности, нетвердая — от примеси самодельщины</i>	104
<i>Знание веры входит в жизнь через молитву</i>	105
<i>Неразрывная связь веры и дел</i>	105
<i>Вся возможна верующему (Мк. 9, 23)</i>	106
5. Поновление знания — слава науки, поновление в вере — нечестие	108
<i>Общность верования и самостоятельность знания</i>	108
<i>Христианство должно пребыть вечно неизменным</i>	110
<i>Как неизменны Бог и наша природа, так и Символ веры</i>	111

<i>Нового Откровения не будет до скончания века</i>	111
<i>Неизменность Божественного учения, как неизменен и вечен Сам Бог</i>	113
<i>На земле Откровение Божие уже завершено</i>	114
<i>Отменой Моисеева закона не поновлена ли вера</i>	115
<i>В делах веры и благочестия чем что старее, тем лучше</i>	116
<i>Совершенствоваться надо себя, а не христианство к себе приноравливать</i>	116
<i>Новшество в вере есть нечестие</i>	118
6. Как соотносятся вера и разум	118
<i>Разум в вере надо на привязи держать</i>	118
<i>Вера должна быть разумной и убежденной</i>	118
<i>Возможна ли разумная вера</i>	120
<i>Возможна ли вера, в которой все естественно понимается</i>	121
<i>Когда будет вера разумная, а разум верный</i>	122
<i>Разум будет очищен и усмирен в другой жизни</i>	123
<i>Простота веры сильнее умствований</i>	123
<i>Какая вера слепая, а какая видящая</i>	124
<i>Наше рассуждение должно быть без прекословия: так повелел Спаситель</i>	126
<i>Недоумения гони мечом веры</i>	127
<i>Необходимость покорной веры в непостижимое</i>	128
<i>Покорность вере, потому что так повелел Бог</i>	130
Глава третья	
НЕВЕРИЕ И ЛЖЕУЧЕНИЯ	133
1. Разум всегда ученик: либо Божий, либо сатанин	134
<i>Ум наш бывает или Михаил Архангел, или сатана-богоборец</i>	134
<i>Ум способен узнавать, но не открывать истину</i>	135
<i>Примеры сатанинства в уме</i>	136
<i>Нельзя мудрить при Откровении</i>	137
<i>Психология лжеучителей</i>	138
<i>Как противостоять лжеучителям</i>	140
<i>Не будем смущаться успехами богоборцев</i>	142
2. Классификация основных уклонений от истинной веры	143
<i>Безбожники, фаталисты, пантеисты</i>	143
<i>Индифферентисты и нечестивые правители</i>	145

<i>Неиспытывающие, нерадящие, сомневающиеся, заблуждающиеся, рационалисты</i>	147
<i>Библейские рационалисты, еретики, паписты, протестанты, отступники</i>	148
<i>Чуждающиеся деятельности в духе веры</i>	149
<i>Холодные к вере и окостенелые духом</i>	150
<i>Происхождение отступничества и лжеучений — от бесов</i>	150
<i>Где истина и где ложь</i>	152
3. Четыре степени ниспадения в неверие и идолопоклонство	153
<i>Первая степень ниспадения — богозабвение</i>	153
<i>Вторая степень ниспадения — осуечение помышлений</i>	154
<i>Третья степень ниспадения — омрачение сердца</i>	154
<i>Четвертая степень ниспадения — установление разума как единой нормы жизни</i>	155
<i>Страхи и трусость обличают буйство мудрости мира</i>	157
<i>Итог — идолопоклонство — прежде и теперь</i>	157
4. Неверие и ложная ученость	160
<i>Ум простой и ум лукавый</i>	160
<i>Ум без веры лукав</i>	161
<i>Неверующие из многоученных исказили и изуродовали себя</i>	161
<i>Прекословие — неотъемлемая часть лжеименного разума</i>	162
<i>Гордоумие громоздит здание ведения из карт</i>	163
<i>Неверие от ложной учености</i>	163
<i>Книжная ученость не принимает истин веры</i>	164
<i>Источник неверия — самообразование мира</i>	164
<i>Неверие в чудеса — пути натурализма</i>	164
<i>Рассудочное неверие низлагается словом Божиим с последствующими знаменьями</i>	165
<i>Собирающий знания без Господа — расточает</i>	165
<i>Не разум противник веры, а развратившееся сердце</i>	166
<i>Философские лжеучения о Боге и природе</i>	167
<i>Философские и богословские лжеучения о личности Иисуса Христа</i>	168
<i>У неверующего ученого любознательность и убеждения сомнительны</i>	169
<i>Неверие заразительно особенно от образованных</i>	171

<i>Безбожники, материалисты, пантеисты и деисты осуждены на вечные муки</i>	171
<i>Лучше быть невеждою, но со страхом Божиим, чем погибнуть просвещенным</i>	172
<i>Последнее завещание</i>	173
5. Нравственное состояние неверующих	173
<i>Не все веруют, потому что есть свободное произволение человека</i>	173
<i>Неверы и колеблющиеся не уясняют оснований веры</i>	175
<i>Неверующие идут против естества духа человеческого</i>	175
<i>Неверы не безответны: они всегда духа гордого</i>	175
<i>Неверие губительно</i>	176
<i>Неверующий осуждается за ненависть к свету, за тьмолюбие</i> ..	176
<i>Упорство неверов от сатаны</i>	177
<i>Как сатана ослепляет разум неверных</i>	177
<i>Неверы сами во всем виноваты</i>	178
<i>Неверы осуждены на вечную пагубу</i>	179
<i>Неверующего смерть поражает испугающим страхом</i>	179
6. Как православным относиться к другим вероисповеданиям ..	180
<i>Разность вероисповеданий от самоволия</i>	180
<i>Испытание Писаний и образование ересей</i>	182
<i>Примеры того, как еретики криво толкуют Евангелие</i>	184
<i>Основные отличия Православия от католицизма</i>	185
<i>Еретики ли католики</i>	185
<i>Душепагубность ересей</i>	186
<i>Западники сами себя хотят спасти</i>	186
<i>Католики и протестанты — отступники правой веры</i>	187
<i>Католики и протестанты помutilи апостольское Предание</i> ...	187
<i>Следует готовиться к борьбе с папистами</i>	188
<i>Широкий путь протестантизма ведет в пагубу</i>	188
<i>«Только Писание» — необузданное умничанье и своеволие протестантов</i>	188
<i>Ум православный и ум немецкий</i>	189
<i>Немцы врут, говоря, что Бог развивается</i>	190
<i>Неукротимое немецкое богословствование</i>	191
<i>Все другие религии безблагодатны</i>	192
<i>Есть ли благодать у католиков и протестантов?</i>	194

<i>Католики и протестанты повредили все Таинства</i>	198
<i>Истинная и ложная веротерпимость</i>	200
<i>Грозные предсказания</i>	202
Глава четвертая	
ХРИСТИАНСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ	207
1. Рассудок и его роль в научном познании	208
<i>Что есть собственно знание</i>	208
<i>Рассудок в естественном состоянии</i>	209
<i>Пример 1: Познание существ и человека</i>	210
<i>Пример 2: Познание явлений и происшествий</i>	211
<i>Наука — венец работы рассудка</i>	212
<i>Добродетели и пороки рассудка</i>	213
<i>Нравственное повреждение рассудка</i>	214
<i>Рассудок у людей облагодатствованных</i>	219
2. Разум и его роль в научном и духовном познании	222
<i>Восполнение рассудка разумом</i>	222
<i>Разум и знание у людей необлагодатствованных</i>	226
<i>Разум и знание у людей облагодатствованных</i>	233
3. Отличие духовного познания от рассудочного	235
<i>Умствовать только соображаясь с истинами</i>	235
<i>Благодать не новые истины открывает: те же, но в другой силе</i>	236
<i>Озарение свыше</i>	237
<i>Необычайные и обычные откровения</i>	238
<i>Совоприсничество неуместно, когда говорит Бог</i>	239
<i>Духовное знание приемлется, а не ищется</i>	239
<i>Научение — норма христианского ведения</i>	241
<i>Разум не источник истины, а ее приемник</i>	241
<i>Критерий истины не в разуме, а в общности исповедания</i>	242
<i>Непонятности благодатно разъясняются в течение всей жизни</i>	244
<i>Познание истины совершается тремя силами души</i>	244
<i>Духовное познается делом, а не из книг</i>	246
<i>Познать христианство иначе нельзя, как деятельною жизнью</i> ..	246
<i>Духовная жизнь не зависит от душевного развития</i>	247
<i>Научное многоведение заглушает ведение Божественного</i>	248
<i>Мудрец века сего сам себя прельщает</i>	249
<i>Уловление премудрых их же собственным оружием</i>	249

4. Богопознание в естественном состоянии	252
<i>Истина о Боге и где ее искать</i>	252
<i>Вседержительство Божие</i>	253
<i>Всемогущество Божие</i>	253
<i>Премудрость и благодать Божия</i>	255
<i>Присносущие Божие</i>	256
<i>Сокровенность Божия и лицезрение Бога через Иисуса Христа</i>	256
<i>Воцарение Божие над тремя силами души</i>	257
<i>Три силы души – слабое подобие Бога Троицостасного</i>	257
<i>Почему одно умовое богопознание неудовлетворительно</i>	258
<i>Жизнь по Богу вводит в боговедение</i>	258
<i>Основа боговедения – чувство Божества</i>	259
5. Богопознание в состоянии под благодатью	260
<i>Боговедению научает только Дух Святой</i>	260
<i>Тайна Домостроительства спасения</i>	260
<i>Сокровище премудрости и ведения</i>	261
<i>Как узнали, что Иисус Христос – Бог</i>	262
<i>Благодать и сердце очищенное – совместно дают боговедение</i>	263
<i>Совершенное безмыслие чуждо Православию</i>	266
<i>Богопознание более чувствуется, чем понимается</i>	267
<i>Виды откровения: внешнее явление, видение и созерцание</i>	267
<i>Что есть созерцание</i>	267
<i>Развернутое учение о созерцании</i>	268
<i>Изумление – высшее состояние богопознания</i>	271
6. Богопознание в состоянии под грехом	272
<i>В злохудожную душу не входит премудрость (Прем. 1, 4)</i>	272
<i>Богозабвение и его последствия</i>	273
<i>Премудрость Божия в отвержении ума</i>	274
<i>Я Бог ревнитель, говорит Господь</i>	274
<i>Безблагодатный сам виноват, что трудится, а толку нет</i>	276
<i>Никтоже придет ко Отцу, токмо Мною (Ин. 14, 6)</i>	277
Глава пятая	
ПРАВОСЛАВНАЯ МЕТАФИЗИКА	279
1. Что есть православная метафизика	280
<i>Что есть метафизика</i>	280
<i>Лествица невещественных сил</i>	282

<i>Всякая вещь имеет свою неведущую силу («душу»)</i>	287
<i>Почему верующие вправе «одуховлять» науку</i>	288
<i>Душа мира и воля Божия</i>	288
2. Несостоятельность ультраматериализма	291
<i>Почему материализм отрицает душу?</i>	291
<i>Ультраматериализм: душа — эфирное тело</i>	292
<i>Церковное учение о естестве души и Ангелов</i>	293
<i>Химическая теория соединения души и тела</i>	295
<i>Несостоятельность химической теории</i>	296
<i>Химия и математика обходятся без Бога</i>	298
<i>Ультраматериализм самопротиворечив: эфирное тело несовместимо с разнообразием частей тела</i>	299
<i>Ультраматериализм несовместим с организацией частей тела</i>	301
<i>Ультраматериализм несостоятелен: вещество не способно мыслить</i>	302
<i>Заключительный аргумент против ультраматериализма</i>	304
3. Проблема соединения души и тела	306
<i>Подлинный духовный мир представить нам невозможно</i>	306
<i>Дух — субстанция души, а тело — ее придаток, орган, жилище</i>	307
<i>Проблема соединения души и тела</i>	307
<i>Гипотеза динамического соединения души и тела</i>	308
<i>Основная аналогия динамического соединения души и тела</i>	309
<i>Как люди видят Ангелов</i>	310
<i>Душе по разлучении с телом свойственно являться людям естественно</i>	312
<i>Духовное единение в едином теле</i>	312
4. Проблема формы души и Ангелов	313
<i>Видения даются, чтобы вкусить сладость оного века</i>	313
<i>Видения даются, чтобы сердце оторвать от земли</i>	314
<i>Мы не можем мыслить без значка-формы</i>	314
<i>Признание материальной оболочки души — разумный компромисс</i>	314
<i>Допущение тонкой оболочки души дает пространственную форму и движение</i>	315
<i>Естество души — духовно, но ее образ-оболочка может быть телесной</i>	315

<i>Форма человека — лучшая форма для Ангелов</i>	316
<i>Но лучше оставить вопрос о форме души и Ангелов</i>	317
<i>Лучше заботиться о подражании Ангелам, чем рассуждать об их естестве</i>	318
5. Три характеристические черты духовного света	318
<i>Первая черта — просвещение всех</i>	318
<i>Вторая черта — прикровенность</i>	319
<i>Третья черта — новое творение</i>	320
6. Проблема развития мира	321
<i>Цель развития вещественного и духовного мира — богообщение</i>	321
<i>Различие законов вещественного и разумно-свободного мира</i>	322
<i>Воздействия Божии и свобода человека</i>	323
<i>Все земное развивается</i>	324
<i>Ключ к разъяснению перемен в мире — в мановениях Божиих</i>	324
<i>Совершенство тварей достигается борьбой с испытаниями</i>	324
<i>Молчаливая теория саморазвития мира — незаконна</i>	325
<i>Самообразование мира, как мильный пузырь</i>	326
<i>Самообразование мира и дарвинизм — сонное мечтание</i>	327
<i>Различие души и духа — самое сильное противоядие Дарвину</i>	331
<i>Происхождение души человека</i>	332
<i>Прогресс по духу мира искоренится</i>	335
<i>Когда будет кончина мира?</i>	336
<i>Что будет по кончине мира?</i>	336
<i>Тайна обновления, сокрытая от премудрых и разумных</i>	337
7. Тайна творения и промышленности	338
<i>Тайна Пресвятой Троицы запечатлена в творении</i>	338
<i>Творение по свободному произволению Божию</i>	338
<i>Цель творения и промышленности — облаженствование тварей — темна для ума</i>	339
<i>Творение и промышленение шло по тайному предназначению, недоступному уму</i>	339
<i>Законы промышленности Божия непостижимы для нас</i>	340
<i>Продолжение бытия тварей есть непрерывное их творение</i>	340
<i>Мир — не часовой механизм, он нуждается в попечении</i>	342
<i>Божественная логика событий</i>	343

Глава шестая	
ХРИСТИАНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ	345
1. Творение, грехопадение и восстановление человека	346
<i>Творение человека и его состояние до грехопадения</i>	346
<i>Грехопадение человека</i>	346
<i>Состояние человека по грехопадении</i>	348
<i>Чрез падение ветхий человек заглушил первозданного</i>	351
<i>Чтобы возстать, надо умертвить ветхого человека</i>	351
<i>Возстание силою Духа Божия</i>	353
2. Состав естества человеческого: тело, душа и дух	354
<i>Естество человека — двухсоставно или трехсоставно?</i>	354
<i>Трехсоставность подтверждается святыми отцами</i>	356
<i>Жизнь телесная</i>	359
<i>Жизнь душевная</i>	362
<i>Жизнь духовная</i>	371
3. Господство духовности — норма	374
<i>Три рода потребностей: телесные, душевные и духовные</i>	374
<i>Воздействие духа на душу</i>	378
<i>Пять ярусов жизни и переходы между ними</i>	381
<i>Господство душевности и телесности — греховно</i>	384
<i>Господство духовности — норма</i>	385
4. Образ и подобие Божие	387
<i>Образ Божий в духовности души человека</i>	387
<i>В чем конкретно состоит образ Божий, а в чем богоподобие?</i>	387
<i>Кто пребывает в богоподобии</i>	390
5. «Поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши»	391
<i>Будет Страшный Суд</i>	391
<i>Что делать, чтобы получить оправдание на Страшном Суде?</i>	392
<i>Оправдать, а не осудить будет изыскивать Господь</i>	393
<i>На Страшном Суде осуждаются только нераскаянные</i>	393
<i>Как быть, если не желаем оставить грех</i>	394
<i>Почему есть ад и вечные муки?</i>	394
<i>Господственное расположение перед смертью</i>	395
<i>Жить или умереть — да будет воля Божия</i>	395
<i>Забвение о смерти — проблема для психологов</i>	396
<i>Видения перед смертью</i>	396
<i>Разлучение души с телом есть наказание</i>	397

<i>Общение с умершими</i>	398
<i>Тело по воскресении будет духовно</i>	400
<i>Не гадать о времени Второго Пришествия</i>	400
<i>Преддверие рая</i>	400
Глава седьмая	
ХРИСТИАНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	403
1. Христианская психология возможна	404
2. Общий обзор частей и сил человеческого существа	408
<i>Дух, душа и тело Что они есть?</i>	408
<i>Девятая иерархия сил</i>	411
<i>Состояние познавательных способностей</i>	411
<i>Состояние деятельных сил</i>	413
<i>Состояние чувствующих сил, или сердца</i>	414
3. Состояние низших познавательных способностей	415
<i>Состояние внешнего наблюдения</i>	415
<i>Состояние внутреннего наблюдения</i>	416
<i>Состояние памяти и воображения</i>	418
<i>Состояние воспоминания</i>	418
<i>Состояние фантазии</i>	419
<i>Состояние сна</i>	419
4. Состояние деятельных сил	424
<i>Состояние совести</i>	424
<i>Состояние воли</i>	427
<i>Состояние низших пожеланий</i>	430
<i>Когда и кому Бог дает силы</i>	432
5. Состояние сил чувствующих, или сердца	432
<i>Сердце как точка соприкосновения (сочувствия)</i>	432
<i>Сердце как центр сил (чувств)</i>	436
6. Изменение сил человеческих по слову Божию	439
<i>Ум, сердце и воля в нормальном состоянии</i>	439
<i>Ум, сердце и воля в состоянии под грехом</i>	443
<i>Ум, сердце и воля в состоянии под благодатью</i>	444
7. Учение о лице человека по естеству и по слову Божию	448
<i>Что есть лицо человеческое</i>	448
<i>Составные части и свойства лица грешника</i>	452
<i>Составные части и свойства лица истинного христианина</i>	460

<i>Два лица в одном сознании</i>	467
<i>Как пресечь раздвоение внутреннее</i>	469
<i>Условия нравственных деяний лица</i>	470
<i>Граница между христианской и общенравственной психологией</i>	473
<i>Личная свобода в том, чтобы свободно подчинить себя воле Божией</i>	475
<i>Осознание необходимости добровольно покориться воле Божией</i>	477
<i>Свободная жертва Богу ума, воли и сердца ради вечного блаженства</i>	480
<i>Что такое я, и как с ним быть</i>	483
<i>Стесним три силы души для Царства Небесного</i>	483
Глава восьмая	
ХРИСТИАНСКАЯ ПЕДАГОГИКА	485
1. Цель и программа христианского воспитания	486
<i>Исходные положения христианского воспитания</i>	486
<i>Что значит просветить ум и образовать сердце?</i>	486
<i>В чем вся трудность светского воспитания и образования?</i>	487
<i>Программа христианского воспитания</i>	489
<i>Зараза от увлечения духом мира</i>	490
<i>Что такое европейское образование?</i>	492
<i>Условие целительного просвещения</i>	493
2. Младенчество	494
<i>Обязанности родителей по рождению ребенка</i>	494
<i>Крещение младенцев — начало христианской жизни</i>	495
<i>Развитие семени благодатной жизни по Крещению</i>	497
<i>Как воспитывать по-христиански?</i>	498
<i>Почему необходимо искреннее благочестие родителей</i>	500
3. Детство	502
<i>Главное начало воспитания в детстве</i>	502
<i>Как надо питать дитя?</i>	503
<i>Ограничения на развитие движения</i>	506
<i>Педагогическое обращение с телом</i>	507
<i>Правильное развитие чувств</i>	509
<i>Ограничение развития воображения</i>	510
<i>Предостережения о пытливости</i>	510

<i>Противодействие страстям</i>	511
<i>Созидание сил души воздействием на ум</i>	513
<i>Созидание сил души воздействием на волю</i>	514
<i>Созидание сил души воздействием на сердце</i>	516
<i>Как способствовать развитию духа</i>	516
4. Отрочество	518
<i>Хранить прежний порядок воспитания в период отрочества</i> ...	518
<i>Правильный порядок обучения наукам</i>	521
<i>Какая должна быть любовь у родителей и воспитателей</i>	523
<i>Главные уклонения от правил воспитания и как их исправить</i> ...	526
5. Юношество	528
<i>Главная цель христианского воспитания</i>	528
<i>Великие опасности юношества</i>	531
<i>Последствия по выходе из юношеских лет</i>	534
<i>Жажда впечатлений как опасное влечение</i>	535
<i>Склонность к общению как особо опасное влечение</i>	537
<i>Как избежать этих опасностей</i>	539
<i>Еще две опасности для юношества</i>	541
6. Плоды воспитания	542
<i>Главные причины потери благодати Крещения</i>	542
<i>Почему нужно иметь любовь к родителям с почитанием и покорностью</i>	544
<i>Плоды доброго воспитания и сохранения чистоты</i>	547
<i>Особые плоды у посвятивших себя с детства Богу</i>	548

Глава девятая

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ АНАЛОГИИ

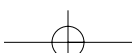
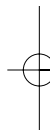
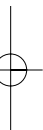
ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

1. Физико-математические аналогии	552
<i>Модель случайного блуждания в духовном пространстве</i>	552
<i>Слово благовестия находит своих, как магнит — железные частицы</i>	554
<i>Благодатное возбуждение ставит грешника в состояние неустойчивого равновесия</i>	556
<i>Действие благодати очевиднее всякой математической истины</i>	556
<i>Состояние космической невесомости как аналог духовного совершенства</i>	558

<i>Эфирная аналогия духовного зрения</i>	559
<i>Лучезарность святых во время молитвы</i>	562
2. Физико-химические аналогии	563
<i>Духовные уроки... от воды</i>	563
<i>Духовная жизнь, как пламень огня</i>	566
<i>Благодать — искра, церковностью и молитвою раздуваемая в пламень</i>	567
<i>Молиться и поблажать страсти — поджигать дрова и потом заливать их водою</i>	568
<i>Молитва с помыслами, как свеча на ветру — не будет гореть</i> ...	569
<i>Действие благодати в нас подобно благородному металлу в медном сплаве</i>	569
<i>Покаяние души подобно отжигу металла</i>	570
<i>Сердце без глубокого покаяния остается нечистым, как непереплавленная руда</i>	571
<i>Таинства необходимы раскаявшемуся, как закалка размягченному металлу</i>	571
<i>Наказания Божии и скорби подобны закалке металла</i>	572
3. Гидродинамические аналогии	573
<i>Молиться урывочками — все равно что запружать реку отдельными комьями земли</i>	573
<i>Своя молитва с чувством изливается из сердца, как вода из переполненного сосуда</i>	574
<i>Молитва, утесненная страхом, как фонтан устремляется горе'</i>	574
<i>Насильная радость, как палка, вертикально погружаемая в воду, выталкивается из сердца</i>	574
4. Оптические аналогии	574
<i>Внимание и молитва, как фокусирование лучей света</i>	574
<i>Действие благодати, как фокусирование лучей духа</i>	576
<i>Переливы цветов радуги, как обязательность для нас всех добродетелей</i>	577
5. Электрические аналогии	579
<i>Молитва доходит к святым, как действие электрического телеграфа</i>	579
<i>Благодать сходит на смиренных, как электричество с облаков на высокие предметы</i>	580
<i>Благоговейный страх подобен молнии, очищающей воздух</i>	582

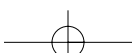
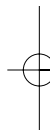
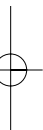
6. Биологические аналогии	583
<i>Жизнь растений — подобие духовной жизни</i>	583
<i>Как прививают деревья, так прививают сердце к Богу</i>	585
<i>Молитва так же неотлучна от добродетелей, как благоуханный цвет от листьев, ствола и корней</i>	586
<i>Раскаяние без Таинства Исповеди бесплодно, как пустоцвет</i>	587
<i>Функция кровообращения как аналог духовного питания</i>	587
<i>Целительность церковная сходна с лекарственной</i>	588
<i>Церковь — тело Христа, Он Сам — глава и нервы ее</i>	588
<i>Духовная жизнь развивается ступенчато, как развитие зародыша</i>	589
<i>Нынешнее состояние человечества, как период чревоношения</i>	590
7. Психологические аналогии	593
<i>Царствие Божие и молитва с психической точки зрения</i>	593
<i>Воцарение Бога в нас возможно только после очищения сердца от идолов</i>	593
<i>Как дети увиваются около родителей, так держите себя пред Богом</i>	595
<i>Блуждающий помыслами на молитве похож на коня без хозяина</i>	595
<i>Тайна непрестанной молитвы аналогична той, как невеста любит жениха</i>	595
<i>Господь любит до ревности</i>	596
8. Сумрак пограничной области	598
<i>Всегда ли грех не лечит болезнь?</i>	598
<i>Лечение гомеопатией</i>	599
<i>Лекарство от блуда</i>	602
<i>Есть ли нечистая сила в гомеопатии, магнетизме и спиритизме</i>	604
<i>Опасность спиритизма</i>	606
<i>В чем источник ясновидения?</i>	608
<i>Если есть разумные твари на других планетах, то каков образ их спасения?</i>	610
Глава десятая	
ПРАВОСЛАВНОЕ ОТНОШЕНИЕ К НАУКЕ	617
1. Наука и вера совместимы	618
<i>Можно учиться и вести духовную жизнь</i>	618

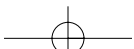
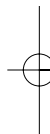
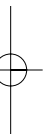
<i>Духовное помогает занятиям наукой</i>	618
<i>Наука не препятствует богоугождению</i>	618
<i>Научное занятие не противно духовной жизни</i>	619
<i>Семья, наука, монастырь</i>	620
<i>Наука и духовная жизнь совместимы</i>	620
<i>Против охлаждения иметь мысль прославить премудрость Творца</i>	622
<i>Как молиться против охлаждения от научных занятий</i>	622
2. Отношение Православия к мирской мудрости	623
<i>Как православному читать светские книги</i>	623
<i>Как при чтении отличить пытливость ума от истины</i>	625
<i>Мудрость человеческая и Евангелие — две противоположности</i>	627
<i>Не желай знать других евангелий</i>	628
<i>Суетность мудрецов века сего</i>	630
<i>Путь спасения несовместим с человеческою мудростью</i>	630
<i>Отличие мудрования плотского от мудрования духовного</i>	630
<i>Горняя мудрствуй, а не земная</i>	632
3. Кто наш и кто не наш	634
<i>Не слушай и не читай бредней заблуждающихся ученых</i>	634
<i>Лукавых естественников не слушай</i>	634
<i>Богооткровенные истины — исходные начала науки</i>	634
<i>Кто наш и кто не наш</i>	635
4. Делай веру господственной, а науку подчиненной	636
<i>Когда можно жить по науке</i>	636
<i>Без Православия — познания ни во что</i>	637
<i>Не считай успешными науки, охлаждающие веру</i>	638
<i>Не думай высоко о мире и его законах</i>	639
<i>Отревай все несогласное с духом веры</i>	640
<i>Считай духовные предметы выше и ценнее научных</i>	642
<i>Вводи свободно религиозный элемент в свою науку</i>	644
<i>Главное — богоугождение, научность — придаточна</i>	647
<i>Живи по Божиему велению, а не по науке</i>	647
<i>Православное отношение к научному образованию</i>	647
<i>Наука из наук — наука спасения</i>	650

Для заметок

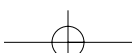
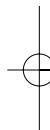
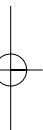
677

Для заметок

679

**Издание Данилова монастыря
г. Москвы**

Святитель Феофан Затворник

ПРАВОСЛАВИЕ И НАУКА

Составитель игумен Феофан (Крюков)

Цензор *архимандрит Лука (Пинаев)*

Главный редактор Издательства— *В.Ю. Малягин*

Редактор — *Н.С. Шапошникова*

Корректоры — *А.В. Ключикова, Л.Н. Иконникова*

Подготовка оригинал-макета — *В.В. Ольховой*

Верстка — *А.Н. Щербакова*

Художник — *А.Е. Григорьев*

Компьютерный дизайн — *Д.И. Клыгин*

Лицензия ЛР № 030571 от 20 октября 1998 г.

Подписано к печати 22.08.2005

Формат 60x90/16. Печ. л. 42,5. Тираж 3000 экз.

Заказ №

Издательство «Даниловский благовестник»

115191, Москва, Даниловский вал, 20

E-mail: blagovestnik@msdm.ru

Отпечатано в ГМП «Первая образцовая типография»

115054, Москва, Валовая, 28.